НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 3

ДЕКАБРЬ

1895.

Пров. 50

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Старые подписчики „Нов. Слово“, не продолжившіе подписку до 1 октября 1896 г., получатъ окончаніе романа „СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА“ отдѣльными оттисками.

1895 г.—Декабрь № 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ВОЛЧЬЯ СЫТЬ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Главы I—VI). **В. Немировича-Данченко.** . . . . . 1— 41
2. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ. Экономическій матерьялизмъ на русской почвѣ (**Н. Бельтовъ.** Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію). *(Окончаніе).* **В. В.** . . . . . 42— 77
3. ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ. (Главы X — XV). *(Окончаніе).* Повѣсть **П. Засодимскаго** . . . . . 78—134
4. БЕССИ КОСТРЕЛЬ. *(Окончаніе).* Повѣсть мистрисъ **Гумфри Уордъ.** Пер. съ англійскаго . . . . . 135—155
5. ПОДЪ ПРАЗДНИКЪ. **А. Серафимовича.** . . . . . 156—168
6. СЕРДЦЕ ЗАГОВОРИЛО. Новелла **Л. Весткирха.** Переводъ съ нѣмецкаго **О. Н. П.** . . . . . 169—180
7. МОЯ РОДНАЯ ТЕТУШКА САРА. (Разсказъ изъ еврейскаго быта). **Н. Пружанскаго** . . . . . 181—206
8. ПАДЕНІЕ БИРОНА. (По новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ). **А. Брикнера** . . . . . 207—226

9. ПО ПОВОДУ ОТЧЕТОВЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ЗЕМЕЛЬНАГО КРЕДИТА ЗА 1894 ГОДЪ. **Ив—ича.** 1— 16
10. БУКОВСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ПОСЕЛОКЪ. (Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). **Н. Энгельгардта** . . . . 17— 35
11. ГЕРГАРДЪ ГАУПТМАННЪ. **Е. Дегена** . . . . . 36— 56

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

МОРСКІЕ СИЛУЭТЫ.

К. М. Станюковича.

Цѣна **1** рубль, съ пересылкой **1** руб. **15** коп.

Содержаніе: Нянька.—Матроска.—Генералъ-арестантъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ДВУХЪ КОРАВЛЕЙ
ИЛИ
РАЗСКАЗЪ О ЦАРСТВѢ ВѢЧНАГО ХОЛОДА.

Составилъ Н. А. Рубакинъ.

Цѣна **20** копѣекъ, съ пересылкой **25** коп.

(съ 34 рисунками въ текстѣ).

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Н. В. Шелгунова.

Цѣна **2** рубля, съ пересылкой **2** руб. **50** коп.

Содержаніе: I. Крестьяне и землевладѣльцы Смоленской губ.—II. Деревня и подать.—III. Провинція и провинціальная печать.—IV. Нравы провинціи.—V. Земство.—VI. VII. Провинціальные города.—VIII. Деревенскіе пожары.—IX. Мѣры противъ пожаровъ.—X. Очерки современной Сибири.—XI. Колонизація Кавказа.—XII. Наша косность и газетный консерватизмъ и либерализмъ.—XIII. По поводу земской школы.—XIV. Кое-какіе итоги (земскіе выборы.)—XV. Что намъ далъ 1886 годъ.—XVI. Денежное мышленіе и 29 января (смерть Пушкина).—XVII. По поводу статьи Деревенскаго Жителя «Къ чему способна наша интеллигенція». —XVIII. Рѣшаются-ли историческіе вопросы усовершенствованіемъ личности.—XIX. О налогахъ.—XX. Просторъ Самарской земли.—XXI. Въ чемъ мы можемъ сомнѣваться.—XXII. Наше «я» и нѣмецкое «я».—XXIII. Параллели и картинки.—XXIV. Безсознательный піонеръ прогресса.—XXV. Наша наука и консервативная печать.—XXVI. Что такое «русское» и «международное». Почему такъ развилось у насъ «я».—XXVII. Моралистическая и общественная точка зрѣнія.—XXVIII. Движеніе русской мысли и литературы за 40 лѣтъ.—XXIX. Петербургъ и его новые люди.—XXX. Что нужно для личнаго счастья и для заполненія промежутка между интеллигенціей и народомъ.—XXXI. Можемъ-ли мы коллективно мыслить.—XXXII. По поводу теоріи «свѣтлыхъ явленій» и «бодрящихъ впечатлѣній».—XXXIII. Борьба поколѣній.—XXXIV. Дѣйствительно-ли тенденціозныя причины руководятъ самоубійцами изъ-за общественныхъ мотивовъ.—XXXV. «Свой хлѣбъ».—XXXVI. Какой моментъ жизни мы теперь переживаемъ.—XXXVII. Свѣтлыя и темныя явленія.—XXXVIII. Общественная совѣсть.—XXXIX. Вліяніе времени.—XL. Колонизаціонное движеніе и новые центры.—XLI. Собирательная посредственность.—XLII. Право на существованіе.—XLIII. Еще о свѣтлыхъ и темныхъ явленіяхъ.—XLIV. По поводу «Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ» С. А. Венгерова.—XLV. Газетный оппортюнизмъ и идейность.—XLVI. Недавнее прошлое и общественные барометры.—XLVII. Зачатки общественной доброжелательности.—XLVIII. «Средній человѣкъ» и «двоящаяся накипь».—XLIX. По поводу письма одного толстовца.—L. Кавказскія минеральныя воды.—LI. «Что читать народу»—изданіе харьковскихъ учительницъ.—LII. Что читать и какъ читать. — LIII. Далеко-ли ушла наша общественная мысль.—LIV. Отрадное явленіе.

Минье, Исторія французской революціи, Спб. 96. Спб. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Понасъ-Ли. Ніобея. Романъ. Цѣна 60 к., съ перес. 75.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово, Спб. Спасская ул., д. № 15, за пересылку не платятъ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

РЕКЛЮ, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія, подъ редакціею и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Спб. 1895 г. Ц. 6 р. 70 к., съ перес. 7 р. 60 коп.

Вып. I. Земля какъ планета.—Горы и равнины. Цѣна 90 к., съ перес. 1 р. 10 к.—Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.—Вып. III. Подземныя силы. (Вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почвы). Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. IV. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. V. Атмосфера. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.—Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к. Каждый выпускъ снабженъ многочисленными рисунками и географическими картами.

МИХАЙЛОВСКІЙ, Н. К. Критическіе опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Складъ въ конторѣ журнала «Русск. Богатство» (Бассейная, 10).

КАРѢЕВЪ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г., 300 стр. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КАРѢЕВЪ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Грецiя и Римъ). Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

КРИВЕНКО, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 45 к.

РУБАКИНЪ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

СТАНЮКОВИЧЪ, К. Морскіе силуэты. Спб. 96 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

СТАНЮКОВИЧЪ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ЛЕББОКЪ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Спб. 95 г. 80 к., съ перес. 1 р.

ШЕЛГУНОВЪ, Н. В. Собраніе сочиненій, 2 т. Второе допол. изд. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 70 к.

ГИББИНСЪ, Г. Промышленная исторія Англіи Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

КОРЕЛИНЪ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895 г. Ц. 75 к. съ перес. 1 р.

ВИКТОРЪ ОСТРОГОРСКІЙ. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 95 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

ЛЕТУРНО, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 96 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

ДИТЯТИНЪ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 96 г. Цѣна 2 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 80 коп.

ШЕЛГУНОВЪ, Н. В. Очерки русской жизни. Спб. 1896 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РУБАКИНЪ, Н. А. Приключенія двухъ кораблей или разсказы о царствѣ вѣчнаго холода. (Изданіе для народа). Съ 34 рис. Спб. 1896 г. Ц. 20 к., съ пер. 25 к.

МИНЬЕ. Исторія французской революціи. Пер. подъ ред. К. К. Арсеньева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р., съ пер 1 р. 25 к. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го русскаго изданія.

ДАРВИНЪ, Ч. Сочиненія, въ переводѣ К. Тимирязева. А. Бекетова, И. Сѣченова, А. Ковалевскаго. Подписная цѣна за 2 тома 3 рубля.

Складъ изд. въ книж. маг. Н. П. Карбасникова Спб., Москва, Варшава.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово», Спб. Спасская ул. д. 15, за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ДЮРИНГЪ, Е. Великіе люди въ литературѣ.
БЕРТРАНЪ. Кооперація въ Бельгіи.
ЛЕТУРНО, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II.
МАРМЕРИ, Д. В. Прогрессъ науки.
ЖЮССЕРАНЪ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ
ГАРДИНЕРЪ. Исторія пуританскихъ войнъ.
БУАССЬЕ, Ѳ. Римское общество временъ цезарей.
РАМБО. Исторія современной цивилизаціи во Франціи.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Вышла 1-я часть 1-го тома Ч. Дарвина, содержащая автобіографію Ч. Дарвина, пер. проф. Тимирязева.—Путешествіе на кораблѣ «Бигль», пер. Е. Бекетовой.

2-я часть 1-го тома выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА.

Въ двухъ томахъ, съ портретомъ Ч. Дарвина.

Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ.

ТОМЪ I. Вступительная статья проф. **К. Тимирязева.**—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. **К. Тимирязева.**—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ „Бигль". Пер. **Е. Бекетовой**, подъ ред. проф. **А. Бекетова.**—Происхожденіе видовъ. Новый переводъ проф. **К. Тимирязева.**

ТОМЪ II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. **И. Сѣченова.**—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ

ТРИ РУБЛЯ.

Допускается слѣдующая РАЗСРОЧКА: при подпискѣ вносится 1 руб., при полученіи I и II тома по рублю.

ПО ВЫХОДѢ ВЪ СВѢТЪ ВТОРОГО ТОМА ЦѢНА БУДЕТЪ ПОВЫШЕНА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, библіотека Черкесова), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (уголъ Б. Садовой и Б. Подъяческой, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул., № 15. Въ Москвѣ: въ книж. маг. «Трудъ» (Петровская библіотека), въ книж маг. журнала «Русская Мысль» и въ книж. маг. Конусова, у Страстного монастыря, Муринова, Трехпрудный пер., и у М. Клюкина, Моховая, противъ университета.

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Въ четырехъ томахъ съ біографіей и съ портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и библіографическимъ указателемъ.

Томъ I. Біографія Н. А. Добролюбова, со включеніемъ писемъ—**А. М. Скабичевскаго**.—Статьи Екатерининскаго времени и статьи педагогическія.—Критическія статьи 1857—1858 гг.

ТОМЪ II. Критическія статьи 1858—1859 гг.

ТОМЪ III. Критическія статьи 1859—1861 гг.

ТОМЪ IV. По поводу одной обыкновенной исторіи **Роберта Оуэнъ**.—Народное дѣло. **О. Гавацци**,—Кавуръ и др.—Свистокъ.—Стихотворенія.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Допускается слѣдующая РАЗСРОЧКА: при подпискѣ вносится два рубля, по выходѣ II и III тома по два рубля.

ПО ВЫХОДѢ ВЪ СВѢТЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА ЦѢНА БУДЕТЪ ПОВЫШЕНА.

Томъ I выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, библіотека Черкесова), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (уголъ Б. Садовой и Б. Подъяческой, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул., № 15. Въ Москвѣ: въ книж. маг. „Трудъ“ (Петровская библіотека), въ книж. маг. журнала „Русская Мысль“, въ книж. маг. Конусова, у Страстного монастыря, Муринова, Трехпрудный пер., и у М. Клюкина, Моховая, противъ университета,

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 3

ДЕКАБРЬ

1895.

3110

Пров. 50

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія П. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Старые подписчики „Нов. Слово“, не продолжившіе подписку до 1 октября 1896 г., получатъ окончаніе романа „СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА“ отдѣльными оттисками.

1895 г.—Декабрь № 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. ВОЛЧЬЯ СЫТЬ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Главы I—VI). **В. Немировича-Данченко**. . . . . 1— 41
2. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ. Экономическій матерьялизмъ на русской почвѣ (**Н. Бельтовъ**. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію). *(Окончаніе)*. **В. В.** . . . . . 42— 77
3. ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ. (Главы X — XV). *(Окончаніе)*. Повѣсть **П. Засодимскаго** . . . . . 78—134
4. БЕССИ КОСТРЕЛЬ. *(Окончаніе)*. Повѣсть мистрисъ **Гумфри Уордъ**. Пер. съ англійскаго . . . . . 135—155
5. ПОДЪ ПРАЗДНИКЪ. **А. Серафимовича**. . . . . 156—168
6. СЕРДЦЕ ЗАГОВОРИЛО. Новелла **Л. Весткирха**. Переводъ съ нѣмецкаго **О. Н. П.** . . . . . 169—180
7. МОЯ РОДНАЯ ТЕТУШКА САРА. (Разсказъ изъ еврейскаго быта). **Н. Пружанскаго** . . . . . 181—206
8. ПАДЕНІЕ БИРОНА. (По новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ). **А. Брикнера** . . . . . 207—226

9. ПО ПОВОДУ ОТЧЕТОВЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ЗЕМЕЛЬНАГО КРЕДИТА ЗА 1894 ГОДЪ. **Ив—ича.** 1— 16
10. БУКОВСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ПОСЕЛОКЪ. (Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). **Н. Энгельгардта** . . . . 17— 35
11. ГЕРГАРДЪ ГАУПТМАННЪ. **Е. Дегена** . . . . . 36— 56

12. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Агрономія. Источники азота.—Основной и оборотный капиталъ почвы.—Превращеніе азота въ почвахъ.—Усвоеніе бобовыми атмосфернаго азота. Процессы аммонизаціи и питрификаціи.—Почвенныя бактеріи и питромонады. — Процентное содержаніе азота въ перегноѣ и кислотность почвъ.—Раціональное пользованіе питрификаціей.—Значеніе обработки почвы.—Прививки азото-усвояющихъ бактерій почвѣ. Н. Э. . . . . 57— 71

13. НОВЫЯ КНИГИ: О. Петерсонъ. Семейство Бронте.—Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Перев. подъ редакціей П. И. Вейнберга. Вып. 1—3.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга девятая. Спб. 1895. — Гусли звончаты. Пѣсни, были и разныя стихотворенія Н. А. Панова. Спб. 1896 г.—В. К. Агафоновъ. Настоящее и прошлое земли. Спб. 1895 г.—Шевченко-Красногорскій. По Волгѣ и Каспію.—Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна за 1880—1893 г. Составилъ Ст. Гулишамбаровъ. Спб. 1895 г.—Д. П. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1895 г.—Русская школа. Училищевѣдѣніе. Педагогика. Методика. Составилъ директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи М. Т. Яблочковъ. Тула. 1895 г. . . . . 72— 90

14. ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ. Л. О. . . . . 91—111

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. Интересы дня. Поселяне-художники: скульпторъ Шапю и живописецъ Бретонъ. — Смерть Александра Дюма. — Независимая рабочая партія въ Англіи.—Христіанскіе соціалисты, соціалъ-демократы и фабіанцы.— Богатства Сѣв.-Американскихъ Штатовъ и свадьба герцога Мальборо. 112—123
123 –139

II. Между журналами и газетами. 140

16. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ . . . . . 141—150

Земство и города. Я. Абрамова . . . . . 150—162

Школьный вопросъ на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ Нижегородской губерніи. А. Штевенъ. . . . . 162—178

Изъ юридической области. Казуистика крестьянскаго земельнаго права.—Давность и ея значеніе.—Примѣняется-ли давность къ крестьянской надѣльной землѣ?—Давность въ сферѣ: 1) мірского владѣнія и 2) подворнаго владѣнія.—Помѣщичій сервитутъ въ предѣлахъ крестьянской усадебной осѣдлости. — Уничтоженіе послѣдняго остатка временно-обязанныхъ отношеній. Д. Л. . . . . 170—210

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ. Н. Х.—Письмо изъ Кіева.—Изъ Тамбова. В. Чернова.—Изъ Саратова. Я. Бур—ка.—Выборгъ. Вл. Беренштама.—По поводу внутреннихъ вопросовъ. С. К. . . . . 217—228

ОБО ВСЕМЪ. Баранчука . . . . . .

17. ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ Комиссіи Спб. Комитета грамотности.

18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За редактора А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

ВОЛЧЬЯ СЫТЬ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Третій день въ вагонѣ.

Грохотъ, тряска, удушливый дымъ, озабоченные кондуктора, скучные спутники и сосѣдка, отъ которой пахло оподельдокомъ, надоѣли до смерти. Я не безъ удовольствія думалъ, что вечеромъ уже буду въ невѣдомомъ мнѣ городѣ, гдѣ навѣрное найдется чистая комната съ постелью. Въ окна смотрѣть не стоило—одна и та же степь тянулась во всѣ стороны, выжженная солнцемъ, безлюдная. Оттуда, когда поѣздъ останавливался у станціи, доносился сухой трескъ безчисленныхъ кузнечиковъ. На телеграфныхъ проволокахъ сидѣли черныя птицы. На небѣ ни облачка; сухой жаръ стоялъ неподвижно. Жизнь попряталась въ глубокія балки, къ водѣ; вѣрно тамъ и сады были, но мы ихъ не видѣли отсюда. Двинется поѣздъ, только-что опустишь окно, какъ сосѣдка съ оподельдокомъ уже стонетъ: „Ахъ... пожалуйста, поднимите... я не могу—у меня зубы!“—Да провались ты съ своими зубами! читалъ я на всѣхъ лицахъ... Вы бы, сударыня, въ дамское отдѣленіе перешли. Оно почти пусто... Одна только и ѣдетъ тамъ.—„Вотъ еще! Хамка какая-то, сяду я съ нею!“..—Мы выходили на платформу, но и тамъ было не лучше. Передніе вагоны подымали тучи пыли. Раскашляешься и опять назадъ... Мука-мученская! Вода на остановкахъ попадалась теплая, съ противнымъ запахомъ. Въ головѣ звонъ, въ вискахъ стучитъ, воздуха мало, такъ

что когда красный, зловѣщій шаръ солнца зашелъ за степью и небеса побѣднѣли передъ тихо подступавшею ночью, а вдали намѣтились четыре колокольни изъ за тополей—у меня точно гора съ плечъ свалилась. Наконецъ-то!.. Я живо собралъ вещи, выскочилъ на платформу, нашелъ извозчика и его „гитару“, давно исчезнувшую изъ столицъ и большихъ городовъ, встрѣтилъ не какъ орудіе казни, а какъ истинный якорь спасенія. Послѣ душнаго вагона въ степи дышалось свободно. Натомившаяся за день земля отходила въ потемкахъ. Откуда-то потянуло вѣеркомъ и запахло мятой и кануперомъ. Городъ былъ верстахъ въ семи. Мы скоро опустились въ балку и поѣхали вдоль рѣчушки. Послѣ дневного жара здѣсь казалось даже холодно; къ самой водѣ никли деревья, издали доносилось ржаніе жеребенка и непстовый лай собаки. Я пилъ этотъ воздухъ съ такою жадностью, точно впервые узналъ его живительную прохладу. Когда мы добрались до города, извозчикъ обернулся.

— Куда прикажете?

— Да тутъ у васъ есть гостинницы?

— Одна. Купца Бабаева. Къ старушкамъ бы... У нихъ чище.

— Вези къ старушкамъ... Какія это еще?

— Наши... Комнаты отдаютъ проѣзжающимъ. Тѣмъ и дышутъ. Кабы не это—помереть бы. Только и къ нимъ нельзя: изъ губерніи—потрошить купца чиновники пріѣхали.

— Что еще?

— Потому по случаю жены... Отъ нашего приказчика бумага поступила, будто купецъ не по своей охотѣ, а умертвившись померъ... Супруга ему зелья дала... Завтра вырывать будутъ. Господа изъ губерніи у старушекъ, а остальныя какія комнаты помѣщики разобрали. Городъ у насъ тихій, смирный городъ, ну, всякому лестно посмотрѣть, какъ купцу-то кишку вспорютъ. Цирвъ покончился мѣсяцъ назадъ, арфистки въ Шлюхинъ трактиръ пріѣдутъ еще недѣли черезъ три. Ну, господа и скучаютъ.

— Есть у васъ клубъ?

— Есть... Тамъ еще вчера слѣдователь съ городскимъ головой подрался. Хорошій клубъ! Пьютъ здорово. Зимою дамы разные танцы танцуютъ. Оголятся, сказываютъ, по-

брюхо и съ кавалерами подъ музыку дѣйствуютъ. Чего-жъ имъ еще... Кормы у нихъ хорошіе, тѣло бѣлое, что твоя крупчатка. Ну, господину и пріятно посмотрѣть!.. Потому ежели теперь баба въ соку—кому-жъ...

Но тутъ гитару взбросило вверхъ, поставило на бокъ, перекинуло на другой, колеса загрохотали, возница то вскидывался, то внизъ летѣлъ, а меня возносило на небеса, и я понялъ, что мы въ городѣ и знакомимся съ его мостовою.

— Новый голова камню-то насыпалъ!.. А чтобъ тебя!

На одномъ скачкѣ извозчикъ укусилъ себѣ языкъ, а изъ меня стало точно внутренности выматывать. Я думалъ: едвали „господа“ завтра такъ распотрошатъ купца, какъ меня сегодня эта „новая“ мостовая. Направо и налѣво изъ-за тополей мигали огоньки въ маленькихъ трехъ-оконныхъ домахъ.

— Да неужели нѣтъ другой улицы?

— Не... Ему, головѣ, за это медаль на шею повѣсили... Батюшка его въ церкви привѣчалъ. Въ колокола звонили...

Наконецъ, мы попали на большую площадь. Посреди стояло множество телѣгъ, лежали волы, и въ сумракѣ я едва различалъ ихъ громадные рога. Горѣли три костра, у которыхъ молча сидѣли люди. Варили что-то. Откуда-то пахло свѣжимъ хлѣбомъ и навозомъ. Бѣлѣла церковь въ сторонѣ. Тонкій профиль ея колокольни выдвигался впередъ. Еще дальше—огни въ нѣсколькихъ домахъ понарядпѣе. Къ одному изъ нихъ мы подъѣхали. Парень въ ситцевой рубахѣ подхватилъ меня подъ руки, точно я былъ плохо свинченъ, и онъ боялся, какъ бы я не разсыпался, а ему не пришлось за меня отвѣчать...

— Ножку сюда!—нѣжною фистулою пѣлъ онъ мнѣ на ухо. — Не расшибитесь. Ступенька тутъ. Съ счастливымъ пріѣздомъ.

— Комнаты есть?

— Помилуйте!

— Хорошія?

— У насъ по-московски, ваша свѣтлость. Подъ матрацомъ—пружина; умывальникъ самодѣйствующій. Прижмешь его—онъ те струю въ морду и пуститъ. Въ окнахъ—ширмочки съ генералами, а подъ потолкомъ канарейка. Хозяинъ чистоту соблюдаетъ. Не дай Богъ клопа увидитъ. Сейчасъ — бунтъ.

Въ корридорѣ пахло квашеною капустой, комната была дѣйствительно съ канарейкой и съ такими мордастыми на страхъ врагамъ генералами на окнахъ, что вчуже становилось страшно. Жидкое, протертое одѣяло на постели и подозрительныя пятна на стѣнѣ. Воздухъ кислый. Я хотѣлъ-было отворить окно, но ситцевая рубашка воспротивилась.

— Если, ваше благолѣпіе, комара не боитесь...

— А тутъ есть комары?

— До пропасти! У насъ комаръ злой. Онъ на воловьей шкурѣ, нашъ комаръ, воспитанъ. Не то, что въ другихъ мѣстахъ—вкусилъ благородно, завузжалъ и прочь полетѣлъ. Отъ него, какъ онъ запіявитъ, сейчасъ волдырь садится. Одного офицера они у насъ такъ обработали, что ему невѣста отказала. Воинъ, а не комаръ... Мы привыкли, да и насъ не то чтобы ужъ очень было ему лестно бодать, ну, а проѣзжающихъ, которые нѣжнаго сложенія, очень любитъ... Первое удовольствіе столичнаго господина попробовать.

Я остался одинъ, разобрался и прилегъ до чаю.

Такъ пріятно было вытянуть ноги, закинуть руки за голову и не чувствовать тряски подъ собою, не слышать мѣрнаго грохота поѣзда. Свѣча горѣла тускло, но все таки растревожила канарейку подъ потолкомъ. Она заворошилась, даже чирикнула что-то, точно „здравствуй“ крикнула и опять нахохлилась на жердочкѣ. Я ужъ засыпалъ, какъ вдругъ въ комнатѣ рядомъ послышались голоса. Стѣна была не капитальная, просто перегородка, заклеенная съ обѣихъ сторонъ обоями.

— Устали?

— Ну, вотъ... Когда мнѣ уставать — дѣла, слава Богу, полонъ ротъ.

— Ужъ я и то дивлюсь на васъ...—Это говорилъ сладкій, нѣсколько разслабленный женскій голосъ. Видимо сквозь него такъ и сказывалась лѣнь.—Ради чего вы себя мучаете?..

— Нельзя, дуся... Это вамъ можно сальникъ на животѣ ростить.

— Ужъ и сальникъ?

— А то какъ? Черкнуть ланцетомъ — за три вершка жиру отвѣчаю.

— Фу, какія у васъ выраженія. Кто же это меня станетъ ланцетомъ чиркать.

— Я, дуся, иносказательно!—засмѣялась другая... У этой голосъ былъ сильный, грудной, нѣсколько даже рѣзкій.—У васъ мужъ за все про все въ отвѣтѣ. Какъ бѣлка въ колесѣ, вамъ можно узоры на потолкахъ разсматривать да Пьеромъ Лоти интересоваться, а я вонъ по печатному и читать, пожалуй, разучилась. Опоздай я сегодня—меня бы Безмѣновъ тысячи на полторы надулъ. А тутъ кстати я и съ Мошкой дѣло кончила.

— Вамъ бы, Анна Степановна, надо мужчиной родиться!

— Ну, это знаете. Мы, женщины, когда не раскисаемъ да не маринуемся въ сантиментахъ, любого изъ нихъ заткнуть за поясъ можемъ. Вѣдь еще вопросъ, кто изъ насъ сильнѣе, энергичнѣе, терпѣливѣе, выносливѣе...

— Oh, la-la!..

— Да, и настойчивѣе... Возьмите, дуся, вашего мужа, вѣдь ужъ кажется его на чугунномъ заводѣ отлили?.. И меня... Кто изъ насъ кого переможетъ?..

— Правда... Вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ не знаю...—засмѣялась первая...—Но вы... вы—исключеніе.

— Только развѣ тѣмъ, что головы не потеряла, когда меня судьба по ногамъ ударила.

— А другихъ такихъ вы укажете?

— Немного. Но если мы „возможны“, если мы не „выдуманы“ — такъ, какъ вы думаете, почему-жъ и „инымъ-прочимъ“ по той же дорожкѣ не идти. Вѣдь и такихъ мужчинъ, какъ вашъ монументъ, тоже не по сорока на дюжину даютъ... А вотъ, что это намъ самовара не несутъ?

Она открыла дверь въ корридоръ и крикнула:

— Герасимъ...

— Я—о!..

— Чаю...

— Погодите, Анна Степановна. Рядомъ господинъ пріѣхалъ... Я ему самоваръ вздую и вамъ сейчасъ. Ишь угли какіе анафемскіе. Чуть не лопнулъ надъ ними...

Я наконецъ дождался Герасима. Когда онъ поставилъ чайный приборъ и залилъ кипятку, я тихо спросилъ его:

— Кто это рядомъ.

— А наша... губернаторша...

— Какъ... здѣсь?

— Это ее у насъ въ уѣздѣ такъ прозываютъ, потому она

всѣми верховодитъ. Исправника смѣнила... Могущественная дама-съ. До всего умомъ проницаетъ. По нашему краю другой такой хозяйки нѣтъ... Тутъ архіерей пріѣзжалъ — былъ у нихъ... У насъ вѣдь попы пьющіе... Ну, онъ и говоритъ—не мнѣ бы епархіей управлять, а вамъ, Анна Степановна: вы бы ихъ живо успокоили...

— Старая?

— Не...е. тридцати нѣтъ, пожалуй!

— Замужемъ?

— Овдовѣла девять лѣтъ. Всѣ думали: пропасть ей, а она вонъ въ какое стремя выплыла. Одно слово, уѣздная голова. Какіе выборы—сейчасъ къ ней: кого она посовѣтуетъ. Ей бы министеромъ быть, либо воинствомъ командовать...

Рядомъ послышался смѣхъ. Должно быть, тамъ разслышали аттестацію, данную Аннѣ Степановнѣ Герасимомъ. Благодаря этому, до меня оттуда ничего уже не доносилось больше. Мои сосѣдки говорили шопотомъ. Когда я легъ, въ комнатѣ стало такъ жарко и душно, что я не разъ проклиналъ здѣшнихъ комаровъ. Скоро сквозь стекла окна широкою полосою на полъ и на стѣну легла лунная дорожка. Я вспомнилъ мое дѣтство и няню, увѣрявшую, что именно по такой ходятъ ангелы. У самаго дома прошелъ кто-то. Его тѣнь мелькнула на свѣту. Съ площади — такова была тишина — я чуть-чуть различалъ мѣрное пожевываніе воловъ, легкій трескъ дерева въ кострахъ и мягкій шорохъ запоздалой телѣги въ густой пыли. Эта часть города по счастію избѣжала великихъ благодѣяній мѣстнаго головы.

II.

Утромъ мою комнату солнце ярко и щедро залило лучами. Толпа на площади шумѣла вовсю, рядомъ у сосѣдокъ сначала слышался громкій говоръ, и Герасимъ стучалъ по корридору громадными сапожищами. Мертваго и того бы проняло! Я раскрылъ окно—и на меня пахнуло разнѣживающею прохладою, когда въ ранній часъ она уже чуть тронута первымъ теплomъ обѣщающаго быть жаркимъ и душнымъ дня. Пахло волами и кожами. Вершины тополей стояли неподвижно, и на небѣ не было ни одного облачка. Только голуби зачѣмъ-то ныряли въ его голубую бездну.

Я одѣлся и вышелъ въ корридоръ. Вмѣсто вчерашняго запаха щей, онъ весь былъ наполненъ теперь чадомъ прогорклаго масла и жженаго кофе. Герасимъ былъ уже тутъ.

— Съ легкимъ утромъ! Самоваръ прикажете?

— Да...

— А намъ Господь генерала послалъ. Строгій... на хозяина такъ цыкнулъ: я тебя, ежовую бороду, подъ судъ упеку. Ажъ у того животъ оборвался. Извѣстно, сырой человѣкъ, страховитый.

Я вышелъ на крыльцо и невольно зажмурился. Все затопило свѣтомъ. Бѣлая церковь такъ и горѣла—точно ее щипцами только-что изъ громаднаго тигля выхватили. Лошади какого-то тарантаса стояли у подъѣзда, понурясь, и только шевелили шкурой, когда ихъ слишкомъ ужъ донимали оводы и слѣпни.

— Извините!..

Я вздрогнулъ. Оказалось, что я собственною особою заслонилъ выходъ.

— Виноватъ. Я отодвинулся, давъ мѣсто высокой и стройной брюнеткѣ, лицо которой обращало на себя вниманіе. Не то, чтобы оно было красиво. Скорѣе—нѣтъ. Выразительно—да. Слишкомъ много энергіи и силы—а это вѣдь не идетъ женщинѣ. Но что въ немъ было дѣйствительно хорошо—большіе темноголубые глаза съ спокойнымъ и настолько увѣреннымъ взглядомъ, что—и вы это понимали разомъ—едва-ли они опускались когда-нибудь передъ чужимъ. Густой, здоровый загаръ не былъ грубъ; напротивъ, онъ шелъ къ ней. Слишкомъ крупныя губы съ легкимъ пушкомъ надъ верхней. Мнѣ показалось, что это должна быть моя сосѣдка Анна Степановна. Одѣта она была не по уѣздному. Сѣрое полотно хорошо скроеннаго платья ложилось внизу широкими складками, плотно и красиво охватывая тонкую талію и слишкомъ круглыя плечи. Руки въ перчаткахъ, свѣжихъ и немного узкихъ—нѣсколько пуговицъ на нихъ нельзя было застегнуть. Какъ у всѣхъ сильныхъ женщинъ—кисть у нея, безукоризненная по формѣ, была слишкомъ велика. Мнѣ понравилось, что незнакомка не носила золота. Ни серегъ, ни брошекъ, ни браслетовъ—ничего изъ этой сбруи, которая скорѣе портитъ, чѣмъ украшаетъ женщину. Только у лѣваго плеча на черной пряжкѣ висѣли открытые маленькіе часы.

Мнѣ удалось хорошо разсмотрѣть ее, потому что въ дверяхъ, точно что-то припоминая, она остановилась. Замѣтивъ мой пристальный взглядъ, она съ недоумѣніемъ обернулась ко мнѣ, будто ожидала вопроса, я молчалъ; она тихо вошла въ корридоръ и оттуда еще разъ оглянулась. „Должно быть, Анна Степановна“, опять подумалъ я, глядя ей вслѣдъ, и тотчасъ же чей-то голосъ громко ее назвалъ этимъ именемъ.

— А, ваше превосходительство, давно-ли?

— Сегодня утромъ.

— То-то я смотрю, вашъ тарантасъ.

— Да, сейчасъ ѣду къ Безмѣнову.

— Хлѣбъ продавать?—засмѣялась она.

— Помилуйте—два года лежитъ. Цѣнъ никакихъ — а вѣдь скоро и новый урожай.

— Просто вамъ денегъ нужно. Вѣрно въ Москву собрались... У Яра цыганки по васъ тоскуютъ.

— Да вы-то свой продали?—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣтилъ ей генералъ.

— Наполовину.

— Ну вотъ.

— Такъ я по сорока за пудъ взяла, а вамъ Безмѣновъ и по тридцати не дастъ.

— Почему не дастъ?

— Потому что вы съ нимъ разговаривать не умѣете... Все по старому оглушить ихъ думаете, ну, а нынче барабанныя перепонки у нихъ толстыя. И потомъ, кто же не видитъ, что вамъ деньги на пустое дѣло надобны.

— Это никого не касается.

— Слушаюсь...

— Вотъ вы купите у меня, если такъ хорошо понимаете, а сами перепродайте Безмѣнову. По пятачку на пудъ наживайте.

— Нѣтъ, это не подойдетъ. Мнѣ съ нимъ ссориться не рука. Мнѣ онъ еще нуженъ. Я и хлѣбъ-то ему продала потому, что новое дѣло у себя затѣяла—а то бы сюда и не тронулась.

— Опять по конскому заводу?

— Нѣтъ. Школу ставлю.

Генералъ засвисталъ.

— А еще умная дама! Удивила! Мало по вашему расплодилось полугроматныхъ прохвостовъ? Еще подавай! У меня въ имѣніи такъ: какъ рабочій громатѣ обучился—я его не беру. Потому на страдѣ ему грошъ цѣна, а претензій у него на цѣлый рубль. И вся смута кругомъ отъ него же.

— Не въ настоящей школѣ былъ.

— А вы Америку открыли? Такую школу придумали..

— Не я придумала... Техническія - то училища давно извѣстны.

— Для мужика?

— Именно. Я нарочно въ прошломъ году въ Швецію и въ Данію ѣздила—смотрѣла.

— Заграничнымъ фруктомъ, значитъ, полакомить насъ, дураковъ, хотите?

— Да ужъ ежели вы сами себя такъ называете—нужно же кому-нибудь.

Генералъ опѣшилъ, но сдаться сразу не могъ.

— Вотъ я посмотрю еще, какъ начальство вамъ разрѣшитъ милостивыхъ государей изъ мужиковъ приготовлять.

— Да ужъ разрѣшило.

— Значитъ, и его обошли!.. Молодецъ вы, Анна Степановна... Не заведете-ли кстати художественныхъ, музыкальныхъ консерваторій?

— Нѣтъ, а вотъ садоводству, кирпичному дѣлу, да коекакимъ ремесламъ у меня мальчики непремѣнно обучатся.

— И откуда у васъ филантропія?.. Вѣдь вы, какъ и нашъ братъ, мужику спуску не даете.

— Не даю! Какая же бы я да хозяйка была иначе?

— Вотъ что... Выходите-ка вы замужъ.

— За кого?

— А хоть за меня.

— На что вы годитесь? Развѣ только для того, чтобы васъ подъ опеку взять. Нѣтъ, мнѣ и такъ хорошо. Вотъ если вы мнѣ Стешкины луга продадите — тогда мы поговоримъ. А о глупостяхъ что-жъ...

— А вы почемъ за луга думаете?

— Теперь я съ вами торговаться не стану. У васъ еще хлѣбъ есть: получите за него деньги, спустите ихъ въ Москвѣ, да на легкѣ и пріѣзжайте... Тогда вы моей цѣны не испугаетесь.

— Это, значитъ, вы меня грабить хотите?

— Хочу... Потому у васъ, все равно, прахомъ пойдетъ... Ни себѣ, ни собакамъ.

— Вотъ что, ангелъ мой... Разскажите, какъ вы нашего Гамбетту-Вербѣева обошли. Вѣдь онъ вамъ черезполосицу свою чуть не даромъ?

Анна Степановна расхохоталась.

— Шампанское съ нимъ пили?

— Пила.

— И въ Москву ѣздили?

— Можетъ быть... Кому до меня дѣло? Я вѣдь вдова. Такъ вѣдь то—Вербѣевъ, не вамъ чета! Молодецъ молодцомъ. А я красивыхъ мужчинъ люблю. Онъ вотъ кочергу узломъ вяжетъ... За заднее колесо схватитъ—телѣгу остановитъ...

— Знаете за что я васъ, Анна Степановна, уважаю?

— Ну?

— Да за то собственно, что вы не прикидываетесь... Вамъ все равно, что о васъ думаютъ.

Она засмѣялась опять. Мнѣ смѣхъ ея очень понравился: откровенный, заразительный; слышался въ немъ здоровый человѣкъ.

— Не стоитъ труда, ваше превосходительство. Вѣдь я ни отъ кого не завишу. Сама себѣ владыка: хочу—дѣлаю, хочу—нѣтъ. Хорошее я понимаю по-своему и дурное тоже, а чтобы кому-нибудь отчеты давать, такъ я еще такого человѣка не нашла. Общество ваше—вѣдь оно только и страшно тому, кто его боится. Не оно мнѣ нужно — а я ему. Я безъ вашихъ невропатокъ обойдусь, не полѣзу къ нимъ. Ну, а ко мнѣ въ мой приходъ—милости просимъ, только ужъ чуръ—по моему уставу.

— Я вамъ хотѣлъ по-отечески. Знаете—доброе имя.

— Доброе имя, какъ вы его понимаете, не стоитъ притворства. Да притомъ, какой же вы отецъ?

— Я... по годамъ... Мы съ вашимъ батюшкой...

— Ко мнѣ недавно Даша изъ вашего гарема сбѣжала. Теперь она у меня работаетъ. Поразсказала тоже. Однако, генералъ, поѣзжайте къ Безмѣнову на закланіе. Еще черезъ полчаса жарко будетъ, я ѣсть хочу...

Высокій, худой старикъ вышелъ на крыльцо. Держался онъ нарочито прямо и глядѣлъ по формѣ за пятнадцать шаговъ

впередъ. Пальто на красной подкладкѣ, на плечахъ генеральскіе погоны поперекъ, на шеѣ Владиміръ. На меня взглянулъ мелькомъ, какъ на пустое мѣсто, и крикнулъ въ пространство: „каналья!“ Изъ-подъ воротъ выскочилъ растрепанный кучеръ, съ шапкой въ рукахъ, пѣтушкомъ взлетѣлъ на козлы и подалъ тарантасъ.

— Пьянъ?..

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство... Съ утра-то?

— Развѣ что съ утра... На вечеръ отложилъ, что-ли?

— Ежели здѣсь останетесь... У меня на огородахъ кума живетъ.

— Кума?..— разнѣжился генералъ.—Молодая?

— Какъ слѣдуетъ... Баба круглая... Не уколупнешь.

— Мерзавецъ!

— Мы съ ней за вашу честь, вотъ какъ: дай Богъ вѣкъ здравствовать, потому какой баринъ съ понятіемъ завсегда естество оправдать можетъ.

— Ну, гайда!

Тарантасъ тронулся и съ мѣста поднялъ облако пыли.

III.

У меня въ этомъ маленькомъ городкѣ было дѣло именно къ купцу Безмѣнову. Онъ у родныхъ арендовалъ землю, и мнѣ поручили продать ее или ему, или кому-нибудь изъ сосѣдей. Слушая бесѣду Анны Степановны съ генераломъ, я хотѣлъ посовѣтоваться съ нею — не купитъ-ли она сама, но сначала все-таки слѣдовало потолковать съ здѣшнимъ Разуваевымъ. Въ жару мнѣ не хотѣлось идти. Надо мною не капало — и торопиться было нечего. Нѣсколько свободныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ позволяли лѣниться во всю, а это такое блаженство послѣ сплошной, безотходной нервной работы,— точно въ рай попалъ! Я цѣлый день просидѣлъ у окна, любуясь солнцемъ, площадью, людьми, дѣлавшими что-то кругомъ безхитростно и просто. Когда это надоѣдало — я отходилъ къ постели, ложился и наслаждался въ полномъ смыслѣ слова тишиной. Анна Степановна, должно быть, ушла. Герасимъ пересталъ бѣгать по корридору. Площадь затихла. Безмолвіе такое, что слышишь, какъ въ вискахъ бьются жилы, въ ушахъ неяснымъ роемъ подымаются загадочные

звуки. Стараешься ни о чемъ не думать, чтобы не мѣшать счастью покоя, чисто физическому ощущенію довольства. Потомъ, невѣдомо какъ, кругомъ начинаютъ мелькать знакомыя, милыя лица; нѣжно улыбаются, ласково глядятъ на тебя. Изъ какихъ далекихъ могилъ встали они, полузабытыя, давнымъ-давно совершившія на землѣ свое незамѣтное послушаніе и стертыя неумолимою роковою неизбѣжностью смерти. Прислушиваешься къ нимъ, присматриваешься, опять переживаешь общія съ ними были—и завидуешь, съ болью завидуешь этимъ отработавшимъ свое мертвецамъ.

Къ вечеру нежданно-негаданно набѣжали тучки и вспрыснули жаждавшую землю. Скоро ихъ согнало прочь, и небо снова очистилось, но и этого было довольно, чтобы освѣжить воздухъ. Съ тополей смыло пыль, и они въ праздничномъ уборѣ тянулись къ розовѣвшей лазури. Точно полымемъ загорѣлись подсолнечники и весь въ червонномъ золотѣ тонулъ за тонкими колокольнями закатъ.

— Какъ тутъ пройти къ Безмѣнову?—спросилъ я на улицѣ длиннаго и худого мѣщанина съ строгимъ лицомъ и вдумчивыми глазами.

— Вотъ по этой улицѣ пожалуйте.

— А потомъ?

— Увспросите... Всякій знаетъ. Одна у насъ цапа.

— Застану я его?

— Гдѣ же ему быть?.. Паукъ завсегда при своемъ мѣстѣ состоитъ. У самой паутинки мухъ стережетъ. Дѣло къ нему имѣете?

— Да...

— Такъ-съ.—Онъ покачалъ головой.—Буравъ, а не человѣкъ... Дозволите я васъ немножко провожу. Изъ губерніи вы?

— Нѣтъ... Изъ Петербурга.

— Вотъ онъ куда, Акулъ Матвѣевичъ, закидываетъ... До Питера добрался. Мы его помнимъ, какъ онъ у солдатки паршивымъ байструкомъ по слободкѣ бѣгалъ... А таперича весь городъ для него одна волчья сыть...

— Что такое? изумился я: откуда это древнерусское выраженіе попало сюда? Не въ балладахъ же графа А. Толстого прочелъ его мой спутникъ!

— Волчья сыть, говорю. Московское слово... Я въ Москвѣ въ ученьѣ жилъ... Это, видите-ли, когда на

лѣто господа наѣдутъ въ деревню—съ ними до пропасти псовъ этихъ самыхъ. Ну, на легкомъ воздухѣ собачки-то еще пуще и расплодятся. Къ зимѣ — господа назадъ, а потомство отъ барскихъ трезорокъ на произволъ судьбы остается... Стаями округъ деревни бѣгаетъ до ноября. Въ ноябрѣ новые господа жалуютъ — волки, и въ мѣсяцъ все очистятъ: ни одной собачки отъ городского приплода не уцѣлѣетъ. Оттого и имя ему: волчья сыть. Такъ вотъ-съ и нашъ городъ для Акула Матвѣевича та же самая волчья сыть. Ужъ онъ наполовину ободралъ насъ; коли Господь Богъ купца Безмѣнова не утихомиритъ кондрашкой, онъ и другую половину съ апетитомъ слопаетъ. У него всѣ въ кулакѣ: и чиновникъ, и свой братъ купецъ, и мѣщанинъ, и мужикъ. Банку у насъ завели для обчественной пользы— онъ и банку подъ собственную державу привлекъ. Одинъ и кредитуется. Заберетъ деньги оттуда за семь процентовъ годовыхъ, а самъ по пяти да по восьми въ мѣсяцъ раздаетъ.

— И ничего?

— Что ничего?..

— А начальство?

— Ему что же. Ему лишь бы бумага по формѣ была.

— А голова?

— Да и голова онъ же!.. Изволите видѣть, какіе вавилоны насыпалъ?.. Теперь пожалуйте направо — вонъ зеленый домъ съ синими окнами. Это и есть самое гнѣздо Безмѣновское. И младенцы его... Вы только насчетъ собачекъ поосторожнѣе, потому Акула-то нашъ все опасается — ну, и псовъ такихъ завелъ, чтобы съ бацу народъ рвали.

Я пошелъ по указанному направленію.

Еще издали младенцы обратили на меня должное вниманіе. Одинъ даже камнемъ запустилъ, но тотчасъ же скушалъ затрещину отъ старшаго брата.

— Онъ можетъ къ папѣ съ деньгами... А ты камнемъ?— разслушалъ я, подходя.

— Вуколъ Матвѣевичъ дома?

— А вы съ деньгами ежели?

— Да... около того...

— Тогда пожалуйте... Ерема!—крикнулъ младенецъ во дворъ.—Попридержи собачку.

Громадный мужикъ облапилъ кудлатаго медвѣдя, неистово на меня рычавшаго. Кажется, пусти онъ его—отъ меня клочка бы не осталось.

— Полкашка... Цыцъ, андилъ! Молчи, шельма, а то я тебя опять полѣномъ оглажу.

Но „андилъ", вѣроятно, сразу почувствовавшій ко мнѣ непримиримую вражду, пускалъ каскадами слюну, хрипѣлъ отъ бѣшенства, оскаливая такіе зубы, что у меня еще издали ноги заныли. Порываясь ко мнѣ, онъ и мужика тащилъ за собою.

— Аглицкая собачка!—пояснилъ мнѣ младенецъ... — У папы денегъ много—ему иначе нельзя...

— А вы-то сами учитесь гдѣ-нибудь?

— Какже!.. Я только на лѣто здѣсь.. Я въ классической гимназіи. Въ пятый классъ перешелъ.

— У васъ не учатъ, что нельзя позволять собакамъ рвать людей?

— Нѣтъ!—съ недоумѣніемъ уставился онъ на меня.—Мы до этого еще не дошли. Папаша хочетъ изъ меня не иначе, какъ прокурора сдѣлать. Знаете, съ золотымъ воротникомъ и чтобы всѣхъ засуживать...

Меня провели въ „кабинетъ" къ Безмѣнову.

Впрочемъ, кабинетомъ этотъ уголокъ никакъ нельзя было назвать. Ничего не оказывалось такого, что бы напоминало книгу, письменныя занятія, привычку къ какой бы то ни было умственной работѣ. Несгораемый шкафъ, по стѣнамъ на гвоздикахъ все мѣшочки, какъ потомъ оказалось, съ пробами всевозможнаго зерна. На столѣ на лоскуткахъ газеты „Свѣтъ"—щепотки муки, сѣмена, образчики шерсти—мытой и немытой, пряжи, сморщенныя мочки льну, обрѣзки кожи. На окнахъ въ пузырькахъ деготь и скипидаръ съ замѣтками на бумажкахъ у горлышекъ. Я не зналъ даже, гдѣ мнѣ сѣсть—какъ вдругъ въ дверяхъ показался самъ хозяинъ.

— Юрка!—крикнулъ онъ назадъ.—Господину стуло.

Уже знакомый мнѣ гимназистъ влетѣлъ съ вѣнскимъ полукресломъ и такъ и воззрился мнѣ на боковой карманъ.

Сѣли. Вуколъ Матвѣевичъ не сводилъ съ меня узкихъ и косо прорѣзанныхъ глазъ. Скуластый, съ вздернутымъ носомъ, широкій, съ такимъ толстымъ затылкомъ, которому, пожалуй, позавидовалъ бы и черкасскій быкъ, онъ сидѣлъ, упи-

раясь ладонями въ колѣнки. Заблудящій прусакъ полѣзъ на столъ и побѣжалъ-было къ образчику муки, но Безмѣновъ щелчкомъ водворилъ его въ уголъ и опять уставился на меня.

— Вы меня не знаете,—началъ я.

— Точно что... Случая не бывало...

Я назвался.

— Изъ Питера? Слыхали. Еройскія статьи про Скобелева который писалъ, не родственникъ вамъ будетъ?

— Я самый.

— Хорошо извѣстны-съ намъ!—И онъ протянулъ мнѣ лапу широкую, какъ лопата, съ корявыми пальцами.—Эй, Юрка, прикажи Ѳедосьѣ самоварчикъ вздуть. Чай пить на балконъ выйдемъ... Мы и по „Нивѣ“ васъ знаемъ. Который годъ, потому и дешево, и сердито, и бабамъ на утѣшеніе: какія новыя юпки по ихней слабости объявятся, сейчасъ „Нива“ и обнародываетъ съ выкройками. Страсть какъ она образовала женскій полъ.

Я началъ ему разсказывать, въ чемъ мое дѣло къ нему.

— Максановы—родня вамъ?

— Да...

— Никуда ихъ земля не годится.

— Однако, вы за нее три тысячи въ годъ платите.

— Ужъ такъ: ошибку далъ.

— Это вы-то?..

И я засмѣялся. Эта скуластая морда даже нарочно не могла бы ошибиться!

— Что хотите... И на старуху поруха бываетъ. Я вамъ правду скажу. Максановыхъ я знавалъ, когда они здѣсь въ предводителяхъ служили. Первые господа были по округѣ—музыка, театры, катанія. Барышни по французскому, на фортепьянахъ, вина иностранныя, одной зернистой икры я имъ въ годъ на триста рублей поставлялъ. Бакалея шла первый сортъ. Апельсины, напримѣръ, чтобы безъ корявости — нѣжнаго рисунку. Балыкъ со слезой, а семги такой въ нашемъ городѣ и не найдешь нынче. На нее, бывало, еще смотришь, а она ужъ сама, какъ купеческая вдова, отъ сладости своей таетъ. Хорошо жили!.. Ну, а какъ по ногамъ ихъ вдарило—старика-то уже въ живыхъ не было—я изъ одной жалости выручилъ.

— Досадно!

— Что-жъ дѣлать.

— Нѣтъ, я потому, что въ Петербургѣ у насъ нашлись покупатели на землю. Но Максановы считаютъ, что вы раньше другихъ имѣете право заявить условія.

Вукола Матвѣевича точно на дыбы вздернули.

— Каки-таки покупатели?

— Ну, позвольте вамъ не называть... Коммерческая тайна.

Онъ такъ и пронизывалъ меня острымъ взглядомъ глазъ, прятавшихся въ щелки.

— Кому своихъ денегъ не жалко!

— Такихъ мало.

— Точно что. По нонѣшнимъ временамъ за копѣйку зубами хватаешься. Потому она, копѣйка-то, какъ тараканъ въ десять ногъ отъ тебя бѣгаетъ. А у кого дѣти, тѣмъ и вдвое надо подумать: своя плоть— жалко ее. Безъ капитала-то въ свѣтъ развѣ щенка выбросишь теперь... А мы съ вами вотъ что, по душамъ будемъ... Земля, прямо вамъ скажу, грошевая; измаялась она вся! Сколько съ нея съ родной сняли. Просто голина одна да плѣшь. Лужки таперича—болотиной просочились. А какіе по плантамъ рощи—такъ развѣ что пучокъ розокъ мальцовъ постегать насбираешь съ нихъ. Не имѣніе, а дермо! Но какъ вы добросовѣстный человѣкъ, такъ вамъ грѣха на себя брать никакъ не слѣдуетъ. Вы должны этого питерскаго покупателя образумить. За что же людей въ убытки вводить? Вѣдь это; господинъ, надо правду сказать, все равно, что фальшивую бумажку сбыть... Я васъ очень уважаю—и готовъ даже доказать. Пріѣзжай сюда Максановы — ни за что для нихъ бы не сдѣлалъ, а для васъ, извольте, самъ куплю, только ужъ если очень дешево. Потому я ее, эту землю, лѣтъ десять питать долженъ...

— Позвольте, да вѣдь за послѣдніе четыре года на ней какіе урожаи были!

— Урожаи? Плакалъ я горькими слезами; вотъ они максановскіе урожаи!

— Папаша!—влетѣлъ Юрка.—Самоваръ на балконѣ.

— Ну, вотъ—попьемъ чайку и потолкуемъ. А только убѣдительно васъ прошу, не грабьте вы меня. Мы здѣсь — люди простые, а вы господа столичные. Мы еще умомъ рас-

кидываемъ, а вы насъ ужъ округъ пальца сколько разовъ обвертѣли... Я даже для васъ готовъ—особо. Потому вѣдь и вы не даромъ трудитесь.

Мы только-что усѣлись на балконѣ, какъ Вуколъ Матвѣевичъ вдругъ просіялъ.

— Анна Степановна... Вотъ кстати... Чайку на легкомъ воздухѣ?

— Хорошо-хорошо.

— Умственная дама!—конфиденціально наклонился ко мнѣ Вуколъ Матвѣевичъ и тутъ же пощупалъ трико моего сюртука.—Семь рублей аршинъ?..

— Не знаю, право.

— Готовое, оптомъ покупаете?

— Нѣтъ, заказываю...

— Семь рублей. За аглицкое сходитъ, а только оно изъ Лодзи, ишь шерсть какъ кручена.

Но въ это время на балконъ всходила моя сосѣдка.

IV.

Вуколъ Матвѣевичъ даже представить меня не умѣлъ, только какъ-то странно ткнулъ въ мою сторону рукою и проговорилъ:

— Они самые!

Я назвался—Анна Степановна засмѣялась.

— Мы вѣдь рядомъ. Воображаю, какъ я надоѣла вамъ. Говорить тихо не умѣю, а между нами почти-что ничего. Перегородка... Я васъ знаю.

— И я васъ тоже.

— Почему?

— А Герасимъ мнѣ разсказывалъ.

— Я его аттестацію слышала,—улыбнулась она.—Онъ меня, кажется, въ министры или архіереи рекомендовалъ.

— Кто у насъ Анну Степановну не почитаетъ. Единственная на всю губернію дама... Даже и не дама, а какъ въ Москвѣ оберъ-полицмейстеръ,—замѣтилъ хозяинъ.

— Это я-то?

— Кому-жъ и быть.

— Что вы сегодня, Вуколъ Матвѣевичъ, съ генерала-то шкурку сняли?

Безмѣновъ откровенно расхохотался.

— Точно что. Налетѣлъ это онъ на меня и самъ говоритъ: впередъ знаю, ограбишь ты меня, борода. А какая-жъ я борода, если я по-нонѣшнему брѣюсь!

— По двадцати пяти поди купили у него.

— Нѣтъ. Вижу я, горитъ у него... Подъ ложечкой сосетъ... А у меня, сами знаете, Анна Степановна, какія же деньги! Только дай Богъ обернуться!

— Что говорить: бѣдный человѣкъ!

— Это какъ понимать!.. слушаю я его превосходительство. И вѣдь какъ—онъ сидитъ, а я передъ нимъ, что свѣчка передъ образомъ, стою... Ну, слушаю, а самому такъ моихъ денегъ жалко—не приведи Господи! Хоть бы на хозяйское дѣло пошли, а то вѣдь пустой человѣкъ онъ—всѣ на треньбреня спуститъ, лишь бы повеличаться. Сейчасъ онъ это въ Москву, хвостъ распуститъ, пріятелей соберетъ. Мы люди простые, у насъ каждая копѣйка потомъ пахнетъ, а тутъ сразу—эдакую уйму отвали ему! „Да вѣдь не даромъ!..“—кричитъ.—Знаю, что не даромъ — даромъ-то я, повѣшусь, не дамъ. Даромъ вонъ Полкашка лаетъ, такъ потому, что глупый песъ. Ну, ужъ онъ и улещалъ меня. Сначала „борода“, а потомъ съ бороды да на „почтеннѣйшій господинъ Безмѣновъ“ съѣхалъ и у меня-жъ да меня садиться приглашаетъ. А я ему—„нѣтъ, ужъ вы къ Мошкѣ лучше. Онъ добрѣе моего покупаетъ“. А я знаю, что у Мошки на него векселя есть... „Мнѣ-де не съ руки. Ну его и хлѣбъ вашъ! Много скупилъ—неравно и подавишься“. Что-жъ бы вы думали—по двугривенному отдалъ и даже считать не сталъ, сейчасъ ихъ цопъ въ карманъ, а по глазамъ-то я вижу, у него на нихъ все распредѣленіе готово. Одну тысячу проѣсть, другую въ хорошей компаніи пропить, третью въ помойную яму московскимъ дѣвицамъ шваркнуть, безъ устатку, а четвертую кому попало за почтеніе раскидать!.. Вышелъ отъ меня, въ тарантасъ садится—у него фуражка ужъ на правое ухо съѣхала и усъ завился. Въ свою воду попалъ—начнетъ мырять теперь... Я его для почету къ намъ въ банковское правленіе привлекъ. Пущай сидитъ—кресловъ этихъ у насъ много... И на него хватитъ, а все-таки генералъ для показу-то отлично.

— Вѣдь вотъ вы говорите, Вуколъ Матвѣевичъ, что даромъ никому денегъ не дадите.

— Не дамъ... Родной матери коли бы съ того свѣту объявилась.

Анна Степановна пересѣла къ нему поближе.

— А мнѣ?

— Чего такого?

— Денегъ ежели...

— Подъ документъ?..

— Нѣтъ... На доброе дѣло.

— Это для медали—такъ вѣдь у меня и серебряная, и золотая есть... на анненской лентѣ... Кавалеріями я вотъ какъ превозвышенъ... Сытъ!

Анна Степановна не сводила съ него глазъ и Вуколъ Матвѣевичъ мякъ подъ ними. Даже платокъ вынулъ и потъ со лба вытеръ... Наконецъ, прошибло.

— Медали глупость одна. Захотите—такъ и Станислава получите.

— Я-то?

— А что же вы думаете, трудно?

Анна Степановна улыбнулась въ мою сторону и опять стала оболокать Безмѣнова.

— Вы тѳ подумайте: живете вы, слава Богу, всего вдоволь и во всемъ у васъ удача. Капиталъ у васъ.

— Ну, это что—темна вода въ облацѣхъ...

— Хороша темна вода—по моему тысячъ за восемьсотъ!..

Вуколъ Матвѣевичъ даже привсталъ.

— Почему вы это знаете?

— Даже еще тысячъ семьдесятъ пять надбавьте—въ самую точку выйдетъ, да земли, да дома.

— Анна Степановна... Кто это вамъ нашепталъ?

— Никто, сама смекнула. Затѣмъ человѣку умъ данъ.

— Ну, иной-то умъ отъ колдовства не отличишь. Шли бы за меня замужъ. Мы бы съ вами вдвоемъ всю губернію вотъ какъ зажали.

И онъ вытянулъ впередъ громадные кулачищи.

— Никому бы не пикнуть. Развѣ только что скрось пальцы сокъ пошелъ.

— Какая я мужняя жена. Я сама въ мужья гожусь.

— Вѣрно... Золотая головка. За такую головку сейчасъ бы я...

*

И онъ вдругъ всталъ, схватилъ ее за виски и поцѣловалъ въ лобъ.

— То-есть, если я кого уважаю у насъ, такъ только Анну Степановну. Да будь у меня такая супруга—умирать не надо...

— Ну, такъ что же... денегъ дадите?

— Это другое дѣло, деньги... На что?

— Нѣтъ, вы мнѣ такъ дайте, не спрашивая... Пять тысячъ мнѣ не хватаетъ—такое задумала. Впрочемъ, пожалуй, вамъ скажу. Особую школу открываю.

— Нну?.. Я думалъ умственное что.

— Вы погодите... Учить-то въ ней настоящему будутъ... Глины у насъ много, а избы деревянныя.

— Прямо подъ краснаго пѣтуха—вѣрно.

— Ну, кирпичъ дѣлать, сады разводить. На одномъ хлѣбѣ, сами знаете, нынче.

— Что ужъ!

— Ремесло всякое. Пряжу, по хозяйству. По полю, по лугу...

— Это мужику вотъ какъ хорошо будетъ.

— А вамъ-то еще лучше. Потому вѣдь мужикъ на васъ работаетъ.

— Ну это какъ. Ежели онъ таперича на ноги встанетъ, да силу свою почувствуетъ, его тоже не взнуздаешь...

— Вы подумайте—живете вы, живете... Потомъ смерть придетъ.

— Попы помолятся.

— А памяти отъ васъ никакой... Былъ-ли Безмѣновъ, нѣтъ-ли—все равно. А кто и не забудетъ, такъ ужъ лучше бы не поминалъ: жилъ, скажетъ, какъ Иродъ, и никому отъ него пользы.

— На чужой ротокъ... сами знаете.

— Набилъ себѣ зобокъ, и точно паромъ прошло все, ничего не оставилъ. А тутъ будетъ вдругъ: техническая купца 1-й гильдіи Вукола Безмѣнова школа...

— Это все за пять тысячъ?

— Остальное мое... Да я за именемъ не гонюсь. Распишутъ вездѣ. Денегъ надо много—у васъ есть. Я ужъ не стану вамъ толковать объ уваженіи. Вамъ—богачу—на уваженіе наплевать. А вы для души. Вѣдь этакъ наединѣ

задумываетесь подп: „живу я живу—да вѣдь и свинья живетъ тоже. А для совѣсти, что я сдѣлалъ? Чѣмъ на старости утѣшаться стану?

— У меня дѣти.

— И дѣтямъ лестно, будутъ говорить: какой у насъ папаша былъ. Не даромъ на свѣтѣ прожилъ. Памятникъ по себѣ оставилъ... Хорошіе хозяева по деревнямъ пойдутъ. Спросятъ ихъ: вы этому гдѣ научились? Въ Безмѣновской технической школѣ. Дай Богъ ему здоровья—людьми стали! просторъ увидѣли! Вы вѣдь мужика знаете—свѣту ему охъ какъ нужно, и развѣ онъ этого не понимаетъ? отлично понимаетъ. Только взяться ему не съ чѣмъ. Не все же съ него— нужно и ему что-нибудь дать... Какъ вы думаете?

— Большія деньги—пять тысячъ.

— За малыми я бы къ вамъ не пошла. Не стала бы плакаться.

Вуколъ Матвѣевичъ покосился на меня.

— Вотъ какія у насъ дамы есть, а? Видали вы такихъ въ Питерѣ?

— Нѣтъ!

— И не увидите. Потому она всякаго улестить можетъ. Гдѣ это я читалъ—птица Сиренъ такая была, но только куда же ей до Анны Степановны. Всякому Сирену она пятьдесятъ очковъ впередъ дастъ и шары въ лузу положитъ. Теперь вы на счетъ этого „Станислава“ только брехали или въ самомъ дѣлѣ?

— Вы меня первый день знаете? Развѣ я даромъ когда-нибудь говорю. Тамъ будетъ видно, какъ у насъ дѣло пойдетъ.

— Такъ, значитъ, по красному золотомъ: Безмѣновское техническое училище? И чтобы съ орломъ. А?

— Какъ мнѣ понять: могу я на васъ разсчитывать?

— Нельзя-ли только сбавочку. Пять тысячъ!.. Какія деньги.

— Полно вамъ...

— Оно и то правда... Хлопочемъ, хлопочемъ — а для души ничего. Въ самомъ дѣлѣ, помремъ—и помянуть нечѣмъ. Одно скажу—самъ губернаторъ проси: пять сотельныхъ далъ бы ему—подавись... Ну, а тебѣ иное дѣло. Ужъ очень ты, Анна Степановна, до сердца доходчива. Опять же свой братъ. Знаю, что ты и сама копѣйки даромъ не бро-

сишь. Бери—твое счастье. Умру—запиши въ поминанье. Не все-де купецъ Безмѣновъ народъ поѣдомъ ѣлъ. Прости ему, Господи. Хочешь сейчасъ?

— Куй желѣзо, пока горячо. Давайте, а то одумаетесь.

Вуколъ Матвѣевичъ даже крякнулъ отъ удовольствія.

— Какъ она нашего брата понимаетъ. Дѣйствительно—пришла бы завтра, пожалуй бы и не далъ. Какой ногой съ кровати встанешь...

Онъ ушелъ къ себѣ и черезъ нѣсколько минутъ вынесъ деньги въ газетной бумагѣ.

Анна Степановна развернула, спокойно сочла ихъ. Одну бумажку даже на свѣтъ посмотрѣла.

— Двухъ сотенныхъ не хватаетъ.

Безмѣновъ разсмѣялся.

— Я тебѣ какъ бы экзаментъ!.. Ишь ты какая, и дареному коню въ зубы смотришь. Вотъ она недостача-то—получай.—И онъ разжалъ кулакъ съ двумя сторублевыми бумажками. Даже паръ отъ нихъ пошелъ.—Правильная ты дама. Это я завсегда одобряю.

И онъ хлопнулъ ее всей пятерней по плечу...

— Цѣны тебѣ нѣтъ!.. И плечо-то... Благослови, Господи!..

— Что я у васъ Семена Вуколыча не вижу?

— Сеньку?.. Свалился онъ у меня. Сегодня докторъ былъ.

— Что съ нимъ?

— Отъ усердія! Сынъ у меня...—обернулся онъ ко мнѣ.—Дня три его трепало, на Повилихинскія Мокрины онъ ѣздилъ—недѣли двѣ въ болотахъ провелъ. Сама знаешь—не жалѣетъ онъ себя на работѣ. Огонь! Ну лежитъ онъ вчера въ постелѣ—чуть свѣтъ слышитъ возы. А это въ лавку Голохвастовскіе мужики понаѣхали. Свадьба у нихъ—такъ за покупками. Терпѣлъ, терпѣлъ Сенька, да какъ сорвется въ чемъ былъ,—въ одной рубахѣ въ лавку... Чего ты? спрашиваю. Мочи моей нѣтъ. Продешевитъ ситцы мошенникъ Мурашка (приказчикъ у меня). Да часа два съ мужиками-то зубъ за зубъ цапался. Теперь лежитъ, плачетъ, говоритъ: мнѣ горько, папаша, подумать, что Мурашка-то теперь одинъ въ лавкѣ орудуетъ. То зря уступитъ, то лишку отмѣритъ. И всего убытку на полтину, а у него душа кровью сочится. Этотъ у меня надежный! Не расточитъ... И Юрка тоже—посылалъ я ему денегъ на книги да на бумагу въ гимназію, а онъ ихъ на-

задъ привезъ. Спрашиваю: какъ же ты безъ книгъ?.. А я, тятенька, у товарищей въ орлянку выигралъ!.. Дѣти у меня, надо правду говорить, благословеніе Божіе... Младшій только плохъ, но еще будетъ время, выправится.

— Какъ это вы съ ними умѣете?—спросилъ я Анну Степановну, когда хозяинъ за чѣмъ-то ушелъ къ себѣ въ кабинетъ съ балкона.

— Дѣло немудреное. Со всякимъ человѣкомъ можно—надобна только сноровка, съ какой стороны къ нему подойдти. Опять же онъ вѣритъ, что мнѣ деньги нужны не на пустяки.

— Точно что, — вмѣшался хозяинъ, входя... — Глупое дѣло—не хитрое, а ты съ умомъ попробуй. Вотъ ты меня ограбила, а я тебя люблю. И впередъ, если что нужно, милости просимъ.

Когда мы вышли—городъ уже засыпалъ. Было темно, бездна звѣздъ трепетала надъ нами. Луна должна была показаться часовъ въ десять. Далеко, далеко въ степи горѣлъ огонекъ.

— Только и дышешь у васъ по вечерамъ...

— Да... вотъ погодите, въ концѣ іюля еще хуже будетъ. А вы надолго къ намъ?

— Нѣтъ.

— Жаль... Есть что посмотрѣть... Не въ городѣ разумѣется. Въ Россіи самое неинтересное—города. Всѣ на одно лицо... Знаете, какъ стертые гривенники. А въ уѣздѣ по деревнямъ...

— Да вѣдь куда же поѣхать?..

— А куда глаза глядятъ. Нѣтъ хуже, какъ по программѣ, ничего толкомъ не увидите. Васъ всюду примутъ съ удовольствіемъ... Мы вѣдь здѣсь свѣту не боимся. Даже больше вамъ скажу, коли писать станете—обрадуете. Богъ знаетъ, что о насъ толкуютъ въ Петербургѣ или Москвѣ. Читаешь газеты и журналы и поневолѣ вспоминаешь:

Съ кого они портреты пишутъ,
Гдѣ разговоры эти слышутъ.

— А если я васъ поймаю на словѣ, да къ первой къ вамъ?

— Что же—обрадуете. Только предупредите, чтобы уголокъ приготовить. Вамъ спать не хочется?

— Нѣтъ.

— Пойдемъ въ садъ. Жалко въ душную комнату забираться.

— Развѣ здѣсь есть садъ.

— А то какъ? Вы что про насъ думаете?

— Городской?

— Какъ вамъ сказать? Были здѣсь богатые помѣщики Малишевскіе. Теперь они за границей живутъ. Домъ ихъ отданъ подъ думу и земскую управу. Ну, кое-какъ и садъ поддерживается. Одинъ изъ земцевъ у насъ—страстный садоводъ. Онъ-то и хлопочетъ надъ этимъ. Вы не шутите — на версту аллеи раскинулись.

— Да отчего же ихъ не видно издали?

— Въ балку хоронятся. Все въ глубь идетъ. Отъ солнца подальше и къ водѣ поближе...

V.

Дивно хороша была эта ночь, и будто заколдованный въ ея голубомъ царствѣ спалъ старый, прохладный садъ. Спалъ, грезя призраками. Мы ихъ видѣли—его поэтическіе сны—они скользили по сумеречнымъ аллеямъ, подымались изъ-подъ куртинъ, надъ которыми стоялъ густой ароматъ. Балка расширялась, но склоны ея оставались такими же крутыми. Сверху дорожка шла ступенями. Въ потемкахъ я различалъ, что онѣ перевиты и заглушены всякою порослью; надо было идти осторожнѣе. Звѣздная бездна вверху—бездонная темень внизу. Между ними зигзагъ на отвѣсѣ прилѣпившейся аллеи съ громадными дубами и липами, узловатые корни которыхъ, подымаясь, точно грозили кому-то въ зловѣщемъ мракѣ...

— Что, трудно идти? — смѣялась Анна Степановна.— Дайте-ка вашу руку.

— Это что же... Я за даму?

— Нѣтъ, а потому, что я всякое мѣстечко здѣсь знаю... Люблю этотъ уголокъ. Когда-нибудь куплю его... Только бы мнѣ дознаться, гдѣ эти Малишевскіе.

Въ глубинѣ между старыми деревьями кто-то бѣлый и тонкій. Всматриваюсь—невѣдомо какъ взобравшаяся сюда береза. Рядомъ съ нами, булькая и всхлипывая, торопится ручей. Выбился изъ-подъ земли и спѣшитъ перегнать насъ... Его не видно — и невольно ступаешь осторожнѣе, какъ бы

не попасть въ воду. Отбѣжалъ въ сторону, жалуется на какую-то обиду изогнувшимся корнямъ, и опять, вернувшись, шипитъ и злится на камень, что перегородилъ ему путь.

— Ну, вотъ и пришли...

Задумчивы и благоговѣйны густыя вершины... Застыли въ легкой ночной дремѣ осыпанные цвѣтами кусты, и каждый изъ этихъ цвѣтовъ раскрылся и жадно дышетъ прохладой. Какое нѣжное благоуханіе! Разлилось въ сонномъ воздухѣ и лежитъ недвижно. Едва различаешь дорожку, что вьется вдоль. Чу!.. шелохнулась птица въ вѣтвяхъ. Слабый пискъ, и опять святая тишина. Не хрусти старыя вѣтки подъ ногами — заворожило бы душу это молитвенное безмолвіе... И какъ къ лицу старому, запущенному саду этотъ мракъ... Только вдали что-то свѣтится тускло, тая въ туманѣ... Мы подходимъ —тутъ ужъ рѣка близко. Мгла поднялась, окутала большую куртину привольно разросшихся жасминовъ и рядомъ съ ея бѣлыми цвѣтами нервно вспыхиваютъ и раздраженно горятъ свѣтмяки...

— Соловьи не поютъ, жалко... — послышалось рядомъ.

— А здѣсь они должны быть очень хороши, Анна Степановна.

— Да... Тихо безъ нихъ.

Ночь, дѣйствительно, точно притаилась и подстерегала. Только когда мы вышли къ рѣкѣ, вдали за обрубомъ того берега раскинулось красное зарево. Я бы подумалъ пожаръ, еслибы оно не было такъ неподвижно. На немъ, все черное, рѣзко выдѣлялось большое и кудрявое дерево. Я даже различилъ корявый сукъ, изогнувшійся винтомъ вверхъ, и черную птицу на немъ. Когда багровый отсвѣтъ поблѣднѣлъ, засеребрился — я понялъ, что мѣсяцъ поднимался надъ степью... Въ сказочномъ уголкѣ даже рѣка бѣжала безшумно. Мы видѣли ея движеніе, но не слышали его—по желтому песку ровнаго дна въ нѣжной и безсильной травѣ береговъ. Около была деревянная скамья. Анна Степановна сѣла.

— Изъ-за чего человѣкъ волнуется, подумаешь.

Я обернулся къ ней. Сообразивъ, что я не понялъ, она пояснила:

— Вѣдь вотъ природа, какъ она прекрасна... Живи ею.

Я засмѣялся.

— Не вамъ бы говорить. На сколько я успѣлъ въ васъ всмотрѣться, вы всю жизнь ключемъ кипите?

— Да, что-жъ изъ этого?.. А все-таки завидую—и этой тихой рѣкѣ, и старымъ деревьямъ. Вдумаешься, сколько тутъ счастья разлито и какого еще! Это вѣдь только мы въ высокомѣріи своемъ обезсмыслили природу; весь ея умъ себѣ присвоили. А почему бы деревьямъ не думать и не чувствовать, рѣкѣ не мечтать, цвѣтамъ не молиться?..

Я всмотрѣлся въ лицо сосѣдки и не узналъ его. Портившее его выраженіе мужской энергіи исчезло. Большіе глаза ушли вглубь, всѣ черты преобразились, на нихъ легли мягкія, нѣжныя тѣни, даже въ голосъ, громкій и непріятный, прокралась едва замѣтная ласка.

— Странный вы человѣкъ!..

— Почему?

— Такъ, васъ не поймешь, Анна Степановна. То вы кажетесь усовершенствованною Коробочкой, то акклиматизировавшимся у насъ Лассалемъ въ юбкѣ, а тутъ вдругъ чуть не стихами заговорили... Не разберу ничего.

— Знаете почему? У васъ, у писателей, родъ человѣческій весь по стойламъ распредѣленъ, ну, если хотите, по типамъ. Удивительные вы классификаторы, и пока не найдете для каждаго новаго икса соотвѣтствующаго стойла, до тѣхъ поръ успокоиться не можете. А я вотъ—особенная, ни подъ одну вашу графу не подхожу...

— Значитъ, для васъ надо заводить новую.

— Попробуйте.

— Раскусить васъ только очень трудно—что вы такое?

— Жестка, что-ли, боитесь зубы сломать? А хочется вамъ на меня ярлычекъ наклеить?..

Я засмѣялся.

— Вы въ самомъ дѣлѣ интересная. Выпуклая.

— Какая?

— Выпуклая!—повторилъ я.

— Ну, на этотъ разъ я сама васъ не понимаю.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло. Насъ, привыкшихъ всматриваться въ людей, за послѣднее время поражаетъ одна особенность. Все плоскіе попадаются. Стоитъ en face—человѣкъ, какъ человѣкъ. Поверните его бокомъ—линіи отъ картона и ничего больше. Точно не живые... Изъ области второго из-

мѣренія, что-ли? А вы выпуклая. Васъ съ разныхъ сторонъ хочется разсмотрѣть, потому что вы отовсюду видны. Вы сами по себѣ и вотъ еще... по крайней мѣрѣ мнѣ это такъ кажется—ничего и никого вы не боитесь...

— А чего же мнѣ бояться, чѣмъ такимъ жизнь удивить меня можетъ?..—Она задумалась. Я молчалъ тоже.—Посмотрите теперь, какъ это красиво.

Луна поднялась надъ обрубомъ прохладной балки, чуть тронула рѣку серебряной кистью и разбросала по ней свѣтлые, колышущіеся блики, той же кистью брызнула искры по кустамъ и деревьямъ, и плотные, блестящіе листы ихъ загорѣлись бѣлыми огоньками... По цвѣтамъ пролилась —и они выступили изъ однообразнаго потемочнаго фона, и я разомъ понялъ, откуда такъ пахло розами—онѣ были рядомъ. Точно лунѣ не довольно было этой работы, она занялась аллеей и по ея песчаной дорогѣ нарисовала причудливые узоры перепутавшихся вѣтокъ, листьевъ—точно тусклое золото ея все покрыло неподражаемою чернью... Темная бездна небесъ просвѣтлѣла. Зажмурились и заснули еще нѣсколько минутъ назадъ такія яркія звѣздочки, и только безсонными семью очами глядѣла Большая Медвѣдица... По рѣкѣ заиграли бѣлые хлопья, будто окутавшись паромъ, эльфы припали къ водѣ и полощутся въ ней... Бѣлые хлопья свивались, тянулись вверхъ, складывались въ сквозные причудливые призраки, срывались прочь и уходили за деревья, начинать тамъ на лунныхъ полянкахъ свою волшебную пляску. Зазвенѣло въ вершинѣ каштана—сухо и рѣзко. Отозвалось въ старой липѣ; гдѣ-то крикнула лягушка, и вдругъ точно два звука флейты—стали заигрывать одна съ другой, сплетаться и опять расплетаться, нѣжные, нѣжные...

— Что это за птицы? Вы не знаете.

— Нѣтъ... Изрѣдка только поютъ... У меня въ имѣніи ихъ больше.

— А у васъ есть садъ, Анна Степановна.?

— Какой еще!.. Если заѣдете ко мнѣ—я имъ похвастаюсь.

— Вы очень богаты?

— Я?.. Какъ вамъ сказать... Очень?.. Нѣтъ. Но кое-что могу дѣлать—и дѣлаю.

— По наслѣдству вамъ досталось?

— Что это вы „съемочку“ начинаете? Беллетристическій допросъ по всей формѣ?

— Нѣтъ, такъ.

— Я двѣнадцать лѣтъ назадъ пріѣхала сюда — и было у меня всего два ситцевыхъ и одно барежевое платье для парада, „пальто-дипломатъ“ со шнурками, пять рублей денегъ и сочиненія Добролюбова. Вотъ и весь мой багажъ, если не считать бѣлья въ обрѣзъ да стоптанныхъ башмаковъ на ногахъ... Я вѣдь, знаете, чѣмъ явилась въ эту богоспасаемую глушь? Фельдшерицей! Чего вы это отодвинулись?..

— Всего, всего ожидалъ, только не этого. Какая вы фельдшерица!

— Настоящая была. Да еще фельдшерица-идеалистка. Это совсѣмъ особый типъ; цѣлый міръ спасти изъ лазарета думала. Священнодѣйствовала. Перевязки дѣлала молитвенно. Старый докторъ тутъ былъ,—смѣялся надо мною. Вы, говоритъ, гумозный пластырь накладываете, точно отъ этого сейчасъ невѣроятное чудо произойти должно. Я увѣренъ, что Моисей не такъ жезлы въ змѣй обращалъ! Въ земской управѣ одинъ дуракъ окрестилъ меня Жанной д'Аркъ клистирно-карболовой арміи, и такъ это понравилось, что потомъ отбиться я отъ прозвища не могла. Дѣтское было все, а хорошее какое! Во всякую правду вѣрилось, въ каждомъ мерзавцѣ непремѣнно человѣка отыскивала и, представьте, вѣдь рѣдко ошибаться приходилось. Вѣдь, если душа у насъ мусорный колодезь, такъ внизу, на самомъ днѣ ея что-нибудь все-таки хоронится получше мусора. Изъ больницы я не выходила. Простое дѣло—ну, напримѣръ, касторки, что-ли, дать—мнѣ подвигомъ казалось. И самой смѣшно теперь, какъ я эти подвиги благоговѣйно совершала. Былъ тутъ одинъ докторъ у насъ,—потомъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ,—смотрѣлъ, смотрѣлъ на меня. Чего вы? спрашиваю. Да вы, Анна Степановна, точно сосудъ съ драгоцѣнною жидкостью, такъ и ходите, будто расплескать ее боитесь. И была это неправда, потому что я въ этой же больницѣ, ухаживая за крестьянами, три тифа выдержала и все-таки отпускомъ не воспользовалась. Всю себя расплескать готова была.

— И вамъ не тяжело было, хотя бы на первыхъ порахъ?

— Я этого не замѣчала. Должно быть, трудно—иначе бы не сваливалась... Мы вѣдь на школьной скамьѣ хотимъ от-

дать себя „безъ устатку“ дѣлу. Найдемъ его—и всѣ въ восторженномъ угарѣ. Я о сестрахъ милосердія на войнѣ читала, вѣдь это то же самое.

— Тамъ грандіозная декорація была.

— Она вамъ нужна—мужчинамъ.

— Вона!

— Въ самомъ дѣлѣ—если вы вглядитесь—вы увидите, что на насъ, на женщинъ, обстановка вовсе не дѣйствуетъ. Мы легко уходимъ въ подвалы, въ духоту рабочихъ артелей, сживаемся съ партіями переселенцевъ. Мы—какъ бы это выразиться—ну, если хотите,—духовнѣе васъ. Мы скорѣе увлекаемся содержаніемъ, чѣмъ формою.

— Въ первый разъ слышу.

— А васъ не поражало, что мужчина ищетъ въ женщинѣ красоту,—а насъ одной внѣшностью не обойдешь. Оттого мы такъ часто къ уродамъ привязываемся. Хотя бы къ горбунамъ—они вѣдь почти всегда умны.

— Просто дѣвушки уходили на такія дѣла, какъ ваше, уже привыкнувъ къ лишеніямъ.

— На мнѣ первой это не оправдывается. Васъ, очевидно, спутало званіе фельдшерицы. А вы знаете, на курсы откуда я пришла?.. Моя дѣвичья фамилія—***.

И она мнѣ назвала одно изъ довольно громкихъ именъ.

— Позвольте, да въ Петербургѣ ***—родня вамъ.

— Братья! Выросла я вмѣстѣ съ ними и цѣны ничему не знала... Судила о нищетѣ по добродѣтельнымъ англійскимъ книжкамъ или по „розовой библіотекѣ“, гдѣ бѣдняки отлично вымыты и философствуютъ, какъ дай Богъ любому пастору... А сколько мнѣ одолѣть пришлось! Вѣдь изъ-за этихъ самыхъ фельдшерскихъ курсовъ мои разорвали со мною. Сестры и братья зачислили меня въ разрядъ declassée. Мать плакала передъ дядей: представь наша Аня—стала „падшей“ женщиной. Справлялись, нельзя-ли меня силою въ монастырь упечь! И когда ничего не помогло—отняли у меня все. Я давать уроки бѣгала изъ Ковенскаго переулка въ Коломну. Я втроемъ съ подругами жила въ крохотной комнаткѣ, гдѣ между кроватями бокомъ пробирались, а обѣдали мы на Васильевскомъ островѣ по пятнадцати копѣекъ въ дешевой столовой. Такъ что, когда я попала на восемнадцать рублей зем-

скихъ денегъ въ мѣсяцъ, такъ мнѣ этотъ самый городокъ раемъ показался... Какое было радужное время!..

— Вѣчные миражи молодости!

— Миражи-ли? Вѣдь отъ миражей никому и никакой пользы. А мы настоящее дѣло дѣлали... И какъ полна была жизнь. Сколько чистоты и наивности!.. Я помню, началась у насъ эпидемія. Меня отправляли въ уѣздъ. Старикъ-докторъ, напутствуя меня, пожелалъ: дай Богъ, чтобы у васъ поменьше дѣла было! А я ему, не сообразивъ, съ жаромъ: нѣтъ, зачѣмъ поменьше—побольше надо, побольше! Потомъ самой стыдно сдѣлалось. Душа ни въ чемъ мѣры не знала. А какъ попала я въ тифозное гнѣздо — тутъ-то дѣйствительность и давай меня околачивать обо всѣ углы. Я въ первый разъ съ настоящею бѣдностью столкнулась, съ мужицкой, ничѣмъ неприкрытой... И какъ подумала о Петербургѣ—такъ самой страшно. Десятскій привелъ меня на постой въ избу. Холодно. Въ печи ни уголька. Ѣсть нечего. Баба ходитъ помутившаяся, дѣти уже не ревутъ, а молча на глазахъ гаснутъ. Мужикъ уронилъ голову на руки, да такъ и замеръ. А хозяйка одно твердитъ: топоромъ дѣтей зашибу и сама въ пролубь!.. Вотъ тутъ-то я поняла, что нѣтъ малыхъ денегъ и малаго дѣла. Мои восемнадцать рублей истинное чудо совершили... И принялась же я за дѣло. Тутъ встрѣтила, подъ стать себѣ, только-что выпущеннаго изъ медико-хирургической академіи врача-идеалиста Козельскаго.

— Вѣдь это и ваша фамилія.

— Да... Послѣ эпидеміи я за него замужъ вышла. Вы вотъ говорите вѣчные миражи, а мы съ нимъ только этими миражами и жили. Другъ передъ другомъ до смерти работали. Ни днемъ, ни ночью покоя. Что насъ поддерживало? Вѣрно нервное возбужденіе—оно вѣдь всякую бѣду осиливаетъ. Васъ не поражало, почему это хотя бы во Франціи—гдѣ смертная казнь—приговоренные не болѣютъ. Вѣдь, кажется, ужъ умереть отъ болѣзни для нихъ счастье, и чего для этого они ни готовы сдѣлать, а между тѣмъ пользуются великолѣпнымъ здоровьемъ... Все поднято внутри. Этакого высокаго діапазона никакая бѣда не осилитъ.

— Вы долго были замужемъ?

— Пять лѣтъ.

— Сплошнаго счастья?..

— Да, мы крѣпко любили другъ друга. Но со стороны на насъ надвинулись такія тучи. Я вамъ сказала, что онъ былъ идеалистъ. Въ нашемъ больничномъ мірѣ и теперь не оберешься злоупотребленій, а тогда! Старые-то доктора не вымерли, а у новыхъ еще силы въ рукахъ не было. Ну, онъ молчать не умѣлъ. Всякое лыко въ строку ставилъ и безъ змѣиной мудрости, а какъ донъ-Кихотъ на Росссинантѣ, прямо на мельничныя крылья. И я въ этомъ отношеніи отличною была ему сотрудницей. Теперь я всякую пакость, хотя бы здѣсь вотъ, одолѣть съумѣю. Надо сначала обойти ее кругомъ, высмотрѣть, да въ живое мѣсто и ударить, а то подрыться подъ нее—и лети она со всѣхъ четырехъ копытъ. А тогда мы лбами въ стѣну, а стѣны были крѣпкія. Ну, и убрали насъ. И вотъ что больно—все, что еще недавно натравливало его, моего мужа, теперь первое отвернулось... „Съ вами свяжешься-де—въ исторію попадешь“. И до мелочей даже... Хотя бы тотъ же Безмѣновъ первый отъ насъ отступился—пустые люди оказались мы. И все было разомъ забыто. И какъ мы работали, и какъ себя сами въ жертву приносили и болѣли на опасномъ дѣлѣ. Кланяться перестали намъ. На улицу выбросили...

— Волчья сыть!

— Что такое?

— Такъ мѣщанина я встрѣтилъ одного. Онъ меня съ „волчьей сытью“ познакомилъ.

И я ей объяснилъ это слово.

— Да, именно „волчья сыть“... Какъ это мѣтко! Даже бѣднота у насъ лѣчиться перестала. Натерпѣлись мы горя. У мужа была крошечная землица въ уѣздѣ, мы туда уѣхали. Теперь вонъ толстовцы простой личный трудъ проповѣдуютъ, а мы его по необходимости узнали. Пришлось самой и полы мыть, и бѣлье стирать,—а тутъ еще господа урядники. Прослыли мы безпокойными людьми, и стали они надзирать. По какому такому случаю, дозвольте увспросить, вы, образованныя дамы, и вдругъ бѣлье въ пролуби полощете. Какъ это понимать?.. Зато мужики насъ утѣшили. Сначала присматривались — не долго,—а потомъ и полюбили, и они уже не затруднялись „какъ это понимать!“ Прямо шли на помощь. Пропали бы мы безъ нихъ. Просилась я въ школьныя учительницы — почему-то неблагонадежной оказалась.

Мужъ на мѣста являлся—у прежняго начальства справлялись, и всюду былъ отказъ. Вы не можете себѣ представить, сколько мстительности у людей. Вѣдь раздавили человѣка, кажется,—нѣтъ, мало, только-что онъ голову приподымаетъ, его опять пяткой. Не дыши-де. А въ чемъ такомъ мы провинились? Никакой „политики“ за нами не значилось. Говорятъ, мы, русскіе, отходчивы. Не знаю, я что-то этой отходчивости не замѣчала... Лучше и не вспоминать, что было за это время. Съ меня мой идеализмъ и дѣтскую, чистую вѣру—какъ рукой сняло. Я первая поняла, что борьба за существованіе не вымыселъ, а суровый и подлый законъ. Надо было отвоевать себѣ мѣсто, ожесточиться самой, „ошкурѣть“, какъ говоритъ господинъ Безмѣновъ. И чѣмъ больше хочешь добра людямъ сдѣлать, тѣмъ скорѣй научись не только самой отбиваться, но и удары наносить. Мой мужъ этого не выдержалъ. Видѣли бы вы его въ двадцать девять лѣтъ—онъ весь сѣдой сдѣлался. Все за сердце схватывался, началъ на перебои жаловаться, на тупую боль и скончался тридцати... Послѣднія его слова: „тебѣ безъ меня легче будетъ“. Святымъ жилъ—святымъ и умеръ. Ну, тутъ ужъ и я измѣнилась. Вѣдь люди какая слабодушная дрянь! Заставь ихъ себя бояться хоть призракомъ силы — они передъ тобой распластаются. Пусть они видятъ только, что ты, какъ и они, неразборчива на оружіе и готова бить ихъ, чѣмъ попадется подъ руку. Или они тебя боятся, или раздавятъ... И чтобы между ними настоящее хорошее сдѣлать дѣло—надо, чтобы за тебя прежде всего голыми руками хвататься не смѣли. У нихъ даже звѣринаго благородства нѣтъ—снисходительнаго презрѣнія къ слабому. Видѣли-ли вы, что съ больными котятами дѣлаютъ? Выползетъ такой—опаршивѣвшій, съ перебитыми лапами, на солнце... Пригрѣетъ его, и онъ, тяжело дыша, одолѣвая страданіе, по-своему пользуется доступнымъ ему минимумомъ радости... Идетъ мимо двуногій подлецъ и сейчасъ камнемъ въ него... а сердобольная душа: Ахъ, убейте вы бѣднаго... Чего котикъ мучится... Ей, видите-ли, больно видѣть, какъ онъ корчится и стонетъ. Вотъ мы именно такими больными котятами и были... Ну, я ожила и показала имъ, что у меня есть когти...

— И любви къ человѣку у васъ не осталось?

— Любви?.. Къ тому, кто въ ней нуждается. Къ сла-

бому... Я не по книжкѣ мужика, напримѣръ, цѣню и готова для него на все... Но... и себя не забуду... Мою долю счастья—пожалуйте мнѣ: Его-то я не уступлю. Вотъ, если побываете у меня—увидите... И еще вопросъ, знаете, когда я была, какъ это называется, „въ общей экономіи“ полезнѣе—тогдали, когда у меня душа въ ниточку вытягивалась, и я себя убивала на черной работѣ, или теперь... А вѣдь я только свой избытокъ отдаю...

— Какъ понимать избытокъ. Если бы Ротшильды тоже свой избытокъ отдали... Формула необходимости еще не опредѣлена...

— И какъ только слабѣю...—тихо проговорила она...—устанутъ руки, вѣки отяжелѣютъ, слипаются, сейчасъ же передо мною точно въявь мужъ... Такой, какимъ я его хоронила. Исхудалый, съ заострившимися чертами. И большіе печальные глаза, которыми онъ прощался со мною, глядятъ на меня. Блѣдный, блѣдный... Восковой даже... Въ гробъ-то его въ оборванныхъ сапогахъ положили. Вѣдь зачѣмъ ему тамъ?—а эти отставшія подошвы—до сихъ поръ передо мною мелькаютъ. Точно—результатъ всей его страдальческой жизни... Многому меня научила эта школа!.. Очень многому...

— И вы не хотѣли бы вернуться къ вашей дѣтской вѣрѣ?

— Я?.. Нѣтъ. Откровенно говорю... На малое дѣло она годится—на большое нѣтъ. Какъ это вы сказали? Волчья?..

— Волчья сыть?

— Да!.. Хорошее слово!.. Намъ не пора-ли назадъ?

Я всталъ.

Луна, теперь уже холодная и спокойная, застыла посреди неба. Равнодушно и тихо струилась рѣка, отражая ея мертвое серебро въ своемъ невозмутимомъ зеркалѣ. Неподвижно замерли надъ нашими головами вѣтки, цвѣты къ полуночи опустили утомленныя головки, точно и на нихъ смерть дохнула убивающимъ сномъ. Свѣтляки погасли—одни жасмины еще сильно пахли, пахли до одури, но въ ихъ ароматѣ чудилось уже что-то злое, безпощадное. Онъ отравлялъ теперь, а не нѣжилъ, не ласкалъ... Точно изъ бѣлой ваты, торчала трава изъ тумана, припикшаго къ землѣ... Двѣ, три березы казались завернутыми въ саваны призра-

ками. Подъ деревьями—сырая тьма; оттуда вѣяло могилой. Фосфорическія пятна мѣсяца по дорожкамъ складывались въ странныя фигуры, отъ вида которыхъ холодѣла кровь въ жилахъ. На одномъ такомъ пятнѣ — распластавъ крылья— лежала птица съ проклеванной головою и безсильно поджатыми лапками. Когда мы шли къ отвѣсу балки, за деревьями рядомъ съ нами что-то кралось темное, безформенное. Ухнуло вдали за рѣкой и мы вздрогнули.

Анна Степановна засмѣялась.

— Подумаешь, что рядомъ съ нашимъ или въ немъ самомъ существуетъ другой, таинственный міръ, и мы его угадываемъ, смутно чувствуемъ въ такія ночи... что-то совершается вокругъ...

Да, именно, что-то совершается. Бьются невидимые пульсы, стелется въ холодномъ воздухѣ чье-то дыханіе. Случалось-ли вамъ засиживаться за письменнымъ столомъ одному въ цѣлой квартирѣ. Въ вашихъ вискахъ, въ вашемъ сердцѣ—ночь мѣрно отбиваетъ свои мгновенія. Тишина полна чѣмъ-то, но чѣмъ? И вдругъ вамъ чудится, что вотъ-вотъ кто-то подходитъ издали сквозь стѣны и двери. Еще минута, и *онъ* положитъ вамъ на плечо свою холодную, большую руку...

Эта ночь, этотъ спавшій въ ея прохладѣ и покоѣ садъ, эти закрывавшіеся цвѣты и причудливыя отраженія, загадочное молчаніе—оставили въ моей душѣ какой-то странный слѣдъ, точно я стоялъ у порога таинственной двери, передъ плотно спущенною завѣсою. Что тамъ было за нею?

VI.

На другой день, утромъ, я постучался къ Аннѣ Степановнѣ. Комната ея была съ тою же неизбѣжною канарейкою подъ потолкомъ. Она, только что ея коснулся жаркій лучъ солнца, встрепенулась и запѣла и сама точно клочекъ золотистаго пламени ворошилась въ сквозной темницѣ.

— Вы вчера не устали?

— Нѣтъ! Вѣдь мы мало гуляли...—отвѣтилъ я.

— Позвольте васъ представить—она назвала меня.—Ѳедосья Васильевна Славкина, моя сосѣдка по имѣнію.

Новая знакомая уставилась на меня такъ, что на пер-

выхъ порахъ мнѣ стало даже неловко. Она, впрочемъ, сама спохватилась.

— Вы меня извините...—Я сейчасъ узналъ ея голосъ, нѣжный и нѣсколько разслабленный.—Вы меня извините. Я это васъ потому разглядываю, что вы моего друга Анну Степановну угадали.

— Какъ это?

— Да вы ее описали раньше, чѣмъ увидѣли

— Признаюсь, я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Только въ другой обстановкѣ, а то совсѣмъ она. Я о вашихъ очеркахъ сѣвера говорю. Есть у васъ тамъ Серафима-корабельщица...

— Развѣ похожа?

— Еще какъ... Я даже ей, Аннѣ Степановнѣ, вслухъ читала. Портретъ. Вымыть вашу Серафиму, подучить ее да пустить къ намъ, и будетъ Анна Степановна.

Ѳедосья Васильевна, проговоривъ это, устала. Лѣнивая была дама, да и круглая слишкомъ. Впрочемъ, къ такимъ блондинкамъ, какъ она, съ большими и нѣсколько робкими голубыми глазами эта расплывчатость идетъ. Имъ бы спать точно кошкамъ, ютиться по угламъ дивана, да грѣться у камина. Располнѣвшая шея ея упиралась въ высокую грудь. Платье ложилось широкими складками и изъ-подъ него видны были маленькія ножки въ мягкихъ туфляхъ...

— Вы не особенно ее слушайте—смѣялась Анна Степановна.

— Почему?

— Она влюблена въ меня.

— Еще бы, если у тебя есть все то, чего недостаетъ мнѣ. И сила, и характеръ, и энергія. А только я ей не завидую. Подумайте, чего она тормошится все! Такъ пріятно—сидѣть, ничего не дѣлая, думать или читать хорошее, что нервовъ не разстраиваетъ и души не волнуетъ... Выйти въ садъ—посидѣть. Цвѣты кругомъ. Воздухъ—точно бархатный. Вѣтерокъ въ лицо пахнетъ нѣжно-нѣжно... Небо ясное... Покойное. А ты-то въ это время то туда, то сюда... Одна забота за другою, точно съ голоду умереть боишься. На твой вѣкъ хватитъ, чего же тебѣ еще?..

— Она у меня эпикурейка... на словахъ... А сама надъ всякою нуждою разрывается... Плакать готова.

*

— Ну ужъ...

Но тутъ вдругъ въ комнату влетѣлъ Герасимъ...

— Генералъ къ вамъ проситься!

— Ну, пустите его, если проситься... Сейчасъ я васъ познакомлю...—Только и успѣла проговорить она, потому тотчасъ же въ дверяхъ загудѣлъ знакомый басъ.

— Нѣтъ, представьте какой мерзавецъ Безмѣновъ!.. По чемъ, вы думаете, разсчиталъ онъ меня вчера за жито?

— По двадцати?

— А вы какъ знаете?

— Онъ мнѣ самъ...

— Хвастался?

— Нѣтъ, говорилъ... Что-жъ ему хвастаться? Онъ вѣдь привыкъ къ этому. За то онъ васъ въ правленіе посадитъ.

— Да вотъ-съ, съ мужиками буду рядомъ теперь сидѣть... Это я-то, Государю моему генералъ.

— А, вѣдь, дѣло-то общее.

— Общее? Какое, спрашиваю я у васъ, можетъ быть у меня общее дѣло съ прохвостами? Я вотъ Николаевскій знакъ на груди ношу... Я вѣдь при блаженной памяти Николаѣ Первомъ, въ ротѣ Его Величества въ первомъ кадетскомъ фельдфебелемъ былъ... Вотъ какъ. Это вы во что считаете? Мы вѣдь въ тѣ времена,—подлинно незабвенныя!—не финти-фантами занимались, а тихимъ шагомъ въ три пріема маршировали. Впрочемъ, виноватъ,—только-что онъ замѣтилъ меня..—Я, можетъ быть, по современному говорю глупости, а?

Анна Степановна спохватилась.

— Генералъ Сергѣй Сергѣевичъ Узорный.

— Не Сергѣй Сергѣевичъ,—поправилъ онъ,—а Сергій Сергіевичъ... А съ кѣмъ я имѣю честь...

И узнавъ, что я писатель, онъ вдругъ обидѣлся. Окинулъ меня съ ногъ до головы...

— Отчего не служите?

— Служу по-своему.

— Тото что по - своему!.. Въ наши времена узнали бы вы „по-своему“.

— О вашихъ временахъ и позабыть пора. Мало-ли кошмаровъ было.

Генералъ опѣшилъ и, желая поправиться, вдругъ пояснилъ.

— Нѣтъ, это я потому, что при мнѣ писатели всѣ госу-

дарственную службу проходили... Пушкинъ напримѣръ, Лермонтовъ, Гречъ... Ну и прочіе... Кромѣ негодяевъ, на особенномъ замѣчаніи... А вы Греча не знали? Вотъ еще Кукольникъ... Рука Всевышняго отечество спасла! Теперь книжку развернешь—хоть плюнь. Какъ Вуколъ Матвѣевичъ Безмѣновъ разговариваетъ, такъ и пишутъ. А тогда благороднымъ языкомъ, въ высокомъ штилѣ, а почему:—низкихъ сюжетовъ не было, дворянскія чувства изображались съ дозволенія начальства. А впрочемъ, я радъ познакомиться. Можетъ быть, и вы достойный писатель,—не имѣлъ еще случая читать. Милости просимъ ко мнѣ, побесѣдуемъ. Я въ молодости даже Марлинскаго наизусть зналъ. А Бенедиктова и по сей день помню. А то что-жъ это, помилуйте. Вотъ, Анна Степановна, посудите и вы... Въ прошломъ году меня въ газетахъ пропечатали, будто я крестьянскую телѣгу въ оврагъ скинуть приказалъ... Что-жъ что приказалъ?.. Отчего *онъ* не посторонился. Видитъ генералъ ѣдетъ!.. Я не даромъ погоны ношу. И притомъ, я на другой день позвалъ его къ себѣ, мужика этого самаго, и когда онъ мнѣ въ ноги упалъ, такъ я ему, свиньѣ, за пять телѣгъ заплатилъ. И вдругъ выходитъ, что я „Тамерланъ!“ Позвольте... Положимъ, Тамерланъ—государь былъ, но вѣдь онъ, корреспондентъ этотъ, обо мнѣ въ укоризненномъ тонѣ? Нашъ уѣздный самодуръ, видите-ли! И кто пишетъ-то? Апѣшкинъ... Приказная строка! Въ наше время мы, бывало, позовемъ такихъ въ полкъ и давай имъ подъ ноги стрѣлять, чтобы прыгать ихъ научить... Мы это даже сморгонскою академіей называли... Его бы по-настоящему, еслибы нынѣшняго послабленія не было, подъ военный судъ за это... А вы тоже про нашего брата?..

— Нѣтъ, онъ больше романы и повѣсти!—смѣялась Анна Семеновна.

— Знаю я эти романы. Названіе невинное... Въ трехъ частяхъ сказано, и начнешь на сонъ грядущій читать. Смотришь,—генералъ въ смѣшномъ видѣ, чтобы такіе, какъ милостивый государь Апѣшкинъ, радовались... Нѣтъ, прежде было куда проще. А впрочемъ, я опять-таки скажу—противъ васъ ничего не имѣю... Даже откушать милости просимъ... У меня отъ стараго времени еще поваръ остался. Изъ моего полка, солдатъ. Но только я вамъ доложу, хорошо въ Москвѣ у Тѣстова кормятъ, а онъ имъ носъ утретъ...

— Что-жъ вы будете, ваше превосходительство, въ банкѣ дѣлать?—спросила его Ѳедосья Васильевна.

— Сидѣть-съ...

— И только?..

— Ну, тамъ подписывать... Я этой подлости, чтобы съ бумагами возиться и въ дивизіи не признавалъ. На то писарей Господь Богъ создалъ... Вмѣстѣ съ рыбами и птицами въ четвертый день... Принесъ онъ мнѣ кляузу, либо отписку, черкнулъ я на ней „Узорный“, и ступай вонъ. И въ банкѣ у нихъ такіе же писаря есть. Имъ это и вѣдать надлежитъ. Потому что я для довѣрія приглашенъ. Казенный интересъ соблюдать!

— А мнѣ васъ жалко...

— Почему.

— Подведутъ они васъ.

— Ну вотъ! Въ чемъ? Тамъ у нихъ свои ревизоры существуютъ. Я для почета, они для черной работы. Это и въ наши времена презусовъ назначали... У кого изъ генераловъ видная фигура—презусъ... И ничего, кромѣ отличій, изъ этого не выходило... У насъ требовался парадъ. Даже какъ случалось... Слышали вы,—обернулся онъ ко мнѣ,—про ***.

— Да, слышалъ.

— Орелъ былъ... Крылья распустить—не охватишь... Стратигъ настоящій... Ну, такъ узналъ онъ, что господа генералы повадились изъ лагеря въ Питеръ ѣздить... И отдалъ приказъ—„не смѣть“... Вотъ двумъ-то—изъ нѣмцевъ они были, дивизіонными, и понадобилось въ столицу, они поѣхали, а на заставѣ-то — стой, ровняйся!.. Что же бы вы думали—ихъ превосходительства нашлись. Ты, говоритъ одинъ другому, назовись моей, а я твоей фамиліей—такъ никто и не узнаетъ, что мы „приказъ“ нарушили. Записали ихъ, а на другой день къ *** на расправу. Такъ, повѣрите-ли—они послѣ того двѣ недѣли разыскивали, какой подлецъ ихъ выдалъ. Вотъ какіе бывали! И всякій свое мѣсто имѣлъ—потому требовался не умъ, а усердіе... Кому умъ нуженъ?—семинаристу, приказному, прохвосту—они этимъ живутъ, а отъ насъ дворянскія чувства и неослабленіе требовалось... Вы какъ полагаете, пріѣхалъ къ намъ на экзаменъ военный министръ Сухозанетъ и спрашиваетъ—я тогда вызванъ былъ—„ты мнѣ не по наукамъ, а скажи вотъ: что нужнѣе луна или

солнце?.. „Понятно, я запнулся. А онъ—„дуракъ, говоритъ, извѣстно луна, потому что днемъ и безъ солнца свѣтло!.. Теперь вотъ—у меня внукъ въ кадетскомъ корпусѣ—пріѣхалъ на каникулы и все съ книжками, все съ книжками... Потолковалъ я съ нимъ—къ чему у васъ начальство стремится?.. Соображеніе, дѣдушка, развиваетъ въ воспитанникахъ. Я такъ и вскипѣлъ. Помилуйте, да въ наше время соображеніе—провіантскимъ крысамъ дѣйствительно нужно было, чтобы при ревизіи отвертѣться. Аудиторамъ—мы ихъ кратко сволочью называли—тоже нелишнимъ оказывалось. Полковымъ адъютантамъ—потому что они съ писарями возятся. Ну, батюшкѣ—для проповѣди, и лѣкарю тамъ—онъ вѣдь самого корпуснаго командира лѣчитъ. А намъ, милостивый государь, требовалось не соображеніе, а величіе души-съ!.. Величіе души! Соображено-то и безъ насъ все въ уставахъ и артикулахъ... А если неожиданные случаи какіе—и о нихъ соображалось въ приказѣ по корпусу... А какое у нихъ, у нынѣшнихъ, величіе души? У внука своего спрашиваю. Дерутъ у васъ... Бываетъ хоть и рѣдко! — Ну, слава Богу, что бываетъ: все твердости въ бѣдствіяхъ научишься. А кричите вы подъ розгами?—Какже, говоритъ, дѣдушка не кричать—больно! Ахъ ты дѣвчонка!.. Даже разозлился—хотя мнѣ и вредно это... У насъ, бывало, приведутъ въ цейхгаузъ, сейчасъ благородно самъ раздѣнешься, pardon mes dames, ни за что дядьку до этого не допустишь. Закусишь руку зубами до крови, дери, сдѣлай одолженіе. И ни звука!.. Вотъ это величіе души... Это я одобряю!.. Такъ бывало и начальство понимало; выдерутъ, „ступай, приказываютъ, въ роту! Молодецъ... Сегодня я прикажу тебѣ за обѣдомъ два пирога!.. Старайся“. Ну, дѣлаешь налѣво круг-гомъ маррршъ!.. И выйдешь изъ цейхгауза точно у непріятеля знамя отбилъ!..

— Фу, какіе вы ужасы!—и Ѳедосья Васильевна еще поглубже забилась въ уголъ дивана...

— Не ужасы! Мы съ вашимъ дѣдушкой одну кашу ѣли... И называлась она березовая... А нынче леденцами отъ Ландрина для разстройства желудка кормятъ. За то люди были... Хотя бы вашъ дѣдушка. Его передъ фронтомъ генералъ изъ нѣмцевъ дуракомъ назвалъ. Такъ онъ выѣхалъ къ нему, отдалъ саблей честь и сказалъ: „честь имѣю вашему высокопревосходительству доложить, что я не дуракъ,

а штабсъ-ротмистръ ахтырскаго гусарскаго полка Славкинъ второй" и тотчасъ же вынулъ изъ кобура пистолетъ и застрѣлился... Вотъ это настоящій... И въ корпусѣ онъ до двухъ сотъ розогъ могъ выдерживать. Развѣ только обернется къ ротному командиру, да и говоритъ ему: „Карлъ Карловичъ, прикажите дядькѣ Бѣляеву драть покрѣпче—совсѣмъ нечувствительно". Такъ вы видите, что значило въ наше время величіе души-съ? И относительно дамъ, развѣ мы по-нонѣшнему обращеніе имѣли? Я вонъ разорился на нихъ, а ваши-то кавалеры? Имъ сейчасъ приданое подавай да еще въ вѣрныхъ процентныхъ бумагахъ, ну, тогда они дѣйствительно—дирекцію направо и бѣглымъ шагомъ, хоть наступленія не труби, все равно. А будь достойная дѣвица, самою природою украшенная, да безъ аммуниціи, они отъ нея сейчасъ—трахъ-тарарахъ-тахъ—отбой-съ по-нашему. Опять и то возьмите, развѣ вы, Анна Степановна, при всей своей дворянской деликатности засидѣлись бы во вдовахъ. Ни за что. Да всѣ бы мы подъ разстрѣлъ!.. Вотъ какъ! Хотя бы и я сейчасъ подъ вѣнецъ съ вами... Готовъ.

— А если я на словѣ поймаю васъ?—смѣялась она.

— Сколько угодно...

— И въ Москву бы вы перестали ѣздить?

— Честное слово благороднаго офицера...

— И вашъ гаремъ?

— Какой гаремъ-съ! Не при васъ буде сказано.—Онъ покосился на меня.—Такіе-ли гаремы бываютъ! Такъ себѣ двѣ, три завалящія дѣвчонки. И то изъ состраданія...

Анна Степановна расхохоталась.

— Это вы все про Дашу? Погодите, она еще вамъ покажетъ свою добродѣтель. Она и сбѣжала-то потому, что я ее выгнать хотѣлъ... Вы посмотрите, какъ у меня мужикъ живетъ... Вѣдь онъ вольный-съ? Могу я на него плевать? Пропадай-де, мнѣ что до тебя, подлеца, за дѣло. А я нѣтъ-съ. Погоритъ—сейчасъ ему избу. Еще когда онъ отработаетъ за нее, да и отработаетъ-ли? Лошадь падетъ—получай, мерзавецъ! Хлѣба нѣтъ — нешто онъ къ кулаку, какже-съ, держи карманъ. Къ генералу, козлиная борода, претъ. Въ ноги кланяется. Ну, обругаешь, а все-таки дашь. Не пропадать же подлецу, какъ червю на пустомъ мѣстѣ!..

— Это правда!—согласилась Анна Степановна.

— А если правда, то хоть и много на мнѣ грѣха передъ Господомъ, но вѣдь не мировому судьѣ разбирать мои дѣла... Кое-что и за меня будетъ передъ престоломъ-то. Не все-же я пакостничалъ... Грѣхи мои-съ, дворянскіе—грѣхи и отъ нихъ мнѣ одному вредъ... А у милостиваго государя Апѣшкина—у мужиковъ крыши содраны, кабакъ и при въѣздѣ и при выѣздѣ, хотя бы для его счастья и одного за глаза довольно-съ. Положимъ, у меня школъ нѣтъ и грамотныхъ я преслѣдую-съ. И на это у меня резонъ. Такъ вѣдь и у Апѣшкина не въ университетѣ мужички свое образованіе получаютъ.

— Что же вы теперь, въ Москву?

— Да-съ.

— То-то закрутите!

Анна Степановна, очевидно, была хорошо посвящена въ его дѣла.

— Надо полагать. Можетъ быть, и въ Петербургъ съѣзжу. У насъ тамъ корпусные обѣды. Показаться надо. Живъ-де еще генералъ Узорный... Не вовсе-съ померъ. А вы меня, старика, извините,—вдругъ обернулся онъ ко мнѣ.—Что съ меня взять... И писатели вѣдь бываютъ разные—не всѣ въ одну масть. Я васъ обидѣть не желалъ-съ. Вотъ, напримѣръ, дѣдушка Крыловъ—я его со звѣздою помню... Или Василій Андреевичъ Жуковскій—стихотворецъ. Или Державинъ—оду „Богъ“-то я въ свое время хорошо декламировалъ... А къ себѣ я васъ жду. Вѣдь этакъ недѣли черезъ три я буду непремѣнно дома. А вы до тѣхъ поръ изъ нашего края не уѣдете?..

— Не думаю.

— Ну, вотъ. Пріѣзжайте—посмотрите, каковъ Сергій Узорный.

И по старому кавалерійскому образцу, молодецки играя бедрами, онъ вышелъ въ двери.

— Это еще изъ лучшихъ у насъ...—замѣтила мнѣ Анна Степановна,—а то я вамъ покажу такую коллекцію, что вы подивитесь. Хотя бы того же Апѣшкина.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННЫХЪ НАПРАВЛЕНІЙ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ МАТЕРЬЯЛИЗМЪ НА РУССКОЙ ПОЧВѢ.

Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію.

VI.

Нѣтъ, кажется, надобности долго останавливаться на томъ, что, по ученію историческаго матерьялизма, въ основѣ юридическихъ, политическихъ и другихъ общественныхъ отношеній лежатъ отношенія экономическія, а сами экономическія отношенія складываются такъ, чтобы въ обществѣ получила преобладаніе та изъ намѣчаемыхъ жизнью формъ производительной силы, которая обезпечиваетъ ему возростаніе матерьяльнаго богатства. Въ числѣ средствъ, при помощи которыхъ одни экономическія отношенія, соотвѣтствующія отживающей производительной силѣ, замѣняются другими, отвѣчающими требованіямъ новой силы, фигурируютъ, между прочимъ, политическія. Въ каждый данный моментъ эти средства находятся въ распоряженіи экономически господствующаго класса, представляющаго ту производительную силу, которая въ свое время смѣнила силу, ей предшествовавшую и закрѣпила опредѣленную экономическую организацію. Когда данныя отношенія производства перестаютъ соотвѣтствовать новымъ условіямъ жизни, и «изъ формъ, содѣйствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, превращаются въ препятствія для ихъ развитія, тогда наступаетъ эпоха общественнаго преобразованія»[1]), подготовляемаго постепеннымъ развитіемъ новыхъ производственныхъ отношеній и ведущаго, съ своей стороны, къ созданію новыхъ экономическихъ отношеній, новаго состава классовъ, новаго соотношенія между общественными силами. Спрашивается, какую роль играетъ господствующій классъ общества во время этого процесса перехода отъ одной формы общественной организаціи къ другой? Разъ въ его рукахъ находится власть, почему

[1]) Марксъ, цитировано по Бельтову, стр. 163.

онъ не закрѣпляетъ своего господства и дозволяетъ враждебному экономическому строю замѣнить тѣ порядки, которые служатъ основаніемъ его преобладанія?

Вопросъ «почему», съ точки зрѣнія эвономическаго матерьялизма, не имѣетъ первенствующаго значенія, такъ какъ исходной точкой этого ученія служитъ мысль о томъ, что основными отношеніями въ обществѣ являются отношенія, диктуемыя условіями производства, къ которымъ принаровляется вся остальная надстройка общества. Поэтому, какъ только данныя политическія отношенія «перестаютъ соотвѣтствовать состоянію производительныхъ силъ, и превращаются въ препятствіе для ихъ дальнѣйшаго развитія, они начинаютъ клониться къ упадку» (Бельтовъ, с. 169). Что сказано о политическихъ отношеніяхъ, то приложимо и къ отношенію общественныхъ силъ, которыя образуютъ другую сторону того же явленія. Общественныя силы, соотвѣтствующія данному экономическому строю и потому господствующія, — разъ поддерживающій ихъ строй «изъ формы, содѣйствовавшей развитію производительныхъ силъ, превращается въ препятствіе для ихъ развитія» —также начинаютъ клониться къ упадку и замѣняются элементами, представляющими новую экономическую систему, постепенно замѣщающую старую и окончательно водворяющуюся вслѣдъ за перераспредѣленіемъ дѣйствующихъ силъ. Процессъ такого перераспредѣленія не всегда ведетъ къ этому послѣднему результату; но если представители новыхъ порядковъ не получаютъ преобладанія, общество обрекается на застой, а быть можетъ, и на гибель.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, если вы желаете соціологически оцѣнить наблюдаемую въ обществѣ борьбу идей, представляющихъ двѣ системы экономической организаціи, то, въ качествѣ экономическаго матерьялиста, вы должны обратиться къ анализу экономической дѣйствительности и признать прогрессивной и имѣющей соціологически законныя права на побѣду ту систему идей, которая представляетъ экономическую структуру, обезпечивающую ростъ матерьяльныхъ богатствъ. При этомъ васъ не смутитъ то обстоятельство, что въ данный моментъ перевѣсъ общественной силы находится на противоположной сторонѣ: вы знаете, что прогрессъ иначе и не совершается, какъ путемъ постепеннаго наростанія новой силы, и что особенной медленностью отличается «психологическая эволюція» (с. 176). Если, поэтому, вы встрѣтитесь съ человѣкомъ, который, выкинувъ знамя историческаго матерьялизма и ссылаясь на законъ классовой борьбы, будетъ пытаться ослабить новое теченіе глумленіемъ надъ его утопизмомъ, «непринимающимъ въ соображеніе эти

(существующія) общественныя силы, и воображающимъ, что ихъ дѣйствіе можетъ остановить по своему произволу та или другая группа лицъ, сильныхъ лишь прекрасными намѣреніями» (с. 276), вы ему отвѣтите, во-1-хъ сожалѣніемъ, что онъ компрометируетъ экономическій матерьялизмъ, апеллируя, какъ къ послѣдней инстанціи, къ политическому фактору, и предложите взамѣнъ этого обратиться къ анализу экономической дѣйствительности; во-2-хъ, упрекомъ въ томъ, что самую объективную систему міросозерцанія онъ отдалъ на службу отживающаго, хотя еще и господствующаго, порядка вещей; въ-3-хъ, удивленіемъ, какъ онъ не знаетъ того, что именуемое имъ «утопизмомъ» есть ничто иное, какъ совершенно законная, съ точки зрѣнія теоріи, идеализація, удесятеряющая силы человѣка въ борьбѣ за слабые пока ростки вполнѣ реальнаго, а не фантастическаго будущаго; не знаетъ, что «въ переходныя эпохи, когда существующая въ обществѣ система права не удовлетворяетъ нуждамъ общества, выросшимъ вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ, передовая часть населенія можетъ и должна идеализировать новую систему учрежденій, болѣе соотвѣтствующую духу времени» (с. 155). Вы ему напомните, что этотъ новый, пока еще слабосильный, ростокъ имѣетъ значеніе какъ то, «въ чемъ зрѣетъ будущее» (с. 248), и что идеологію этого ростка слѣдуетъ оцѣнивать не съ точки зрѣнія ея вліянія на фактическія отношенія данной минуты, а по тому значенію, какое она имѣетъ въ качествѣ элемента, подготовляющаго будущее, въ качествѣ фермента, возбуждающаго новое движеніе, привлекающаго къ нему новыхъ дѣятелей. Словомъ, вашъ окончательный приговоръ будетъ тотъ, что воображаемый нами матерьялистъ, обрушившійся на одно изъ теченій общественной мысли, игнорируя его экономическіе корни, тѣмъ самымъ показалъ, что онъ не настолько усвоилъ это ученіе, чтобы самостоятельно примѣнять его для разрѣшенія проклятыхъ вопросовъ современности.

Однимъ изъ такихъ неокончившихъ свое матерьялистическое образованіе марксистовъ представляется въ данномъ вопросѣ г. Бельтовъ. Пройдя успѣшно элементарный курсъ этого ученія, вынеся изъ него понятіе о классовой борьбѣ, какъ о важномъ историческомъ факторѣ, но не связавъ этого явленія, относящагося къ поверхности общества, съ глубокими источниками историческаго процесса, коренящимися въ состояніи производительныхъ силъ и соотвѣтствующихъ имъ экономическихъ отношеній, г. Б., по свойственной ему самонадѣянности, рѣшилъ, что пройденный имъ курсъ довтаточенъ для того, чтобы самостоятельно примѣнять ученіе. Обратившись затѣмъ къ оцѣнкѣ того, что

дѣлаетъ и какъ понимаетъ окружающее русская интеллигенція, онъ увидѣлъ прежде всего, что послѣдняя какъ бы игнорируетъ существующее распредѣленіе общественныхъ силъ, но зато усиленно налегаетъ на вопросъ о томъ, какъ отражается развитіе капиталистическихъ отношеній на настоящемъ нашей страны и что оно сулитъ ей, въ качествѣ производительной силы, въ ближайшемъ будущемъ. Не умѣя пока самостоятельно связать политику съ экономикой и не понимая, какое важное значеніе имѣетъ изслѣдованіе экономической эволюціи, г. Б. возмутился такимъ неправильнымъ, по его мнѣнію, распредѣленіемъ вниманія общества между разными сферами жизни и счелъ нужнымъ выразить свое неодобреніе тому, что разсужденія о законѣ экономическаго развитія Россіи «приняли по истинѣ ужасающіе размѣры» (с. 249). Воздавъ такимъ образомъ дань недовольства широкому распространенію среди русскаго общества интереса къ экономическимъ вопросамъ, г. Бельтовъ обратился къ оцѣнкѣ итоговъ изслѣдованія русской дѣйствительности съ точки зрѣнія судебъ ея экономической эволюціи.

Какъ извѣстно, въ послѣднія 15—20 лѣтъ, изъ числа мотивовъ, служившихъ для обоснованія нашихъ программъ, обратилъ на себя особое вниманіе и подвергся научной разработкѣ мотивъ историко-экономическій. Было-ли это отраженіемъ нѣмецкаго экономическаго матерьялизма, или оно явилось результатомъ общихъ научныхъ вѣяній нашего времени, но только у насъ былъ совершенно опредѣленно поставленъ, въ качествѣ подлежащаго научной разработкѣ, вопросъ не о томъ лишь, какъ отражается развитіе капитализма въ Россіи на судьбѣ народной промышленности и на народномъ благосостояніи, но и о томъ, что несетъ побѣда капиталистическаго начала Россіи, какъ цѣлому; какія стороны экономическихъ отношеній по преимуществу принимаютъ у насъ капиталистическую форму; какъ отражается побѣда новаго теченія: 1) на отдѣленіи доходовъ мелкаго промысла отъ лицъ, представляющихъ послѣдніе; 2) на разобщеніи трудящагося съ орудіями его труда; 3) на организаціи освобождаемыхъ отъ средствъ производства работниковъ. Не проявляется-ли у насъ капитализмъ преимущественно въ формѣ эксплуататора мелкаго производителя и разрушителя мелкой промышленности, а не организатора высшей формы послѣдней; и если это такъ, то что представляетъ онъ въ Россіи въ качествѣ новой производительной силы: нѣчто положительное или отрицательное, обѣщающее ростъ продукціи или ея сокращеніе? Насколько обнаружившееся преимущественно отрицательное проявленіе капитализма въ Россіи можетъ считаться явленіемъ скоропреходящимъ и на сколько

оно обусловливается международной экономической атмосферой, создаваемой, въ свою очередь, тѣми противорѣчіями, въ какія неизбѣжно попадаетъ капиталистическій строй при извѣстной высотѣ экстенсивнаго и интенсивнаго развитія? Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ выдвинутъ и вопросъ о томъ, какимъ образомъ измѣненія въ экономическихъ отношеніяхъ страны естественно отражаются на матерьяльномъ благополучіи классовъ привиллегированнаго общества, живущихъ доходами не отъ капиталовъ, а отъ разныхъ видовъ интеллигентнаго труда; увеличивается или уменьшается это благополучіе, вслѣдствіе распространенія капитализма, и на чью сторону, поэтому, естественно стать названному классу въ борьбѣ двухъ формъ жизни? Наконецъ, не оставленъ совершенно безъ вниманія и вопросъ о томъ, какое значеніе развитіе капиталистическихъ отношеній имѣетъ для финансовъ государства и какую позицію естественно занять въ этомъ дѣлѣ правительству, при правильномъ пониманіи интересовъ и своихъ собственныхъ, и своей страны?

Если вы, читатель, способны на минуту отрѣшиться отъ готовыхъ идеологій и шаблоновъ матерьялистическаго или идеалистическаго характера и отнесетесь къ вышеизложенной постановкѣ вопроса о судьбѣ историческаго развитія Россіи съ точки зрѣнія общаго плана и метода, принявъ при этомъ во вниманіе, что эта постановка сдѣлана не учеными—академиками, а людьми съ совершенно опредѣленной практической программой, то вы должны будете сказать, что лица, давшія указанную постановку вопроса, считаютъ: во-1-хъ, что экономическія отношенія суть важнѣйшія въ ряду отношеній общественной жизни; во-2-хъ, что изученіе направленія и характера эволюціи, принимаемыхъ обществомъ болѣе или менѣе стихійно, есть одно изъ важнѣйшихъ пособій для правильной оцѣнки обращающихся въ немъ программъ; въ-3-хъ, что характеръ экономической эволюціи не остается безъ вліянія на психологію культурныхъ классовъ и правительственныхъ лицъ. Соображая же, затѣмъ, что психологіей человѣка непосредственно опредѣляется и его поведеніе, а слѣдовательно, и принадлежность къ той или другой партіи, вы скажете, что разсматриваемый планъ изслѣдованія разсчитанъ на то, чтобы дать прочныя основанія для сужденія о той перетасовкѣ общественныхъ силъ, какая должна совершиться въ ближайшемъ будущемъ, о томъ, въ какомъ изъ существующихъ направленій общественной мысли «зрѣетъ будущее» и какія изъ нихъ обречены на отживаніе. Въ концѣ концовъ, вы скажете, что намѣченный планъ изслѣдованія направленія развитія Россіи есть планъ, соотвѣтствующій основному положенію ученія, извѣстнаго подъ именемъ экономическаго матерьялизма.

Работы, производившіяся по вышеизложенному плану, привели лицъ работающихъ къ заключенію, что капиталистическое начало въ Россіи, вмѣсто организаціи рабочаго населенія въ высшія формы труда, ведетъ лишь къ разрушенію той промышленности, какую наша страна получила въ наслѣдство отъ прошлаго, и что такое его вліяніе имѣетъ слѣдствіемъ застой въ національной продукціи или даже сокращеніе національнаго богатства, въ то время, какъ пріобщеніе страны къ участію въ прогрессивномъ развитіи цивилизованнаго міра требуетъ крайне настоятельно увеличенія производства матерьяльныхъ благъ. Такъ какъ указанное вліяніе капитализаціи экономическихъ отношеній въ Россіи не представляется чѣмъ-то случайнымъ, а находитъ вполнѣ достаточное объясненіе въ условіяхъ международнаго капитализма и служитъ отраженіемъ критическаго положенія, къ коему приближается эта форма организаціи труда вообще, по несоотвѣтствію ея съ новыми производительными силами и новыми отношеніями, явившимися результатомъ культурнаго развитія человѣчества, то регрессивное ея вліяніе на наше экономическое положеніе должно быть разсматриваемо, какъ прочное, а не скоропреходящее явленіе. Оно служитъ признакомъ того,—что эта форма организаціи не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ промышленный прогрессъ осуществляется въ Россіи, что вмѣсто «содѣйствія развитію производительныхъ силъ», что было ея задачей въ передовыхъ странахъ цивилизованнаго міра, развивавшихся при другихъ условіяхъ,—она «превращается въ препятствіе для ихъ развитія. Тогда наступаетъ эпоха общественнаго преобразованія». Вы можете считать такія заключенія недостаточно обоснованными, можете оспаривать ихъ и доказывать прямо противоположное, оставаясь на почвѣ экономическаго изслѣдованія; но — разъ существуютъ лица, находящія, что вышеизложенныя заключенія вытекаютъ изъ произведенныхъ изслѣдованій—въ качествѣ экономическаго матерьялиста, вы не можете ничего возразить, если эти выводы они положатъ въ основу своего общественно-политическаго міросозерцанія, или если они сдѣлаютъ изъ нихъ нѣкоторыя заключенія, касающіяся *экономически*-раціональной системы практической политики, т.-е. системы, находящейся въ соотвѣтствіи съ требованіями даннаго уровня развитія производительныхъ силъ, уже «вступившихъ въ противорѣчіе съ существующими отношеніями производства или, выражая то же самое юридическимъ языкомъ, съ отношеніями собственности, внутри которыхъ они развивались до сихъ поръ» [1]). Вы не можете возразить противъ

[1]) Марксъ, у Бельтова с. 163.

такого употребленія результатовъ экономическаго изслѣдованія, что проектируемая практическая система не получитъ всеобщаго примѣненія при существующемъ распредѣленіи силъ, и потому провозглашать ее—значитъ выставлять безцѣльную утопію. Вы знаете, что эта идея—не утопія, такъ какъ ею констатируется единственно мыслимый путь прогрессивнаго экономическаго развитія страны; это—*диктуемая историческими условіями* идея организаціи труда, подлежащая осуществленію въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ, упорствуя на прежнемъ пути и слѣдуя руководству дѣйствующихъ общественныхъ элементовъ, страна обрекаетъ себя на неизбѣжный экономическій, а слѣдовательно, и культурный, застой. Поэтому, если выставляемая, повидимому, утопическая идея имѣетъ мало шансовъ на немедленное осуществленіе въ полномъ ея объемѣ, то ея общественное значеніе отъ этого нисколько не умаляется, такъ какъ современное ея назначеніе—служить средствомъ для «приспособленія психологіи общества къ экономіи будущаго» (с. 176), для объединенія новыхъ элементовъ, которымъ почти обязательно (съ точки зрѣнія экономическаго матерьялизма) должны уступить первое мѣсто элементы, преобладающіе въ настоящее время.

Но если экономическій матерьялизмъ не признаетъ возможнымъ отвергать заключенія, находящіяся въ соотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ производительныхъ силъ, ссылаясь на извѣстныя отношенія силъ политическихъ; если онъ не имѣетъ права заключеніе отъ политики противополагать выводу отъ экономики въ качествѣ отрицательнаго аргумента, то тѣмъ менѣе для него простительно основывать на той же системѣ аргументаціи утвержденія положительнаго характера. Если, поэтому, матерьялистъ приготовительнаго класса, игнорируя изслѣдованія экономической дѣйствительности, приводящія къ выводу о регрессивномъ вліяніи при данныхъ условіяхъ капиталистическаго начала,—откуда слѣдуетъ заключеніе, что пришло время замѣны этого начала ему противоположнымъ,—если этотъ матерьялистъ противопоставитъ такому утвержденію положеніе о томъ, что существующій капиталистическій строй будетъ благополучно развиваться, потому что равнодѣйствующая общественныхъ силъ находится на его сторонѣ, то онъ этимъ докажетъ, во-первыхъ, что онъ не матерьялистъ, а идеалистъ; во-вторыхъ, что въ философско-историческомъ отношеніи онъ стоитъ не на экономическомъ, а на политическомъ основаніи. Идеализмъ такого «матерьялиста» выражается въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ силою сознанія господствующей партіи измѣнить регрессивную эволюцію общества—обусловливаемую противорѣчіемъ господствующей экономической си-

стемы состоянію производительныхъ силъ — въ прогрессивную. Настаивая на этой возможности, нашъ матерьялистъ самъ того не вѣдая, становится на точку зрѣнія Дюринга, выдвинувшаго противъ системы экономическаго объясненія исторіи систему политическаго ея толкованія и объявлявшаго, что «первичнаго фактора слѣдуетъ искать въ непосредственной политической силѣ», что «политическое состояніе есть рѣшающая причина экономическихъ отношеній» и что «политическую группировку» нужно принимать «за самостоятельную и самодовлѣющую точку исхода, а не относиться къ ней, какъ къ средству для удовлетворенія потребностей желудка», разумѣя подъ этимъ выраженіемъ производительныя отношенія [1]).

На точкѣ зрѣнія недоучившагося марксиста стоитъ въ данномъ вопросѣ и г. Бельтовъ. Правда, когда онъ воюетъ съ народниками неэкономистами, онъ согласно съ принципами исповѣдываемаго имъ ученія, но несогласно съ дѣйствительностью заявляетъ: «если гг. субъективисты хотятъ разсуждать съ нами по вопросу о томъ, куда и какъ идетъ Россія, то они въ каждую данную минуту должны исходить изъ анализа *экономической дѣйствительности*». «Русскіе ученики Маркса руководствуются... не формулой прогресса, а обращаются къ экономической дѣйствительности своей страны» (стр. 255). Когда же онъ встрѣтился съ г. Н. —ономъ, произведшимъ критическую оцѣнку экономической политики Россіи послѣдняго тридцатилѣтія и указавшимъ на раціональную систему политики, диктуемую современнымъ состояніемъ производительныхъ силъ—при чемъ и то, и другое было у него непосредственнымъ выводомъ изъ анализа экономической дѣйствительности,—г. Б. не только не противопоставилъ его анализу экономическихъ изслѣдованій «русскихъ учениковъ», но перескочилъ на политическую почву и набросился на автора за то, что въ своей соціологической критикѣ нераціональной экономической программы онъ пользовался аргументами не политическаго, а экономическаго характера. Этимъ г. Б. заявляетъ, что считаетъ въ порядкѣ вещей при оцѣнкѣ достоинства пирога обращаться къ методамъ сапожнаго искусства, а сужденіе о качествѣ сапогъ производить съ точки зрѣнія кулинарной. Самъ онъ поступаетъ именно подобнымъ образомъ, когда для разнесенія г. Михайловскаго обращается къ экономикѣ, а для пораженія г. Н. —она—къ политикѣ. Такой пріемъ очень удобенъ для критика, нечувствующаго себя хозяиномъ ни въ той, ни въ другой области знанія: гдѣ силой взять нельзя, тамъ нужно полукавить,

1) См. объ этомъ, напр., у Н. Зибера.

Чтобы придать своему лукавству видъ силы, г. Бельтовъ приравниваетъ разсужденія г. Н. —она къ утопическимъ фантазіямъ соціалистовъ начала XIX в., а такъ какъ онъ не можетъ не видѣть, что первыя находятся въ соотвѣтствіи съ экономическимъ ходомъ вещей, то онъ счелъ удобнымъ кое-какъ связать съ экономическими отношеніями своего времени и утопіи соціалистовъ.

Въ подтвержденіе своей мысли о возможности для Россіи измѣнить направленіе экономическаго развитія, г. Н. —онъ, между прочимъ, приводитъ изъ Маркса слѣдующую цитату: «средства для этого не должны быть изобрѣтаемы головой, но помощью мысли они должны быть найдены въ наличныхъ матерьяльныхъ условіяхъ производства». Въ отвѣтъ на эту цитату, г. Б. пишетъ: «можно-ли сказать, что планы Фурье противорѣчили «матерьяльнымъ условіямъ» современнаго ему производства? Нѣтъ, не только не противорѣчили, но цѣликомъ основывались на этихъ условіяхъ. Но это не помѣшало Фурье быть утопистомъ, потому что, разъ обосновавъ свой планъ «съ помощью мысли» на матерьяльныхъ условіяхъ современнаго ему производства, онъ не сумѣлъ пріурочить къ тѣмъ же условіямъ его осуществленіе и потому совершенно безъ толку приставалъ съ «великой задачей» къ такимъ общественнымъ слоямъ и классамъ, которые въ силу тѣхъ же матерьяльныхъ условій не имѣли ни склонности браться за ея рѣшеніе, ни возможности рѣшить ее. Г. Н. —онъ грѣшитъ этимъ же грѣхомъ столько же, сколько и Фурье» (стр. 58).

Итакъ, ошибка Фурье, проектировавшаго свои фаланстеры, относилась къ категоріи ошибокъ не экономическаго, а политическаго характера. Напрасно утверждаютъ, что названный мыслитель погрѣшилъ въ своихъ построеніяхъ противъ законовъ экономической эволюціи, что онъ былъ утопистомъ не столько съ политической, сколько съ экономической точки зрѣнія. По мнѣнію г. Бельтова, онъ правильно, т.-е. соотвѣтственно современной ему экономической дѣйствительности, построилъ свою программу, но обратился съ проповѣдью не туда, куда слѣдуетъ: сдѣлалъ политическую ошибку. А еслибы онъ оперся на рабочій классъ, то соціалистическая утопія обратилась бы уже въ дѣйствительность. Такой взглядъ на законосообразность историческихъ явленій и на отношеніе между экономіей и политикою кажется недвусмысленно говорить о томъ—къ Марксу или Дюрингу ближе по своимъ воззрѣніямъ этотъ новоиспеченный матерьялистъ.

VII.

Самъ г. Б. думаетъ, конечно, что онъ настоящій марксистъ и неоднократно заявляетъ, что самъ М. не считалъ возможнымъ

разсматривать экономическую эволюцію внѣ связи ея съ распредѣленіемъ общественныхъ силъ (напр., с. 275). При этомъ онъ воздерживается отъ разъясненія по одному обстоятельству: при столкновеніи требованій экономическаго развитія съ дѣйствіемъ господствующихъ силъ—а такое столкновеніе обнаруживается при всякомъ шагѣ націи впередъ по пути экономическаго развитія—что̀ чему по М. уступаетъ мѣсто: первое второму или наоборотъ? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ и тотъ методъ, какимъ вы должны идти при выясненіи вопроса о судьбѣ экономической эволюціи данной страны. Если ходъ экономическихъ дѣлъ опредѣляется политическими вліяніями, то вамъ слѣдуетъ обратить главное вниманіе на распредѣленіе силъ и на программу господствующей партіи и отъ этихъ политическихъ данныхъ, какъ первичныхъ, строить заключенія экономическаго характера. Если же вы считаете, что политическія отношенія приспособляются къ экономическимъ, что они служатъ однимъ изъ средствъ осуществленія требованій, диктуемыхъ развитіемъ производительныхъ силъ, и что противодѣйствіе этимъ требованіямъ со стороны наличныхъ силъ поведетъ не къ уничтоженію требованій, а къ такому перераспредѣленію общественныхъ элементовъ, которое обезпечитъ ихъ осуществленіе, то при теоретическомъ трактованіи вопросовъ экономическаго развитія данной страны и при формулированіи задачъ, какія исторія ставитъ ближайшему будущему, вы не только можете, но и должны позабыть о политикѣ и оставаться всецѣло на почвѣ экономики. Необходимость обращенія къ вопросу о дѣйствующихъ общественныхъ силахъ явится тогда, когда выводы ученаго экономиста будутъ примѣняться на практикѣ. Вѣрнѣе говоря, эту необходимость испытываетъ не изслѣдователь-экономистъ, а практическіе дѣятели того-же направленія. Но ихъ обращеніе къ учету дѣйствующихъ силъ имѣетъ цѣлью не разрѣшеніе вопроса о томъ, принимать или нѣтъ основную идею экономической программы, вытекающую изъ произведеннаго изслѣдованія: если послѣднее поставлено правильно, то эта идея и эта программа диктуются неумолимыми отношеніями матерьяльнаго характера. Они изучаютъ общественныя силы съ тѣмъ, чтобы знать, *въ какой мѣрѣ* и формѣ данная программа подлежитъ осуществленію въ настоящій моментъ,—отъ чего зависитъ практическая постановка этого вопроса,—и къ какимъ элементамъ нужно преимущественно обращаться съ разъясненіями для того, чтобы обезпечить болѣе послѣдовательное проведеніе этой программы въ ближайшемъ будущемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что программа даннаго направленія естественно должна распадаться на двѣ части:

экономическую и политическую (въ вышесказанномъ смыслѣ воздѣйствія на сознаніе различныхъ общественныхъ группъ), и вы могли бы предъявить ему упрекъ въ утопизмѣ, непрактичности и т. п., и въ игнорированіи механизма историческаго процесса, еслибы оно совершенно упразднило вторую задачу, поставивъ себѣ единственной цѣлью добиваться осуществленія экономическихъ преобразованій въ атмосферѣ, недопускающей широкой постановки этого рода вопросовъ, или еслибы самому экономическому вопросу оно дало постановку, совершенно несоотвѣтствующую наличному состоянію общественныхъ и культурныхъ силъ, вслѣдствіе чего эта часть программы вовсе оставалась бы безъ практическаго осущественія. Но съ такого рода обвиненіями слѣдуетъ обращаться не къ кабинетному ученому, имѣющему задачей намѣтить общую цѣль движенія, а къ тѣмъ лицамъ, которыя берутъ на себя указаніе средствъ для достиженія этой цѣли. На сколько въ первомъ отношеніи требуется широта и даже абстрактность въ постановкѣ вопроса, настолько во второмъ необходимо дать предмету конкретную форму, соотвѣтствующую обстоятельствамъ переживаемаго момента.

Г. Н. —онъ явился съ своей книгой не какъ практическій дѣятель, а какъ кабинетный ученый, съ живымъ, однако, общественнымъ интересомъ. Дѣлая свои выводы, онъ заботился, поэтому, не о приданіи имъ практическаго характера, а о сохраненіи ихъ логической связи съ посылками. Поступая такимъ образомъ, онъ не только остается на научной почвѣ—не выходя въ окончательныхъ заключеніяхъ изъ рамокъ изслѣдованія, имѣющаго строго экономическій характеръ,—но и способствуетъ болѣе правильной практической постановкѣ вопроса, давая практическимъ дѣятелямъ ничѣмъ неосложненную научную идею и предоставляя имъ самимъ одѣвать ее въ плоть и кровь современной дѣйствительности. Правда, г. Н. —онъ, производя изслѣдованіе исключительно капиталистическаго теченія въ нашей экономической жизни, далъ своимъ выводамъ ненадлежащее, по моему мнѣнію, распространеніе, и несоотвѣтствующую соціальную форму, на что мы и указывали [1]); но примѣненіе къ нему термина «утопическій», сдѣланное г. Б., относится не къ этой только сторонѣ, а къ общей идеѣ его заключенія — идеѣ о необходимости для Россіи развитія народнаго, а не капиталистическаго производства, раздѣляемой съ нимъ цѣлымъ направленіемъ нашей общественной мысли. Такое обвиненіе г. Н. —она съ научной точки зрѣнія незаконно; его можно предъявить къ практическимъ дѣятелямъ, если они того заслуживаютъ, да къ такимъ писателямъ, берущимъ на себя

[1]) Очерки теоретической экономіи, IV.

приспособленіе экономической идеи народничества къ данной обстановкѣ, какъ г. Гофштеттеръ предлагающій народничеству позабыть объ идеалахъ неэкономическаго характера и о самостоятельной общественной работѣ [1]). Этотъ совѣтъ относительно способа дѣйствія сдѣланъ безъ надлежащей оцѣнки конкретной обстановки русской дѣйствительности, т.-е. съ нарушеніемъ элементарнаго требованія всякаго практическаго дѣла, и потому съ практической и соціологической точки зрѣнія подлежитъ осужденію и, быть можетъ, квалификаціи, какъ утопическій, несправляющійся съ существующими отношеніями.

И такъ, пріемъ г. Н. —она, заключающійся въ постановкѣ очередныхъ экономическихъ задачъ на основаніи изученія развитія производительныхъ силъ и оцѣнки отношенія, въ какомъ къ требованіямъ этихъ послѣднихъ находится существующая экономическая структура—съ точки зрѣнія гипотезы экономическаго матерьялизма—есть пріемъ правильный. Поэтому, для опроверженія его вывода о необходимости способствовать прогрессивному развитію экономическихъ отношеній въ Россіи на основѣ не капиталистическаго характера надлежитъ апеллировать къ экономикѣ и доказать, что нарисованный авторомъ путь капиталистической эволюціи промышленности въ нашей странѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что здѣсь наблюдаются явленія прямо противоположнаго характера. Т.-е. на изслѣдованіе надлежало бы отвѣтить изслѣдованіемъ же, а такъ какъ это дѣло гораздо болѣе трудное, нежели примѣненіе «готоваго шаблона для выкраиванія историческихъ фактовъ», то г. Б. предпочелъ первому второе, и сложный вопросъ о судьбѣ экономическаго прогресса Россіи разрѣшилъ простой *ссылкой* на существующее распредѣленіе общественныхъ силъ. Эта грубая, чтобъ не сказать больше, махинація, сдѣланная попросту, конечно, не произвела бы никакого эффекта. И вотъ, чтобы придать ей побѣдоносный характеръ, г. Б., по обыкновенію, уснастилъ ее жестокими словами, восклицательными выраженіями и непрестанными воззваніями къ Марксу. При этомъ онъ до того увлекается принятой на себя ролью грознаго стража чистоты воззрѣній названнаго мыслителя и проникается вѣрой въ свою въ этомъ отношеніи непогрѣшимость, что забываетъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и рѣшается сослаться на опредѣленные документы для доказательства своего утвержденія, что М. думаетъ по данному вопросу то же самое, что и г. Б.

Разъясняя г. Михайловскому смыслъ извѣстнаго письма М. (въ чемъ первый, конечно, нисколько не нуждается) и предполагаемые имъ мотивы его написанія (еще менѣе нуждается въ

[1]) «Доктринеры капитализма». Спб. 1895.

этомъ М.), г. Б., между прочимъ, говоритъ: «Русскій молодой писатель жаловался, что М. приговариваетъ Россію къ капитализму. Надо было писателю показать, что діалектическій матерьялизмъ никакихъ странъ ни къ чему не приговариваетъ, что онъ не указываетъ пути, общаго и «обязательнаго» для всѣхъ народовъ во всякое данное время; что дальнѣйшее развитіе всякаго даннаго общества всегда зависитъ *отъ соотношенія общественныхъ силъ внутри его* и что поэтому всякому серьезному человѣку надо, не гадая и не ноя по поводу какой-то фантастической «обязательности» *изучить прежде всего это соотношеніе*: только такое изученіе можетъ показать, что «обязательно» и что «необязательно» для даннаго общества. Марксъ *такъ и сдѣлалъ*» (с. 252—3).

Прочтя эти строки, читатель подумаетъ, что въ помянутомъ письмѣ находится развитіе излюбленной г. Б. идеи о соотношеніи общественныхъ силъ, какъ объ окончательной причинѣ того или иного направленія экономическаго развитія, и что съ этой точки зрѣнія оцѣнивается въ нихъ и экономическая судьба Россіи. Каково же будетъ удивленіе тѣхъ изъ читателей, которые не проникли въ наиболѣе употребительный у г. Б. методъ пораженія своихъ враговъ и защиты друзей, — методъ, заключающійся въ извращеніи и передержкахъ,—если они узнаютъ, что въ цитируемомъ письмѣ нѣтъ ни одного слова о соотношеніи общественныхъ силъ, и что въ своемъ заключеніи о будущемъ Россіи М. стоялъ на одинаковой почвѣ съ г. Н. —ономъ и нѣкоторыми другими писателями того же направленія, а не съ Б. Чтобы убѣдиться въ этомъ—достаточно прочесть нижеслѣдующія цитаты.

«Если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 г., то она лишится самаго прекраснаго случая, *который когда-либо представляла народу исторія*, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя. Но вмѣсто того, чтобы твердо держаться ея вѣковыхъ традицій; вмѣсто того, чтобы развивать принципъ тѣсной связи средствъ производства съ непосредственнымъ производителемъ, унаслѣдованный ею; вмѣсто того, чтобы пользоваться пріобрѣтеніями западно-европейской науки и приложить ихъ для развитія формы промышленности, основанной на владѣніи крестьянствомъ орудіями производства; вмѣсто того, чтобы воспользоваться не формою производства, а самою его организаціею, какою она является въ Западной Европѣ... вмѣсто всего этого Россія стала на путь совершенно противоположный. Она не только не воспрепятствовала развитію капиталистическихъ формъ производства, но всѣми

силами старалась содѣйствовать коренной ломкѣ всей нашей хозяйственной жизни, ломкѣ,—приведшей къ голоду 1891 г.».

Предлагаю читателю на время позабыть, кому принадлежатъ эти выписки, внимательно прочесть ихъ и отвѣтить на вопросъ: замѣчаетъ-ли онъ противорѣчіе между первой фразой и послѣдующими и не составляетъ-ли, напротивъ того, вся эта цитата развитія одной мысли, заключающейся въ томъ, что изъ двухъ *представлявшихся ей открытыми* путей экономическаго развитія, Россія послѣ реформы, къ своему несчастію, избрала тотъ, по которому пошли ея западные сосѣди? Первая фраза взята изъ письма М., остальныя приведены г. Б. (с. 56—7) изъ книги г. Н. —она для посрамленія этого изслѣдователя въ томъ, что онъ «печалуется» по поводу принятаго Россіей пути развитія и разсматриваетъ его, какъ «ошибку», рекомендуя обществу приступить къ ея исправленію. Не знаемъ, находилъ-ли М. возможнымъ исправить нынѣ ошибку Россіи; думаемъ, что онъ не считалъ себя достаточно компетентнымъ для рѣшенія этого вопроса. Но кто безъ предубѣжденія прочтетъ первую фразу цитаты, тотъ, надѣюсь, согласится, что она даетъ основанія квалифицировать принятое Россіей направленіе развитія, какъ «ошибку», и во всякомъ случаѣ усмотритъ въ ней «печалованіе» о томъ, что Россія лишилась «прекраснаго» случая избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя. Такимъ образомъ, отношеніе М. къ указанному явленію ближе къ тому, какое проявляетъ г. Н. —онъ, а не г. Б. Посмотримъ, не поддержитъ-ли первый послѣдняго въ вопросѣ о методѣ, какимъ надлежитъ идти для того, чтобы указать соціологически болѣе раціональный путь экономическаго развитія Россіи.

Г. Б. утверждаетъ, что этотъ методъ заключается въ простой ссылкѣ на существующее соотношеніе общественныхъ силъ, даже безъ ближайшаго анализа этого соотношенія, безъ какого-либо подобія изслѣдованію о происхожденіи и соціологическихъ корняхъ этихъ силъ. Г. Н. —онъ фактически показалъ, что такимъ методомъ онъ считаетъ изслѣдованіе направленія развитія *экономическихъ* отношеній и вліянія, оказываемаго имъ на состояніе производительныхъ силъ. Какимъ же путемъ шелъ М., желая выяснить вопросъ о вѣроятномъ направленіи экономической исторіи Россіи? Онъ, конечно, не удовольствовался бы тѣми понятіями о предметѣ, какія составляются въ человѣкѣ, наблюдающемъ жизнь à vol d'oiseau, что считается достаточнымъ для предсказанія соціальныхъ явленій г. Б. Исходилъ-ли онъ изъ политической точки зрѣнія или экономической—въ обоихъ случаяхъ онъ счелъ бы для себя обязательнымъ произнести приговоръ не

иначе, какъ послѣ предварительнаго изслѣдованія. Какое же изслѣдованіе Россіи счелъ нужнымъ произвести и на него сослаться, какъ на основу для заключенія, М.: политическаго, какъ утверждаетъ г. Б., или экономическаго характера? Объ этомъ мы узнаемъ изъ его же письма. «Чтобы имѣть возможность судить съ знаніемъ дѣла объ *экономическомъ* развитіи Россіи, я выучился по-русски и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету. Я пришелъ къ такому выводу...» затѣмъ слѣдуетъ первая фраза вышеприведенной цитаты. Что же касается вопроса о соотношеніи общественныхъ силъ внутри Россіи въ эпоху реформы или въ послѣдующее время—въ письмѣ М. нѣтъ объ этомъ ни слова, почему мы не можемъ сказать, изучалъ онъ это соотношеніе или нѣтъ. Мы видимъ одно: если онъ и производилъ это изученіе, то считалъ его второстепеннымъ для дѣла и въ обращеніи къ читателю, какъ на матерьялы для своего заключенія, сослался на источники экономическихъ, а не политическихъ данныхъ.

И такъ, М. и г. Н. —онъ въ вопросѣ о судьбѣ экономическаго развитія Россіи идутъ по одному пути, отличному отъ того, которому слѣдуетъ г. Б. (если у послѣдняго есть какой-либо иной путь, кромѣ болтовни въ свою собственную славу),—по пути экономическаго изслѣдованія, при чемъ выводы г. Н. —она, относясь къ послѣдующему моменту, служатъ какъ бы естественнымъ продолженіемъ заключеній М. относительно предшествующаго времени. М. говоритъ, что въ эпоху реформы Россія имѣла прекрасный случай пойти по пути развитія, отличному отъ капиталистическаго; г. Н. —онъ продолжаетъ, что Россія уклонилась отъ слѣдованія этому пути и попала въ прескверное положеніе. Если, согласно М., Россія 30 лѣтъ назадъ могла избрать путь некапиталистической эволюціи, не смотря на то, что ей открывалось, повидимому, два пути прогрессивнаго развитія; то теперь, когда одинъ изъ этихъ путей оказывается ведущимъ къ производительному регрессу,—путь некапиталистической эволюціи есть единственный, указываемый исторіей, какъ путь прогресса, а не застоя. Если, поэтому, авторъ «письма», не переставая быть марксистомъ, могъ допустить возможность уклоненія Россіи отъ направленія развитія Западной Европы въ то время, когда слѣдованіе по стезѣ капитализма рисовало перспективы все-таки прогрессивнаго характера, то тѣмъ болѣе совмѣстимо со званіемъ марксиста настаивать на необходимости некапиталистической эволюціи теперь, когда считается выяснившимся вопросъ о невозможности прогрессивнаго развитія страны подъ руководствомъ капитала. Оба автора согласны и во взглядѣ на значеніе, какое

можетъ имѣть для разрѣшенія даннаго вопроса существующее соотношеніе общественныхъ силъ. М. считалъ лишнимъ обращать вниманіе на соотношеніе этихъ силъ въ эпоху реформы, хотя, конечно, зналъ не хуже г. Б., что трудящаяся масса не имѣла тогда сколько-нибудь замѣтнаго общественно-политическаго вліянія. Поступалъ онъ такимъ образомъ не потому, что совершенно отрицалъ значеніе этого фактора, а, вѣроятно, считая, что вопросъ о вліяніи экономіи на соотношеніе общественныхъ силъ не достаточно разработанъ. Во всякомъ случаѣ, односторонній характеръ наличныхъ силъ въ Россіи въ эпоху реформъ М. не считалъ непреоборимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы экономическое развитіе ея приняло направленіе, отличное отъ западно-европейскаго. Тѣмъ болѣе права имѣется для подобнаго же заключенія относительно настоящаго момента, когда соотношеніе силъ, вслѣдствіе измѣненія сословнаго характера культурнаго класса и т. п., несомнѣнно окрасилось болѣе демократическимъ цвѣтомъ, чѣмъ это было 30—40 лѣтъ назадъ.

VIII.

Мы только-что познакомились съ тѣмъ, какъ г. Б., встрѣтившись съ однимъ изъ многочисленныхъ изслѣдованій на тему о судьбѣ русской промышленности и не имѣя достаточно ресурсовъ для того, чтобы экономическому изслѣдованію противопоставить экономическую же критику, вильнулъ въ сторону политики, не постыдившись при этомъ приписать письму своего учителя мысли, прямо противоположныя тѣмъ, которыя въ немъ заключаются. Употребивъ этотъ, обычный для него, пріемъ пораженія противниковъ, приправивъ его, по своему же обыкновенію, руготней и насмѣшками, составляющими чуть-ли не главную силу критики г. Б., нашъ авторъ не могъ, однако, не видѣть того, что какой бы эффектъ ни произвелъ этотъ аргументъ въ рядахъ слѣпыхъ послѣдователей проводимой имъ тенденціи, болѣе мыслящій читатель сочтетъ его не совершенно достаточнымъ, такъ какъ и насмѣшки, и соображенія отъ политики не уничтожаютъ экономическаго содержанія изслѣдованія г. Н. —она, приводящаго къ заключенію о регрессивномъ характерѣ капиталистической производительной силы въ Россіи; а такое заключеніе способно уничтожить всю аргументацію г. Б. Поэтому, послѣдній, volens-nolens, увидѣлъ себя въ необходимости посчитаться и съ экономическими соображеніями своихъ «дорогихъ и уважаемыхъ соотечественниковъ», а какъ тутъ считаться, когда и «факты», и «точка зрѣнія» раньше заняты противниками! За

неимѣніемъ прямыхъ аргументовъ, остается выставить косвенныя улики. Къ этому пріему и обратился г. Б.

Задачей нашего автора сдѣлалось показать, что выводы, къ которымъ приходятъ изслѣдователи экономической эволюціи Россіи, не составляютъ ихъ единственнаго достоянія, а были высказаны по отношенію къ Германіи еще 50 лѣтъ тому назадъ. И такъ какъ, не смотря на это, названная страна успѣшно слѣдуетъ по стопамъ капитализма, то такое же шествованіе обезпечено и для нашего отечества.

Г. Б. разъясняетъ, что въ 40-хъ гг. въ Германіи наблюдался рядъ тѣхъ же явленій, наличность которыхъ въ современной Россіи даетъ поводъ русскимъ «утопистамъ» отпѣвать нашъ преуспѣвающій капитализмъ. Кустарная промышленность падала подъ ударами машиннаго производства, мелкіе производители попадали въ руки скупщиковъ, кулакъ сдѣлался полнымъ господиномъ деревни, нищенство обратилось въ родъ отхожаго промысла и т. д. Для объясненія этихъ явленій Булемъ тогда были высказаны взгляды, повторяемые современными утопистами въ Россіи. Въ «интересной брошюрѣ» (замѣтьте, читатель, въ Германіи—*брошюры*, а въ Россіи непрерывающійся въ теченіе 20 лѣтъ рядъ самыхъ разнообразныхъ экономическихъ *изслѣдованій*!) онъ разъяснялъ—а его русскіе alter ego повторяютъ—что описанное положеніе дѣлъ явилось слѣдствіемъ введенія капиталистами машинъ, относительнаго вытѣсненія ими рабочихъ рукъ, привлеченія на фабрики женщинъ и дѣтей, послѣдовавшаго за этимъ пониженія заработной платы и переполненія рынка товаромъ. Все это какъ по Марксу написанное (а въ Россіи оно и дѣйствительно писалось по М.) объясненіе считается г. Б., вѣроятно, ужасно нелѣпымъ—иначе ему незачѣмъ было совпаденіе въ этомъ отношеніи мнѣній современныхъ русскихъ и старыхъ нѣмецкихъ писателей приводить какъ аргументъ въ пользу «утопическаго» неосмыслія первыхъ.

Дальнѣйшее совпаденіе взглядовъ русскихъ и нѣмецкихъ «утопистовъ» заключается въ томъ, что и тѣ, и другіе не считали возможнымъ расширеніемъ внѣшняго рынка для продуктовъ своей страны облегчить внутренній рынокъ отъ переполненія товаромъ и приходили къ заключенію, что этимъ самымъ ставятся опредѣленныя границы дальнѣйшему развитію капитализма и что настоитъ необходимость въ примѣненіи организаціи національнаго труда на началѣ некапиталистическомъ. «Исторія смела иллюзіи нѣмецкихъ утопистовъ сороковыхъ годовъ. *Есть всѣ основанія думать*, что подобная же участь постигнетъ и иллюзіи нашихъ русскихъ утопистовъ. Капитализмъ насмѣялся надъ пер-

выми; *съ болью въ сердцѣ* (и весельемъ въ устахъ!) предвидимъ, что онъ насмѣется и надъ вторыми» (с. 277).

Въ чемъ заключается коренная ошибка разсужденія русскихъ и нѣмецкихъ утопистовъ и какія такія «основанія» имѣются у г. Б. для заключенія, что русскій капитализмъ благополучно преодолѣетъ стоящія на пути его преграды — намъ неизвѣстно. Въ этомъ капитальномъ вопросѣ г. Б., не отличающійся вообще сдержанностью языка, весьма благоразумно наложилъ на свои уста печать молчанія. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ онъ чуточку проговорился, и это даетъ намъ возможность отъ системы косвенныхъ уликъ перевести строгаго, но недостаточно сдержаннаго обвинителя на путь прямыхъ доказательствъ.

«Буль не признавалъ, *повидимому*, возможности завоеванія нѣмцами иностранныхъ рынковъ; г. Н. —онъ *рѣшительно* не признаетъ этой возможности по отношенію къ русскимъ промышленникамъ. Наконецъ, и у того, и у другого этотъ вопросъ объ иностранныхъ рынкахъ остается совершенно неизслѣдованнымъ; ни тотъ, ни другой не приводятъ въ пользу своего мнѣнія ни одного серьезнаго довода» (с. 272).

Какъ видно изъ приведенной фразы, г. Б. вмѣстѣ съ «утопистами», въ вопросѣ о судьбѣ капитализма, придаетъ рѣшающее значеніе внѣшнему рынку и обвиняетъ гг. Буля и Н. —она лишь въ томъ, что они «не приводятъ ни одного серьезнаго довода въ пользу своего мнѣнія» о невозможности для представляемыхъ ими странъ завоевать внѣшній рынокъ, достаточный для укрѣпленія ихъ молодого капитализма. Въ интересахъ справедливости мы отведемъ это возраженіе отъ Буля: самъ г. Бельтовъ не увѣренъ въ томъ, признавалъ-ли тотъ эту возможность или нѣтъ («не признавалъ, *повидимому*»), а такъ какъ косвенныя улики г. Б. на сей разъ не приводятся, то этимъ самымъ одинъ изъ подсудимыхъ освобождается отъ отвѣтственности. А если такъ, если утвержденіе объ отсутствіи внѣшнихъ рынковъ для сбыта товаровъ внутренняго производства лежитъ обвиненіемъ лишь на русскихъ «утопистахъ» и если въ этомъ утвержденіи кроется суть вопроса о судьбѣ капитализма въ Россіи, то спрашивается, какъ можно было русскихъ «утопистовъ» сблизить съ нѣмецкими? Общее между ними, во-1-хъ, объясненіе причинъ бѣдственнаго положенія народа, въ чемъ они сходятся не только между собой, но и со всѣми экономистами-марксистами и немарксистами; во-2-хъ, экономическая программа. Громадное же различіе между ними заключается въ томъ, что нѣмцы выставляютъ эту программу, не разрѣшивши вопроса о томъ, на сколько капиталистическое производство Германіи имѣетъ шансы расчистить путь

своего развитія сбытомъ своихъ издѣлій на внѣшніе рынки, а русскіе защищаютъ подобную программу въ то время, какъ «есть всѣ основанія думать», что Россія не пріобрѣтетъ внѣшняго рынка, сколько-нибудь соотвѣтствующаго потребностямъ ея капитализма.

Но дѣйствительно-ли есть «всѣ основанія думать», что въ отношеніи внѣшнихъ рынковъ для сбыта продуктовъ капиталистической промышленности Россія 90-хъ годахъ поставлена совершенно иначе, нежели Германія 40-хъ, и что если, поэтому, «капитализмъ посмѣялся» надъ нѣмецкими его антагонистами, изъ этого не слѣдуетъ, что «онъ насмѣется» и надъ русскими «утопистами»? Дѣйствительно-ли мнѣніе г. Н. —она о безпочвенности русскаго капитализма виситъ на воздухѣ?

Такъ какъ аргументы «дорогихъ соотечественниковъ» г. Б. отскакиваютъ отъ него, какъ отъ стѣны горохъ, то мы по данному вопросу заставимъ бесѣдовать съ нимъ иностранцевъ, къ рѣчамъ которыхъ, надѣемся, онъ отнесется внимательнѣе. «Крупная промышленность,—говоритъ одинъ изъ такихъ иностранцевъ,—*по всему свѣту гоняющаяся за потребителями*, доводитъ у себя дома потребленіе рабочихъ массъ до ничтожнаго минимума и такимъ образомъ *подрываетъ свой собственный рынокъ*» (Энгельсъ). Что касается второй половины приведенной мысли—подрыванія капитализмомъ своего собственнаго внутренняго рынка—эту миссію онъ съ успѣхомъ выполняетъ всюду, и въ Россіи, напр., можетъ быть, даже еще лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Иное слѣдуетъ сказать о погонѣ за всесвѣтнымъ потребителемъ. Погоня эта становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ большее число странъ привлекается къ капиталистическому производству, чѣмъ больше, слѣдовательно, наростаетъ число гоняющихся. А въ этомъ отношеніи конецъ XIX в., т.-е. моментъ, когда въ погоню за внѣшнимъ потребителемъ пускается и русскій капитализмъ, радикально отличается отъ средины столѣтія, когда на этотъ путь выступила Германія. «До 40-хъ годовъ нашего столѣтія,—говоритъ другой небезизвѣстный г. Б. иностранецъ,—капиталистическая фабричная промышленность за предѣлами Англіи имѣла незначительное распространеніе; въ 50-хъ годахъ она получила сильное развитіе во Франціи; въ 60-хъ и особенно въ 70-хъ годахъ она завоевала Соединенные Штаты, Германію и Австрію. Въ послѣднемъ десятилѣтіи она пустила корни даже въ Россіи, въ Индостанѣ и въ Австраліи и уже начинаетъ проникать въ Восточную Азію, Южную Африку и Южную Америку». Такимъ образомъ, крупное капиталистическое производство стремится распространиться на весь цивилизованный и полуцивилизованный міръ; а такъ какъ

каждая страна, обратившая на себя благосклонное вниманіе капитализма, начинаетъ съ того, что запираетъ свой рынокъ для иностранцевъ, а продолжаетъ тѣмъ, что начинаетъ сама толкаться въ полузакрытыя двери чужихъ рынковъ, то всякое новое завоеваніе капитализма равносильно увеличенію спроса на внѣшніе рынки и сокращенію предложенія таковыхъ. «Расширеніе рынка въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій туго подвигается впередъ», продолжаетъ цитируемый нами иностранецъ. «Теперь остались незавоеванными почти только такіе рынки, на которыхъ мало чѣмъ можно поживиться, помимо лихорадки да... колотушекъ». «Словомъ, приближается, повидимому, моментъ, когда рынокъ европейской промышленности не только перестанетъ расширяться, а начнетъ даже сокращаться. А это означало бы ни болѣе, ни менѣе, какъ *банкротство всего капиталистическаго общества*» (Каутскій)».

И такъ, Россія, какъ выступившая на путь капиталистическаго развитія послѣ всѣхъ европейскихъ государствъ, можетъ разсчитывать лишь на такіе внѣшніе рынки, гдѣ она не найдетъ ничего, кромѣ лихорадокъ да колотушекъ. И это предсказаніе выполняется нами буквально: только лихорадками да колотушками мы и пользуемся въ безлюдныхъ степяхъ Средней Азіи А безъ внѣшнихъ рынковъ капитализмъ «банкротъ», и потому русскій капитализмъ оказался несостоятельнымъ въ самый моментъ своего зарожденія. Таковъ прямой смыслъ словъ Каутскаго, и врядъ-ли можно обнаружить какое-либо разнорѣчіе этихъ словъ съ тѣмъ, что говоритъ г. Н. —онъ и другіе русскіе экономисты.

Изъ приведенныхъ выдержекъ читатель можетъ усмотрѣть, что положенія, примѣняемыя русскими экономистами для освѣщенія нашей дѣйствительности, составляютъ азбуку экономической науки, неизвѣстную развѣ только грозному судьѣ бѣдной русской мысли и той группѣ читателей, на легковѣріе которой онъ расчитываетъ. Послѣ ближайшаго же разсмотрѣнія «сравнительно-историческаго пріема», употребленнаго г. Бельтовымъ для оцѣнки воззрѣній русскихъ экономистовъ, читатель, надѣюсь, согласится, что этотъ пріемъ доставляетъ лишнее доказательство въ пользу истинности этихъ воззрѣній. Что современные русскіе и старые нѣмецкіе писатели одинаково объясняютъ окружающія ихъ явленія экономической дѣйствительности—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что и тѣ, и другіе примѣняютъ въ данномъ случаѣ объясненіе, даваемое наукой. Что же касается сходства между ними въ отношеніи предсказанія послѣдующаго хода событій—ошибка, сдѣланная нѣмецкими писателями ничего не говоритъ противъ аналогичныхъ предсказаній

русскихъ писателей. «Событія поразительно аналогичныя, но происходящія въ средѣ, исторически различной, приводятъ къ результатамъ совершенно несходнымъ» (Марксъ). А чего же больше различія, существующаго въ отношеніи международной обстановки промышленности между новѣйшимъ временемъ и тѣмъ, что было 50 лѣтъ назадъ. Благодаря этому рѣзкому различію «исторической среды», явленія (разрушеніе мелкихъ промысловъ, господство кулака и т. п.), давшія Германіи капиталистическую организацію промышленности, въ Россіи *должны* привести «къ результатамъ, совершенно несходнымъ». Мы сказали *должны*, а не *могутъ*, потому что, признавая причинную связь въ предѣлахъ каждой изъ двухъ цѣпей явленій и видя, какъ рѣзко одна изъ этихъ цѣпей отличается отъ другой по составу производящихъ причинъ, мы обязаны заключить и о различіи ожидаемыхъ слѣдствій. Въ виду сказаннаго, благопріятный исходъ капиталистической эволюціи промышленности въ Германіи не только не говоритъ въ пользу естественности такого же результата развитія капитализма въ Россіи, но заставляетъ ожидать для нея чего-то, совершенно противоположнаго. Думать иначе, значило бы не признавать положенія о томъ, что историческое теченіе жизни обусловливается той или иной комбинаціей производящихъ факторовъ, и предполагать, что исторія осуществляетъ провиденціальное предназначеніе или реализируетъ «законъ» въ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово метафизики. Въ дѣлѣ предсказанія судьбы капитализма въ Россіи наши писатели «утописты» на столько держатся реальной почвы, что намѣтили тѣ внутреннія условія, наличность которыхъ—за отсутствіемъ внѣшнихъ потребителей продуктовъ русской капиталистической промышленности—можетъ дать послѣдней нужный для нея внутренній рынокъ. Это случится при широкомъ распространеніи классовъ потребляющихъ, но не производящихъ матерьяльныхъ цѣнностей: войска, бюрократіи и духовенства, при взятіи на счетъ капитала содержанія всѣхъ пауперовъ и т. п. Если русскій капитализмъ съумѣетъ добиться осуществленія этихъ условій въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это требуется для его процвѣтанія въ стомилліонной странѣ,—онъ парализуетъ вліяніе неблагопріятной для него комбинаціи международной промышленной обстановки, и ему останется только борьба съ внутренними препятствіями для его развитія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что въ указанномъ случаѣ побѣда ему обезпечена и что страна можетъ тогда благополучно шествовать подъ его руководствомъ по пути прогрессивнаго развитія. Ибо остается подъ большимъ сомнѣніемъ вопросъ о томъ, мыслимо-ли, чтобы—при осуществленіи вышеука-

занныхъ условій, обезпечивающихъ капитализму широкій внутренній рынокъ,—страна могла успѣшно подвигаться по пути просвѣщенія и связанныхъ съ нимъ успѣховъ общественной жизни, а безъ широкихъ начинаній на этомъ поприщѣ врядъ-ли возможно развитіе капитализма въ его новѣйшихъ формахъ.

И такъ, если, проповѣдуя извѣстную экономическую программу, русскіе «утописты» стоятъ на почвѣ раціонально истолкованныхъ фактическихъ отношеній, то спрашивается, что въ ихъ воззрѣніяхъ утопическаго, и гдѣ же лежитъ грань между утопизмомъ, практицизмомъ и соціологизмомъ?

Раціональный отвѣтъ на этотъ вопросъ вы такъ же мало можете надѣяться получить отъ г. Б., какъ и разъясненіе по множеству другихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ распущенностью мысли этого писателя. Дѣло въ томъ, что терминъ «утопія» употребляется г. Б. не въ его общепринятомъ смыслѣ обозначенія чего-то несбыточнаго, не соотвѣтствующаго дѣйствительности. Въ устахъ г. Б. это слово играетъ роль жупела, назначеніе котораго—вызвать отвращеніе и благоговѣйный трепетъ въ сердцахъ правовѣрныхъ поклонниковъ россійскаго «марксизма». Поэтому, онъ съ одинаковымъ успѣхомъ, за истощеніемъ другихъ аргументовъ, прибѣгаетъ и къ писателямъ, парящимъ высоко въ области чувства и фантазіи, и къ практическимъ дѣятелямъ, не выходящимъ изъ сферы повседневныхъ нуждъ и выработанныхъ практикою способовъ ихъ удовлетворенія. Утопистъ Фурье и утопистъ Шульце-Деличъ! Утопистъ Р. Овенъ и утописты члены петербургскаго отдѣленія комитета о ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Утописты всѣ тѣ, которые пытаются обратить выработанныя культурой средства экономической борьбы на помощь «производителю», а не эксплоататору. Недавно въ Лондонѣ собирался международный съѣздъ дѣятелей кооперации. Здѣсь были и консерваторы, и радикалы, и соціалъ-демократы. Всѣхъ ихъ объединяла одна идея практической работы, на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній, для примѣненія начала кооперации къ нуждамъ того класса, который въ книжкѣ г. Б. фигурируетъ подъ кличкою «производителя». Изъ данныхъ, приведенныхъ на съѣздѣ, выяснилось, что кооперативныя предпріятія разнаго рода считаются уже десятками тысячъ, а число ихъ членовъ—милліонами. И вотъ всѣ эти милліоны рабочихъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, пасторовъ, профессоровъ и т. д. никто иные, какъ «утописты», а основанныя ими тысячи кредитныхъ, потребительныхъ, складочныхъ, производительныхъ предпріятій—повтореніе утопій Томаса Мора,—потому что, видите-ли, все это дѣйствуетъ и существуетъ вопреки идеологіи г. Б.

Курьезнѣе всего то, что самъ г. Б. не только не отрицаетъ общественнаго значенія дѣятельности на почвѣ кооперацiи, но считаетъ ее весьма полезной. «Всѣ эти базары для продажи кустарныхъ издѣлій и попытки созданія производительныхъ ассоціацій... содѣйствовали пробужденію самосознанія производителей и тѣмъ принесли имъ *большую пользу*. Такую же пользу... принесла просвѣтительная дѣятельность нѣмецкой интеллигенціи: школы, народныя читальни и т. д. Вредныя для нѣмецкаго народа послѣдствія капиталистическаго развитія могли быть въ каждое данное время ослабляемы или устраняемы лишь въ такой мѣрѣ, въ какой развивалось самосознаніе нѣмецкихъ производителей. Марксъ понималъ это лучше утопистовъ, и потому его дѣятельность оказалась *болѣе* полезной для нѣмецкаго народа» (стр. 278).

И такъ, Марксъ, просвѣщающая народъ интеллигенція, устроители кустарныхъ складовъ и артелей разными путями идутъ къ одной цѣли: развитію самосознанія производителей. Теперь спрашивается: разнообразіе указанныхъ путей является-ли результатомъ только невѣжества, глупости, словомъ, «утопизма» лицъ, избравшихъ путь воздѣйствія на производителей, отличный отъ марксова, или въ основѣ его лежитъ, во-1-хъ, естественное разнообразіе и дѣятелей, и лицъ, подвергающихся воздѣйствію, въ отношеніи способности къ тому или другому роду дѣятельности, чувствительности къ тому или иному роду вліянія (слову, факту); во-2-хъ, естественное разнообразіе условій, дѣлающихъ болѣе удобнымъ и полезнымъ въ одномъ случаѣ вліяніе путемъ проповѣди, въ другомъ— устройствомъ артели, въ третьемъ—хорошей книжкой и т. д. Если, напр., нѣмецкая интеллигенція устраивала школы и народныя чтенія, а послѣдователи Шульце-Делича—промышленныя товарищества, то слѣдуетъ-ли отсюда, что и тѣ, и другіе могли бы быть одинаково прекрасными дѣятелями и въ той области, которая избрана Марксомъ? А если такое заключеніе несправедливо; если есть цѣлая масса лицъ, которыя или будутъ работать на поприщѣ просвѣтительной дѣятельности и устройства артелей, или станутъ пребывать въ бездѣйствіи, то можно-ли ихъ третировать en canaille за то, что природа не надѣлила ихъ особенностями М.? Затѣмъ, если вамъ сдѣлается извѣстнымъ, что кто-либо, весьма успѣшно дѣйствующій на поприщѣ просвѣщенія народа, считаетъ, что именно въ возможно широкомъ просвѣщеніи, а не въ пропагандѣ какой-либо партійной программы лежитъ залогъ лучшаго будущаго его народа; если такое его убѣжденіе—съ вашей точки зрѣнія, одностороннее и, пожалуй, утопическое—поддерживаетъ его энергію въ открытіи новыхъ школъ, распространеніи книгъ и т. п., то, спрашивается, сдѣлаете-ли вы своей

задачей разубѣжденіе его въ этомъ мнѣніи; потратите-ли на это поистинѣ безцѣльное словопреніе силы, нужныя для цѣлесообразной работы, и рискнете-ли внести раздоръ и безъ того въ небольшую группу работающихъ на полѣ развитія самосознанія народа, представляя такихъ лицъ глупыми, невѣждами, утопистами, отдѣляя ихъ, какъ непримиримыхъ враговъ, отъ лицъ, преслѣдующихъ ту же цѣль путемъ, напр., устройства артелей? Затѣмъ, можно-ли три вышеуказанныя формы воздѣйствія на сознаніе производителей классифицировать лишь по степени приносимой ими пользы и желать, чтобы всѣ дѣятели сосредоточили свои силы на одномъ поприщѣ и бросили, напр., заботы о народномъ образованіи и о соединеніи разрозненныхъ производителей въ союзы для взаимопомощи разнаго рода, гдѣ они пріучаются къ самодѣятельности, научаются солидарности, начинаютъ впервые чувствовать себя чѣмъ-то, а не ничѣмъ? Не существуетъ-ли между этими родами дѣятельности, въ отношеніи развитія самосознанія, не только количественное, но и качественное различіе, въ силу чего представляется желательнымъ, чтобы дѣйствующія силы распредѣлились между ними, а не сосредоточились на одномъ пунктѣ? Не поведетъ-ли, наконецъ, это раздѣленіе труда къ увеличенію числа работающихъ, такъ какъ, чѣмъ больше имѣется областей для дѣятельности, тѣмъ возможнѣе для каждаго найти примѣненіе его силъ и способностей?

Перенесите всѣ эти вопросы на русскую почву, подумайте немного о ничтожномъ числѣ дѣятелей у насъ на пользу просвѣщенія народа и, въ частности, дѣятелей на почвѣ кооперація; припомните препятствія, ожидающія человѣка, избирающаго путь непосредственнаго воздѣйствія на сознаніе производителей; примите во вниманіе полную разобщенность кустарей на почвѣ какого-либо общаго интереса, въ виду которой соединеніе ихъ хотя бы для пустого дѣла имѣло бы важное воспитательное вліяніе; возьмите все это въ разсчетъ и скажите, кто,—кромѣ праздно болтающаго и лишеннаго малѣйшаго чувства общественнаго такта и интереса,—обрушится всѣми доступными ему громами на направленіе, программа котораго обнимаетъ всѣ пути просвѣтительнаго воздѣйствія на народъ, обрушится потому, что въ *идеологіи* лицъ этого направленія фигурируютъ пункты, несогласные съ тѣми или другими воззрѣніями. Не докажетъ-ли своими нападеніями этотъ строгій блюститель казарменнаго однообразія въ теоретическихъ воззрѣніяхъ свое непониманіе и природы человѣческаго разума, и значенія обращающихся въ обществѣ соціологическихъ теорій, и роли индивидуальной идеологіи въ процессѣ общественнаго развитія? Не докажетъ-ли онъ вмѣстѣ съ

тѣмъ и своего равнодушія къ дѣлу развитія самосознанія производителей, третируя и чуть не шельмуя дѣятелей на этомъ поприщѣ за то, что они молятся не въ одной съ нимъ киркѣ?

Такое именно положеніе занялъ по отношенію къ народникамъ г. Б. И такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ или, по крайней мѣрѣ, допускаетъ главнѣйшіе пункты ихъ программы, находя, что одни изъ нихъ прямо или косвенно способствуютъ развитію самосознанія производителя, а другіе могутъ нѣсколько замедлить процессъ его экспропріаціи, то вся его филиппика свидѣтельствуетъ о томъ, что, во-первыхъ, во всемъ этомъ дѣлѣ важнѣйшее для него значеніе имѣетъ не общественно-политическая или соціологическая, а идеологическая сторона, т.-е. что его матерьялистическая внѣшность покрываетъ неисправимаго идеалиста; во-вторыхъ, что этотъ идеалистъ по складу ума весьма далекъ отъ того, чтобы питать возвышенныя идеальныя чувства; въ силу этого онъ не нашелъ въ своемъ сознаніи ничего, чтобы удержало его пререканія съ противниками въ предѣлахъ теоретическаго разногласія и заставило положить рѣзкую грань между ихъ идеологіей и практической программой, частью принимаемой имъ самимъ; отъ этого и его нападеніе на противниковъ съ общественно-практической стороны представляется дѣломъ безпринципнымъ и для Россіи крайне вреднымъ. Цѣльности идеологическаго построенія онъ принесъ въ жертву практическіе интересы того самаго производителя, имя котораго онъ такъ часто произноситъ всуе.

IX.

Безпринципность г. Бельтова проявляется не только въ нападеніи на направленіе, которое дало ему практическую программу, но отъ котораго онъ открестился новой идеологіей; не большую привязанность къ принципамъ обнаруживаетъ онъ и въ положительной части своей идеологіи. Посмотрите, напр., какъ наставляетъ онъ русскаго интеллигента—лишеннаго какой-либо принципіальной опоры въ жизни и обреченнаго добывать принципы исключительно дѣятельностью чувства и работой сознанія — въ вопросѣ объ идеалахъ.

Критеріемъ идеала должно быть не «нравственное чувство» въ совокупности съ какими-либо общими положеніями въ родѣ, напр., «правъ личности», а экономическая дѣйствительность, поучаетъ г. Б. «Нравственный критерій идеала оказывается неудовлетворительнымъ не потому что нравственныя чувства людей заслуживаютъ пренебреженія, а потому, что эти чувства не ука-

зываютъ правильнаго *пути* въ дѣлѣ служенія интересамъ нашихъ ближнихъ. Врачу *недостаточно* сочувствовать положенію своего больного; ему надо считаться съ физической дѣйствительностью организма, опираться на нее въ борьбѣ съ нею же. Если, бы врачъ вздумалъ *довольствоваться* нравственнымъ негодованіемъ противъ болѣзни, то онъ заслуживалъ бы самой злѣйшей насмѣшки» (с. 248—9).

Разберемъ логически эту тираду, обративъ прежде всего вниманіе на подчеркнутыя нами слова. Нравственное чувство не указываетъ *пути* служенія ближнимъ—это вѣрно. Но развѣ назначеніе идеала—указать *путь*, а не *цѣль*? Врачу *недостаточно* сочувствовать больному,—и это вѣрно. Но значитъ-ли это, что сочувствіе врача больному, какъ человѣку, и сознаніе *обязанности* помогать ему, какъ имѣющему извѣстныя «права личности», не составляетъ *необходимаго условія* дѣятельности врача, и что послѣдній случайно встрѣченнаго имъ больного и безпомощнаго человѣка, вмѣсто назначенія лѣкарства, можетъ такъ же спокойно пристрѣлить во избавленіе отъ страданій, какъ пристрѣливаютъ иногда больную лошадь или собаку? Затѣмъ, примѣненіе нравственнаго критерія и отвлеченнаго принципа къ постановкѣ *цѣли* дѣятельности устраняетъ-ли необходимость опираться на дѣйствительность при достиженіи этой цѣли? Даже больше того—при отсутствіи нравственнаго критерія и общихъ принциповъ, при руководствѣ исключительно физической, экономической и всякой другой дѣйствительностью—можно-ли разумно *избрать* (а не стихійно подчиниться) не говорю правильный, а хотя бы какой-нибудь путь дѣятельности?

«Критеріемъ идеала служитъ экономическая дѣйствительность»; но вѣдь «во всякой дѣйствительности существуютъ противоположные элементы»; что-же заставитъ васъ примкнуть къ тому, а не другому изъ нихъ? Г. Б. предлагаетъ опираться на тотъ элементъ, въ которомъ зрѣетъ будущее. Почему такъ, почему не поддерживать настоящее? И затѣмъ, критерій будущаго открытъ только для «матерьялистовъ - діалектиковъ», потому что ихъ *теорія* во всякой дѣйствительности позволяетъ предполагать не только господствующее настоящее, но и то, въ чемъ зрѣетъ будущее. А какъ быть съ прочими смертными, неимѣющими «готоваго шаблона для выкраиванія историческихъ фактовъ»; какъ быть въ случаѣ, когда дѣйствительность представляетъ борьбу силъ, исходъ которой неизвѣстенъ?

Г. Б. отвѣтитъ, что все сказанное подтверждаетъ только выгоду быть діалектическимъ матерьялистомъ, потому что лишь поступая въ это званіе, человѣкъ пріобрѣтаетъ прочный кри-

терій для своихъ идеальныхъ построеній, возможность ставить передъ собой «совершенно, исключительно идеалистическую задачу». Посмотримъ же, каковы, при различныхъ отношеніяхъ дѣйствительности, эти «исключительно идеалистическія» задачи діалектиковъ-матерьялистовъ; не приводитъ-ли иногда выставленный г Б. критерій къ возведенію въ идеалъ господства Колупаевыхъ и Разуваевыхъ?

«Во всякой экономической дѣйствительности,—учитъ г. Б.,—существуютъ противоположные элементы, и помириться съ дѣйствительностью значило бы помириться лишь съ однимъ изъ ея элементовъ, съ тѣмъ, который господствуетъ въ данное время. Матерьялисты-діалектики указываютъ на другой враждебный этому элементъ дѣйствительности, на тотъ, въ которомъ зрѣетъ будущее. Мы спрашиваемъ, опираться на этотъ элементъ, брать его критеріемъ своихъ идеаловъ, значитъ-ли это прислуживаться къ Колупаевымъ и Разуваемымъ» (248).

30—40 лѣтъ тому назадъ въ Россіи приступлено было къ освобожденію крестьянъ. По общему понятію ученыхъ того времени и по представленію современныхъ россійскихъ «марксистовъ» освобожденіе крестьянъ должно было послужить исходной точкой широкаго развитія капитализма, имѣющаго замѣстить мелкое земледѣльческое и кустарное производство Россіи, господствовавшее въ дореформенную эпоху. Это значитъ, что тотъ элементъ, въ которомъ въ 50-хъ гг. «зрѣло будущее», представлялся немногими фабрикантами, торговцами, Колупаевыми, Разуваемыми и tutti quanti. Когда возникъ вопросъ о томъ, въ какія формы должно вылиться освобожденіе крѣпостныхъ, у насъ началась борьба двухъ критеріевъ идеала: нравственно-идейнаго и практически-экономическаго. Одни говорили, что если за освобожденіемъ крестьянъ и послѣдуетъ развитіе капитализма, это никоимъ образомъ не должно препятствовать тому, чтобы дѣятели освобожденія руководствовались въ своихъ предначертаніяхъ нравственнымъ критеріемъ и понятіемъ «права» крестьянина, какъ «личности», на полученіе отъ государства обезпеченія въ удовлетвореніи необходимыхъ матерьяльныхъ нуждъ. Средства же для достиженія этой цѣли они нашли въ условіяхъ дѣйствительности—въ господствующей среди русскаго народа формѣ общиннаго владѣнія землею и предлагали надѣлить освобождаемыхъ крестьянъ землей на правѣ общиннаго владѣнія ею. Другой рядъ лицъ стоялъ на точкѣ зрѣнія г. Бельтова и утверждалъ, что такъ какъ будущее принадлежитъ капиталистическому производству, то при освобожденіи крестьянъ надлежитъ идти навстрѣчу послѣднему, для чего слѣдуетъ, во-1-хъ, уничтожить общинное владѣніе зем-

лей, во-2-хъ, отвести крестьянамъ возможно меньшіе участки земли, а то оставить ихъ и вовсе безъ надѣла. «Мы спрашиваемъ»— опираться въ данномъ случаѣ на элементъ, въ которомъ зрѣетъ будущее, «брать его критеріемъ своихъ идеаловъ» не «значитъ-ли это прислуживаться къ Колупаевымъ и Разуваемымъ»?

Прошло 35—40 лѣтъ. Въ какомъ же положеніи очутилась Россія; что представляетъ въ настоящее время ея экономическая дѣйствительность, и какой идеалъ диктуетъ она матерьялисту-діалектику; что въ этой дѣйствительности несомнѣнно господствуетъ и что представляетъ изъ себя «зрѣющее будущее»? На этотъ вопросъ дается двоякій отвѣтъ. Народники утверждаютъ, что залогомъ лучшаго будущаго служатъ община и артель; капиталистическое же производство не имѣетъ возможности получить господствующее положеніе въ Россіи. Такимъ образомъ идеалъ, диктуемый ихъ нравственными понятіями, выдерживаетъ и критику отъ дѣйствительности, и потому ихъ экономическая программа, заключающаяся въ требованіи поддержанія развитія самостоятельнаго народнаго производства, основывается одновременно и на отвлеченно-нравственныхъ принципахъ, и на историко-экономическихъ положеніяхъ. Къ чему-же пришли съ своимъ критеріемъ экономической дѣйствительности россійскіе «марксисты»?

Г. Бельтовъ, который похитрѣе, не выставилъ никакой экономической программы и даже возмутился, когда, логически развивая ихъ мысли, нѣкоторые русскіе писатели обвинили россійскихъ «марксистовъ» въ прислуживаніи капитализму. Господинъ же Струве, будучи искреннѣе, не побоялся открыто выставить идеалъ, диктуемый элементомъ, въ которомъ «зрѣетъ будущее». «Мои личныя симпатіи вовсе не на сторонѣ экономически крѣпкаго, приспособленнаго къ товарному производству крестьянства (т.-е. не на сторонѣ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ!); но я не могу не видѣть, что политика, которая направится на созданіе *такого* крестьянства, будетъ единственно разумной и прогрессивной политикой, такъ какъ она пойдетъ навстрѣчу *исторически неизбѣжному* прогрессу капиталистическаго развитія». «Пойдемъ на выучку къ капитализму» [1]).

«Мы спрашиваемъ, опираться на этотъ элементъ (на крестьянскую буржуазію, въ которой г. Струве видитъ зрѣющее будущее), брать его критеріемъ своихъ идеаловъ—не значитъ-ли это прислуживаться къ Колупаевымъ и Розуваемымъ»?

И такъ, не дѣлая различія между идеалами и путями ихъ достиженія, высмѣивая лицъ, руководствующихся въ построеніи

[1]) «Критическія замѣтки», с. 281 и 288.

первыхъ нравственнымъ чувствомъ и вѣчными истинами правды и справедливости, которыми руководствовались въ подобныхъ случаяхъ всѣ великіе и маленькіе люди, не исключая Маркса и Энгельса, которыми руководствовался бы въ болѣе свѣтлыя времена и самъ г. Б.; скрывая отъ читателя, что опираться на текущую дѣйствительность—экономическую, политическую, культурную и др.—представляется необходимымъ, когда отъ вопроса о содержаніи идеала человѣкъ переходитъ къ вопросу о путяхъ осуществленія послѣдняго; внушая россійской интеллигентной «овцѣ безъ стада» освобожденіе отъ «какихъ-нибудь отвлеченныхъ принциповъ», напр., «правъ личности», и подчиненіе чему-то столь неопредѣленному, какъ экономическая дѣйствительность, толкуемая каждымъ сообразно его субъективному настроенію, опредѣляемому, между прочимъ, тѣми же чувствами и общими принципами, которые только-что съ позоромъ выгнаны за дверь,—г. Бельтовъ, въ сущности, даетъ этому интеллигенту carte-blanche въ начертаніи въ свое руководство на жизненномъ поприщѣ такихъ идеаловъ, какіе всего лучше отвѣчаютъ его интимнымъ чувствамъ и стремленіямъ. Если интеллигентъ стремится къ служенію на пользу ближняго — въ современной дѣйствительности онъ признаетъ господствующимъ капиталистическій элементъ, а то, въ чемъ зрѣетъ будущее, увидитъ въ пролетаріатѣ, или въ крестьянствѣ и построитъ себѣ программу, направляющую его силы на пользу этихъ классовъ общества. При преобладаніи же въ немъ эгоистическихъ побужденій, жажды наслажденій и т. п. онъ увидитъ въ современной экономической дѣйствительности господство мелкаго производства, подлежащаго упраздненію капитализмомъ, который поэтому играетъ въ его глазахъ роль элемента, въ коемъ зрѣетъ будущее. Признавъ этотъ печальный фактъ, онъ положитъ его въ основу своего идеала и «съ болью въ сердцѣ» (какъ гг. Бельтовъ и Струве) отдастъ свои силы на служеніе Колупаевымъ и Разуваемымъ.

Долой принципы и да здравствуетъ хотя бы позорная дѣйствительность!—таково поученіе, извлекаемое не особенно нравственно чуткимъ читателемъ изъ книги г. Бельтова.

Проповѣдь безпринципности читатель встрѣтитъ у г. Б. не только въ видѣ упраздненія нравственныхъ понятій при построеніи идеала, т.-е. цѣли, освѣщающей жизненное поприще человѣка. Авторъ остается вѣренъ себѣ и въ случаѣ, когда рѣчь идетъ о формулированіи общихъ положеній соціально-политическаго характера, служащихъ вѣхами на пути къ идеалу, облегчающихъ человѣку возможность разобраться въ сложномъ сплетеніи противорѣчивыхъ фактовъ и тенденцій текущей дѣйствительности.

Не имѣя такихъ промежуточныхъ положеній между идеаломъ и дѣйствительностью, руководствуясь только самой общей формулировкой задачи жизни, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи дать отвѣтъ на вопросъ, какъ, съ точки зрѣнія идеала, надлежитъ оцѣнить данное частное явленіе и какъ отнестись къ нему практически. Поэтому-то, помимо выработки идеала, люди нашли необходимымъ для своего руководства въ сложномъ калейдоскопѣ явленій жизни формулировать еще такія общія идеи, какъ свобода, просвѣщеніе, самоуправленіе. При этомъ ни одинъ человѣкъ, исповѣдывающій въ жизни перечисленныя положенія, не думаетъ, что осуществленіе ихъ во всѣхъ случаяхъ будетъ имѣть только благодѣтельные результаты, и что не найдется лица или группы лицъ, которыя воспользовались бы своей свободой, образованіемъ или участіемъ въ управленіи для преслѣдованія своекорыстныхъ и вредныхъ для общаго или чьего-либо частнаго интереса цѣлей. Но наличность явленій этого рода нисколько не подрываетъ силы вышеприведенныхъ положеній, какъ общихъ формулъ, какъ принциповъ, и можетъ только побудить человѣка стремиться къ устраненію злоупотребленій. Что же касается самыхъ принциповъ, преданные имъ люди заботятся о ихъ укрѣпленіи и для этого прибѣгаютъ, между прочимъ, къ помощи законодательства.

Къ числу такихъ общихъ принциповъ въ глазахъ лицъ, возстающихъ противъ системы наемнаго труда, принадлежитъ принципъ коллективнаго владѣнія орудіями производства, выражающійся въ примѣненіи къ земельной собственности формулой общиннаго владѣнія трудящимися землей, которую они обрабатываютъ. Принципъ этотъ въ данной дѣйствительности можетъ имѣть болѣе или менѣе широкое примѣненіе, можетъ явиться въ извѣстной степени даже искаженнымъ, тѣмъ не менѣе, какъ руководящее начало, онъ остается нерушимымъ, какъ нерушимы остаются начала самоуправленія и просвѣщенія, не смотря на то, что въ практическомъ ихъ примѣненіи сплошь и рядомъ встрѣчаются вредныя и нелѣпыя вещи. Теперь посмотрите, во что обратилось это начало въ рукахъ человѣка, мыслящаго путемъ діалектическихъ противорѣчій.

Какъ извѣстно, цѣлый рядъ русскихъ просвѣщенныхъ людей считаетъ господствующую среди великорусскаго племени и широко распространенную среди многихъ другихъ населяющихъ наше отечество племенъ форму общиннаго владѣнія землей за такое унаслѣдованное нами отъ прошлаго начало, которое заслуживаетъ всяческой поддержки и развитія, и которому завидуютъ многіе просвѣщенные же люди Западной Европы. Между

тѣмъ, при составленіи положенія о крестьянахъ, правительство, колебавшееся между двумя противоположными взглядами, въ уваженіе къ отрицательному взгляду на общину, включило въ законъ нѣкоторые пункты, имѣющіе слѣдствіемъ искусственное разрушеніе этой формы владѣнія, невыгодно отражающееся какъ на современныхъ, такъ и еще болѣе, на будущихъ поколѣніяхъ.

Въ виду этого цѣлая масса интеллигентныхъ лицъ считала необходимымъ измѣненіе указанныхъ пунктовъ положенія 19 февраля, при чемъ разныя лица предлагали разныя степени затрудненія перехода общиннаго владѣнія въ подворное. Но чтобы заботы нашей прогрессивной интеллигенціи объ укрѣпленіи общины выродились въ требованіе прикрѣпленія къ землѣ каждаго крестьянина, какъ объ этомъ рѣшительно заявляетъ г. Бельтовъ; чтобы это требованіе высказывалось не отдѣльными лицами (намъ неизвѣстно, предъявлялось-ли оно кѣмъ-нибудь или нѣтъ), а такой группой ихъ, чтобы г. Б. получилъ право обвинить нашу интеллегенцію въ «крайней неразборчивости по отношенію къ средствамъ закрѣпленія общины»,—мы это положительно отрицаемъ и думаемъ, что авторъ выставилъ это обвиненіе просто потому, что у него не нашлось другихъ возраженій противъ общины и что въ немъ силенъ тотъ «русскій духъ», который «лжетъ за двадцать двухъ».

Указанное обвиненіе русской интеллигенціи высказано г. Б. при разсмотрѣніи одного явленія общинной жизни, наблюдаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы,—обложенія налогомъ лицъ, бросившихъ землю и получающихъ доходы работой на сторонѣ. Автору, повидимому, совершенно неизвѣстенъ тотъ фактъ, что въ основѣ этого, такъ называемаго гуляцкаго оброка, лежитъ обложеніе земли непосильными платежами и отсутствіе у крестьянъ права отказаться отъ излишняго по ихъ соображеніямъ надѣла. Но, конечно, этотъ видъ обложенія отсутствующихъ членовъ общины можетъ продолжать существовать и съ исчезновеніемъ оправдывающихъ его экономическихъ обстоятельствъ, и въ этомъ случаѣ это будетъ злоупотребленіе общества предоставленнымъ ему правомъ обложенія. Но дѣлать изъ этого факта какой-либо другой выводъ, кромѣ вывода о необходимости стремиться къ уничтоженію этого злоупотребленія; низводить начало коллективнаго владѣнія землей съ высоты принципа, служащаго для общаго руководства при оцѣнкѣ явленій русской дѣйствительности, допустимо въ такой же мѣрѣ, въ какой,—въ виду факта поддѣлки грамотными людьми фальшивыхъ паспортовъ,—позволительно протестовать противъ просвѣщенія, какъ одного изъ руководящихъ началъ, а изъ широко рас-

пространеннаго въ сѣверо-американской республикѣ подкупа избирателей и расхищенія общественнаго сундука выводить заключеніе о нераціональности занесенія въ число руководящихъ общественно-политическихъ принциповъ «самоуправленіе» народа.

Теперь спрашивается, не рекомендаціей-ли упраздненія этихъ положеній будетъ обращеніе къ русскому читателю съ такими рѣчами?

Какъ же бороться съ капиталистической прозой? «У васъ одинъ отвѣтъ: закрѣпить общину (распространить народное образованіе, дать широкій просторъ мѣстному самоуправленію. В. В.). А мы отвѣчаемъ вамъ, что это отвѣтъ, достойный лишь утопистовъ. Почему? Потому что это—отвлеченный отвѣтъ (т.-е. что имъ указываются руководящіе принципы?). По вашему община (и просвѣщеніе, и самоуправленіе?) хороша всегда и вездѣ, а по-нашему отвлеченной истины (т.-е. руководящаго принципа?) нѣтъ, истина всегда конкретна, все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста». И такъ, руководствоваться такими «отвлеченными» принципами, какъ община, просвѣщеніе, самоуправленіе, достойно только «утопистовъ» (конечно, въ ругательномъ, лишь россійскимъ «марксистамъ» понятномъ смыслѣ слова), потому что общаго принципа нѣтъ, настоящая истина конкретна. Она должна допустить возможность защиты въ однихъ случаяхъ — образованія (напр.. для дѣтей привиллегированаго меньшинства), въ другихъ—невѣжества (для дѣтей классовъ непривиллегированныхъ или евреевъ); въ однихъ—полное самоуправленіе (напр., для дворянства), въ другихъ—половинное или четвертное (напр., для инородцевъ, или крестьянъ), въ третьихъ — внѣшнюю опеку. «Все зависитъ отъ обстоятельствъ мѣста и времени», а судьей этихъ обстоятельствъ, по упраздненіи принциповъ, остается... что или кто остается?.. Личныя вожделѣнія и воля сильнаго!

Не это-ли говоритъ г. Бельтовъ на стр. 263 своего труда и подумалъ-ли этотъ поборникъ «исключительно идеалистическихъ задачъ», какого рода идеалисты порадуются его рѣчамъ въ наши дни?

X.

На этомъ мы закончимъ бесѣду съ читателемъ о книгѣ г. Б., хотя далеко не исчерпали предмета. Мы, напр., ничего не говорили о томъ, какъ нашъ «марксистъ» поставилъ внизъ головой формулу о зависимости между экономіей и психологіей общества, высказанную основателями экономическаго матерьялизма [1]); не

[1]) «Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе (т.-е. форму ихъ общественнаго существованія), а наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ

коснулись и вопроса о субъективизмѣ въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ, для выясненія котораго книжка г. Б. даетъ обильный матерьялъ, и т. д. И безъ того мы заняли вниманіе читателя г. Бельтовымъ, быть можетъ, больше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго, читатель, надѣюсь, повѣритъ, если мы скажемъ, что близкое общеніе съ идеями г. Б., на которое мы были обречены взятой на себя задачей, не доставило намъ особеннаго удовольствія. Причина этого лежитъ въ характерѣ литературной личности названнаго писателя, насколько она выясняется въ его произведеніяхъ, и томъ употребленіи, какое онъ дѣлаетъ изъ своего пера. Мы не можемъ требовать, чтобы писатель всегда находился на высотѣ своего призванія и не давалъ минутами воли личному чувству, подъ вліяніемъ котораго онъ можетъ иногда совершить и не совсѣмъ корректный поступокъ. Но мы положительно не привыкли къ тому, чтобы литературное произведеніе, маломальски претендующее на вниманіе порядочной части общества, представляло такой разгулъ самомнѣнія писателя, такую распущенность мысли и слова, такое безцеремонное обращеніе съ мнѣніями противниковъ и такое радостно-торжествующее презрѣніе къ русской литературѣ и скрытое къ русскому читателю, какимъ отличается разбираемый нами трудъ г. Бельтова. У насъ есть писатели, прославившіеся на подобномъ же пути; но за то ни они сами не претендуютъ на титулъ борцовъ за идею, ни другіе не считаютъ ихъ представителями литературы, какъ руководительницы общественнаго мнѣнія. Но когда вышеописаннымъ способомъ обращается съ печатнымъ словомъ человѣкъ, торжественно провозглашающій, что онъ несетъ бѣдной русской мысли якорь спасенія; когда онъ принимаетъ при этомъ всѣ дозволимыя и недозволимыя средства къ тому, чтобы сплести свое имя съ именами людей, вызывающихъ восторженное поклоненіе со стороны алчущихъ и жаждущихъ какъ тѣлесной, такъ и духовной пищи, и въ этомъ сплетеніи даже почерпаетъ новую рѣшимость для своихъ литературныхъ подвиговъ, то въ васъ невольно возбуждается чувство отвращенія, отягчаемое сознаніемъ глубокаго упадка достоинства русской интеллигенціи, къ которой можно безнаказанно обращаться съ такимъ словомъ, съ какимъ обращается къ ней г. Бельтовъ.

Характеръ литературной физіономіи г. Бельтова довольно хорошо обрисовывается заключительными словами его книжки. «А теперь, до свиданія, гг. наши противники. Мы заранѣе предвку-

---

ихъ сознаніе» (Марксъ). «Медленная психологическая эволюція предшествуетъ экономической революціи» (Бельтовъ, с. 176).

шаемъ все то величайшее удовольствіе, которое доставятъ намъ ваши возраженія» (с. 278).

Еслибы г. Бельтовъ признавалъ, что его противники въ состояніи хотя нѣсколько защититься отъ его нападеній, то онъ воздержался бы отъ заявленія объ ожидающемъ его удовольствіи читать ихъ возраженія. Если же онъ дѣлаетъ публично такое признаніе, значитъ, онъ не допускаетъ и мысли о томъ, что среди русскихъ писателей могутъ найтись лица, способныя говорить съ нимъ на равной ногѣ; онъ считаетъ себя въ русской литературѣ могучимъ Самсономъ, навѣки погребающимъ дѣйствующихъ руководителей общественнаго мнѣнія подъ развалинами смаху разрушенныхъ имъ сооруженій, которыя они воздвигали въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Но развѣ Самсонъ или какой-либо другой представитель дѣйствительной силы способенъ проявлять такое тщеславіе, чтобы трубить о побѣдѣ, не зная даже, будетъ-ли сраженіе? И развѣ человѣкъ, хотя бы съ большимъ самомнѣніемъ, но и немалымъ умомъ, не воздержался бы отъ преждевременнаго провозглашенія объ ожидаемой побѣдѣ, еслибы даже его и подмывало отпраздновать послѣднюю его непомѣрное тщеславіе? Г. Б. не только провозглашаетъ о своей побѣдѣ, но и *радостно* торжествуетъ по этому случаю. Спрашивается, однако, есть-ли здѣсь основаніе для возбужденія радостнаго чувства въ бойцѣ-*гражданинѣ*, а не въ человѣкѣ, относящемся къ борьбѣ, какъ относится къ ней участникъ въ масляничныхъ побоищахъ, устраиваемыхъ въ городскихъ захолустьяхъ на потѣху ожирѣвшаго купечества?

Г. Б. торжествуетъ побѣду не надъ двумя-тремя лицами, которымъ онъ отдалъ честь своимъ вниманіемъ, а надъ цѣлымъ литературнымъ поколѣніемъ, выражающимъ дѣйствительные успѣхи русской общественной мысли своего времени. Принимая же во вниманіе что повергнутое однимъ ударомъ г. Б. долу поколѣніе получало воспитаніе при необыкновенно благопріятныхъ условіяхъ, подъ живительнымъ дѣйствіемъ возбуждающаго вліянія эпохи реформъ и новыхъ вѣяній съ Запада, и что смѣняющее его поколѣніе развивалось при совершенно противоположныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ внутренняго происхожденія: принимая это во вниманіе, слѣдуетъ считать весьма вѣроятнымъ предположеніе, что выступающее на поле дѣйствительной жизни поколѣніе окажется интеллектуально на столько же по, крайней мѣрѣ, ниже ему предшествующаго, на сколько это послѣднее уступало дѣятелямъ 60-хъ годовъ. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что во всѣхъ отрасляхъ интеллектуальной дѣятельности старые дѣятели не нахо-

дятъ равноцѣнныхъ замѣстителей. Вы встрѣтите это и въ изящныхъ искусствахъ, и въ наукѣ, и въ публицистикѣ, и въ сферѣ такъ называемыхъ свободныхъ профессій. Подтвержденіемъ сказаннаго служитъ и тотъ фактъ, что новое направленіе, представителемъ котораго выступилъ г. Б., существуя въ Россіи больше 10 лѣтъ, только къ послѣднему году скопило на столько интеллектуальной силы, чтобы рѣшиться объявиться въ литературѣ. А если это такъ, то можно-ли радоваться тому обстоятельству, что сгоняемое г. Б. со сцены поколѣніе въ интеллектуальномъ отношеніи оказалось ниже всякой критики, что оно вдохновляется еще идеями, пережитыми Германіей въ 40-хъ годахъ, что, по своему умственному убожеству, оно оказалось, напр., неспособнымъ понять писателя, сдѣлавшагося однимъ изъ любимѣйшихъ его авторовъ, что оно напоминаетъ «готтентота», разсуждающаго о наукѣ, и т. д.? Вѣдь если на русской почвѣ, при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ для умственнаго развитія, выросли готтентоты цивилизаціи, то что ожидаетъ Россію, когда въ силу другихъ условій развитія мѣсто готтентотовъ займутъ жители Огненной земли? Кто можетъ радостно торжествовать, а не скорбѣть по случаю открытія готтентотизма русской интеллигенціи, кромѣ человѣка, для котораго борьба есть прежде всего средство показать свою удаль, который до того ослѣпленъ подвигами собственной персоны, что подъ обломками разрушаемыхъ зданій не замѣчаетъ трясины, которую идущіе за нимъ не могутъ ни обойти, ни замостить и по которой должны слѣдовать, потопая въ грязи невѣжества и легкомыслія.

Но что для г. Бельтова русскіе писатели! Этотъ борецъ за интересы «производителя», ради остраго словца, не останавливается предъ глумленіемъ надъ отцами своихъ собственныхъ учителей, великими «утопистами» начала нынѣшняго столѣтія, виновными лишь въ томъ, что они не родились пятидесятью годами позже. Утописты,—остритъ г. Бельтовъ,—воображали себя чрезвычайно практичными людьми и строили, казалось имъ, чрезвычайно практичные планы. «Изъ старыхъ утопистовъ въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Фурье. *Онъ, какъ гоголевскій Костанжогло, старался всякую дрянь употребить въ дѣло*». Такъ почтительно поминаетъ россійскій марксистъ, безъ роду-безъ племени—своего духовнаго предка. А вотъ какъ высказываются по тому же вопросу названные учителя (?) этого «марксиста». «Утопическая сторона соціалистическихъ теорій теперь уже всецѣло отошла въ область исторіи, и мы не будемъ останавливаться на ней ни минуты долѣе, предоставивъ *литературнымъ лавочникамъ* самодовольно перетряхивать эти смѣшныя фантазіи и любоваться

трезвостью своего образа мыслей по сравненію съ подобнымъ «сумасбродствомъ» (Энгельсъ).

Этой характеристикой г. Б. мы закончимъ свою статью. Но при этомъ считаемъ умѣстнымъ прибавить, что появленіе трудовъ, подобныхъ книгамъ гг. Бельтова и Струве, мы считаемъ весьма желательнымъ. Только при открытомъ распространеніи какой-либо системы идей, возможна цѣлесообразная борьба съ ложными ея сторонами и усвоеніе того, что есть въ ней истиннаго. Желательно, поэтому, чтобы на путь научной разработки основной идеи экономическаго матерьялизма выступило возможно большее число лицъ, и чтобы русскій читатель познакомился изъ первыхъ рукъ съ представителями этой идеи на Западѣ.

В. В.

ВОСТОЧНЫЙ МАГАЗИНЪ.

(повѣсть).

X.

Аверьяновъ обращался съ просьбою выпустить его на поруки или принять отъ него залогъ, но на прошеніе его удовлетворенія не послѣдовало. Такъ и пришлось ему сидѣть въ одиночной камерѣ и съ грустью смотрѣть на клочекъ неба, виднѣвшійся въ окно. Начались допросы и передопросы, провѣрка показаній свидѣтелей, справки въ страховомъ обществѣ, въ Международномъ банкѣ и т. д. Каждый разъ, возвратившись отъ слѣдователя съ дополнительнаго допроса, Аверьяновъ чувствовалъ, что какъ будто съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе опутываетъ его какою-то тончайшею, невидимою паутиной, опутываетъ его всего, и онъ не въ силахъ освободиться отъ этой паутины.

Но вѣдь это ужасно! Быть въ полномъ разсудкѣ и въ твердой памяти, обладать всѣми чувствами и даромъ рѣчи и не быть въ состояніи защититься отъ напрасно взводимаго на него обвиненія. Факты (охъ, ужъ эти факты!) противъ него. Но какіе же это факты?... Аверьяновъ, осужденный на одиночество и бездѣйствіе, перебиралъ эти *факты* на всѣ лады, и всѣ они, дѣйствительно, въ одинъ голосъ говорили противъ него.

Магазинъ съ вечера субботы былъ запертъ, и ключъ хранился у него; въ воскресенье, кромѣ него самого, въ магазинъ никто не заходилъ; вскорѣ же послѣ его отъѣзда внутри магазина загорѣлось. Кромѣ него, значитъ, было некому поджечь магазинъ. Но вѣдь Аверьяновъ не поджигалъ, не могъ поджечь, потому что былъ въ магазинѣ безъ огня. Онъ заходилъ только за сигарами... Да! Но факты—противъ

него. Разбей ихъ, ухитрись!... Для чего ему было поджигать магазинъ? Отвѣтъ готовъ: магазинъ былъ застрахованъ, товару въ магазинѣ было немного,—слѣдовательно, поджечь магазинъ и получить деньги по страховому полису было выгодно.

Значитъ, нужно доказать, что Аверьяновъ не поджигалъ магазинъ. Но какъ же это онъ докажетъ? Скажетъ, что у него есть деньги, что нѣсколько тысячъ его денегъ хранятся въ банкѣ? Ему возразятъ, что для человѣческихъ аппетитовъ нѣтъ предѣла. Такъ... „Но вѣдь кто же нибудь поджегъ!“ размышлялъ Аверьяновъ. „Самовозгоранія въ этомъ случаѣ быть не могло... Кто же? Кто?...“

Аверьяновъ сколько ни думалъ, какъ ни ломалъ голову, чаще всего останавливался лишь на одномъ—хотя сколько-нибудь правдоподобномъ—предположеніи, а именно: вскорѣ послѣ его отъѣзда, пользуясь праздничнымъ временемъ, суетолокой и бѣготней, воры могли въ сумерки пробраться въ магазинъ съ помощью заранѣе подобранныхъ ключей, отмычекъ и т. под. и вѣроятнѣе всего, что пробрались они со двора черезъ задній ходъ, такъ какъ маленькая задняя дверь со двора нѣсколько загораживалась полѣнницей дровъ, и, при ловкости и сноровкѣ, дверь можно было быстро отпереть и затворить за собой — незамѣтно для дворницкаго ока, не всегда достаточно бдительнаго; забираться же съ улицы въ магазинъ было бы ужъ слишкомъ рискованно, даже просто невозможно. Сдѣлавъ свое дѣло, воры могли опять запереть дверь и исчезнуть. Дѣйствовать впотьмахъ они не могли, должны были зажечь свѣчку или фитиль. Развѣ не могли они второпяхъ, нечаянно, какъ-нибудь заронить огонь?. и вотъ пожаръ готовъ!

А откуда взялся на пожарищѣ запахъ керосина? Обстоятельство, прямо указывающее на умышленный поджогъ. Въ день пожара керосину не было въ магазинѣ. Въ этомъ случаѣ нельзя не довѣрять Федоськѣ. Ворамъ было незачѣмъ безпокоиться—приносить съ собой керосинъ и учинять поджогъ. Воры только случайно могли зажечь магазинъ, и въ этомъ случаѣ на пожарищѣ не пахло бы керосиномъ.

Свободнаго времени для размышленій у Аверьянова было много, даже слишкомъ много.

Наконецъ, Аверьяновъ—черезъ прокурора—сталъ получать письма. Онъ получилъ нѣсколько писемъ отъ невѣсты и одно письмо отъ Маруси,—письмо отчаянное, отрывочное и довольно безтолковое. Въ письмѣ дѣвочка разсказывала о томъ, что она три раза приходила къ нему на квартиру, но не заставала его, что когда пришла въ четвертый разъ, дворникъ сказалъ, что его арестовали и увезли. Маруся очень сожалѣла, что съ нимъ приключилось такое несчастье. Она ни за что не повѣритъ, что Дмитрій Александровичъ въ чемъ-нибудь виноватъ; она очень любитъ его, желаетъ, чтобы онъ поскорѣе освободился, желаетъ видѣть его. Письмо этой дѣвицы заканчивалось искренне патетическими нотами:

„Вы всегда были такъ добры ко мнѣ, всегда заступались за меня, и теперь, когда я вспоминаю о васъ, я плачу. Простите, Дмитрій Александровичъ! Я была такая гадкая, такая злая... не пошла тогда въ магазинъ, какъ вы меня звали. Помните? Теперь я, право, раскаяваюсь. Я съ радостью теперь пошла бы къ вамъ, да некуда, нельзя... Прощайте, милый, дорогой Дмитрій Александровичъ! Прощайте, прощайте, прощайте!!!

Ваша М. Вьюшина.

Представьте: Васька спасся. Во время пожара онъ, видно, былъ гдѣ-нибудь на дворѣ. Я взяла его къ себѣ, братъ ворчитъ, но Капитолина Игнатьевна согласилась. Каждый день покупаемъ ему печенку. Ахъ, еслибы я могла еще что-нибудь сдѣлать для васъ!..“

Это письмо сильно растрогало Аверьянова. Онъ отвѣчалъ Марусѣ, что благодаритъ ее за память, надѣется со временемъ увидать ее, что за Ваську очень радъ и цѣлуетъ ее.

Наташа долго, безуспѣшно добивалась свиданья съ Аверьяновымъ, и наконецъ, въ качествѣ невѣсты, ей было разрѣшено навѣщать его разъ въ недѣлю — по понедѣльникамъ. Но эти свиданія подъ надзоромъ тюремщиковъ доставляли имъ мало отрады и порой,— отъ невозможности поговорить откровенно, высказаться, — заставляли еще пуще страдать. Грустныя свиданья...

— Какъ твое здоровье?—спрашивала она.

— Да здоровье-то ничего... А какъ ты поживаешь? Что подѣлываетъ мамаша?..—говорилъ онъ, стараясь придать себѣ беззаботный, спокойный видъ.

— Вспоминаемъ о тебѣ... все ждемъ! Скоро-ли же будетъ разбираться твое дѣло?

— Скоро, скоро!—утѣшалъ ее Аверьяновъ. — Надняхъ слѣдствіе закончится, а тамъ ужъ пойдетъ быстро.

И сколько разъ Наташа слышала отъ него это „скоро, скоро!". А дѣло его продолжало двигаться черепашьимъ шагомъ.

— Я принесла тебѣ варенья, папиросъ,—говорила Наташа.—Не нужно-ли тебѣ еще чего-нибудь?

— Спасибо, милая! Книгъ, книгъ, пожалуйста, пришли или принеси въ слѣдующій разъ,—просилъ ее Аверьяновъ.

Впрочемъ, во время свиданій они иногда больше смотрѣли, молча, другъ на друга, чѣмъ разговаривали. Въ молчаливомъ обмѣнѣ взглядами для нихъ была особенная прелесть: тюремный стражъ не могъ подслушать, о чемъ говорятъ имъ эти взгляды, не могъ понять ихъ, уловить ихъ тайный смыслъ и значеніе. Взглядами влюбленные ласкали другъ друга, говорили о своей любви, высказывали свое горе и свои надежды, мечты...

Каждый разъ послѣ свиданья Аверьяновъ весь день бывалъ сильно взволнованъ, не находилъ себѣ мѣста и покоя. Онъ былъ и счастливъ тѣмъ, что видѣлъ свою милую, слышалъ ея голосъ, шелестъ ея платья, ловилъ ея любящіе взгляды, грустные и нѣжные, но въ то же время былъ и глубоко несчастливъ, не видя конца разлуки съ нею. Послѣ свиданій еще ненавистнѣе казался ему этотъ склепъ, тѣсный и безмолвный, сжимавшій его въ своихъ холодныхъ, каменныхъ объятіяхъ.

Наташа находила, что Дмитрій Александровичъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, глаза впали и не стало у него прежней улыбки. Какъ убитая, возвращалась она каждый разъ со свиданія. Съ глазами, полными слезъ, опустивъ свой черный вуаль, шла она по пустынной Шпалерной улицѣ по направленію къ Литейному проспекту, почти не замѣчая встрѣчавшихся и обгонявшихъ ее немногочисленныхъ прохожихъ и мыслью оставаясь еще тамъ,—за сѣрыми стѣнами этого большого, каменнаго зданія. Ей тяжело, страшно входить въ темныя, желѣзныя ворота, но, конечно, она не перестанетъ ходить на свиданья съ Митей до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ на свободу. Что его оправдаютъ, въ томъ Наташа не сомнѣва-

лась ни на секунду. Ея Митя не могъ быть преступникомъ,— „это всякій скажетъ, кто знаетъ его!“

Въ хожденіи на свиданья въ домъ предварительнаго заключенія Наташу утѣшала мысль, что она можетъ быть полезной Митѣ, можетъ доставлять ему кое-какія удобства въ его грустномъ одиночествѣ. На Пасхѣ, напримѣръ, она съ истиннымъ наслажденіемъ несла ему куличъ, сыръ, яйца. Каждая мелочь, приносимая заключенному, говорила о томъ, что его любятъ, постоянно думаютъ о немъ, заботятся, что они, физически разлученные, остаются въ постоянномъ духовномъ общеніи.

Такъ проходили недѣли, мѣсяцы, прошло почти полгода. Въ іюлѣ то семейство, гдѣ Наташа уже давно давала уроки, уѣхало за границу, и у Наташи остались только два небольшіе урока. Аверьяновъ не разъ предлагалъ ей достать денегъ, но дѣвушка отказывалась самымъ рѣшительнымъ образомъ, говоря, что дѣла ея вовсе не плохи. И Аверьяновъ очень безпокоился о ней. Но не онъ одинъ думалъ и заботился о Наташѣ. Кое-кто также думалъ и „безпокоился“ о ней, строя очень замысловатые планы на счетъ ея будущаго.

Однажды, въ половинѣ августа, поздно вечеромъ, Вьюшинъ возвратился домой съ однимъ изъ своихъ безыменныхъ пріятелей-забулдыгъ и съ двумя бутылками пива въ рукахъ. Маруся была уже въ постели, но еще не спала, когда пришелъ братъ, и, по обыкновенію, притворилась спящею, чтобы избѣжать непріятныхъ разговоровъ съ пьянымъ. Вьюшинъ зажегъ лампу, откупорилъ бутылки, заперъ дверь и усѣлся съ пріятелемъ за столъ. Тутъ между ними начался очень оживленный разговоръ о какой-то женщинѣ. Вьюшинъ расхваливалъ какую-то барышню, восхищался ея прелестями.

— Высокая, стройная, бѣленькая... ну, одно слово— шикъ! — говорилъ онъ, захлебываясь отъ пьянаго восторга.

Маруся уже привыкла къ подобнымъ безцеремоннымъ разговорамъ и ни мало не интересовалась ими, но разговоръ ей мѣшалъ и не давалъ заснуть.

— Да, чортъ возьми! За такую кралечку денегъ не пожалѣешь... я и самъ бѣлыхъ люблю!—вторилъ Вьюшину его пріятель.—Только какъ же ты хочешь устроить это дѣльце, а?

— А очень просто... предложить ей уроки!—отвѣчалъ

Вьюшинъ.—Вѣдь бѣднота... по урокамъ бѣгаетъ... одна юбка, поди, за душой, даромъ что королевой выглядитъ...

Въ это время собесѣдники понизили голосъ, заговорили почти шепотомъ и тѣмъ заставили Марусю невольно обратить вниманіе на ихъ разговоръ. Братъ и его пріятели, обыкновенно, не стѣснялись и галдѣли во всю глотку. А теперь они недаромъ заговорили шепотомъ... видно, задумали что-нибудь недоброе! И Маруся стала прислушиваться... Пріятель что-то тихо замѣтилъ Вьюшину, и Вьюшинъ, повидимому, въ отвѣтъ ему, успокаивающимъ тономъ проговорилъ:

— Спитъ!

Пріятель опять что-то пробурчалъ, послѣ чего Вьюшинъ всталъ, пошатываясь, подошелъ къ Марусиной занавѣскѣ, отдернулъ ее и съ минуту смотрѣлъ на сестру. Дѣвочка лежала подъ одѣяломъ, слегка согнувъ ноги и станъ, обхвативъ руками подушку, и спокойно, ровно дышала, какъ спящая.

— Ну, иди, Ѳома невѣрный,—смотри самъ!—насмѣшливо проворчалъ Вьюшинъ, обращаясь къ пріятелю.

Тотъ, шатаясь и стараясь осторожно ступать по полу, подошелъ къ занавѣскѣ и, схвативъ Вьюшина за плечо, поглядѣлъ на дѣвочку. Красные, съ растрепанными волосами, пьяные, гадкіе, пропитанные алкоголемъ, тяжело сопя и едва держась на ногахъ, стояли они у постели и смотрѣли на Марусю. Лежа съ закрытыми глазами, дѣвочка слышала ихъ тяжелое дыханіе, чувствовала отвратительный сивушный запахъ, распространявшійся отъ нихъ, и была ни жива, ни мертва. Сердце ея билось, какъ пойманная птичка, и она едва удерживалась, чтобы не вскрикнуть отъ ужаса и не броситься съ постели, куда глаза глядятъ. Она знала, что братъ спьяна, съ сердцовъ, можетъ Богъ знаетъ что сдѣлать съ нею, не стѣсняясь присутствіемъ своего пріятеля. Наконецъ, Вьюшинъ опустилъ занавѣску и возвратился съ товарищемъ къ недопитымъ стаканамъ пива и къ прерванной бесѣдѣ.

— Вѣдь говорю: спитъ! Теперь ее не скоро разбудишь!..—со смѣхомъ промолвилъ Вьюшинъ вполголоса.

Маруся вздохнула свободно, но за то сонъ окончательно теперь покинулъ ее. Говорятъ шепотомъ, смотрятъ: спитъ-ли она,—такія необыкновенныя предосторожности удивляли,

пугали Марусю и заставляли ее вслушиваться въ разговоръ. Но до нея долетали лишь неполныя фразы, отдѣльныя слова,— да и то долетали отрывочно, неясно. Услыхала она фамилію Аверьянова и сдѣлалась еще внимательнѣе. И вотъ, долетаютъ до нея слова: „Въ пятой линіи... пустяки!.. не подумаетъ... съ радостью... а тамъ живо... безъ никакихъ!..“ Разговоръ часто прерывался смѣхомъ.

— Хорошіе уроки! Хорошіе... — насмѣшливымъ тономъ твердилъ Вьюшинъ.

— Уроки по всѣмъ предметамъ!—хихикалъ пріятель.

— Да ужъ останемся довольны... говорю тебѣ, чортова башка! — послѣ продолжительнаго шептанья сказалъ Вьюшинъ, ласково ударяя пріятеля пустымъ стаканомъ по головѣ.

— Когда же?—спросилъ тотъ, собравшись уходить.

— Завтра, вѣроятно, не успѣю... А, впрочемъ, можетъ быть, откомандирую... — отвѣтилъ ему Вьюшинъ. — Только Метлѣ, смотри, ни гу-гу!

— Ладно! Значитъ, завтра въ томъ трактирѣ—на углу Вознесенскаго?..

— Такъ!—подтвердилъ Вьюшинъ.—Аминь—и безъ никакихъ!..

Марусѣ вдругъ съ необыкновенной ясностью представилось, о *комъ* шла рѣчь. Она, конечно, не могла догадаться, что замышлялъ ея братъ со своимъ пріятелемъ, но она предчувствовала, что замышляли они что-то нехорошее. Маруся долго терялась въ сомнѣніяхъ, долго раздумывала и колебалась, не зная, какъ ей лучше поступить. Братъ ея уже давно храпѣлъ, а она все еще ворочалась на постели. Наконецъ, уже утромъ рѣшеніе было принято, и дѣвочка заснула часа на два.

Когда Маруся пробудилась, было уже совершенно свѣтло, въ корридорѣ слышалась ходьба и въ сосѣдней комнатѣ жиличка, Лизавета Васильевна, уже плескалась надъ своимъ тазомъ. Маруся подумала, что она проспала—и ужасно испугалась. Но, нѣтъ! она не опоздала: былъ еще девятый часъ въ началѣ, и братъ крѣпко спалъ, всхрапывая на всю комнату. Она потихоньку, торопливо одѣлась, умылась, кое-какъ попригладила волосы, накинула пальто и шляпку и на цыпочкахъ, не скрипнувъ дверью, вышла въ корридоръ.

— Что жъ это, Маруся? Ты куда-то сегодня безъ чаю

направляешься!—замѣтила хозяйка, увидавъ ее уже въ дверяхъ.

— Да, Капитолина Игнатьевна! Нужно!—отозвалась Маруся, не останавливаясь.

Въ тотъ день въ Адресномъ столѣ двое наводили справки о мѣстожительствѣ одной и той же особы—дворянки, Натальи Николаевны Беклешовой. Первую справку въ десятомъ часу утра наводила дѣвочка, повидимому, чѣмъ-то очень взволнованная. Въ ожиданіи выдачи справки, она все ходила по комнатѣ, озираясь по сторонамъ и нервно подергивая короткіе рукава своего старенькаго порыжѣвшаго пальто. Другую справку о мѣстожительствѣ Беклешовой наводилъ во второмъ часу пополудни какой-то весьма неприглядный субъектъ,—должно быть, лакей изъ небогатаго дома, мужчина лѣтъ сорока, блондинъ, съ бакенбардами, въ довольно потертомъ сюртукѣ.

Въ тотъ же день, въ двѣнадцатомъ часу, въ квартирѣ Беклешовыхъ раздался тихій, робкій звонокъ. Наталья Николаевна, только что возвратившаяся съ урока, сама отперла дверь.

— Маруся!—вскрикнула она отъ неожиданности, отступая и пропуская дѣвочку въ переднюю.—Какъ я рада, что ты, наконецъ, зашла къ намъ. Ну, раздѣвайся! Пойдемъ!

И барышня крѣпко пожимала ей руку и тащила ее въ столовую.

— Мамаша! Ко мнѣ гостья пришла... Маруся! Помните?

— Какая Маруся?—отозвалась старушка, показываясь въ дверяхъ.

Наталья Николаевна познакомила съ ней дѣвочку и напомнила ей: кто такая Маруся.

— А, да, да! Помню, помню!—добродушно проговорила старушка, всматриваясь въ лицо дѣвочки.—Какая же ты худенькая, моя милая! Ну, ну, войди же къ намъ!..

— Маруся, не хочешь-ли чаю? Мы сейчасъ будемъ завтракать...—сказала Наташа, усаживая дѣвочку съ собой на диванъ.—Однако, какъ у тебя волосы сбились... я ихъ сейчасъ тебѣ приглажу!

Дѣвушка сбѣгала въ свою комнату за гребенкой и стала причесывать Марусю. Та покорно предоставила въ ея распоряженіе свою черную, густую и длинную косу.

— Какіе прелестные волосы!—говорила Наталья Николаевна.

— Ваши не хуже!—сдержанно замѣтила Маруся.

— Да, правда! У меня тоже волосы хороши...—согласилась Наталья Николаевна.

Когда она сказала, что рада приходу Маруси, то сказала не просто любезную фразу, но сущую правду, сказала лишь то, что она почувствовала въ ту минуту. Дмитрій Александровичъ уже не разъ спрашивалъ ее: не встрѣчала-ли она Марусю? Аверьяновъ не просилъ ее повидаться съ Марусей, но ясное дѣло, что ему было бы очень пріятно, еслибы Наташа разыскала дѣвочку и принесла бы ему свѣдѣнія объ его любимицѣ. Идти разыскивать Марусю она не рѣшалась, помня ея холодное, недоброжелательное отношеніе къ себѣ, а главнымъ образомъ потому, что Маруся жила съ братомъ, и Наташа рисковала встрѣтиться съ нимъ. А послѣ возмутительной сцены въ магазинѣ ей было бы невыносимо тяжело встрѣтиться съ Вьюшинымъ. Этотъ человѣкъ внушалъ ей отвращеніе. Но теперь, когда дѣвочка сама пришла къ ней, Наталья Николаевна была очень рада.

— Ну, разсказывай же, какъ живешь?—спрашивала она Марусю, беря ее за руку и ласково гладя ей руку.

Старушка въ то время хлопотала въ кухнѣ.

— Я пришла къ вамъ... мнѣ хотѣлось...—запинаясь, начала Маруся, не глядя на Наталью Николаевну.—Я не знаю навѣрное... но если сегодня, завтра... или послѣзавтра вамъ предложатъ уроки, то, пожалуйста, откажитесь отъ нихъ... не берите...

Наталья Николаевна съ изумленіемъ посмотрѣла на Марусю.

— Да кто-жъ мнѣ предложитъ уроки? Съ чего ты это взяла, Маруся?—спросила она.

— Кто ни предложитъ,—все равно! Не берите!..—смущенно повторила дѣвочка.

— Да почему же не брать?.. Тебѣ-то что?.. Ты, Маруся, просто, ставишь меня втупикъ...—промолвила Наталья Николаевна, съ недоумѣніемъ, почти недовѣрчиво взглядывая на поникшую голову дѣвочки.

— Противъ васъ что-то замышляютъ... я всего не знаю... но, право же... Ну, повѣрьте мнѣ, Наталья Николаевна!—съ жаромъ вскричала Маруся.

— Кто-жъ замышляетъ?.. У меня, кажется, на всемъ свѣтѣ и враговъ-то нѣтъ...—съ легкой улыбкой замѣтила барышня.

— Я не могу сказать: кто... я не скажу! Да это все равно...—И Маруся какъ-то жалобно посмотрѣла на свою собесѣдницу: раньше она не подумала о томъ, что ей могутъ не повѣрить, что ея таинственность можетъ показаться смѣшною.

Маруся вспыхнула. Наталья Николаевна дружески положила ей руку на плечо, задумчиво посмотрѣла въ ея большіе, темные глаза и — вздрогнула. Ей припомнились другіе глаза, очень похожіе на глаза Маруси. Когда-то давно тѣ глаза страшно напугали ее и не разъ потомъ мерещились ей. Ея братъ... этотъ ужасный, нахальный человѣкъ... развѣ тогда же не сказалъ: „Ты будешь моею!“ Сумасшедшій!.. Да! Такъ вотъ что... Дѣвочка, конечно, могла узнать кое-что случайно...

— Ну, Маруся, успокойся! Мнѣ уроковъ не нужно, никакихъ уроковъ я не возьму. Я вѣрю тебѣ, и ни о чемъ тебя разспрашивать не стану...—проговорила Наталья Николаевна, съ нѣжностью сестры смотря на дѣвочку.—Такъ ты, милая, шла нарочно, чтобы предупредить меня...

— Да, я ужасно боялась... я торопилась...—начала Маруся.

Дѣвушка обняла ее и крѣпко поцѣловала.

Ледъ растаялъ. Маруся заплакала и приникла головой на грудь къ Натальѣ Николаевнѣ.

— Какъ жаль... какъ мнѣ жаль *его*! — рыдая, говорила Маруся.

Наталья Николаевна, конечно, догадалась, о комъ говорила Маруся.

— Мы скоро увидимъ его... его оправдаютъ... освободятъ...—утѣшала она Марусю.

Искреннія, горячія слезы заразительны, и Наталья Николаевна, утѣшая дѣвочку, сама тихо плакала, кажется, даже не замѣчая своихъ слезъ... Онѣ поговорили объ Аверьяновѣ. Маруся спрашивала: здоровъ-ли онъ? Каково ему тамъ?.. Дѣвушка сказала Марусѣ, что Дмитрій Александровичъ не однажды спрашивалъ о ней.

— А теперь станемъ завтракать! —проговорила Наталья Николаевна.

— Благодарю васъ! Я приду когда-нибудь въ другой разъ... теперь я не могу...—заторопилась Маруся, и, какъ ни удерживала ее Наталья Николаевна, она рѣшительно отказалась остаться на этотъ разъ завтракать у нихъ.

На прощанье дѣвушка крѣпко разцѣловала Марусю. Та ушла, обѣщавъ опять скоро побывать у Беклешовыхъ...

Марусѣ еще не хотѣлось возвращаться домой: она была слишкомъ взволнована для того, чтобы сидѣть въ четырехъ стѣнахъ и заниматься штопаньемъ и починкой стараго платья. Съ Гороховой она повернула на Садовую, миновала Сѣнную съ ея шумомъ и толкотней и прошла въ Юсуповъ садъ. Маруся забралась въ одну изъ дальнихъ аллей, куда рѣдко заглядывала публика, и здѣсь въ тѣни деревьевъ расположилась на скамеечкѣ. Съ утра день былъ туманный, но къ полудню разъяснило, и августовское солнце пригрѣвало по-лѣтнему. Дѣвочка сняла пальто, положила его возлѣ себя и, прислонившись къ спинкѣ скамейки, призадумалась.

Изъ разговора брата съ его пріятелемъ Маруся догадалась, что какая-то опасность угрожаетъ „барышнѣ“. Упоминаніе о пятой линіи и слова брата: „высокая, стройная... бѣгаетъ на уроки“ дали дѣвочкѣ возможность догадаться, о комъ шла рѣчь. Конечно, ее слѣдуетъ предупредить. Но вѣдь эта „барышня“ *выжила* ее изъ магазина, отняла у нея вниманіе и ласки Дмитрія Александровича! И она послѣ всего этого пойдетъ къ этой „гордячкѣ“ съ рискомъ навлечь на себя неудовольствіе брата, если тотъ провѣдаетъ объ ея поступкѣ. Да онъ, просто, съѣстъ ее. Тутъ ей припомнилась и сцена съ Васькой, и неудовольствіе Дмитрія Александровича на то, что Маруся недружелюбно относилась къ этой барышнѣ. А зачѣмъ она втерлась къ нимъ въ магазинъ?!.. Да! Но вѣдь Дмитрій Александровичъ любитъ эту барышню, она дорога для него. И что же съ нимъ будетъ, когда онъ узнаетъ, что съ Натальей Николаевной случилось несчастье, а онъ, бѣдный, сидитъ въ тюрьмѣ и не въ состояніи ничѣмъ помочь ей! Ему и безъ того тяжко, а тутъ и еще горе. Маруся, не смотря на свою внѣшнюю грубость и рѣзкость въ минуту вспышки, въ душѣ нѣжная и любящая, живо представила себѣ его положеніе—его одиночество и безсиліе. Ей припомнилось, съ какою добротой

Аверьяновъ всегда относился къ ней; вспомнились его разговоры, его ласки, заступничество за нее передъ братомъ. И дѣвочка пришла въ ужасъ при мысли, что она вмѣсто того, чтобы быть признательной, была такъ мелочна и злопамятна. Марусѣ въ эту ночь все-таки пришлось долго бороться съ темными инстинктами, но она заставила ихъ молчать. Она сдѣлала свое дѣло, предупредила Наталью Николаевну.

Она все утро странствовала пѣшкомъ — въ Адресный столъ, въ пятую линію Васильевскаго острова, оттуда переправилась въ яликѣ черезъ Неву и съ Сенатской площади добралась до Юсупова сада. До того времени она какъ будто вовсе не чувствовала усталости, но теперь, когда она сидѣла въ тѣни на скамеечкѣ, за возбужденіемъ, поддерживавшимъ ее, наступила реакція. Безсонная ночь, душевная борьба, волненіе, встрѣча и разговоръ съ Натальей Николаевной, странствованія по петербургскимъ улицамъ пѣшкомъ, по жарѣ,—все это, наконецъ, сломило ее. Маруся почувствовала страшную усталость.

Вокругъ было тихо, лишь издали доносились крики ребятишекъ, игравшихъ на площадкѣ, да смутный уличный гулъ. Подъ дуновеньемъ вѣтерка листья на деревьяхъ слегка трепетали надъ ея головой, и у ея ногъ на песчаной дорожкѣ дрожали и тихо-тихо передвигались золотые и зеленоватые блики. И подъ шелестъ листьевъ усталая, измученная дѣвочка сладко задремала. Подремывая, она съ отрадой вспомнила о томъ, какъ Наталья Николаевна радушно встрѣтила ее, какъ причесывала ей волосы, ласкала, цѣловала ее, какъ онѣ вмѣстѣ поплакали... И при этихъ воспоминаніяхъ дѣвочка поникла головой на грудь и удалилась изъ дѣйствительности въ міръ грезъ.

Изъ темнаго, темнаго лѣса она вышла на веселый, зеленый лугъ, ярко озаренный солнцемъ и весь покрытый прелестными цвѣтами. Розовые, бѣлые, голубые, золотисто-желтые, ярко-красные, лазоревые цвѣты росли и благоухали подъ ясными, сіяющими небесами—на всемъ громадномъ пространствѣ, какое только могъ охватить ея глазъ. Красивыя, разноцвѣтныя, ярко окрашенныя бабочки порхали по цвѣтамъ, садились на нихъ, срывались и снова летали, кружась въ воздухѣ... Маруся долго смотрѣла на это чудесное зрѣ-

лице, и наконецъ цвѣты ей стали казаться бабочками, присѣвшими на стебли растеній, а бабочки—цвѣтами, какимъ-то чудомъ сорвавшимися со стебельковъ и носившимися надъ зеленымъ лугомъ въ солнечномъ сіяніи и блескѣ.

„Вотъ, наконецъ, я и дошла!“ подумала про себя Маруся, и въ то же мгновенье она услыхала, какъ кто-то дотронулся до ея плеча и внушительно говорилъ ей:

— Барышня! А, барышня? Здѣсь спать не полагается...

Маруся съ испугомъ раскрыла глаза и не вдругъ опомнилась. Передъ ней стоялъ городовой, неодобрительно смотря на нее и обдергивая свой безвредный тесакъ. Дѣвочка вскочила, схватила пальто и, поправивъ свои волосы и шляпку, пошла къ выходу изъ сада. Она чувствовала себя совсѣмъ бодрою: ей достаточно было нѣсколькихъ минутъ сна, чтобы подкрѣпиться.

Она рѣшилась умолчать обо всемъ передъ братомъ. Замыселъ ихъ разстроенъ—чего же еще надо! Зачѣмъ ей напрашиваться напрасно на непріятныя сцены? Ихъ и безъ того было уже не мало. Маруся въ довольно благодушномъ настроеніи возвратилась домой, но ея братецъ, по обыкновенію, бывшій уже навеселѣ, сразу же вывелъ ее изъ терпѣнія и взбѣсилъ своими грубостями.

— Гдѣ столько времени шаталась?—заговорилъ онъ, подозрительно взглянувъ на сестру.

Вьюшинъ безъ сюртука ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Гдѣ я была, тамъ ужъ меня нѣтъ,—хотѣла Маруся отшутиться и, не снимая шляпки, присѣла къ столу.

— Любовника завела, что-ли?—съ презрѣньемъ посматривая на Марусю, сказалъ Вьюшинъ.

— Не говори такихъ гадостей! Я не хочу слушать...—отозвалась дѣвочка, отвертываясь отъ него.

А Вьюшинъ, не слушая ея, продолжалъ насмѣхаться надъ ней.

— Такихъ-то, какъ ты, знаешь, какъ выпроваживаютъ?—говорилъ онъ.

Маруся стиснула зубы и со злостью посмотрѣла на брата.

— Вотъ еще говорятъ: братъ — защитникъ сестры...—вызывающимъ тономъ замѣтила дѣвочка, откидываясь на спинку стула и крѣпко сжимая руки на колѣняхъ. — Хорошъ

заступникъ!.. Какъ только ты меня не ругаешь, какъ не оскорбляешь! Ты позволяешь себѣ обращаться со мной, какъ точно я въ самомъ дѣлѣ...

— Мало васъ ругать-то... бить надо!— съ злой усмѣшкой проговорилъ Вьюшинъ. — Ремень-то помнишь? или забыла?..

Дѣвочка поблѣднѣла, и не только блѣдностью покрылись ея щеки, но даже губы побѣлѣли и подергивались отъ сдерживаемаго гнѣва. Прежде всѣ эти грубости она выслушивала болѣе или менѣе терпѣливо, но теперь ее окончательно обозлило напоминаніе о тѣхъ пыткахъ, какія она, безсильная, беззащитная дѣвочка-ребенокъ, должна была выносить и чуть-ли даже не быть благодарной этому пьяному негодяю... Ей не разъ совѣтовали пожаловаться на брата, на его жестокое обращеніе съ нею, — говорили, что нынче „истязать такъ“ нельзя никого,—но она не рѣшалась выносить на показъ соръ своей домашней жизни...

— Помню, помню! Какъ же...—съ горечью промолвила она.—Такъ я же теперь скажу, гдѣ я была, если ты ужъ такъ хочешь... Я была у Натальи Николаевны! Ну?

И Маруся, не моргнувъ глазомъ, смотрѣла на брата.

— Что-о-о? — зарычалъ тотъ, остановившись передъ ней.—Это еще зачѣмъ? Что за знакомство?

Маруся встала и, зайдя за стулъ, взялась за его спинку. Она уже достаточно знала характеръ брата, знала, что иногда, разговаривая съ нимъ, надо было принимать оборонительное положеніе. Теперь же Маруся должна была въ особенности подумать о своей безопасности, такъ какъ рѣшилась говорить съ братомъ напрямки и уличить его.

— Я сказала Натальѣ Николаевнѣ, что если ей будутъ предлагать уроки, чтобы она не брала ихъ! — быстро промолвила Маруся, внимательно наблюдая за братомъ.

Мгновенье Вьюшинъ стоялъ, пораженный, тяжело дыша и какъ бы готовясь броситься на сестру.

— А-а-а!.. — началъ-было онъ и уже хотѣлъ схватить Марусю, но та быстро отшатнулась и, поднявъ стулъ, со всего размаху бросила его брату подъ ноги, а сама опрометью кинулась вонъ.

Вьюшинъ хотѣлъ на лету схватить стулъ, но промахнулся,—стулъ сильно ударилъ его по ногамъ. Вьюшинъ по-

шатнулся и, потерявъ равновѣсіе, едва не повалился на полъ. Въ ту же минуту съ ругательствами бросился онъ за „подлой дѣвчонкой“, но той уже и слѣдъ простылъ. Увидавъ, что дѣвочка убѣжала, Вьюшинъ послалъ ее „къ чорту“ и, зайдя въ комнату хозяйки, взглянулъ на часы. Было уже четыре часа. Наскоро одѣвшись, онъ на извозчикѣ помчался на Лиговку, чтобы пріостановить начатыя дѣйствія. Но было уже поздно. Его соумышленники слишкомъ поторопились.

А Маруся той порой безъ пальто, въ одной шляпкѣ, неслась чуть не бѣгомъ на Разъѣзжую улицу, къ Пяти Угламъ, къ своему опекуну, Ивану Петровичу Рѣдькину, неслась, поминутно оглядываясь назадъ, чтобы узнать: нѣтъ-ли за ней погони. Но погони не было. Ивана Петровича она не застала дома и нашла его въ одномъ изъ его фруктовыхъ магазиновъ на Большой Московской. Увидавъ дѣвочку въ какомъ-то растерянномъ состояніи, старикъ увелъ ее въ заднее отдѣленіе, помѣщавшееся за магазиномъ и заставленное чайными цыбиками, боченками, ящиками и всякой всячиной.

Здѣсь Маруся, уставшая до послѣдней степени, усѣлась на ящикъ передъ Иваномъ Петровичемъ и запыхавшимся голосомъ категорически заявила ему, что ея братъ—„свинья“, и она „ни за что, ни за что“ жить съ нимъ больше не станетъ. Иванъ Петровичъ достаточно хорошо зналъ вздорный нравъ Вьюшина и вовсе не желалъ съ нимъ ссориться, ибо былъ человѣкъ миролюбивый и если иногда разбойничалъ въ своихъ магазинахъ, то не иначе, какъ на законныхъ основаніяхъ и притомъ самымъ вѣжливымъ образомъ. Онъ сталъ уговаривать Марусю помириться съ братомъ. Онъ говорилъ, что за непочтеніе къ старшимъ и за ссоры Господь Богъ наказываетъ и люди осуждаютъ, что „довольно стыдно“ съ ея стороны и т. д., однимъ словомъ, наговорилъ кучу фразъ, которыя съ дѣтства повторяютъ намъ наши милые резонеры, какъ будто нарочно для того, чтобы тотчасъ же начать явно противорѣчить на практикѣ высказаннымъ имъ сентенціямъ и указать намъ путь фарисейства и лицемѣрія, весьма далеко отстоящій отъ пути „праведныхъ“... Дѣвочка стояла на своемъ.

Иванъ Петровичъ видѣлъ, что надо поговорить съ Вьюшинымъ, и вечеромъ, по закрытіи магазиновъ, ѣздилъ къ нему и говорилъ, но изъ его разговора никакого толку не вышло:

Вьюшинъ былъ такъ раздраженъ „дерзостью“ дѣвчонки, что и слышать не хотѣлъ о совмѣстномъ сожительствѣ съ нею. „Чортъ съ ней! Пускай убирается на всѣ четыре стороны!..“

Съ того дня Маруся и поселилась на Разъѣзжей улицѣ, у Пяти Угловъ, съ братомъ уже болѣе не видалась и впослѣдствіи безъ дрожи не могла подумать о томъ: что было бы съ нею, еслибы ей не удалось убѣжать отъ изобличеннаго, разсвирѣпѣвшаго братца.

Вечеромъ же, послѣ посѣщенія Маруси, Наталья Николаевна, дѣйствительно, получила по городской почтѣ письмо, написанное довольно краснвымъ женскимъ почеркомъ.—„Однако, скорѣе, чѣмъ предсказывала Маруся“...—подумала дѣвушка, пробѣжавъ письмо. Какая-то дама, мать семейства, какъ явствовало изъ письма, Каролина Ивановна Шмидтъ, узнавши отъ своихъ знакомыхъ о m-elle Беклешовой, какъ объ опытной, умѣлой преподавательницѣ, обращалась съ просьбой: не согласится-ли Наталья Николаевна позаняться съ ея младшею дочерью. „Если вы будете согласны,—заканчивала дама,—то прошу васъ пожаловать ко мнѣ лично переговорить объ условіяхъ завтра или послѣзавтра, отъ трехъ до пяти... Лиговка, д. 42, кв. 17“.. Затѣмъ слѣдовалъ еще post scriptum: „Ходъ во дворъ, изъ воротъ налѣво въ уголъ, второй этажъ“.

Наташа попросила одного знакомаго студента справиться въ свободное время: живетъ-ли Каролина Ивановна Шмидтъ по Лиговкѣ, домъ № 42, и что это за барыня, велико-ли у нея семейство, состоятельная-ли она особа и т. д. Студентъ навелъ справки и заявилъ Наташѣ, что по указанному адресу такая дама не живетъ и никогда не жила.

Студентъ узналъ гораздо больше, но не нашелъ нужнымъ передавать Наташѣ всю правду. Онъ узналъ, что по указанному адресу, дѣйствительно, находится нѣкая Каролина Ивановна Шмидтъ, но только вовсе не барыня, а рижская мѣщанка, дѣвица, но не дѣвственница, и живетъ она, какъ объяснилъ дворникъ, уже второй годъ у „мадамъ“ Гольдбергъ.

XI.

Въ концѣ сентября слѣдователь, разыскивавшій истину въ дѣлѣ о поджогѣ табачной лавки Аверьянова, заболѣлъ

и долженъ былъ передать дѣло другому, юному, ретивому слѣдователю, который, будучи юристомъ по натурѣ, интересовался истиной не болѣе Пилата, пронизировавшаго надъ нею, но зато, какъ настоящая судейская ищейка, безпокоился, главнымъ образомъ, лишь о томъ, чтобы отыскать виноватаго и усадить его на скамью подсудимыхъ. При этомъ слѣдователѣ дѣло пошло скорѣе, но все-таки потребовалось еще пять мѣсяцевъ, чтобы довести его до вожделѣннаго конца. Наконецъ, въ февралѣ слѣдователь предъявилъ слѣдствіе обвиняемому, то-есть, прочиталъ ему всѣ слѣдственные протоколы съ такимъ чувствомъ, съ такимъ, можно сказать, наслажденіемъ, съ какимъ не часто даже литераторъ читаетъ передъ публикой или передъ кружкомъ избранныхъ друзей свое поэтическое произведеніе.

— Не находите-ли нужнымъ еще что-нибудь дополнить?— по прочтеніи протоколовъ спросилъ слѣдователь Аверьянова.

— Нѣтъ, ничего!—коротко отвѣтилъ тотъ.

Тутъ ужъ дѣло пошло, какъ по маслу. Закончившееся слѣдствіе, какъ водится, направилось къ товарищу прокурора; тотъ составилъ обвинительный актъ и вмѣстѣ съ дѣломъ, въ свою очередь, „направилъ“, куда слѣдуетъ, то-есть, черезъ прокурора судебной палаты въ обвинительную камеру, а обвинительная камера не преминула сдѣлать постановленіе о преданіи Аверьянова суду. Дѣло было назначено къ слушанію въ уголовномъ отдѣленіи петербургскаго окружного суда на 27 марта.

Петербургскія газеты и газетки, со свойственнымъ имъ мужествомъ и отвагой, принялись на всѣ лады измываться надъ подсудимымъ — лягать и бить лежачаго. Имъ не всегда разрѣшается проявлять такое гражданское мужество, и онѣ могутъ такъ основательно молчать, какъ будто воды въ ротъ наберутъ, но ужъ если „разрѣшается“, такъ онѣ „мужествуютъ“ безъ удержу, по поговоркѣ: „заставь дурака Богу молиться—лобъ разобьетъ“. Въ одной уличной газеткѣ, издаваемой для пивныхъ и кафе-шантановъ, появилась замѣтка подъ заглавіемъ: „Ату! Держи его!“... „Наконецъ-то одинъ изъ прожигателей жизни скоро предстанетъ на судъ!“—развязно рапортовалъ кто-то подъ псевдонимомъ „О-тъ“, „Я-тъ“ или „У-тъ“ (въ точности теперь не помнимъ). „Будемъ надѣяться, что этотъ представитель темнаго

царства получитъ должное возмездіе и навсегда лишится возможности продолжать свою поджигательную промышленность въ ущербъ нашимъ страховымъ обществамъ. Для подобныхъ господъ самая строгая кара будетъ лишь вполнѣ справедливымъ воздаяніемъ. Преступленія этого рода все учащаются. Пора прекратить это безобразіе...“—и такъ далѣе въ томъ же хлесткомъ, ругательномъ тонѣ. Большія, такъ называемыя, серьезныя газеты не лаяли лично на подсудимаго, но съ глубокомысленнымъ видомъ разсуждали о томъ, что вотъ и „образованный человѣкъ, какъ оказывается, можетъ быть мошенникомъ и плутомъ“, что, слѣдовательно, образованіе стоитъ немного дороже выѣденнаго яйца, если оно не въ состояніи удерживать человѣка отъ всякихъ пакостей, и, разсуждая такъ, газеты попутно открывали и другія, не менѣе любопытныя Америки и бросали камешками въ пріятелей.

А тотъ, котораго газеты „разносили“, до суда уже осуждали и были готовы приговорить чуть не къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, сидѣлъ въ одиночной камерѣ, больной, разбитый физически и нравственно, истомленный слѣдственною пыткой, тревожимый мыслью о любимой женщинѣ, мучимый неизвѣстностью, сидѣлъ, сознавая свою невинность и будучи не въ состояніи доказать ее, и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ часа суда—точно такъ же, какъ страдалецъ, измученный тяжкимъ, продолжительнымъ, неизлѣчимымъ недугомъ, ожидаетъ смертнаго часа, хотя и знаетъ, что тотъ часъ страшенъ, но онъ все-таки избавитъ отъ невыносимыхъ мукъ.

27 марта день былъ пасмурный, и на всемъ въ залѣ суда лежалъ сѣрый оттѣнокъ. Нравственная атмосфера этого мѣста была такъ же тяжела, какъ удушливая температура залы, набитой народомъ. Всѣ были въ ожиданіи... Здѣсь должно было совершиться страшное дѣло. Люди собрались сюда судить, вершить и рѣшать участь своего ближняго,—сами существа грѣховныя, съ большими недочетами нравственными и умственными, зависящія въ своихъ поступкахъ и рѣшеніяхъ отъ настроенія „духа“, отъ состоянія нервной системы, отъ правильной или неправильной дѣятельности желудка, почекъ, сердца и другихъ органовъ; существа, поддающіяся вліянію минуты, способныя жестоко заблуждаться

и ошибаться на каждомъ шагу; существа, такія же слабыя, несовершенныя, съ такими же задатками преступности, и, можетъ быть, такіе же—только неуличенные—преступники, какъ и человѣкъ, представшій на ихъ судъ...

Толстый судебный приставъ, одержимый одышкой, суетливо бѣгавшій взадъ и впередъ, вдругъ—когда часовая стрѣлка показала безъ четверти XI — торжественно провозгласилъ:

— Судъ идетъ!

И судъ пришелъ и занялъ свое мѣсто.

Предсѣдатель—высокій, видный мужчина, темноволосый, спокойный и сдержанный—велѣлъ ввести подсудимаго.

Аверьяновъ въ сопровожденіи жандармовъ вошелъ и сѣлъ на скамью. Онъ былъ въ черномъ платьѣ—въ томъ же, въ какомъ его арестовали. Отъ его прежняго веселаго, безпечнаго взгляда, отъ здороваго румянца и слѣда не осталось. Онъ былъ худъ и блѣденъ—годъ одиночнаго заключенія надломилъ его здоровье и сдѣлалъ его старикомъ. Аверьяновъ не сразу разсмотрѣлъ окружавшую его обстановку: такъ новичку съ ярко освѣщенной сцены кажется темной пустыней полуосвѣщенный партеръ, кишащій публикой. Но малу-по-малу въ сумракѣ залы онъ разглядѣлъ тутъ и тамъ человѣческія группы. Направо—судьи, напротивъ него черезъ залу—присяжные, налѣво, вдали—публика.

На вопросъ объ его именн, лѣтахъ, званіи и т. под. Аверьяновъ отвѣчалъ довольно тихо, но спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, какимъ говорятъ на исповѣди. Послѣ провѣрки свидѣтелей, выбора присяжныхъ, привода ихъ къ присягѣ и выбора ими старшины началось, какъ водится, чтеніе обвинительнаго акта, длившееся около часа.

Въ это время солнечный лучъ пробился изъ-за сѣрыхъ облаковъ и проникъ въ залу суда. Онъ блеснулъ по золотому шитью какого-то мундира, по эфесу чьей-то сабли, по голубому галстуху какого-то статскаго человѣка и ударилъ въ чьи-то заплаканные женскіе глаза... Аверьяновъ, разсѣянно слушавшій чтеніе обвинительнаго акта, засмотрѣлся на свѣтлый солнечный лучъ, и вдругъ одинъ случай изъ прошлаго припомнился ему. Былъ ясный зимній день. Онъ съ Наташей гулялъ по набережной Васильевскаго острова. Они шли по направленію къ Николаевскому мосту и уже подходили къ Академіи художествъ.

— Погляди, Митя! Онъ, точно смотритъ на насъ!—сказала ему Наташа, указывая на одного изъ сфинксовъ, лежащихъ передъ Академіей.—Я иногда, Митя, думаю! сколько человѣческихъ поколѣній прошло передъ ними,—прошли и исчезли!.. А они все стоятъ и какъ будто смотрятъ... Изъ египетскихъ пустынь они перебрались сюда, къ намъ, на сѣверъ,—и все стоятъ и смотрятъ загадочно...

Аверьяновъ помнитъ, что онъ тогда посмотрѣлъ на сфинксовъ, въ ихъ окаменѣвшія очи, и какое-то непріятное, мимолетное ощущеніе пробѣжало по немъ. Они шли далѣе, а таинственный египетскій сфинксъ смотрѣлъ имъ въ слѣдъ своими окаменѣвшими очами.

Кончилось чтеніе обвинительнаго акта и затѣмъ послѣдовалъ опросъ подсудимаго: признаетъ-ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что умышленно, съ корыстною цѣлью, произвелъ поджогъ своего магазина?

— Нѣтъ! Не признаю! — попрежнему тихимъ, но твердымъ голосомъ отвѣтилъ Аверьяновъ.

По исполненіи требуемой процедуры, начался допросъ свидѣтелей и затѣмъ чтеніе протоколовъ и показаній неявившихся свидѣтелей. Изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ на судѣ, должно только упомянуть о показаніяхъ Вьюшина да дворника Никиты Павлова.

Вьюшинъ казался разстроеннымъ, ни разу не взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была скамья подсудимыхъ, и во все время допроса не сводилъ глазъ съ предсѣдателя. Онъ былъ одѣтъ весьма непрезентабельно,—потертый сюртукъ его бѣлѣлъ по швамъ. Углы рта его судорожно подергивались. Онъ часто хмурилъ свои темныя брови, почти сходившіяся на переносьѣ. Допросъ, видимо, тяготилъ его,—онъ отвѣчалъ нехотя и такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „Отвяжитесь, пожалуйста, отъ меня!“ На всѣхъ—на присяжныхъ и на публику — онъ производилъ крайне непріятное впечатлѣніе. Многіе, глядя на него, думали: „Вотъ онъ—представитель петербургскихъ трущобъ!“ Не сюртукъ, не грязная, смятая сорочка, но его рѣчь, манеры, выраженіе лица производили особенно неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ казался типичнымъ завсегдатаемъ плохонькихъ петербургскихъ трактировъ и дешевыхъ притоновъ разврата.

Особенно много спрашивалъ его защитникъ подсудимаго.

— Такъ, свидѣтель утверждаетъ, что товара въ магазинѣ было совсѣмъ мало?—говорилъ защитникъ.

— Нельзя сказать... то-есть... товару было мало... но на время все-таки достаточно!—отозвался Вьюшинъ.

— Вамъ не приходилось отказывать покупателямъ за недостаткомъ товара?—продолжалъ адвокатъ.

— Нѣтъ, не приходилось... не помню!—отвѣчалъ свидѣтель.

Тутъ защитникъ указалъ на противорѣчія въ показаніяхъ, данныхъ свидѣтелемъ на слѣдствіи и здѣсь, въ судѣ. Послѣ того защитникъ опять приступилъ къ нему съ вопросами. Вьюшинъ сталъ впадать въ противорѣчія, путался и сбивался.

— Вы очень удивились, когда узнали, что загорѣлось въ запертомъ магазинѣ?—спросилъ защитникъ.

— Да!.. очень!—почти со злостью отвѣтилъ Вьюшинъ, и румянецъ пятнами выступилъ на его блѣдно-желтыхъ щекахъ.

Защитникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, и вдругъ, какъ будто бы ему пришла въ голову какая-то мысль, онъ какъ будто хотѣлъ еще спросить о чемъ-то свидѣтеля, но удержался...

— Я ничего болѣе не имѣю спросить! — пробормоталъ онъ, садясь на свое мѣсто.

Дворникъ Никита Павловъ также впалъ на судѣ въ нѣкоторыя противорѣчія съ тѣмъ, что онъ показывалъ на слѣдствіи. Слѣдователю онъ говорилъ, что незадолго до пожара онъ на минуту отлучался отъ воротъ. На судѣ же онъ показывалъ, что былъ въ отлучкѣ минутъ пять, десять, можетъ быть, и больше...

— Когда же свидѣтель лучше помнилъ о томъ, о чемъ его теперь спрашиваютъ: тотчасъ послѣ пожара или черезъ годъ?—съ видимымъ неудовольствіемъ замѣтилъ товарищъ прокурора.

Никита не вполнѣ понялъ вопросъ; предсѣдатель пояснилъ ему.

— Я дольше пробылъ въ отлучкѣ... это—вѣрно! Только я тогда, ваше благородіе, побоялся сказать!..—проговорилъ Никита, поворачиваясь къ товарищу прокурора.

— Побоялся!.. Чего же вы боялись?—спросилъ тотъ.

— Потому нынче на этотъ счетъ строго... могли бы взыскать, ежели бы узнали, значитъ...—совершенно откровенно признался свидѣтель.

— А теперь не боитесь?—продолжалъ допытывать его обвинитель.

— Присягу принималъ, ваше благородіе! — отвѣтилъ Никита.

Обвинитель отказался спрашивать далѣе. Адвокатъ съ удовольствіемъ потиралъ себѣ руки: этотъ свидѣтель своимъ показаніемъ на судѣ давалъ ему хорошее орудіе защиты.

Въ третьемъ часу пополудни въ залѣ суда стало до того темно отъ набѣжавшихъ густыхъ облаковъ, что были зажжены лампы, а на столѣ передъ членами суда горѣли свѣчи. Въ пятомъ часу былъ сдѣланъ перерывъ. Публика высыпала въ корридоръ и оживленно разсуждала по поводу разбиравшагося дѣла. Всѣ, казалось, разомъ почувствовали потребность обмѣняться своими впечатлѣніями, высказать свои догадки и заключенія. Юристы глубокомысленно покачивали головой и говорили, что подсудимый, „вѣроятно, отвертится, если прокуроръ не особенно жестоко насядетъ на него“. О защитникѣ они говорили съ улыбкой и опасались, что тотъ своею горячностью можетъ все испортить. Защитникъ былъ одинъ изъ самыхъ юныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, смуглый, черноволосый, въ очкахъ, довольно бойкій господинъ. Простые же смертные, не юристы, въ большинствѣ были за Аверьянова, считали его невиннымъ, но никто рѣшительно не могъ придумать никакой теоріи для объясненія причинъ пожара. Дѣло все-таки было темное, загадочное. Всѣ ждали: что-то ужо скажетъ прокуроръ? что скажетъ защитникъ? что скажетъ самъ подсудимый?..

Въ шесть часовъ возобновилось засѣданіе.

Тутъ, въ качествѣ обвинителя, выступилъ на сцену товарищъ прокурора, человѣкъ лѣтъ 36—37, блондинъ, одѣтый щеголевато, средняго роста, скорѣе худощавый, чѣмъ полный, съ свѣтло-русыми волосами, тщательно расчесанными, съ англійскимъ проборомъ, безъ усовъ, съ гладко выбритымъ подбородкомъ и съ небольшими бакенами. Его сѣрые глаза, пухлыя губы и вообще все его лицо съ здоровымъ румянцемъ было довольно красиво, когда не мелькала на немъ злая, ехидная улыбка. Подъ его мягкими манерами, въ ровномъ,

спокойномъ тонѣ голоса сказывался человѣкъ рѣшительный, во что бы то ни стало идущій къ цѣли, человѣкъ сухой, безсердечный. Очевидно, этого человѣка было трудно лишить самообладанія, и еще ни разу ироническія замѣчанія и насмѣшки, расточаемыя по его адресу на судѣ защитниками, не могли ни на іоту вывести его изъ терпѣнія. Въ такихъ случаяхъ онъ только блѣднѣлъ, и холодная улыбка пробѣгала по его губамъ. Въ ту эпоху этотъ товарищъ прокурора еще не пользовался извѣстностью, но эта извѣстность была уже не за горами...

Онъ былъ способенъ сдѣлать себѣ при жизни блестящую карьеру, а послѣ смерти заслужить великолѣпный памятникъ гдѣ-нибудь на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Когда нужно, онъ ползалъ ужомъ, былъ любезенъ и предупредителенъ и улыбался такъ сладко; когда нужно, умѣлъ съ жаромъ и краснорѣчіемъ Савонаролы громить человѣческую испорченность и пороки. Онъ женился на богатой женщинѣ, отшатнулся во-время отъ бѣдныхъ родственниковъ, по службѣ былъ исполнителенъ и аккуратенъ, какъ говорится, былъ хорошій работникъ, и когда онъ обвинялъ, подсудимый рѣдко уходилъ изъ суда оправданнымъ,—однимъ словомъ, этотъ молодой, щеголеватый товарищъ прокурора мѣтилъ высоко и далеко и ловко велъ свою линію.

Въ этотъ разъ онъ началъ свою обвинительную рѣчь очень издалека: заговорилъ о первобытной дикости, о временахъ невѣжества, затѣмъ о прогрессѣ, о благахъ цивилизаціи и о темныхъ сторонахъ ея, говорилъ довольно вяло, сухо, сдержанно, и это вступленіе всѣмъ показалось скучноватымъ. Онъ говорилъ о томъ, какъ во времена варварства человѣкъ былъ беззащитенъ, безоруженъ противъ всякихъ стихійныхъ напастей и какъ съ теченіемъ времени онъ мало-по-малу научился гарантировать свое благосостояніе. Но каждое изобрѣтеніе и открытіе,—говорилъ онъ,—увеличивавшее общую сумму благъ, являлось страшнымъ, опаснымъ орудіемъ въ рукахъ людей съ злыми инстинктами. Эти люди злоупотребляли плодами цивилизаціи, эксплоатируя ихъ исключительно въ своихъ узкихъ, личныхъ интересахъ, употребляли ихъ во вредъ ближнимъ... Напримѣръ, наука о ядахъ дала возможность исцѣлять многія болѣзни, дотолѣ считавшіяся неизлѣчимыми; но эта наука въ то же время дала въ руки злодѣямъ самое легкое средство

для убійства исподтишка. Изобрѣтеніе книгопечатанія сдѣлало каждую полезную мысль общимъ достояніемъ и отрѣзало всякую возможность возврата къ варварству; но тѣмъ же печатнымъ станкомъ люди пользуются и для распространенія всякихъ гибельныхъ, зловредныхъ ученій, направленныхъ противъ религіи, нравственности, государства. Химія дала людямъ въ видѣ взрывчатыхъ веществъ отличное орудіе для производства различныхъ подземныхъ работъ, для срытія горъ, проведенія туннелей и т. под.; но, — говорилъ ораторъ,—тѣ же взрывчатыя вещества въ рукахъ гнусныхъ злоумышленниковъ являются опаснѣйшимъ оружіемъ противъ жизни и собственности ближнихъ.

Прежде, напримѣръ, пожаръ въ нѣсколько минутъ лишалъ человѣка имущества, скопленнаго трудами всей жизни, а нынѣ—со введеніемъ страховыхъ обществъ—человѣкъ съ малыми жертвами можетъ легко гарантировать себѣ возможность вновь выстроить сгорѣвшій домъ и пріобрѣсть вновь мебель, платье, посуду, всякую утварь, однимъ словомъ, все, что погибло у него во время пожара. Но и такимъ въ высшей степени полезнымъ учрежденіемъ, какъ страхованіе имущества, люди стали злоупотреблять и обратили страхованіе въ предметъ преступныхъ спекуляцій. Человѣкъ застраховываетъ имущество, затѣмъ втихомолку удаляетъ имущество изъ занимаемаго имъ помѣщенія, гдѣ послѣднее было застраховано, поджигаетъ послѣ того пустое помѣщеніе и требуетъ со страховаго общества вознагражденія полностью за якобы сгорѣвшее имущество...

— Подобныя преступленія за послѣднее время совершаются у насъ все чаще и чаще! — возвышая голосъ, заговорилъ обвинитель.—И теперь, гг. присяжные, вашему обсужденію подлежитъ одно изъ подобныхъ преступленій. Подсудимый именно обвиняется въ томъ, что, спекулируя страховымъ полисомъ, сжегъ свой магазинъ въ то время, когда застрахованный товаръ, помѣщавшійся въ магазинѣ, былъ распроданъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ на половину...

Товарищъ прокурора какъ будто дѣлалъ опыты надъ публикой, и послѣ скучнаго, усыпляющаго вступленія, которое мы передали лишь вкратцѣ, онъ вдругъ перешелъ къ характеристикѣ подсудимаго, къ подробностямъ темнаго, загадочнаго дѣла, волновавшаго публику, оживился самъ и, наэлектризо-

вавъ своихъ слушателей, словно сообщилъ и имъ свое оживленіе.

— Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію дѣла, я попрошу васъ, гг. присяжные, обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что передъ вами не какой-нибудь темный невѣжда, жалкій бѣднякъ, борющійся за кусокъ хлѣба,—говорилъ ораторъ,—человѣкъ не только обезпеченный, но сравнительно, можно сказать, даже богатый, человѣкъ образованный... Принимая все это во вниманіе, я долженъ напомнить вамъ, гг. присяжные, что подсудимый вовсе не заслуживаетъ вашего снисхожденія, о которомъ, конечно, въ свое время заговоритъ защита. Дѣло само по себѣ такъ ясно, такъ краснорѣчиво говоритъ само за себя, что мнѣ не представляется необходимости слишкомъ распространяться о немъ; мнѣ придется коснуться поподробнѣе лишь двухъ-трехъ пунктовъ. По свидѣтельскимъ показаніямъ, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи и подтвержденнымъ здѣсь, на судѣ, оказывается, что табачная лавка Аверьянова или, такъ называемый, Восточный Магазинъ почти за сутки до пожара былъ закрытъ и стоялъ запертымъ, по случаю праздничнаго времени; за эти сутки въ магазинѣ печи не топились, огня не зажигалось, керосина не было ни въ лампахъ, ни въ жестянкѣ, въ коей хранился керосинъ, и въ магазинъ никто не входилъ,—*никто*, кромѣ его хозяина, подсудимаго Аверьянова. Таковы факты...

Хотя обвинитель и обѣщалъ „слишкомъ не распространяться“, но, тѣмъ не менѣе, рѣчь его заняла около двухъ часовъ; поэтому мы здѣсь всей рѣчи его не приводимъ и ограничиваемся лишь болѣе „живыми“, характерными ея мѣстами.

— Подсудимый въ тотъ день отправился кататься съ какими-то дамами,—говорилъ ораторъ, слегка раскачиваясь надъ своимъ пюпитромъ, — и по дорогѣ съ Владимірской улицы на Острова онъ въ сумерки заѣзжалъ „по-пути“ въ свой магазинъ. При всемъ моемъ желаніи не останавливаться на мелочахъ, „не придираться“, какъ иногда любезно выражается защита, я не могу все-таки не сказать, что въ этомъ случаѣ подсудимому, отправляющемуся на Острова, было, по моему мнѣнію, не особенно „по-пути“ заѣзжать на Гороховую. Впрочемъ, я охотно допускаю, что въ пріятномъ

обществѣ для подсудимаго никакой крюкъ не могъ показаться слишкомъ значительнымъ, и при такихъ условіяхъ не только Гороховая, но и Рижскій проспектъ были бы для него совсѣмъ „по-пути“. И такъ, въ сумерки онъ заѣзжалъ въ магазинъ. Онъ заходилъ въ магазинъ одинъ,—спутницы его оставались въ саняхъ. Изъ его собственныхъ показаній мы уже знаемъ, что онъ заходилъ въ магазинъ за какими-то сигарами и пробылъ тамъ, какъ показываетъ дворникъ, минутъ десять. Самъ же подсудимый утверждаетъ, что онъ пробылъ въ магазинѣ минутъ пять, но, впрочемъ, онъ при этомъ тотчасъ же оговаривается: „можетъ быть, и дольше... трудно сказать въ точности... Въ *такихъ* случаяхъ на часы не смотришь!“ Весьма возможно, что и такъ... въ *такихъ* случаяхъ бываетъ некогда смотрѣть на часы!.. Только одно вполнѣ достовѣрно, что подсудимый въ магазинѣ пробылъ долѣе, чѣмъ ожидали и желали его спутницы, и онѣ выговаривали ему за его медленность. Послѣднее обстоятельство подтверждается показаніемъ того же дворника, Никиты Павлова. Да и самъ подсудимый сознается, что онъ немного замѣшкался... „Замѣшкаться“—указаніе времени весьма растяжимое: подъ нимъ можетъ подразумѣваться 5, и 15, и 20 минутъ... Подсудимый свое продолжительное пребываніе въ магазинѣ объясняетъ тѣмъ, что долго искалъ ключа отъ того ящика, гдѣ хранились у него сигары, а ключъ между тѣмъ торчалъ въ замкѣ, но подсудимый не сразу увидалъ его, такъ какъ при закрытыхъ ставняхъ въ магазинѣ было сумрачно. Объясненіе совершенно простое и вполнѣ естественное... Какъ бы то ни было, долго-ли, коротко-ли, подсудимый нашелъ, наконецъ, свои сигары, заперъ магазинъ и помчался на Острова съ знакомыми ему дѣвицами. Было четыре часа, какъ подсудимый вышелъ изъ магазина, а въ половинѣ пятаго, по показаніямъ дворниковъ, магазинъ былъ уже въ огнѣ; слѣдовательно, въ магазинѣ загорѣлось почти тотчасъ же послѣ того, какъ подсудимый заперъ его. Я полагаю: надо же положить хоть минутъ 15 на то, чтобы пламя успѣло распространиться по всему магазину.

Обвинитель пріостановился и такимъ взглядомъ обвелъ залу суда, какъ бы хотѣлъ сказать: „Стоитъ-ли еще говорить!..“

— Дворникъ, дежурившій въ то время у воротъ, на

слѣдствіи, значитъ, вскорѣ послѣ пожара, категорически показывалъ, что въ магазинъ въ тотъ день, кромѣ хозяина, никто не входилъ; дворникъ въ то время былъ постоянно у воротъ и отлучался лишь на минуту. На судѣ дворникъ нѣсколько измѣнилъ свое показаніе, сказавъ, что онъ былъ въ отлучкѣ минутъ десять, можетъ быть, даже и дольше. Его показанію на судѣ я особеннаго значенія не придаю. Съ внѣшней стороны это второе показаніе, конечно, не страдаетъ нелогичностью. Онъ боялся сказать правду слѣдователю, а теперь—подъ присягой—онъ надумалъ быть откровеннымъ. Но эта откровенность, черезъ годъ послѣ событія, что-то слишкомъ подозрительна для того, чтобы люди разсудительные, безпристрастные могли не сомнѣваться въ ней...

Ораторъ на мгновенье наклонился надъ пюпитромъ и заглянулъ въ лежавшія на немъ бумаги.

— Нельзя-ли предположить, что подсудимый неумышленно, самъ того не зная, сдѣлался виновникомъ пожара? Онъ могъ, будучи въ магазинѣ, нечаянно заронить искру. Подсудимый говоритъ, что огня въ магазинѣ онъ не зажигалъ, сигары не закуривалъ. А еслибы теперь онъ вдругъ вздумалъ откровенничать, подобно Никитѣ Павлову, еслибы сталъ увѣрять, что онъ, дѣйствительно, могъ неумышленно произвести пожаръ, такъ какъ, будучи въ магазинѣ, зажигалъ спичку, бросилъ ее на полъ и т. д., то и въ такомъ случаѣ, гг. присяжные, мы были бы должны остаться при томъ убѣжденіи, что пожаръ магазина былъ произведенъ не нечаянно, но съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Нуждается-ли этотъ фактъ въ доказательствахъ послѣ того, какъ свидѣтельскими показаніями установлено совершенно точно, что въ моментъ пожара въ магазинѣ керосина не было ни капли, а между тѣмъ на пожарищѣ сильно пахло керосиномъ и въ заднемъ отдѣленіи магазина, почти у самой двери, въ сору, была найдена тряпка, смоченная въ керосинѣ. Мальчику, прислуживавшему въ магазинѣ, Федосѣю Бѣлоусову, была предъявлена эта тряпка, и онъ призналъ ее за ту тряпку, которою онъ сметалъ пыль, но въ керосинъ ее никто никогда не обмакивалъ. Для обтиранія лампъ и стеколъ была другая тряпица. Нѣтъ, гг. присяжные, тутъ нѣтъ мѣста неосторожному обращенію съ огнемъ, нѣтъ

мѣста злой случайности. Тутъ именно—поджогъ! Чтобы гарантировать успѣхъ, какъ видите, поджигатель даже запасся керосиномъ. Керосина для поджога такого маленькаго помѣщенія требовалось очень немного — бутылку. А бутылка помѣстится въ любой карманъ—въ пальто или въ шубу— и не обратитъ на себя ничьего вниманія, особенно, въ праздничное время, въ пьяной сутолокѣ и толкотнѣ... Въ чьемъ же интересѣ было поджигать магазинъ? Вотъ вопросъ. Къ счастію, на этотъ вопросъ мы находимъ уже готовый отвѣтъ въ показаніяхъ бывшаго приказчика подсудимаго, Вьюшина. Этотъ свидѣтель чистосердечно сознался на слѣдствіи, что товаръ въ магазинѣ былъ нораспроданъ, что онъ, свидѣтель, не однажды напоминалъ о томъ хозяину, но тотъ отговаривался недосугомъ, тѣмъ и сѣмъ и не принималъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы пополнить магазинъ. По показаніямъ Вьюшина, ко дню пожара въ Восточномъ Магазинѣ, товара было недостаточно, „совсѣмъ было мало товара“, выражаясь его словами. Приказчикъ, заступившій его мѣсто, показываетъ, что и по уходѣ Вьюшина магазинъ не былъ пополненъ, что хозяинъ, не смотря даже на масляничное время, не побезпокоился прикупить товара. Что Вьюшинъ приступалъ къ хозяину съ напоминаніемъ о недостаточности наличнаго товара, это вполнѣ подтверждается и показаніемъ Федосѣя Бѣлоусова.

Обвинитель на мгновенье замолчалъ, потупился и затѣмъ, придавъ своему лицу и голосу замѣчательно мягкое выраженіе, продолжалъ:

— Я не стану здѣсь входить въ подробный разборъ того, что̀ заставило Вьюшина на судѣ сбиваться и путаться въ его показаніяхъ. Я не хочу сказать, что защита слишкомъ широко воспользовалась предоставленнымъ ей правомъ и поусердствовала при допросѣ этого свидѣтеля. Вьюшинъ и дворникъ Никита Павловъ, очевидно, представлялись защитѣ, если позволено такъ выразиться, послѣднимъ козыремъ въ игрѣ, и она, естественно, обратила на нихъ свое особенное вниманіе, постаравшись выжать изъ ихъ показаній все, что только было возможно въ ея интересахъ. Для меня совершенно ясно, что Вьюшинъ показывалъ на слѣдствіи, какъ человѣкъ, неумѣвшій кривить совѣстью и застигнутый врасплохъ; на судѣ же онъ желалъ помочь своему бывшему хо-

зяину, по возможности, какъ говорится, „выгородить“ его. То обстоятельство, что свидѣтель какъ бы сбился и путался на судѣ, противорѣча до нѣкоторой степени своимъ прежнимъ показаніямъ, вовсе не говоритъ противъ него. Побужденіе, заставившее его утверждать на судѣ, что передъ пожаромъ въ Восточномъ Магазинѣ товара „все-таки было достаточно“, имѣетъ такой чистый, благородный источникъ, что оно дѣлаетъ лишь честь свидѣтелю. Благородство и великодушіе такъ рѣдко встрѣчаются въ людяхъ, что ужъ не я, конечно, позволю себѣ издѣваться и глумиться надъ ними. Къ сожалѣнію, свидѣтель не въ состояніи помочь подсудимому, и я позволю себѣ утверждать, что въ этомъ смыслѣ защита не достигла своей цѣли и только напрасно мучила свидѣтеля своимъ продолжительнымъ, до жестокости утомительнымъ допросомъ... Вьюшинъ былъ школьнымъ товарищемъ подсудимаго, два года служилъ у него приказчикомъ, находился въ самыхъ лучшихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ, получалъ довольно порядочное жалованье, даже имѣлъ небольшую долю въ прибыляхъ, но, тѣмъ не менѣе, не смотря ни на чувство привязанности къ подсудимому, ни на выгодныя занятія, онъ ни минуты не поколебался тотчасъ же отказаться отъ мѣста, какъ только увидалъ, что дѣло пошло неладно и въ воздухѣ запахло преступленіемъ. Правда, онъ нигдѣ въ своихъ показаніяхъ не называетъ прямо дѣйствительныхъ причинъ, заставившихъ его удалиться; онъ только вскользь упоминаетъ о личныхъ недоразумѣніяхъ, возникавшихъ между нимъ и подсудимымъ за послѣднее время, но его умолчанія и факты говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Гг. присяжные, вы видѣли здѣсь этого свидѣтеля. Онъ — человѣкъ бѣдный, жизнь ему не улыбалась, и онъ вынужденъ тяжкимъ трудомъ снискивать себѣ насущное пропитаніе и притомъ еще заботиться о воспитаніи своей младшей сестры, порученной родителями на смертномъ одрѣ его надзору и попеченіямъ... Принимая во вниманіе все сказанное, вы, конечно, поймете, что свидѣтель долженъ былъ имѣть весьма серьезныя причины и большое мужество для того, чтобы отказаться отъ выгодныхъ занятій и осудить себя на полуголодное существованіе... Теперь для васъ ясно, г.г. присяжные, почему я придаю такую цѣну показаніямъ этого свидѣтеля и такъ долго останавливаюсь на нихъ; мы должны

придавать значеніе не только его показаніямъ, но и умолчаніямъ, недомолвкамъ, даже неправдѣ, продиктованной ему чувствами дружбы и великодушія. Мы тѣмъ болѣе должны довѣрять этому свидѣтелю, что даже и самъ подсудимый не нашелъ возможнымъ въ своихъ показаніяхъ выдать ему дурной аттестатъ... Свидѣтель поступилъ такъ, какъ и долженъ былъ поступить на его мѣстѣ всякій честный человѣкъ. Вьюшинъ, повидимому, предчувствовалъ готовившуюся втайнѣ катастрофу и не желалъ быть даже косвеннымъ участникомъ въ преступленіи. Въ своихъ показаніяхъ, какъ я уже говорилъ, свидѣтель былъ крайне остороженъ, видимо опасаясь, какъ бы не набросить тѣни на своего стараго товарища и друга. Но все-таки невольно онъ проговаривается о своихъ подозрѣніяхъ... Онъ съ жаромъ утверждаетъ, что рѣшительно не замѣчалъ въ поступкахъ Аверьянова ничего такого, что давало бы ему поводъ предполагать возможность катастрофы; но тутъ же, какъ человѣкъ правдивый, непривыкшій лгать, добавляетъ: „Только онъ сдѣлался какъ-то разсѣянъ, невнимателенъ, мало занимался магазиномъ, все куда-то ходилъ, ѣздилъ“... Свидѣтель, разумѣется, и не предполагалъ, что въ этихъ словахъ онъ далъ совершенно яркую картину душевнаго состоянія подсудимаго, можно сказать, накапунѣ того дня, когда онъ готовился привести въ исполненіе свой преступный замыселъ...

— И такъ,—послѣ непродолжительной паузы продолжалъ обвинитель,—товара въ магазинѣ было мало, а магазинъ былъ застрахованъ и получить 8 тысячъ по страховому полису представлялось дѣломъ выгоднымъ...

Мы пропускаемъ дальнѣйшее развитіе этой темы, на которой очень долго останавливался почтенный ораторъ, и переходимъ къ послѣдней части его рѣчи.

— Мнѣ, разумѣется, могутъ сдѣлать нѣсколько возраженій...—съ мефистофельской улыбкой говорилъ онъ, вскользь посмотрѣвъ на публику и остановивъ на защитникѣ свой насмѣшливый взглядъ.—Напримѣръ, могутъ сказать: было бы слишкомъ откровенно, чтобы не сказать—глупо, подъѣхать къ магазину почти еще засвѣтло и чуть не при свидѣтеляхъ поджечь его. Человѣка недалекаго такое разсужденіе можетъ, пожалуй, легко сбить съ толку. Я же, принимая въ разсчетъ тѣ условія, при какихъ совершено это наглое, дерзкое пре-

ступленіе, только нахожу, что подсудимый—очень хорошій психологъ. Свои надежды на безнаказанность онъ именно и основывалъ на томъ разсчетѣ, что трудно будетъ заподозрить его въ поджогѣ, который онъ постарался обставить такими необыкновенными—на первый взглядъ—условіями, а именно: послѣ того, какъ магазинъ по случаю праздничнаго времени весь день былъ закрытъ, и г. Аверьяновъ заѣзжалъ въ магазинъ, не прячась, не крадучись, но звеня на всю улицу бубенчиками. При поверхностномъ взглядѣ на факты, дѣйствительно, можетъ показаться абсурдомъ то обстоятельство, что владѣлецъ магазина почти публично, при открытыхъ дверяхъ, могъ рѣшиться поджечь магазинъ, очень хорошо зная, что люди видѣли, какъ онъ — только одинъ онъ — заходилъ въ магазинъ. Это былъ тонкій маневръ съ его стороны, очень тонкій. Но подсудимый только не разсчиталъ нѣкоторыхъ случайностей, при которыхъ нить слишкомъ тонкая можетъ легко порваться. Не даромъ сказано, что на всякаго мудреца довольно простоты. Могутъ еще возразить: „нѣкоторыя обстоятельства, дѣйствительно, говорятъ противъ подсудимаго, свидѣтельствуютъ за то, что при желаніи онъ могъ совершить то, что приписывается ему. Но тутъ мы не видимъ главнаго—нѣтъ стимула для совершенія преступленія: подсудимый—человѣкъ состоятельный, въ деньгахъ не нуждался, ему не было крайности идти на такое рискованное дѣло“. Эти разсужденія не выдерживаютъ самой снисходительной критики. Да! Это правда, были у него деньги, семь тысячъ хранилось въ Международномъ банкѣ. Но... человѣческіе аппетиты! что въ состояніи удовлетворить ихъ! Что въ состояніи насытить современнаго хищника? Дайте ему—милліонъ, онъ запроситъ два. Дайте ему два милліона, а онъ скажетъ: почему же не четыре? Нѣтъ предѣловъ аппетиту современнаго хищника. Онъ мечтаетъ разбогатѣть, не работая, разбогатѣть разомъ, въ одинъ день, моментально... выиграть на биржѣ, почти не ударивъ пальцемъ о палецъ, устроить какое-нибудь мошенническое акціонерное общество, обокрасть банкъ, обыграть кого-нибудь въ карты, найти на улицѣ туго набитый бумажникъ, сжечь магазинъ, когда товаръ уже распроданъ, и безъ всякихъ хлопотъ получить деньги по страховому полису и т. д. Трудиться, корпѣть надъ работой, честно добывать себѣ кусокъ хлѣба, отклады-

вать по грошамъ „на книжку“ въ ссудо-сберегательную кассу—не входитъ въ разсчеты нашего современнаго хищника. А денегъ подсудимому нужно было не мало. Онъ жегъ свою жизнь, какъ говорится, съ обоихъ концовъ. Онъ, очевидно, какъ широкая натура, велъ разгульную жизнь. Правда, изъ показаній свидѣтелей не видно, чтобы онъ пьянствовалъ. Но вѣдь кутить и сорить деньгами въ Петербургѣ можно на всякіе лады. Какъ извѣстно, существуютъ различные сорта наслажденій—дорогіе и дешевые. Вѣроятно, подсудимому стоило не дешево, напримѣръ, удовольствіе кататься въ обществѣ тѣхъ веселыхъ дамъ или дѣвицъ, съ которыми онъ...

— Г. предсѣдатель! Обвинитель не имѣетъ права оскорблять моихъ знакомыхъ...—вставая, взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Аверьяновъ.

— Подсудимый! Если вы еще разъ позволите себѣ перебивать обвинителя, я буду вынужденъ удалить васъ изъ залы суда!—ровнымъ, сдержаннымъ тономъ остановилъ его предсѣдатель.

— Онѣ — честныя женщины! — твердо, громко сказалъ Аверьяновъ, садясь на скамью, и посмотрѣлъ на товарища прокурора.

Предсѣдатель посмотрѣлъ по тому же направленію и тихо забарабанилъ пальцами по сукну, покрывавшему столъ.

— Мы объ этихъ женщинахъ ничего не знаемъ, и прямого отношенія къ дѣлу онѣ не имѣютъ...—спокойно продолжалъ обвинитель, какъ бы не слыхавъ протеста подсудимаго.—Но я только утверждаю, что катанья на тройкахъ, посѣщеніе загородныхъ ресторановъ и кутежи—хотя бы и безъ спиртныхъ напитковъ—должны были не дешево стоить подсудимому, и тѣ несчастныя семь тысячъ, какія хранились на текущемъ счету въ Международномъ банкѣ, являются жалкой каплей по сравненію съ тѣмъ, что̀ требовалось подсудимому для продолженія его разгульной жизни. Мы знаемъ: надолго-ли въ Петербургѣ можетъ хватить семи тысячъ, при той жизни, какую велъ подсудимый. Да! повторяю я. Подсудимый былъ человѣкъ состоятельный,—но это обстоятельство лишь отягчаетъ его вину и ужъ вовсе не можетъ служить въ его защиту. Наконецъ, могутъ еще поставить на видъ то обстоятельство, что подсудимый не предъявилъ претензіи къ страховому обществу. Да! Дѣйствительно, претен-

зін онъ не предъявлялъ, но лишь по той простой причинѣ, что не успѣлъ, ибо самъ былъ привлеченъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго и подвергнутъ предварительному заключенію. Ему приходилось самому защищаться, а не предъявлять какія бы то ни было требованія. Онъ былъ лишенъ возможности воспользоваться плодами своего преступленія, но это обстоятельство не можетъ считаться смягчающимъ вину подсудимаго. Я не нахожу нужнымъ далѣе распространяться о томъ, кому было выгодно поджечь табачную лавку Аверьянова. Гг. присяжные! Поджигатель — передъ вами! Это одинъ изъ тѣхъ злоумышленниковъ, которые, какъ я упоминалъ въ началѣ своей рѣчи, въ настоящее время все чаще и чаще начинаютъ нагло, беззастѣнчиво спекулировать на страховое вознагражденіе! Пора положить конецъ ихъ преступной дѣятельности! Вы, гг. присяжные, своимъ приговоромъ можете удовлетворить чувству справедливости и пробудить общественную совѣсть. При этомъ я долженъ напомнить еще о двухъ обстоятельствахъ: поджогъ былъ совершонъ въ вечернее время и былъ произведенъ въ домѣ, наполненномъ жильцами. Оба эти отягчающія вину обстоятельства предусмотрѣны законодателемъ. „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, гл. II, отдѣленіе II, статьи 1607, 1612“...— скороговоркой пробормоталъ обвинитель, наклоняясь надъ своимъ пюпитромъ.—Повторяю, о снисхожденіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Въ настоящемъ случаѣ, гг. присяжные, снисхожденіе съ вашей стороны было бы преступно!

— Ловко! — замѣтилъ одинъ молодой юристъ, одобрительно качнувъ головой.

— Ловко, да не совсѣмъ!—въ тонъ ему отозвался пріятель.

— Ты разбилъ бы *его*, что-ли? — возразилъ первый съ усмѣшкой.

— Ну-у, я... А вотъ, еслибы Герардъ, напримѣръ, или Спасовичъ... посмотрѣлъ бы ты тогда, что̀ осталось бы отъ *его* рѣчи!—съ видомъ знатока промолвилъ его товарищъ, вскидывая на носъ свое золотое pince-nez.

Но что бы тамъ юристы ни толковали по поводу обвинительной рѣчи, какъ бы ни критиковали ее со своей точки зрѣнія, многіе изъ публики, простые смертные, съ досадой

и со страхомъ за подсудимаго чувствовали, что обвинитель долженъ былъ произвести довольно сильное впечатлѣніе на присяжныхъ. Они и сами чувствовали, что, не смотря на свою симпатію къ подсудимому, находились подъ вліяніемъ слышанной рѣчи, хотя и могли бы указать въ ней на нѣкоторыя слабыя мѣста и натяжки. По себѣ они судили и о присяжныхъ...

Послѣ товарища прокурора говорилъ представитель страхового общества „Саламандра“—толстый, лысый старичекъ, говорилъ вяло, какъ бы нехотя и каждымъ своимъ словомъ, жестомъ, взглядомъ словно желая сказать: „Что-жъ тутъ еще толковать! Обвинитель за меня все уже высказалъ такъ хорошо, какъ мнѣ не сказать!..“ Вся его краткая, безцвѣтная рѣчь вертѣлась лишь на томъ, что подсудимый претензіи къ страховому обществу до сего времени не предъявлялъ и тѣмъ какъ бы призналъ себя не вправѣ на полученіе страхового вознагражденія, какъ бы призналъ себя виновнымъ и т. д. въ томъ же родѣ.

Наконецъ, всталъ защитникъ, поправилъ очки, поднялъ голову и поглядѣлъ на товарища прокурора, дѣлавшаго въ ту пору на бумагѣ какія-то замѣтки. Посреди глубокаго безмолвія заговорилъ онъ...

— Послѣ блестящей, талантливой рѣчи, которую вы, гг. присяжные, только-что выслушали съ тѣмъ глубокимъ вниманіемъ, какого она вполнѣ заслуживаетъ, мнѣ, признаюсь откровенно, задача моя кажется нелегкою, и трудно мнѣ будетъ сказать что-нибудь вѣское, равнозначительное тому, что мы сейчасъ имѣли честь выслушать!—началъ защитникъ смиреннымъ тономъ, которому, впрочемъ, противорѣчила тонкая улыбка, скользившая по его губамъ.—Обвинитель какъ бы предугадалъ уже заранѣе почти все то, что защита намѣревалась выставить въ видѣ неопровержимыхъ аргументовъ, все то, чѣмъ она разсчитывала воспользоваться такъ или сякъ въ интересахъ подсудимаго,—предугадалъ и поставилъ защиту въ весьма тяжелое положеніе, заставивъ ее—еще до сраженія—почувствовать себя разбитой на всѣхъ пунктахъ. Но, гг. присяжные, я только могу надѣяться на одно,—именно только на то, что увѣренность въ правотѣ подсудимаго дастъ мнѣ силы сказать нѣсколько словъ въ его защиту, а сознаніе серьезной обязанности, принятой мною

на себя, придастъ мнѣ энергіи и поддержитъ меня въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Постараюсь быть кратокъ... Намъ говорятъ: Восточный Магазинъ цѣлыя сутки, предшествовавшія пожару, былъ запертъ, только самъ хозяинъ магазина входилъ въ него за чѣмъ-то (онъ говоритъ, что „за сигарами"), и черезъ полчаса послѣ того, какъ хозяинъ ушелъ изъ магазина, былъ обнаруженъ пожаръ. Ясно, что самъ хозяинъ поджегъ магазинъ, чтобы получить изъ страхового общества вознагражденіе за несуществующіе убытки. Да! Для стараго, формальнаго суда, гг. присяжные, дѣло было бы совершенно ясно, и имѣющихся уликъ было бы совершенно достаточно для того, чтобы обвинить подсудимаго,—даже болѣе, чѣмъ достаточно. Ça c'est le comble! какъ говорятъ французы.... Но судъ присяжныхъ, судъ общественной совѣсти, стоитъ въ иныхъ условіяхъ, болѣе гарантирующихъ защиту обвиняемаго и вообще отправленіе правосудія. Для защиты подсудимаго я долженъ сдѣлать все и все сдѣлаю, что отъ меня зависитъ—въ предѣлахъ справедливости и закона. Пользуясь правомъ подвергать критикѣ всѣ обстоятельства, выставляемыя въ улику подсудимому, я прежде всего позволю себѣ разобрать: на сколько улики основательны и достовѣрны. Я обязанъ это сдѣлать, ибо отъ провѣрки этихъ уликъ, отъ правильнаго взгляда на нихъ по существу и на постановку ихъ, собственно говоря, и зависитъ все дѣло, судьба подсудимаго,—зависитъ человѣческая участь.

Защитникъ, увлекшись, двинулся со своего мѣста немного впередъ—и продолжалъ:

— Намъ говорятъ: въ день пожара, въ промежутокъ времени отъ половины четвертаго и до половины пятаго часа вечера въ Восточный Магазинъ никто не заходилъ, кромѣ самого владѣльца магазина. Кто же это говоритъ съ такою увѣренностью? Объ этомъ свидѣтельствуетъ Никита Павловъ,—тотъ самый дворникъ, который въ это время дежурилъ у воротъ и который, по его же собственнымъ словамъ, послѣ отъѣзда Аверьянова отлучался отъ воротъ. Я полагаю, что было бы правильнѣе сказать такъ: дворникъ въ то время, когда оставался у воротъ, не видалъ, чтобы кто-нибудь, кромѣ хозяина, входилъ въ магазинъ. Такая постановка фразы, повторяю, была бы правильнѣе, потому что свидѣтель не могъ же знать навѣрное: не входилъ-ли въ

магазинъ, кромѣ Аверьянова, еще кто-нибудь въ ту пору, какъ онъ, дворникъ, отлучался отъ воротъ. Свидѣтель, правда, на слѣдствіи показалъ, что онъ былъ въ отлучкѣ очень недолго, „одну минуту“... Мы уже знаемъ, какъ растяжимы въ нашемъ разговорномъ языкѣ понятія о „минутѣ“. Мы знаемъ, какъ намъ иногда долго приходится ждать, когда, желая успокоить насъ, намъ говорятъ: „сейчасъ!“ Отсюда даже произошла и поговорка: „дологъ русскій часъ!“ Пропорціонально тому бываетъ такъ же долга и наша „минута“. Я не хочу сказать, чтобы свидѣтель своимъ показаніемъ хотѣлъ ввести кого-нибудь въ заблужденіе, чтобы онъ сознательно лгалъ и обманывалъ. Онъ, просто, выразился не вполнѣ точно, какъ не точно всѣ мы часто выражаемся, и словомъ „минута“ онъ хотѣлъ только выразить, что отлучался очень ненадолго. Но, въ дѣйствительности, сколько же времени онъ находился въ отлучкѣ? Вопросъ для насъ очень серьезный, очень важный, но, къ сожалѣнію, я затрудняюсь отвѣтить на него категорически. Можетъ быть, свидѣтель былъ въ отсутствіи минутъ пять, можетъ быть, и больше или меньше. На судѣ онъ поправился и показалъ, что былъ въ отлучкѣ минутъ 10—15, можетъ быть, даже и долѣе. Обвинитель довѣряетъ его искренности на слѣдствіи, но почему-то заподозриваетъ его искренность на судѣ. Я же этому свидѣтелю довѣряю вполнѣ. Его показаніе на слѣдствіи такъ же искренно, какъ и поправка, сдѣланная имъ на судѣ—подъ присягою. Его показаніе на судѣ имѣетъ для насъ еще большее значеніе. Какъ человѣкъ простой, вѣрующій, свидѣтель серьезно относится къ присягѣ, и я не допускаю, чтобы онъ въ этомъ случаѣ сталъ лгать, кривить совѣстью. По-моему, рѣшительно, не представляется нужды воображать нашъ народъ въ болѣе темныхъ краскахъ, чѣмъ онъ рисуется въ дѣйствительности. Если же допустить, что свидѣтель былъ въ отлучкѣ минутъ 15 или долѣе, то ужъ, конечно, никто изъ насъ не рѣшится утверждать, что въ эти 15 или 20 минутъ никто не могъ проникнуть въ магазинъ и незамѣтно удалиться до возвращенія свидѣтеля на его сторожевой постъ у воротъ. Такимъ образомъ, оказывается, что подсудимый, будучи въ магазинѣ, *могъ* совершить поджогъ, но совершилъ-ли *онъ* его? мы не знаемъ... указаній на то мы не находимъ ни на слѣдствіи,

ни въ судѣ. Мы также не знаемъ и того: кто же совершилъ поджогъ, если не совершалъ его подсудимый?.. Хотя обвинитель и указалъ намъ поджигателя, но, тѣмъ не менѣе, часть его рѣчи, посвященная указанію личности преступника, очень напоминаетъ собой „загадочныя картинки“ съ надписями: „Найти хозяина осла“, „Гдѣ Наполеонъ?“ „Найти пятую мышь“ и т. д. Обвинитель только совершенно ясно доказалъ намъ существованіе поджога. Я также настаиваю на поджогѣ. При этомъ я долженъ указать на цѣлый рядъ промаховъ и пробѣловъ въ слѣдственномъ процессѣ по этому дѣлу.

Здѣсь мы въ рѣчи защитника дѣлаемъ довольно большой пропускъ, неимѣющій особеннаго интереса.

— Я также не знаю: на основаніи какихъ данныхъ обвинитель охарактеризовалъ подсудимаго какъ кутилу, прожигателя жизни!—съ насмѣшливой улыбкой говорилъ защитникъ, посматривая въ сторону товарища прокурора.—Всѣ показанія въ этомъ отношеніи—въ его пользу. Свидѣтели говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ трезваго поведенія, очень скромномъ, хорошей нравственности. Если обвинитель пришелъ къ такому печальному для подсудимаго выводу и призналъ его кутилой лишь на основаніи того, что подсудимый—въ праздничное время, въ послѣдній день масляной—позволилъ себѣ нанять тройку и отправился кататься на Острова съ знакомыми дамами, то на это можно только сказать, что подобный суровый приговоръ, конечно, дѣлаетъ честь цѣломудрію и высокой нравственности г. товарища прокурора, но въ то же время въ состояніи ввести въ заблужденіе гг. присяжныхъ. Я въ первый разъ слышу, что человѣка называютъ кутилой и прожигателемъ жизни лишь за то, что онъ разъ или два—въ праздничное время—вздумалъ прокатиться. Съ другой стороны я, при всемъ моемъ нежеланіи противорѣчить обвинителю, никакъ не могу раздѣлять съ нимъ его восхищенія свидѣтелемъ Вьюшинымъ. Его отрекомендовали вамъ, гг. присяжные, какъ живое олицетвореніе чуть-ли не всѣхъ человѣческихъ доблестей. Онъ крѣпокъ въ дружбѣ, признателенъ за оказанныя ему услуги, честенъ, правдивъ, великодушенъ. Вы недавно видѣли его здѣсь и сами могли составить о немъ ясное понятіе. Вы видѣли здѣсь этого спившагося, жалкаго человѣка, опустив-

шагося нравственно и физически. Когда этотъ субъектъ пожаловалъ сюда для дачи показаній, то мнѣ показалось, что въ залѣ суда пронесся запахъ алкоголя. Не настаиваю, впрочемъ, можетъ быть, я и ошибся. Намъ рекомендовали его, какъ честнаго труженика, бѣдняка. А между тѣмъ, свидѣтельскія показанія говорятъ намъ совершенно иное. Изъ этихъ показаній мы узнаемъ, что этотъ человѣкъ—горькій пьяница, представитель того петербургскаго отребья, которое ютится по трактирамъ и кабакамъ, по разнымъ притонамъ и трущобамъ, жалко живетъ и жалко умираетъ гдѣнибудь подъ заборомъ, на берегу рѣки Пряжки, или спьяна находитъ себѣ могилу въ мутныхъ водахъ Обводнаго канала. Я по истинѣ удивляюсь, что г. товарищъ прокурора, не смотря на его ригоризмъ, нашелъ возможнымъ увлечься подобнымъ субъектомъ, съ которымъ люди болѣе робкаго десятка побоялись бы встрѣтиться за угломъ, въ темную пору. Въ этомъ человѣкѣ на первый взглядъ намъ показалось все подозрительно, все фальшиво. Но оказалось, что и въ этомъ несчастномъ искра Божія блѣетъ. Здѣсь, на судѣ, онъ почему-то—вѣроятно, вслѣдствіе угрызеній совѣсти—далъ показаніе, нѣсколько противорѣчащее его показанію на слѣдствіи. Слѣдователю онъ заявлялъ, что товара въ магазинѣ „было совсѣмъ мало“, а здѣсь онъ сказалъ, что товара „все-таки было достаточно“. Обвинитель полагаетъ, что этотъ свидѣтель, щадя подсудимаго, дѣлаетъ умолчанія. Да! этотъ маневръ со стороны свидѣтеля довольно ловкій и—признаться—довольно скверный. Я имѣю основаніе думать, что подсудимый—напротивъ—умалчиваетъ о г. Вьюшинѣ именно изъ желанія не набросить на него тѣни. Я, впрочемъ, остановился на показаніяхъ этого недостовѣрнаго свидѣтеля лишь потому, что обвинитель придалъ имъ и самой личности свидѣтеля вовсе неподобающее имъ значеніе и благолѣпіе. Этотъ свидѣтель, повидимому, сдѣлалъ все для того, чтобы, какъ говорится, „утопить подсудимаго“... Въ заключеніе я скажу: да! поджогъ существуетъ, но поджигателя на скамьѣ подсудимыхъ—нѣтъ! Мы его не видимъ здѣсь. Гдѣ онъ? не знаемъ. Слѣдствію еще надо его найти. Г. товарищъ прокурора сдѣлалъ предсказаніе, что защита станетъ просить о снисхожденіи къ подсудимому. Онъ ошибся: въ этомъ случаѣ прозорливость измѣнила ему. Я не стану

просить о снисхожденіи... а буду надѣяться, гг. присяжные, что вы безусловно оправдаете подсудимаго—освободите его отъ тяжкаго обвиненія, нависшаго надъ его головой вслѣдствіе недоразумѣній и стеченія роковыхъ, неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ.

Въ мѣстахъ, занятыхъ публикой, послышались, было, робкіе аплодисменты, но тотчасъ же смолкли, какъ только послышался звонъ предсѣдательскаго колокольчика.

— Ну, что-жъ! Больше ничего, пожалуй, и не скажешь!—толковали юристы. Осталось развѣ только прибаутки еще пустить въ ходъ! А слѣдствіе-то, дѣйствительно, велось безобразно.

Затѣмъ обвинитель и защитникъ еще разъ обмѣнялись краткими, нѣсколько язвительными возраженіями, не заключавшими, впрочемъ, въ себѣ ничего новаго и существеннаго. Слушая и смотря на нихъ, право, можно было подумать, что и обвинитель, и защитникъ не столько интересуются подсудимымъ, сколько тѣмъ, чтобы погалантнѣе „отдѣлать“ другъ друга.

— Подсудимый! Слово за вами!—сказалъ предсѣдатель Аверьянову.

Глаза всѣхъ присутствовавшихъ обратились на подсудимаго. Аверьяновъ всталъ—блѣдный, но спокойный, рѣшительный, какъ человѣкъ, уже изстрадавшійся и теперь приготовившійся допить послѣднюю каплю горечи.

— Я повторяю то, что̀ уже говорилъ: я невиновенъ!—тихо промолвилъ онъ.—Я, можетъ быть, очень грѣшенъ, очень виноватъ передъ людьми, но въ томъ, въ чемъ обвиняютъ меня здѣсь, на судѣ, я—не виноватъ!

Онъ посмотрѣлъ на предсѣдательствующаго, на своего обвинителя и опустился на свою скамью.

Немного погодя послѣ того предсѣдатель прочиталъ проектъ вопросовъ, которые судъ утвердилъ безъ возраженій. Затѣмъ предсѣдатель обратился съ обычнымъ резюме по адресу присяжныхъ.

Ровно въ полночь присяжные удалились въ совѣщательную комнату.

Большая часть публики разбрелась по корридору. Очень немногіе остались на своихъ мѣстахъ. Въ числѣ этихъ немногихъ обращала на себя особенное вниманіе одна моло-

дая дѣвушка, блондинка, довольно высокаго роста, съ печальнымъ, симпатичнымъ лицомъ. Блѣдная, въ черномъ платьѣ, сидѣла она неподвижно, сложивъ руки на колѣняхъ, и не сводила своего скорбнаго взгляда съ высокихъ, бѣлыхъ дверей той комнаты, откуда съ минуты на минуту ожидала появленія присяжныхъ. Прошелъ часъ, два и три. Очевидно, присяжные не могли согласиться и въ средѣ ихъ шли горячія пренія. Глядя на публику, можно было замѣтить, что лихорадочное напряженіе ея дошло до послѣдней степени. Сначала оживленно толковали о томъ: какой-то приговоръ вынесутъ присяжные? Высказывались догадки, соображенія, затѣвались споры, дѣло едва не доходило до пари. Наконецъ, и самые ярые говоруны утомились. Чѣмъ далѣе подвигалась часовая стрѣлка, тѣмъ публика становилась молчаливѣе, серьезнѣе, сосредоточеннѣе,—тѣмъ чаще заглядывала она въ залу суда. Но бѣлыя, высокія двери оставались плотно затворенными и не выдавали тайны происходившихъ за ними совѣщаній. Напрасно оставался прикованнымъ къ нимъ взглядъ блѣдной молодой дѣвушки въ черномъ платьѣ. Бѣлыя, блестящія двери не растворялись. Потерпи, помучься, бѣдное человѣческое сердце!.. Многіе до тебя, несчастная женщина, также страдали, плакали, болѣли душой въ этой самой залѣ и многіе еще послѣ тебя станутъ страдать и задыхаться въ мучительныхъ душевныхъ пыткахъ.

А что долженъ былъ пережить, перечувствовать подсудимый въ теченіе этихъ страшныхъ, медлительно идущихъ часовъ, когда вся жизнь его зависѣла отъ какой-нибудь ничтожной случайности — отъ мѣткаго словца, отъ горячаго настойчиваго взгляда, отъ утомленья, отъ усталости того или другого „судіи“.

Весь этотъ день и всю ночь Аверьяновъ то жилъ, какъ во снѣ, то порой ему казалось, что передъ нимъ—при весьма внушительной обстановкѣ — разыгрывается какая-то пьеса, исполненная страшнаго, затаеннаго смысла, въ которой и ему по временамъ приходится невольно играть какую-то пассивную роль—вставать, давать кому-то реплики, выслушивать длинные монологи. Надежда то мерцала, то потухала. Наконецъ, какое-то тупое равнодушіе охватило его, и теперь ему было бы лѣнь и въ большую тягость выговорить слово, пошевелить рукой, хотя бы отъ этого движенія или слова

завпсѣло спасеніе его жизни. „Не все-ли равно въ концѣ концовъ... Черезъ сто лѣтъ отъ насъ не останется вѣдь ничего, кромѣ нѣсколькихъ костей!“ Иногда онъ вспоминалъ о Наташѣ—такъ, какъ думаетъ о своей возлюбленной умирающій человѣкъ,—вспоминалъ о ней съ признательностью, съ умиленіемъ, но спокойно.

Начинался тусклый, блѣдный разсвѣтъ пасмурнаго мартовскаго утра. Сѣрый свѣтъ скупо, словно нехотя, заглядывалъ въ залу суда черезъ большія, высокія окна. Пламя свѣчей на судейскомъ столѣ казалось теперь красновато-желтыми огоньками, а человѣческія лица казались мертвенно блѣдными.

Наконецъ, въ исходѣ пятаго часа присяжные вынесли приговоръ. Публика опрометью бросилась на свои мѣста. Молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ, сидѣвшая до тѣхъ поръ неподвижно, какъ статуя—олицетвореніе горя и отчаянія, теперь наклонилась слегка впередъ и, прижавъ руку къ сердцу, затаивъ дыханіе, приготовилась слушать.

Послѣдній актъ судебной драмы наступилъ. Безмолвіе объяло залу. Всѣ люди, собравшіеся здѣсь, казались въ ту минуту такими усталыми, измученными, блѣдными, несчастными, что ихъ самихъ можно было принять за преступниковъ, ожидавшихъ произнесенія себѣ приговора.

Старшина присяжныхъ—купецъ пожилыхъ лѣтъ, довольно полный мужчина, блондинъ, съ благообразнымъ лицомъ, обросшимъ бородой, блѣдный и изнеможенный такъ же, какъ и всѣ присутствовавшіе въ залѣ, сталъ читать. Голосъ у него былъ охрипшій, и рука его, державшая листъ съ роковыми вопросами и отвѣтами, замѣтно дрожала, когда онъ читалъ:

„Доказано-ли, что 23 февраля 18** г. въ г. С.-Петербургѣ, по Гороховой улицѣ, въ домѣ подъ № 34, табачная лавка, извѣстная подъ названіемъ „Восточнаго Магазина“, принадлежащая с.-петербургскому купцу второй гильдіи Дмитрію Александрову Аверьянову и застрахованная въ обществѣ „Саламандра“, загорѣлась и сгорѣла вслѣдствіе того, что была подожжена съ цѣлью полученія страхового за эту лавку вознагражденія?

„*Да, доказано.*

„Если доказано событіе преступленія, описаннаго въ первомъ вопросѣ, то виновенъ-ли въ совершеніи его подсу-

димый—с.-петербургскій купецъ второй гильдіи Дмитрій Александровъ Аверьяновъ?

„*Да, виновенъ*“.

Не то слабый, жалобный стонъ, не то заглушаемое рыданіе послышалось въ залѣ суда. Публика взволновалась. Съ какой-то молодой дѣвушкой сдѣлалось дурно. „Вѣроятно, сестра или невѣста подсудимаго!“ подумали мужчины.

А пожилыя дамы, со свойственной имъ проницательностью, тотчасъ же рѣшили:

— Должно быть, любовница!

— Странно... Не правда-ли?—съ удивленіемъ говорилъ своему знакомому, выйдя на подъѣздъ, одинъ извѣстный юристъ, занимавшій высокое общественное положеніе и съ интересомъ слѣдившій за процессомъ Аверьянова. — Впрочемъ, дѣло загадочное...

Вскорѣ же Аверьянову былъ объявленъ приговоръ въ окончательной формѣ.

„Лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе“...

XII.

„Человѣкъ, лишенный правъ!“ думалъ Аверьяновъ.

Какъ здоровый человѣкъ не замѣчаетъ здоровья, хотя и пользуется имъ, такъ и Аверьяновъ прежде никогда не думалъ о своихъ „правахъ“, хотя и пользовался ими на каждомъ шагу. Права, можетъ статься, были не особенно широки, но онъ de jure могъ защищать ихъ и передъ полиціей, и на судѣ, могъ дойти хоть до сената... Были права, а теперь ихъ нѣтъ. И чувствовалъ Аверьяновъ, что жизнь его какъ будто раскололась: одна осталась гдѣ-то тамъ далеко, позади; начиналась новая жизнь — безправная, жизнь отверженника. Тяжело чувствовать себя отверженнымъ, и даже для человѣка, невинно осужденнаго, нелегко держать высоко голову и спокойно, невозмутимо смотрѣть въ глаза ближнимъ.

Въ іюнѣ Аверьяновъ былъ отправленъ въ Сибирь, куда-то въ Томскую губернію. Наташа рѣшительно объявила матери, что она поѣдетъ къ Дмитрію Александровичу. Мать сначала пыталась ее отговаривать, потому что сама не могла

подумать безъ ужаса о томъ, чтобы поѣхать въ Сибирь, покинуть Петербургъ, гдѣ родилась, выросла и провела всю жизнь, не выѣзжая дальше Черной рѣчки да Лѣсного, но разстаться съ дочерью, очутиться одной въ Петербургѣ ей было еще тяжелѣе.

— Мама! Вѣдь и въ Сибири люди живутъ...—убѣждала ее Наташа.

— Ну, ужъ, матушка, какіе тамъ люди!.. Каторжники, воры, да разбойники... — возражала старушка.—Да и что ужъ за сторонка... срамъ сказать: полгода ночь... Слыхала вѣдь тоже... снѣга, да льды—и больше ничего! И ѣздятъ-то тамъ не по-людски—на оленяхъ, да и того еще хуже—на собакахъ... Спаси, Господи, и помилуй! Одно слово—Сибирь! Ужъ не даромъ туда ссылаютъ... по доброй-то волѣ, знать, никому туда не охота...

Старухѣ Сибирь представлялась страной мрака, ужаса и отчаянія, чѣмъ-то въ родѣ Дантова ада.

— Но пойми же, мама, я не могу оставить Дмитрія Александровича! — твердила Наташа. — Хоть мы и не вѣнчаны, хотя мы съ нимъ и... не были въ супружескихъ отношеніяхъ, но я все-таки считаю себя его женой — и не покину его... Если бы даже онъ былъ дѣйствительно преступникъ, то я и тогда не бросила бы его... А теперь, когда я знаю, что онъ невиненъ и невинно страдаетъ... Нѣтъ, нѣтъ, мамаша! Какъ хочешь, я не могу его оставить!..

Дѣвушка въ волненіи ходила по комнатѣ и машинально теребила кожаный ремень, стягивавшій ея тонкую талію. Голубые глаза ея блестѣли и на блѣдныхъ щекахъ ея разгорался румянецъ...

Наконецъ, рѣшили на томъ, что Наташа поѣдетъ къ Дмитрію Александровичу, лишь только получится отъ него извѣстіе, гдѣ онъ и какъ устроился, а старушка „посмотритъ“ и пріѣдетъ къ нимъ „потомъ“, если позволитъ здоровье. Наташѣ нужно было подумать: какъ бы поспокойнѣе, удобнѣе устроить безъ себя старушку. Она подумывала о томъ, чтобы поселить съ ней Марусю. Маруся была не прочь и переѣхала къ нимъ отъ своего опекуна. Маруся уже кончала курсъ въ училищѣ и разсчитывала держать экзаменъ зимой на званіе сельской учительницы.

За послѣдній годъ Наташа страшно похудѣла. Въ ней

замѣчались признаки малокровія; нерѣдко чувствовала она головокруженія и упадокъ силъ, но лѣчиться не хотѣла. Мать не однажды посылала ее къ доктору, но дѣвушка упрямилась: „Ну, вотъ еще какіе пустяки... И такъ пройдетъ!.. Къ доктору идти... Очень нужно! Начнутъ выстукивать, выслушивать... придется раздѣваться... Нѣтъ, ужъ Богъ съ ними!“ Женщинъ-врачей въ Петербургѣ еще было не слышно въ ту пору, а Наташа воспитывалась „по старинѣ“, и чувство стыдливости ни за что не допустило бы ее при докторѣ спустить сорочку. Теперь же, передъ отъѣздомъ въ Сибирь ей пришлось много бѣгать, хлопотать, она очень уставала и иногда доходила до изнеможенія.

Въ половинѣ августа пришло письмо отъ Аверьянова—такое милое и трогательное. Наташа горько плакала, читая его. „Я не рѣшаюсь звать тебя сюда, отрывать тебя отъ обычныхъ удобствъ и привычекъ цивилизованной жизни“,—писалъ онъ въ одномъ мѣстѣ. А письмо, между тѣмъ, заканчивалось такимъ воззваніемъ: „Дорогая моя! Еслибы ты пріѣхала ко мнѣ... какъ я былъ бы радъ и счастливъ!“

— Ахъ, милый, милый! — шептала про себя Наташа, утирая слезы...—Не рѣшается меня звать, а самъ говоритъ: „еслибы ты пріѣхала...“

И дѣвушка улыбнулась сквозь слезы, прижимая къ губамъ тонкій почтовый листокъ, исписанный мелкимъ убористымъ почеркомъ.

— Пріѣду! Жди меня!—мысленно говорила она въ тотъ вечеръ, ложась спать, и она желала, чтобы ея слова какимъ-нибудь чудомъ долетѣли тихимъ шопотомъ до ея милаго—въ далекую страну изгнанія, черезъ рѣки, черезъ горы, черезъ дремучую тайгу.

На другой день Наташа купила чемоданъ и принялась укладывать въ него свои вещи. Напѣвая какую-то пѣсенку, ходила она по комнатѣ, рылась въ ящикахъ комода. Опустившись на колѣни передъ чемоданомъ, она старательно укладывала бѣлье, платье, книги и сама думала: „мы и въ холодной Сибири устроимъ себѣ теплый уголокъ... Я найду себѣ работу... и заживемъ!“ Молодость живуча, полна надеждъ; она всегда и вездѣ возьметъ свое.

Маруся помогала барышнѣ укладываться.

— Вы передайте *ему* отъ меня низкій, низкій поклонъ!— говорила она Наташѣ.

— До земли?—съ улыбкой спрашивала ее та.

— Да, да! До земли!..—подтвердила Маруся.

Маруся вздохнула. Она попросила бы Наталью Николаевну поцѣловать за нее Дмитрія Александровича, да думала, что поцѣлуй-то ея ему не очень нуженъ.

Въ самый разгаръ сборовъ въ дальнюю дорогу Наташа заболѣла, но кое-какъ перемогалась и продолжала бродить. На другой день, однако, она слегла, и температура у ней сразу дошла до 40°. Пригласили доктора... Діагнозъ: крупозное воспаленіе праваго легкаго, осложнившееся воспаленіемъ печени. Маруся ухаживала за больной день и ночь, почти не смыкая глазъ, и сама чуть не падала отъ усталости. Старушка плакала. Больная часто подолгу смотрѣла на чемоданъ и съ грустной улыбкой шептала:

— Ну, вотъ, и уѣхала...

Однажды она сказала матери:

— Бѣдная мама! Ты не пускала меня въ Сибирь... говорила: такая даль!.. а я, пожалуй, уѣду еще дальше... совсѣмъ уйду отъ тебя!

— Что ты, Христосъ съ тобой!—встревожившись, заговорила мать, наклоняясь надъ ея изголовьемъ.—Я тебя не удерживаю, голубушка! Какъ поправишься, такъ и съ Богомъ!..

Температура у больной то немного понижалась, то снова поднималась. Дыханіе учащалось, становилось все прерывистѣе, силы исчезали... „жизни чудный огонекъ“ едва мерцалъ.

На осьмой день больная часто впадала въ забытье, бредила, но иногда вдругъ начинала говорить вполнѣ сознательно.

— Какъ же это!!.—шептали ея сухія, запекшіяся губы...—Митя одинъ тамъ останется... Бѣдный! Бѣдный!..

И потомъ опять начинала бредить:

— Все лѣса, лѣса... темные, сосновые лѣса! У-у! какъ далеко они идутъ!.. все дальше, все ниже... ниже...

Въ тотъ же день въ одиннадцатомъ часу вечера Наташа ушла туда, откуда никто не возвращается... А чемоданъ ея, наполовину уложенный, такъ и остался въ ея комнатѣ, у стѣны.

Старушка не долго пережила дочь; погоревавъ, потосковавъ по ней, вскорѣ и она легла съ нею рядомъ на Смоленскомъ кладбищѣ. И одинокая береза свѣшиваетъ надъ ихъ могилами свои гибкія, жидкія вѣтви.

Маруся уѣхала сельской учительницей куда-то въ Псковскую губернію.

XIII.

Прошло два года послѣ произнесенія приговора надъ Аверьяновымъ. Одни изъ дѣйствующихъ лицъ нашей печальной повѣсти, какъ уже видѣлъ читатель, сошли съ житейской сцены, а другія, оставшіяся въ живыхъ, испытали болѣе или менѣе значительныя перемѣны въ своей судьбѣ.

Къ числу лицъ, окончательно исчезнувшихъ со сцены, относится еще подруга Вьюшина, Метла. Она умерла въ Калинкинской больницѣ.

Въ одно изъ послѣднихъ свиданій съ Вьюшинымъ (передъ уходомъ въ больницу) дѣвушка сказала ему:

— А ты подумай, какъ бы это сдѣлать... Помнишь, то, о чемъ мы съ тобой говорили!.. Вѣдь ты большой грѣхъ на душу принялъ... вѣдь не одного человѣка ты загубилъ...

— Молчи ты, чортова кукла!— огрызнулся на нее Вьюшинъ.—Никого я не загубилъ...

— А какъ же ты говорилъ тогда...—начала дѣвушка.

— Мало-ли что спьяна мелешь... не всякое лыко въ строку!—перебилъ онъ ее и нахмурился.

Со смертью Метлы онъ потерялъ послѣдняго близкаго человѣка. Теперь во всемъ мірѣ не было существа, которое любило бы его. Онъ это зналъ, чувствовалъ, и сознаніе одиночества холодомъ повѣяло на него и заставило задрожать даже его грубую, пошлую натуру. Вьюшинъ иногда, бывало, презиралъ эту несчастную дѣвушку, глумился, измывался всячески надъ нею, но порой онъ въ то же время чувствовалъ къ ней въ глубинѣ души какую-то нѣжную привязанность: онъ зналъ, что эта женщина, для которой не осталось почти ничего святого на землѣ, пойдетъ на все ради него и за него. Подъ пьяную руку онъ самъ бивалъ ее, но другимъ не давалъ ее обижать и всегда заступался за нее. Онъ очень жалѣлъ, что ему не удалось проститься со своей любовницей-рабой.

Однажды въ трактирѣ за пивомъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своей потери, Вьюшинъ даже расплакался, и пріятели за то подняли его на смѣхъ.

— Ну, что-жъ... дѣвка!.. такая она и сякая...—бормоталъ онъ, наклонившись надъ своей кружкой.—Да вѣдь человѣкъ же она была!.. Дьяволы вы! Ничего не понимаете... вамъ только зубы скалить!.. А она... меня-то вѣдь она любила... любил-а-а!—сквозь слезы рычалъ онъ, стуча по столу пустой бутылкой.

Послѣ смерти этой дѣвушки Вьюшинъ еще пуще опустился, еще пуще запилъ, хотя онъ и прежде такъ сильно пилъ, что даже трудно было представить себѣ, чтобы человѣкъ могъ еще болѣе запьянствовать. Онъ положительно допивался до зеленаго змія, до чертиковъ,—дошелся, наконецъ, до бѣлой горячки, лежалъ въ больницѣ, тамъ бросался изъ окна и едва не убился.

Такъ прошелъ годъ послѣ смерти Метлы. Слова ея о грѣхѣ, о томъ, что онъ не одного человѣка загубилъ, вспоминались Вьюшину нерѣдко и въ трезвомъ, и въ пьяномъ состояніи, днемъ и ночью, но чаще ночью—въ томительные часы безсонницы. И тогда, впотьмахъ, среди почного безмолвія, Вьюшина начинали посѣщать видѣнія. Онъ лежалъ на постели съ широко раскрытыми глазами, чуть дыша, не смѣя пошевелиться, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и стуча зубами отъ ужаса.

То приходилъ къ нему Аверьяновъ и начиналъ медленно, неслышными шагами, ходить около его кровати взадъ и впередъ, какъ-то странно, вопросительно посматривая на него. То являлась Наталья Николаевна, точь-въ-точь такою, какъ онъ видѣлъ ее когда-то въ Восточномъ Магазинѣ,—блѣдная, испуганная, останавливалась у двери и, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ бы къ чему-то прислушивалась или чего-то ждала. То вдругъ изъ-подъ кровати вылѣзалъ Федоська, корчилъ какія-то странныя гримасы и скалилъ зубы, какъ бы насмѣхаясь. А то Федоська превращался въ чертенка и вихремъ носился по комнатѣ.

Эти ночныя галлюцинаціи нагоняли на Вьюшина такой ужасъ, что по тѣлу его бѣжали мурашки, затылокъ холодѣлъ, а спину словно варомъ обдавало. Иногда онъ не выдерживалъ, вскакивалъ съ постели, одѣвался торопливо,

шелъ на улицу и бродилъ туда и сюда. На улицѣ, какова бы ни была погода, онъ чувствовалъ себя лучше: галлюцинаціи не преслѣдовали его. Но затѣмъ и на улицѣ ему не стало спасенья; видѣнія начали и здѣсь одолѣвать его. То онъ слышалъ сзади себя чьи-то мѣрные, ровные шаги,— съ замираніемъ сердца оглядывался: никого!.. Иногда ему казалось, что вдали, за нимъ слѣдомъ, понуривши, идетъ Аверьяновъ. То изъ-за угла показывалась его покойная подруга—въ образѣ скелета, полуприкрытаго какими-то грязными лохмотьями. Она кивала ему своею мертвой, безглазой, безносой головой, дѣлала ему какіе-то таинственные знаки своею желтою, костлявою рукой—и пропадала.

Однажды, въ осеннюю непогодь, Вьюшинъ всю ночь прошатался по пустыннымъ петербургскимъ улицамъ, мучимый галлюцинаціями. Былъ онъ у Казанскаго собора въ извозчичьемъ трактирѣ, въ такъ называемой „Ямкѣ“. Даже невзыскательные посѣтители „Ямки“ сторонились отъ этого человѣка, трясущагося, какъ Каинъ, и подозрительно поглядывали на него. Вьюшинъ вскорѣ ушелъ оттуда, выпивъ рюмку на послѣдніе гроши. Затѣмъ онъ очутился на Гороховой, передъ магазиномъ Гронмейера, гдѣ онъ въ памятный день обдумывалъ свое „дѣльце“. Точно какая-то невѣдомая сила влекла его все далѣе и далѣе къ тому дому, гдѣ нѣкогда помѣщался Восточный Магазинъ. Онъ перешелъ улицу и прошелъ мимо знакомыхъ дверей. Теперь тутъ помѣщалась булочная. Вьюшинъ пріостановился, но вдругъ ему показалось, что дворникъ, дремавшій у воротъ, поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на него. Вьюшинъ вздрогнулъ и чуть не бѣгомъ пустился по направленію къ Адмиралтейской площади. Потомъ онъ и самъ не помнитъ, какъ очутился на Выборгской Сторонѣ, у церкви Сампсонія. Здѣсь онъ въ изнеможеніи сѣлъ на приступочекъ церковной ограды.

Ноги его ныли отъ ходьбы; холодный, порывистый вѣтеръ пронизывалъ его. Снѣгъ крупными хлопьями несся съ темнаго ночного неба и все падалъ и падалъ на него... Несчастный пришелъ, наконецъ, къ тому рѣшенію, что надо же какъ-нибудь избавиться отъ ужасныхъ видѣній, отъ душевныхъ пытокъ... Или онъ сойдетъ съ ума!..

Ахъ, спать, спать!.. Какъ дорого онъ далъ бы за одинъ часъ спокойнаго, крѣпкаго, безмятежнаго сна!

XIV.

Въ одно ненастное октябрское утро въ канцеляріи С.-Петербургскаго оберъ-полиціймейстера появился какой-то жалкій оборванецъ въ одномъ поношенномъ сюртукѣ, кое-какъ застегнутомъ на двѣ пуговицы, промокшій и продрогшій отъ холода. Его затасканная физіономія, сухіе, нечесанные черные волосы, блѣдное, посинѣвшее лицо, дрожащія руки и мрачный, безпокойный взглядъ темныхъ глазъ подъ густыми, почти сросшимися, темными бровями производили крайне непріятное, тяжелое впечатлѣніе.

Посѣтители, бывшіе въ пріемной, брезгливо посматривали на него. Чиновники, проходя по комнатѣ, съ подозрительнымъ видомъ оглядывали его съ ногъ до головы. Смотря на этого жалкаго человѣка, каждый думалъ, что онъ или попроситъ милостыню, или при первой возможности залѣзетъ къ кому-нибудь въ карманъ. Ежась и нервно вздрагивая, стоялъ онъ у стѣны, понуривъ голову и изподлобья озираясь на присутствовавшихъ.

— Волчьей породы! — замѣтилъ на его счетъ какой-то господинъ, шопотомъ разговаривавшій съ дамой.

— Ужасно!—промолвила та, отвертываясь отъ этого не совсѣмъ-то прилично одѣтаго человѣка.

— Бродяга какой-нибудь... пьяница...—проговорилъ господинъ.

Въ началѣ десятаго часа въ пріемную вошелъ дежурный полицейскій офицеръ и объявилъ, что „генералъ сегодня принимать не будетъ“, а если кому нужно подать прошеніе или объясниться о чемъ-нибудь, то онъ—къ ихъ услугамъ. Посѣтители тотчасъ же окружили его и, передавъ ему прошенія и потолковавъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ, стали понемногу расходиться. Наконецъ, остались только двое или трое въ ожиданіи какихъ-то обѣщанныхъ имъ справокъ.

А оборванецъ попрежнему стоялъ у стѣны, дрожа и изподлобья посматривая на полицейскаго офицера. Тотъ, наконецъ, обратилъ на него вниманіе и подошелъ къ нему.

— Что вамъ нужно?—спросилъ офицеръ, пытливо разглядывая ежившуюся передъ нимъ фигуру.

— Мнѣ нужно открыть... объ одномъ дѣлѣ... самому

генералу! — хриплымъ, глухимъ голосомъ промолвилъ оборванецъ.

— Генерала сегодня видѣть нельзя... я уже сказалъ... Можете заявить мнѣ... или приходите въ другой разъ!—отрывисто проговорилъ офицеръ.

— Такое дѣло, что...—началъ оборванецъ, въ смущеніи вертя въ рукахъ свою мокрую шапку.

— Какое дѣло?—нетерпѣливо перебилъ его офицеръ.

— Преступленіе...—чуть слышно прохрипѣлъ тотъ, озираясь на посѣтителей, остававшихся въ пріемной.

Офицеръ махнулъ ему рукой и повелъ его по корридору въ отдѣльную комнату. Здѣсь у стѣны стоялъ черный кожаный диванъ, а у окна письменный столъ, стулъ и кресло. Офицеръ указалъ посѣтителю на стулъ около письменнаго стола и на нѣсколько минутъ вышелъ изъ комнаты.

Черезъ окно, выходившее во дворъ, въ комнату пробивался сѣрый, сумеречный свѣтъ. За стѣной слышался легкій шорохъ.

Возвратившись, полицейскій офицеръ опустился въ кресло, стоявшее передъ письменнымъ столомъ, vis-a-vis съ тѣмъ стуломъ, на которомъ помѣстился посѣтитель.

— Такъ что же вы скажете?—спросилъ онъ, откидываясь на спинку кресла и не сводя глазъ со своего собесѣдника.—Ваше имя и званіе?

— Купеческій сынъ... Виталій Алексѣевичъ Вьюшинъ!—какъ бы чего-то стыдясь и стѣсняясь, тихо проговорилъ тотъ.

— А живете гдѣ?

— Прежде жилъ въ Тапровомъ переулкѣ... А за послѣднее время нигдѣ не живу... то тамъ, то сямъ... гдѣ случится...

— Однако, гдѣ же вы ночуете?—спросилъ офицеръ, приподнявъ брови.

— Да такъ... гдѣ случится... то въ ночлежномъ... если деньги есть,—такъ... гм!.. то на Сѣнной, между лавками, а все больше въ Александровскомъ паркѣ...

— Значитъ, у васъ въ Петербургѣ нѣсколько квартиръ!.. Такъ-съ!—пошутилъ офицеръ, вынимая папиросу и закуривая.—Ну, о какомъ же *дѣлѣ* вы хотѣли поговорить?

Весь какъ-то сгорбившись, понуривъ голову, Вьюшинъ мялъ и вертѣлъ въ рукахъ шапку и нѣсколько мгновеній молчалъ, какъ бы собираясь съ духомъ. Очевидно, въ его

душѣ происходила послѣдняя жестокая борьба. Можно было еще отступить: корабли не сожжены, роковое слово не сказано...

— Ну-съ! — протянулъ офицеръ, перекидывая ногу на ногу.

Вьюшинъ сидѣлъ блѣдный, дрожа, съ посинѣвшими губами, даже страшно было смотрѣть на него.

— Была тутъ... на Гороховой табачная лавка... Аверьянова... — началъ Вьюшинъ, съ трудомъ выговаривая слова, точно давясь каждымъ словомъ, какъ костью. — Эта лавка сгорѣла... назадъ тому года три... Ея хозяина судили... судили и... Вы, господинъ, можетъ быть, помните это дѣло?

— Да, что-то помню... дѣло какое-то темное!—отозвался офицеръ.—Хозяина, кажется, сослали...

— Да! Его сослали...—разсѣянно проговорилъ Вьюшинъ и замолчалъ.

Онъ заглядѣлся въ окно на грязный дворъ. Сѣрыя облака, сѣрыя, грязныя стѣны съ какими-то темными, отвратительными подтеками. Стоитъ извозчичья карета. Два спѣшенные жандарма держатъ подъ уздцы своихъ лошадей и переговариваются съ какимъ-то статскимъ господиномъ.

„Говорить-ли дальше? Вѣдь еще не поздно остановиться...“—думаетъ Вьюшинъ.

— Что-жъ дальше? Продолжайте!—отрывисто заговорилъ офицеръ, брякнувъ шпорами.

Вьюшинъ вздрогнулъ и какъ бы пробудился.

— Сослали... да!— повторилъ Вьюшинъ.— Но... не онъ поджегъ магазинъ... поджегъ... поджегъ я!..

— Разскажите! Какъ же это такъ?—спросилъ офицеръ нѣсколько недовѣрчиво.

Мало-ли ему приходилось выслушивать отъ спившихся, полусумасшедшихъ людей разныхъ небывалыхъ исторій, оговоровъ и всякаго вранья!

— Случилось въ послѣдній день масляной... — началъ Вьюшинъ, попрежнему сгорбившись и вертя шапку.—Я былъ приказчикомъ у него...

— У кого—у „него“? У Аверьянова? — перебилъ офицеръ.

— Да!— отвѣтилъ Вьюшинъ...— Онъ отказалъ мнѣ отъ мѣста... Ну, я по злобѣ... Шелъ я въ тотъ день по Горо-

ховой... Время праздничное, гулящее... все пьяно... навеселѣ былъ... Запихалъ въ карманъ бутылку керосина, — иду... а самъ думаю: „Страшно!..“ Сталъ переходить улицу, а *онъ* катитъ на тройкѣ...

— Кто „онъ“?—опять переспросилъ офицеръ.

— Да этотъ... Аверьяновъ!—пробормоталъ Вьюшинъ.

Ему, очевидно, было трудно, непріятно выговаривать эту фамилію.

— Ну, тутъ ужъ я совсѣмъ... Думаю: будь, что̀ будетъ... — продолжалъ Вьюшинъ. — Народу на улицѣ было много. Иду съ народомъ—все впередъ... Вижу: у магазина тройка стоитъ... Хозяинъ заѣзжалъ за чѣмъ-то... Гляжу: вышелъ онъ, заперъ магазинъ и покатилъ... Дворникъ куда-то скрылся... Ну, я—шмыгъ во дворъ, да за полѣнницу и—въ магазинъ черезъ заднюю дверь...

— Взломали?—спросилъ офицеръ.

— Ключъ къ этой двери у меня былъ раньше припасенъ... поддѣланъ...

— Зачѣмъ же? Задумывали при случаѣ обокрасть магазинъ, что-ли?

— Да не знаю... такъ... думалъ, можетъ быть, когда-нибудь пригодится...

— Такъ, подожгли и ушли,—и никто не видалъ?—спросилъ офицеръ, съ сомнѣніемъ посматривая на Вьюшина: кто передъ нимъ—кающійся грѣшникъ или какой-нибудь полусумасшедшій пьяница, самъ себя напрасно оговаривающій.

— Никто меня не видалъ... Когда я уходилъ, дворникъ дремалъ у воротъ и не замѣтилъ меня...—продолжалъ Вьюшинъ.

— Вы пользовались керосиномъ... Скажите, какъ же вы сами успѣли выскочить?

— Успѣлъ... и дверь даже заперъ...—оживившись, заговорилъ Вьюшинъ,—глаза его блеснули, и лукавая, торжествующая улыбка промелькнула по его блѣднымъ губамъ.— Задняя дверь плохо затворялась... щели... Тяга была всегда изъ задняго отдѣленія въ магазинъ... Я, знаете, зажегъ въ заднемъ отдѣленіи, а керосину-то налилъ подъ прилавкомъ и дальше...

— Вы разсчитывали, что подозрѣніе падетъ на хозяина?—спросилъ офицеръ своего собесѣдника.

— Сначала у меня въ головѣ этого не было... — отвѣтилъ тотъ.—Думалъ, просто, досадить ему... а тутъ, какъ увидалъ, что *онъ* заходилъ въ магазинъ... думаю: что-жъ мнѣ... тѣмъ лучше! Пускай его же и заподозрятъ... Впрочемъ, я не разсчитывалъ, что его сошлютъ...

Вьюшинъ вытащилъ изъ кармана носовой платокъ, въ видѣ грязной тряпицы, и вытеръ имъ вспотѣвшій лобъ.

— А лучше бы, знаете, еслибы вы, вотъ сейчасъ же, кратко написали все, что разсказывали мнѣ... такъ, для памяти...—сказалъ офицеръ и, доставъ изъ ящика стола тетрадь писчей бумаги, подалъ ее Вьюшину.—Подвигайтесь къ столу поближе... ничего... вотъ такъ! Вотъ чернила... перо...

Вьюшинъ, попрежнему тяжело дыша, машинально взялся за перо и наклонился надъ бумагой.

— Вы знаете, мы должны васъ арестовать послѣ такого сознанія... Васъ будутъ судить, если окажется... если слова ваши подтвердятся...—заговорилъ офицеръ.

— Я еще ничего не писалъ... — живо возразилъ Вьюшинъ.—Я говорилъ съ вами одинъ на одинъ... Вы ничего не можете...

— А вы почему знаете, что говорили со мной одинъ на одинъ? Вы увѣрены?—съ многозначительной улыбкой спросилъ его офицеръ.

Вьюшинъ быстро оглянулъ комнату: въ комнатѣ никого, кромѣ ихъ двоихъ; дверь притворена.

— Да я ничего и не говорилъ вамъ... ни въ чемъ не сознавался...—бормоталъ онъ, намѣреваясь, повидимому, подняться со стула.—Я приходилъ къ г. оберъ-полиціймейстеру за вспомоществованіемъ...

— Успокойтесь, успокойтесь, г. Вьюшинъ! — строгимъ тономъ заговорилъ офицеръ.—Мы съ вами вѣдь не шутки шутимъ... Вы сказали все, что нужно... Я только хотѣлъ спросить васъ: что васъ заставило вдругъ заговорить объ этомъ дѣлѣ? Подозрѣній на васъ не было... Аверьяновъ живетъ въ ссылкѣ... никто васъ не безпокоилъ...

Вьюшинъ сразу осунулся; кривая усмѣшка исказила его блѣдное, истомленное лицо.

— Нѣтъ... меня безпокоили...—прохрипѣлъ онъ, хмуря брови, и мрачный огонь сверкнулъ въ его впалыхъ, темныхъ глазахъ. Ахъ, какъ *они* безпокоили меня!..

— Кто же? — спросилъ его офицеръ.

Вьюшинъ не отвѣтилъ, крѣпко стиснулъ губы и началъ что-то писать, но вскорѣ остановился.

— Нѣтъ, не могу... не могу!—бормоталъ онъ, выпуская перо изъ руки.

— Отчего не можете? Все, что разсказывали, изложите на бумагѣ!—уговаривалъ его офицеръ.

— Не могу... силъ нѣтъ... Нельзя-ли, господинъ, мнѣ рюмочку водки... рюмочку... маленькую!.. А то руки совсѣмъ... ничего не могу...—дрожащимъ голосомъ шепталъ Вьюшинъ.

Офицеръ подошелъ къ двери, позвалъ кого-то и отдалъ распоряженіе.

Вьюшинъ той порой, тяжело сопя, сидѣлъ, наклонившись надъ столомъ, и совершенно безучастный смотрѣлъ на муху, бродившую по краю чернильницы. Офицеръ опять сѣлъ противъ него—и наблюдалъ...

— Вы давно подвержены этой слабости?—спросилъ онъ своего собесѣдника.

— Давно!—разсѣянно пролепеталъ тотъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился служитель и, поставивъ рюмку водки на столъ, немедленно удалился.

— Пейте! — сказалъ офицеръ, указывая Вьюшину на водку.

Вьюшинъ такъ и впился глазами въ завѣтную влагу. Трясущаяся рука его потянулась къ ней, длинные, худые пальцы охватили рюмку, и Вьюшинъ осторожно, боясь расплескать драгоцѣнный напитокъ, поднесъ рюмку почти къ самому лицу, съ жадностью, весь дрожа, посмотрѣлъ на нее и прильнулъ къ ней губами. Вьюшинъ въ мигъ преобразился—глаза блеснули, ноздри слегка раздулись, и лицо оживилось. Немного откинувъ голову назадъ, полузакрывъ глаза, пилъ онъ водку—не пилъ, а тянулъ, лизалъ, смаковалъ ее, а послѣднюю половину рюмки хватилъ залпомъ. Онъ поставилъ рюмку на столъ, крякнулъ, провелъ рукой по губамъ и взялся за перо.

Нѣсколько разъ онъ принимался кашлять, задыхался, хрипѣлъ, и два розовыя пятна явственно обозначились на его желтыхъ, впалыхъ щекахъ.

Когда Вьюшинъ уже дописывалъ свое показаніе, въ комнату вошелъ какой-то господинъ въ мундирѣ, очевидно, слу-

жащій по министерству юстиціи. Онъ сѣлъ сбоку у стола и искоса, черезъ плечо, поглядѣлъ на Вьюшина.

— Не угодно-ли прочитать?—сказалъ полицейскій офицеръ, подавая ему дописанное показаніе.

— Не нужно... знаю!—вполголоса промолвилъ тотъ, пробѣгая бумагу.—Распорядитесь!—добавилъ онъ, указывая головой на Вьюшина.

А тотъ опять, какъ бы ко всему безучастный, сидѣлъ, понуривъ свою всклокоченную голову, и нервно мялъ въ рукахъ свою мокрую шапку, изподлобья посматривая на пустую рюмку...

Опять всплыло дѣло Аверьянова. Въ судебномъ вѣдомствѣ скоро разнесся слухъ о сознаніи, сдѣланномъ Вьюшинымъ, бывшимъ приказчикомъ Аверьянова, и о послѣдовавшемъ распоряженіи подвергнуть пересмотру все дѣло о поджогѣ табачной лавки Аверьянова. Дошелъ этотъ слухъ и до товарища прокурора, обвинявшаго Аверьянова и даже недопускавшаго для него никакого снисхожденія.

— Ну, что-жъ такое! Судебныя ошибки всегда возможны!—спокойно промолвилъ онъ.

— Всегда!?—вскричалъ его племянникъ, молодой человѣкъ, enfant terrible всей семьи...—Такъ зачѣмъ же вы беретесь не за свое дѣло?.. Не судите, да не судимы будете!

Дядя, молча, пожалъ плечами и разсмѣялся.

XV.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Румянцевскомъ скверѣ, что̀ на Васильевскомъ островѣ, въ ясные лѣтніе вечера иногда можно было встрѣтить молодого человѣка лѣтъ тридцати, очень худого и блѣднаго, съ совершенно сѣдыми волосами. Онъ казался слабымъ, больнымъ, но вниманіе публики всего болѣе обращали на себя его густые, сѣдые, серебристые волосы, составлявшіе странный контрастъ съ его молодымъ лицомъ. Выраженіе кроткой грусти, кажется, никогда не сходило съ его лица. Онъ улыбался рѣдко, и улыбка его была блѣдная, какъ блѣдный лучъ зимняго солнца. Этотъ человѣкъ, повидимому, перенесъ въ жизни большое

несчастье, — и онъ, казалось, все еще испытывалъ жгучую горечь этого несчастья, судя по равнодушію и по глубокой грусти его неподвижнаго взгляда. Онъ, повидимому, примирился со своею участью, но ничего не позабылъ и своимъ умственнымъ окомъ постоянно смотрѣлъ въ прошлое—на свое былое горе, на свою болящую рану...

Иногда онъ одинъ приходилъ въ скверъ, а иногда съ нимъ появлялась молодая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, двадцати, съ очень милымъ, выразительнымъ лицомъ, съ большими, темными глазами и съ роскошною, темною косой. Ея лѣтній сѣрый костюмъ и бѣлая соломенная шляпа отличались простотой. Дѣвушка также не цвѣла здоровьемъ, была нѣсколько худощава и блѣдна, напоминая собою розу, расцвѣтшую въ ненастье, но все-таки, по сравненію съ молодымъ человѣкомъ, она казалась здоровою, сильною дѣвушкой. Ея походка и всѣ движенья были свободны, граціозны—безъ кокетства.

Обращеніе съ ней молодого человѣка было какое-то странное, неопредѣленное, если можно такъ выразиться, и до того неопредѣленное, что самый проницательный наблюдатель не могъ бы сказать съ увѣренностью: въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою эти два человѣка? Кто она ему—сестра, другъ, невѣста, возлюбленная? Но каждый, часто видавшій ихъ вблизи, внимательно наблюдавшій за ними, сказалъ бы съ увѣренностью только одно, что эта дѣвушка страстно привязана къ своему несчастному спутнику, что она, какъ сестра, готова вѣрно и преданно служить ему до гроба, что она, какъ невѣста или какъ любовница, любитъ его, ради него пойдетъ на все и все сдѣлаетъ для него, что только можетъ сдѣлать женщина для любимаго человѣка...

Этотъ молодой человѣкъ и дѣвушка, очевидно, уже давно и хорошо знали другъ друга, понимали одинъ другого съ полуслова, и была особенно замѣчательна та точность, съ какою душевное настроеніе молодого человѣка отражалось на лицѣ дѣвушки—въ ея чудныхъ, темныхъ глазахъ. Можно было сказать, что она для него служила зеркаломъ. Если онъ улыбался—и она становилась веселѣе; если онъ смотрѣлъ грустнѣе обыкновеннаго—и ея милое личико затуманивалось; онъ задумывался — и она погружалась въ думу.

Иногда, когда онъ, сидя на скамьѣ съ ней рядомъ, вдругъ наклонялся впередъ и начиналъ задумчиво чертить что-то

по песку концомъ своей трости,—дѣвушка смотрѣла на него такъ, какъ будто бы старалась узнать: о чемъ онъ думаетъ? узнать для того, чтобы исполнить его желаніе.

Иногда молодой человѣкъ ходилъ съ дѣвушкой подъ руку, или—вѣрнѣе—она, взявъ его подъ руку, водила по скверу. Иногда, выйдя изъ сквера на набережную Невы, молодой человѣкъ останавливался и какъ-то странно озирался по сторонамъ, словно только-что пробудившись отъ глубокаго сна.

— Маруся! сходимъ туда... въ Пятую Линію! — робко, нерѣшительно говорилъ онъ, со вздохомъ посматривая какимъ-то болѣзненно напряженнымъ, тусклымъ взглядомъ по направленію Пятой Линіи.

— Опять!—тихо замѣчала дѣвушка, печально взглядывая на него. — Зачѣмъ же, Дмитрій Александровичъ?.. Вы опять... Впрочемъ, если хотите... Пойдемъ!

Дѣвушка каждый разъ возражаетъ и каждый разъ уступаетъ ему, встрѣчая его грустный-грустный взглядъ.

И они медленно идутъ по набережной, проходятъ мимо зданія Академіи Художествъ... А древніе египетскіе сфинксы, таинственные сфинксы, лежащіе тамъ другъ противъ друга, загадочно смотрятъ имъ вслѣдъ своими окаменѣвшими очами...

П. Засодимскій.

Конецъ.

БЕССИ КОСТРЕЛЬ.

Повѣсть мистрисъ Гумфри Уордъ, автора «Роберта Эльсмира» и «Дэвида Грива».

СЦЕНА IV.

Послѣ того, какъ дверь затворилась за Джономъ и Маріанной, Бесси подошла къ огню и опустилась на полъ. Руки ея висѣли по сторонамъ, какъ плети, а зубы скрежетали словно въ лихорадкѣ. Дѣти молча окружили ее. Сначала она оттолкнула ихъ, а потомъ схватила ближайшаго къ ней ребенка и прижала къ себѣ его кудрявую головку, но черезъ минуту такъ же грубо оттолкнула его, какъ и другихъ. Она, обыкновенно болтала съ ними, бранила ихъ и угощала подзатыльниками, но теперь она упорно безмолвствовала. Они также молча смотрѣли на нее своими большими, круглыми глазами. Наконецъ, ихъ пытливые взгляды надоѣли ей, и она приказала имъ идти спать. Они повиновались, и, проходя мимо отвореннаго сундука на лѣстницѣ, съ любопытствомъ заглянули въ него. Когда же они очутились наверху въ спальнѣ, то всѣ гурьбой навалились на одну кровать и стали о чемъ-то шептаться между собой. Исаакъ былъ суровый отецъ, а Бесси капризная мать, а потому дѣти, хотя очень буйныя наединѣ, были очень первны въ присутствіи родителей, которыхъ они страшно боялись.

Оставшись одна въ кухнѣ, Бесси продолжала сидѣть неподвижно передъ огнемъ, крѣпко сжавъ губы. Она рѣшилась отрицать все—все. Пусть ихъ открываютъ все, что хотятъ. Кто могъ доказать, что въ сундукѣ Джона было столько-то денегъ, а не столько? Кто могъ доказать, что она не получила гдѣ-нибудь полукроны, какъ сдачу.

Все, что случилось въ этотъ день, наполняло ея сердце чувствомъ самаго горькаго сожалѣнія. Отчего она не поступила по своему первому влеченію и не возложила всю отвѣтственность на сына Исаака? Отчего она не разсказала мужу всей исторіи, конечно въ измѣненномъ видѣ, пока на ней находились слѣды насилія со стороны негодяя? Судьба представляла ей спасительный выходъ, и она не воспользовалась имъ по глупости. Во всякомъ случаѣ Исааку пришлось бы взять ея сторону и кто же сталъ бы вѣрить обвиненію, которое негодяй Тимъ вздумалъ бы взводить на нее.

Ей стало тошно при мысли объ ея безумномъ поступкѣ и, въ безпомощной злобѣ, она ударяла себя кулакомъ по колѣну. Еслибы она теперь вздумала разсказывать о воровствѣ Тима, то никто ей не повѣрилъ бы. Въ этомъ случаѣ она ничѣмъ не могла бы объяснить своего двадцатичетырехчасоваго молчанія, особенно въ виду близкаго возвращенія Джона. Исаакъ еще болѣе возненавидѣлъ бы ее за эту попытку оговорить сына.

Кромѣ того, въ головѣ ея тѣснились воспоминанія объ уличившихъ ее полукронахъ, о деревенскихъ разговорахъ и о подозрительныхъ взглядахъ Ватсона. Холодный потъ выступалъ у нея на лбу.

Когда вернется домой Исаакъ? Кто ему первый скажетъ о случившемся? Думая о томъ, какъ повліяетъ на него это страшное открытіе, она чувствовала, что волосы ея становятся дыбомъ. Если онъ станетъ очень приставать къ ней, то она скажетъ ему всю правду. Ей было все равно. Ее мучило только одно, что онъ въ это самое утро былъ необыкновенно любезенъ съ ней и добръ съ дѣтьми. Теперь снова его мягкое настроеніе должно измѣниться. Слезы выступили у нея на глазахъ.

Извнѣ послышались шаги. Она вскочила, подвязала себѣ передникъ, принесла изъ чулана воды въ кувшинѣ и стала суетливо мыть чайную посуду.

У двери кто-то остановился и постучалъ.

— Войдите,—сказала Бесси.

На порогѣ показались три фигуры: впереди рослый кузнецъ Саундерсъ, а за нимъ Джонъ и Маріанна.

Первый снялъ учтиво шляпу. Одинъ видъ его лысой головы, двойного подбородка и рта, какъ будто всегда смѣяв-

шагося, заставилъ вздрогнуть Бесси. Она едва кивнула ему головой въ отвѣтъ на его поклонъ.

— Можно войти, мистрисъ Кострель?—спросилъ онъ любезнымъ тономъ.

— Если хотите,—рѣзко отвѣчала Бесси и, вынувъ изъ лоханки чашку, стала обтирать ее полотенцемъ.

Саундерсъ пропустилъ впередъ себя Джона и Маріанну, потомъ самъ вошелъ и закрылъ за собою дверь.

— Садитесь, Джонъ, садитесь, мистрисъ Воллеръ,—сказалъ онъ.

Джонъ повиновался. Въ его блѣдномъ лицѣ, безпорядочно висѣвшихъ во всѣ стороны волосахъ и разстегнутой рубашкѣ, обнаруживавшей обнаженную грудь, одинаково выражалось безпомощное отчаяніе. Но онъ пристально смотрѣлъ на Саундерса и нетерпѣливо ожидалъ, что онъ скажетъ.

— Ну, мистрисъ Кострель,—произнесъ Саундерсъ, спокойно усаживаясь на стулъ:—вы должны признать, что это дѣло плохое. Позволите вы намъ задать вамъ нѣсколько вопросовъ?

— Отчего же,—отвѣчала Бесси хладнокровно.

— Во-первыхъ, вы согласны, мистрисъ Кострель, что мистеръ Больдерфильдъ положилъ свои деньги въ вашъ шкафъ на верху лѣстницы.

— Я согласна, что онъ поставилъ туда свой сундукъ,—произнесла Бесси рѣзко.

Джонъ съ бранью набросился на нее, но она спокойно отвѣчала:

— Развѣ кто-нибудь изъ насъ видѣлъ, что было у васъ въ сундукѣ? Развѣ вы показывали свои деньги мнѣ, Маріаннѣ, или кому бы то ни было въ Клинтонѣ?

И она ждала его отвѣта, бросая на него ястребиный взглядъ.

— Вы показывали кому-нибудь свои деньги, Джонъ?—повторилъ Саундерсъ, признавая всю законность предложеннаго вопроса.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Джонъ послѣ нѣкотораго молчанія:—я никому и никогда не показывалъ своихъ денегъ, кромѣ Элайзы; но ея нѣтъ... ея нѣтъ...

— Не теряйте головы, Джонъ,—сказалъ Саундерсъ, трепля его рукой по плечу:—намъ надо изслѣдовать это дѣло осно-

вательно и по всѣмъ правиламъ. Вы также никому не говорили, сколько у васъ денегъ?

— Никому, кромѣ Элайзы, никому, кромѣ Элайзы,—промолвилъ старикъ.

— Да, я знаю, вы и мнѣ не говорили объ этомъ,—замѣтилъ Саундерсъ, пристально смотря на старика, который не могъ теперь не подумать, что онъ сдѣлалъ большую глупость, не оставивъ своихъ денегъ Саундерсу.

Этотъ послѣдній, однако, не сталъ упрекать старика въ недостаткѣ довѣрія къ нему и молча посмотрѣлъ на Бесси, которая продолжала мыть посуду, какъ ни въ чемъ не бывало. Ея удивительное хладнокровіе увеличивало въ немъ желаніе побороть такого достойнаго врага.

— Я полагаю, мистрисъ Кострель,—произнесъ онъ очень учтивымъ тономъ, — что Джонъ положилъ свои деньги въ шкафъ, который стоитъ на лѣстницѣ, не такъ-ли? Я васъ попрошу поправить меня, если я скажу что-нибудь неправильно.

Бесси молча кивнула головой.

— Шкафъ стоитъ на верху лѣстницы, съ правой стороны,—прибавилъ Джонъ.

— Джонъ самъ заперъ шкафъ и унесъ ключъ,—продолжалъ Саундерсъ:—не такъ-ли?

Джонъ снялъ ключъ со снурка и подалъ его Саундерсу.

— А когда вы отперли его сегодня, Джонъ, то замокъ былъ цѣлъ?—спросилъ Саундерсъ.

— Цѣлъ, совершенно цѣлъ,—отвѣчалъ старикъ:—клянусь въ этомъ.

Саундерсъ задумался.

— Здѣсь, въ кухнѣ, стоитъ шкафъ,—сказалъ онъ, указывая на шкафъ, находившійся подлѣ очага:—не походитъ-ли онъ, Джонъ, на шкафъ, помѣщающійся на лѣстницѣ?

— Совершенно походитъ,—отвѣчалъ старикъ, смотря съ удивленіемъ на Саундерса.

Тотъ всталъ и, обращаясь къ Бесси, произнесъ:

— Вы позволите, мистрисъ Кострель, осмотрѣть этотъ шкафъ?

Не дожидаясь отвѣта, онъ подошелъ къ шкафу. Рука Бесси задрожала, она быстро обернулась и, облокотившись на столъ, стала слѣдить за нимъ. Грудь ея тревожно подымалась.

— Тутъ нѣтъ ключа,—сказалъ Саундерсъ, осматривая замокъ:—попробуйте, Джонъ, не отворитъ-ли его вашъ ключъ?

Джонъ подбѣжалъ къ шкафу, но Бесси загородила ему дорогу.

— Что вы тутъ распоряжаетесь въ моемъ домѣ!—злобно воскликнула она:—убирайтесь вонъ! Я ничего не знаю объ его деньгахъ и не позволю оскорблять меня въ моемъ домѣ. Ступайте всѣ вонъ изъ моей кухни!

— Конечно, конечно, мистрисъ Кострель,—произнесъ Саундерсъ торжественнымъ тономъ и поспѣшно застегивая свой сюртукъ: — намъ тутъ нечего дѣлать, Джонъ, пойдемте къ Ватсону и поручимъ ему все дѣло.—Ватсонъ представитель закона, и, можетъ быть, мистрисъ Кострель послушается его.

Маріанна подбѣжала къ Бесси и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Бесси, милая Бесси, не дозволяй имъ пойти за Ватсономъ; лучше для тебя, если дѣло обойдется по-домашнему.

Бесси молча посмотрѣла на всѣхъ и, вернувшись къ столу, промолвила, насупивъ брови:

— Мнѣ все равно, пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Чѣмъ больше они выяснятъ дѣло, тѣмъ лучше.

Выраженіе губъ Саундерса приняло, болѣе чѣмъ когда либо, характеръ улыбки. Онъ подозвалъ Джона, и тотъ хотѣлъ отворить ключемъ шкафъ, но Саундерсъ раньше его вложилъ ключъ въ замокъ, гдѣ онъ совершенно свободно поворачивался.

— Это очень странно,—промолвилъ онъ, вынимая изъ замка ключъ и пристально разсматривая его:—вы не думали, Больдерфильдъ, что въ домѣ есть другой ключъ, который отворяетъ вашъ шкафъ?

Старикъ упалъ на стулъ, заливаясь слезами. Онъ былъ слишкомъ убитъ, чтобы по-прежнему осыпать Бесси бранью.

— Скажите ей, мистеръ Саундерсъ,—пробормоталъ онъ едва слышно,—чтобы она вернула мнѣ деньги. Хоть не всѣ, а только часть. Вѣдь она не могла всѣхъ израсходовать. Она куда-нибудь ихъ спрятала. Поговорите съ ней, мистеръ Саундерсъ. Нехорошо ограбить старика, да еще брата ея матери. И вы, Маріанна, поговорите съ ней.

Онъ жалобно смотрѣлъ на нихъ обоихъ, но его печальный умоляющій видъ только вывелъ изъ себя Бесси.

— Отчего непремѣнно я обворовала васъ? — воскликнула

она, гордо подбоченившись и высоко поднимая голову: — отчего этого не могъ сдѣлать кто-нибудь другой? Мало-ли по ночамъ шляется воровъ и мошенниковъ. Неужто во всемъ Клинтонѣ нѣтъ другого вора, кромѣ Бесси Кострель? Но довольно издѣваться надо мной. Ступайте вонъ! Вы такъ натоптали здѣсь, — прибавила она, указывая на слѣды отъ ихъ грязныхъ сапогъ на полу, — что придется чистить послѣ васъ кухню, а уже поздно.

— Еще одну минуту, мистрисъ Кострель, — отвѣчалъ Саундерсъ, потирая руки, — съ вашего позволенія осмотримъ прежде шкафъ на лѣстницѣ, а потомъ быстро отретируемся. Можетъ быть, мы найдемъ слѣды того, какъ попалъ туда воръ, конечно, если вы намъ разрѣшите.

Съ минуту Бесси колебалась, но потомъ она бросила нѣсколькс ложекъ въ лоханку и, возвращаясь къ своей работѣ, прибавила:

— Дѣлайте, что хотите.

Саундерсъ сталъ медленно подниматься по узкой лѣстницѣ, а Джонъ послѣдовалъ за нимъ.

— Тутъ что-то неладно, — думалъ кузнецъ, — она не могла израсходовать всѣхъ денегъ. Она или завела интрижку съ кѣмъ-нибудь, или въ дѣлѣ замѣшанъ Исаакъ. Одно или другое.

Послѣ ихъ ухода Бесси старалась припомнить, что она сдѣлала съ ключемъ наканунѣ ночью, послѣ того, какъ она заперла шкафъ? Голова ея шла кругомъ, и у нея какъ будто отшибло память; она не могла отдать себѣ яснаго отчета обо всемъ, что произошло послѣ сцены съ сыномъ Исаака.

Между тѣмъ Маріанна, сидя въ сторонѣ, смотрѣла на Бесси со слезами на глазахъ. Но Бесси не сознавала даже ея присутствія.

Выходя, Джонъ и Саундерсъ затворили за собой дверь, и Бесси только смутно слышала ихъ движенія на лѣстницѣ. Вскорѣ ей стала нестерпима эта неизвѣстность, и она отворила дверь.

Она поспѣла во-время. При мерцаніи свѣчки, которую держалъ Джонъ, Саундерсъ, сидя на ступени, что-то шарилъ на полу. Потомъ онъ вскрикнулъ, и послышался звукъ металла.

Она также не могла удержаться отъ восклицанія, и Саундерсъ, увидавъ ее, произнесъ:

— Хорошо, мистрисъ Кострель, мы сейчасъ сойдемъ внизъ.

Бесси возвратилась въ кухню и тяжело опустилась на стулъ. Въ глазахъ у нея было темно. Маріанна подошла къ ней, но она ее оттолкнула.

Минуты черезъ двѣ послышались тяжелые шаги по лѣстницѣ, и Саундерсъ внесъ въ кухню сундукъ Джона, который слѣдовалъ за нимъ. Но въ то самое мгновеніе, какъ они появились на порогѣ, распахнулась наружная дверь, и вошелъ Исаакъ Кострель.

— Что это, Джонъ и Саундерсъ?—воскликнулъ онъ въ изумленіи.

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на нихъ, а потомъ на Маріанну и свою жену.

Наступила мертвая тишина.

— Я очень радъ, что вы пришли, Исаакъ,—произнесъ Джонъ:—вы мнѣ скажете, куда ваша жена дѣла мои деньги. Вы знаете этотъ сундукъ. Мы съ вами принесли его въ ту ночь, когда намъ попался навстрѣчу Ватсонъ. Вы будете свидѣтелемъ, что видѣли, какъ я заперъ шкафъ, и оба ключа повѣсилъ къ себѣ на шею. Теперь же, Исаакъ,—прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—осталось только два золотыхъ и одна полукрона, а всего было семьдесятъ одинъ фунтъ. Вы добьетесь отъ нея, Исаакъ, куда дѣла она эти деньги.

И онъ бросилъ на Исаака умоляющій взглядъ.

Въ первую минуту Исаакъ вздрогнулъ, но потомъ молча слушалъ Джона. Саундерсъ не спускалъ съ него глазъ. Первый былъ мѣстнымъ столбомъ англиканской церкви, а послѣдній принадлежалъ къ диссентерамъ. Они никогда не были друзьями, и Саундерсъ съ бо́льшей, чѣмъ обыкновенно, охотой взялся въ этомъ дѣлѣ за роль посредника, которую ему обыкновенно предоставляли въ деревенскихъ спорахъ.

Когда Джонъ умолкъ, то Исаакъ подошелъ къ Саундерсу и сказалъ рѣзко:

— Дайте мнѣ посмотрѣть на сундукъ. Поставьте его на столъ.

Саундерсъ повиновался. Исаакъ старательно осмотрѣлъ сундукъ и обратилъ вниманіе рѣшительно на все, въ особенности на оставшіяся деньги и взломанный замокъ. Бесси молча слѣдила за нимъ.

Окончивъ свой осмотръ, Исаакъ положилъ руку на сундукъ и, устремивъ глаза въ пространство, задумался.

Прошло нѣсколько минутъ. Саундерсъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе, оттолкнулъ Джона, подошелъ къ столу и, облокотился на него обѣими руками, такъ, чтобы обратить на себя вниманіе Исаака.

— Ну, Исаакъ,—сказалъ онъ совершенно инымъ тономъ, чѣмъ до сихъ поръ,—вотъ въ чемъ дѣло: Джонъ оставилъ свои деньги въ вашемъ шкафу. Онъ заперъ шкафъ и унесъ ключъ съ собой. Эти факты вы знаете и можете подтвердить. Но теперь оказывается, что въ вашемъ домѣ, Исаакъ, былъ другой ключъ, который отпираетъ шкафъ съ деньгами Джона.

Исаакъ покачалъ головой.

— Вы этого не знали. Я въ этомъ увѣренъ. Вотъ возьмите ключъ Джона и вы отопрете имъ шкафъ въ кухнѣ. Когда я увидѣлъ, что ключа не было въ этомъ шкафу, то подумалъ: гдѣ же ключъ? Мы отправились съ Джономъ на верхъ лѣстницы, и тамъ, въ трещинѣ на полу, отыскался вотъ этотъ ключъ.

И онъ съ торжествомъ показалъ ключъ, который держалъ въ рукѣ.

— Значитъ,—продолжалъ онъ, пересчитывая по пальцамъ свои аргументы,—во-первыхъ, сундукъ былъ запертъ, во-вторыхъ, замокъ сундука сломанъ, въ-третьихъ, шкафъ отворяется подобраннымъ ключемъ, въ-четвертыхъ, деньги пропали. Но это еще не все. Есть совершенно другая сторона въ этомъ дѣлѣ.

Онъ вытянулся во весь ростъ и засунулъ свои обѣ руки въ карманы.

— Можетъ быть, вы не знаете, я даже увѣренъ, что вы не знаете,—продолжалъ онъ:—что мистрисъ Кострель постоянно, вечеровъ пять въ недѣлю, расходуетъ много денегъ въ Пестромъ Оленѣ. Она угощаетъ всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, такъ что многіе ходятъ къ Досону только потому, что тамъ можно выпить на ея счетъ. При этомъ она всегда мѣняетъ полукрону, а эти полукроны старыя, дковинныя. Вотъ народъ и сталъ объ этомъ говорить. Вчера она опять размѣняла тамъ полкроны, и публика подняла скандалъ, такъ что дѣло дошло до Ватсона. Мы съ нимъ произвели маленькое дознаніе, и мистеръ Досонъ одолжилъ мнѣ кое-что. Вотъ, скажите, Джонъ, это ваши деньги?

И Саундерсъ, быстро вынувъ изъ кармана серебряную монету, подалъ ее Джону.

— Мои, мои!—воскликнулъ Джонъ, внѣ себя отъ радости;—посмотрите, Исаакъ, тутъ голова короля, а не королевы: это Вильгельмъ, а не Викторія. Я откладывалъ въ сторону эти деньги, служа еще мальчикомъ у Масона. Вотъ въ уголку и моя царапина. Я всегда отмѣчалъ царапиной мои полукроны.

И онъ указалъ удивленному Исааку на маленькій крестикъ, выцарапанный на монетѣ.

— Вотъ и еще двѣ,—сказалъ Саундерсъ, вынимая изъ кармана вторую и третью монеты.

Старикъ съ такою же радостью призналъ ихъ своими.

— Я очень сожалѣю, но вынужденъ сказать,—продолжалъ Саундерсъ, ударяя рукой по столу,—что эти самыя монеты, Исаакъ, были заплачены вчера Досону вашей женой. Пусть она скажетъ, что это неправда.

И онъ указалъ пальцемъ на блѣдное, дышавшее злобой лицо Бесси.

Мертвое молчаніе водворилось въ кухнѣ. Всѣ притаили дыханіе.

Наконецъ, Исаакъ подошелъ къ женѣ и, схвативъ ее за обѣ руки, спросилъ:

— Ты сдѣлала это?

Онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза и крѣпко держалъ ее. но она рванулась и отскочила.

— Скотина!—промолвила она, взглянувъ на Саундерса:—ты просто скотина!..

Исаакъ подошелъ къ двери и распахнулъ ее.

— Можетъ быть, вы уйдете?—произнесъ онъ мрачно.

Всѣ трое молча удалились.

СЦЕНА V.

Мужъ и жена остались вдвоемъ. Огонь весело горѣлъ. Только-что вымытая чайная посуда блестѣла при свѣтѣ лампы. Кошка, какъ всегда, лежала на томъ стулѣ, на которомъ Исаакъ обыкновенно по вечерамъ читалъ „Христіанскій Міръ“. Все было попрежнему, и однако Исаакъ, смотря на знакомые предметы, не узнавалъ ихъ. Долго стоялъ онъ

среди комнаты неподвижно, наконецъ провелъ рукой по глазамъ и, подойдя къ столу, опустился на стулъ.

— Куда ты дѣла столько денегъ? — произнесъ онъ неожиданно и такимъ рѣзкимъ голосомъ, что самъ вздрогнулъ.

Бесси пристально посмотрѣла на него, словно надѣясь найти въ выраженіи его лица какую-нибудь надежду на помощь; но, вѣроятно, ничего не нашла, потому что ея глаза засверкали прежнимъ вызывающимъ образомъ.

— Я не прожила ихъ. Саундерсъ солгалъ.

— Гдѣ ты достала эти полукроны?

— Въ Бедфордѣ. Ихъ далъ мнѣ мистеръ Гримстонъ.

Исаакъ молча взглянулъ за нее, и сердце его дрогнуло отъ чувства стыда. Вотъ откуда она брала деньги на кутежи въ тавернѣ. Она, конечно, солгала ему наканунѣ ночью на счетъ своего паденія и шрама на лбу, который до сихъ поръ виднѣлся изъ-подъ ея волосъ. Исаакъ въ сущности былъ очень горячій, легко поддававшійся гнѣву человѣкъ, и въ виду такого преступнаго поведенія жены, которая губила и позорила всю ихъ семью, онъ не могъ сдержать своей злобы.

— Когда ты въ первый разъ открыла сундукъ?—спросилъ онъ, не обращая никакого вниманія на ея запирательство.

Она начала громко рыдать, закрывъ лицо передникомъ.

На столѣ стояла чашка съ холоднымъ чаемъ, которую Бесси забыла вымыть. Исаакъ протянулъ руку къ чашкѣ и машинально выпилъ глотокъ, чтобы промочить засохшія губы и горло.

— Ты пойдешь за это въ тюрьму,—сказалъ онъ, ставя на мѣсто чашку.

Онъ видѣлъ, что она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, продолжая рыдать. Повидимому, ея нервы не выдерживали долгаго напряженія; хотя онъ самъ не могъ плакать, какъ не плачутъ желѣзо, или огонь, но ея слезы его смущали, а главное, онъ не зналъ, какъ добиться отъ нея признанія.

— Ты скажешь мнѣ, когда ты взяла эти деньги и куда ихъ дѣла,—сказалъ онъ рѣшительнымъ тономъ:—а то я пойду къ Ватсону.

Какъ она ни была нравственно унижена въ эту минуту, но все-таки почувствовала, что стыдно и неестественно было мужу говорить такимъ образомъ. Она еще больше застыла въ своемъ холодномъ запирательствѣ. Она не отвѣчала ни слова.

Онъ вынулъ изъ кармана свои серебряные часы и положилъ на столъ.

— Я дамъ тебѣ двѣ минуты на размышленіе,—промолвилъ онъ.

Безмолвная тишина въ хижинѣ нарушалась только истерическими рыданіями, отъ которыхъ она не могла удержаться.

Онъ надѣлъ шляпу и, не говоря ни слова, отворилъ наружную дверь. Въ отверстіе ворвались хлопья снѣга. Онъ удалился и захлопнулъ за собою дверь.

Она продолжала сидѣть и безпомощно плакать, машинально играя лѣвой рукой дѣтскимъ чулкомъ, валявшимся на столѣ, а правой обтирая быстро катившіяся по щекамъ слезы. Все это время ея умъ лихорадочно работалъ, и мало-по-малу она пересилила одолѣвшую ее слабость и перестала плакать.

Исаакъ вернулся спустя часъ. Войдя въ кухню, онъ закрылъ за собою дверь и, подойдя къ столу, бросилъ на него свою шляпу. Лицо его не только измѣнилось, но было совершенно искажено.

— Тебя уличили, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ: — найдено до двадцати шести фунтовъ, большею частью здѣсь въ Клинтонѣ, и мистеръ Майлосъ изъ Фрамптона будетъ свидѣтелемъ противъ тебя. Ватсонъ отправится завтра въ Фрамптонъ за приказомъ о твоемъ арестѣ.

Она задрожала всѣмъ тѣломъ и молча, дико, посмотрѣла на мужа.

— Но вѣдь это половина, меньше половины,—продолжалъ онъ:—что ты сдѣлала съ остальными? Если ты не скажешь всей правды, то я не удержу своихъ рукъ.

Въ овладѣвшей имъ гнѣвной агоніи онъ забылъ бы всякое чувство сожалѣнія, но угрожать ей ударами было излишне: каждое его слово было для нея хуже пощечины.

Но теперь пришла ея очередь отвѣчать ударъ за ударомъ. Она подняла голову и съ какимъ-то радостнымъ торжествомъ произнесла:

— Хорошо, я скажу тебѣ всю правду, но врядъ-ли понравится тебѣ эта правда. Я взяла тридцать одинъ фунтъ изъ денегъ Джона Больдерфильда, а остальныхъ я не брала. Ихъ взялъ кто-то другой и при мнѣ; когда я стара-

лась не допустить его до сундука, то онъ нанесъ мнѣ эту рану.

И она дотронулась рукою до своего шрама на лбу.

Ужасное подозрѣніе закралось въ голову Исаака. Неужели она нанесла ему еще болѣе горькую обиду? Онъ нагнулся къ ней, едва переводя дыханіе, готовый кулакомъ размозжить ей голову.

— О комъ ты говоришь?—глухо промолвилъ онъ.

Она захохотала.

— О твоемъ сынѣ, о прекрасномъ Тимѣ,—отвѣчала она.

Онъ отшатнулся.

— Ты лжешь! — воскликнулъ онъ: — ты хочешь только свалить свою вину на другого. Какъ могъ Тимъ касаться денегъ Джона, когда его не было здѣсь уже три мѣсяца?

— Не было до вчерашняго дня, это правда,—отвѣчала Бесси съ торжествующей улыбкой:—но вчера ночью онъ вынулъ изъ сундука Джона сорокъ одинъ фунтъ и убѣжалъ съ ними. Я очень сожалѣю, если тебѣ это не нравится, но это фактъ. Ну, слушай, я тебѣ разскажу теперь все.

И она дѣйствительно повѣдала ему обо всемъ. Сначала ея разсказъ былъ смутный и не совсѣмъ понятный, но послѣднюю сцену съ Тимомъ она передала въ самыхъ живыхъ, рельефныхъ краскахъ.

Поддерживая обѣими руками голову, Исаакъ молча слушалъ. Онъ зналъ, что ея разсказъ былъ справедливъ. Конечно, она могла взять немного болѣе, а Тимоти немного менѣе; конечно, она старалась какъ можно болѣе очернить своего сообщника, но, какъ бы то ни было, кража была сдѣлана ими обоими: его женой и его сыномъ.

— Послѣ того, какъ онъ ушелъ, я услыхала твои шаги,— прибавила Бесси, окончивъ свой разсказъ:—и я хотѣла тебѣ сказать все... меня такъ пугали толки у Досона о тѣхъ полукронахъ, которыя я тамъ мѣняла, но ты...

Она умолкла, языкъ ея болѣе не повертывался и въ горлѣ у нея пересохло.

Онъ также вспомнилъ о тѣхъ словахъ любви, которыя онъ впервые тогда произнесъ, и воспоминаніе объ этомъ еще болѣе взбѣсило его.

— И нѣтъ никакого выхода! — воскликнулъ онъ наконецъ, поднимая голову:—на будущей недѣлѣ тебя предста-

вятъ къ судьѣ, а въ февралѣ присяжные приговорятъ тебя къ шестимѣсячному, если еще не къ бо́льшему тюремному заключенію.

Она вскочила со стула, какъ будто эти слова причинили ей физическую боль.

— Я не пойду въ тюрьму,—промолвила она: —я не..

— Надо было подумать объ этомъ ранѣе, — отвѣчалъ Исаакъ презрительнымъ тономъ:—а все, что ты говорила о моемъ сынѣ, нисколько тебѣ не поможетъ. Ты ввела его въ грѣхъ. Если бы не ты, онъ никогда бы не зналъ, что у насъ хранятся деньги. Ты увлекла его въ ту же бездну, куда толкнула и себя, и меня, и дѣтей. И ко всему этому ты еще пьяница и лгунья, а я жилъ съ тобою двѣнадцать лѣтъ. Я горько сожалѣю, что встрѣтился съ тобою и что у насъ дѣти. Ихъ, бѣдняжекъ, всю жизнь будутъ корить матерью-воровкой.

И онъ смотрѣлъ на нее все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ гнѣвомъ; въ глазахъ у него показался убійственный блескъ, и кулаки судорожно сжимались.

Онъ сознавалъ, что вмѣстѣ съ ней погибъ и самъ. Много лѣтъ онъ считался, благодаря своей трудолюбивой, нравственной жизни, однимъ изъ столбовъ христіанской вѣры въ Клинтонѣ. Сознаніе своего превосходства надъ другими такъ въѣлось въ него, что онъ не могъ помириться съ мыслью потерять общее уваженіе. Когда все откроется на судѣ, то никто не повѣритъ, что онъ не принималъ участія въ воровствѣ. Вѣдь онъ и его дѣти пили, ѣли, одѣвались на ворованныя деньги.

Бесси ничего не отвѣчала и не смотрѣла на мужа. Во всякое другое время она боялась бы его гнѣва, но теперь ее страшила только мысль о томъ, что ее поведутъ чрезъ все селеніе и запрутъ въ тюрьму, гдѣ она будетъ сидѣть одна, безъ дѣтей, безъ воздуха, всѣми презираемая.

Неожиданно она встала, вышла въ чуланъ и отворила тамъ дверь, выходившую въ садъ.

Извнѣ свирѣпствовала снѣжная буря, и все было скрыто подъ бѣлымъ саваномъ. Унылая луна смотрѣла словно изъза полога и тускло освѣщала селеніе вдали и маленькій садикъ передъ глазами Бесси. Среди этого садика виднѣлся каменный колодезь, который былъ очень глубокъ и въ которомъ Бесси, по своей обычной добротѣ, дозволяла черпать

воду сосѣдямъ во время засухи. По обѣимъ сторонамъ колодца торчали обнаженныя фруктовыя деревья, которыя казались черными палками на бѣломъ фонѣ.

Стоя на порогѣ и не обращая вниманія на порывы сильнаго вѣтра, Бесси смотрѣла прямо передъ собой. Въ хижинѣ Ватсона виднѣлся огонекъ, и хотя ей не видно было „Пестраго Оленя", но она знала, что въ эту самую минуту тамъ было много народа, и всѣ только и говорили о ней и объ Исаакѣ. Ея глаза быстро вернулись къ снѣгомъ покрытому колодцу и упорно остановились на немъ.

— Запри дверь,—громко послышался голосъ Исаака.

Она повиновалась и пошла назадъ въ кухню. Съ минуту или двѣ она ходила взадъ и впередъ, преслѣдуемая пристальнымъ мрачнымъ взглядомъ Исаака, взглядомъ не мужа, а врага. Неожиданно ей стало холодно, и она почувствовала усталость. Быстро отворивъ дверь, она пошла наверхъ съ цѣлью лечь и согрѣться.

Но, по дорогѣ, она завернула въ комнату дѣтей и долго сидѣла тамъ у кровати маленькаго Артура. Всѣ дѣти были перепуганы шумомъ въ кухнѣ и, прижавшись другъ къ другу, только тогда заснули, когда Исаакъ пошелъ къ Ватсону. Теперь они громко храпѣли. Бесси тихо смотрѣла на нихъ при свѣтѣ зажженнаго ею огарка, но не цѣловала ихъ и на глазахъ ея не было видно слезъ. Отъ времени до времени она быстро озиралась, какъ будто чувствовала странный шумъ.

Наконецъ, дрожа отъ холода, она пошла въ свою комнату. Тамъ она машинально сняла платье, словно хотѣла лечь въ постель, но остановилась, руки ея повисли какъ плети, и она нѣсколько времени стояла неподвижно. Потомъ она накинула себѣ на плечи старую шаль, взяла свѣчку и отправилась внизъ.

Исаакъ сидѣлъ въ той самой позѣ, какъ она его оставила: голова его поникла, руки лежали на колѣняхъ, а глаза были устремлены на догоравшіе уголья подъ очагомъ.

— Исаакъ!..

Онъ неохотно повернулъ голову и увидалъ, что она стоитъ на нижней ступени лѣстницы. Ея черные волосы падали на плечи; она такъ тяжело дышала, что шаль колебалась на ея груди; въ глазахъ ея виднѣлась жгучая печаль.

— Исаакъ, что же ты не идешь наверхъ?

Выведенный изъ себя этими словами, онъ глухо отвѣтилъ:

— Я не пойду наверхъ. Ступай вонъ!

Она вздрогнула.

— Развѣ ты будешь спать внизу, Исаакъ?

— Тебѣ до этого нѣтъ дѣла. Я больше тебѣ не мужъ: ступай вонъ; я не хочу имѣть женой воровку.

Но она не удалилась, а вошла въ кухню. Его слова такъ поразили ее, что она снова расплакалась.

— Исаакъ,—сказала она умоляющимъ голосомъ:—я хотѣла положить деньги обратно. Я хотѣла пойти въ Бедфордъ къ мистеру Гримстону, и онъ все устроилъ бы. Я стала бы работать черезъ силу и пополнила бы деньги. Все дѣло испортилъ твой сынъ. Но вѣдь и теперь еще можно вернуть деньги. Что ты тамъ ни говоришь, а вѣдь ты все-таки мой мужъ, Исаакъ. Ты можешь пойти къ Джону и къ Ватсону и сказать имъ, что всѣ деньги будутъ возвращены. Я пойду въ услуженіе, а Маріанна посмотритъ за дѣтьми. Пойди, Исаакъ, завтра утромъ къ Джону и къ Ватсону. Вѣдь имъ нужны только деньги. А вѣдь ты не допустишь, Исаакъ, чтобы меня посадили въ тюрьму?

Она съ трудомъ перевела дыханіе и отерла глаза концомъ своей шали. Но ея слова только болѣе бѣсили грубаго, суроваго Исаака. Какъ смѣла она думать, что онъ рѣшится прикрыть ея злодѣяніе и помѣшать правосудію. Онъ неожиданно вскочилъ съ сверкающими глазами и рѣзкой бранью на устахъ. Схвативъ стоявшую въ углу тяжелую палку, онъ бросился на Бесси.

Она убѣжала въ свою комнату и заперла дверь. Она слышала, какъ онъ болѣзненно застоналъ, кинулъ на полъ палку, сошелъ съ лѣстницы, на которую поднялся, и удалился въ кухню.

Прошло два часа, и въ несчастномъ домѣ царила мертвая тишина. Очутившись въ своей комнатѣ, Бесси упала на стулъ и въ продолженіе нѣкотораго времени находилась безъ памяти; но потомъ она очнулась, и, вмѣстѣ съ сознаніемъ, возникла снова передъ ней страшная картина, какъ ее разлучатъ съ дѣтьми и поведутъ въ тюрьму, среди презрительныхъ насмѣшекъ сосѣдей.

Но какъ это все случилось? Она рѣшительно понять не могла. Два дня передъ тѣмъ всѣ были ея друзьями, и жизнь ея была веселая, полная удовольствія. Правда, бывали минуты, когда совѣсть укоряла ее и до роковой минуты въ „Пестромъ

Оленѣ", но она всегда утѣшала себя тѣмъ, что Джонъ еще не скоро вернется, и она всегда успѣетъ пополнить недостающія деньги. Часто она давала себѣ слово не брать болѣе денегъ и если брать, то очень мелкія суммы; но потомъ, жажда удовольствій и развлеченій заставляла ее все забывать.

До послѣднихъ мѣсяцевъ она никогда не сознавала, что ея натура непремѣнно нуждалась въ забавахъ, въ обществѣ, а теперь она такъ привыкла къ сильнымъ ощущеніямъ, что не могла обойтись безъ нихъ. Сидя теперь въ темнотѣ и одиночествѣ, она жадно думала о тѣхъ часахъ, которые еще недавно проводила въ „Пестромъ Оленѣ", гдѣ было свѣтло и тепло, снаружи и внутри. Она такъ привыкла пить, что ее мучила жажда, и въ этотъ самый день, передъ приходомъ Джона, она не выдержала и пошла въ таверну, но у нея не было денегъ, и она не смѣла снова отпереть сундукъ, а потому, пошатавшись вокругъ „Пестраго Оленя", вернулась домой.

Теперь все было кончено—все кончено.

Обратившись въ бѣгство отъ разгнѣваннаго мужа, она забыла въ кухнѣ свѣчку, и ея комната освѣщалась только холоднымъ отблескомъ снѣга, покрывавшаго землю; но ей надо было во что бы то ни стало найти огня и написать письмо. Она долго искала и наконецъ нашла спички, которыя стала зажигать одна за другой. При ихъ слабомъ мерцаніи она вынула изъ комода стклянку съ чернилами, кусокъ бумаги и перо, а потомъ съ трудомъ написала нѣсколько строчекъ.

Засунувъ бумажку за рамку зеркала, она надѣла платье, хотя ея руки такъ застыли отъ холода, что едва слушались ее. Зубы ея стучали и она снова набросила себѣ на плечи старую шаль.

Снявъ сапоги и тихо, неслышно отперевъ дверь, она спустилась по лѣстницѣ внизъ. У нижней двери она остановилась: со всѣхъ сторонъ слышалось тяжелое дыханіе спавшихъ существъ.

Сердце ея сжалось отъ сознанія одиночества. Ея мужъ спалъ... Ея дѣти спали... А она?..

Странное, новое для нея чувство вдругъ овладѣло ею. Она вошла въ кухню и подошла къ стулу, на которомъ спдѣлъ ея мужъ, погруженный въ тревожный сонъ. Лампа догорала, но все-таки она могла ясно различить его фигуру. Она вытянулась во весь ростъ, гордо подняла голову и гнѣвно повела бровями, а глаза ея засверкали.

— Ну, прощай, Исаакъ,—сказала она тихимъ, но твердымъ голосомъ.

Она подошла къ наружной двери и отперла ее, не обращая вниманія на ея скрипъ.

— Исаакъ! Исаакъ!—громко воскликнула она и быстро выбѣжала въ садъ, покрытый снѣгомъ.

Разбуженный ея крикомъ, Исаакъ, только-что задремавшій, вскочилъ и бросился къ отворенной двери. Прямо передъ нимъ бѣжала какая-то темная фигура, и онъ видѣлъ, какъ она остановилась у колодца, открыла крышку и вскочила на край его.

Онъ побѣжалъ, сломя голову. Но было поздно. Громкій крикъ раздался среди ночной тишины, а когда Исаакъ достигъ до колодца и нагнулся надъ нимъ, то ему показалось, что онъ слышитъ тихій стонъ и плескъ воды. Потомъ все смолкло.

Онъ сталъ звать на помощь, и его голосъ достигъ до сосѣдней хижины, гдѣ старуха ухаживала за родильницей. Она разбудила своего зятя, и тотъ поднялъ на ноги другихъ сосѣдей.

Ватсонъ одинъ изъ первыхъ явился къ колодцу. Онъ, съ помощью товарищей, спустилъ Исаака, на веревкѣ, въ обмерзшій колодезь и вытащилъ его обратно съ утопленницей на рукахъ. Крикъ ужаса вырвался изъ груди всѣхъ присутствовавшихъ при видѣ блѣднаго, мертваго лица Бесси, съ кровавой раной на лбу отъ удара, полученнаго ею при паденіи въ колодезь.

Исаакъ внесъ ее въ кухню и положилъ передъ огнемъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, опустился онъ на колѣни передъ ней. Новая рана уничтожила всѣ слѣды удара, нанесеннаго его сыномъ. Какъ еще недавно она стояла тутъ и указывала на этотъ шрамъ!

Всѣ видѣли, что она была мертва и не было ни малѣйшей надежды возвратить ее къ жизни. Но, съ той безсмысленной нѣжностью, которую возбуждаетъ видъ смерти, каждый старался сдѣлать что-нибудь. Маріанна, блѣдная и безмолвная, быстро исполняла всѣ приказанія деревенскаго доктора. Другія женщины ей помогали, какъ умѣли. Конечно, если бы Бесси имѣла смѣлость остаться въ живыхъ, то онѣ переполнили бы чашу ея каръ, но такъ какъ теперь она нашла въ смерти свое единственное убѣжище, то онѣ сожалѣли ее.

Всѣ усилія были тщетны. Бесси хотѣла умереть и поставила на своемъ. Наконецъ, докторъ приложилъ ухо въ послѣд-

ній разъ къ холодной груди покойницы и объявилъ, что нечего болѣе дѣлать.

— Вышлите всѣхъ отсюда,—сказалъ онъ, обращаясь къ Маріаннѣ.

Ватсонъ помогъ очистить комнату и потомъ, вмѣстѣ съ Исаакомъ, снесъ бѣдную Бесси наверхъ въ спальню. За ними слѣдовалъ Джонъ, который также притащился со всѣми сосѣдями.

— Вамъ бы лучше, Джонъ, идти домой,—сказалъ Ватсонъ, съ сожалѣніемъ смотря на старика:—вы тутъ не можете ничего помочь.

— Я подожду Маріанну,—сказалъ старикъ дрожащимъ голосомъ.

И, прислонясь къ двери, онъ не спускалъ глазъ съ Маріанны, которая, хоть и плакала, но тотчасъ принялась съ другими женщинами за необходимыя приготовленія.

— Пойдемте,—сказалъ докторъ, положивъ руку на плечо Исаака:—когда кончатъ, насъ позовутъ.

Въ эту минуту Ватсонъ, окинувъ всю комнату опытнымъ взглядомъ, замѣтилъ бумажку, торчавшую въ рамѣ зеркала. А вотъ и письмо. Самоубійцы всегда оставляютъ письма.

Онъ подошелъ къ зеркалу, взялъ записку и передалъ ее Исааку. Тотъ провелъ рукой по глазамъ и, узнавъ почеркъ жены, молча сунулъ записку въ карманъ.

— Не уничтожайте ее,—сказалъ Ватсонъ:—ее спросятъ при слѣдствіи.

Мужчины спустились въ кухню: Ватсонъ и докторъ ушли, а Исаакъ и Джонъ остались вдвоемъ. Первый изъ нихъ подошелъ къ огню, который онъ развелъ въ надеждѣ согрѣть утопленницу, и, вынувъ изъ кармана записку, началъ ее читать.

„Исаакъ, ты злой мужъ, и мнѣ не остается другого исхода, какъ смерть. Я сначала не хотѣла сдѣлать никому вреда. Ну, да что объ этомъ говорить. Я не могу выносить твоихъ словъ и твоихъ взглядовъ и ни за что не хочу идти въ тюрьму. Страшно, что дѣти останутся безъ матери, и я не знаю, какъ со всѣмъ справится Артуръ; но ты не хотѣлъ сжалиться надо мной, а я не могу ничего придумать, кромѣ смерти. Я любила тебя и дѣтей, но меня одолѣла страсть къ вину. Береги дѣтей и не забудь, что надо посовѣтоваться съ докторомъ о глазахъ Эдди. Мнѣ очень жаль разставаться съ

вами со всѣми. Но что же дѣлать? Я хотѣла бы, чтобы ты поцѣловалъ меня, когда меня принесутъ мертвою, и сказалъ бы: Бесси, я тебя прощаю. Тебѣ вѣдь это все равно, а я, быть можетъ, услышу твой голосъ и успокоюсь. Прощай, Исаакъ. Твоя любящая жена Бесси".

Читая это письмо, Исаакъ чувствовалъ, что холодная желѣзная маска спадаетъ съ него. Онъ облокотился на печку и горько зарыдалъ. Человѣчное, безпомощное раскаяніе проснулось въ немъ.

Джонъ сѣлъ на диванъ и молча смотрѣлъ на Исаака. По временамъ его губы двигались, и онъ какъ будто хотѣлъ сказать что-то, но языкъ его не поворачивался, а, главное, умъ не работалъ. Онъ все еще предавался отчаянію отъ потерянныхъ денегъ, но къ этому отчаянію теперь примѣшивалось какое-то смутное подозрѣніе, что и онъ былъ виновенъ въ смерти Бесси.

— Исаакъ!—раздался наконецъ голосъ Маріанны на верху лѣстницы.

Исаакъ выпрямился, тяжело перевелъ дыханіе и пошелъ наверхъ. Джонъ послѣдовалъ за нимъ.

Маріанна отворила имъ дверь спальни. Женщины стояли по обѣ стороны кровати, на которой лежала покойница вся въ бѣломъ, съ скрещенными на груди руками. Ея голова и подбородокъ были закрыты бѣлой тканью, которая скрывала рану и, служа овальной рамкой для лица, придавала ему строгій, суровый видъ.

Исаакъ нагнулся къ ней. Была-ли это Бесси, заблуждавшаяся, увлекавшаяся, но человѣчная Бесси, которую онъ, какъ мужъ, могъ по своему желанію и терзать, и ласкать? Въ глубинѣ своего сердца онъ всегда смотрѣлъ на нее свысока и признавалъ за собою превосходство надъ ней, какъ мужчина надъ женщиной и христіанинъ надъ грѣшникомъ.

Но теперь онъ едва смѣлъ прикоснуться къ ней. Теперь она отличалась такимъ достоинствомъ и дышала такимъ гордымъ видомъ, что онъ не рѣшался смотрѣть на нее и чувствовалъ, что будетъ вѣчно помнить это, возбуждающее въ немъ укоры совѣсти, лицо. Но она просила, чтобы онъ ее поцѣловалъ, и онъ повиновался, а если онъ не произнесъ тѣхъ словъ, которыя она просила, то лишь потому, что не могъ говорить отъ волненія.

Онъ сѣлъ подлѣ кровати и продолжалъ молчать. Джонъ нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ, но онъ только нетерпѣливо моталъ головой. Наконецъ, присутствіе въ комнатѣ Джона, повидимому, приводило его въ ярость, и онъ сталъ бросать на него такіе мрачные, суровые взгляды, что Маріанна это замѣтила и уговорила Джона удалиться.

Она, конечно, пошла съ нимъ, но, уходя, бросала подозрительные взгляды на Исаака.

— Если за нимъ не присмотрѣть,—думала она,—то онъ пойдетъ той же дорогой, какъ его отецъ и дѣдъ. На него теперь страшно смотрѣть. Рано утромъ я сбѣгаю за пасторомъ Дрю.

Съ первыми лучами солнца поднялся Джонъ съ кровати, на которую уложила его за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Маріанна, умолявшая его лежать тихо и отдохнуть. Онъ надѣлъ сюртукъ, взялъ палку и вышелъ въ наружную дверь, которую оставила отворенной Маріанна, отправившаяся за хлѣбомъ. Онъ остановился на порогѣ и сталъ смотрѣть по сторонамъ.

Буря прошла, и выпавшій снѣгъ медленно таялъ. Солнце сіяло изъ-за отдаленныхъ горныхъ вершинъ, и въ воздухѣ пахло весной. Джонъ поникъ головой: горькія мысли переполнили его голову, и мрачное отчаяніе овладѣло его сердцемъ. Что будетъ теперь съ нимъ, старымъ, безпомощнымъ бѣднякомъ? Ужасная сцена смерти Бесси уже болѣе не стушевывала его личнаго горя и даже перестала охранять покойницу отъ его ненависти.

Маріанна вернулась домой съ кувшиномъ молока и хлѣбомъ. Ея маленькое лицо носило слѣды усталости и заботъ, но, увидавъ Джона, она улыбнулась и подбѣжала къ нему.

— Зачѣмъ вы вышли? Я подала бы вамъ завтракъ въ постель.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, а потомъ на молоко и хлѣбъ. Слезы выступили на его глазахъ.

— Мнѣ нечѣмъ заплатить вамъ за это,—сказалъ онъ,—нечѣмъ заплатить.

Маріанна побранила его своимъ мягкимъ, но дрожащимъ голосомъ и тихо ввела въ кухню, гдѣ посадила къ печкѣ. Сама она развела огонь и заставила его поѣсть.

— Джонъ, — сказала она затѣмъ, подходя къ нему и кладя руку на его плечо,—Джонъ, вы не будете нуждаться

ни въ чемъ, пока я живу. Я обѣщала Элайзѣ не забывать васъ никогда, и я не забуду. Я могу еще работать и всегда могу достать работы вдоволь; можетъ быть, вы, когда оправитесь, будете въ состояніи мнѣ помогать. Какъ-нибудь мы проживемъ. Но, Джонъ,—прибавила она со слезами на глазахъ,—вы простите Бесси и никогда въ моемъ домѣ не будете говорить грубо о ней.

Джонъ положилъ обѣ руки на столъ и закрылъ ими свое лицо. Онъ не могъ еще простить Бесси, не могъ благодарить Маріанну. Онъ просто умаялся и хотѣлъ спать, но, мало-помалу, слыша шаги Маріанны, принявшейся хлопотать по хозяйству, и сознавая присутствіе этой доброй женщины, онъ сталъ ощущать, что сердце его таетъ. Онъ всегда былъ слабымъ, зависѣвшимъ отъ другихъ существомъ, не смотря на свое трудолюбіе и на отложенныя на черный день деньги. Теперь же онъ, конечно, долженъ былъ еще болѣе ослабѣть, еще болѣе зависѣть отъ другихъ. Но зато и онъ нашелъ добрую женщину, на которую могъ смѣло положиться, хотя когда-то онъ презиралъ ее, какъ скромное, ничего незначащее, существо. Его раны начали медленно закрываться.

Между тѣмъ, въ другой хижинѣ, неподалеку, пасторъ Дрю боролся съ Исаакомъ за его душу. Но, по его собственному сознанію, всѣ его усилія оставались безуспѣшными. Человѣкъ, отказавшійся простить свою жену, съ ужасомъ отворачивался отъ небеснаго милосердія и даже не хотѣлъ объ этомъ говорить. Душа Исаака Костреля была странная, пробиравшаяся ощупью, но тѣ, кто называлъ его лицемѣромъ, зло ошибались.

Въ послѣдующіе годы, за исключеніемъ тѣхъ частыхъ минутъ, когда онъ подвергался припадкамъ меланхоліи, Исаакъ находилъ снова утѣшеніе въ религіозныхъ стремленіяхъ и самоуниженіи. Нельзя было бы человѣку жить на свѣтѣ, если бы не было вокругъ него тѣхъ силъ, которыя могутъ поддерживать его, залѣчивая раны, нанесенныя себѣ имъ самимъ. Горе возбуждаетъ состраданіе и любовь къ несчастнымъ, а эти благотворныя чувства поддерживаютъ надежду, озаряющую своимъ свѣтомъ сознаніе грѣха и раскаяніе, и дозволяющую намъ терпѣливо переносить всѣ трагедіи человѣческой судьбы.

КОНЕЦЪ.

ПОДЪ ПРАЗДНИКЪ.

I.

— Ну, иди, иди, идоленокъ, голову оторву!.. змѣиное отродье...—разнеслось въ морозномъ вечернемъ воздухѣ.

Грязный, всклокоченный, съ головы до ногъ пропитанный угольной пылью, шахтеръ съ озлобленной торопливостью и угрозой во всей фигурѣ, пожимаясь отъ холода, шагалъ въ башмакахъ на босу ногу по снѣгу, чернѣвшему отъ угля, за подросткомъ лѣтъ двѣнадцати, торопливо уходившимъ впереди него.

Мальчикъ тоже былъ черенъ, какъ эфіопъ, оборванъ и тоже мелькалъ босыми ногами въ продранныхъ башмакахъ. Онъ ежеминутно оглядывался, съ ажитаціей махая руками, и своей физіономіей, и всѣми движеніями выражая самый отчаянный протестъ.

— Не пойду, тятька, не буду работать, пусти... что-жъ это, всѣмъ праздникъ, одинъ я... пусти, не буду работать...— упрямо и слезливо твердилъ онъ, въ то же время торопясь и припрыгивая то бокомъ, то задомъ, чтобы сохранить безопасное разстояніе между собой и своимъ спутникомъ.

— Ахъ ты, идолъ! Вотъ, прости, Господи, навязался на мою душу грѣшную!

И оба они продолжали торопливо идти по чернѣвшей дорогѣ, огибая насыпанныя груды угля, запорошеннаго снѣгомъ.

Морозный воздухъ былъ неподвиженъ, прозраченъ и чистъ. Послѣдній холодный отблескъ зимней зари потухалъ на далекихъ облакахъ, и уже зажигались первыя звѣзды, ярко мерцая въ синѣвшемъ небѣ. Морозъ кусалъ за щеки, за носъ, за уши, за голыя ноги. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, а кру-

гомъ стояла та особенная тишина, которая почему-то обыкновенно совпадаетъ съ кануномъ рождественскихъ праздниковъ. Темныя окна въ домахъ засвѣтились, маня теплomъ и уютностью семейнаго очага.

Впереди изъ-за громадной сложенной въ штабели груды угля показалось угрюмое кирпичное зданіе съ высокой, неподвижно чернѣвшей на ясномъ небѣ трубой. Изъ дверей выходили шахтеры и кучками расходились по разнымъ направленіямъ, спѣша въ бани.

Мальчикъ первый вбѣжалъ по ступенямъ на крыльцо и, обернувшись и выражая всей своей фигурой отчаянную рѣшимость, сдѣлалъ послѣднюю попытку сопротивленія:

— Не пойду, не пойду... Что это, отдыху нѣтъ... всѣмъ праздникъ...

Но, какъ только отецъ сталъ подыматься на крыльцо, мальчишка юркнулъ въ двери. Шахтеръ послѣдовалъ за нимъ.

Они очутились въ громадномъ темномъ помѣщеніи, гдѣ смутно виднѣлись гигантскія машины, валы, приводные ремни и цѣпи. Это было помѣщеніе, откуда спускались въ шахту. Тутъ же находилась и контора. Возлѣ нея толпилась послѣдняя кучка рабочихъ, спѣшившихъ поскорѣй получить разсчетъ и отправиться въ баню, а нѣкоторые—прямо въ кабакъ. Праздники, полная свобода, возможность пользоваться воздухомъ, солнечнымъ свѣтомъ, вся надземная обстановка, отъ которой такъ отвыкаютъ за рабочее время, и предстоящій трехдневный разгулъ и пьянство клали особенный отпечатокъ оживленнаго ожиданія на ихъ сѣрыя лица.

Шахтеръ подошелъ къ конторкѣ.

— Иванъ Ивановичъ, пиши маво парнишку къ водокачкѣ. Нѣча ему зря баловать.

Человѣкъ въ широкомъ нанковомъ пиджакѣ, съ лицомъ старшаго приказчика или надсмотрщика, поднялъ голову, холодно и безучастно поглядѣлъ на говорившаго и наклонившись опять сталъ писать что-то.

Мальчикъ стоялъ, отвернувшись отъ конторки и упорно глядя въ окно. Острое напряженіе пассивнаго сопротивленія прошло. Три дня рождественскихъ праздниковъ онъ проведетъ въ шахтѣ. Дѣло было кончено и поправить было нельзя. Тоска и отчаяніе щемили ему сердце. Губы его дрожали, онъ

щурился, хмурилъ брови, стараясь побороть себя и глотая неудержимо подступавшія дѣтскія слезы. Отецъ тоже стоялъ, дожидаясь, когда отпуститъ конторщикъ.

Черный, съ шапкой спутанныхъ волосъ и угрюмымъ видомъ, шахтеръ, дожидавшійся разсчета у конторки, безучастно оглядѣлъ говорившаго, мелькомъ глянулъ изъ-подъ насупленныхъ бровей на мальчика, досталъ кисетъ, медленно скрутилъ цыгарку, послюнилъ ее и сталъ набивать, не спѣша и аккуратно подбирая трубочкой съ широкой, черной, мозолистой ладони корешки.

— Что мальчишку-то неволишь? — равнодушно проговорилъ онъ, отряхая остатки засѣвшаго между пальцами табаку.

— Не я неволю, нужда неволитъ; все недостача да недохватки. Тоже трудно стало, тонсь до того трудно—слѣдовъ не сослѣдишь,—и онъ махнулъ рукой и сталъ разсказывать, какъ и съ чего у него пошло все врозь и стало трудно.

Шахтеръ, молча съ такимъ же сосредоточеннымъ, нахмуреннымъ лицомъ и не слушая, что ему говорилъ собесѣдникъ, закурилъ. Бумага на мгновеніе ярко вспыхнула, освѣтивъ стоявшихъ возлѣ рабочихъ, и изъ темноты на секунду выступили неподвижныя, точно отлитыя изъ сѣраго чугуна, черты и огромные бѣлые, какъ у негра, бѣлки глазъ.

— На малую водокачку въ галлерею номеръ двѣнадцать которые?—проговорилъ, повышая голосъ, конторщикъ.

Рабочіе молчали, оглядываясь другъ на друга.

— Ну, кто же? Тутъ Финогеновъ записанъ.

— Здѣсь,—проговорилъ чей-то хриплый голосъ, и оборванецъ, съ которымъ жутко было бы повстрѣчаться ночью, показался въ полумракѣ наступившихъ сумерокъ. Опухшее, оплывшее, заспанное сердитое лицо, сиплый голосъ свидѣтельствовали о безпросыпномъ пьянствѣ.

— Чего же молчишь? Бери мальчишку да спущайся, ждутъ вѣдь смѣну.

Оборванецъ покосился на мальчика.

— Что суете-то мнѣ пометъ этотъ! Чего мнѣ съ нимъ дѣлать?..

— Ну, ну, иди, иди, не разговаривай.

— Иди!.. Самъ поди, коли хочешь. Вамъ подешевле бы

все...—и онъ грубо сквернымн словами выругался и пошелъ къ срубу, уходившему сквозь полъ въ глубину земли.

Мальчикъ молчаливо и безнадежно послѣдовалъ за нимъ. Они подошли къ четырехугольному прорѣзу въ срубѣ и влѣзли въ висѣвшую тамъ на цѣпяхъ клѣтку. Машинистъ въ другомъ отдѣленіи пустилъ машину; цѣпи по угламъ, гремя и визжа звеньями, замелькали внизъ, и клѣтка скрылась во мракѣ, оставивъ за собой зіяющее четырехугольное отверстіе.

Когда клѣтка исчезла, и на томъ мѣстѣ, гдѣ за минуту былъ мальчикъ, остался темный провалъ, рабочій въ башмакахъ почесалъ себѣ поясницу и повернулся къ угрюмому шахтеру:

— Кабы не хозяйка заболѣла; жалко мальчишку — тоже хочется погулять.

Тотъ ничего не отвѣчалъ, стараясь докурить до конца корехи, и потомъ повернулся къ конторкѣ получать разсчетъ.

II.

Клѣтка нечувствительно, но быстро шла внизъ, и лишь цѣпи переливчато и говорливо бѣжали съ вала.

Мальчикъ неподвижно сидѣлъ, упорно глядя передъ собой въ темноту. Имъ овладѣло то молчаливо-сосредоточенное угрюмое состояніе, которое охватываетъ рабочаго, какъ только его со всѣхъ сторонъ обступитъ мракъ и неподвижная могильная тишина шахты. Онъ слышалъ затрудненное сиплое дыханіе своего товарища, слышалъ, какъ тотъ кашлялъ, ворочался, харкалъ, плевалъ возлѣ него, приговаривая въ промежуткахъ ругательства, и чувствовалъ, что онъ не въ духѣ, золъ съ похмелья и отъ предстоящей перспективы провести праздники за работой въ шахтѣ.

А тотъ дѣйствительно былъ золъ на себя, на сидѣвшаго съ нимъ рядомъ мальчика, на его отца, на конторщика, на правленіе, на весь свѣтъ. Да и въ самомъ дѣлѣ трудно, вѣдь, послѣ непрерывной двухнедѣльной гульбы, попоекъ, пріятной, беззаботной обстановки трактира, гостинницъ, веселыхъ домовъ, кабака,—отправляться въ холодную, сырую шахту въ то время, какъ другіе какъ разъ собираются все позабыть въ безшабашной, захватывающей гульбѣ и попойкѣ. Не идти

же въ шахту не было никакой физической возможности: все, начиная съ заработанныхъ тяжкимъ трудомъ денегъ, кончая сапогами, платьемъ, шапкой, бѣльемъ, все было пропито, все было заложено, перезаложено, вездѣ, гдѣ только можно было взять въ долгъ, было взято подъ громадные проценты, и теперь нечего было ни ѣсть, ни пить, не въ чемъ было показаться на улицу и ничего не оставалось больше, какъ скрыться отъ глазъ людскихъ въ глубинѣ шахты, утѣшаясь лишь мыслью, что за эти дни идетъ плата въ двойномъ размѣрѣ. Такіе, какъ Егорка Финогеновъ, до тла пропившіеся рабочіе,—кладъ горнопромышленнику, потому что въ шахтѣ необходимо всегда имѣть извѣстный контингентъ рабочихъ,—иначе ее можетъ залить; шахтера же ни за какія деньги не удержать въ такой праздникъ, какъ Рождество, подъ землей.

Клѣтка дрогнула, остановилась. Рабочій и его подручный выбрались изъ нея на площадку. Красные огни лампъ, колеблясь, дымили среди густаго нависшаго надъ самой головой мрака. Къ подъему торопливо подходили запоздавшіе рабочіе. Гулко катились послѣдніе вагончики, и изъ мрака одна за одной выставлялись лошадиныя морды. Конюхъ торопливо отпрягалъ и отводилъ лошадей въ конюшню: имъ тоже предстоялъ трехдневный рождественскій отдыхъ.

Финогеновъ зажегъ лампу, сдѣлалъ папиросу, закурилъ и сталъ глубоко и съ разстановкой затягиваться, чтобъ еще хоть немного оттянуть время: и у него сосала подъ сердцемъ тоска одиночества, отрѣзанности и тяжелаго сознанія, что приходится провести праздники не „по-людски“.

— Что, Егорка, али облетѣлъ?—проговорилъ, подходя съ дымившей надъ самой землей на длинной проволокѣ лампой, приземистый рабочій, оскаливая бѣлые зубы.

— Дочиста, какъ есть,—небрежно, прибавляя за каждымъ словомъ брань, проговорилъ Егоръ, дѣлая особенный беззаботный жестъ,—что, дескать, мы погуляли всласть, а остальное все трынъ-трава, и въ то же время чувствуя у себя за спиною эти молчаливые проходы, что неподвижно ждали его въ темнотѣ.

— Эй, кто тамъ, садись что-ль,—крикнулъ штейгеръ, стоя возлѣ отверстія уходившаго вверхъ колодца.

Разговорившій съ Егоркой рабочій подбѣжалъ, торопливо усѣлся въ клѣтку вмѣстѣ съ штейгеромъ и другими по-

дымавшимися наверхъ рабочими. Тронулись цѣпи по угламъ, клѣтка быстро пошла вверхъ и черезъ секунду скрылась во мракѣ.

Егоръ и мальчикъ остались одни.

— Ну, иди, что-ли, что ротъ-то разинулъ,—злобно крикнулъ Финогеновъ на мальчика, точно тотъ былъ виноватъ во всемъ.

И они пошли среди молчанія и мрака, согнувшись и наклонивъ голову, чтобъ не убиться о балки, поддерживавшія лежавшіе сверху пласты. Ноги скользили по мокрой, выбитой колеѣ, и острые камни, выступая изъ мрака, проходили у самаго лица. Торопливо бѣжавшій съ фитиля лампы красными языками огонь изо всѣхъ силъ старался разгорѣться и освѣтить, ярко и разомъ, эти глухія, таинственныя мѣста и лица молчаливо шедшихъ куда-то людей; но со всѣхъ сторонъ угрюмо и безпрерывно надвигалась такая густая непроницаемая мгла, что обезсиленный огонь, колеблясь, маленькимъ дрожащимъ кружкомъ съ усиліемъ озарялъ путь лишь у самыхъ ногъ и бѣжалъ въ эту неподвижную тьму клубами удушливаго, ѣдкаго дыма.

На поворотахъ, Финогеновъ на минуту пріостанавливался, припоминая дорогу, и опять, согнувшись и слабо посвѣчивая изъ-за себя лампой, шелъ все дальше и дальше, не обмѣниваясь ни однимъ словомъ съ торопливо поспѣвавшимъ за нимъ мальчикомъ, да имъ не о чемъ было и говорить. Они прошли уже около двухъ верстъ, и стало сказываться утомленіе. Галлерея понижалась, становилась уже, тѣснѣе, сводъ нависалъ надъ головой все ниже и ниже, и обоимъ приходилось еще больше гнуться.

Шедшій сзади Сенька раза два больно ударился о выдававшіеся угломъ изъ свода камни и все чаще сталъ спотыкаться, тяжело дыша и хватаясь за холодныя, мокрыя стѣны. Ужъ онъ теперь не думалъ ни о праздникѣ, ни о сѣмечкахъ, ни о шумномъ говорѣ и веселью гостинницъ и трактира съ покрывавшимъ ихъ мѣднымъ звономъ тарелокъ, бубенчиковъ, ударами барабана и ревомъ огромныхъ трубъ „машины“. Яркія картины праздничнаго веселья были подавлены усталостью и напряженіемъ.

„Хоть бы дойти скорѣй“,—и онъ напряженно вслушивался, не слыхать-ли впереди дожидавшихся ихъ рабочихъ.

Но изъ-за гробовой тишины лишь слышались глухіе, усталые шаги по неровному скользкому камню, да всплески холодной воды, когда нога попадала въ лужу.

И они продолжали идти среди холода, сырости и молчанія подземной галереи.

— Никакъ качаютъ?— вдругъ проговорилъ Финогеновъ.

Оба остановились и чутко стали вслушиваться. Изъ мрака доходили какіе-то странные, однообразные, унылые звуки человѣческаго голоса, монотонно и печально повторявшаго одно и то же, а въ промежуткахъ, что-то, всхлипывая и захлебываясь, съ усиліями судорожно тянуло въ себя воду, и вода хлопала и всасывалась куда-то и потомъ сочилась тоненькой струйкой.

„...тридцать два... тридцать три... тридцать четыре...“— доносилось оттуда медленно, тоскливо, съ паузами.

— Здѣся,—проговорилъ Сенька, и оба пошли впередъ.

Вѣроятно, *тамъ* во мракѣ увидѣли красноватый огонь ихъ лампочки, потому что перестали считать и прекратились эти захлебывающіеся, всхлипывающіе звуки. Но Егору и Сенькѣ ничего не было видно—ни огня, ни людей. И только, когда они совсѣмъ подошли и Егоръ поднялъ свою лампу, они увидѣли двухъ, смутно выступавшихъ изъ мрака шахтеровъ, поблескивавшую внизу воду и рукоять небольшой помпы.

И Сенька, и Егоръ ощутили нѣкоторое облегченіе, почувствовавъ присутствіе людей и то, что, наконецъ, добрались до мѣста и не надо больше гнуться и спотыкаться среди темноты.

Шахтеры, молча, не говоря ни слова, стали собираться: достали и зажгли свою лампу, вытрусили изъ башмаковъ набившійся туда мелкій уголь и насунули на головы по кожаной круглой шапкѣ для защиты отъ камней.

— Что долго?—проговорилъ угрюмо одинъ изъ нихъ.

— Да далѐче. Тоже пока собрались да дошли, а тамъ конторщикъ позадержалъ,—равнодушно отвѣтилъ Егоръ, безпечно присаживаясь на корточки и начиная крутить цыгарку. Но, посидѣвъ немного и какъ будто сообразивъ что-то, онъ вдругъ заговорилъ быстро и сердито:—Долго! а кабы совсѣмъ не пришли? Люди теперича праздникъ встрѣчаютъ, все чесь чесью, а мы вонъ сюда пёрлись, несла насъ нечистая сила! Вы-то вонъ завтра натрескаетесь, а ты сиди тутъ да гни спину... черти, право...

— Да ты чего лаешься? Никто тебя не тянулъ, самъ пришелъ; пра дуракъ, чйсто дуракъ!

— А то долго ему! А кабы совсѣмъ не пришли? Вамъ бы только нажраться, а ты хоть сдыхай...—и Егоръ торопливо и въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ старался излить все свое огорченіе и досаду.

— Да будетъ вамъ,—проговорилъ другой шахтеръ, взялъ лампочку, и они, согнувшись, отправились въ ту сторону, откуда только-что пришли Егоръ и Сенька.

Съ минуту красноватый огонь ихъ лампочки мелькалъ въ темнотѣ, становясь все меньше, пока не пропалъ свѣтлой точкой въ глубинѣ мрака. Звукъ шаговъ стихъ, Егоръ и Сенька снова остались одни, и имъ стало опять одиноко, холодно и скучно.

Егоръ торопливо докурилъ папироску, подрядъ затянувшись нѣсколько разъ.

— Ну, вотъ что, Сенька,—заговорилъ онъ, швырнувъ въ воду зашипѣвшій тамъ окурокъ,—становись ты спервоначалу и качай, да считай—сколько разовъ качнешь; какъ досчитаешь сто разовъ, шумни мнѣ, а я маленько сосну. Да не бреши, смотри, я прислуховаться буду, а то голову оторву, ежели присчитывать станешь лишнее.

— Дяденька, а ты долго не спи, а то я замучаюсь,— проговорилъ Сенька, которому жутко было оставаться одному.

— Ладно, я трошки засну, усталъ, а тогда я буду качать, а ты отдохнешь.

И Егорка потушилъ лампу. Рабочіе отъ себя держали освѣщеніе, и поэтому работали въ потьмахъ, чтобы съэкономить освѣтительный матеріалъ. Слышно было, какъ онъ ощупью пробрался до находившагося тутъ же, возлѣ, мѣста выработки, поворочался и повозился на кучѣ ссыпаннаго мелкаго угля.

— А впрочемъ, не буди меня, я лишь трошки вздремну, а какъ откачаешь свое, я самъ проснусь. Гляди же, не кидай водокачки, а то взлупку дамъ,—донеслось до Сеньки изъ темноты, и потомъ все стихло.

Сенька нагнулся, пошарилъ, нашелъ ручку помпы и, сдѣлавъ усиліе, качнулъ. Поршень скользнулъ по трубѣ, всхлипнулъ и, всасывая, потянулъ за собой воду, и черезъ секунду стало слышно: тоненькая струйка неровно и прерываясь побѣжала въ жолобъ.

*

— Ра-азъ,—проговорилъ Сенька, чувствуя, какъ пробирается къ нему сквозь дыры башмаковъ холодная вода, и его голосъ одиноко и странно прозвучалъ въ стоявшей вокругъ темнотѣ.

И Сенька сталъ качать, ничего не различая передъ собой, и поршень разъ за разомъ сталъ ходить вверхъ и внизъ вслѣдъ за ручкой помпы, всхлипывая и забирая воду.

Работа казалась нетрудной и шла легко и свободно. Сенькой овладѣло состояніе, подобное тому, какое испытываетъ привычный къ дальнимъ дорогамъ конь, когда онъ вляжетъ въ хомутъ и тронется, помахивая слегка головой, зная, что долго придется идти этой мѣрной, неспѣшной поступью. Онъ позабылъ все, что волновало его сегодня и что осталось *тамъ*, позади, и мѣрно качалъ и считалъ вслухъ, какъ будто въ этомъ счетѣ и заключалась вся суть и необходимость его пребыванія здѣсь, въ сырой, холодной, непроницаемой мглѣ. Впрочемъ, онъ это дѣлалъ еще и затѣмъ, чтобы подавить жуткое ощущеніе одиночества и нароставшаго неопредѣленнаго страха. Таинственное молчаніе и тьма все время неподвижно стояли вокругъ, зловѣще дожидаясь, чтобы незамѣтно обнаружить передъ нимъ что-то ужасное и пока скрываемое. Сенька не представлялъ себѣ ясно, что *это* было, но постоянно чувствовалъ *его* присутствіе. Сейчасъ вотъ отъ него за этой мглой начинались проходы. Они тянулись невѣдомо куда, и, Богъ знаетъ, что теперь творилось тамъ. Сенька былъ одинъ и одинъ могъ сознавать окружающее, и оттого, то, что происходило *тамъ*, принимало особенный, таинственный характеръ, имѣвшій именно къ нему какое-то отношеніе.

Иной разъ онъ сбивался со счета и, спохватившись, торопливо и наобумъ останавливался на какой-нибудь цыфрѣ и опять начиналъ ровно и монотонно считать, и опять на него надвигались молчаніе и тьма, и въ проходахъ снова начиналась возня. Что-то неуловимое, измѣнчивое и слѣпое то волновалось во мракѣ, мѣняло очертанія, заполняя собою все пространство, то свертывалось, оставляя попрежнему безжизненную пустоту и мертвое молчаніе. И особенно ужасно было то, что *тамъ* отлично понималось, что онъ громко считаетъ и сосредоточенно качаетъ помпу лишь для того, чтобы скрыть все больше охватывающій его страхъ; и чудилась насмѣшливо сѣлѣвшая впотьмахъ улыбка и беззвучный, непарушавшій

мертваго молчанія смѣхъ. А онъ продолжалъ качать, ему становилось тѣсно, трудно дышать, и потъ каплями падалъ со лба; руки и ноги занѣмѣли и отламывались, — онъ уже давно просчиталъ за сто.

Вода все прибывала. Помпа съ необыкновеннымъ трудомъ, захлебываясь, вздрагивая отъ судорожныхъ усилій, тянула тяжелую, какъ жидкій свинецъ, воду, и въ промежуткѣ слышалось чье-то прерывистое дыханіе.

А кругомъ было все то же; мракъ рѣдѣлъ, разрываясь, принималъ неопредѣленныя формы и шевелился. Сенька закрылъ глаза и работалъ съ закрытыми глазами, но это было еще страшнѣе. „О, Господи... да воскреснетъ Богъ...“—и подъ низко нависнувшимъ сводомъ печально пронесся вздохъ

Время уходило, башмаки уже стояли въ водѣ, и помпа, медленно и рѣдко, точно при послѣднемъ издыханіи, подымала и опускала поршень.

„Зальетъ...“ Онъ сдѣлалъ послѣднее, отчаянное усиліе, налегъ на рукоять. Поршень прошелъ донизу, чмокнулъ, засосалъ, подергался и остановился: Сенька не могъ больше качать.

И тогда произошло нѣчто дикое и безобразное.

— Дяденька... не въ моготу работать...—пронесся среди прекратившейся работы помпы и наступившей гробовой тишины чей-то странный, совершенно незнакомый Сенькѣ, голосъ.

— Ххa-ха-хх... гоооггоо... моготу-у-у... — донеслось до него отовсюду глухо и насмѣшливо.

Мракъ заклубился и все заволновалось въ необузданной дикой радости. Сенька сидѣлъ посреди этого содома на корточкахъ въ водѣ и плакалъ безпомощными дѣтскими слезами. Онъ боялся идти искать Егора, да, можетъ быть, его здѣсь уже совсѣмъ и не было.

— Дя-адя Егоооръ...

— О-оооо... ух-ух... ух...—отдавалось глухо и подавленно.

Онъ до того былъ одинокъ и безпомощенъ, что хуже того, что теперь дѣлалось кругомъ, не могло быть, и онъ уже не пытался выйти изъ своего положенія и отдался на произволъ судьбы: „все равно“. Вода подымалась все выше и выше, и мокрые штаны липли къ тѣлу.

Онъ не зналъ, сколько прошло времени, пока голосъ съ того свѣта не проговорилъ:

— Ну, чего воешь, сволочь? Воды-то сколько нашло!— Крѣпкая затрещина по уху Сенькѣ мгновенно разогнала весь этотъ дикій, творившійся вокругъ него кавардакъ.

Сенька такъ обрадовался, какъ будто очутился на поверхности и ему объявили, что онъ можетъ праздновать. Кто-то возлѣ него поплевалъ въ руки, и помпа заработала часто и сильно, правда, всхлипывая, но теперь не такъ, какъ у Сеньки: видимо ей не давали разжалобиться.

— Чего же стоишь? ступай.

— Дай спичку.

— Но!.. Дамъ спички портить!

— Темно.

— Найдешь. По надстѣнкой, а тамъ направо.

Сенька побрелъ въ темнотѣ по проходу: ни безглазаго, ни слѣпаго ничего уже не было, за исключеніемъ холода и сырости. Эхо отдавалось глухо и обыкновенно. Онъ добрался до „лавки“, — мѣсто выработки угля, — гдѣ можно было передвигаться только на корточкахъ или на колѣняхъ, и сталъ ощупью шарить руками по водѣ, по липкой угольной грязи, пока не нашелъ насыпанную кучу мелкаго угля.

Сенька забрался и улегся тутъ. Уголь понемногу раздался, принимая формы вдавившагося въ него тѣла. Сенька досталъ изъ-за пазухи кусокъ слипшагося отъ сырости чернаго хлѣба и сталъ ѣсть. Кусочки соли и угольная пыль хрустѣли на зубахъ, и слипшійся мякишъ разжевывался, какъ тѣсто. Руки, ноги, спина ныли тупо и упорно, не обращая вниманія на то, что онъ теперь отдыхалъ.

Сенька доѣлъ хлѣбъ, перекрестился. „Кабы теперь въ баню“,—подумалъ онъ, свернулся клубочкомъ, руки заложилъ между колѣнями, колѣни придвинулъ къ самому подбородку, подвигалъ плечами, чтобы глубже уйти въ уголь, и сталъ дожидаться, чтобы пришелъ сонъ.

III.

Сонъ пришелъ, и стало ему сниться все то, чего ему такъ страстно хотѣлось. Стало ему сниться, будто онъ на поверхности; кругомъ идетъ шумъ и гомонъ праздничнаго веселья. Онъ идетъ по улицѣ; снѣгъ ослѣпительно свер-

каетъ на солнцѣ; мимо скачутъ, обгоняя другъ друга и звеня бубенцами, катающіеся. Потомъ онъ очутился въ банѣ и никакъ не можетъ снять съ себя башмаковъ: они примерзли у него къ ногамъ. Пока онъ возился съ ними, оказалось, что это не баня, а трактиръ; хоть и странно немного было, что въ трактирѣ валялись шайки, по полу стояли лужи воды, а съ потолка и со стѣнъ капало, это, однако, не нарушало общаго веселаго и оживленнаго впечатлѣнія, которое связывалось всегда съ представленіемъ гостинницы и трактира. Говоръ, шумъ, звонъ, веселыя, красныя, потныя лица сквозь синѣвшіе слои табачнаго дыма странно смѣшивались въ одно смутное, невязавшееся ощущеніе съ холодомъ, сыростью, всюду сочившейся водой. Сенька старался разобраться въ этомъ хаосѣ, и стала у него кружиться голова: онъ сталъ пьянѣть. Какъ это всегда бывало, когда онъ выпивалъ водки, ему захотѣлось похвастаться передъ другими, показать, что онъ въ пьяномъ видѣ такой же, какъ и настоящіе взрослые шахтеры: неодолимое желаніе шумѣть и буянить охватило его. Среди дыма, хохота, брани, несмолкаемаго пьянаго шума, тяжелой сгущенной атмосферы спирта и испареній человѣческаго тѣла онъ оралъ и ругался во все горло скверными словами.

Тогда его подхватили и насильно стали запихивать въ ту трубу, откуда помпой качали воду: онъ съ ужасомъ видѣлъ эту черную дыру, сопротивлялся, раскорячивалъ ноги и ничего не могъ сдѣлать. Тогда остервенѣніе напало на него: „душегубы проклятые!..“ — и онъ сталъ отчаянно защищаться, визжалъ, брыкался, кусалъ; безсильныя слезы злобы и отчаянія бѣжали у него по лицу. Отецъ тоже помогалъ упрятывать его въ трубу и, когда увидѣлъ, что съ нимъ никакъ не справятся, изо всѣхъ силъ ударилъ его по лицу. Кровь показалась изъ разбитаго рта и носа, и Сенька, какъ снопъ, повалился на холодный полъ. Его поволокли.

Волна опьянѣнія, все застилая, набѣжала; въ головѣ спуталось, кругомъ потемнѣло; все какъ будто отодвинулось, ушло куда-то, и могильная тишина и сырость воцарились вокругъ, и опять слабо стали доходить хлюпающіе, прерывистые звуки, точно кто-то судорожно и безнадежно, стараясь подавить себя, всхлипывалъ и плакалъ, и тоска, холодная, сосущая, проникала въ его сердце отъ этихъ звуковъ. Онъ старался понять и

припомнить эти звуки, но отъ усилій потерялъ ощущеніе ихъ, и опять почувствовалъ, что его волокутъ по полу.

— Ну, ты, дьяволенокъ, вставай!

Струя свѣжаго воздуха охватила его. Кто-то больно пнулъ его каблукомъ въ бокъ; онъ хотѣлъ подняться, но при всѣхъ усиліяхъ не могъ. Холодный снѣгъ бѣлѣлъ у самаго лица. Кругомъ шумѣли и ругались, и онъ слышалъ надъ собой голоса, чувствовалъ, какъ его толкали и трясли; хотѣлъ крикнуть, чтобъ его не били, что онъ хочетъ встать и не можетъ, но ни одного звука не выходило изъ его груди, и только голова трепалась во всѣ стороны. Тогда кто-то взбѣшенный подбѣжалъ къ нему, наклонился и ударилъ ногой въ животъ. Боль захватила дыханіе, онъ застоналъ и... проснулся.

Непроглядный мракъ стоялъ угрюмо и безучастно; холодомъ и сыростью безнадежно вѣяло отовсюду. Впотьмахъ ругался Егорка и тыкалъ его кускомъ угля.

— Не бей, дяденька, я встану,—проговорилъ Сенька, съ усиліемъ подымаясь.

Его била лихорадка, зубы громко стучали, мокрыя ноги закоченѣли, и ниже колѣна больно тянула жилу судорога.

— Ишь ты, лодырь какой, за тебя работать, а ты спать будешь. Морду сворочу!.. Цѣлый часъ съ нимъ тутъ бейся,— шумѣлъ Егоръ.

Сенька наобумъ, самъ не зная куда, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вдругъ остановился, прислонившись къ холодной мокрой стѣнѣ.

— Дяденька, у меня мочи нѣту.

Градъ ругательствъ посыпался изъ темноты, гдѣ былъ Егорка.

Сенька, пересиливая себя и глотая слезы, ощупью добрался до помпы, нагнулся, взялся за ручку и сталъ качать. Кругомъ водворилась тишина, и попрежнему все было неподвижно, угрюмо и безнадежно. Опять подъ низко нависшимъ во мглѣ сводомъ слышались хлюпающіе звуки помпы, и бѣжала тоненькой струйкой вода, и чей-то голосъ монотонно, тоскливо и однообразно, какъ падающая въ одно и то же мѣсто капля, повторялъ въ темнотѣ: „тридцать-два... тридцать-три... тридцать-четыре...“

А. Серафимовичъ.

СЕРДЦЕ ЗАГОВОРИЛО.

Новелла **Л. Весткирха.** Переводъ съ нѣмецкаго **О. П. П.**

Рождество Христово! Въ воздухѣ летаютъ снѣжные хлопья и слышится перезвонъ колоколовъ и обрывки рождественскихъ пѣсенъ. Откуда онѣ берутся, не связаны-ли онѣ съ запахомъ елокъ и медовыхъ пряниковъ?.. Звѣзды ярче горятъ въ эту ночь, а дѣтскіе глазенки горятъ ярче звѣздъ. Вся жизнь сосредоточена въ семьяхъ, кабаки и рестораны пустѣютъ. Хозяева пересчитываютъ рѣдкихъ гостей и спѣшатъ домой, поручивъ кельнерамъ удовлетворять случайныхъ посѣтителей; но и они въ какомъ-то мечтательномъ настроеніи и не спѣшатъ или путаютъ заказы: въ ихъ душѣ тоже проносится смутное воспоминаніе чего-то праздничнаго, свѣтлаго, связанное съ золочеными орѣхами, восковыми свѣчами и близкими, дорогими людьми, которые гдѣ-то далеко, въ деревенской глуши, собрались теперь вокругъ зажженной елки. Неловко чувствуютъ себя въ этотъ день холостяки, старыя дѣвы и всѣ почему-либо одинокіе люди.

Эдуардъ Винфельдъ лежалъ на жесткомъ диванѣ въ комнатѣ покойнаго отца, заложивъ руки подъ голову, и размышлялъ о томъ, какая глупая и сентиментальная привычка у людей придавать особенное значеніе рождественскому вечеру. Бабы и дѣти—имъ пристала такая чувствительность, но взрослому, разумному человѣку стыдно предаваться такому вздору. Скорѣе бы уѣхать въ Берлинъ! Тамъ возможно подходящимъ образомъ убить эти глупые праздничные дни. Но здѣсь, въ этомъ филистерскомъ гнѣздѣ, въ этомъ мрачномъ домѣ, гдѣ отецъ его въ продолженіе сорока лѣтъ велъ ссудную кассу и продажу въ разсрочку,—обстоятельство, которое онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ столичныхъ друзей, здѣсь

можно удавиться съ тоски. Три недѣли тому назадъ старикъ умеръ. Эдуардъ долженъ былъ вернуться, чтобы привести въ порядокъ дѣла, запутанныя, проклятыя дѣла, отъ которыхъ трещала голова. Онъ кончилъ тѣмъ, что предоставилъ все помощнику, хотя и былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что хитрый старикашка съ косыми плечами и огромными ушами кругомъ его обманываетъ. Пусть! Довольно добра предоставилъ ему отецъ, на его вѣкъ хватитъ!

Печаль о покойномъ отцѣ не особенно терзала его душу. Отецъ и сынъ мало имѣли общаго. Съ самаго ранняго дѣтства Эдуардъ обнаруживалъ глубокое отвращеніе къ мрачному жилищу и сырымъ подземельямъ, стѣны которыхъ были покрыты плѣсенью; къ отцу онъ чувствовалъ скорѣе страхъ, чѣмъ любовь; фигура его въ старомъ халатѣ и блѣдное, сухое лицо съ большими очками на горбатомъ носу, склоненное надъ старой, изъѣденной червями, конторкой, внушало ему нѣкоторый ужасъ; онъ слышалъ его брань съ приходившими посѣтителями, а также и льстивыя рѣчи, которыми онъ затягивалъ въ свои паутины нерѣшительныхъ. Для сына старикъ готовъ былъ на всякія жертвы. Онъ посылалъ его въ гимназію, давалъ ему денегъ, чтобы онъ могъ поддерживать отношенія съ знатными молодыми людьми. Встрѣчая его, онъ гладилъ его по головкѣ и говорилъ: „Играй, милый мальчикъ, отецъ за тебя работаетъ“.

Окончивъ курсъ, Эдуардъ вступилъ въ большой берлинскій торговый домъ для ознакомленія съ дѣломъ. Отецъ набилъ его карманъ деньгами и сказалъ: „Развивайся, познакомься со свѣтомъ. Захочешь основать собственное дѣло—отецъ тебѣ поможетъ“.

Молодой человѣкъ дѣламъ не научился, а здоровье потерялъ. Лицо его становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, а отецъ, навѣщая его, говорилъ: „Ты слишкомъ много работаешь, побереги себя“.

Но вотъ отецъ умеръ, первое время траура прошло. Эдуардъ провелъ эти дни за книгами, читая то меланхолическія любовныя исторіи, то скабрезныя, къ которымъ бы онъ могъ прибавить много изъ личнаго опыта, а когда это чтеніе ему надоѣло, принялся за философскія сочиненія. Но въ его неподготовленной къ серьезному чтенію головѣ осталось лишь смутное удивленіе тому, какъ это неглупые люди тратятъ

время на то, чтобы ломать себѣ голову надъ человѣческой жизнью, которая, по мнѣнію Эдуарда, такъ просто и даже скучно устроена. Ну, сегодня всему этому конецъ. Онъ даетъ ужинъ для друзей въ ресторанѣ „Голубаго ангела“ и докажетъ имъ, какой чертовски проворный человѣкъ выработался изъ прежняго скромнаго Эдуарда Винфельда.

Но въ эту самую минуту онъ испуганно вздрогнулъ. Что за шумъ въ проклятой лавчонкѣ? Неужели старикашка не можетъ его обманывать тихо, не подымая такого гвалта? Чего этотъ дурень оретъ, точно его рѣжутъ? Эдуардъ знаетъ его манеру. Сперва онъ говоритъ тихо и вкрадчиво, почти неслышнымъ шепотомъ уговариваетъ несговорчивыхъ. Если они не поддаются, онъ вдругъ начинаетъ кричать и говорить грубости; они оглушены, теряютъ самообладаніе, а это ему и нужно.

Ахъ, еще досадные посѣтители. Дверь отворилась, и въ комнату вошли дѣти служанки, которая много лѣтъ служила его отцу. Самый маленькій мальчуганъ что-то бормочетъ,— текстъ изъ священнаго писанія: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Глупости, все глупости. Какое благоволеніе! Вотъ уже девятнадцать столѣтій повторяютъ эти слова изъ году въ годъ, а гдѣ оно, гдѣ его найти мыслящему человѣку? Благо тому, у кого есть мягкая подушка, о которую разбиваются жизненныя невзгоды,— деньги. Деньги—вотъ единственное благо жизни, чтобы ни говорили философы. Деньги помогаютъ одурманить себя, помогаютъ прогнать скуку. Отецъ оставилъ ему денегъ, и большое ему за то спасибо.

Но шумъ въ сосѣдней комнатѣ все усиливается. Старикашка пересаливаетъ; это ни на что не похоже! Неужели онъ не умѣетъ обуздать своихъ кліентовъ? Какой раздражительный концертъ! Кто-то кричитъ про больного внука, про обманъ, про вымогательство и, наконецъ, про праздникъ Рождества. Ну, конечно! непремѣнно надо вспомнить Рождество, точно этотъ день не такой же, какъ всѣ остальные триста шестьдесятъ четыре!

Богатый наслѣдникъ сердито вскочилъ и открылъ стеклянную, завѣшенную бѣлой занавѣской дверь, которая вела въ контору.

Бухгалтеръ стоялъ передъ конторкой, спиною къ дверямъ,

размахивалъ руками и топалъ ногами. Слабый лучъ угасающаго дня съ трудомъ пробивался сквозь мутныя и грязныя стекла единственнаго окна. Двѣ женскія фигуры выдѣлялись на темномъ фонѣ закоптѣлыхъ и пыльныхъ стѣнъ. Одна молодая, съ краснымъ, взволнованнымъ лицомъ. Губы ея тряслись такъ, что она не была въ состояніи вымолвить ни слова, а въ глазахъ стояли слезы, слезы страха и отчаянія. Другая была старуха; она не плакала. Она подняла руку, длинную, сухую корпчневую руку, кожа которой походила на пергаментъ. Спутанные волосы падали на лобъ; изъ-подъ густыхъ бровей горѣли маленькіе, проницательные глаза, и она кричала такъ громко, что заглушала голосъ бухгалтера.

— Что это за шумъ?—сказалъ Эдуардъ, входя въ комнату съ засунутыми въ карманъ руками.—Прошу васъ обходиться безъ подобныхъ сценъ.

Старуха при этихъ словахъ разразилась новымъ потокомъ такихъ ужасныхъ вещей, о которыхъ Эдуардъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Молодая женщина подошла къ молодому хозяину; его блѣдное, утомленное лицо внушало ей довѣріе.

— Сжальтесь надъ нами, господинъ Винфельдъ! Мы уже выплатили 200 марокъ, въ счетъ забранныхъ вещей, и платили мы аккуратно, пока Альбертъ не сломалъ руку! Мы заплатимъ и вексельныя, и проценты на нихъ, только имѣйте немного терпѣнія. Не допустите отнять у насъ послѣдній стулъ, сегодня въ канунъ Рождества, мою машинку, на которой я зарабатываю пропитаніе для семьи, и кровать, на которой лежитъ мой больной братъ. Господинъ Винфельдъ!..

— Да, да, хорошо, я разберу это дѣло. Ступайте домой,—перебилъ ее Винфельдъ, нетерпѣливо махнувъ рукой. Просьбы молодой были ему еще невыносимѣе, чѣмъ ужасныя слова, которыя говорила старуха.

— Развѣ вы не слыхали, уходите!—зашипѣлъ на нихъ старикъ.

Молодая женщина замялась: „Господинъ Винфельдъ“...

— Да, да, я не забуду—ступайте.

„Вотъ такъ вѣдьма, точно сорвалась съ помела!“ проговорилъ молодой человѣкъ, когда женщины ушли.

— Что у васъ такое съ ними вышло?

— Безсовѣстныя попрошайки, нищія,—отвѣтилъ бухгалтеръ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ. — Презрѣнныя лгуньи, притворщицы самаго опаснаго сорта!

— Говорите короче,—что имъ нужно?

— Онѣ переѣхали въ нашъ городъ годъ тому назадъ. Внукъ старухи получилъ мѣсто здѣсь на фабрикѣ; его сестра портниха и ужасно задираетъ носъ. Они наняли квартиру, на Матросской ул., д. № 5, и взяли у насъ пышную обстановку за 300 марокъ...

— Изъ нихъ они уплатили двѣсти, если не ошибаюсь?

— Да, въ томъ-то вся и штука. Они уплачиваютъ часть, а остальныхъ не отдаютъ. Къ тому же, всегда подгоняютъ дѣло къ праздникамъ, подъ шумокъ увозятъ вещи, и ищи пропало. Придите къ нимъ послѣ новаго года и найдете гнѣздо пустымъ. Но и я не промахъ! Не позже, какъ сегодня вечеромъ, я очищу ихъ квартиру, такъ что не останется ни одной щепы. Я имѣю на то право. Два мѣсяца просрочки—конецъ условію.

— Старуха говорила что-то про несчастный случай?—замѣтилъ Эдуардъ.—Нельзя-ли принять это къ свѣдѣнію, пообождать; и потомъ онѣ вѣдь уплатили двѣсти марокъ... или вы имъ отдадите эти деньги?

— Отдать деньги? Въ умѣ-ли вы? Въ нашемъ дѣлѣ деньги никогда не отдаются.

— Гм! это, однако, строговато.

— Это законъ, господинъ Винфельдтъ. Впрочемъ, оно только справедливо—мы много рискуемъ, наши кліенты все бѣдняки...

— Такъ-то такъ, только, мнѣ кажется, вы могли бы имъ дать недѣлю-другую передохнуть. Что вы на это скажете, старина?

Бухгалтеръ всталъ.

— Я веду дѣла такъ, какъ велъ ихъ покойный вашъ родитель. Незадолго передъ своею смертью онъ сказалъ мнѣ: прошу васъ, не оказывайте никакого снисхожденія семейству Кортрингеровъ. Онъ зналъ свою публику; у него было достаточно опытности, и я могу вамъ доложить, что и самъ немного смекаю въ дѣлахъ. Но если вы желаете вести дѣла по-своему, то, прошу васъ, освободите меня—вотъ вамъ книги, молодой господинъ.

При этихъ словахъ бухгалтеръ подвинулъ къ нему двѣ

толстыя кассовыя книги. Эдуардъ испуганно замахалъ руками. Онъ больше всего на свѣтѣ боялся, чтобы старикъ не оставилъ его одного съ дѣлами отца; онъ чувствовалъ инстинктивно, что тамъ не все въ порядкѣ и не все благовидно, а въ немъ жила боязнь больного человѣка передъ всѣмъ неяснымъ, некрасивымъ, передъ всѣмъ, что требовало упорнаго труда.

— Дѣлайте, какъ знаете! Я такъ только, сдѣлалъ предположеніе, а затѣмъ... прощайте!

Онъ окинулъ взглядомъ мрачное, грязное помѣщеніе, запыленныя вещи, выставленныя у окна, вспомнилъ склады, помѣщавшіеся на дворѣ, и тамъ все было такъ же непривлекательно; посмотрѣлъ еще разъ на фигуру старика, на хищническое выраженіе его лица и подумалъ: „Кто пойдетъ покупать въ такую дыру, если желаетъ платить деньги? И по дѣломъ имъ! Стоитъ-ли портить себѣ кровь изъ-за такихъ людишекъ. Они хотѣли обмануть и сами попались; кто-жъ въ этомъ виноватъ?“

Эдуарду стало очень скучно, и онъ рѣшилъ отправиться въ ресторанъ—взглянуть, все-ли приготовлено какъ слѣдуетъ для ужина.

Рѣзкій морозный воздухъ пахнулъ ему въ лицо; по дорогѣ блестѣли снѣжинки, при свѣтѣ только-что зажженныхъ фонарей. Колокола звенѣли; ихъ звонъ бередилъ его сердце; звуки, казалось, хотѣли въ него проникнуть, разбудить въ немъ что-то такое, а что—онъ самъ не зналъ. Съ десятокъ людей сметали снѣгъ и нагружали его на повозку. Плохая одежда не защищала ихъ отъ зимняго вѣтра, и настроеніе ихъ, вѣроятно, не было особенно праздничное. Эдуардъ подумалъ: еслибы у нихъ было столько же дохода, сколько у меня, они не стояли бы здѣсь и не зябли; правда, тогда пришлось бы идти по нерасчищеннымъ улицамъ. Онъ улыбнулся. Скоро и онъ присоединится къ тѣмъ философамъ, надъ которыми острилъ сегодня утромъ. Онъ уже начиналъ задавать себѣ напрасные вопросы. Правда, онъ такъ скучно провелъ все это время, голова его освѣжилась отъ берлинскаго угара, отъ вѣчной погони за наслажденіями, и сегодня ему все казалось необыкновеннымъ, точно онъ все видѣлъ въ первый разъ.

Вотъ и рождественскій базаръ.

Толпы дѣтей окружаютъ торговцевъ. Они дрожатъ отъ холода, но глазенки ихъ блестятъ, смотрятъ на все и не могутъ наглядѣться. Есть чѣмъ любоваться. Зеленый лѣсъ елокъ, золотые орѣхи, простыя, грубыя игрушки. Чего тутъ смотрѣть? Но неиспорченная фантазія дѣтей рисуетъ имъ цѣлый міръ наслажденій, покровъ таинственности облекаетъ въ ихъ глазахъ самый ничтожный предметъ волшебнымъ очарованіемъ. И онъ когда-то стоялъ въ синей блузѣ, дрожалъ отъ холода и смотрѣлъ въ будущее глазами, полными надеждъ, точно оно скрывало въ себѣ нивѣсть какое счастье. О эти иллюзіи дѣтей и взрослыхъ!

— Елка! купите баринъ елку!

Эдуардъ замоталъ головой и пошелъ дальше.

— Дешево продамъ, купите хоть одну, у меня ихъ цѣлый возъ, а надо же жить, нашему брату также надо кусокъ хлѣба. Купите!

Да, иллюзіи! Зачѣмъ этотъ дуракъ нарубилъ больше елокъ, чѣмъ можетъ продать? Эдуардъ опять подумалъ: еслибы онъ былъ такъ же богатъ, какъ я, то не продавалъ бы елокъ; еслибы всѣ были богаты, никто не торговалъ бы елками, и дѣти остались бы безъ праздника.

Вотъ идетъ городской голова; онъ запыхался и торопится; онъ покупаетъ самую большую, самую красивую елку. Этотъ человѣкъ могъ бы жить покойною жизнью буржуа, а онъ все суетится, все работаетъ. Ему городъ обязанъ прекраснымъ водопроводомъ, благодаря которому въ каждой квартирѣ изъ крана бѣжитъ чистая, свѣжая вода.

Вотъ идетъ архитекторъ и тоже покупаетъ елку. Еще бы! У него большая семья. Онъ работаетъ, какъ поденщикъ, убиравшій снѣгъ; но его работа идетъ на пользу. Онъ выстроилъ прекрасный дебаркадеръ и музей, гдѣ столько любопытнаго и который осматриваютъ всѣ туристы.

Работа всѣхъ, и ученыхъ, и простыхъ, даетъ жизнь, на ней лежитъ благодать. Подобно зерну, опущенному въ плодоносную землю, она приноситъ урожай самъ-десять, самъ-двадцать. Вотъ москательная лавка; сколько ящиковъ, и привезены они изъ далекихъ-далекихъ странъ. Все трудъ человѣческій! Только изъ темной дыры, гдѣ торговалъ его отецъ, не вышло ничего, что бы радовало людей. Ахъ, вздоръ! Онъ имѣетъ право наслаждаться,—его отецъ работалъ за

двоихъ, за пятерыхъ. Сумма его работы, обращенная въ деньги, даетъ ему право ничего не дѣлать. Только странно, что ему какъ-то не по себѣ среди этой праздничной толпы. У него нѣтъ рабочихъ дней, а потому онъ не знаетъ, что такое праздникъ.

Однако, мысль идти въ ресторанъ потеряла свою прелесть. Очень ужъ знакомая картина ожидаетъ его тамъ. Лучше болтаться среди людей. Матросская улица недалеко. Развѣ отыскать эту злосчастную семью и заглянуть, что-то у нихъ дѣлается. Обманщицы, притворщицы,—сказалъ старикъ. Что-жъ, тѣмъ лучше! Только бы не было чувствительной сцены! Ему хотѣлось пережить что-нибудь такое, что смыло бы съ его души праздничное, доброжелательное настроеніе, навѣянное елками, звономъ колоколовъ, близостью человѣческой толпы. Весьма интересно застать ихъ сидящими около елки, съ жирнымъ пирогомъ, состряпаннымъ старухой, между тѣмъ какъ внукъ со сломанной рукой весело наигрываетъ на гармоникѣ. Прекрасная картина, и какое прекрасное средство, чтобы вернуть его къ трезвому взгляду на жизнь. Онъ отъ души посмѣется надъ людьми, которые плачутъ и жалуются, что у нихъ только одинъ горшокъ щей, а имъ бы хотѣлось имѣть цѣлыхъ два горшка!

— Не этотъ-ли номеръ? Да, вѣрно, 5-й номеръ. Послушай, не можешь-ли ты мнѣ сказать, здѣсь живетъ вдова Кортрангенъ?

Мальчикъ, стоявшій у воротъ, отнялъ гармонику ото рта и прекратилъ на минуту ужасную пискливую мелодію, которую онъ на ней наигрывалъ; онъ указалъ на темный дворъ и задній флигель налѣво.

— Спасибо, молодой Лаконіецъ,—ласково отвѣтилъ ему Эдуардъ. Узкая, скользкая лѣстница вела во второй этажъ. На ней весьма легко можно было сломать себѣ шею. Въ одномъ окошкѣ виднѣется свѣтъ,—для елки, пожалуй, недостаточно яркій; все равно—смѣло впередъ. Узкій и темный корридоръ; спертый воздухъ; молодому человѣку было трудно подвигаться. Но вотъ блеснула полоса свѣта черезъ щель у двери; она, вѣроятно, полуоткрыта. Прекрасно—лучшаго нельзя желать.

Какъ воръ, прокрался Эдуардъ до двери и заглянулъ въ щель.

Чортъ возьми! Сколько ихъ тамъ набралось. Гости, вѣрно, по случаю праздника собрались для угощенія. Нѣтъ, не похоже что-то на приготовленія къ пирушкѣ. Однако, комната, кажется, не топлена, оттого-то они и дверь не закрыли.

У стола сидитъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ и что-то клеитъ: вѣрно, игрушки для продажи на рождественскій базаръ. Двое маленькихъ ребятишекъ играютъ около нетопленой печи; у нихъ въ рукахъ вѣтка отъ елки, завялая, истоптанная ногами, очевидно, поднятая съ улицы. У окошка виднѣется согбенная фигура дѣвушки; она шьетъ на машинкѣ. Это, вѣроятно, та самая молодая особа, которая приходила въ контору; она шьетъ съ какимъ-то остервенѣніемъ, а у ногъ ея блѣдная дѣвочка вытаскиваетъ наметку изъ сшитаго лифа. Старуха сидитъ тутъ же у стѣны и ничего не дѣлаетъ. Сухія, коричневыя руки сложены на колѣняхъ, волосы безпорядочно спутаны, а глаза устремлены на полъ, точно она собирается своимъ взглядомъ просверлить въ немъ дыру. Но въ комнатѣ, должно быть, есть еще кто-нибудь. Съ другой стороны, которую онъ не можетъ видѣть изъ-за полуоткрытой двери, слышится стонъ: „Бабушка, бабушка! Я слышалъ шаги по лѣстницѣ. Это они пришли, чтобы обобрать наше имущество!“

— Вздоръ!—бормочетъ мальчикъ у стола.—Здѣсь никого нѣтъ, даже кошки. Спи! Когда я продамъ свои игрушки, то куплю тебѣ кофе.

Одинъ изъ малютокъ, игравшихъ около печки, поднялъ головку.

— Бабушка, какъ ты думаешь, принесетъ намъ ангелъ сегодня игрушекъ?

Старуха ничего не отвѣтила, она все смотрѣла въ одну точку мрачнымъ, потухшимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, Богъ несправедливъ къ намъ,—раздался снова голосъ съ другой стороны комнаты.—Надо же было мнѣ сломать руку за шесть недѣль до Рождества. Я бы могъ работать ночью и отработалъ бы весь долгъ. А теперь чистое мученье—лежать и думать, что проклятый ростовщикъ придетъ и вытянетъ изъ-подъ меня кровать, на которой я лежу, кровать, которая почти уже оплачена! Развѣ можно выздоровѣть при такихъ условіяхъ! А если я попаду въ больницу, и

мнѣ не выдадутъ больничныхъ денегъ, что станется тогда съ этими крошками?

Стукъ швейной машины внезапно смолкъ. Дѣвушка обернулась лицомъ къ больному. Глаза ея блестѣли, на лицѣ горѣлъ яркій румянецъ. „Я не позволю, чтобы они отняли у тебя кровать, Альбертъ!“

И снова застучала машинка, быстрѣе и быстрѣе. Еще бы: некогда терять и минуты! Они могутъ придти и отнять ее, платье останется неоконченнымъ. Таковъ законъ, сказалъ старикъ.

Эдуардъ чувствовалъ, что горло его сжимается. Если онѣ притворщицы, то надо отдать имъ справедливость,—онѣ ловко подстроили комедію. Ему дѣлается то холодно, то жарко. И зачѣмъ онъ только пришелъ сюда? А уйти нѣтъ силъ, что-то приковываетъ его къ мѣсту.

Старуха подняла голову, точно испуганная словами дѣвушки: „Какъ же ты это сдѣлаешь?“—бормочетъ она въ смущеніи.

Дѣвушка снова обернулась. Глаза принимаютъ безумное выраженіе:

— Старикъ Ганзенъ, что живетъ напротивъ, дастъ мнѣ эти деньги; мнѣ стоитъ только пойти и спросить, и я спрошу, если придутъ эти злые люди, прошептала она. Машинка опять застучала.

Лицо старухи помертвѣло. Она встала со стула, схватила дрожащими руками глиняную кружку, стоявшую на столѣ, и бросила ее о земь, такъ что она разбилась въ дребезги.

— Проклятіе этимъ кровопійцамъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

Эдуардъ схватился за притолоку; онъ близокъ къ обмороку, и не удивительно... Почва, на которой онъ твердо стоялъ до сихъ поръ, заколебалась. Изможденная рука старухи повернула его жизнь вверхъ дномъ. Такъ вотъ въ чемъ состояла работа его отца, работа, обезпечившая ему беззаботное существованіе, за которое онъ приносилъ еще такъ недавно свою искреннюю признательность.

Этотъ полузамершій ребенокъ дрожащими руками склеиваетъ игрушки, и эти игрушки порадуютъ не одно дѣтское сердце, а работа его отца въ продолженіи сорока лѣтъ была только источникомъ зла, проклятія и грѣха; сынъ же радовался этому наслѣдію.

Онъ не зналъ... Если въ немъ зарождалось иногда подозрѣніе, что доходы отца не совсѣмъ чисты, онъ отгонялъ эту мысль и старался заглушить внутренній голосъ усиленными наслажденіями и кутежами. Онъ отвертывалъ голову, чтобы не видѣть. Теперь онъ прозрѣлъ. Онъ не вѣрилъ въ страданія, не понималъ нужды; теперь онъ видитъ и то, и другое, видитъ людей, повергнутыхъ въ отчаяніе по его винѣ.

Чувство отвращенія подымается въ немъ, при мысли о той пирушкѣ, которую онъ собирался устроить друзьямъ въ то время, какъ эта бѣдняжка готовилась продать себя, чтобы выручить семью. Онъ распахнулъ быстрымъ движеніемъ дверь и вошелъ въ комнату.

— Я обѣщалъ разслѣдовать ваше дѣло и пришелъ теперь покончить счетъ.

Дѣти у печки вытаращили на него глаза. Молодая дѣвушка вскочила и сложила руки какъ бы въ нѣмой молитвѣ. Только старуха продолжала глядѣть на него со скрытой злобой; жизнь научила ее не слишкомъ-то скоро поддаваться радостнымъ надеждамъ.

— Вы уплатили двѣсти рублей за взятую мебель, не правда-ли?

— Да, да, господинъ,—подтвердила дѣвушка,—и мы заплатимъ остальныя, только имѣйте немного терпѣнія; братъ поправится, и тогда...

Молодой человѣкъ окинулъ взоромъ убранство комнаты; всѣ предметы были самаго плохого качества.

— Мнѣ кажется, что двѣсти марокъ красная цѣна за этотъ хламъ. Дайте мнѣ чернила, бумагу и перо, и я напишу росписку, что получилъ всѣ деньги сполна.

Они его не понимали, не вѣрили.—Ахъ, господинъ Винфельдъ, погодите недѣльку-другую; мы заплатимъ, мы не хотимъ не отдавать того, что обѣщали. Повѣрьте, мы заработаемъ эти деньги.

Мальчикъ принесъ, наконецъ, чернильницу и школьную тетрадь. По синимъ линейкамъ Винфельдъ написалъ росписку, что получилъ все сполна. Потомъ онъ взялъ игрушку со стола.

— Продай мнѣ эту штучку.

— О, я вамъ подарю ее—извольте,—пробормоталъ ребенокъ.

Винфельдъ положилъ на столъ золотую монету.—Купи

своему брату вина и елку и лакомства малюткамъ, слышишь?

Старуха не успѣла опомниться, никто не успѣлъ найти словъ благодарности, а Эдуардъ уже спускался по лѣстницѣ, съ игрушкой въ карманѣ и съ никогда еще неиспытаннымъ чувствомъ счастья въ сердцѣ. Въ его душѣ подымалось и росло жизнерадостное настроеніе; ему захотѣлось жить, жить и работать, чтобы загладить грѣхъ отца, наверстать безполезно потраченное время. Давать радость другимъ, облегчать чужія страданія,—вотъ какая будетъ отнынѣ цѣль его жизни! Онъ чувствовалъ, что будетъ жить, будетъ страдать за ближнихъ, потому что въ немъ проснулась сила, живая сила любви къ людямъ.

А снѣжные хлопья все падали и падали, веселый звонъ бубенчиковъ разносился среди ночной тишины, а изъ оконъ падалъ яркій свѣтъ зажженныхъ елокъ. Толпа людей сновала взадъ и впередъ, и Эдуардъ уже не чувствовалъ себя чужимъ среди нихъ. Онъ былъ связанъ съ ними чувствомъ любви къ человѣчеству, великимъ чувствомъ, которое не дастъ ему погибнуть, спасетъ его отъ житейской грязи и одухотворитъ великими стремленіями на благо общее.

Онъ считалъ себя погибшимъ, а теперь бодро смотритъ впередъ, потому что дѣятельное чувство любви проникло въ его сердце, зажгло въ немъ то стремленіе, которое всюду и всегда служитъ самой надежной опорой,—стремленіе работать для людей и съ людьми.

МОЯ РОДНАЯ ТЕТУШКА САРА.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЕВРЕЙСКАГО БЫТА).

Что въ моемъ родномъ городѣ Шмецкѣ вамъ, рано или поздно, придется побывать—въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія. Городъ, въ которомъ я родился, находится въ такомъ пунктѣ земного шара, который никакъ не обойдешь. Въ какую бы сторону вы ни поѣхали, ни пошли, непремѣнно наткнетесь на городъ Шмецкъ.

Посѣтивъ же мой родной Шмецкъ, вы обязательно должны повидаться съ моей тетушкой Сарой. Отыскать ее ровно ничего не стоитъ: нужно только выйти на середину базара, гдѣ вы, по всей вѣроятности, застанете двухъ, трехъ свиней, нѣсколько козъ съ козломъ во главѣ, остановиться, потянуть носомъ, и туда, откуда сильно понесетъ вареной печенкой, вы должны повернуть: тамъ-то, значитъ, и живетъ моя тетушка. Живетъ она въ крошечномъ, обуглившемся со всѣхъ сторонъ домишкѣ, а правильнѣе сказать—срубѣ, потому что даже крыши и стропилъ на этомъ домикѣ нѣтъ вотъ ужъ двадцать лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ настоящій домъ со всѣми его пристройками сгорѣлъ и какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ этотъ флигелечекъ, онъ такъ и стоитъ безъ крыши, а для того, чтобы не протекало, тетушка Сара покрыла его дерномъ; и великолѣпно: никакой крыши, оказывается, и не нужно.

Домикъ тетушки Сары еще больше вниманія обращаетъ тѣмъ, что въ его окнахъ вы увидите связки кренделей, которые имѣютъ цѣлью своимъ видомъ соблазнять ребятишекъ и деревенскихъ мужиковъ, пріѣзжающихъ на базаръ.

Нужно вамъ знать, что тетушка Сара живетъ тѣмъ, что печетъ крендели и варитъ печенку, которые продаетъ лаком-

камъ по кусочкамъ. О, вы, можетъ быть, думаете, что моя тетушка ужъ очень бѣдна, что ея скудный заработокъ не даетъ ей возможности жить, какъ слѣдуетъ? Ошибаетесь. Дай Богъ, чтобы всякій еврей жилъ такъ хорошо, какъ живетъ тетушка Сара, и чтобы каждый изъ нихъ такъ же былъ доволенъ своей участью, какъ она. Не только сама она ни въ чемъ не нуждается, но еще ухитряется отлично пристраивать своихъ дочерей и каждой изъ нихъ даетъ порядочное приданое. Такъ, одной изъ нихъ, самой некрасивой, у которой носъ былъ чуть-ли не больше ея самой, она дала приданаго—шутка-ли сказать!—сорокъ пять рублей!

Конечно, если сравнить теперешнее ея матерьяльное положеніе съ тѣмъ, какое она занимала при жизни мужа,—онъ велъ крупную торговлю мануфактурой и самъ ѣздилъ за товарами въ Лейпцигъ,—если, говорю я, сравнить это положеніе съ тѣмъ, его можно счесть нищенскимъ, но не даромъ же въ талмудѣ сказано, что истинно богатъ только тотъ, кто довольствуется своей участью. А тетушка Сара вполнѣ довольна своей участью. Она прекрасно понимаетъ, что человѣкъ самъ по себѣ ровно ничего не значитъ и все, что съ нимъ дѣлается, все это отъ Бога. И развѣ можетъ быть она недовольна тѣмъ, что Богъ даетъ ей это, а не другое. Его святая воля! Онъ лучше знаетъ, что ей нужно. Повѣрьте, что еслибы ей нуженъ былъ мужъ—онъ бы не умеръ, и еслибъ она должна была быть богатой, у нея бы послѣ смерти мужа не сгорѣли бы домъ, лавка, склады товара. Все отъ Бога.

И такъ, отыскать тетушку Сару очень нетрудно. Идите же къ ней прямо, безъ всякаго стѣсненія, никакихъ предварительныхъ знакомствъ, рекомендацій, не нужно. Она принимаетъ всѣхъ одинаково и сама сразу видитъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. О, на счетъ этого тетушка Сара дока, и ея ужъ не проведешь! Она съ перваго взгляда узнаетъ человѣка насквозь. Да оно собственно и немудрено: сколько на своемъ вѣку она видѣла людей самыхъ разнообразныхъ! Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла и занимается общественно-благотворительными дѣлами, не было еще заѣзжаго или захожаго человѣка, который могъ бы обойтись безъ тетушки Сары. Кто бы ни былъ этотъ заѣзжій или захожій,—проповѣдникъ, ученый, странствующій канторъ безъ

мѣста, погорѣлецъ, богомолецъ, простой нищій или бездѣльникъ—безразлично кто, но разъ онъ попалъ въ Шмецкъ, безъ тетушки Сары ужъ не обойтись. Если, скажемъ, онъ проповѣдникъ, ему, во-первыхъ, нужно, чтобы раньше, чѣмъ онъ публично скажетъ свою проповѣдь, о немъ пошла молва, что онъ чудо что за ораторъ, что каждое слово у него брилліантъ, а во-вторыхъ, пока что, пока онъ публично съумѣетъ доказать свое искусство, ему нужно пить, ѣсть, гдѣ-нибудь ночевать. Странствующему кантору иногда съ цѣлымъ хоромъ нужно то же самое: для него тоже очень важны репутація и хлѣбъ насущный. Словомъ, всякой спеціальности и типической разновидности необходимы предварительная аттестація, такъ сказать, критическая оцѣнка ихъ стоимости, и, въ то же время, каждому смертному нужно обѣдать, ужинать и все остальное, а кто, помимо тетушки Сары, можетъ это лучше устроить? У кого хватитъ столько ума, ловкости и такта, чтобы заставить человѣка высказаться, что-нибудь такое пропѣть? Кто вѣрнѣе, по первому взгляду, съумѣетъ опредѣлить человѣка, къ кому и куда его нужно направить гостить [1])? Есть люди, для которыхъ совершенно достаточно, если ихъ накормятъ крупникомъ (похлебка), но есть и такіе, которые крупникомъ не удовольствуются, потому что они къ нему не привыкли, и понятно, что такихъ людей могутъ кормить только люди болѣе состоятельные и болѣе щедрые. Все это нужно знать, понимать и сообразить, и все это можетъ сдѣлать только одна тетушка Сара. Притомъ, если къ кому-нибудь придетъ человѣкъ и скажетъ, что его прислала на „день“ тетушка Сара, тотъ навѣрно скажетъ: „милости просимъ“; но если его пришлетъ другой, то возможно, что если не прямо, то подъ какимъ-нибудь предлогомъ онъ уклонится отъ этой чести, а съ тетушкой Сарой этого ни коимъ образомъ случиться не можетъ. Во-первыхъ, тетушка Сара никогда не

[1]) Въ каждомъ еврейскомъ городѣ всегда имѣется масса лицъ, которыхъ нужно кормить, одѣвать, словомъ, содержать на общественный счетъ. Кормежка такого рода лицъ производится обывателями поочередно, «днями»— таково названіе этого способа. Въ нѣкоторыхъ городахъ этимъ способомъ прокармливаютъ не только случайныхъ странниковъ (или городскихъ бѣдныхъ), но имъ поддерживаются цѣлыя училища, съ массой (иногда до 500) учениковъ. Заурядныхъ гостей обыкновенно прямо присылаютъ на домъ, а болѣе почтенныхъ принято, чтобы приглашалъ самъ хозяинъ.

станетъ обременять человѣка лишними расходами, если она знаетъ, что это его можетъ стѣснить, а во-вторыхъ, кто же въ подобнаго рода дѣлахъ осмѣлится идти противъ тетушки Сары? Вѣдь всякому человѣку дорога своя честь, и ему не можетъ улыбаться перспектива прослыть скаредомъ и безсердечнымъ человѣкомъ. Притомъ, если тетушка Сара знаетъ, что человѣкъ можетъ, но не хочетъ, она не поцеремонится и задастъ ему такого трезвона, что онъ и самъ радъ не будетъ. — Господи, помилуй, съ какихъ же это, въ самомъ дѣлѣ, поръ евреи стали давать помирать съ голоду своимъ бѣднымъ ученымъ? Ужъ не думаетъ-ли онъ разбогатѣть скаредничествомъ, свинствомъ? Что-жъ, помогай ему Богъ. А то, быть можетъ, онъ и безъ помощи Божьей обойдется? Что-жъ, это его дѣло! На что ужъ Бендетъ Скаредъ, который во всю свою жизнь не мѣнялъ рубахи и лѣтомъ и зимой носитъ одинъ и тотъ же дырявый, овчинный тулупъ, который даже въ субботу питается постнымъ крупникомъ—и того тетушка Сара вышколила, да еще такъ, что теперь, какъ только онъ ее увидитъ въ окно, ужъ несетъ ей навстрѣчу подаяніе.

Вотъ какъ было дѣло. Разъ тетушка Сара собирала на какую-то надобность деньги. Заходитъ она къ Бендету и говоритъ: я собираю на то-то и то-то.

— А мнѣ до этого какое дѣло? Зачѣмъ вы мнѣ объ этомъ сообщаете?

— Я,—говоритъ тетушка Сара,—думала, что вы еврей.

— Еврей-то я еврей,—говоритъ Скаредъ,—да что толку въ этомъ, когда самъ я нищій и безъ куска хлѣба сижу.

— Вотъ какъ, вы безъ хлѣба сидите,—улыбнулась тетушка Сара,—а я и не знала. Прощайте.

А нужно вамъ знать, что Бендетъ Скаредъ страшно богатъ. Онъ одинъ, пожалуй, имѣетъ гораздо больше, чѣмъ всѣ наши богачи вмѣстѣ взятые. Помимо того, что у него большой и самый лучшій заѣзжій домъ въ городѣ, большая торговля хлѣбомъ, онъ еще даетъ въ ростъ деньги всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ, которые, по пріѣздѣ въ городъ, у него же останавливаются. И вотъ разъ, во время ярмарки, когда всѣ окрестные помѣщики собрались въ городъ, тетушка Сара, съ платочкомъ въ рукѣ, появляется въ гостинницѣ Бендета. А тетушку Сару всѣ окрестные помѣ-

щики знали съ былыхъ временъ и естественно, что ее немедленно со всѣхъ сторонъ обступили:—ну, что, Сара, какъ поживаешь, что подѣлываешь?

— Да вотъ, панове, — говоритъ тетушка Сара, — хочу спасти одного бѣднаго человѣка отъ голодной смерти. Не будетъ-ли у его мосцей милости что-нибудь пожертвовать?

Помѣщики очень охотно стали бросать въ платочекъ серебряныя монеты.

— Спасибо, панове, спасибо. Да вознаградитъ васъ Богъ за ваше доброе дѣло, а то мой бѣдняга совсѣмъ околѣваетъ съ голоду.

— А для кого ты собираешь?—спросили помѣщики.

— Для несчастнаго Бендета.

— Какой это Бендетъ?

— Да хозяинъ этой гостинницы.

Послѣдовалъ общій взрывъ хохота.

— Что такое ты, Сара,говоришь? у этого скота больше денегъ, чѣмъ у насъ: мы всѣ ему должны.

— Знаю, панове, знаю, а все-таки, когда я къ нему пришла за подаяніемъ, онъ мнѣ сказалъ, что умираетъ съ голоду, а намъ, евреямъ, нельзя давать человѣку умирать съ голоду.

Помѣщики поняли мысль тетушки Сары и рѣшили немедленно позвать Бендета и вручить ему милостыню. Бендетъ явился, и тетушка Сара обратилась къ нему съ такой рѣчью: „Когда я у васъ была за милостыней, вы мнѣ сказали, что умираете съ голоду. Я не имѣю причины не вѣрить вамъ, потому что иначе вы были бы не евреемъ, а скотиной, потому что какой же еврей отказываетъ своему ближнему въ нуждѣ, если онъ самъ не нищій. А разъ человѣкъ умираетъ съ голоду, на нашей обязанности лежитъ помочь ему и накормить его. Вотъ, эти панове были настолько великодушны, что отъ щедротъ своихъ пожертвовали вамъ на хлѣбъ. Получите и поѣшьте на здоровье. Крики: „браво, Сара“ и всеобщій хохотъ были отвѣтомъ на эту своеобразную рѣчь, а Бендетъ, какъ окаменѣлый, неподвижно стоялъ на мѣстѣ и не могъ слова выговорить, потому что онъ хотя и скаредъ, и безчувственная скотина, но все-таки публично нанесенная ему оплеуха была слишкомъ чувствительна и для него. Послѣ этого случая онъ ужъ никогда ни въ чемъ не отказывалъ тетушкѣ Сарѣ

и всегда по этому поводу говаривалъ: „ну, тетушка Сара, накормили же вы меня, спасибо, всю жизнь буду помнить ваше угощеніе“.

Вообще, тетушка Сара въ этомъ отношеніи большая мастерица. Она знаетъ, гдѣ, когда и сколько у кого можно взять, и если ей даютъ меньше того, сколько, по ея мнѣнію, можно взять, она не стѣснится и прямо скажетъ: „мало,—Богъ относительно васъ гораздо щедрѣе, чѣмъ вы; не заставляйте же Бога, въ свою очередь, быть съ вами болѣе разсчетливымъ“. При этомъ тетушка Сара не преминетъ привести два, три текста, въ большинствѣ случаевъ не совсѣмъ точныхъ, а иногда просто перевранныхъ, изъ которыхъ ясно какъ день, что слѣдуетъ прибавить.

Но если тетушка Сара знаетъ, гдѣ, у кого, сколько и что можно взять, то она прекрасно знаетъ и то, кому, сколько и что нужно дать. Она даже не всегда станетъ дожидаться до тѣхъ поръ, пока нужда придетъ къ ней, а сама первая пойдетъ къ ней навстрѣчу. Узнаетъ она (она имѣетъ точныя свѣдѣнія рѣшительно обо всемъ, даже о томъ, что у кого готовится къ обѣду), что у такого-то нечѣмъ встрѣтить субботу,—она немедленно надѣваетъ свою неопредѣленнаго цвѣта хламиду, которая когда-то, во время оно, исполняла должность бурнуса, и вихремъ налетаетъ: „Что это такое! И какъ не стыдно, какъ не совѣстно! Гдѣ это видано, гдѣ слыхано, чтобы между евреями кто-нибудь не встрѣчалъ какъ слѣдуетъ праздника? Стыдъ и срамъ! Вѣдь не среди гоевъ [1]) же онъ живетъ! Тамъ, если у кого нѣтъ, то хоть сдыхай съ голоду, а у евреевъ: у меня нѣтъ, такъ есть у другого. Какое же между евреями можетъ быть стѣсненіе, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Сегодня нѣтъ у него, завтра можетъ не быть у меня. Есть о чемъ разговаривать!..“ И дѣло обыкновенно кончается тѣмъ, что бѣднякъ встрѣчаетъ праздникъ, какъ слѣдуетъ. Вообще, тетушка Сара никогда ни въ чемъ не ждетъ, чтобы ее просили или приглашали. Она сама знаетъ, гдѣ она можетъ понадобиться и сама является. Знаетъ

[1]) Гой—иновѣрецъ въ общеупотребительномъ смыслѣ. Гой буквально — народъ, и напрасно нѣкоторые знатоки еврейской жизни и литературы хотятъ придать этому слову какое-то особенно презрительное значеніе. Эти господа забываютъ одно очень маленькое обстоятельство, что въ Библіи можно указать, по крайней мѣрѣ, 20 мѣстъ, гдѣ сами евреи названы гоями и далеко не въ презрительномъ смыслѣ.

она, что у Хаима слѣпого есть дочь, которую пора бы выдать замужъ. Она сейчасъ къ нему.

— Ну, что, какъ дѣла?

— Да что, тетушка Сара, какія могутъ быть у насъ дѣла? По милости добрыхъ людей сыты бываемъ.

— Да, вотъ, у тебя дочь невѣста.

— Невѣста-то невѣста, да думать о женихахъ намъ не приходится.

— Отчего-жъ? Ты развѣ полагаешь, что твоя дочь исключеніе и родилась безъ своего суженаго [1])?

— Такъ-то оно такъ, да какъ мы можемъ думать о женихахъ, когда сами-то мы перебиваемся изо дня въ день. Вѣдь женихъ захочетъ денегъ, голой тоже не возьметъ.

— Знаю, знаю, только это ужъ не твоя забота. Объ этомъ ужъ позабочусь я; ты только подыщи жениха. Не сидѣть же твоей дочери до сѣдой косы. Между евреями, благодареніе Богу, нѣтъ еще старыхъ дѣвъ.

Сдѣлается тетушкѣ Сарѣ извѣстно, что такіе-то супруги живутъ между собою очень дурно, постоянно ссорятся и даже чуть-ли не дерутся. Она ужъ тутъ какъ тутъ.

— Вы это что, безстыдники, какъ вамъ не совѣстно сдѣлаться притчей во языцѣхъ?—И пошла до тѣхъ поръ, пока не выяснитъ дѣла, не разберетъ, кто правъ, кто виноватъ.

Вышла замужъ молодая неопытная дѣвушка, которая оказалась такой плохой хозяйкой, что даже не знаетъ, какъ на Пасху нужно кошировать [2]) домашнюю утварь, вслѣдствіе чего, разумѣется, могутъ произойти ужасныя послѣдствія. И тутъ ужъ дѣло безъ тетушки Сары не обойдется:—„Покажи-ка, моя милая, какъ ты это дѣлаешь?.. О нѣтъ, голубушка, этакъ нельзя; этакъ вы съ своимъ муженькомъ наѣдитесь хомецъ (не пасхальное). Потрудись-ка засучить ру-

---

[1]) По Талмуду, раньше, чѣмъ человѣкъ рождается на свѣтъ Божій, ему уже назначается супруга, и наоборотъ. *Прим. авт.*

[2]) Пасха очень богата различнаго рода обрядностями; въ особенности много хлопотъ доставляетъ она хозяйкамъ, которыя обязаны всѣ домашнія вещи, всю домашнюю утварь замѣнить новыми, или же старую передѣлать въ новую. О кухонной посудѣ, конечно, и говорить нечего: ее никакими способами изъ старой нельзя сдѣлать новой, но съ мебелью и другими вещами практикуется слѣдующій способъ. Сначала соскабливается верхній слой, нѣсколько разъ обмывается мочалой съ пескомъ, а потомъ, обливъ эту вещь кипяткомъ, проводятъ по ней каленымъ желѣзомъ или камнемъ.

кава, да кстати скинь платье, а то испачкаешь, вѣдь мужъ-то твой не милліонеръ и каждый день тебѣ новаго платья дѣлать не можетъ. Вотъ такъ, вотъ такъ, а теперь возьмика вѣникъ—онъ не кусается, обваляй его въ пескѣ и три... Вотъ такъ, вотъ такъ, да покрѣпче... И тетушка Сара показываетъ неопытной хозяйкѣ, какъ надо тереть. Короче, нѣтъ той сферы въ жизни частной и семейной, общественной и религіозной, куда бы тетушка Сара не считала себя вправѣ вмѣшиваться. И не будетъ ничего преувеличеннаго, если я скажу, что въ нашемъ городѣ ни одно, какъ общественное, такъ и семейное дѣло не можетъ быть закончено безъ того, чтобы въ немъ, такъ или иначе, не принимала участія тетушка Сара. Еще и теперь помню я то время (я тогда былъ семи, восьмилѣтнимъ мальчикомъ), когда тетушка вела ожесточенную войну съ кагаломъ и одержала надъ нимъ полную побѣду.

II

Дѣло, видите-ли, происходило въ то время, когда существовалъ законъ [1]), въ силу котораго всякое еврейское общество могло поймать гдѣ угодно и какого угодно еврея, и, если при немъ не было паспорта, могло его немедленно, безъ всякихъ разговоровъ, сдать въ солдаты. Послѣдствіемъ этого закона было то, что черезъ очень короткое время его существованія среди евреевъ возникла цѣлая торговля людьми, со всѣми ея безобразіями и ужасами. Въ нѣкоторыхъ обществахъ образовались охотничьи банды, которыя тѣмъ только и занимались, что, какъ разбойники, рыскали по дорогамъ, врывались въ дома, ловили пріѣзжихъ и продавали ихъ тѣмъ обществамъ, которыя нуждались въ рекрутахъ. Наличность паспорта въ этихъ случаяхъ не спасала, потому что при нападеніи его немедленно отбирали и уничтожали. Какіе при этомъ происходили мерзости и ужасы, можно себѣ представить. Никто изъ иногородныхъ, живущихъ не въ своемъ обществѣ, не могъ быть гарантированъ, что ночью къ нему не ворвутся въ домъ, не отнимутъ паспортъ, не свяжутъ и, какъ

[1]) Законъ этотъ существовалъ въ царствованіе Императора Николая I.

барана, куда-нибудь не продадутъ. Точно также никто не могъ выйти за городъ изъ опасенія, что гдѣ-нибудь въ оврагѣ, за кустомъ, его не подстерегаютъ ловцы человѣковъ. Хорошее было время, нечего сказать, есть о чемъ вспомнить.

Въ нашемъ городѣ тоже образовалась такая шайка, во главѣ которой стоялъ сборщикъ податей, Шименъ Безбожникъ, какъ его звали.

Что всѣ граждане нашего города были сильно возмущены продѣлками этой шайки (она состояла изъ пяти человѣкъ), объ этомъ, конечно, и говорить нечего. Но, спрашивается, что могли сдѣлать граждане противъ мерзавцевъ, за которыхъ былъ законъ и мѣстное начальство. Тѣмъ болѣе, что въ рукахъ у этихъ мерзавцевъ находились общественныя деньги. Граждане втихомолку роптали, проклинали ихъ, но ровно ничего противъ нихъ не предпринимали. Но вотъ разъ, ночью, въ кагальную избу, гдѣ за рѣшетчатыми окнами въ колодкахъ и кандалахъ содержались рекруты, былъ приведенъ молодой человѣкъ, который раньше этого занимался въ нашемъ городѣ [1]). Всѣ въ городѣ знали этого молодого человѣка, уважали и поэтому были ужасно возмущены поступкомъ ловцовъ. Но кому была охота лѣзть въ огонь и затѣвать исторію съ Шименомъ Безбожникомъ?

И тутъ-то на сцену выступаетъ тетушка Сара. Она отправляется къ раввину и говоритъ ему:

— Равви, среди твоей паствы завелись волки.

— Волки?—переспрашиваетъ раввинъ.

Это былъ тугой на ухо старикъ, вѣчно занятый фоліантами, ужасно разсѣянный и до того несвѣдущій въ житейскихъ дѣлахъ, что никогда не могъ отличить щуку отъ карася, пшеницу отъ ячменя, словомъ, настоящій ребенокъ, хотя и очень ученый.

— Волки, говорите вы?—повторилъ онъ:—Господи, помилуй, еще этого недоставало!

— Да,—горячо повторила тетушка Сара,—волки и не обыкновенные, а бѣшеные, кровожадные.

— Гдѣ ты говоришь они появились, на базарѣ?

— Не на базарѣ,—съ нетерпѣніемъ перебила тетушка

---

[1]) Молодые люди изъ тѣхъ, которые подаютъ большія надежды, обыкновенно оставляютъ жену у своихъ родителей и удаляются въ какой-нибудь городъ, гдѣ всецѣло посвящаютъ себя наукѣ. *Прим. авт.*

Сара,—а среди насъ, евреевъ. Стыдъ и позоръ, до чего мы дожили! Что скажутъ гои, когда увидятъ, что сами мы глотаемъ другъ друга, какъ щуки, что бросаемся другъ на друга, какъ хищные звѣри. Они скажутъ: если сами не жалѣете другъ друга, какъ же вы хотите, чтобы мы васъ жалѣли? Пора, равви, положить этому конецъ, пора!

— А что случилось?

— Да вы, равви, развѣ не знаете, что теперь дѣлается среди евреевъ? Вы развѣ не знаете, что теперь у насъ торгуютъ не хлѣбомъ и ситцами, а людьми.

— Господи, помилуй, вы о чемъ же, тетушка, говорите?

— Я говорю о пойманникахъ.

— О пойманникахъ?—удивился раввинъ,—но вѣдь это же гзере (жестокій законъ). Что противъ этого можно сдѣлать? На то, Сара, мы въ изгнаніи.

— Равви, вы не то говорите. Несомнѣнно, если не было бы этой гзере, не было бы и мѣста—дѣятельности такихъ разбойниковъ, какъ компанія Шимана Безбожника. Я только говорю, что не дѣло евреевъ, на основаніи-ли закона, на основаніи-ли беззаконія, торговать людьми.

— А ты забыла, Сара, что сказано: „твои разрушители и беззаконники изъ тебя же вышли“. Все это предвидѣно пророками. Всегда такъ было.

— Все это хорошо, но нужно этому положить конецъ.

— Конецъ,—задумчиво произнесъ раввинъ,—а знаешь-ли ты, Сара, что сказано: „они будутъ мечемъ въ рукѣ Божьей“. Неужели ты думаешь, что если Богъ не захотѣлъ бы покарать евреевъ, могли бы явиться такіе законы, такіе люди, какъ Шименъ Безбожникъ? Все отъ Бога!

— И если на твоихъ глазахъ творится беззаконіе, попирается ногами правда, справедливость, то слѣдуетъ на это смотрѣть хладнокровно и ничего не предпринимать, только потому, что это отъ Бога?—горячо возразила тетушка Сара.—Равви, что такое вы говорите?

— Я говорю, дочь моя, то, что говорилъ царь Давидъ, когда его преслѣдовали враги. Онъ говорилъ: „въ болѣзни ихъ я одѣвался во вретище, изнурялъ постомъ душу мою, и молитва обращалась въ груди моей; я обращался какъ другъ, какъ братъ; я былъ мраченъ и съ поникшею головой, какъ оплакивающій матерь“. Такъ, тетушка Сара, по-

ступалъ со своими врагами царь Давидъ, который хорошо понималъ, что безъ Божьей воли его враги ничего ему сдѣлать не могутъ. Что же послѣ этого можемъ сдѣлать мы, если не поститься и не каяться въ грѣхахъ. Да, что мы тутъ съ вами можемъ сдѣлать, чѣмъ можемъ помочь дѣлу?

— Какъ что? Вы можете позвать этихъ разбойниковъ, поговорить съ ними, пристыдить ихъ...

— Сара, Сара, что такое ты говоришь? Эти люди не боятся и не стыдятся Бога, а ты хочешь, чтобы они побоялись и постыдились людей! Что для нихъ значитъ стыдъ, совѣсть, честь! Ну, хорошо, позову я ихъ, скажу имъ, что не хорошо такъ дѣлать, а они мнѣ на это скажутъ: „вы, равви, жалованье свое получаете аккуратно, такъ сидите же смирно и не въ свое дѣло не вмѣшивайтесь“. Нѣтъ, Сара, я тутъ ровно ничего не могу сдѣлать.

— Нѣтъ, равви, если вы захотите—можете сдѣлать. Вы можете пригрозить имъ херемомъ [1]).

— Сара, Сара, если огородъ не загороженъ, то развѣ есть возможность уберечься отъ свиней? Пойми, что главное тутъ законъ; разъ законъ даетъ возможность злоупотреблять, то всегда найдутся мерзавцы, которые будутъ этимъ пользоваться; не будутъ этого дѣлать эти—найдутся другіе. Не все-ли это равно? Талмудъ говоритъ, что не будь власти, люди глотали бы другъ друга живьемъ, т.-е. онъ хочетъ этимъ сказать, что люди всегда требуютъ узды, никогда ихъ не слѣдуетъ разнуздывать и давать имъ волю. А это именно законъ такой, который злымъ даетъ полный просторъ.

---

[1]) Херемъ, это собственно не анаѳема, не проклятіе, какъ обыкновенно полагаютъ, а нѣчто въ родѣ исключенія изъ человѣческаго общества, т.-е. постановляется и объявляется во всеуслышаніе, что то или другое лицо тѣмъ или другимъ нарушило договоръ общежитія, вслѣдствіе чего это лицо отнынѣ находится внѣ законовъ общежитія. Это, такъ сказать, оффиціальное нарушеніе обоюднаго договора. Что херемъ имѣетъ именно это значеніе, по казываетъ то обстоятельство, что онъ можетъ быть условнымъ, т.-е. на случай, если NN сдѣлаетъ то-то и то-то, срочнымъ на столько-то лѣтъ, мѣсяцевъ, и во всякое время можетъ быть снятъ. Положеніе лица, которое находится подъ херемомъ, нельзя сказать, чтобы было завидное. Сношенія съ такимъ лицомъ на столько запрещены, что ближе, чѣмъ на четырехъ-саженное разстояніе къ нему подойти нельзя. Что лицо, которое находится подъ херемомъ, можно убить и воспользоваться его имуществомъ, это, конечно, вздоръ: нѣтъ такихъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ возможно было бы нарушеніе такихъ основныхъ законовъ,какъ «не убій» и «не укради».Херемъ обыкновенно объявляется въ синагогѣ, при торжественной обстановкѣ, съ трубными звуками и проч.

— Такъ вы, равви, отказываетесь что-либо предпринять?—спросила тетушка Сара.

— Да, Сара, что же дѣлать, на то евреи въ изгнаніи.

— Прощайте же, равви, я сама сдѣлаю то, чего не можете сдѣлать вы.

Тогда тетушка Сара отправляется въ кагальную комнату.

— Что, тетушка Сара, скажете?—спрашиваетъ ее Шименъ Безбожникъ;—вы не за недове (подаяніе) ли?

— Я отъ людей, которые забываютъ Бога, подаянія не беру. Богъ не терпитъ того, что облито кровью, выпачкано въ грязи,—отрѣзала тетушка Сара.

— Ого, тетушка Сара, вы чуть-ли не проповѣдь собираетесь сказать,—насмѣшливо замѣтилъ Шименъ Безбожникъ, при чемъ вся остальная компанія захохотала.

— Я хочу сказать вамъ не проповѣдь, а то, что вы мерзавцы и негодяи.

— А мы думали, что мы праведники, и только-что хотѣли васъ просить показать намъ дорогу въ рай.

— Я пришла сюда не для того, чтобы разговаривать, а для того, чтобы сказать вамъ, что вы немедленно должны выпустить Слуцкаго.

— Ого,—засмѣялась компанія.—У тебя, тетушка Сара, губа не дура! Не хочешь-ли ты еще чего-нибудь?

— Я васъ предупреждаю, что вы его не продадите.

— Любопытно знать, что ты намъ сдѣлаешь, если мы не послушаемъ тебя?

— Это вы увидите.

— Ну, такъ ужъ такъ и быть, подождемъ, посмотримъ, что ты намъ сдѣлаешь. А пока прощай.

На завтрашній день, въ синагогѣ, гдѣ молились раввинъ, кагальные и вся знать, передъ началомъ молитвы въ мужскую половину [1]) зашла тетушка Сара. Она подошла къ киоту, поцѣловала занавѣсь, обернулась лицомъ къ публикѣ и произнесла: „Я, раббейсай (господа), запрещаю молитву [2]). Я, раббейсай, запрещаю ее сегодня, не допущу ея и завтра и

[1]) Женщины отдѣляются отъ мужчинъ перегородкою.

[2]) Собственно говоря, запретить молитву никто не можетъ; но такъ какъ при общественной молитвѣ нужны свитки закона, а передъ киотомъ, гдѣ лежатъ свитки, немыслимо никакое насиліе, то если кто-нибудь станетъ передъ киотомъ и не допуститъ вынуть свитковъ—общественная молитва состояться не можетъ.

послѣ завтра, не буду допускать ея до тѣхъ поръ, пока вы не изгоните изверговъ. Люди, которые торгуютъ человѣческимъ мясомъ, недостойны стоять передъ лицомъ Господа Бога. Богъ не можетъ услышать молитвы того общества, среди котораго есть люди, которые, какъ псы, гоняются за людьми съ тѣмъ, чтобы высосать ихъ кровь и обглодать ихъ кости".

Произошло общее смятеніе.

— Я требую,—продолжала тетушка Сара,—чтобы немедленно былъ выпущенъ Слуцкій пойманникъ.

— Этого никогда не будетъ,—громко крикнулъ Шименъ Безбожникъ.

— Я говорю не съ тобою, Безбожникъ,—отрѣзала тетушка Сара,—я говорю съ людьми, у которыхъ еще есть честь, совѣсть, которые боятся Бога, у которыхъ терпѣніе можетъ лопнуть, и они могутъ вытолкать въ шею шайку разбойниковъ, которые ихъ же обираютъ.

Послѣдовало гробовое молчаніе. Каждому была дорога своя шкура и каждаго въ отдѣльности честная кагальная компанія могла скрутить такъ, что ему небо съ овчинку покажется. Такъ тетушка Сара простояла на своемъ посту до двѣнадцати часовъ дня, и, когда всѣ, помолившись, по одиночкѣ разошлись по домамъ, она ни съ чѣмъ ушла. На завтрашній день она продѣлала то же самое, но съ тѣмъ же результатомъ. Шименъ Безбожникъ съ компаніей и въ усъ себѣ не дули. Очень нужна имъ была общественная молитва; хотя бы вѣкъ ея не было. Но вотъ наступила суббота, когда не только мужчины, но и женщины приходятъ въ синагогу [1]). Тетушка Сара заняла свое мѣсто у ковчега и положила свое veto на молитву, а потомъ, обернувшись лицомъ къ женской половинѣ, начала:

— Дщери Израиля, матери, жены и сестры этихъ людей, передъ которыми я стою, къ вамъ я обращаюсь и держу рѣчь свою! Вотъ ужъ третій день, какъ я твержу этимъ людямъ то, что каждый про себя отлично самъ знаетъ, что стыдно, позорно и безбожно дѣлать то, что продѣлываетъ шайка кагальныхъ разбойниковъ, устранить которую зави-

[1]) Женщины обыкновенно по будиямъ не посѣщаютъ синагоги, а если и посѣщаютъ, то особенно богомольныя и старухи. По субботамъ же въ синагогѣ бываютъ всѣ замужнія женщины. До замужества женщина въ синагогѣ не бываетъ.

сить отъ нихъ самихъ; но никто изъ нихъ пальцемъ о палецъ не ударитъ для того, чтобы положить конецъ злу; каждый изъ нихъ боится за свою шкуру. Выходитъ, что цѣлая община боится двухъ, трехъ собакъ, которыхъ, если она только захочетъ, всегда прогнать можетъ. Одного, двухъ—эти собаки могутъ растерзать, но что могутъ они сдѣлать противъ цѣлой общины? Ровно ничего. Ну, и Господь съ ними, пусть они дорожатъ своимъ спокойствіемъ! Но вы, дщери Израиля, вы, которыя въ мукахъ и страданіяхъ рождаете дѣтей, выкармливаете ихъ своей кровью, обливаете ихъ слезами, вы, которыя знаете, что значитъ для матери лишиться своего ребенка, неужели, спрашиваю я васъ, вы хладнокровно можете смотрѣть, какъ у матерей самымъ предательскимъ образомъ отнимаютъ дѣтей, у сестеръ—ихъ братьевъ, а у женъ—ихъ мужей?.. Вы помните, какой душу потрясающій вопль раздался въ долинѣ Авраама, когда наша праматерь Рахиль лишалась своихъ дѣтей?.. Дщери Израиля, гдѣ, въ какой общинѣ не раздается теперь этотъ вопль о потерянныхъ дѣтяхъ?.. Сестры, развѣ вы не видите несчастной, убитой горемъ Рахили, развѣ вы не слышите ея душу потрясающаго вопля: разбойники, душегубы, возвратите же мнѣ предательскимъ образомъ похищенныхъ вами моихъ дѣтей!.. Сестры, вотъ они, эти душегубы, разбойники, которые терзаютъ матерей, женъ, сестеръ, которые похищаютъ у Рахили ея дѣтей, и неужели вы останетесь хладнокровными зрительницами этого вопіющаго зла, не растерзаете этихъ бѣшеныхъ волковъ и не выметете зла изъ среды Израиля?—И при этомъ тетушка Сара съ протянутой рукой въ сторону кагальныхъ замерла въ неподвижности. И не успѣлъ никто опомниться, какъ съ плачемъ, воплями, пронзительнымъ криками женщины моментально очутились на мужской половинѣ и стремительно, какъ лавина, перескакивая черезъ столы и скамьи, бѣшено ринулась въ сторону кагальныхъ. Тучею полетѣли въ нихъ тяжеловѣсные подсвѣчники, фоліанты, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ кагальные были избиты, истерзаны и окровавлены. Что, въ самомъ дѣлѣ, могли сдѣлать пять, шесть человѣкъ противъ пятисотъ остервенившихся женщинъ.

Мужчины сначала въ этой схваткѣ не принимали никакого участія, но когда кагальные имѣли неосторожность

начать угрожать начальствомъ, каторгой, они присоединились къ женщинамъ. И кончилось это тѣмъ, что, подъ предводительствомъ тетушки Сары, еле живыхъ кагальныхъ торжественно повели къ кагальной избѣ, гдѣ ихъ заставили немедленно выпустить на свободу всѣхъ заключенныхъ. Само собою, что общество, чтобы не нажить хлопотъ, немедленно должно было взять изъ рукъ этихъ молодцовъ бразды правленія общественными дѣлами. А когда кагальные послѣ этого затѣяли дѣло объ избіеніи въ синагогѣ, у нихъ, помимо того, что не оказалось ни одного свидѣтеля, но они еще нажили себѣ дѣло о растратѣ общественныхъ денегъ.

III.

Изо всего этого вы видите, что познакомиться съ тетушкой Сарой не только не безполезно, но, нѣкоторымъ образомъ, даже необходимо. Если даже, скажемъ, вы такого рода человѣкъ, который, слава Богу, сытъ, обутъ, одѣтъ и ни въ чемъ другомъ не нуждается, то все-таки, по-моему, вамъ слѣдуетъ повидаться съ тетушкой Сарой, положительно слѣдуетъ. Ужъ по тому одному слѣдуетъ, что любопытно, а съ другой стороны поучительно и назидательно. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть человѣка, который, не обладая сверхестественными силами, справляется съ такой массой самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, какъ это удается тетушкѣ Сарѣ; а поучительно это потому, что очень ужъ она умна и удивительно свѣдуща по всѣмъ отраслямъ, и нѣтъ такой вещи въ мірѣ, которой она бы не знала и не понимала. Великій Богъ, чего только она не знаетъ, не понимаетъ и о чемъ только она не имѣетъ точныхъ свѣдѣній! Она знаетъ не только то, что дѣлается на землѣ, но и все, что дѣлается на небѣ. Она со всѣми подробностями разскажетъ вамъ, какъ устроена земля, которая плаваетъ въ морѣ-океанѣ (на чемъ держится море-океанъ она не знаетъ), изъ чего сдѣланы небеса (ихъ седьмъ и сдѣланы они изъ хрусталя), и какіе на нихъ порядки. Высь, глубь, ширь, даль, бездны ада, блаженства райской жизни — все это передъ тетушкой Сарой открыто, и нѣтъ во всей вселенной такого уголка, гдѣ она бы не была какъ у себя дома и гдѣ

бы у нея не было хорошихъ знакомыхъ. Природныя стихіи (ихъ четыре), буйные вѣтры, которые сидятъ въ мѣшкахъ, откуда ихъ по временамъ выпускаютъ, небесные ангелы, адскія силы, покойники, вампиры, оборотни—про все это тетушка Сара имѣетъ самыя подробныя свѣдѣнія. Если захотите, она поимянно назоветъ каждаго ангела, опишетъ его ростъ, скажетъ, гдѣ онъ находится, чѣмъ занимается, познакомитъ васъ съ главными представителями адской силы, разоблачитъ передъ вами всѣ ихъ ухищренія, козни, къ которымъ они прибѣгаютъ для того, чтобы уловить драгоцѣнныя еврейскія души.

Застать тетушку Сару дома вы, конечно, можете во всякое время, но это будетъ случайность. Если же вы хотите застать ее навѣрное, и застать ее на столько свободной, чтобы она могла поговорить съ вами, какъ слѣдуетъ, то я вамъ совѣтую отправиться къ ней часу въ четвертомъ, пятомъ утра: это самое лучшее время для свиданія съ ней. Въ это время она уже давно на ногахъ, давно успѣла встать, одѣться, прочитать установленное число главъ псалтиря, всхлипнуть о своихъ грѣхахъ (тетушка Сара частенько-таки любитъ вспомнить о нихъ), затопить печку и взяться за работу. Работа у нея кипитъ; ея засученные рукава и старыя, морщинистыя руки такъ и мелькаютъ у тѣста, а языкъ совершенно свободенъ, и она можетъ вести какіе угодно разговоры. Своимъ присутствіемъ вы ей не только не помѣшаете, а, напротивъ, доставите большое удовольствіе: она очень любитъ, когда въ это время къ ней приходятъ; это, такъ сказать, ея оффиціальные часы пріема. И поэтому-то васъ ничуть не должно поразить, если, когда вы будете приближаться въ пятомъ часу утра къ домику тетушки Сары, до вашихъ ушей донесется душу раздирающій крикъ, вопль, въ общемъ напоминающій завываніе голодныхъ волковъ, и вамъ покажется, что въ домѣ тетушки Сары происходитъ жестокая драка. Могу васъ увѣрить, что въ домикѣ тетушки Сары, со времени его существованія, никто не дрался. Да и голодные волки, насколько мнѣ извѣстно, тамъ тоже не бываютъ. Дѣло можетъ объясниться гораздо проще. Завываніе голоднаго волка можетъ оказаться пѣніемъ заѣзжаго волка, который, посѣтивъ тетушку Сару для того, чтобы задобрить ее и расположить къ себѣ, даетъ ей какой-нибудь новый, имъ изобрѣтенный

концертикъ, а драка ужъ навѣрное окажется горячимъ споромъ нѣсколькихъ посѣтителей тетушки Сары, которые, зайдя къ ней посидѣть, завели рѣчь о какомъ-нибудь мудреномъ вопросѣ. И слѣдовательно, не рискуя нарваться на скандалъ, попасть въ протоколъ, вы смѣло можете заходить къ тетушкѣ Сарѣ съ полной увѣренностью, что какъ бы жестокъ ни былъ споръ, какъ бы громко спорящіе ни кричали и какъ бы энергично ни размахивали руками, драки изъ этого никогда не выйдетъ,—все кончится самымъ мирнымъ образомъ.

У тетушки Сары, безъ всякаго опасенія помѣшать ей, вы можете пробыть часовъ до семи, до тѣхъ поръ, пока она заканчиваетъ свою работу и уходитъ въ синагогу къ утренней молитвѣ. Тутъ вы ужъ должны ей извинить: она изъ-за васъ и лишней минуты дома не останется.

Развѣ тетушка Сара можетъ манкировать такимъ важнымъ актомъ религіозныхъ обязанностей, какъ молитва? Конечно, нѣтъ.

Положимъ, что для женщины религіозныя обязанности необязательны. У нея есть свои спеціально-женскія обязанности; но, согласитесь, что масло каши не портитъ. И дѣйствительно, тетушка Сара никогда масла не жалѣетъ. Она не только не пропуститъ общей установленной молитвы, но еще отъ себя прибавитъ такія, которыя никѣмъ никогда установлены не были; тетушкѣ Сарѣ нѣтъ дѣла, кѣмъ составлена молитва, лишь бы она была чувствительна. Чувствительность — одна изъ слабостей тетушки Сары. Она, по правдѣ сказать, любитъ-таки всплакнуть. Есть-ли о чемъ, нѣтъ-ли, разъ она находится на своемъ посту, т.-е. въ синагогѣ на своемъ мѣстѣ,—она считаетъ своимъ долгомъ проливать горькія слезы. „Спаси насъ, Іегова, какъ спасъ ты нашихъ праотцевъ“,—и тетушка Сара ужъ плачетъ. „Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ“—тетушка Сара ужъ всхлипываетъ. „Царства земныя, пойте Богу, бряцайте Господу, возсѣдающему на небесахъ небесъ вѣковыхъ“ — тетушка Сара уже проливаетъ горькія слезы. Вообще, за слезами у тетушки Сары дѣло никогда не станетъ: сколько бы ихъ ни потребовалось, у нея онѣ всегда найдутся. И поэтому-то въ синагогѣ она всегда составляетъ центръ, вокругъ котораго группируется цѣлая масса женщинъ, чувствами которыхъ тетушка Сара про-

извольно дирижируетъ. Она трагически киваетъ головой, и всѣ остальныя слѣдуютъ ея примѣру. Она испускаетъ глубокій вздохъ, и немедленно вокругъ нея начинаютъ раздаваться глубокіе вздохи. Заплачетъ она, и всѣ начинаютъ всхлипывать. Въ этомъ отношеніи тетушка Сара пользуется полнѣйшимъ довѣріемъ, потому что, говоря откровенно, въ большинствѣ случаевъ, никто изъ плачущихъ не знаетъ, о чемъ собственно она плачетъ, по той весьма простой причинѣ, что древне-еврейскаго языка, на которомъ составлены молитвы, женщины не понимаютъ. Но онѣ не входятъ въ разборъ содержанія молитвъ, а просто дѣлаютъ то, что дѣлаетъ тетушка Сара. А тетушка Сара, въ данномъ случаѣ, дѣйствуетъ по вдохновенію, или-же сообразуется съ чисто фонетическими особенностями произносимыхъ словъ. Понравится ей звукъ какого-нибудь слова, покажется онъ ей чувствительнымъ и она заплачетъ.

Конечно, принимая во вниманіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно энергичную натуру тетушки Сары, такая плаксивость съ ея стороны можетъ показаться странной, но это только до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстна тайна, которую тетушка Сара глубоко, глубоко зарыла въ своей душѣ и которая собственно заставляетъ ее проливать цѣлые потоки слезъ.

IV.

Нужно вамъ знать, что когда мнѣ было лѣтъ десять, одиннадцать, тетушка Сара возлагала на меня большія надежды. Она была вполнѣ увѣрена, что современемъ я буду гордостью Израиля; за то она меня очень любила и частенько угощала свѣжими кренделями и душеспасительными разговорами. Я не могу сказать съ точностью, что мнѣ тогда больше нравилось: свѣжіе-ли крендели, или душеспасительные разговоры, но помню, что я частенько заглядывалъ въ домикъ тетушки Сары, гдѣ, закусывая свѣжими, только-что вынутыми изъ печки, хрустящими кренделями, выслушивалъ самыя мудреныя вещи. Тетушка Сара со мною не стѣснялась, была вполнѣ откровенна, говорила много такого, чего другому она, пожалуй, постѣснялась бы сказать. И вотъ разъ, въ минуту откровенности, она какъ-то прого-

ворилась, что у нея на душѣ лежитъ грѣхъ, который страшно ее тяготитъ и заставляетъ вѣчно проливать горькія слезы. Я, разумѣется, пристадъ къ ней съ вопросами, какой это грѣхъ.

Въ моемъ тогдашнемъ дѣтскомъ воображеніи, при словахъ „тяжелый грѣхъ“, стали рисоваться убійства, измѣна супружескому долгу и вообще что-то такое ужасное. Сначала тетушка Сара отнѣкивалась, но черезъ нѣкоторое время начала сдаваться и въ концѣ-концовъ рѣшила открыть мнѣ свою тайну.

— Шлеймене,—начала она торжественно,—я, можетъ быть, дѣлаю большую глупость, что хочу тебѣ открыть то, чего не знаютъ даже мои дѣти, но надѣюсь на твою скромность и любовь ко мнѣ. Ты, вѣроятно, не захочешь мнѣ причинить ужаснаго огорченія и никому не разскажешь того, что я тебѣ разскажу.

Разумѣется, я поспѣшилъ дать ей клятву, что ея тайна умретъ вмѣстѣ со мной.

— Хорошо, я вѣрю; теперь слушай. Вышла я замужъ, когда мнѣ было семь лѣтъ.

— Семь лѣтъ?—удивился я.

— Да, другъ мой, семь лѣтъ, а твоему дядѣ, моему покойному мужу, тогда было восемь лѣтъ. Это, видишь-ли, было во время беголе (смятеніе). Когда зашла рѣчь о томъ, чтобы евреевъ привлечь къ отбыванію воинской повинности, тогда между ними прошелъ слухъ, что правительство будетъ брать не только мужчинъ, но и женщинъ, разумѣется, незамужнихъ. Для чего правительству могутъ понадобиться женщины, этого вопроса никто себѣ не задавалъ, но никто не сомнѣвался въ томъ, что въ одно прекрасное утро нагрянутъ солдаты и будутъ хватать на улицѣ дѣвушекъ.

— Ты знаешь, другъ мой, евреи народъ очень умный, но временамъ они дѣлаютъ гораздо больше глупостей, чѣмъ самые глупые народы. Если ты когда-нибудь присматривался къ умнымъ людямъ, то замѣтилъ, что у нихъ то же самое: они тоже умны, а когда начнутъ глупить, то наглупятъ гораздо больше, чѣмъ завзятые дураки. Понятно, что, благодаря глупому слуху, который, вѣроятно, былъ пущенъ какимъ-нибудь шутникомъ, между евреями сдѣлалась страшная паника. И вотъ, для спасенія своихъ дѣтей, умными родителями было

придумано средство: взять и перевѣнчать ихъ. И начала свирѣпствовать самая ужасная свадебная горячка. Стали вѣнчать чуть не грудныхъ дѣтей. Трудно тебѣ разсказать, что тогда происходило, какая была суматоха и какія смѣшныя вещи при этомъ бывали. Синагоги постоянно были переполнены дѣтьми обоего пола, которыхъ поочередно брали и вѣнчали, иногда при громкомъ ревѣ упрямой и капризной невѣсты, которая, весьма основательно, предпочитала играть въ куклы, чѣмъ выходить замужъ. Да на что тебѣ, я сама послѣ свадьбы вышла на улицу, сняла съ обритой головы [1]) шлееръ [2]) и давай играть въ песочкѣ. Разумѣется, мнѣ за это хорошо попало. Мой мужъ тогда былъ очень бойкій мальчишка, ужасный шалунъ, хотя учился очень хорошо. Мы съ нимъ частенько-таки дрались изъ-за игрушекъ. Жили мы поочередно то у его родителей, то у моихъ.

Когда мы вошли въ тотъ возрастъ, когда поняли, что такое мужъ и жена, наши родители дали намъ приданое, устроили насъ на отдѣльной квартирѣ и сказали намъ: „ну, дѣти, теперь вы сами должны о себѣ заботиться; вы ужъ больше не дѣти, а мужъ и жена“.

Мой покойный мужъ, не смотря на то, что ему было тогда всего 19 лѣтъ и дальше своего роднаго города нигдѣ не былъ и ничѣмъ другимъ, за исключеніемъ науки, не занимался, началъ заботиться о самомъ себѣ очень хорошо. Онъ поѣхалъ въ Варшаву, навезъ мануфактурнаго товара и открылъ торговлю. Торговля пошла очень хорошо. Дальше—больши; чтобы долго не разсказывать, я тебѣ скажу, что въ продолженіи десяти лѣтъ покойному удалось развить обширную торговлю и завести прямое сношеніе съ Лейпцигомъ, куда онъ ежегодно сталъ ѣздить за товаромъ. Дѣла у насъ шли великолѣпно. Мы богатѣли. Между собою мы жили хорошо, любили другъ друга, люди насъ уважали и завидовали нашему счастью. Но, увы, земное счастье непродолжительно. О, хо, хо, грѣхи, грѣхи...—и тетушка Сара замолчала.

— Что же, тетушка, случилось?—не утерпѣлъ я.

Тетушка Сара посмотрѣла на меня долгимъ испытую-

---

[1]) Во время оно замужнія еврейки брили свои головы.

[2]) Длинная полотняная полоса, изъ которой еврейки дѣлали на головѣ нѣчто въ родѣ чалмы съ двумя наушниками.

щимъ взглядомъ и, кивая головой, протяжно-пѣвучимъ голосомъ начала:

— Случилось, другъ мой, то, что не дай Богъ, чтобы случалось и со злѣйшимъ врагомъ. Но слушай, я разскажу по порядку.

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ѣздить въ Лейпцигъ, съ нимъ произошла замѣтная перемѣна: онъ сдѣлался какъ-то особенно молчаливъ, задумчивъ и по вечерамъ часто запирался въ свою комнату, гдѣ у него хранились книги, счеты, векселя, расписки, и ключа отъ которой онъ не довѣрялъ даже мнѣ. Страннымъ казалось мнѣ все это, и я не разъ спрашивала его объ этомъ, но онъ мнѣ всегда отвѣчалъ, что когда плывешь по морю на большомъ кораблѣ, нужно думать о томъ, куда и къ какому берегу его привести. Мало-ли у него заботъ, мало-ли о чемъ ему надо подумать; ему нужно спокойствіе, чтобы никто не мѣшалъ, а комнату, объяснилъ онъ, запираетъ онъ потому, что въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ его, требуется величайшая аккуратность, точность, и онъ долженъ былъ быть увѣреннымъ, что всякая бумаженка находится именно на томъ мѣстѣ, куда онъ ее положилъ. Что я ему на это могла возразить? И хотя, по правдѣ сказать, на душѣ у меня было неспокойно, чуяло мое сердце что-то недоброе, но я молчала. Да и что я могла говорить? Какія я имѣла основанія подозрѣвать что-нибудь серьезное? Между собою мы жили такъ же хорошо, какъ и прежде; въ городѣ онъ былъ любимъ, уважаемъ и считался однимъ изъ ученѣйшихъ и уважаемыхъ лицъ, во всякомъ добромъ дѣлѣ онъ былъ первый, всѣ религіозныя обрядности исполнялъ съ замѣчательной аккуратностью, — что же я могла говорить?

— Это было въ страшный судный день, когда трепещетъ всякая тварь не только на землѣ, но и въ водѣ. У меня тогда былъ грудной ребенокъ, и во время перерыва между утренней и обѣденной молитвой я пошла домой, чтобы накормить ребенка; притомъ мужъ утромъ жаловался на нездоровье, и въ синагогѣ я его не видѣла. Я и подумала— не заболѣлъ-ли онъ. Прихожу домой, дѣти мнѣ говорятъ, что отецъ дома. Иду я въ комнаты и вижу, что въ общихъ комнатахъ его нѣтъ. Гдѣ же это онъ? думаю я. Ужъ не станетъ же онъ въ такой день сидѣть въ своей комнатѣ надъ

счетами. Но, такъ какъ его нигдѣ не было, я наугадъ пошла въ роковую комнату. Ты знаешь, что въ этотъ день обуви не полагается, и я въ чулкахъ, неслышно подошла къ двери, взялась за ручку, она повернулась, дверь открылась, и я обмерла. То, что я увидѣла, обдало меня такимъ ужасомъ, что я, какъ окаменѣлая, не могла двинуться съ мѣста, не могла слова вымолвить.

Тетушка пріостановилась, усиленно стала дышать; повидимому, она собиралась заплакать.

— Что-жъ такое, тетушка, вы увидѣли?—спросилъ я.

— О, дитя мое, что я увидѣла, что увидѣла! Не дай Богъ ни одному доброму еврею никогда увидѣть то, что я увидѣла. Представь себѣ, что если бы во время существованія іерусалимскаго храма первосвященникъ, въ то время, когда онъ проникаетъ въ святую-святыхъ, вдругъ увидѣлъ, что все тамъ разбито, разрушено, осквернено святотатственной рукой, что бы долженъ онъ почувствовать? Почти то же самое увидѣла и почувствовала я. Я увидѣла, что свѣтъ моихъ очей погасъ, что корона, которую я съ гордостью носила на головѣ, лежитъ въ грязи и что моя любовь, мое счастье разсѣялись, какъ прахъ, какъ дымъ. Я увидѣла, что мой благочестивый мужъ, котораго всѣ считаютъ образцомъ добродѣтели, въ судный день, въ этотъ страшный день, когда трепещетъ все сущее,—ѣстъ курицу и куритъ папироску... Да, мои глаза меня не обманывали: на столѣ лежали обглоданныя кости, остатки хлѣба, а онъ съ папироской во рту сидѣлъ надъ книгой, которая ничего общаго не имѣла съ тѣми, которыя въ этотъ день слѣдовало бы видѣть въ рукахъ благочестиваго еврея. Это была книга на нѣмецкомъ языкѣ.

Нѣсколько минутъ онъ, блѣдный какъ полотно, сидѣлъ на мѣстѣ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза, а потомъ быстро всталъ, подошелъ ко мнѣ и молча, безъ словъ, взялъ меня за руку, ввелъ въ комнату, захлопнулъ дверь, заперъ ее на ключъ, подвелъ къ дивану и коротко сказалъ: „сядь“. Я въ безсиліи опустилась на диванъ и разразилась страшными рыданіями. О Боже, что это были за рыданія, что за слезы лились изъ моихъ глазъ! Онъ со скрещенными на груди руками неподвижно, молча, сострадательно смотрѣлъ на меня. Когда же мои рыданія стали утихать и я стала успокоиваться, онъ произнесъ: „выслушай меня, Сара“, и онъ за-

говорилъ. Великій Богъ, для чего только были даны мнѣ уши, если мнѣ суждено было слушать то, что онъ говорилъ. Онъ говорилъ, и каждое его слово острымъ ножомъ вонзалось въ мое сердце, вверхъ дномъ переворачивало всю мою душу. Онъ говорилъ, и я чувствовала, какъ меня покидаютъ силы, какъ меркнетъ свѣтъ очей моихъ, какъ все вокругъ меня колеблется, до тѣхъ поръ, пока все окружающее не исчезло, не погрузилось во мракъ.

Я очнулась, пришла въ себя мѣсяца черезъ два. Я была больна, очень больна. Я все время находилась въ страшномъ огнѣ. Да, я его видѣла, этотъ страшный адскій огонь, который бушуетъ, волнуется, какъ разъяренное море, и на своихъ свирѣпыхъ, бушующихъ волнахъ носитъ безчисленное множество грѣшниковъ, которые оглашаютъ воздухъ душу потрясающимъ воплемъ.

Когда я пришла въ себя, мнѣ казалось, что я совершенно не та, которая была раньше, что свѣтъ Божій тоже перемѣнился, что и солнце ужъ не такъ свѣтило, и деревья ужъ не такъ зеленѣли и птицы не такъ весело щебетали; даже улыбка моихъ дѣтей не такъ ужъ согрѣвала сердце, какъ прежде. Я почувствовала себя въ этомъ мірѣ одинокой, чуждой и всѣми покинутой...

Мой мужъ, который неотступно находился возлѣ меня и старался окружить меня всевозможными попеченіями, казался мнѣ ужъ не мужемъ, а какимъ-то чуждымъ человѣкомъ, съ которымъ у насъ не было ничего общаго. Да и что у меня могло быть общаго съ человѣкомъ, который только носилъ маску еврея, а въ душѣ былъ самымъ ужаснымъ сластолюбцемъ. И начались для меня тяжелые и мрачные дни, когда я съ отчаяніемъ въ душѣ должна была казаться совершенно спокойной въ то время, когда душа моя разрывалась на части, должна была дѣлать надъ собой усилія, чтобы не крикнуть отъ боли, должна была казаться веселой и улыбаться. Я уподоблялась тому талмудическому богачу, который, когда его гости стали завидовать его счастью, удивляться роскоши его стола, взялъ изъ золотой вазы красивый плодъ, разломалъ его и показалъ внутри червяка, а потомъ раскрылъ свою грудь и показалъ на ней ужасную язву. Да, люди завидовали моему богатству, счастью, но если бы они только знали, что у меня дѣлалось на душѣ.

— Но вѣдь вы же, тетушка, могли развестись?

— Развестись,—задумчиво произнесла тетушка,—охъ, дитя, дитя, ты думаешь, что когда живешь съ человѣкомъ десять, пятнадцать лѣтъ, то такъ легко взять въ одно прекрасное утро и разойтись съ нимъ. Ты забываешь, что у насъ были дѣти, забываешь, что ожидало нашихъ дѣтей, въ случаѣ, если бы люди узнали, что ихъ отецъ не порядочный человѣкъ, а отщепенецъ. Притомъ вѣдь ты знаешь, что и *тамъ*, наверху, тоже что-нибудь понимаютъ, и если тамъ еще до нашего рожденія было рѣшено, что мы съ нимъ должны быть мужемъ и женой, то какъ же я могла идти противъ этого рѣшенія? Вѣдь было же тамъ извѣстно, чѣмъ онъ будетъ. Нѣтъ, я о разводѣ и думать не могла; я глубоко, глубоко зарыла въ душу свое несчастье и рѣшила никому не открывать своей раны. Пусть люди завидуютъ моему счастью, пусть они думаютъ, что мнѣ хорошо живется на бѣломъ свѣтѣ...

— Ну, а онъ-то какъ, по-прежнему...—не договорилъ я.

Тетушка Сара глубоко вздохнула, трагически покачала головой и съ какой-то особенной задушевностью произнесла:

— Шлеймеле, видѣлъ-ли ты когда-нибудь, чтобы яблоко, во внутрь котораго забрался червякъ, опять сдѣлалось здоровымъ и крѣпкимъ? У человѣка то же самое: разъ въ его душу забрался червякъ—онъ никогда ужъ оттуда не выйдетъ; онъ точитъ, точитъ до тѣхъ поръ, пока еще тамъ остается какая-нибудь мякоть. Да, Шлеймеле, что такое человѣкъ безъ вѣры и надежды на Бога, если не шелуха и червоточина?

— Да развѣ, тетушка, онъ не вѣровалъ въ Бога?—ужаснулся я.

— Не вѣровалъ въ Бога!—кто его знаетъ; я съ нимъ никогда объ этомъ не говорила. Да что въ этомъ толку? Вѣдь важно не то, чтобы вѣрить въ Бога, а въ какого Бога вѣрить. Вѣдь ты знаешь, что у каждаго народа есть свой богъ. Въ какого же это Бога онъ могъ вѣрить, если онъ насмѣхался надъ его повелѣніями, попиралъ ногами его законы, говорилъ, что все это вздоръ, измышленія досужихъ талмудистовъ и людей, лишенныхъ здраваго смысла. Это, Шлеймеле, плохой богъ, и отъ вѣры въ такого бога ни тепло, ни холодно. Впрочемъ, я всегда остерегалась заводить съ нимъ объ этомъ рѣчь. Послѣ рокового случая между нами установились такія отношенія, что больного мѣста не касался

ни онъ, ни я. Онъ по-прежнему запирался въ свою комнату, просиживалъ тамъ цѣлыя ночи, а когда выходилъ изъ этой проклятой комнаты, былъ человѣкъ какъ человѣкъ и ничѣмъ не давалъ повода подозрѣвать, что онъ вовсе не то, чѣмъ кажется. Такъ мы съ нимъ прожили три года до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ, т.-е. не утонулъ.

— Утонулъ?

— Да, утонулъ. Онъ возвращался изъ Лейпцига. Дѣло было передъ пасхой. Онъ торопился домой и не хотѣлъ ждать, какъ ему совѣтовали, пока по какой-то рѣкѣ пройдетъ ледъ, поѣхалъ по льду, провалился и утонулъ.

Тетушка Сара замолчала.

— А что вы, тетушка, сдѣлали съ его книгами?—спросилъ я.

— Съ какими? Съ тѣми богопротивными? Я, другъ мой, съ ними ничего не сдѣлала. Съ ними сдѣлалъ Богъ то, чего онѣ стоили и чего заслуживали.

— Что же онъ съ ними сдѣлалъ?

— Онъ ихъ сжегъ до тла, и праха отъ нихъ не осталось. Правда, при этомъ онъ сжегъ еще много кое-чего другого, ну да при виновномъ всегда страдаетъ и невиновный. Видишь-ли, когда онъ умеръ, я много разъ собиралась сама это сдѣлать, т.-е. сжечь ихъ, но никогда у меня духа не хватало: каждый разъ, какъ я заходила въ ту роковую комнату, гдѣ лежали эти ужасныя книги, мнѣ становилось жутко. Въ ней вѣяло какимъ-то страннымъ холодомъ. Каждая вещица мнѣ напоминала о немъ: я видѣла стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, перо, которое онъ держалъ въ рукахъ, и мнѣ начинало казаться, что онъ еще тутъ... Мнѣ слышалось его дыханіе, чувствовался его грустный, задумчивый и упорно-устремленный на меня взглядъ, и мнѣ становилось страшно. Я боялась прикасаться къ этимъ ужаснымъ книгамъ, которыхъ, казалось, охраняла невидимая сила. Я уходила и запирала на ключъ комнату... Такъ я все откладывала, откладывала, собиралась съ духомъ до тѣхъ поръ, пока Богъ самъ не распорядился. Онъ послалъ пожаръ и въ полчаса ихъ не стало.

— Такъ что, если бы вы, тетушка, раньше распорядились и сожгли бы книги, ваше остальное имущество уцѣлѣло бы?—сдѣлалъ я свое замѣчаніе.

— Дитя,—сказала она,—кто можетъ знать, что извѣстно одному только Богу. Кто изъ смертныхъ можетъ прочесть, что написано въ книгѣ судебъ? Кто его знаетъ? Намъ кажется такъ, но можетъ быть и иначе. Намъ кажется, но, можетъ быть, видимъ-то мы не дальше своего носа. Все отъ Бога и на все его святая воля!

И. Пружанскій

ПАДЕНІЕ БИРОНА (1740).

(по новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ).

I.

Введеніе. Источники.

Биронъ въ продолженіе десяти лѣтъ былъ настоящимъ государемъ во время всего царствованія императрицы Анны Іоанновны. Старанія его удержать въ своихъ рукахъ власть и послѣ номинальной перемѣны на престолѣ обошлись дорого временщику. Его судьба походитъ на судьбу Меншикова, управлявшаго Россіею при Екатеринѣ I и погибшаго при Петрѣ II также скоро, послѣ номинальной перемѣны на престолѣ. И Меншиковъ, и Биронъ очутились въ ссылкѣ. Роль императора Петра II походитъ на образъ дѣйствій принцессы Анны Леопольдовны. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ главными дѣйствующими лицами оказываются министры-царедворцы. Причиною ненависти противъ Меншикова въ 1727, какъ и противъ Бирона въ 1740 году не было какое-либо различіе политическихъ воззрѣній; нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ политическихъ партій ни въ катастрофѣ Меншикова, ни въ государственномъ переворотѣ, жертвою котораго сдѣлался Биронъ. Объ трагедіи представляютъ собою лишь борьбу людей, честолюбіе которыхъ не знало предѣловъ. Частныя, личныя выгоды служатъ руководствомъ въ дѣйствіяхъ важнѣйшихъ лицъ, встрѣчаемыхъ въ этихъ событіяхъ. Политической программы въ сущности не было ни у жертвъ этихъ переворотовъ, ни у ихъ побѣдителей. Такое полнѣйшее отсутствіе чего-либо похожаго на патріотизмъ въ высшихъ сферахъ, въ центрѣ государства—производитъ тяжелое впечатлѣніе.

Внезапностью, драматическимъ эффектомъ—паденіе Бирона походитъ на событія при воцареніи Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I. Неожиданная перемѣна путемъ насилія, вслѣдствіе придворнаго заговора, быстрыя и смѣлыя дѣйствія весьма лишь немногихъ лицъ, совсѣмъ неожиданный пере-

ломъ въ положеніи высокопоставленныхъ лицъ — вотъ главныя черты при арестованіи Бирона, при сверженіи малолѣтняго императора Іоанна Антоновича, при удаленіи Петра III, въ событіи въ мартѣ 1801-го года. До послѣдней минуты во всѣхъ этихъ случаяхъ сохраняется тишина при дворѣ. Близкія другъ другу высокія особы стараются содержать въ тайнѣ свои планы: благодаря этому, жертвы переворотовъ застигнуты врасплохъ; неожиданность, быстрота дѣйствій оказываются важнѣйшимъ условіемъ успѣха. Не столько политическіе подвиги, сколько основанная на личномъ разсчетѣ крамола рѣшаетъ судьбу государства. Отсутствіе государственныхъ учрежденій заставляетъ угнетенныхъ прибѣгнуть къ мелочной интригѣ для того, чтобы избавиться отъ невыносимаго произвола лица, временно располагавшаго властью и употреблявшаго ее во зло людямъ и въ ущербъ государству.

Паденіе Бирона въ частностяхъ довольно подробно изложено въ исторической литературѣ [1]). И прежде не было недостатка въ источникахъ, при изученіи этого факта. Самый любопытный разсказъ объ арестованіи Бирона представляютъ собою записки Манштейна, опубликованныя на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ еще во второй половинѣ прошедшаго вѣка. Авторъ этихъ записокъ служилъ орудіемъ фельдмаршала Мюниха и самолично арестовалъ регента. Значитъ, онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ актеровъ въ этой драмѣ. Очевидцемъ этихъ событій былъ и сынъ фельдмаршала Мюниха, занимавшій видное мѣсто при дворѣ Анны Леопольдовны. Въ его запискахъ, явившихся въ русскомъ переводѣ въ 1817-мъ году [2]), заключаются также довольно любопытныя данныя о катастрофѣ Бирона и о назначеніи матери императора Іоанна Антоновича регентшею.

Соловьевъ, при составленіи своего разсказа объ этой важной перемѣнѣ въ центрѣ государства, пользовался документами, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ. Между послѣдними занимаютъ самое видное мѣсто бумаги, относящіяся къ слѣдственному дѣлу Бирона и Бестужева. Этотъ архивный матерьялъ проливаетъ новый свѣтъ на весь переворотъ, случившійся въ концѣ 1740 года. Тутъ мы знакомимся съ оффиціальнымъ взглядомъ на Бирона и его сторонниковъ. Такого рода матерьялъ, однако,

---

[1]) Статья С. Н. Шубинскаго въ III-мъ томѣ «Русской Старины» относится не столько къ самой катастрофѣ въ ноябрѣ 1740 года, сколько къ пребываніе Бирона въ ссылкѣ, а именно въ Ярославлѣ. Эта эпоха въ жизни герцога выходитъ изъ рамки нашего разсказа.

[2]) Недавно А. Юргенсонъ открылъ нѣмецкій подлинникъ записокъ младшаго графа Мюниха.

вызываетъ желаніе выслушать мнѣніе болѣе безпристрастныхъ современниковъ-очевидцевъ этихъ событій.

Зрителями всего происходившаго были, между прочимъ, иностранные дипломаты, въ депешахъ которыхъ, разумѣется, заключались очень любопытныя частности этихъ приключеній. Для нихъ удаленіе регента и трагическая судьба, постигшая его, превращеніе настоящаго правителя Россіи въ преступника, сосланнаго въ Сибирь, были совсѣмъ неожиданнымъ фактомъ. Они, пожалуй, умѣли цѣнить нѣкоторую опасность положенія, въ которомъ находился честолюбивый временщикъ. Однако, никто не могъ предвидѣть столь быстраго кризиса при русскомъ дворѣ. Потому всѣ дипломаты считали своею обязанностью, послѣ совершившагося государственнаго переворота, собирать свѣдѣнія о томъ, какъ все происходило. Задача была довольно трудная, потому что, при тогдашнихъ пріемахъ управленія дѣлами, при тогдашнемъ характерѣ судопроизводства, правительство старалось сохранять въ тайнѣ ходъ всего дѣла. Тѣмъ не менѣе, тому или другому изъ иностранныхъ дипломатовъ удавалось изъ бесѣдъ съ графомъ Остерманномъ, съ герцогомъ Антономъ Ульрихомъ и съ другими лицами узнать кое-что о событіяхъ, происходившихъ во время послѣдней болѣзни императрицы Анны Іоанновны и въ первые мѣсяцы номинальнаго царствованія Іоанна Антоновича.

Нельзя не сожалѣть, что въ это время уже болѣе не было въ Россіи ни испанскаго посла, дюка де-Лирія, записки котораго столь важны, при изученіи исторіи царствованія Петра II и перваго времени царствованія Анны, ни англійскаго дипломата, Рондо, депеши котораго столь важны, при оцѣнкѣ событій наканунѣ паденія Бирона. Также и леди Рондо, еслибы присутствовала при переворотѣ 1740 года, въ своихъ письмахъ сообщила бы очень любопытныя данныя о томъ, какъ держали себя при этомъ случаѣ тѣ лица, съ которыми она была столь близко знакома.

Въ С.-Петербургѣ въ это время членами дипломатическаго корпуса были между прочимъ: Шетарди, Финчъ, Мардефельдъ, Гогенгольцъ, Нолькенъ, Пецольдъ, Нейбауеръ и др.

Нельзя не сожалѣть о томъ, что депеши Гогенгольца, австрійскаго дипломата, хранящіяся въ Вѣнскомъ архивѣ, пока остаются совсѣмъ неизвѣстными. Судя по его донесеніямъ до 1730 года, просмотрѣннымъ авторомъ этой статьи въ Вѣнскомъ архивѣ и разработаннымъ въ монографіяхъ объ исторіи Екатерины I и Петра II, депеши Гогенгольца и въ концѣ 1740 года должны были заключать въ себѣ множество новыхъ данныхъ для разъясненія катастрофы Бирона. Гогенгольцъ былъ отлич-

нымъ наблюдателемъ. Онъ пользовался довѣріемъ Остермана и узналъ чрезъ него многія частности о придворныхъ дѣлахъ. Можно думать, что въ его донесеніяхъ заключаются любопытныя данныя о паденіи Бирона.

Депеши прусскаго дипломата, Мардефельда, хранящіяся въ Берлинскомъ архивѣ и относящіяся къ концу 1740 года, были отчасти изданы въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» (1876, I и II). Къ сожалѣнію, однако, изданіе этихъ чрезвычайно любопытныхъ депешъ Мардефельда почему-то прекратилось. Печатанныя донесенія прусскаго дипломата доходятъ до самой минуты арестованія Бирона. Значитъ, это изданіе осталось фрагментомъ. Едва-ли можно ожидать, чтобы Императорское историческое общество, издающее донесенія иностранныхъ дипломатовъ также лишь фрагментами, въ ближайшемъ будущемъ приступило къ продолженію изданія депешъ Мардефельда, начатаго въ пятнадцатомъ томѣ Сборника.

Депеши французскаго дипломата, Шетарди, были изданы, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ русскомъ переводѣ Пекарскимъ. Въ новѣйшее время въ Сборникѣ Историческаго Общества (томы LXXXVI и XCII) были напечатаны подлинники донесеній Шетарди, относящихся къ этому времени. Соловьевъ, впрочемъ, могъ пользоваться депешами Шетарди въ Государственномъ архивѣ, гдѣ онѣ находятся въ такъ называемомъ Тургеневскомъ сборникѣ.

Донесенія англійскаго дипломата, Финча, въ то время находившагося въ Россіи, были въ извлеченіяхъ давно извѣстны изъ изданія Раушера «Beiträge zur neueren Geschichte» и изъ другого изданія «La cour de la Russie il y a cent ans». Соловьевъ могъ пользоваться депешами Финча въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, куда онѣ были доставлены графомъ Воронцовымъ. Въ новѣйшее время донесенія этого дипломата были изданы въ Сборникѣ Историческаго Общества (томъ LXXXV и XCI).

Впрочемъ, самъ Биронъ составилъ довольно подробный разсказъ объ этихъ событіяхъ. Его записка «Motifs de la disgrace d'Ernest Jean de Biron, duc de Courlande» была написана скоро послѣ его прибытія изъ Сибири въ Ярославль, въ самомъ началѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Этотъ трудъ былъ напечатанъ неоднократно въ продолженіе XVIII вѣка, между прочимъ, въ IX-мъ томѣ изданія Бюшинга «*Magazin für die neue Historie und Geographie*» [1]). Биронъ написалъ эту

[1]) Halle 1775. Тамъ сказано въ предисловіи о прежнемъ изданіи этой

записку съ цѣлью возбудить сочувствіе императрицы Елизаветы Петровны. Вотъ почему въ ней занимаетъ видное мѣсто вопросъ о мнимыхъ сношеніяхъ Бирона съ цесаревною и съ голштинскимъ герцогомъ Петромъ Ѳеодоровичемъ. Понятно, что разсказъ Бирона не безпристрастенъ. Имъ должно пользоваться лишь съ крайнею осторожностью. Тѣмъ не менѣе, можно считать эту записку историческимъ источникомъ. Рядомъ съ этимъ памятникомъ, Бюшингъ издалъ «*Antwort auf die vorhergehende Schrift des Herzogs von Curland von einem der nächsten Verwandten des Feldmarschals Grafen von Münnich*». Это заглавіе совсѣмъ неправильно, такъ какъ этотъ разсказъ, часть изъ извѣстныхъ записокъ Мюниха младшаго, не имѣетъ никакого отношенія къ запискѣ Бирона. О какомъ-либо «возраженіи» на сію послѣднюю не можетъ быть рѣчи.

Извлеченія изъ чрезвычайно любопытныхъ донесеній саксонскихъ дипломатовъ, Пецольда, Линара и Нейбауера, помѣщены въ сочиненіи Эрнста Геррманна «Geschichte des russischen Staats» (томъ IV). Въ этомъ заключается, и относительно этой эпохи, какъ вообще, главное значеніе труда извѣстнаго марбургскаго профессора.

Къ этимъ группамъ матерьяловъ для изученія перемѣны, происшедшей при русскомъ дворѣ въ концѣ 1740 года, мы имѣемъ возможность прибавить довольно важныя донесенія шведскаго дипломата, барона Нолькена, которыя до того оставались совершенно неизвѣстными. Въ Стокгольмскомъ архивѣ находятся два ряда писемъ Нолькена: къ шведскому королю и къ предсѣдателю государственной канцеляріи. Вторая группа писемъ важнѣе первой. Донесенія Нолькена особенно любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ заключаются важныя данныя о пребываніи павшаго регента и его семейства въ Шлиссельбургѣ и о слѣдствіи, тамъ произведенномъ. Нолькенъ, какъ намъ кажется, съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели другіе дипломаты того времени, умѣлъ заглядывать за кулисы въ продолженіи этой драмы. Къ тому-же, въ связи съ этимъ переворотомъ, состояли довольно важныя событія въ области внѣшней политики, и эти событія оказались особенно важными для Швеціи. Во время регентства Анны Леопольдовны началась война между Швеціею и Россіею, окончанная лишь во время царствованія императрицы Елизаветы Петровны.

записки. Бюшингъ упоминаетъ объ этомъ источникѣ уже въ I-мъ томѣ своего сборника.

II.

Предсмертная болѣзнь императрицы Анны Іоанновны.

Государственные перевороты въ Россіи въ XVIII-мъ вѣкѣ значительною долею были слѣдствіемъ отсутствія какихъ-либо общихъ законоположеній о престолонаслѣдіи. Въ каждомъ данномъ случаѣ, какъ скоро можно было предвидѣть кончину государя, рождался вопросъ объ его преемникѣ. Въ такія минуты возникали пренія о лицахъ, которымъ приходилось участвовать въ управленіи дѣлами, о регентствѣ; являлась мысль объ ограниченіи монархической власти, о распредѣленіи власти между важнѣйшими государственными людьми. Результатомъ выходило, что царствовало не то лицо, которому была предоставлена корона, а другія. Послѣ Петра Великаго, не успѣвшаго распорядиться о престолонаслѣдіи, царствовалъ Меншиковъ вмѣсто Екатерины I; власть, оставшаяся послѣ Екатерины въ рукахъ Меншикова, вскорѣ перешла въ руки его противниковъ при малолѣтнемъ Петрѣ II; верховники хотѣли отстранить Бирона отъ участія въ дѣлахъ; однако, благодаря государственному перевороту 1730 года, именно Биронъ сдѣлался фактическимъ государемъ вмѣсто Анны Іоанновны, и верховники, желавшіе замѣнить монархическое начало олигархическимъ, очутились въ опалѣ; Биронъ, желавшій оставаться во главѣ государства при малолѣтнемъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ, былъ сосланъ въ Сибирь и пр.

Впрочемъ, уже въ XVII-мъ столѣтіи происходили неоднократно безпорядки по поводу перемѣны на престолѣ московскаго государства. Въ виду такихъ кризисовъ, извѣстный ученый «сербянинъ», Юрій Крижаничъ, въ своихъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ о государственныхъ учрежденіяхъ, указывалъ на необходимость обезпечить регулярное теченіе дѣлъ прочными постановленіями о престолонаслѣдіи. Онъ считаетъ заботу о преемникѣ, мало того—о преемникахъ, священною обязанностью царствующаго лица. Упущеніе на этотъ счетъ, по мнѣнію Крижанича, должно было считаться легкомысленнымъ преступленіемъ, знакомъ невниманія къ интересамъ народа и государства, доказательствомъ низкой степени культуры. Кто объ этомъ не думаетъ заблаговременно, тотъ, какъ выражается Крижаничъ, не исполняетъ «должности добраго и мудраго краля». Довольно мѣтко и остроумно онъ пишетъ далѣе объ этомъ же вопросѣ: «Цицеронъ, римскій думникъ, пишетъ: *Barbarorum est in diem vivere—nostra*

consilia eternum spectare debent. То-есть: грубыхъ и дивьихъ [1]) людей промыселъ есть, отъ дне до дне жить: наши совѣты имаютъ вѣчнаго времена смотрѣть. За то адда доберъ и мудеръ краль тако имаетъ Законоставіемъ укрѣпить свое кралество; да не лише еденъ наступникъ будетъ становитъ [2]), но паче да и на вѣки становито, покойно и неподвижно будетъ кралества наступованіе въ народу.» [3]).

Объ исполненіи этой обязанности не думали во время царствованія Анны Іоанновны. Въ продолженіе десяти лѣтъ не занимались вопросомъ объ ея преемникѣ или преемникахъ, что, впрочемъ, значительною долею объясняется сложностью вопроса, многочисленностью кандидатовъ на престолъ, неясностью династическихъ правъ разныхъ лицъ, которыхъ можно было имѣть въ виду при этомъ случаѣ. Можно было принять во вниманіе самыхъ близкихъ родственниковъ императрицы Анны Іоанновны, ея племянницу, принцессу Анну Леопольдовну, и ея сына—Іоанна Антоновича, родившагося, впрочемъ, лишь за нѣсколько недѣль до кончины императрицы. Могла быть рѣчь о сынѣ дочери Петра Великаго—Анны Петровны, о родившемся въ Килѣ въ 1727-мъ году Петрѣ Ѳеодоровичѣ; наконецъ, можно было имѣть въ виду Елизавету Петровну. При такомъ числѣ претендентовъ, могло считаться опаснымъ рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи, и назначеніемъ одного изъ этихъ лицъ можно было возбудить раздраженіе приверженцевъ другихъ претендентовъ. Быть можетъ, главнымъ образомъ, благодаря этому, откладывали рѣшеніе до послѣдней минуты. Какъ скоро императрица Анна Іоанновна заболѣла опасно, вопросъ о престолѣ сдѣлался жгучимъ, животрепещущимъ. Нельзя было допустить, чтобы, въ случаѣ скоропостижной ея кончины, престолъ оказался празднымъ.

Представители власти были застигнуты врасплохъ серьезнымъ заболѣваніемъ императрицы. Она заболѣла 5-го октября и скончалась 17-го октября. Значитъ, въ эти дни нужно было рѣшить вопросъ о назначеніи преемника, и, въ связи съ этимъ вопросомъ, въ виду малолѣтства будущаго государя, другой—о регентствѣ. Поспѣшности, съ которою дѣйствовали важнѣйшія лица при этомъ случаѣ, соотвѣтствовала неудача: Бирономъ оставался регентомъ не болѣе трехъ недѣль; юный императоръ Іоаннъ Антоновичъ былъ свергнутъ по истеченіи года.

---

[1]) Дикихъ.

[2]) Т.-е. не должно ограничиваться назначеніемъ лишь одного преемника, но нужно опредѣлить систему престолонаслѣдія.

[3]) См. изданіе сочиненій Крижанича подъ заглавіемъ «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка», П. Безсонова. Москва, 1859. Т. I, стр. 437.

Вотъ почему извѣстія о ходѣ болѣзни Анны Іоанновны заслуживаютъ полнаго вниманія.

5-го октября, 1740 года императрицѣ за обѣдомъ сдѣлалось очень дурно. Очевидно, симптомы болѣзни оказались съ самаго начала довольно серьезными, такъ какъ приближенныя къ больной лица, Лёвенвольде, Бирономъ и др., находились въ сильномъ волненіи; въ тотъ же день происходили совѣщанія о назначеніи преемника, при чемъ даже былъ затронутъ вопросъ о регентствѣ. Оставляя открытымъ послѣдній вопросъ, 6-го октября объявили Іоанна Антоновича наслѣдникомъ престола.

Впрочемъ, императрица еще до этого страдала подагрою. Уже 13-го (24-го) сентября съ нею были припадки этой болѣзни, которые не считались опасными, такъ какъ она уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ страдала этою болѣзнью. 5-го (16-го) октября, однако, обнаружились признаки каменной болѣзни, что заставляло задумываться лицъ, окружавшихъ императрицу [1]).

Что касается до прецедентовъ послѣдней болѣзни императрицы Анны, то нельзя не упомянуть о слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Изъ донесеній саксонскаго дипломата, Зума, хранящихся въ Дрезденскомъ архивѣ, видно, что императрица привыкла къ верховой ѣздѣ не раньше, какъ въ послѣдніе годы царствованія [2]). Это показаніе подтверждается замѣчаніями княгини Іоганны-Елизаветы Ангальтъ-Цербстской, матери императрицы Екатерины II. Княгиня прибыла въ Россію нѣсколько лѣтъ послѣ кончины Анны и успѣла собрать разныя, отчасти чрезвычайно любопытныя данныя о характерѣ и частной жизни императрицы. Въ письмахъ княгини къ нѣкоему Пульи (Pouilly), заимствованныхъ изъ семейнаго архива Шампо (Champeaux) и очень недавно публикованныхъ [3]), мы встрѣчаемъ разсказъ, что императрица Анна Іоанновна, по совѣту врачей, начала упражняться въ верховой ѣздѣ, что для этой цѣли выбрали старую и сильную лошадь и что несчастный случай въ манежѣ—стремя сѣдла императрицы лопнуло въ ту минуту, когда Анна Іоанновна садилась на лошадь—ускорилъ ея кончину. Изъ разсказа объ этомъ случаѣ, который княгинею Іоганною-Елизаветою отнесенъ къ лѣту 1740 года, видно, что императрица уже тогда страдала каменною болѣзнью и что образовавшійся камень, вслѣдствіе паденія императрицы, перемѣнилъ свое положеніе и, благодаря тому сдѣлался роковымъ

[1]) Донесеніе Пецольда отъ 7—18 окт. 1740, у Геррманна IV, 647.

[2]) См. мою статью «Дипломатія въ манежѣ» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1893 г. ноябрь.

[3]) Бильбасовъ, Исторія Екатерины II, нѣмецкое изданіе, приложенія къ первому тому, стр. 87.

для Анны, такъ что она послѣ этого случая все время хворала до своей кончины [1]).

Какъ бы то ни было, 5-го октября съ императрицею стало плохо. Извѣстіе объ ея опасномъ положеніи разнеслось по городу [2]). Прусскій дипломатъ Марфельдтъ писалъ королю 7-го (18-го) октября: «Третьяго дня, послѣ полудня, съ императрицею вдругъ совершенно неожиданно случилась сильная кровавая рвота, и состояніе ея здоровья стало ухудшаться все болѣе и болѣе, такъ что послѣ многихъ конференцій между герцогомъ Курляндскимъ съ генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ Мюнихомъ, и кабинетъ-министромъ, графомъ Остерманномъ, который въ креслѣ былъ принесенъ къ постели императрицы, вчера вечеромъ было сдѣлано распоряженіе касательно престолонаслѣдія и пр.» [3]).

Вскорѣ, однако, извѣстія о положеніи императрицы становятся болѣе отрадными. Шведскій дипломатъ Нолькенъ доносилъ $^{10}/_{21}$ октября, что государынѣ гораздо лучше и что даже при дворѣ былъ пріемъ иностранныхъ дипломатовъ. Къ сожалѣнію Нолькена, онъ узналъ объ этомъ слишкомъ поздно и потому не могъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отправиться во дворецъ. Аппетитъ императрицы доходилъ до того, что врачи совѣтовали ей быть поумѣреннѣе [4]). Также Мардефельдъ писалъ $^{11}/_{22}$ октября: «Здоровье ея величества такъ хорошо, что ее считаютъ совершенно внѣ опасности, потому что подагра бросилась въ ноги. Послѣ Бога, этою счастливою перемѣною обязана она уходу и искусству доктора Санхеса, португальца, ибо большая часть другихъ докторовъ отчаявались въ ея выздоровленіи, замѣтивъ воспаленіе въ груди. Теперь увѣряютъ, будто боли, которыя императрица чувствовала въ поясницѣ, происходятъ не отъ камня, а отъ какихъ-то другихъ причинъ. Въ настоящее

---

[1]) Вотъ слова въ письмѣ княгини: «Un accident dont on ne s'attendait pas, accéléra sa mort. Les médecins avaient conseillé à cette princesse l'exercice du cheval. On avait choisi un vieux cheval, sur lequel on plaçait cérémonieusement Sa Lourde Majesté. Un des jours de l'été de l'année 1740 elle voulut monter seule dans l'étrier. Il rompit. L'impératrice tomba et crut s'être considérablement blessée, démis les hanches. On trouva après sa mort, que c'était une pierre des reins, qui, déplacée par la chute, s'était jetée entre la joinsure qui fait le mouvement des hanches. Je ne sais pas les termes de l'art; je me rends intelligible, comme je puis. Elle languissait depuis ce temps jusqu'au mois de novembre (sic) qu'elle mourut gangrenée de tous les différents maux».

[2]) Доктора расходились въ мнѣніяхъ. Фишеръ считалъ дѣло очень серьезнымъ; Санхезъ, напротивъ, «traita la chose en bagatelle», какъ говоритъ Биронъ въ своей запискѣ «Motifs de la disgrace», въ сборникѣ Бюшинга т. IX, стр. 387.

[3]) Древняя и Новая Россія, 1876. II, 96.

[4]) Стокгольмскій архивъ: «die Arzte empfehlen ihr sich zu moderiren».

время она въ хорошемъ расположеніи духа. Она выказала большую нѣжность къ принцу брауншвейгскому [1]), который вообще любимъ всѣмъ народомъ; вчера, показывая молодого великаго князя генераламъ, министрамъ и сенаторамъ, допущеннымъ къ цѣлованію ея руки, она сказала: «Вотъ вамъ будущій государь: служите ему въ будущемъ такъ же вѣрно, какъ вы служили мнѣ» [2]).

Едва-ли можно вѣрить разсказу Мардефельда о нѣжномъ обращеніи Анны съ герцогомъ брауншвейгскимъ, Антономъ Ульрихомъ. Немного позже, уже послѣ кончины императрицы, Нолькенъ узналъ, что супругъ принцессы Анны Леопольдовны во все время болѣзни императрицы только однажды былъ допущенъ къ больной и что это случилось 8-го октября, между тѣмъ какъ принцесса Анна Леопольдовна въ эти дни часто бывала у императрицы [3]).

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что въ первые дни болѣзни Анны всѣ ожидали ея кончины въ ближайшемъ будущемъ, и что затѣмъ, около 10-го октября, всѣ считали положеніе больной не особенно серьезнымъ. Мардефельдъ писалъ прусскому королю 11 (22) октября 1740 г.: «Болѣзнь императрицы приписываютъ тому, что кто-то необдуманно сказалъ ей въ прошедшее воскресенье, что принцесса Анна пріобщилась св. тайнъ; это сильно поразило ее, потому что она вообразила, будто племянница ея умираетъ; такъ что подагра, которую она чувствовала то въ рукѣ, то въ ногахъ, вдругъ бросилась внутрь. Это, въ связи съ боязнью императрицы умереть, какъ и мать ея, отъ павшей внутрь подагры, встревожило всѣхъ и заставило опасаться за ея жизнь, особенно послѣ кровавой рвоты. Острая боль въ поясницѣ увеличивала затрудненіе докторовъ, заключавшихъ о присутствіи камня, могущаго сократить ея дни, подобно тому, какъ это случилось съ ея сестрою, покойною герцогинею Мекленбургскою. Теперь всѣ убѣждены, что они ошибались на этотъ счетъ. Она обыкновенно наблюдаетъ умѣренность въ пищѣ и питьѣ [4]), такъ что всѣ льстятъ себѣ надеждою, что она достигнетъ глубокой старости. До сихъ поръ ее нельзя считать внѣ всякой опасности, хотя и стараются всѣхъ увѣрить въ этомъ;

---

[1]) Т.-е. къ Антону Ульриху, отцу наслѣдника.

[2]) Др. и п. Россія, 1876, II. 96.

[3]) Стокгольмскій архивъ.

[4]) Княгиня Ангальтъ-Цербстская узнала совершенно противоположное; она писала: «l'impératrice Anne, rongée d'une mélancolie noire, à laquelle ses autres maux et ses débauches en eau-de-vie pouvaient bien avoir contribué» и пр. Бильбасовъ, приложенія въ I т. нѣм. изд., стр. 87.

но я надѣюсь, что съ Божіею помощью, ко времени отправленія обыкновенной почты, она окончательно оправится [1]). До чего доходили опасенія 5—10 октября, видно изъ слѣдующаго замѣчанія въ этомъ же донесеніи Мардефельда: «Все семейство герцога Курляндскаго находилось въ продолженіе кризиса въ невыразимомъ отчаяніи. Правда, что герцогъ, обладающій стойкостью, умѣлъ при людяхъ владѣть собою; но у себя дома онъ заливался слезами, равно какъ супруга и дѣти его» [2]).

Во время опасности рѣшили вопросъ о наслѣдникѣ. Такъ какъ императрица, однако, послѣ этого, повидимому, поправилась, гораздо болѣе важный вопросъ о регентствѣ, во время малолѣтства будущаго императора, пока оставался открытымъ. Онъ былъ рѣшенъ не раньше, какъ наканунѣ кончины Анны, значитъ, въ ту пору, когда уже не было болѣе надежды на спасеніе ея жизни, хотя она сама, какъ кажется, не считала своего положенія столь опаснымъ.

Императрица скончалась 17-го октября. У Соловьева сказано, что врачи причиною смерти объявили подагру въ соединеніи съ каменною болѣзнію [3]). Въ сущности лишь послѣдняя была смертельною, какъ видно изъ слѣдующихъ замѣчаній Мардефельда въ донесеніяхъ его отъ 21 октября (1 ноября) и отъ 25 октября (5 ноября) 1740 г.: «Смерть императрицы была причинена большимъ камнемъ, перемѣстившимся съ своего обыкновеннаго мѣста [4]) и заткнувшимъ всѣ проходы изъ желудка въ мочевой пузырь, такъ что моча не могла образовываться». И далѣе: «Камень, причинившій смерть императрицѣ, имѣетъ въ длину около дюйма, а видомъ похожъ на коралловое деревцо съ остроконечными вѣтками. Докторъ, пользовавшій ее, узналъ тотчасъ настоящее положеніе болѣзни и утверждалъ только, что она не умретъ отъ подагры» [5]).

III.

Назначеніе Іоанна Антоновича Наслѣдникомъ.

Въ продолженіе десяти лѣтъ Биронъ сосредоточивалъ всю власть въ своихъ рукахъ. Онъ сдѣлался герцогомъ Курляндскимъ и успѣлъ собрать громадное состояніе. Еслибы онъ могъ предвидѣть свою катастрофу, ссылку въ Сибирь и двадцатилѣтнее

---

[1]) Др. и н. Россія, 1876, II, 198.
[2]) Тамъ же, 199.
[3]) Исторія Россіи, XX, стр. 442.
[4]) Подтвержденіе разсказа матери Екатерины II.
[5]) Древняя и новая Россія, 1876, II, 282 и 284.

пребываніе въ Ярославлѣ, онъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ же послѣ кончины Анны Іоанновны удалился бы или въ Курляндію, гдѣ его, впрочемъ, такъ же ненавидѣли, какъ и въ Россіи, или за границу. Однако, онъ еще при жизни императрицы всячески мечталъ о средствахъ удержать власть и послѣ ея кончины. Интимная связь съ Анною [1]) доставила ему важное политическое значеніе; привыкши къ этой роли, онъ не желалъ сдѣлаться частнымъ человѣкомъ. Поставивъ на карту все, онъ сдѣлался подсудимымъ и былъ приговоренъ къ смертной казни. Честолюбіе дорого обошлось временщику.

Бирономъ за два, за три года до кончины императрицы Анны Іоанновны мечталъ-было о бракѣ старшаго сына съ принцессою Анною Леопольдовною. Въ это время можно было ожидать назначенія принцессы преемницею Анны Іоанновны. Повторилось, значитъ, то самое, что случилось въ послѣднее время царствованія Екатерины I, когда Меншиковъ хотѣлъ-было выдать дочь за Петра Алексѣевича. Оба проекта сближенія семейства временщиковъ съ царствующимъ домомъ рушились. Бирономъ вскорѣ могъ убѣдиться въ невозможности брака сына съ Анною Леопольдовною, которая вышла за брауншвейгскаго герцога, Антона-Ульриха. Какъ скоро узнали о беременности принцессы, Биронъ сначала прямо отрицалъ этотъ фактъ [2]); рожденіе (въ августѣ 1740 г.) Іоанна Антоновича его сильно озадачило; онъ сталъ такъ задумчивъ, что въ продолженіе нѣкотораго времени никто не смѣлъ къ нему подойти [3]). Хотя пока еще не говорили оффиціально о назначеніи младенца наслѣдникомъ престола, Биронъ, какъ можно думать, уже въ это время мечталъ о возможности сдѣлаться регентомъ во время малолѣтства государя. При жизни императрицы этотъ вопросъ былъ не важенъ; въ случаѣ ея кончины, кандидатура младенца Бирону была выгоднѣе воцаренія Анны Леопольдовны, съ которою онъ не ладилъ. Какъ скоро императрица заболѣла, назначеніе Іоанна Антоновича наслѣдникомъ, по мнѣнію иностранцевъ, состояло въ связи съ намѣреніемъ Бирона во что бы то ни стало удержать власть въ своихъ рукахъ [4]).

---

[1]) На этотъ счетъ любопытны слухи о дѣтяхъ Бирона. Въ письмѣ матери Екатерины къ Пульи сказано: «Sa femme est Fräulein, de la noblesse courlandaise. Il en a trois enfants; au moins passent-ils pour être à eux. D'autres ont cru qu'ils étaient d'une autre mère. Je crois que vous me comprenez». Бильбасовъ, 1. Приложенія, стр. 90.

[2]) «gab dieses Geriecht für eine Chimäre aus». Очевидно, по разсказамъ саксонскихъ дипломатовъ, у Геррманна, IV, стр. 638.

[3]) Тамъ же.

[4]) См. донесеніе Финча отъ 11 октября 1740 г. въ сборникѣ Ист. Общ. LXXXV.

Главными лицами при дворѣ въ это время были, кромѣ Бирона, Остерманнъ, Мюнихъ и Бестужевъ. Отъ ихъ дѣйствій зависѣло рѣшеніе вопроса о наслѣдникѣ престола и о регентствѣ. Однако, едва-ли можно было ожидать согласія между этими сановниками. Биронъ былъ въ разладѣ съ Остерманномъ, а Мюнихъ, сначала какъ бы поддерживавшій интересы Бирона, вскорѣ рѣшился преслѣдовать его и положить конецъ его дѣятельности.

На этотъ счетъ не лишенъ значенія разсказъ саксонскаго резидента о непріятностяхъ, происходившихъ между Бирономъ и Остерманномъ за три недѣли до заболѣванія императрицы [1]). Биронъ упрекалъ Остермана въ небрежности управленія иностранными дѣлами, въ склонности къ интригамъ, въ чрезмѣрномъ самолюбіи и въ ханжествѣ. Остерманнъ, при всей своей сдержанности и осторожности, не могъ считаться сторонникомъ фаворита. Тѣмъ нужнѣе для Бирона въ кабинетѣ былъ Бестужевъ, на котораго онъ могъ положиться и который ненавидѣлъ Остермана.

Вопросъ о назначеніи наслѣдника не представлялъ столькихъ затрудненій, какъ вопросъ о регентствѣ. Помириться на Іоаннѣ Антоновичѣ было легко, тогда какъ мнѣнія расходились на счетъ регента. Нельзя было ожидать, чтобы Остерманнъ отстаивалъ кандидатуру Бирона; онъ скорѣе стоялъ за родителей будущаго императора. Спрашивалось, на сколько можно было разсчитывать на удачныя дѣйствія сторонниковъ Бирона въ пользу фаворита.

О событіяхъ въ минуту серьезнаго заболѣванія императрицы Соловьевъ, на основаніи хранящихся въ государственномъ архивѣ дѣлъ о Бестужевѣ-Рюминѣ, князѣ Черкасскомъ, Мюнихѣ и Лёвенвольде, разсказываетъ слѣдующія частности.

Какъ скоро обнаружились признаки опасной болѣзни государыни, ѣздовой поскакалъ къ оберъ-гофмаршалу Лёвенвольде: его свѣтлость, герцогъ, проситъ во дворецъ. Лёвенвольде отправился немедленно и нашелъ Бирона въ сильномъ волненіи: «Императрицѣ трудно: что дѣлать?»—«Я не знаю,—отвѣчалъ растерявшійся Лёвенвольде: надобно позвать министровъ». За министрами послали; но первый кабинетъ-министръ, оракулъ Остерманнъ, боленъ, да еслибы и здоровъ былъ, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, не пріѣхалъ-бы, притворившись больнымъ. «Ступайте

---

[1]) Пецольдъ писалъ 13 сентября 1740: «Der Herzog ist mit dem Grafen Ostermann wieder dergestalt zerfallen, dass man es mir nicht genug beschreiben kann». Биронъ говорилъ объ Остерманнѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ См. соч. Геррманна, IV стр. 639 и слѣд.

къ Остерманну»,—сказалъ Бирон Лёвенвольде. Тотъ поѣхалъ и возвратился съ пріятнымъ [1]) для герцога отвѣтомъ: оракулъ объявилъ, что прежде всего надобно думать о наслѣдствѣ престола, и если быть наслѣдникомъ малолѣтнему принцу Іоанну, то матери его, Аннѣ Леопольдовнѣ, надобно быть правительницею, и при ней быть совѣту, въ которомъ можетъ присутствовать и герцогъ. «Какой тутъ совѣтъ!»,—сказалъ въ сердцахъ Бирон:—«сколько головъ, столько разныхъ мыслей будетъ». Въ это время доложили, что пріѣхали Черкасскій и Бестужевъ. Бирон вышелъ къ нимъ и началъ говорить: «Императрица въ превеликомъ страхѣ отъ болѣзни; я предлагалъ ей объявить наслѣдницею племянницу свою, принцессу Анну; но она на мое представленіе не согласилась; говоритъ, что не только наслѣдницею, и правительницею принцессу Анну не объявитъ, и слышать о томъ не хочетъ, а изволитъ наслѣдникомъ опредѣлить внука своего, которому при крещеніи его оное обѣщать изволила. О томъ, кому правительство поручить, надобно подумать». Но какъ двоимъ кабинетъ-министрамъ думать безъ Остерманна, который назывался первымъ кабинетъ-министромъ? Черкасскій и Бестужевъ поѣхали къ Остерманну въ одной каретѣ и дорогою начали разсуждать о томъ, кому быть регентомъ. «Больше некому быть, кромѣ герцога Курляндскаго, потому что онъ въ русскихъ дѣлахъ искусенъ», сказалъ Черкасскій. Бестужевъ, разумѣется, не противорѣчилъ. Но съ Остерманномъ этотъ вопросъ было не такъ легко рѣшить. У Остерманна было порѣшено на счетъ манифеста о наслѣдованіи престола Іоанну Антоновичу; но когда дошло дѣло до регентства, то оракулъ прекратилъ разсужденія, сказавши: «Это дѣло другое; торопиться не надобно; надобно подумать».

Остерманнъ, по своему обыкновенію, не хотѣлъ явно вдаваться въ опасный вопросъ: пусть рѣшатъ его другіе, а онъ уже съумѣетъ приладиться къ обстоятельствамъ. Возвратившись къ Бирону, Черкасскій и Бестужевъ нашли у него Лёвенвольде и Мюнниха. Начался опять разговоръ о регентствѣ. Мюнних отошелъ въ сторону, чтобы не быть принужденнымъ высказаться преждевременно; но Бирон подозвалъ его: «Слышите, графъ, что говорятъ господа министры о правительствѣ?»—«Нѣтъ, не слыхалъ», отвѣчалъ Мюнних.—«Они говорятъ, — продолжалъ Бирон,—что не хотятъ сдѣлать такъ, какъ въ Польшѣ, чтобъ многія персоны

---

[1]) Такъ у Соловьева. Въ сущности отвѣтъ былъ очень непріятнымъ для Бирона. Иронія-ли это со стороны Соловьева? Жаль, что пересказъ актовъ въ трудѣ знаменитаго историка имѣетъ беллетристическую форму.

въ совѣтѣ сидѣли». Тутъ Бестужевъ рѣшился произнести роковыя слова: «Кромѣ вашей свѣтлости некому быть регентомъ». И вдругъ ему стало страшно, и началъ онъ, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, заминать сказанное, возражать самому себѣ или для того, чтобъ заставить забыть свои слова, или вызвать другихъ къ ихъ подтвержденію, набрать соучастниковъ: «Разумѣется»,—началъ Бестужевъ по-нѣмецки, — «въ другихъ государствахъ страннымъ покажется, что обошли отца и мать императора».—«Правда, не безъ ненависти будетъ въ другихъ государствахъ, ежели обойти отца и мать», проговорилъ Бирон, находившійся въ одинаковомъ положеніи съ Бестужевымъ. Въ это время Черкасскій началъ шептать на ухо Лёвенвольде.—«Что вы шепчете; говорите громко!» сказалъ ему тотъ, и Черкасскій началъ вслухъ представлять о необходимости избранія Бирона въ регенты. Тутъ Мюнних уже не могъ отстать отъ другихъ. Дѣло пошло. Чтобъ поднять Бирона, начали унижать его соперниковъ, представлять, какая бѣда была бы для Россіи, еслибы принцесса Анна Леопольдовна была назначена правительницею.—«Отецъ ея, герцогъ мекленбургскій, поссоритъ Россію съ императорскимъ римскимъ дворомъ», говорилъ Мюнних, «а о характерѣ его извѣстно, что за человѣкъ? Если сюда пріѣдетъ, то всѣмъ головы перерубитъ. А мужъ принцессы, принцъ Антонъ, былъ со мною въ двухъ кампаніяхъ: только я не знаю — рыба онъ или мясо?»

Но этими толками ничего еще не было рѣшено. Положили собраться на другой день, выслушать манифестъ о назначеніи принца Іоанна и снова посовѣтоваться о регентствѣ, сочли нужнымъ призвать къ этому совѣщанію и другихъ знатнѣйшихъ людей. Бестужевъ распорядился послѣднимъ дѣломъ, и его потомъ обвиняли, что онъ призвалъ очень немногихъ.

На другой день пріѣхали во дворецъ генералъ Ушаковъ, генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой, князь Куракинъ и нашли уже тамъ Черкасскаго, Бестужева, Мюниха, которые поспѣшили объявить имъ, въ чемъ дѣло: «наслѣдникомъ провозглашается малолѣтній принцъ Іоаннъ, но его мать, принцессу Анну, императрица никакъ не хочетъ назначить правительницею: такъ кому же править? Ежели ея императорскаго величества соизволеніе будетъ герцога регентомъ опредѣлить, то по близости герцогства его, осторожнѣе и правѣе будетъ въ правленіи государственномъ поступать и отчетъ долженъ дать. Ежели же быть правительницею принцессѣ Аннѣ, то опасно: ея родитель относительно земель своихъ находится въ великомъ безпокойствѣ: чтобъ не сталъ домогаться россійское государство привести въ войну, по-

неже онъ человѣкъ горячій и стараться будетъ генералиссимусомъ быть; а ежели принца Антона брауншвейгскаго, мужа принцессы, къ тому принять, то опасаться надобно, чтобъ онъ не совсѣмъ отдался въ диспозицію вѣнскаго двора; къ тому и о правѣ его неизвѣсто, а нравъ герцога Курляндскаго всѣ знаютъ».

Слыша эти рѣчи отъ людей такъ высоко поставленныхъ, застигнутые врасплохъ, безъ возможности подумать, сговориться, присутствующіе, разумѣется, могли только изъявить свое полное согласіе. Биронъ вышелъ, объявилъ о слабомъ здоровьѣ императрицы и о томъ, что она не хочетъ назначить правительницею племянницу свою, и получилъ въ отвѣтъ, что въ такомъ случаѣ, кромѣ его, герцога, быть регентомъ некому. Для соблюденія приличія, Биронъ сталъ отговариваться; тутъ со всѣхъ сторонъ просьбы, увѣреніе, что всѣ почтутъ своимъ долгомъ помогать ему, при исполненіи столь многотрудной обязанности [1]).

Таковъ разсказъ Соловьева, основанный на протоколахъ допросовъ, составленныхъ по поводу процессовъ позднѣйшаго времени. Въ этихъ показаніяхъ занимаетъ видное мѣсто увѣреніе, что больная императрица будто бы рѣшительно объявила о своемъ нежеланіи объявить правительницею принцессу. Послѣ кончины императрицы, виновники назначенія Бирона регентомъ могли считать лучшимъ средствомъ оправданія—свалить вину на покойницу. Биронъ, Бестужевъ, Мюнних и пр. могли считаться компрометированными въ глазахъ Анны Леопольдовны. Вотъ почему они сочли удобнымъ столь усиленно указывать на заявленія, или, быть можетъ, мнимыя заявленія императрицы, неблагопріятныя для принцессы. Спрашивается: высказалась-ли въ самомъ дѣлѣ Анна Іоанновна столь категорически противъ своей племянницы? Этотъ вопросъ остается открытымъ.

Понятно, что въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ съ напряженіемъ слѣдили за этими событіями. Изъ донесеній Пецольда, Мардефельда, Нолькена и др. видно, что они не безъ труда узнавали о происходившемъ: свѣдѣнія, почерпнутыя ими изъ случайныхъ источниковъ, отрывисты и даже противорѣчивы. Тѣмъ не менѣе, разсказы дипломатовъ заслуживаютъ вниманія и могутъ считаться контролемъ показаній сторонниковъ Бирона.

Такъ, напр., важенъ вопросъ объ отношеніи Остерманна къ этимъ разговорамъ. Судя по документамъ, которыми пользовался

---

[1]) Соловьевъ, XX, 439—441.

Соловьевъ, Остерманнъ не принималъ въ этихъ бесѣдахъ никакого непосредственнаго участія и развѣ только косвенно и осторожно высказалъ мысль о назначеніи совѣта регентства. Объ образѣ мыслей и дѣйствій Остерманна мы узнаёмъ кое-что изъ депешъ иностранныхъ дипломатовъ. Пецольдъ разсказываетъ о двухъ совѣщаніяхъ, изъ которыхъ первое происходило у Бирона, а второе у Остерманна. Въ первомъ участвовали, между прочимъ: Черкасскій, Бестужевъ, Мюнних, Лёвенвольде, Куракинъ, Трубецкой и Ушаковъ. Тутъ была рѣчь лишь о назначеніи наслѣдника. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Іоанна Антоновича. Затѣмъ, во второмъ собраніи, происходившемъ якобы у Остерманна, присутствующіе, убѣдившись въ томъ, что Остерманнъ желаетъ взять на себя главную роль, стали высказываться рѣшительно въ пользу Бирона. Остерманнъ сначала старался будто отложить рѣшеніе вопроса о регентствѣ; наконецъ, однако, и онъ согласился на назначеніе Бирона регентомъ [1]).

Въ донесеніи Мардефельда отъ 25 октября (5 ноября) 1740 г. сказано: «Два дня спустя послѣ назначенія Іоанна преемникомъ престола, графъ Остерманнъ былъ у принцессы для принесенія ей поздравленія и просилъ ее при этомъ случаѣ позаботиться, чтобы тетка ея сдѣлала распоряженіе относительно регентства, но получилъ отрицательный отвѣтъ ея высочества, сущность котораго состояла въ томъ, что ему самому и прочимъ министрамъ слѣдуетъ сдѣлать императрицѣ представленіе объ этомъ. Еще выдаютъ за вѣрное, что названный графъ постоянно настаивалъ на томъ, чтобы императрица выбрала кого-нибудь изъ лицъ мужескаго пола регентомъ на время малолѣтства императора, въ твердой увѣренности, что жребій падетъ на герцога брауншвейгскаго; но ходатайство это произвело, вопреки его ожиданіямъ, странное дѣйствіе, зародивъ въ головѣ герцога Курляндскаго мысль присвоить себѣ это достоинство» и пр. [2]).

Очевидно въ этомъ разсказѣ прусскаго дипломата смѣшана истина съ баснею. Желаніе Остерманна назначить герцога Антона-Ульриха регентомъ не могло породить въ головѣ Бирона мысли о регентствѣ для него самого, потому что онъ съ самаго начала мечталъ объ этомъ. За то нельзя сомнѣваться въ томъ, что Остерманнъ былъ сторонникомъ родителей наслѣдника престола и не желалъ назначенія Бирона регентомъ, хотя онъ въ концѣ концовъ согласился поддерживать кандидатуру герцога.

Дѣло въ томъ, что при громадномъ значеніи Бирона было

---

[1]) Геррманнъ, IV, 643—645.

[2]) Др. и п. Россія, 1876, II, 284.

крайне опасно противодѣйствовать фавориту. Остерманъ, дѣйствуя открыто противъ Бирона, могъ легко сдѣлаться жертвою честолюбиваго временщика. Мюнних находился въ такомъ же положеніи. Онъ не желалъ и не могъ желать назначенія Бирона регентомъ, но, принужденный обстоятельствами, какъ мы видѣли, не возставалъ противъ кандидатуры герцога и соглашался съ мнѣніемъ на этотъ счетъ Черкасскаго и Бестужева. О положеніи Мюнниха при этомъ случаѣ мы узнаемъ изъ самаго достовѣрнаго источника, а именно—изъ записокъ его сына, слѣдующее. Разсказавъ о совѣщаніяхъ, происходившихъ у Бирона по поводу заболѣванія императрицы, и о томъ, какъ Черкасскій и Бестужевъ заговорили о кандидатурѣ Бирона, Мюнних младшій пишетъ: «Отецъ мой, равно какъ и графъ Лёвенвольде, предусматривая, что не только тщетно, но и крайне опасно будетъ на сіе прекословить, заблагоразсудили на сей случай худому послѣдовать примѣру. Обстоятельство было весьма щекотливое, въ какомъ только честный человѣкъ находиться можетъ, ибо все то, что гнуснѣйшая лесть, какъ герцогу, такъ и его фамиліи оказываемая, придумать можетъ, оное поднесь императрица не токмо всегда попущала, но даже въ угожденіе свое поставляла. Напротивъ того, за малѣйшія оскорбленія, учиненныя отъ кого-либо сему любимцу, столь сурово взыскивала, по обыкновенію своему, что премножество несчастныхъ примѣровъ на то имѣлось. Хотя же медики малую къ выздоровленію императрицы подавали надежду, однако, ни единый изъ нихъ не могъ сказать заподлинно, что кончина ея близко предстояла. Почему, еслибы случилось, что она опять оправилась, то одной недѣли было бы довольно къ погубленію того, кто захотѣлъ бы въ глаза сказать герцогу чистую правду. Въ сходствіе чего, если кто упомянутыя обстоятельства сообразитъ благоразсудительно, тому чаятельно не покажется въ семъ дѣлѣ поступокъ отца моего страннымъ и съ здравымъ разсудкомъ несовмѣстнымъ» [1]).

Въ виду общей деморализаціи вслѣдствіе фаворитизма, нельзя удивляться малодушію противниковъ Бирона. И Остерманъ, и Мюнних не осмѣливаясь высказаться открыто по столь важному вопросу, сначала старались откладывать рѣшеніе дѣла, а затѣмъ соглашались, нехотя, со сторонниками герцога, въ надеждѣ на успѣхъ крамолъ въ будущемъ. Быть можетъ, Мюнних уже за мѣсяцъ до арестованія Бирона мечталъ объ этомъ средствѣ избавиться отъ всемогущаго деспота. Русскій дворъ былъ какъ бы школою для столь гнусныхъ интригъ. Отличаясь мѣрою отваги

[1]) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. Спб. 1817, стр. 165—166.

другъ отъ друга, русскіе сановники въ то время были равны между собою безнравственностью, склонностью къ интригѣ, искусствомъ притворяться, политическимъ іезуитизмомъ.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о регентствѣ нужно было согласіе больной императрицы. Однако, высшіе сановники пока не рѣшались сообщить объ этомъ Аннѣ Іоанновнѣ. Могли быть двѣ причины такой медленности дѣйствій: во-первыхъ, можно было ожидать, что императрица, узнавъ о необходимости рѣшить вопросъ о регентствѣ, тѣмъ самымъ узнаетъ о безнадежности своего положенія, о неминуемой кончинѣ въ ближайшемъ будущемъ; во-вторыхъ же, и это важнѣе—Бирономъ и его сторонники сознавали силу тайной оппозиціи противъ назначенія его регентомъ и желали сперва заручиться голосами, по возможности, значительнаго числа сановниковъ, заставить Остерманна согласиться съ большинствомъ, обезпечить кандидатуру герцога формальнымъ заявленіемъ.

Вотъ почему въ началѣ болѣзни Анны Іоанновны былъ рѣшенъ лишь вопросъ о наслѣдникѣ, хотя могло казаться страннымъ назначеніе родившагося нѣсколько недѣль тому назадъ ребенка преемникомъ, не упоминая въ то же время о регентствѣ.

Въ депешахъ Нолькена мы встрѣчаемъ любопытныя данныя о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ обстоятельствомъ на современниковъ, и о толкахъ, возбужденныхъ образомъ дѣйствій правительства. Нолькенъ доносилъ 8 (19) октября, что Іоаннъ объявленъ наслѣдникомъ престола и что немедленно всѣ должны были присягнуть ему. При этомъ узнали въ публикѣ, что Елизавета Петровна, Анна Леопольдовна и Антонъ-Ульрихъ присягнули Іоанну Антоновичу въ покояхъ сего послѣдняго. Въ публикѣ разсуждали о регентствѣ, считая вѣроятнымъ, что Елизавета Петровна и Анна Леопольдовна будутъ участвовать въ правленіи. Далѣе ожидали, что Бирономъ, «оказавшій столь важныя услуги государству, безпрепятственно отправится въ свое курляндское герцогство». Наконецъ, удивлялись тому, что въ указѣ о назначеніи Іоанна преемникомъ, ни слова не было сказано о правахъ на престолъ Елизаветы Петровны и Петра Ѳеодоровича. Особенно же казалось страннымъ, непостижимымъ, что о регентствѣ не было ни слова въ этомъ манифестѣ. Всѣ были убѣждены въ томъ, что вопросъ о составѣ регентства рѣшенъ во всѣхъ частностяхъ, но что обнародованіе этихъ постановленій не состоялось лишь потому, что императрица чувствовала себя лучше [1]).

[1]) Стокгольмскій архивъ.

Публика ошибалась. Въ эти дни вопросъ о регентствѣ оставался открытымъ; въ сущности императрица была при смерти. Бирономъ не думалъ о возвращеніи въ Курляндію. Что касалось до важности вопроса о регентствѣ, то въ Россіи нѣсколько раньше, при воцареніи Петра II, также не сознавали значенія такой мѣры. Въ минуту кончины Екатерины Петру II было одиннадцать лѣтъ съ чѣмъ-то, и никто не думалъ объ учрежденіи регентства.

А. Брикнеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу отчетовъ государственныхъ учрежденій земельнаго кредита за 1894 годъ.

Государственныя учрежденія земельнаго кредита въ послѣдніе годы развили свои операціи такъ широко, что слѣдить за ихъ дѣятельностью представляетъ значительный интересъ. Изъ трехъ государственныхъ земельныхъ банковъ [1]), выдавшихъ къ 1 іюля 1895 г. подъ залогъ земель ссудъ около 546 милл. рублей (изъ 1.057 милл. общей суммы ипотечнаго долга въ Россіи [2]), такъ называемый Особый отдѣлъ Дворянскаго банка, бывшее Общество взаимнаго поземельнаго кредита (золотой банкъ), есть учрежденіе ликвидаціонное: новыхъ ссудъ оно не выдаетъ, да и прежніе залоги довольно быстро переводятся въ другіе банки—преимущественно въ Дворянскій. Такъ, въ бывшемъ Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита сумма ссудъ подъ залогъ земли составляла: къ 1 января 1887 г. свыше 140 милліоновъ руб., къ 1 января 1895 г. — 117 милліоновъ и, наконецъ, къ 1 іюля 1895 г.—112 милліоновъ, т.-е. за $8^1/_2$ лѣтъ сократилась на 28 милліоновъ руб. или на $20^0/_0$, при чемъ почти на 5 милліоновъ руб.—въ послѣдніе полгода. Въ виду постояннаго сокращенія дѣлъ бывшаго Общества взаимнаго поземельнаго кредита, въ виду какъ бы вымиранія этого учрежденія, отчеты его не представляютъ той важности, какой представляютъ отчеты банковъ Дворянскаго и Крестьянскаго—учрежденій, находящихся въ періодѣ расширенія своей дѣятельности. Разсмотрѣнію отчетовъ этихъ послѣднихъ мы и посвятимъ настоящій очеркъ.

Начнемъ съ отчета *Дворянскаго банка*—самаго крупнаго земельно-кредитнаго учрежденія въ Россіи.

---

[1]) При Дворянскомъ банкѣ существуетъ еще ликвидаціонное отдѣленіе Саратовско-Самарскаго Земельнаго банка, но дѣятельность этого послѣдняго прекратившаго пріемъ залоговъ банка, сравнительно съ прочими земельно-кредитными учрежденіями, ничтожна.

[2]) Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1895 г., вып. II. Сост. А. К. Голубевъ. Изд. Комитета съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита. Спб. 1895.

1894, по счету девятый отчетный годъ, подобно большинству своихъ предшественниковъ, ознаменовался рядомъ льготъ, дарованныхъ заемщикамъ Дворянскаго банка. Главнѣйшія изъ этихъ льготъ: 1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 25 марта 1894 г. изъ общей суммы разсроченныхъ и отсроченныхъ недоимокъ пересрочено 3.115.566 р. 30 к. 2) Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 14 ноября 1894 г. годовые платежи по ссудамъ понижены на ½% (4% вмѣсто 4½). 3) 18 ноября 1894 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго совѣту Дворянскаго банка было разрѣшено торги, незначенные въ декабрѣ 1894 г., отсрочивать, по ходатайству о томъ заемщиковъ и съ утвержденія министра финансовъ, до полугодія 1895 г.; льгота эта распространяется лишь на тѣхъ заемщиковъ, для которыхъ, «по свѣдѣніямъ банка, сельскохозяйственный доходъ съ земельныхъ угодій въ заложенныхъ имѣніяхъ служитъ главнѣйшимъ имущественнымъ обезпеченіемъ» (см. отчетъ, стр. II). Въ силу этого положенія банкъ снялъ съ торговъ 867 имѣній и допустилъ на торги всего только 16 имѣній. Фактъ, съ одной стороны, отрадный, т.-е. свидѣтельствуетъ о значительномъ числѣ заемщиковъ Дворянскаго банка, занимающихся преимущественно сельскимъ хозяйствомъ, съ другой же—довольно печальный, такъ какъ указываетъ на крайне расшатанное положеніе хозяйства въ этихъ имѣніяхъ.

Обращаясь собственно къ дѣятельности банка за 1894 годъ, видимъ, что въ теченіе этого года по 1.148 ссудамъ подъ залогъ 1.231.036 десятинъ выдано 41.543.300 рублей. По числу ссудъ 1894 г. уступаетъ предшествовавшимъ годамъ и самимъ отчетомъ характеризуется какъ годъ «съ сравнительно слабою дѣятельностью». «Слабая» дѣятельность банка въ 1894 г. особенно выступаетъ при сравненіи остатковъ долговъ по ссудамъ за послѣдніе два года. Въ балансахъ банка значится: къ 1 января 1894 г. ссуды потомственнымъ дворянамъ составляли въ круглыхъ цифрахъ 329.380 тысячъ руб., а въ 1895 г. 339.822 тысячи руб., т.-е. долгъ увеличился всего на 10 милліоновъ руб. Значительная разница (свыше 30 милл.) съ вышеприведенной суммою выданныхъ ссудъ объясняется слѣдующимъ. Изъ 41 милл., выданныхъ въ ссуду, 20 милліоновъ падаетъ на перезалоги, при совершеніи которыхъ долгъ возросъ всего на 6 милліоновъ руб., 14 милліоновъ составляютъ прежній долгъ. Пересрочекъ, совершенныхъ съ цѣлью измѣненія (большею частью—удлиненія) срока долга, въ 1894 г. было на сумму свыше 2 милліоновъ руб. Погашено: срочными платежами болѣе 2 милліоновъ руб. и досрочными (большею частью съ выкупомъ зе-

мель) 11 милліоновъ Наконецъ, за переходомъ части залоговъ въ руки недворянъ, долгъ послѣднихъ въ теченіе 1894 г. возросъ съ 8.638 тысячъ руб. на 10.455 тысячъ, т.-е. увеличился почти на 2 милліона. Вводя всѣ эти поправки, получимъ, что общая сумма задолженности собственно потомственнаго дворянства въ 1894 г. дѣйствительно возросла только на 10 милліоновъ руб.

Причинъ «ослабленія» дѣятельности банка отчетъ не приводитъ. При болѣе детальномъ разсмотрѣніи приведенныхъ данныхъ, причины эти можно отчасти объяснить. На пониженіе роста задолженности вліяли въ значительной степени, во-первыхъ—конкурренція частныхъ земельныхъ банковъ, выразившаяся въ переходѣ значительнаго числа залоговъ изъ Дворянскаго банка въ эти послѣдніе, и, во-вторыхъ — изъ года въ годъ все увеличивающійся переходъ дворянскихъ имѣній въ руки землевладѣльцевъ недворянъ.

На первую изъ указанныхъ причинъ было обращено вниманіе самимъ управленіемъ банка еще въ отчетѣ за 1893 г. Такъ, на стр. II и III введенія этого отчета читаемъ: «частное погашеніе ссудъ путемъ досрочныхъ вносовъ представляетъ собою обычное явленіе въ практикѣ банка, повторяющееся изъ года въ годъ, и не можетъ служить основаніемъ для какихъ-либо выводовъ о сокращеніи дѣятельности банка. Нѣсколько иное значеніе имѣетъ другой родъ досрочныхъ погашеній, при которыхъ все имѣніе выкупается изъ залога банка. Изъ общаго числа досрочно выкупленныхъ 276 имѣній, по 141 имѣнію съ количествомъ 171.288 десятинъ земли и суммой долга 4.359.097 р. 26 к., выкупъ совершенъ при посредствѣ частныхъ банковъ; другими словами, въ отчетномъ (1893) году заемщиками перезаложено 141 имѣніе изъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго банка въ банки частные. Въ виду того, что Дворянскій банкъ предоставляетъ своимъ кліентамъ несомнѣнно болѣе льготный кредитъ, чѣмъ какой бы то ни было изъ частныхъ банковъ, и потому переходъ изъ Дворянскаго въ частный банкъ не можетъ быть объясненъ большей выгодностью займа, необходимо допустить другія причины такого перехода. Въ числѣ имѣній, перешедшихъ залогами въ отчетномъ году въ частные банки, было 109 такихъ, которыя принадлежали потомственнымъ дворянамъ; остальныя же 32 имѣнія состояли во владѣніи лицъ, обязанныхъ по ст. 66 устава Гос. Дворянскаго Зем. банка выкупить имѣнія не позже 5 лѣтъ со времени перехода этихъ имѣній.

«Такимъ образомъ, перезалогъ 32 имѣній является до нѣкоторой степени принудительнымъ, и добровольно перезаложено

лишь 109 имѣній, принадлежащихъ потомственнымъ дворянамъ, съ количествомъ 144.751 дес. земли и съ долгомъ въ 3.483.069 руб. 44 коп.

«Главнѣйшей причиной этихъ послѣднихъ перезалоговъ необходимо признать допускаемое частными банками значительное повышеніе оцѣнокъ, а въ зависимости отъ нихъ и размѣра ссуды, сравнительно съ оцѣнками и ссудами Государственнаго Дворянскаго Земельнаго банка, въ чемъ банкъ неоднократно уже имѣлъ случай убѣдиться. Если же принять во вниманіе также и то обстоятельство, что разница въ размѣрѣ уплачиваемыхъ заемщиками срочныхъ платежей въ Гос. Дворянскомъ Зем. банкѣ и частныхъ банкахъ въ настоящее время уже гораздо менѣе значительна, чѣмъ это было въ началѣ дѣятельности Дворянскаго банка, такъ какъ за послѣдніе годы частные банки допустили въ общемъ довольно значительное пониженіе взимаемыхъ ими платежей, то станетъ очевиднымъ, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, личныхъ или экономическихъ, заемщики Дворянскаго банка могутъ считать для себя выгоднымъ перезалогъ имѣній въ частные банки».

Судить о томъ, на сколько это объясненіе причины возростающей конкурренціи со стороны частныхъ банковъ вѣрно, у насъ нѣтъ данныхъ, но фактъ постояннаго возростанія этой конкурренціи на лицо. Въ 1892 г. перешло въ частные банки всего 45 имѣній съ долгомъ 1.116 тыс. рублей, въ 1893 г., какъ мы только-что видѣли, 141 имѣніе съ долгомъ въ 4.359 тыс. рублей, а въ 1894 году 193 имѣнія съ долгомъ въ 7.037 тыс. рублей, въ томъ числѣ 131 имѣніе (съ 6.069 т. руб.), принадлежащихъ потомственнымъ дворянамъ, и 62 имѣнія (съ 968 т. р. долга) недворянскія. Ростъ конкурренціи будетъ особенно нагляденъ, если приведенныя цифры сравнить съ данными о переходѣ долговъ изъ банковъ частныхъ въ Дворянскій.

	Погашено долговъ банками.	
	Дворянскимъ частнымъ.	Частными дворянскому.
Въ 1892 г.	6.400 т. р.	1.116 т. р.
» 1893 г.	9.000 т. р.	4.359 т. р.
» 1894 г.	7.300 т. р.	7.037 т. р.

т.-е. въ настоящее время переходъ изъ банковъ частныхъ въ Дворянскій и обратно по суммѣ долга почти сравнялись.

Ростетъ также изъ года въ годъ и переходъ имѣній къ лицамъ, непринадлежащимъ къ потомственному дворянству.

Такъ изъ отчетовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ видимъ:

Къ 1 января:	Число недворянскихъ имѣній.	При нихъ земли.	Долгъ банку.
1893 г.	453	202,839 дес.	6.206 т. р.
1894 г.	668	265,083 »	8.638 т. р.
1895 г.	820	294,047 »	10.455 т. р.

Цифры эти не выражаютъ всего перехода дворянскихъ земель къ лицамъ другихъ сословій даже въ предѣлахъ дѣятельности самаго Дворянскаго банка, такъ какъ подобныя имѣнія не долго остаются въ залогѣ и, какъ было уже замѣчено выше, должны быть выкуплены въ теченіе 5 лѣтъ.

Выкуплено недворянскихъ имѣній:

	Число имѣній.	Десятинъ земли.	Погашено долга.
Въ 1892 г.	31	17,270	488 т. р.
» 1893 г.	53	39,815	1.056 т. р.
» 1894 г	260	69,876	1.912 т. р.

Приведенныя цифры до извѣстной степени указываютъ на постепенное сокращеніе дворянскаго землевладѣнія, такъ часто констатируемое нашей экономической литературою.

Обращаясь къ кореннымъ заемщикамъ Дворянскаго банка, т.-е. къ потомственнымъ дворянамъ, видимъ, что ими предпочитаются болѣе долгіе сроки займа. Изъ 41.543 тыс. руб. ссудъ, выданныхъ въ 1894 году, падаетъ на сроки:

отъ 11 до 44 лѣтъ	860 т. р. или	2%
» 51 г. 9 мѣсяц.	5.482 т. р. »	13%
» 66 л. 6 мѣсяц.	35.201 т. р. »	85%

Тенденція заемщиковъ банка отдалять срокъ займа ясно выступаетъ при сравненіи состоянія долговъ къ 1 января каждаго отчетнаго года; такъ, изъ балансовъ видимъ:

Къ 1 января:	Долгъ заемщиковъ на сроки:			въ % отношеніи		
	отъ 11 до 44 л.	51 г. 9 м.	66 л. 6 м.	11—44 л.	51 г.	66 л.
1893 г.....	22.819 т. р.	238.027 т. р.	51.218 т. р.	7,3%	76,3%	16,4%
1894 г.....	22.586 т. р.	225.599 т. р.	81.195 т. р.	6,8%	68,6%	24,6%
1895 г.....	21.886 т. р.	207.461 т. р.	110.475 т. р.	6,4%	61,0%	32,6%

При абсолютномъ возростаніи долга растетъ только самый длинный срокъ (на 66 л. 6 мѣс.), короткіе же сроки уменьшаются; заемщики банка, при современномъ положеніи ихъ хозяйствъ, не только не думаютъ о выкупѣ своихъ имѣній, но путемъ перезалога и пересрочекъ удлиняютъ сроки займовъ, а слѣдовательно, связываютъ долгами не только себя, но и свои будущія поколѣнія—фактъ, свидѣтельствующій о крайней расшатанности хозяйства нашего дворянства. На эту расшатанность указываетъ и все возростающая недоимочность заемщиковъ банка. Въ

началѣ настоящей статьи мы указали на льготы, дарованныя заемщикамъ банка. Подобныя льготы даруются имъ чуть-ли не ежегодно за короткое существованіе банка, и, не смотря на это, недоимочность заемщиковъ растетъ изъ года въ годъ абсолютно и относительно. Такъ, изъ отчетовъ банка видимъ:

	Годовой платежъ.	Недоимки.	Какой % отъ годового платежа составляютъ недоимки.
Къ 1 января 1887 г.....	3.565 т. р.	525 т. р.	15%
» 1888 г.....	8.427 т. р.	2.219 т. р.	26%
» 1889 г.....	10.153 т. р.	4.942 т. р.	49%
» 1890 г.....	11.725 т. р.	5.375 т. р.	46%
» 1891 г.....	13.592 т. р.	5.111 т. р.	37%
» 1892 г.....	16.447 т. р.	7.731 т. р.	47%
» 1893 г.....	17.344 т. р.	10.596 т. р.	61%
» 1894 г.....	18.364 т. р.	11.854 т. р.	64%
» 1895 г.....	18.195 т. р.	14.256 т. р.	78%

Паденіе процента недоимочности къ 1 января 1890 и 1891 г.г. объясняется вліяніемъ закона 12 окт. 1889 г., въ силу котораго годовой платежъ былъ пониженъ и въ пользу прежнихъ заемщиковъ пониженіе это было засчитано за все время долга; такимъ образомъ въ пользу заемщиковъ зачислено было 6.294 тыс. руб. и отсрочено 5.021 тыс. руб., частью (4.370 тыс. руб.) въ видѣ процентнаго и частью (651 тыс. руб.)—безпроцентнаго долга.

При крайней неаккуратности поступленія платежей съ заемщиковъ, банкъ вынужденъ продавать съ торговъ имѣнія своихъ недоимщиковъ. Торги обыкновенно бываютъ два раза въ годъ и имъ предшествуютъ три публикаціи. Въ 1894 году назначались на торги имѣнія за невзносъ платежей сроковъ 1 мая и 1 ноября 1893 года. За невзносъ майскаго платежа были опубликованы въ первый разъ 1.801 изъ 11.894, состоявшихъ къ тому времени въ залогѣ имѣній (т.-е. 15,1%), во второй разъ 1.282 (10,8%) и въ третій—1.001 (8,4%); поступило же на торги всего 17 имѣній. Отмѣнена продажа по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1.269 имѣній за погашеніемъ недоимокъ, 165 — за разсрочкою платежей, 15 — приняты въ опекунское управленіе и 335 — по 2 ст. правилъ 26 іюня 1889 годъ [1]).

Изъ 17 имѣній поступившихъ на торги — 4 были сняты за уплатою недоимокъ, 1 за отдачею въ опеку и 2 остались за бан-

[1]) «Совѣту банка предоставляется отсрочить, не болѣе какъ на три мѣсяца, назначеніе имѣній въ продажу, или же отмѣнить назначенную продажу, если недоимка, за невзносъ которой имѣніе должно быть продано, не превышаетъ слѣдующаго банку полугодового платежа по ссудѣ».

комъ—«по безуспѣшности торговъ»; продано же 10 имѣній. Въ имѣніяхъ этихъ земли 3.203 дес., оцѣнены они были банкомъ въ 321.753 р., долговъ на нихъ имѣлось 232.279 р. 67 к., проданы же за 241.082 р. 30 к., что составитъ около 78% оцѣнки банка; шесть имѣній были, кромѣ долга банку, обременены частными закладными. Если частныя закладныя, предъявленныя на торгахъ, не фиктивныя, то залогодержатели должны были понести значительные убытки: такъ, по двумъ имѣніямъ, проданнымъ за 31.755 рублей, выручено сверхъ долга банку 7.315 р. 99 к., частныхъ же закладныхъ предъявлено было на 19.525 руб. По остальнымъ четыремъ имѣніямъ сумма частныхъ закладныхъ въ отчетѣ банка не приведена, но надо думать, что убытокъ, понесенный ихъ владѣльцами, значителенъ, такъ какъ имѣнія эти проданы за 191.970 р. 79 к., перевыручка же въ пользу частныхъ взыскателей составляетъ всего 70 р. 80 к.

За невзносъ ноябрьскаго 1893 года платежа было опубликовано въ первый разъ 2.317 изъ 12.256 имѣній (т.-е. 18,9%), во второй разъ—1.864 (15,2%), въ третій—1.458 (11,9%). Отмѣнена продажа: за погашеніемъ недоимокъ по 1.213 имѣніямъ, за разсрочкою платежа по 53, за принятіемъ въ опеку по 7, по 2 ст. прав. 26 іюня 1889 г. по 161, и наконецъ, какъ было отмѣчено нами выше, по Высочайшему повелѣнію снято съ торговъ 867 имѣній, такъ что на самые торги поступило всего 16 имѣній.

Изъ числа этихъ послѣднихъ признаны торги несостоявшимися: по 7 имѣніямъ за отсутствіемъ желающихъ торговаться, по 4—за неисполненіемъ покупщиками правилъ покупки, по 1—за поступленіемъ ходатайствъ о примѣненіи къ нимъ Высочайшаго повелѣнія 18 ноября 1894 г. Продано же съ торговъ всего 4 имѣнія и всѣ они остались за залогодержателями. Сумма предъявленныхъ закладныхъ въ отчетѣ не показана, такъ что судить, на сколько удовлетворены залогодержатели, нельзя; но навѣрное можно сказать, что по тремъ имѣніямъ, проданнымъ за 44 т. руб., они, кромѣ убытка, ничего получить не могли, такъ какъ за покрытіемъ обязательствъ банку по этимъ имѣніямъ выручено всего 12 р. 30 коп. Всѣ четыре проданныя имѣнія заключаютъ въ себѣ 1.893 дес., оцѣнены были банкомъ въ 146.730 руб., долговъ банку на нихъ числилось 97.518 р. 89 к., проданы же за 105.217 р. 82 к., что составитъ 71% оцѣнки. Изъ сказаннаго видно, что банкъ продаетъ имѣнія или ошибочно имъ самимъ высоко оцѣненныя, или же крайне обезцѣненныя за время нахожденія ихъ въ залогѣ банка. Фактъ этотъ констатируетъ и самый отчетъ, выражаясь, «что кредитоспособность проданныхъ имѣній ко дню торга была исчерпана до крайнихъ предѣловъ».

Не въ лучшемъ положеніи находятся имѣнія, принятыя въ управленіе банка, а также оставшіяся за нимъ «по безуспѣшности торговъ». Имѣній, принятыхъ въ управленіе банка, всего три, оставшихся за банкомъ къ 1 января отчетнаго года было 17, поступило въ теченіе 1894 г. 3, продано 4, такъ что къ 1 января 1895 г. остается 16 имѣній. О положеніи этихъ имѣній можно получить представленіе по слѣдующимъ примѣрамъ, цитируемымъ изъ краткихъ данныхъ о нихъ, помѣщенныхъ въ самомъ отчетѣ.

1) Имѣніе П. И. Александрова, Орловской губ., Елецкаго у., при с. Никольскомъ, Паниковецъ тожъ, въ количествѣ 354 дес., въ т. ч. удобной 343 д., въ 1886 году было оцѣнено совѣтомъ банка по спеціальной оцѣнкѣ въ 60.300 руб., въ т. ч. постройки въ 8.770 р., т.-е. оцѣнка 1 десятины съ постройками составляла 175 р. 80 к. Ссуда выдана въ размѣрѣ 75% оцѣнки, т.-е. 45.200 рублей.

За невзносъ срочныхъ платежей имѣніе было назначено на торги 19 декабря 1894 года, которые не состоялись за неявкою покупателей.

Ранѣе того, 7 декабря 1894 года, банкъ телеграфировалъ отдѣленію о принятіи имѣнія въ управленіе въ виду задолженности, достигшей 104% оцѣнки.

При пріемѣ имѣнія 16 декабря 1894 года оказалось, что пахатная земля, въ количествѣ 268 дес., раздѣлена на три поля и за счетъ экономіи обрабатывалось лишь 12 дес., остальныя же 256 дес. розданы крестьянамъ въ аренду на одинъ посѣвъ съ полученіемъ части платы впередъ.

Въ имѣніи находится $2^1/_2$ дес. дубоваго лѣса въ возрастѣ отъ 8—10 лѣтъ

Сѣнокосъ, въ количествѣ около 30 дес., въ наймы не отданъ.

Живой инвентарь: 2 лошади цѣною	60 руб.
Мертвый инвентарь: 2 телѣги	25 »
Бѣговыя дрожки	30 »
Плугъ однолемешный	10 »
Сортировка	35 »
Итого	160 руб.

(стр. 39).

(Имѣніе это состоитъ въ управленіи банка).

2) Имѣніе бывшее Е. В. Доможировой, Тамбовской г., Борисоглѣбскаго у., при с. Сукманкѣ и дер. Дмитріевщинѣ, съ количествомъ земли 174 д., въ т. ч. удобной 160 дес., осталось за банкомъ послѣ вторыхъ торговъ 10 сен. 1894 г. и укрѣплено въ суммѣ 12.287 р. 68 к.

Имѣніе это принято въ залогъ въ 1887 г. по спеціальной оцѣнкѣ въ 12.480 руб., съ ссудою въ размѣрѣ 75%, т.-е. 9.300 руб.

При пріемѣ имѣнія членомъ-оцѣнщикомъ тамбовскаго отдѣленія 13 ноября 1894 года ни живаго, ни мертваго инвентаря не оказалось. На усадебной землѣ находится поселокъ 5 семействъ безземельныхъ крестьянъ.

Угодья распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

усадебной (подъ поселкомъ и постройками)	4 д.	504 саж.
пахотной	155 »	1.650 »
Итого	159 д.	2.154 саж.

Способъ хозяйства, соотвѣтственно значительной потребности мѣстнаго населенія въ землѣ и условіямъ имѣнія, лишеннаго всякаго инвентаря, неизбѣжный и наиболѣе въ данное время выгодный заключается въ раздачѣ земли окрестному населенію въ краткосрочный наемъ, какъ практиковалось и при прежней владѣлицѣ (стр. 41).

(Это имѣніе перешло въ собственность банка).

Ликвидація подобныхъ имѣній, конечно, не всегда выгодна для банка. При продажѣ четырехъ имѣній (въ 1894 г.) по одному получена прибыль (около 300 р.), по одному не получено ни прибыли, ни убытка, по двумъ же убытокъ и притомъ по одному—весьма значительный. Вотъ что по поводу этой послѣдней продажи читаемъ въ самомъ отчетѣ: «Не смотря на значительный убытокъ (свыше 28 тыс. р.), полученный банкомъ отъ продажи г. Качоровскому имѣнія, бывшаго Иваповой [1]), продажу эту слѣдуетъ считать несомнѣнно выгодной для банка, такъ какъ имѣніе это со времени залога въ банкѣ совершенно обезцѣнено: всякій инвентарь уничтоженъ, постройки пришли въ ветхость, отъ стекловареннаго завода, обезпечивавшаго сбытъ лѣса въ самомъ имѣніи, остались однѣ стѣны, водяная мельница разрушена, лѣсъ сильно пострадалъ отъ безпорядочной вырубки, и самая пахатная земля, не получая много лѣтъ удобренія, ухудшилась. Со времени несостоявшейся продажи имѣнія г-жѣ Муфель за цѣну 68.000 р. были слѣдующія предложенія о покупкѣ этого имѣнія: 1) 70.000 р. предлагали сосѣдніе крестьяне, но просили разсрочить на 40 лѣтъ безъ процентовъ всю покупную сумму, что было бы противно смыслу ст. 66 уст. банка [2]); 2) г-жа Бурская предлагала 50.000 р. съ переводомъ на нее долгомъ всей суммы, и и 3) г. Бурскій давалъ 45.000 р. Между тѣмъ банкъ терпѣлъ убытки отъ этого имѣнія: въ 1891—6.899 р. 68 к., въ 1892 г.—3.179 р. 43 к., въ 1893 г.—3.733 р. 45 к., почему на предложеніе г. Качоровскаго купить имѣніе за 60.000 р. [3]) съ уплатою единовременно 10.000 р., совѣтъ изъявилъ согласіе» (стр. 42).

Изъ всего только-что сказаннаго можно вывести заключеніе, что дѣла Дворянскаго банка крайне шатки: недоимки растутъ, чуть не ежегодно приходится отсрочивать и разсрочивать платежи, торги идутъ плохо, имѣнія, остающіяся за банкомъ, обезцѣниваются, однимъ словомъ, «куда ни кинь, все клинъ». Между

---

[1]) Симбирской г., Корсунскаго у., с. Нечаевка (1.991 дес.), оцѣнено было банкомъ въ 98.729 р., осталось за банкомъ въ суммѣ 81.050 р. (см. отчетъ за 1892 г.).

[2]) Согласно этой статьѣ лица недворянскаго происхожденія обязаны погасить долгъ банку въ пятилѣтній срокъ.

[3]) Что составляетъ около 61% оцѣнки банка.

тѣмъ дѣло обстоитъ далеко не такъ печально, если взглянуть на помѣщенный въ отчетѣ балансъ банка къ 1 января 1895 г.

Въ самомъ дѣлѣ, на правой сторонѣ баланса, т.-е. въ пассивѣ, мы видимъ на первомъ мѣстѣ запасный капиталъ въ 11.109.244 р. 44 к. и наконецъ въ концѣ прибыль за 1894 г. въ 2.822.070 р. 46 к.

Просматривая балансы прежнихъ лѣтъ, видимъ, что, начиная съ 1891 года, Дворянскій банкъ ежегодно получаетъ значительную прибыль, цѣликомъ отчисляетъ ее въ запасный капиталъ, вслѣдствіе чего послѣдній въ четыре года возросъ съ 1½ милл. руб. до 11 милл., т.-е. увеличился почти на 10 милл. руб.

Три года тому назадъ, разбирая отчетъ банка за 1891 г.[1]), мы пришли къ заключенію, что значащаяся на балансѣ такъ называемая «прибыль» есть ничто иное, какъ бухгалтерская выкладка, ровно ничего не характеризующая и не имѣющая никакого значенія. Способъ исчисленія «прибыли» въ отчетахъ банка остался прежній, и самая «прибыль», по-прежнему, есть простая разница между движеніями суммъ въ банкѣ, причемъ не принято во вниманіе, на сколько выполнены обязательства, какъ самаго банка, такъ и обязательства по отношенію къ банку. Фиктивность прибылей, получаемыхъ банкомъ, невольно наводитъ на сомнѣніе и относительно такъ называемаго «запаснаго капитала».

Согласно ст. 23 п. 3 устава банка, запасный капиталъ образуется посредствомъ отчисленія суммъ, оставшихся свободными изъ доходовъ банка, за покрытіемъ расходовъ по управленію и содержанію банка, а по ст. 31 того же устава «изъ запаснаго капитала покрываются возможные убытки по выданнымъ ссудамъ и случайныя потери».

Цѣль, съ которою, по смыслу устава, существуетъ запасный капиталъ, обязываетъ банкъ, чтобы капиталъ этотъ былъ всегда на лицо. Такъ мы и видимъ въ большинствѣ частныхъ земельныхъ банкахъ; напр., на балансѣ отчета херсонскаго земскаго банка за 1893—94 г., въ пассивѣ видимъ запасный капиталъ 5.996.223 р. 42 к., въ активѣ—процентныя бумаги запаснаго капитала на 5.7849.95 р. 6 к. (номинальная стоимость 5.752.800 р.), недостающія 250 т. р. очевидно имѣются либо въ процентныхъ бумагахъ общихъ суммъ банка (2.936 т.), или же въ наличныхъ деньгахъ (468 т. р.). Такъ и въ другихъ частныхъ банкахъ; если въ отчетахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и не видимъ процентныхъ

---

[1]) См. статью «Отчетъ Гос. Двор. Зем. банка за 1891 г.». «Рус. Богатство» 1892 г. № 8, стр. 62.

бумагъ, спеціально принадлежащихъ запасному капиталу, все-таки встрѣчаемъ въ активѣ значительное количество цѣнностей, которыми и балансируется обыкновенно запасный капиталъ, помѣщаемый въ пассивѣ.

Въ балансѣ же Дворянскаго банка на 1 января 1895 года активъ и пассивъ, взятые каждый въ отдѣльности, равны суммѣ свыше 455 милліоновъ рублей. Если исключить изъ актива и пассива цифры, ясно балансирующія между собою (напр., сумму ссудъ въ активѣ и закладные листы съ частью капитала, образовавшагося чрезъ выпускъ выигрышныхъ листовъ и т. д.), то получимъ сокращенный балансъ, а именно:

а) *Въ активѣ:*

Наличныя деньги		2.437.910 р. 93 к.
% бумаги и купоны по нимъ		1.405.656 » 44 »
Недвижимое и движимое имущество . . .		495.389 » 19 »
Долги особаго отдѣла и ликвидаціи Сарат.-Симб. банка (за вычетомъ счетовъ, помѣщенныхъ и въ пассивѣ)		30.327.718 » 98 »
Долги заемщиковъ:		
1) въ предѣлахъ льготнаго срока	5.662.534 р. 82 к.	
2) Прочихъ.	*9.086.396* » *24* »	*14.748.930* » *06* »
Прочія поступленія.		281.347 » 50 »
	Балансъ .	49.696.954 р. 10 к.

б) *Въ пассивѣ:*

Капиталы и проч. суммы	3.915.937 р. 17 к.
Обязательства банка, подлежащія выполненію (неоплаченные выигрыши, закладные листы, купоны и пр.).	31.530.766 » 21 »
Прибыль по операціямъ 1894 года. . . .	*2.822.070* » *46* »
Запасный капиталъ	*11.109.244* » *44* »
Фондъ на расходы и проч.	318.935 » 82 »
Балансъ .	49.696.954 р. 10 к.

Значащійся въ пассивѣ капиталъ въ 3.916.000 руб. составляетъ, очевидно, остатокъ капитала, полученнаго чрезъ выпускъ выигрышнаго займа (первоначально сумма эта равнялась 90 милл. руб.); остатокъ этотъ балансируется частью съ суммами, потраченными на имущество банка, частью съ наличностью кассы и процентными бумагами. Обязательства банка (31 милл. руб.) покрываются дол-

гами банку особаго отдѣла и ликвидаціи Сарат.-Симб. банка и отчасти наличностью кассы. Затѣмъ, съ одной стороны, въ пассивѣ остается такъ называемая «прибыль», обыкновенно причисляемая къ запасному капиталу (2.822 т.), и самый запасный капиталъ (11.109 т.), всего около 14 милл. руб.; на другой же, въ активѣ—долги заемщиковъ—тоже 14 милл., такъ что обѣ эти суммы балансируются. Въ результатѣ оказывается, что «прибыль» банка есть ничто иное, какъ недоборъ слѣдуемыхъ ему платежей, а «запасный капиталъ», долженствующій, согласно устава, «покрывать возможные убытки», помѣщенъ именно въ эти самые «возможные убытки»; другими словами, запаснаго капитала нѣтъ въ наличности и значится онъ только на бумагѣ.

Въ статьѣ, на которую выше была сдѣлана ссылка («Русское Богатство» 1892 г. № 8), мы указали на то, что различнаго рода льготы заемщикамъ банкъ покрываетъ суммами, вырученными отъ выигрышнаго займа, и доходами, получаемыми съ этихъ суммъ, и тогда же поставили вопросъ: «на долго-ли хватитъ этихъ суммъ и, если кліенты банка по-прежнему будутъ неаккуратными плательщиками, то на какія средства лягутъ недоборы?» Вопросъ этотъ умѣстно поставить и въ настоящее время. Чтобы заемщики Дворянскаго банка вдругъ сдѣлались аккуратными плательщиками, ожидать трудно. Все сказанное въ настоящей статьѣ и въ особенности приведенный рядъ возростанія недоимокъ не даютъ намъ для подобнаго заключенія никакихъ данныхъ. Фондъ, образовавшійся отъ продажи выигрышныхъ билетовъ по 215 руб. за 100 и давшій банку чистоганомъ 90 милл. рублей, за пять лѣтъ частью розданъ въ видѣ ссудъ, частью ушелъ на покрытіе различнаго рода недоборовъ, такъ что въ настоящее время (къ 1-му января 1895 г.) его осталось менѣе 4 милл. руб. Недоимки, не говоря уже о неперешедшихъ льготнаго срока (6 мѣс.), но застарѣлыя, безнадежныя, изъ года въ годъ растутъ [1]). Если даже принять, что въ будущемъ заемщики будутъ исправными плательщиками, то ежегодный доходъ банка еле покрываетъ текущіе расходы на уплату по купонамъ закладныхъ листовъ и

---

[1]) Недоимки, перешедшія льготный срокъ, составляютъ:

	Общая сумма недоимокъ.	% отношеніе недоимокъ къ годовому платежу.
Къ 1-го января 1891 г.	629.505 р. 61 к.	4,6%
» 1892 »	2.610.521 » 22 »	15,8%
» 1893 »	5.957.658 » 03 »	34,3%
» 1894 »	6.350.840 » 77 »	34,6%
» 1895 »	8.593.427 » 57 »	47,2%

по управленію [1]). При всѣхъ высказанныхъ условіяхъ, имѣющіяся въ банкѣ свободныя средства должны быстро растаять, а слѣдовательно и само учрежденіе легко можетъ лечь обузою на общеимперскія средства, гарантирующія исправность обязательствъ банка.

Обращаясь къ отчету *Крестьянскаго банка* за 1894 годъ, мы должны предпослать нѣсколько словъ.

Давно ожидаемая реформа Крестьянскаго банка совершилась, и съ будущаго года учрежденіе это будетъ дѣйствовать на основаніи новаго устава. Уставъ этотъ, на сколько можно судить о немъ изъ различныхъ статей періодической печати, лучше приспособленъ къ задачѣ, положенной въ основу при учрежденіи банка.

Въ виду кореннаго измѣненія Крестьянскаго банка и тѣхъ надеждъ, которыя вновь возникаютъ при этомъ, подробно говорить о дѣятельности банка за 1894 годъ намъ кажется не особенно интереснымъ, тѣмъ болѣе, что дѣятельность эта ничѣмъ не отличалась отъ таковой за предшествовавшіе годы; послѣдняя же много разъ подвергалась подробному разсмотрѣнію какъ на страницахъ журналовъ, такъ и на столбцахъ газетъ. А потому, не входя въ подробное разсмотрѣніе отчета за 1894 годъ, отмѣтимъ только то, что мы нашли въ немъ новаго.

Изъ общаго обзора отчета видимъ, что по числящимся за заемщиками ссудамъ причиталось банку платежей (при начисленіи ихъ изъ $7^1/_2$ и $8^1/_2$%)—4.789.635 р. 88 к.; въ силу Высочайшаго манифеста 14-го ноября 1894 г., сумма эта уменшилась на 622.163 р. 04 к., т.-е. самый платежъ, «начиная съ осенніхъ сего года сроковъ», пониженъ на 1%. Нельзя не согласиться съ управленіемъ

---

[1]) Принимая за основаніе разсчета состояніе номинальнаго долга по ссудамъ къ 1 января 1895 г. (360.400.000 р.) имѣемъ *въ доходѣ* банка:

4% по ссудамъ	14.416.000 р.
$^1/_4$% на расходы по управленію	901.000 »
Всего . . .	15.317.000 р.

(Уплачиваемое заемщиками погашеніе капитальнаго долга въ разсчетъ не принято, такъ какъ оно цѣликомъ идетъ на срочное погашеніе ссудъ).

Въ расходѣ:

% по купонамъ закладныхъ листовъ	12.880.000 р.
Уплата выигрышей	1.200.000 »
Расходъ по управленію (расходъ 1894 г.)	1.090.000 »
Всего . . .	15.170.000 р.

банка, что положеніе это должно сопровождаться нѣкоторымъ удлиненіемъ срока займовъ, т. к. въ общую сумму платежей входитъ, кромѣ процента роста, еще нѣкоторый взносъ на погашеніе. Въ виду этого воспослѣдовавшее удлиненіе сроковъ съ 24½ лѣтъ до 26½ и съ 34½ до 38½ совершенно правильно. При всемъ томъ намъ кажется страннымъ высказанное составителями отчета по этому поводу слѣдующее разсужденіе:

«Хотя съ конца прошлаго года банкъ платитъ по своимъ свидѣтельствамъ 4½ % и всѣ прежнія 5½-процентныя свидѣтельства обмѣнялъ на новыя 4½ процентныя, тѣмъ не менѣе, правительство не могло въ той же мѣрѣ понизить платежи заемщиковъ, ибо по ранѣе выданнымъ ссудамъ многіе заемщики своихъ обязательствъ не оправдали, накопили большія недоимки и въ концѣ отступились вовсе отъ своихъ земель, которыя остались за банкомъ. Банкъ ожидаетъ такимъ образомъ чувствительныхъ убытковъ, которые, впрочемъ, еще не опредѣлились, такъ какъ оставленные имъ за собою залоги не реализованы. Взиманіе въ теченіе нѣкотораго времени платежей съ заемщиковъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ банкъ самъ платитъ по своимъ обязательствамъ, должно было дать ему средства на постепенное покрытіе помянутыхъ убытковъ. Нынѣ, съ Всемилостивѣйшимъ пониженіемъ платежей заемщиковъ, хотя таковые лишь уравниваются съ платежами банка, и слѣдовательно банкъ отъ этой мѣры прямого ущерба не несетъ, но сія льгота будетъ все-таки сопряжена съ немаловажнымъ пожертвованіемъ изъ общегосударственныхъ средствъ, ибо источникъ для покрытія прежнихъ убытковъ исчезаетъ, и правительство должно изыскать иныя для сего средства».

Страннымъ намъ кажется то недовѣріе управленія банка къ его кліентамъ, особенно, если принять во вниманіе, что управленіе это тѣсно связано съ управленіемъ Дворянскаго банка, гдѣ оно не могло быть избаловано аккуратностью заемщиковъ, между тѣмъ въ отчетахъ банка дворянскаго, составленныхъ тѣми же лицами, какъ и отчетъ крестьянскаго банка, ничего подобнаго никогда не встрѣчалось.

Выше мы привели ростъ недоимокъ для Дворянскаго банка, для Крестьянскаго подобныя же данныя будутъ:

	Годовой платежъ.	Недоимки.	Какой % отъ годового платежа составляютъ недоимки.
Къ 1 января 1884 г.	4 т. р.	— т. р.	0,0%
» 1885 г.	278 т. р.	12 т. р.	4,3%
» 1886 г.	1.131 т. р.	254 т. р.	22,5%
» 1887 г.	2.173 т. р.	835 т. р.	38,4%
» 1888 г.	2.892 т. р.	1.108 т. р.	38,3%
» 1889 г.	3.210 т. р,	1.187 т. р.	36,9%
» 1890 г.	3.493 т, р.	1.303 т. р.	37,3%
» 1891 г.	3.701 т. р.	1.552 т. р.	41,9%

Къ 1 января 1892 г.	3.812 т. р.	1.223 т. р.	32,1%
» 1893 г.	4.064 т. р.	1.952 т. р.	48,0%
» 1894 г.	4.424 т. р.	2.060 т. р.	46,7%
» 1895 г.	4.167 т. р.	2.151 т. р.	51,4%

Сравнивая эти данныя съ таковыми же по Дворянскому банку видимъ, что заемщики Крестьянскаго банка если и «не оправдали своихъ обязательствъ», то далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ заемщики банка Дворянскаго. Тогда какъ къ 1 января 1895 г. недоимки крестьянъ составляютъ 51% годоваго оклада, недоимки дворянъ равны 78%, и это не смотря на большій размѣръ платежа въ Крестьянскомъ банкѣ, не смотря на всевозможныя льготы, которыми пользовались заемщики-дворяне и которыхъ никогда не видали кліенты банка Крестьянскаго. Почему управленіе Крестьянскаго банка непремѣнно ожидаетъ «чувствительныхъ убытковъ» отъ реализаціи оставшихся за банкомъ земель—тоже непонятно, такъ какъ на 5-й страницѣ того же отчета читаемъ, что отъ законченной реализаціи 26 участковъ банкъ въ томъ же отчетномъ году получилъ «19.539 р. 87 к. чистой прибыли», а въ отчетѣ за предшествовавшій (1893) годъ результатъ подобной же реализаціи признанъ «вполнѣ удовлетворительнымъ» (стр. 3). Слѣдовательно, продаетъ банкъ оставшіяся за нимъ земли не безъ выгоды, чего, какъ мы видѣли выше, нельзя сказать о реализаціи имѣній, оставшихся за банкомъ Дворянскимъ.

Наконецъ, намъ кажется страннымъ, почему управленіе банка за неаккуратность одной части заемщиковъ караетъ всѣхъ, а слѣдовательно, и другую, аккуратную, оправдывающую свои обязательства часть заемщиковъ. На сколько намъ извѣстно, подобный пріемъ допустимъ только въ учрежденіяхъ, основанныхъ на принципѣ взаимности, чего о Крестьянскомъ банкѣ сказать никакъ нельзя.

Просматривая далѣе отчетъ Крестьянскаго банка, мы находимъ на стр. 78—81 отчетъ по принадлежащему банку имѣнію «Песочинскому». Имѣніе «Песочинское» (Рязанской губ., Сапожковскаго у.) представляетъ большой интересъ, какъ первый опытъ покупки банкомъ земли за свой счетъ съ цѣлью сдачи въ аренду и распродажи крестьянамъ. Опытъ произведенъ на широкую ногу: въ августѣ 1893 г. куплено было громадное, цѣнное имѣніе несостоятельнаго должника Кошелева въ 16.348 десятинъ въ центральной, густонаселенной, черноземной мѣстности Россіи за значительную сумму въ полтора милліона рублей. Необходимыя для покупки средства позаимствованы (согласно Высочайшему повелѣнію 26 августа 1893 г.) у Государственнаго банка изъ $4^1/_3$% годовыхъ (см. отчетъ 1893 г. стр. 2).

Привыкнувъ встрѣчать въ отчетѣ Крестьянскаго банка всякаго рода подробности, иногда даже и ненужныя, лишь загромождающія самый отчетъ, мы ожидали обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ опытѣ банка. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго нѣтъ. Правда, въ отчетѣ по эксплоатаціи имѣнія вычислены земледѣльческіе продукты до $^1/_2$ фунта включительно, а цѣнность ихъ до самыхъ копѣекъ; такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что пшена въ 1894 г. продано экономіей на сумму въ 84 коп. Но въ то же самое время въ отчетѣ не находимъ ни описанія самаго имѣнія, ни мотивовъ, почему именно это, а не другое имѣніе было куплено, ни отношеній «Песочинскаго» къ окружающимъ крестьянамъ, ради которыхъ оно очевидно было пріобрѣтено, ни, наконецъ, ничего и о самихъ сосѣдяхъ имѣнія—крестьянахъ.

Обращаясь къ хозяйству въ имѣніи, мы знаемъ только, что оно «велось за счетъ банка, причемъ часть земли была обработана инвентаремъ и средствами имѣнія, а часть сдавалась въ погодную аренду». Какая часть земли эксплоатировалась экономіей и какая сдавалась и кому—ничего въ отчетѣ нѣтъ. Да и самая денежная часть отчета составлена такъ неудовлетворительно, что по ней нельзя судить ни о доходности имѣнія, ни о томъ, на сколько хозяйство ведется цѣлесообразно, а страницы 78, 79, 80 и 81, безъ ущерба для полноты отчета, могли быть совершенно выпущены изъ него.

Оканчивая этотъ бѣглый очеркъ, выразимъ пожеланіе, чтобы возрожденный къ новой жизни Крестьянскій банкъ развивалъ свою дѣятельность цѣлесообразнѣе, чѣмъ то можно сказать и приходилось говорить въ послѣднія 6 — 7 лѣтъ существованія этого учрежденія.

Ив—нчъ.

БУКОВСКІЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ПОСЕЛОКЪ.

(Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній).

I.

Ничего нельзя себѣ представить печальнѣе смоленскихъ «пустошей».

Вы ѣдете узкимъ проселкомъ, ныряя изъ рытвины въ яму, изъ ямы въ размытую «колдобину», а по бокамъ кусты, кусты и кусты... То старое посѣчище, съ обнаженными черными, громадными пнями, то кочковатое болотце, поросшее лозняком, всякой «чепугой», какъ выражаются крестьяне, то плантація молодыхъ, тонкихъ, бѣлоствольныхъ березокъ, которую нѣмецъ навѣрное принялъ бы за «искусственныя насажденія», то, наконецъ, поляны, усыпанныя маленькими елочками и заросшія щетинистымъ, жесткимъ «бѣлоусомъ». Тѣмъ поразительнѣе контрастъ, когда, миновавъ эти печальныя «угодья», путникъ вдругъ переѣзжалъ границу Батищева, имѣнія А. Н. Энгельгардта. Какъ по мановенію волшебника, картина перемѣняется. Чувствуется, что дикая область кончилась и началось культурное царство. Сначала дорога идетъ по красивымъ лощинамъ между березовыми рощами и купами деревьевъ, гдѣ все подчищено, подобраны сучья. Затѣмъ открываются скатистыя поля, раздѣленныя рвами, впадающими въ долину рѣчки Вержи. Есть что-то ласкающее глазъ въ рельефѣ этихъ полей. Сейчасъ чувствуется, что здѣсь положены годы труда, и земля, какъ говорится, «доведена».

Если гость пріѣзжалъ въ тотъ годъ, когда поле, лежавшее по пути, паровало, то раздѣлка земли особенно поражала. Эти плавные, волнистые рельефы батищевскаго плато точно расчесаны гребнемъ, точно вышли изъ рукъ куафера-артиста: пласты пашни, скороженныя десятины, гдѣ уже успѣли «напушить» для осенняго посѣва, все такъ мягко сбѣгаетъ къ отрогамъ рвовъ и канавамъ, тщательно прочищеннымъ и прокошеннымъ, на

всемъ видна особая законченность обработки, которая достигается лишь долгой сельскохозяйственной выправкой и является плодомъ неустанныхъ заботъ, глубокаго знанія дѣла и страстной любви къ земледѣлію.

Если поле было подъ озимымъ, то прямая дорога добрую версту шла между высокихъ стѣнъ волновавшейся по обѣ ея стороны, переливающейся великолѣпной ржи.

Но вотъ гость проѣхалъ поле и сѣрѣвшія вдали постройки выросли передъ нимъ. Всюду темнѣетъ дерево, на крышахъ дрань и солома, стѣны сараевъ, хлѣбнаго, скотнаго двора подперты... Вотъ и «красный», поросшій муравой, широкій дворъ, отдѣляемый живой изгородью отъ улицы. Съ одной стороны его тянется длинный амбаръ на столбикахъ съ чѣмъ-то въ родѣ портика, съ другой, въ кустахъ сирени, жасмина, шиповника, бузины и калины пріютился небольшой сѣренькій домикъ съ бѣлою дверью, съ подслѣповато глядящими окошками... Помѣщикъ живетъ очевидно не на широкую ногу. Любителю построекъ съ желѣзными крышами въ Батищевѣ нечѣмъ любоваться... Однако, это былъ культурный центръ, въ которомъ рѣшались существенные экономическіе, нравственные и агрономическіе вопросы, куда съѣзжались со всей Россіи...

Батищево умерло вмѣстѣ съ его создателемъ. Богатырская фигура его, въ полукрестьянскомъ платьѣ, съ сѣдыми локонами, съ палочкой въ рукѣ, не покажется изъ низенькаго флигелька, обставленнаго скворешницами на высокихъ шестахъ... Друзья его—воробьи, скворцы, синицы—не найдутъ зеренъ на доскѣ, приспособленной подъ окномъ... Ѣхать въ Батищево незачѣмъ. Преемника Энгельгардту не нашлось до сихъ поръ. Батищево лишь «значится» въ департаментскихъ бумагахъ...

Конечно, «батищевское дѣло» не погибло, и все, выработанное въ немъ, ставъ общимъ достояніемъ, находитъ приложеніе въ другихъ культурныхъ центрахъ деревенской Россіи. Батищево пережило нѣсколько періодовъ. За первымъ, чисто агрономическимъ, послѣдовалъ самый интересный,—когда въ Батищевѣ создалось нѣчто въ родѣ «практической академіи», молодежь работала, пахала, косила, корчевала, когда создавались поселки интеллигентовъ и, казалось, что близко осуществленіе идеала справедливой жизни «своими трудами». Этому періоду и, главное, созданію общины трудящихся интеллигентовъ возлѣ самаго Батищева и будетъ посвящена наша статья.

Проникнувшись сознаніемъ роковой противоположности интересовъ мужика и барина, въ какомъ бы видѣ онъ ни являлся—въ видѣ-ли помѣщика, вводящаго «въ оглобли» при помощи

«отрѣзковъ» своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, или интеллигента, тяготѣющаго къ городскому «чиновничьему харчу»,—проникнувшись сознаніемъ этой противоположности, Энгельгардтъ приходитъ къ непоколебимому убѣжденію, что интеллегинтъ, который любитъ мужика и желаетъ ему блага, долженъ отречься отъ старой жизни, уйти въ деревню, въ мужики, долженъ сдѣлаться своимъ въ народѣ и тутъ работать для созданія такого строя, который былъ бы на благо мужику. Энгельгардтъ желалъ «повинности труда», мозольнаго, чернаго труда для всѣхъ. Онъ мечталъ, чтобы преподаваніе такого труда вошло въ систему образованія, такъ, чтобы знанія соединялись съ умѣньемъ работать. Такихъ «цѣльныхъ» людей и должно было подготовлять Батищево.

«Тотъ не химикъ,—говорилъ онъ,—кто не умѣетъ самъ дѣлать анализа. Тотъ не хирургъ, кто не можетъ собственноручно разсѣчь трупъ, сдѣлать операцію. Тотъ не механикъ, кто не можетъ собрать и пустить въ ходъ машину. Тотъ не техникъ, кто не можетъ самъ сварить пива, выкурить вина. Тотъ не скотоводъ, кто не можетъ самъ выпоить теленка. Тотъ не хозяинъ, кто не умѣетъ пахать, косить. Та не хозяйка, что не можетъ выдоить корову, испечь хлѣбъ, приготовить кушанье».

«Счастливъ тотъ, кто спокойно ѣстъ свой хлѣбъ, зная, что онъ заработалъ его собственнымъ трудомъ! Можетъ-ли человѣкъ быть спокоенъ, счастливъ, если у него является сознаніе, что онъ ѣстъ не свой хлѣбъ? Счастливъ-ли нашъ интеллигентъ, котораго интересы до такой степени противоположны интересамъ мужика, что, когда мужикъ молится о дешевизнѣ хлѣба, онъ долженъ молиться объ его дороговизнѣ».

«Не оттого-ли такъ мечется нашъ интеллигентъ, не оттого-ли такое недовольство повсюду?»

«Кто счастливъ? Откликнись!»

«И чего метаться! Идите на землю къ мужику. Мужику нуженъ интеллигентъ. Мужику нуженъ земледѣлецъ-агрономъ, нуженъ земледѣлецъ-врачъ на мѣсто земледѣльца-знахаря, земледѣлецъ-учитель, земледѣлецъ-акушеръ. Мужику нуженъ интеллигентъ земледѣлецъ, самолично работающій землю. *Россіи нужны деревни изъ интеллигентныхъ людей.*»

Съ первыхъ же годовъ поселенія въ Батищевѣ А. Н., разныя лица стали обращаться къ нему съ просьбами дозволить имъ пріѣхать въ имѣніе учиться хозяйству.

Мало-по-малу выработалась цѣлая опредѣленная система. Обыкновенно «студентъ» (такъ называли крестьяне всѣхъ интеллигентовъ безъ различія) писалъ А. Н. о своемъ страстномъ желаніи учиться работать, хозяйничать, сѣсть на землю. Въ отвѣтъ на свое часто юношески-пламенное и нескладное посланіе онъ получалъ нижеслѣдующій лаконическій «циркуляръ», какихъ у

А. Н. было заранѣе заготовлено нѣсколько копій, къ весеннему «прилету» столичныхъ гостей:

«Я принимаю *работниками* въ мое хозяйство на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Обязанъ подчиняться распоряженіямъ старосты; работать полевую или домашнюю работу, на которую будетъ поставленъ; работать на ряду со всѣми рабочими и столько же часовъ; работать, если потребуется, въ праздники; ходить въ ночное на-сторожу, пасти, если потребуется, скотъ.

2) Помѣщается со всѣми рабочими въ избѣ или сараѣ. *Подъ помѣщеніемъ понимается мѣсто для спанья* (лавка). Харчуется въ общей застольной. *Хлѣбъ ржаной. Харчи мужицкіе*: щи, борщъ, каша, крупникъ, картофель. Въ скоромные дни на свиномъ салѣ, *въ постные—на коноплянномъ маслѣ.*

3) Если не умѣетъ настояще работать, то первый мѣсяцъ платы не получаетъ, затѣмъ получаетъ по три рубля въ мѣсяцъ. Когда выучится работать и будетъ работать всякую работу наравнѣ съ рабочими изъ крестьянъ, то получаетъ ту же плату, какъ и рабочіе изъ крестьянъ. Выучившійся работать можетъ получить отъ меня свидѣтельство.

4) Одежду и постель долженъ имѣть свою. О мытьѣ бѣлья заботится самъ и на свой счетъ. За порчу орудій, инструментовъ, лошадей отвѣчаетъ по цѣнности. Долженъ самъ налаживать свои инструменты (напримѣръ, клепать косу) или нанимать кого отъ себя.

5) Не дозволяется пьянствовать въ усадьбѣ; не дозволяется курить въ амбарахъ, скотныхъ, хлѣбныхъ и сѣнныхъ сараяхъ и около нихъ.

6) Долженъ имѣть законный видъ на жительство, который будетъ тотчасъ же по пріѣздѣ предъявленъ полиціи.

«Прошу васъ *обратить вниманіе* на то, что я принимаю въ свое хозяйство желающихъ работать *только въ качествѣ работниковъ*, а никакъ *не учениковъ*. Поэтому поступившій ко мнѣ не можетъ выбирать себѣ работу по своему усмотрѣнію, а долженъ работать ту работу, на которую его поставятъ, хотя бы, по его мнѣнію, онъ при этомъ ничему не научился».

«Женщины обыкновенно работаютъ на скотномъ дворѣ, въ огородѣ и женскія полевыя работы. Работы на скотномъ дворѣ есть и въ праздники. Встаютъ для подоя до солнечнаго восхода. Не совѣтую женщинамъ пріѣзжать ко мнѣ ранѣе 15 мая, когда станетъ тепло и можно помѣщаться всюду—въ сараяхъ, на чердакѣ и т. п. Харчи въ общей застольной грубые мужицкіе. *Лѣтомъ говядины никогда не бываетъ.* Молоко (преимущественно въ видѣ творога) бываетъ въ іюлѣ только. Рыба въ постные дни, если бываетъ, то простыя сельди, сухая вобла, сухой судакъ. Чай дается только по праздникамъ. Ѣдятъ три или четыре раза въ день. Взвѣсьте все это, и, если чувствуете въ себѣ достаточно силы воли, чтобы вынести такую жизнь,—милости просимъ».

По полученіи этого «циркуляра», одни обижались и писали письма, въ которыхъ называли А. Н. эксплуататоромъ; другіе

отвѣчали, что готовы на все и непремѣнно пріѣдутъ, и не пріѣзжали; третьи, наконецъ, дѣйствительно къ веснѣ появлялись въ Батищевѣ. На первыхъ порахъ новый «тонконогій»—какъ звали интеллигентныхъ рабочихъ крестьяне—дѣйствительно встрѣчалъ ту суровую жизнь, о которой говорилось въ циркулярѣ. Но, если онъ выдерживалъ до конца и не уѣзжалъ недѣли черезъ двѣ, «испортивъ кишку» на мужицкихъ харчахъ, то къ осени обыкновенно тѣсно сходился съ А. Н. и его семьей. И всѣ «тонконогіе» мало-по-малу сплочивались въ тѣсный кружокъ, одушевленный одними стремленіями, идеалами, надеждами. Всякому новичку естественно прежде всего представлялся вопросъ: съ чего и какъ начать работать? Условія интеллигентной студенческой жизни таковы, что новичекъ не могъ найти въ себѣ и малой доли тѣхъ условій, которыя требуются при сельской работѣ. Обыкновенно дѣло начиналось съ отправки на такъ называемыя «теплыя воды». Воды эти были ничто иное, какъ корчеваніе и подчистка кустовъ на пустошахъ. Если здѣсь нельзя было много принести пользы, то и убытка для хозяйства не было. Не то выходило съ тѣми, кто пытался сразу начать пахать, косить и т. д. Отъ работы тогда получался прямо убытокъ. Неумѣлыя руки только портили.

На «теплыхъ водахъ» работали и студенты, и барышни, стаскивавшія вырубленные кусты въ кучи. Работать приходилось наклонясь, почему съ непривычки сильно приливала кровь къ головѣ, на рукахъ же быстро появлялись мозоли.

Заѣдетъ самъ А. Н., объясняетъ, какъ надо рубить, какъ у различныхъ породъ деревьевъ расположены корни, когда надо корчевать, чтобы не пошелъ отростокъ, что затѣмъ будетъ на вычищенномъ мѣстѣ и т. д. Подойдетъ къ какому-нибудь ретивому работнику.

— Эге, сколько вы накатали!—скажетъ,—а руки какъ?

— Вотъ, посмотрите,—жалобно отвѣчаетъ бѣдный интеллигентъ.

— Во какъ! До живого мяса. Вы бы рукавички надѣвали, а то такъ нельзя.

— Ничего,—заживутъ.

— Вы не больно горячо беритесь, а то собъетесь. Работалъ у насъ тоже этакъ одинъ. Необыкновенной былъ силы человѣкъ. Военный. Бралъ Ташкентъ и имѣетъ Станислава. Чистилъ кусты. Гробаръ неподалеку отъ него работалъ: «какъ стиснетъ,—говоритъ,—топорище, я боялся въ щепы сотретъ»...—Послѣ не могъ работать.

Таковы были «теплыя воды».

Обѣдали всѣ въ застольной—темной, старой избѣ. Прежде всего появлялось изъ чугуна «варево», щи съ саломъ, затѣмъ «ежики»—похлебка съ ячными клецками. Глотать ихъ надо было умѣючи...

Батищевскіе харчи славились въ округѣ. Свиного сала не жалѣли, кашу щедро сдабривали конопляным масломъ. Рабочіе-мужички ѣли степенно, не торопясь, до отвала, но интеллигенты насыщались быстро, крошили хлѣбъ, оставляли на своемъ концѣ множество корокъ, за что и получали замѣчаніе отъ стряпухи, шутя грозившей, что недоѣденные куски будетъ привязывать къ ложкѣ недоѣвшаго.

Отъ стола каждый «тонконогій» несъ кусочекъ хлѣба и затѣмъ насыщалъ свой голодъ молокомъ и сыромъ, покупаемыми на свой счетъ... Это «баловство» вывести было невозможно. у интеллигентовъ была слишкомъ «тонка кишка».

Помѣщались «тонконогіе» и въ амбарѣ, при чемъ кроватью служило большое корыто, въ какомъ по осени рубится капуста и въ которое положено сѣно, и въ избѣ на не слишкомъ широкой и довольно жесткой деревянной лавкѣ, и въ сараѣ въ допотопномъ громадномъ рыдванѣ, въ который, вѣроятно, въ доброе старое время впрягалась восьмерка лошадей. Наступалъ покосъ. Тонконогіе учились помаленьку косить. Трудно передать, что чувствуетъ интеллигентъ, взявшій въ первый разъ въ руки косу. Ноги не идутъ, не дѣлаютъ шага, какой нуженъ и когда нужно. Руки точно не свои водятъ косу, которая не слушается, не рѣжетъ травы, поминутно горе-косецъ засаживаетъ ее мысомъ въ землю... Стыдно рабочихъ, стыдно бабъ, досадно... При косьбѣ, если не слишкомъ густа трава, требуется незначительное усиліе, но на прокосѣ длиною въ 80 саженъ приходится дѣлать около 2.000 взмаховъ, такъ какъ при каждомъ неумѣлый косецъ подвигается впередъ менѣе, чѣмъ на два вершка... Солнце печетъ невыносимо, потъ катитъ градомъ, кровь приливаетъ къ головѣ и въ вискахъ страшно стучитъ, біеніе сердца усиливается чрезвычайно и дыханіе затрудняется... Прокосилъ день—на другой та же исторія, да еще хуже пожалуй: руки болятъ, спина болитъ, подъ лѣвой рукой ухитрился косецъ натереть и тѣло саднѣетъ...

Взялся «тонконогій» за плугъ—та же исторія: лошади виляютъ во всѣ стороны; когда нужно, насилу остановишь, понукаешь—не трогаются; безъ кнута не идутъ; кнутъ путается въ ногахъ, когда и безъ того ходить неловко; махнешь кнутомъ—плугъ выпустишь. Плугъ то заберетъ въ сторону, пластъ выйдетъ или очень широкъ и не срѣзывается какъ нужно, или очень узокъ и сойдетъ на нѣтъ; то уйдетъ глубоко въ землю, такъ-что ло-

шади остановятся, то выскочитъ вонъ. Только-что наладилъ, проѣхалъ шагъ — опять что-нибудь случится: волоки плугъ назадъ, а онъ 2—3 пуда вѣсомъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ «тонконогій» [1]) свою пахоту:

«На двухъ оборотахъ усталъ страшно и потерялъ терпѣніе: такого испытанія не ожидалъ. Къ тому же, примѣшивалось сознаніе, что только портишь пашню, и кому-нибудь придется перепахивать. Взбѣшенъ и сконфуженъ былъ страшно. Бросивъ плугъ, я отошелъ въ сторону, чтобы поуспокоиться. Работникъ смѣется. Промаялся я, такимъ образомъ, почти до вечера; ругался на чемъ свѣтъ стоитъ. Разъ хотѣлъ бросить кнутъ на землю въ припадкѣ злобы, да взмахнулъ неловко и хватилъ себя по носу. И больно, и смѣшно, и досадно... Однако, пахалъ да пахалъ и сталъ приноравливаться понемногу. Лошадь шла ровнѣе, плугъ выскакивалъ рѣже, но до сносной пахоты не дошелъ... Все-таки я страшно бился и волновался. А тутъ ѣдутъ по пролегавшей вблизи дорогѣ мужички, немножко подгулявши, слышу—кричатъ: Эй, ты... (слѣдуютъ неудобныя для печати слова, безъ которыхъ русскій человѣкъ—ни шага) ѣхалъ бы лучше въ Питеръ, а то пашетъ тоже!»

Сила мало помогала «тонконогимъ». Незнаніе пріемовъ, которые вѣками выработались у крестьянъ, неимѣніе сметки, вѣрнаго глаза, привычки размѣрять силы, отсутствіе способности приспособиться въ каждомъ данномъ случаѣ заставляли интеллигента сперва оставаться позади самаго плохого рабочаго изъ крестьянъ. Коса, плугъ, топоръ, борона, телѣга, цѣпъ обращались въ орудія пытки. Много надо было терпѣнья, чтобы научиться сносно хотя управлять ими. Конечно, одни оказывались способнѣе къ работѣ, другіе менѣе способны. Былъ «тонконогій», который сразу сталъ отлично пахать, хотя видно было, что раньше не пахивалъ.

Инымъ, однако, скоро надоѣдала работа. Въ разговорѣ съ А. Н. они выражали недоумѣніе, чему можно выучиться по хозяйству, работая какъ обыкновенный работникъ. Говорили, что должно же существовать раздѣленіе труда, что не всѣмъ же работать—нужно кому-нибудь и руководить работами...

По воскресеньямъ къ вечеру въ рощу за усадьбой выносили столъ, лавки и самоваръ. Всѣ интеллигенты собирались. Спорили, пѣли пѣсни. Хозяинъ принималъ горячее участіе въ спорахъ. Потомъ иногда шли гулять. Далеко уходили въ поля, въ рощи. Зажигали костеръ и дѣлали яичницу. Возвращались къ свѣту. Нѣкоторые послѣ этого «баловства» понедѣльничали... «Тонконогіе» работали въ Батищевѣ съ 1877 по 1883 годъ включительно. Потомъ уже было не то. Постоянно кто-нибудь жилъ на деревнѣ, работалъ у крестьянъ и ходилъ въ имѣніе «присматриваться къ хозяйству», но уже пріема желающихъ работать въ

[1]) Дубовъ. Лѣто среди сельскихъ рабочихъ. О. З. 1878. іюль.

самое Батищево не было. Онъ прекратился, когда создалась Буковская община, куда предполагалось теперь принимать «тонконогихъ». Всего перебывало и настоящимъ образомъ работало: въ 1877 г. — двое. Изъ нихъ одинъ — Зотъ потомъ основалъ Уфимскую общину интеллигентныхъ рабочихъ. Въ 1878 — трое: студентъ-медикъ, студентъ-петровецъ и знаменитая въ Батищевѣ «Пелагея», описавшая свою страду въ статьѣ «Годъ въ батрачкахъ» [1]). Въ 1879 г.—16 человѣкъ. Между ними отличный работникъ—Викторъ, основатель другой общины, безвременно умершій подвижникъ батищевскихъ идеаловъ. Въ 1880 г.—7 человѣкъ. Между ними «капитанъ» и Иванъ—основатель Буковскаго поселка. Въ 1881 г.—21 «тонконогій». Въ 1882—14. Въ 1883—16. Итого работниковъ-интеллигентовъ въ батищевской «практической академіи» перебывало *семьдесятъ девять человѣкъ*.

II.

«Интеллигентная деревня», о которой мечталъ Александръ Николаевичъ Энгельгардъ, должна была отлиться въ формы общины, такъ какъ сѣвооборотъ и разбивка полей предполагались необходимо общія.

Въ интересной книжкѣ А. Мертваго «Не по торному пути», приводится сохранившійся у него проектъ организаціи интеллигентной артели:

«Артель состоитъ изъ лицъ, какъ завѣдующихъ отдѣльными отраслями хозяйства, такъ и рабочихъ, согласныхъ войти въ составъ артели. Завѣдующіе отдѣльными отраслями хозяйства нанимаютъ для своего дѣла батраковъ, какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ интеллигентовъ, работа которыхъ находится у нихъ въ полномъ распоряженіи и на отчетѣ по отношенію къ артели.

«Каждый батракъ можетъ присоединиться къ артели съ единогласнаго рѣшенія ея членовъ.

«Нежелающіе-же подвергаться риску убытка и дохода эксплоатаціи получаютъ сообразно получаемой съ нихъ работѣ, причемъ хорошій рабочій получаетъ плату высшую противъ рыночной.

«Цѣль образованія артели—устройство деревни, которая, соединяя интеллигента и мужика, могла бы вліять на округу, какъ въ видахъ развитія общественности, такъ и въ виду поднятія уровня сельскаго хозяйства».

Такой артели не создалось, но одно время это казалось однимъ изъ подходящихъ способовъ избѣгнуть капиталистическаго хозяйства и создать для дѣла гарантію преемственности. Артель должна была продолжать батищевское хозяйство. «Умру—Батищево погибнетъ»,—предсказывалъ пророчески Энгельгардтъ. Ин-

[1]) От. З. 1879 г.

теллигентная деревня должна была сохранить и продолжать созданное дѣло. Ничему этому не суждено было, однако, осуществиться.

Въ то время въ Батищевѣ особымъ успѣхомъ пользовались «Записки дурака» Ноэля, переведенныя въ «Отечественныхъ Запискахъ». Сельскохозяйственная идиллія, замѣчательно наивно и свѣжо изображаемая Ноэлемъ, очень совпадала съ мечтами батищевцевъ. Въ то время, какъ старшіе, умные братья «завоевываютъ Парижъ», подвизаются въ качествѣ писателей и депутатовъ, младшій «дуракъ» остается въ деревнѣ, садитъ капусту и собираетъ вокругъ себя цѣлую общину... Многіе тогда были настолько увѣрены, что это описаніе факта, существующаго реально, что указывали на Ноэля, какъ на основателя интеллигентной общины и руководителя во Франціи цѣлаго движенія интеллигенціи къ землѣ.

«Въ 1881 г., разсказываетъ А. И. Мертваго [1]),—живя во Франціи, я отправился въ Руанъ, чтобы познакомиться съ общиной Ноэля. Онъ жилъ въ деревнѣ Буагильомъ, которая на картахъ значилась верстахъ въ пяти отъ Руана. Я отправился къ нему пѣшкомъ; дойдя до городской заставы, я спросилъ у сторожа: гдѣ дорога въ Буагильомъ? Оказалось, дороги не было, такъ какъ Буагильомъ отдѣлялся отъ меня только рѣшеткою заставы. Я видѣлъ сквозь эту рѣшетку цѣлую улицу каменныхъ домовъ, окруженныхъ садами. Не такой въ воображеніи мнѣ представлялась деревня; это меня нѣсколько смутило, но я, тѣмъ не менѣе, отправился разыскивать по адресу Ноэля.

«Нашелъ я его заваленнаго книгами и рукописями, сидящимъ у камина въ маленькомъ деревянномъ баракѣ, въ тѣни небольшого сада—это былъ его рабочій кабинетъ; принялъ онъ меня очень любезно и былъ удивленъ, услыхавъ, что его знаютъ въ Россіи. Я разспрашивалъ о хозяйствѣ, о свеклосахарномъ заводѣ и т. п., подразумѣвая описываемую имъ общину; онъ отвѣчалъ, подразумѣвая окружныя хозяйства. Наконецъ, недоразумѣніе наше прекратилось, когда я началъ разсказывать о попыткахъ русскихъ устроить интеллигентныя общины, подобныя той, что создана имъ. Мои разсказы сконфузили старика, какъ будто онъ былъ пойманъ въ враньѣ; онъ началъ объяснять, что у него общины никакой нѣтъ, что это только его *мечты*, что онъ въ своихъ «Запискахъ дурака» ничего не выдумалъ, что почти подобное было во Франціи. Я спросилъ у кого и просилъ дать адресъ такой общины, но оказалось, что это было у Оливье-де-Серъ при Генрихѣ IV... Я сидѣлъ передъ Ноэлемъ, пораженный своимъ мыльнымъ пузыремъ. И онъ былъ сконфуженъ... Я слушалъ Ноэля, но будущность Франціи, о которой онъ говорилъ, меня не интересовала; я пришелъ, чтобы увидать общину «дурака»,—общину, которая подтверждала мою мечту, которой я нѣсколько лѣтъ вѣрилъ и которая, оказывалось, не существовала...»

---

[1]) «Не по торному пути», стр. 14.

Изъ этого разсказа можно ясно представить себѣ, какая наивная, свѣтлая вѣра охватывала въ тѣ годы батищевцевъ. Во всякомъ случаѣ, община «дурака» скоро осуществилась. Къ грустному повѣствованію объ ея недолгомъ расцвѣтѣ и быстромъ паденіи мы и переходимъ.

Община создалась въ Буковѣ. Буково—деревня и небольшое помѣстье, принадлежавшее двумъ владѣльцамъ. Часть, купленная поселенцами, нѣкогда принадлежала мелкопомѣстной барынѣ. Когда-то у нея отлично шло хозяйство. Было много птицы, гусей, утокъ, домъ — полная чаша. Послѣ ея смерти имѣніе перешло къ мѣстному попу, который его въ конецъ раззорилъ, а отъ него къ общинникамъ. Другой участокъ принадлежалъ дворянину, давно превратившемуся въ мужика и жившему въ деревнѣ. Такихъ дворянъ-мужиковъ много въ Смоленской губерніи. Когда ѣдешь, напримѣръ, въ Бѣлый, то по тракту встрѣчаешь поселокъ, носящій названіе «Комары». Обитатели его все графы, они-же и горшечники. Земля буковской барыни и помѣщика вся къ тому времени поросла кустами и всецѣло принадлежала къ той безпредѣльной области «пустошей», которая теперь только начинаетъ при помощи фосфорита возвращаться въ культурное состояніе.

Въ своихъ «Письмахъ изъ деревни» А. Н. посвящаетъ нѣсколько строкъ Букову въ его первобытномъ состояніи:

«— А что, Колька, не поѣхать-ли намъ покататься? — спрашиваю я у своего маленькаго сына. Колька начинаетъ визжать и прыгать отъ радости... Черезъ нѣсколько минутъ подаютъ жеребчика, мы ѣдемъ кататься и всякій разъ заѣзжаемъ въ сосѣдній кабачекъ. И я, и Колька очень любили этотъ кабачекъ. Колька — потому, что въ кабачкѣ продавались баранки и конфекты, я — потому, что въ кабачкѣ всегда можно услыхать самыя свѣжія политическія новости, хотя въ кабачкѣ никакихъ газетъ не получалось... Кабачекъ помѣщался на землѣ сосѣдняго владѣльца-дворянина, у котораго на 90 десятинахъ принадлежащей ему земли ничего, кромѣ этого кабачка, не было... Земля пустовала, а кабачекъ держалъ безсрочно-отпускной уланскій вахмистръ, который съ женою жилъ и торговалъ тутъ... Кабачекъ помѣщался въ старой, покачнувшейся на бокъ, маленькой, полусгнившей избушкѣ, *какихъ не найти и у самаго бѣднаго крестьянина.* Все помѣщеніе кабачка восемь аршинъ въ длину и столько же въ ширину. Большая часть этого пространства занята печью, конуркой хозяевъ, стойкой, полками, на которыхъ разставлена посуда, бутылки очищенной, бальзама, какой-то «сладко-горькой» водки — напитка пріятнаго и полезнаго—и всякая дрянь. Для посѣтителей остается пространство въ 3 аршина длиной и 4 шириной, въ которомъ скамейки около стѣнъ и столикъ. Въ кабачкѣ грязно, темно, накурено махоркой, холодно,

тѣсно и всегда полно... И вахмистръ, и его жена Саша были люди умные, не кулаки, съ божьей искрой, какъ говорятъ мужики. Главное же, въ кабачкѣ всегда можно было узнать самыя животрепещущія новости. Самъ хозяинъ безсрочно-отпускной, понятно, жаждалъ новостей, какъ человѣкъ, близко заинтересованный въ дѣлѣ, человѣкъ, котораго не сегодня-завтра могутъ схватить и угнать (тогда была русско-турецкая война). Какъ бывшій мужикъ, не разорвавшій съ мужикомъ связи и теперь обращающійся въ мужицкой средѣ, онъ понималъ смыслъ мужицкой рѣчи, смыслъ мужицкихъ слуховъ, какъ солдатъ онъ понималъ и солдата, какъ уланскій вахмистръ, ясно — человѣкъ неглупый, интеллигентный, цивилизованный, онъ интересовался газетными извѣстіями, назначеніями и пр. Говорилъ онъ превосходно, энергично».

Однако, вскорѣ послѣ войны, этотъ деревенскій клубъ закрылся. Кабачекъ стоялъ гнилой развалиной.

Съ марта 1882 года буковская одичалая земля — ни лугъ, ни лѣсъ, сплошная заросль выпустошеннаго лѣса, гдѣ всюду торчали пни и лѣзла молодая поросль, однимъ словомъ, пустошь, тотъ видъ безполезной для человѣчества земли, который составляетъ большую половину «угодій» у большинства землевладѣльцевъ нечерноземной Россіи, состоявшая изъ 78 десятинъ заросли и 5 десятинъ истощенной льнами пахатной земли,—была заарендована батищевскими «тонконогими»: «капитаномъ», Иваномъ и еще нѣкоторыми лицами. На первый разъ они купили у дьячка съ постройкой вмѣстѣ навозъ и принялись распахивать старое буковское поле. Піонеры помѣстились въ вышеописанной крохотной 8-аршинной избенкѣ, гдѣ прежде былъ кабакъ. Разгородили избу перегородкой, за которою помѣстились «капитаны», а въ передней части помѣстились холостые. Тутъ-же была свалена сбруя, плуги, бороны и хрюкалъ поросенокъ. Къ избѣ прилегали сѣни, а въ нихъ стояли три лошади. Вотъ и все помѣщеніе, вся постройка...

Что двигало этими людьми? Что заставило ихъ покинуть привычную интеллигентную обстановку и сбиться въ восьмиаршинной избенкѣ, среди зарослей самаго дикаго изъ уѣздовъ «мякинной» Смоленской губерніи? Скорѣе это было извѣстное настроеніе, чѣмъ ясно, логически выраженный мотивъ. Мысль о «долгѣ» интеллигенціи народу, конечно, была на первомъ мѣстѣ, но могучимъ двигающимъ стимуломъ являлась «идея-чувство», идея, перешедшая въ чувство, по выраженію Достоевскаго. Это общая всѣмъ русскимъ людямъ, тайно живущая въ нихъ жажда осуществить идеалъ справедливой жизни во всей его полнотѣ, быть можетъ, результатъ той аскетической тенденціи, подъ вліяніемъ которой складывалась вся наша исторія, все наше міросозерца-

ніе. По крайней мѣрѣ, позднѣе это стремленіе въ народъ смѣнилось другимъ, во многомъ схожимъ съ нимъ «толстовскимъ» движеніемъ, да, вѣроятно, никогда не исчезнетъ и будетъ въ видѣ живой струйки биться подъ наслоеніями иной, «ликующей» жизни. Это все то же стремленіе уйти отъ зла, отъ всѣхъ «ликующихъ».

Какъ-то въ Парижѣ учебное начальство возъимѣло оригинальную мысль подвергнуть статистическому изслѣдованію задушевныя желанія парижскихъ ребятъ. Съ этою цѣлью во всѣхъ начальныхъ школахъ было задано одновременно всѣмъ учащимся сочиненіе на одну тему. Всякій долженъ былъ высказаться, какъ бы онъ желалъ провести свою жизнь. Этотъ матерьялъ былъ подвергнутъ тщательной классификаціи и изслѣдованію, и въ общемъ выводѣ получился успокоительный результатъ, что идеаломъ большинства парижскихъ дѣтей нужно считать честный трудъ и пріобрѣтаемый имъ скромный достатокъ.

Извѣстный педагогъ, С. А. Рачинскій, въ книгѣ своей «Сельская школа», говоритъ, что онъ часто задаетъ своимъ ученикамъ темы тождественныя или подобныя: ученики на нихъ пишутъ охотно, и учитель можетъ почерпнуть изъ ихъ отвѣтовъ полезныя указанія. Отвѣты эти самые разнообразные, смотря по возрасту, характеру, степени развитія, минутному настроенію ученика. Но весьма замѣчательно въ этихъ сочиненіяхъ частое повтореніе одного мотива, который во всякой школѣ, кромѣ русской, вѣроятно, можетъ явиться лишь какъ исключеніе.

Большинство мальчиковъ, нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтствующую ихъ вкусамъ и наклонностямъ (по большей части хозяйственнымъ—изъ земныхъ благъ самымъ желательнымъ оказывается собственный кусокъ земли), заключаютъ ее отреченіемъ отъ всего мірского, раздачею имущества бѣднымъ, поступленіемъ въ монастырь. Монастыря мальчики не видали. Они разумѣютъ тотъ таинственный, идеальный, неземной монастырь, который рисуется передъ ними въ разсказахъ странниковъ, въ житіяхъ святыхъ, въ собственныхъ смутныхъ алканіяхъ ихъ души...

Любопытно, какіе результаты получились бы, еслибы въ наши дни тема: чѣмъ бы я хотѣлъ быть? была задана ученикамъ гимназій... Въ тѣ годы, когда создавалась буковская община, когда въ Батищево хлынула волна отзывчивой, горячей молодежи, когда такъ вѣрилось и легко дышалось въ этой идейной атмосферѣ, въ тѣ годы отвѣтовъ у молодежи могло быть два: одни желали скораго подвига, и такихъ было большинство; другіе мечтали о подвигѣ тихомъ, о дѣятельности среди народа, и

конечно, Батищево было далеко не единственнымъ центромъ, гдѣ зрѣло это направленіе.

Буковскіе піонеры были прежде всего энтузіасты; правда, трезвый взглядъ самого Энгельгардта, при его громадномъ жизненномъ опытѣ, умѣрялъ этотъ порывъ, но и самъ онъ прежде всего *вѣрилъ* и жилъ этою вѣрою.

У насъ слишкомъ много уже сдѣлано, благодаря частному почину отдѣльныхъ энтузіастовъ, такъ что было бы крайне легкомысленно пенять буковцамъ за то, что попытка ихъ кончилась ничѣмъ... Въ самомъ-ли дѣлѣ ничѣмъ она кончилась? Быть можетъ, въ сознаніи мѣстнаго населенія она оставила глубокое впечатлѣніе, которое современемъ дастъ свой плодъ? Не частный-ли починъ создалъ у насъ типъ русской національной школы? «Культурные одиночки» прокладываютъ у насъ путь общественнымъ начинаніямъ.

Скажутъ: что въ томъ интереснаго, что нѣсколько энтузіастовъ нѣсколько лѣтъ маялись на дикой пустоши, въ восьмиаршинной, гнилой избенкѣ, въ концѣ концовъ перессорились, разошлись и вернулись къ той же интеллигентной жизни, на тотъ же «чиновничій харчъ»? Однако, во Франціи мы не найдемъ и этого. Тамъ община лишь мечта безземельныхъ рабочихъ да писателя, откопавшаго нѣсколько строкъ въ древнихъ хроникахъ и на основаніи ихъ создавшаго свой воздушный замокъ. Эгоизмъ, культивированіе своего «я», гордый «эготизмъ», раздѣленіе труда вытравили въ душѣ высшаго западнаго общества всякое стремленіе къ общинности. У насъ создались подъ вліяніемъ одного Энгельгардта три общины; вскорѣ въ нашихъ же мѣстахъ возникла община толстовцевъ... Живо помню я то радостное настроеніе, то чувство свободы, когда еще гимназистомъ я передъ самыми экзаменами тайкомъ бѣжалъ изъ города и укрылся въ буковскую общину. Помню, была весна, и Иванъ сѣялъ клеверъ. Рано утромъ вышли мы на пашню. Я «лешилъ», т.-е. втыкалъ пучки соломы, чтобы отмѣтить край, гдѣ ложились сѣмена. Иванъ сѣялъ не хуже мужика. Мелкое зерно со свистомъ вырывалось изъ руки и впивалось въ мягкую землю. Окончивъ сѣять, Иванъ вытряхнулъ сѣвалку со словами: «Роди Богъ на лѣто больше!» Надо было видѣть выраженіе его лица при этомъ.

Мы сѣли отдыхать. Было ясное, свѣжее утро. Солнце только-что вышло изъ-за лѣса; пташки гомонили въ кустахъ. Я легъ на спину и смотрѣлъ въ глубокое, чистое небо. Я былъ счастливъ. Вдругъ надо мною кто-то произнесъ: «Вотъ онъ—бѣглецъ!» Я вскочилъ. Къ намъ подъѣхалъ на дрожкахъ отецъ съ однимъ знакомымъ, нарочно пріѣхавшимъ изъ города, гдѣ я учился,

чтобы изловить и представить меня начальству. Можете представить мое горе. Опять душный классъ, опять латынь, опять чехи...

И теперь, когда жизнь уже давно ввела меня въ городской хомутъ, воспоминаніе о Буковѣ, о «тонконогихъ», точно вѣяніе свободы, проходитъ по моей душѣ. Не можетъ быть, чтобы это вѣяніе свободы не прошло и по другимъ сердцамъ! И вспоминаются слова Дубова, которыми онъ заканчиваетъ статью, посвященную рабочему страдованію въ Батищевѣ: «Можетъ быть—кто-жъ знаетъ, чего не знаетъ,—поселюсь я въ городѣ, сдѣлаюсь чиновникомъ, торговцемъ... что бы ни случилось дальше—будетъ хоть чѣмъ молодость вспомянуть, что хорошо, честно жилось и думалось это время».

III.

Кто были основатели Буковскаго поселка? Помимо помощи, оказывавшейся общинѣ Энгельгардтомъ, съ деньгами изъ «буковцевъ» были только «капитаны». Эти деньги они тратили на созданіе новыхъ условій жизни, да еще приподнятый, отчасти историческій энтузіазмъ. Работать имъ было трудно, такъ какъ они постоянно находились въ разъѣздахъ, пострадовавъ первое время въ восьмиаршинной избѣ.

Первое посѣщеніе Батищева еще въ 1879 г. «капитаномъ» оставило лишь мимолетный слѣдъ. Въ дневникѣ А. Н. находимъ слѣдующія строки:

«11 мая. Пріѣхалъ господинъ съ женой... Заѣхали ко мнѣ для того, чтобы остаться 4 недѣли, если можно, поучиться хозяйству и работать (??!!). Оттого 4 недѣли, что таковъ срокъ отпуска. Думаютъ купить имѣніе, а до того поступить въ работники, чтобы научиться работать. Остановились у Егоренка въ Батищевѣ. Онъ—офицеръ, артиллерійская форма. По погонамъ—капитанъ. Жена—тоненькая барынька, нервная, опирается на его руку. 20 уѣхали».

Однако, очевидно то, что они увидѣли въ Батищевѣ за ту недѣлю, что въ немъ пробыли: эту дружную артель «тонконогихъ», веселую, энергичную, проникнутую такими цѣльными идеалами, а главное, юную и увлекающуюся, произвело глубокое впечатлѣніе на капитана съ «тоненькой барышкой». Осенью они пишутъ, что у нихъ не измѣнилось намѣреніе работать подъ руководствомъ А. Н. и просятъ позволенія пріѣхать весною.

Энгельгардтъ отвѣчаетъ:

«Батищево. 23 октября 1879 г.

«Я съ удовольствіемъ приму васъ въ Батищево для изученія хозяйства и работы. Самое удобное будетъ, если вы будете жить на деревнѣ и ходить ко мнѣ на работу. По моему мнѣнію, лучше всего вамъ пріѣхать послѣ святой, *въ концѣ апрѣля*. Тогда вы постепенно изучите всѣ работы; особенно важно пріѣхать съ апрѣля для изученія паханія, потому что учиться удобнѣе всего, когда запахивается вывезенный зимою навозъ.

«Помѣщеніе найдете въ деревнѣ — тотъ же Егоренокъ радъ вамъ будетъ дать свою избу,—или на мельницѣ.

«Разумѣется, слѣдуетъ имѣть виды на жительство.

«Теперь у меня 2 тонконогихъ и 2 тонконожицы: Алексѣй и Викторъ, Пелагея и Александра. Остальные всѣ разъѣхались. Работали удовлетворительно. Аттестатъ я выдалъ двоимъ. Посылаю поклонъ вашей женѣ. До свиданья. А. Э.»

Весною «капитаны»явились въ Батищево и поселились на мельницѣ. Помѣщались они тамъ въ мельничной избѣ, раздѣленной тоненькой переборкой на двѣ части. Въ одной—помѣщалась печь, въ другой—чуланчикъ, отдѣленный переборкою же отъ остального мѣста, которое и считалось собственно «помѣщеніемъ».

Въ чуланчикѣ спалъ хозяинъ и хранились кое-какіе припасы. Полъ такой, что ходить по немъ было затруднительно, такую прихотливую поверхность онъ имѣлъ. Въ переднемъ углу столъ, одинъ стулъ. По одной изъ стѣнъ тянулась лавка, на которой сидѣть было крайне неловко: ноги не доставали до пола, и лежала она не горизонтально, а шла горкой отъ стѣны къ полу. То, что служило кроватью, состояло изъ трехъ дощечекъ, положенныхъ на подпорочкахъ, около перегородки, въ которой и клопы оказались; на дощечкахъ блинъ-тюфячекъ. Одно изъ оконъ выходило на рѣчку, другое — на котловинку, въ которой водилось множество лягушекъ и медвѣдокъ, каждый вечеръ задававшихъ концерты...

Лѣтомъ 1880 г., когда «капитаны» работали, кромѣ нихъ работали Иванъ и Владиміръ («тонконогіе» называли другъ друга по именамъ), затѣмъ вошедшіе въ составъ буковскаго поселка. Всего тонконогихъ было семь человѣкъ. Быть можетъ, именно благодаря «неурожаю» въ 1880 г. на тонконогихъ, они особенно сошлись, спѣлись и подружились. Однако, мысль основаться около Батищева еще не приходила. «Капитановъ» тянетъ на югъ, въ благодатныя страны, въ Крымъ, гдѣ зрѣетъ виноградъ, гдѣ горы тонутъ въ синемъ небѣ и море шумитъ... На тотъ югъ, о которомъ до сихъ поръ поется въ древнихъ пѣсняхъ смоленскихъ, гдѣ вспоминается «синее море», которое «расходилось», «разыгралось», «червленая роза», «виноградъ зеленый», «синій Дунай»...

Зимою «капитанъ» уѣхалъ въ Петербургъ.

«Вы были правы, — писалъ онъ А. Н., — когда говорили, что представителямъ городской интеллигенціи всѣ мы, съ нашими батищевскими идеалами, должны казаться какими-то дикарями или людьми съ другой планеты. Все время мы говорили на разныхъ языкахъ».

Многіе, однако, сочувствуютъ идеѣ интеллигентныхъ деревень, но преимущественно люди почтенные... Говорятъ, что для очень многихъ просто въ «экономическомъ отношеніи» такія деревни будутъ спасеніемъ, такъ какъ масса молодежи не можетъ найти себѣ дѣла... если же будетъ селиться не молодежь, не успѣвшая никуда пристроиться, а солидные люди... то подобные люди будутъ ужасно рѣзать глаза... необходимо сильное недовольство общимъ строемъ жизни, чтобы рѣшиться порвать связь съ разъ начатымъ дѣломъ, съ кружкомъ друзей и привычной обстановкой... Идеямъ сочувствуютъ, хотя платонически, и понимаютъ ихъ нѣсколько смутно. Сочувствуетъ болѣе солидная часть общества... молодежь же смотритъ въ другую сторону. Въ сущности, «капитаны» остаются одинокими пока. Должно быть «одной простоты и ясности» идеаловъ мало, чтобы пріобрѣсти послѣдователей. Этимъ идеаламъ недостаетъ двухъ вещей, привлекающихъ умы и сердца: легкости исполненія и блеска.

Дѣйствительно, зимою съ 1880 на 1881 г., Петербургу было не до интеллигентныхъ деревень. Петербургъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе на «капитановъ», и они думаютъ съѣздить въ Батищево, «позапастись духомъ живымъ, который порядочно поистратили въ странствованіяхъ среди интеллигенціи». Предположеніе это, однако, не осуществилось. Весною 1881 г. они отправляются селиться въ Крымъ. Однако, найти подходящее мѣсто оказалось не такъ-то легко. Прежде, чѣмъ нашли мало-мальски подходящее, пришлось проѣхать сотни верстъ.

Въ Ѳеодосіи раздаются городскія земли съ платою по 2 р. 10 коп. съ десятины въ годъ, и такъ на вѣчныя времена, съ условіемъ насадить извѣстное число виноградныхъ кустовъ или фруктовыхъ деревьевъ. Цифра 2 р. 10 к. есть просто земельный налогъ... Около г. Ялты встрѣтили аристократическое семейство, собственноручно обрабатывавшее свой виноградникъ (при участіи и рабочихъ), состоявшее изъ матери и трехъ дочерей... Судя по мозолистымъ рукамъ, онѣ работали не на шутку и были людьми очень знающими, по отзывамъ мѣстныхъ садоводовъ... Однако, «капитаны» на этотъ годъ устраиваются не у нихъ, а въ хозяйствѣ одной знакомой помѣщицы Б., въ 24 верстахъ отъ Севастополя, въ 4 отъ моря. Есть здѣсь все—виноградъ, садъ, луга и хлѣбъ. Поселяются въ барскихъ хоромахъ и на барскихъ харчахъ — впрочемъ, то и другое весьма скромное... Въ 2-хъ верстахъ си-

дитъ тонконогій хлѣбопашецъ. Въ 15 в. есть еще два тонконогихъ, сидящихъ на своей землѣ... Мужество оставляетъ по временамъ «капитановъ»... Они готовы плюнуть на всѣ красоты Крыма и прикатить къ покосу въ Батищево. Компаньонъ ихъ заявилъ, что не намѣренъ съ ними устраиваться болѣе, какъ года на два, пока не поправитъ своего здоровья, а затѣмъ уѣдетъ въ Россію.

«Капитанъ» водворился въ хозяйствѣ своей знакомой, но у него далеко не все шло какъ по маслу... У него заболѣла рука, послѣ четырехъ дней работы на виноградникѣ. Докторъ предписалъ полный отдыхъ. И такъ, годъ потерянъ... «Капитанша» работаетъ около дома, доитъ трехъ коровъ, бьетъ масло, иногда замѣшиваетъ хлѣбъ, «можетъ хорошо выпотрошить курицу»... Успѣхи несомнѣнные.

Капитанъ сознаетъ, что прежде всего не рѣшенъ главный вопросъ: югъ или сѣверъ. Время идетъ, съ будущей весны надо, наконецъ, основаться, надо начать свое хозяйство, а гдѣ начинать — онъ еще не можетъ отвѣтить... На югѣ живется легче, а работается и несравненно легче, слѣдовательно и доказать возможность интеллигентной деревни легче, но является вопросъ: кому доказывать? Не русскіе—сила на югѣ и не отсюда надо начинать, если имѣть въ виду прежде всего вліяніе интеллигентной деревни на народъ. Но это-ли слѣдуетъ имѣть въ виду прежде всего? Во «вліяніи»-ли дѣло? Вѣдь главная мысль была устроить себя, уйти отъ зла, жить трудами своихъ рукъ... Въ такихъ сомнѣніяхъ проходитъ весна 1881 года. А начиная *съ іюня*, благодаря своимъ болѣзнямъ, «капитаны» живутъ въ городѣ и ничего не дѣлаютъ. Къ декабрю, однако, они приходятъ къ окончательному рѣшенію переѣхать хозяйничать на сѣверъ...

Съ марта 1882 г. начинается дѣятельность Буко скаго поселка.

Вотъ какое впечатлѣніе вынесъ отъ поселка г. Мертваго, когда посѣтилъ его въ самомъ началѣ дѣла:

...«Разговоры о Буковскомъ поселкѣ и о моей работѣ на парижскихъ огородахъ все продолжилось, все находилось еще и еще что-нибудь интересное сообщить или спросить, не смотря на то, что мы уже давно покинули чайный столъ и ѣхали теперь на дрожкахъ по батищевскимъ полямъ. Горячій интересъ къ разговору не мѣшалъ А. Н. Энгельгардту замѣчать всякую хозяйственную мелочь. Вонъ мѣсто неровно покрыто раскиданнымъ навозомъ, вотъ тамъ навозъ завалившійся въ канаву и невынутый изъ нея,—на будущій годъ онъ послужитъ запрудой въ канавѣ, и она не будетъ весною дѣйствовать какъ должно; вотъ еле замѣтныя кое-гдѣ скусанные макушки клевера—видимо была потрава; видѣлъ-ли ее полевой сторожъ? и т. п. наблюденія по пути замѣчаются опытнымъ глазомъ хозяина и записываются въ записную

книжку, и затѣмъ прерванный на полуфразѣ разговоръ снова продолжается, какъ будто никогда онъ и не прерывался».

«Такимъ образомъ мы проѣхали паровое поле, проѣхали между рощами въ ляда, на которыхъ пасся скотъ, и въѣхали въ сплошную заросль выпустошеннаго лѣса... Лишь только мы переѣхали межу, разговоръ нашъ получилъ другой характеръ. Здѣсь всякое хозяйственное замѣчаніе создавало само по себѣ тему для разговора, такъ какъ впечатлѣнія воспринимались сознательно и надъ ними работала вся голова, а не одни глаза, какъ то было въ батищевскомъ хозяйствѣ, гдѣ всякій шагъ давно изученъ, и глазъ помимо воли дѣлаетъ свои наблюденія надъ всѣмъ, что уклонилось отъ выработанной формы.

«...Здѣсь, если подчистить кусты, будетъ отличный покосъ... а вотъ эту заросль можно на лѣто вырубить—хорошая горочка.. а эту низину можно поправить, сдѣлавъ канаву... Вотъ этотъ покосъ трудно сохранить, пока будутъ кусты, отъ потравы, такъ какъ межа крестьянская прямо къ нему подходитъ»...

«Такимъ образомъ, разбирая въ деталяхъ условія будущаго хозяйства, проѣхали вдоль всего арендованнаго имѣнія, состоявшаго изъ 78 десятинъ пустошей и 5 десятинъ истощенной льнами пахотной земли. На этой послѣдней былъ посѣянъ овесъ, который вышелъ, какъ можно было и ожидать, плохъ; проѣхавъ мимо овса, очутились на пашнѣ, обработанной подъ рожь; тщательность обработки поднятой залуженной земли обѣщала и впослѣдствіи оправдала великолѣпный урожай ржи».

«Эта земля подходила подъ окна только-что поставленной избы, которая была связана сѣнями со старой избенкой, служившей нѣкогда кабакомъ; къ избамъ примыкали строившіеся для скота и корма сараи, а за всѣми этими постройками опять начиналась пашня только-что поднятой пустоши. «Американцевъ» не нашли дома. «Капитанша» собирала гдѣ-то на пустошахъ щавель для щей, а мужчины всѣ были на разработанной пустоши, которую двое тщательно разскароживали боронами и старались разбить ими упрямую дернину, одинъ же подчищалъ кусты, межующіе съ пашней. Пріятно было смотрѣть на ихъ работу, да и они всѣ видимо работали съ удовольствіемъ» [1]).

Хозяйство въ Буковѣ велось нѣсколько лѣтъ, снято было нѣсколько жатвъ, хозяйственные успѣхи были блестящіе. Кто же все это сдѣлалъ? Организаціонный планъ хозяйства составилъ самъ А. Н. Веденіе его взялъ на себя Иванъ. Прочіе члены пахали, косили, скородили. Участіе же «капитановъ» въ дѣлѣ ограничивалось только матерьяльными пожертвованіями и энтузіазмомъ изъ прекраснаго далека, по той простой причинѣ, что они все время были въ разъѣздахъ. Между тѣмъ именно на Ивана падаютъ всѣ нареканія за погибель общины. Если онъ и погубилъ ее, за то все въ сущности на немъ и создалось. А тѣ, кто нынѣ указываютъ на Ивана, помавая главами, въ сущ-

[1]) «Не по торному пути», стр. 167.

ности, стояли въ сторонѣ и только покряхтывали, глядя на страдованіе буковскихъ піонеровъ.

«Капитаны» постоянно твердятъ, что для нихъ окончательно уже выяснилось, что «связь съ прежнею жизнью порвана», что «внѣ деревни жизнь для нихъ невозможна», «городская жизнь потеряла для нихъ всякій смыслъ», и т. д. Все не выѣзжая изъ Петербурга, они радуются покупкѣ общиной земли, «боятся даже вѣрить, что покупка земли, наконецъ, состоялась». «Да, вотъ когда заживетъ нашъ поселокъ,—теперь ужъ можно работать не жалѣя труда!» И все не двигаются на эту купленную землю. Наконецъ, ужъ имъ становится ясно, что въ сущности они «отстали отъ одного берега и не пристали къ другому», капитанъ получилъ «мѣсто», но... все-таки продолжаются мечты хотя о такой деревнѣ, гдѣ бы жить возможно проще, работать возможно больше, быть ближе къ природѣ и т. д. «Капитаны» оказали матерьяльную поддержку дѣлу, но создано было оно всецѣло Иваномъ.

Приходилось все создавать: не говоря уже о постройкахъ, не было даже колодца. Пришлось вырыть его. Но мѣсто выбрали неудачно. Въ колодцѣ откуда-то заводились личинки комаровъ, такъ что воду приходилось процѣживать прежде, чѣмъ употреблять ее. Мѣстность печальная, дикая, съ одной стороны прилегаютъ болота, Приходилось биться надъ раздѣлкой пустошей, рубить кусты, пахать, прорубая путь плугу топоромъ. А долгая зима, когда все занесено сугробами, въ избахъ холодно, тѣсно грязно... Буковцамъ приходилось начинать дѣйствительно какъ американскимъ піонерамъ.

Николай Энгельгардтъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Гергардъ Гауптманнъ.

I.

Въ то время, какъ во Франціи натурализмъ на нашихъ глазахъ изживаетъ свой вѣкъ, и художники тщетно пытаются вдохнуть въ искусство новую жизнь всевозможными сильно дѣйствующими средствами, въ родѣ пресловутаго декадентства, символизма и пр., въ Германіи реализмъ достигъ сколько-нибудь значительныхъ успѣховъ лишь со времени франко-прусской войны и далеко еще не вполнѣ восторжествовалъ надъ дешевенькимъ идеализмомъ, которымъ такъ гордятся и наслаждаются патріархальные нѣмецкіе буржуа. Большинство изъ нихъ и теперь твердо держится того мнѣнія, что искусство должно служить для отдыха отъ вседневныхъ треволненій, должно утѣшать насъ и возвышать нашу душу, что поэтому оно должно касаться только извѣстныхъ отрадныхъ сторонъ жизни и избѣгать всего, что напоминало бы объ ожесточенной борьбѣ за существованіе, объ отрицательныхъ сторонахъ даннаго времени и даннаго общества. Дѣйствительно, тому, кто въ борьбѣ за существованіе остается побѣдителемъ, кто обращаетъ въ свою пользу несовершенства соціальнаго строя, очень удобно и пріятно забыть ропотъ и крики побѣжденныхъ, перелистывая толстый историческій романъ съ искусно запутанной любовной интригой или жонглируя патріотическими чувствами въ честь Габсбурга или Гогенцоллерна на представленіи крикливой пьесы Вильденбруховскаго репертуара. Удовлетворяя послѣобѣденнымъ инстинктамъ своей публики, эта литература давно уже потеряла характеръ искусства; за предѣлами своего круга читателей она не можетъ вызывать ни малѣйшаго интереса. До 1871 года эта сусальная литература была воодушевлена, если не идеаломъ, то, во всякомъ случаѣ, идеально окрашенными аспираціями: «національное возрожденіе», «объединеніе нѣмецкаго народа»,—вотъ что въ глазахъ каждаго нѣмецкаго мѣщанина казалось великой задачей всемірной исторіи. Когда же, наконецъ, «великое» зданіе Германской имперіи было увѣнчано, когда со-

лидному нѣмецкому бюргеру оставалось лишь рвать плоды своихъ идеальныхъ стремленій, предоставивъ остальнымъ классамъ народа наслаждаться отвлеченной стороной величія и славы германскаго государства, то и литература потеряла всякую связь съ живыми задачами современности и обратилась въ скучный и восторженный диѳирамбъ грошевыхъ добродѣтелей нѣмецкаго лавочника, который очень любитъ отожествлять себя съ нѣмецкимъ народомъ.

Такое жалкое состояніе литературы естественно должно было вызывать неудовлетворенность въ лучшихъ головахъ интеллигентнаго общества. Молодые люди, вступившіе въ жизнь послѣ «великаго» года, не пережившіе маніи величія, охватившей предъидущее поколѣніе, не имѣли основанія ни для особенной гордости, ни для чувства удовлетворенія настоящимъ. Новыя, грозныя задачи намѣчались уже съ полною ясностью и не давали покоя проснувшейся мысли. Этическое чувство подсказывало этой молодежи, что сила и слава государства далеко не синонимы блага и довольства народа. Ища литературной формы для новыхъ идей и ощущеній, молодое поколѣніе должно было обратиться за образцами и руководствомъ къ чужимъ народамъ, такъ какъ родная литература представляла печальный видъ кладбища. При этомъ естественно, что взоры начинающихъ писателей прежде всего обратились на тотъ литературный лагерь, который на своемъ знамени начерталъ: «безусловная правда и вѣрность природѣ». То, что имъ приходилось наблюдать, было такъ краснорѣчиво, что не нуждалось ни въ какихъ искусственныхъ пріемахъ, чтобы производить должное впечатлѣніе. Такимъ образомъ возникаетъ въ нѣмецкой литературѣ «золаизмъ», приводящій въ ужасъ всѣхъ солидныхъ отцовъ семействъ, піэтистически настроенныхъ пасторовъ и даже дальновидныхъ прокуроровъ, однимъ словомъ, всѣхъ блюстителей и охранителей наивной простоты и невѣдѣнія въ семьѣ и въ низшихъ классахъ. Со свойственной нѣмцамъ прямолинейностью піонеры натурализма сейчасъ же доводятъ до послѣднихъ предѣловъ доктрину своихъ учителей; формула Зола, требующая, чтобы книга была «une tranche de vie observée par un tempérament», кажется имъ недостаточной, и теоретикъ нѣмецкой филіальной школы Арно Гольцъ просто отбрасываетъ послѣднюю часть фразы: книга должна быть просто «une tranche de vie», роль художника сводится къ механической передачѣ внѣшнихъ явленій.

Кромѣ западныхъ сосѣдей, возрождавшееся нѣмецкое искусство испытало сильное вліяніе съ востока и особенно съ сѣвера. Достоевскій и Толстой не могли не прійтись по вкусу людямъ,

которые стремились взять на себя представительство передъ всѣмъ міромъ за интересы униженныхъ и угнетенныхъ, а общественныя условія Германіи создали почву, въ высшей степени благопріятную для воспріятія ибсеновскаго пессимизма и его презрѣнія къ ходячей морали. Племенное родство еще болѣе увеличило это вліяніе, такъ что въ концѣ концовъ было почти забыто, что Ибсенъ не кровный германецъ, что онъ изображаетъ норвежцевъ и чувствуетъ какъ норвежецъ.

Таковы общепризнанныя вліянія, подъ которыми сложилась новѣйшая нѣмецкая литература. Но не ими, конечно, объясняется интересъ, съ которымъ встрѣчены лучшія произведенія этой литературы во всѣхъ странахъ Европы. Иноземные элементы создали только технику и, пожалуй, основную точку зрѣнія; содержаніе же этого вновь народившагося искусства дано нѣмецкою дѣйствительностью, и въ этомъ его сила. Оно непосредственно примыкаетъ къ той борьбѣ, которая въ настоящее время захватываетъ всѣ области общественной жизни Германіи и наполняетъ то радостью, то разочарованіемъ всѣ сердца, начиная отъ Вильгельма II и кончая послѣднимъ рабочимъ. Представители новаго литературнаго движенія, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не принадлежатъ къ какой-нибудь опредѣленной политической партіи, и, если ихъ симпатіи чаще всего склоняются на сторону тѣхъ, которые еще только борятся за осуществленіе своихъ человѣческихъ правъ, то эти симпатіи обусловливаются общностью нравственныхъ, а не матерьяльныхъ интересовъ. Нужно-ли быть соціалъ-демократомъ, чтобы возмущаться тяжкимъ положеніемъ рабочаго по отношенію къ предпринимателю? Нужно-ли быть принципіальнымъ противникомъ современнаго экономическаго строя, чтобы болѣть душою за физическую и нравственную дегенерацію милліоновъ ради удовлетворенія прихотей нѣсколькихъ десятковъ богачей? Насколько писателю, претендующему на общественный интересъ, трудно обойти вопросы, поставленные рабочимъ движеніемъ, можно видѣть хотя бы изъ примѣра Шпильгагена, этого ветерана нѣмецкаго либерализма, стараго, заклятаго врага Лассаля и его единомышленниковъ: подъ конецъ жизни и ему приходится трактовать объ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ (*Sonntagskind*). Конечно, и теперь есть писатели, даже изъ самыхъ молодыхъ, которые считаютъ вопросы желудка незаслуживающими художественной обработки; экзотическая любовная психологія fin de siècle съ эпизодами визіонерства и эротическаго изступленія—вотъ, по ихъ мнѣнію, единственная область, гдѣ возможно удовлетвореніе чувства красоты: все остальное кажется имъ публицистикой и terre à terre (къ такимъ принадлежитъ,

напр., повидимому, совсѣмъ юный писатель Przybyzewski; см. его *Vigilien*). Но такихъ сколковъ съ демоновъ парижскихъ бульваровъ въ Германіи, къ счастью, весьма немного; имъ не можетъ быть мѣста въ странѣ, гдѣ государственная и общественная жизнь складывается изъ взаимодѣйствія живыхъ народныхъ силъ.

Однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ и талантливыхъ въ плеядѣ молодыхъ писателей Германіи является Гергартъ Гауптманнъ, съ которымъ и русская публика отчасти знакома по его послѣдней драмѣ *Ганнеле*, привлекающей даже въ изуродованномъ видѣ такую массу публики на одной изъ частныхъ сценъ Петербурга.

II.

Едва шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Гауптманнъ впервые выступилъ передъ публикой со своей первой драмой. За этотъ краткій періодъ онъ поразительно созрѣлъ и окрѣпъ, и есть полное основаніе думать, что лучшіе моменты его авторства еще впереди. Поэтому было бы преждевременно произносить какое-нибудь окончательное сужденіе о молодомъ драматургѣ; однако, уже и теперь нѣкоторыя черты его таланта опредѣлились съ такою ясностью, что отмѣтить ихъ не будетъ рискованно [1]).

Гергардъ Гауптманнъ родился въ 1862 году, въ Силезіи. Воспитанный въ піэтистской средѣ, типичной для нѣмецкой провинціи, Гауптманнъ искалъ удовлетворенія своей потребности художественнаго творчества сначала въ бреславльской академіи художествъ. Въ одной изъ своихъ комедій *(College Crampton)* онъ изображаетъ подобное учрежденіе весьма мрачными красками, называя его не иначе, какъ Drillanstalt (зубрильное заведеніе). Рутина, банальность, страхъ передъ малѣйшимъ лучемъ дѣйствительности и живого таланта, однимъ словомъ, затхлый провинціальный академизмъ, какъ онъ намъ его рисуетъ, заставили его бѣжать. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ штудируетъ естествен-

[1]) О Гауптманнѣ и вообще о новѣйшей нѣмецкой литературѣ см., между прочимъ: Herman Bahr, *Studien zur Kritik der Modernen*, Frankfurt a. M. 1894. Berthold Litzmann, *Das deutsche Drama in den litterarischen Bewegungen der Gegenwart*. Hamburg & Leipzig. 1894. Emil Reich, *Die bürgerliche Kunst und die besitzlosen Volksklassen*. Leipzig. 1892. Ola Hansson, *Der Materialismus in der Litteratur*. Stuttgart. 1892. Его же статья о Г. Гауптманнѣ въ *Allgem. Theater-Revue für Bühne und Welt*. I. S. 1894. Л. Ю. Шепелевичъ, *Гергардъ Гауптманнъ* («Сѣв. Вѣстн.» № 7, 1895). Edouard Rod, *La jeune litterature Allemande* («Rev. d. d. M.» 15 avr. 1894).

ныя науки въ Ісенѣ, но любовь къ искусству беретъ снова верхъ, и будущій драматургъ отправляется въ Италію совершенствоваться въ ваяніи. Здѣсь впервые онъ почувствовалъ свое писательское призваніе и съ тѣхъ поръ попеременно работаетъ рѣзцомъ и перомъ, далеко, впрочемъ, не съ одинаковымъ успѣхомъ. Поѣздки въ различные края и города Германіи дали ему тотъ запасъ опыта и наблюденій надъ людьми и ихъ отношеніями, который первому же его произведенію сообщаетъ характеръ значительнаго литературнаго явленія, хотя нѣкоторое наивное доктринерство его главнаго героя несомнѣнно обличаютъ въ авторѣ пылкаго юношу, придающаго еще большое значеніе добрымъ намѣреніямъ [1]). Этотъ юноша, къ тому же, весьма самоувѣренъ. Въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя онъ предпосылаетъ своей драмѣ, онъ благодаритъ членовъ «Общества свободнаго театра» за постановку ея на сцену. «Пусть будущее докажетъ,—говоритъ онъ, обращаясь къ нимъ,—что вы (этимъ)... оказали услугу *нѣмецкому* искусству». Позднѣе, посвящая своему отцу драму *Ткачи*, Гауптманнъ съ иронически звучащей скромностью говоритъ: «Это все, что можетъ дать «такой бѣдный человѣкъ, какъ Гамлетъ». Можетъ быть, Гауптманнъ въ такой же мѣрѣ бѣденъ, какъ и Гамлетъ, во всякомъ случаѣ такая самонадѣянность вызываетъ улыбку. Къ счастью, это дѣйствительно только юношескій задоръ и вѣра въ будущее, а не манія величія: послѣднее не могло бы мириться съ тѣмъ быстрымъ темпомъ, которымъ идетъ совершенствованіе его произведеній.

Намъ, русскимъ, хорошо знакома эта страстная вѣра въ себя и порывы къ обновленію. Тридцать лѣтъ назадъ у насъ такъ же, какъ теперь въ Германіи, молодое поколѣніе стремилось къ общественному прогрессу, вѣрило въ осуществленіе соціальной справедливости, съ энтузіазмомъ изучало естественныя науки, признавало только одинъ реализмъ въ искусствѣ. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе чего-то великаго. У насъ было свое *Наканунѣ*; первая драма Гауптманна называется *Передъ восходомъ солнца*. У насъ «канунъ» смѣнился сѣрымъ, безрадостнымъ днемъ; взойдетъ-ли для молодой Германіи желанное солнце, покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, наши «новые» люди Инсаровъ, Базаровъ должны были умереть, не изживши своей жизни; герой Гауптманна живъ и не собирается складывать оружія.

Любопытно, что Альфредъ Лотъ у Гауптманна очень многимъ напоминаетъ Инсарова. Въ двухъ словахъ содержаніе драмы

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія см. въ упомянутыхъ статьяхъ Ola Hansson. и Édouard Rod.

Гауптманна слѣдующее: Альфредъ Лотъ, убѣжденный и фанатическій соціалъ-демократъ, собираясь изучить на мѣстѣ условія жизни углекоповъ въ одномъ мѣстечкѣ восточной Германіи, попадаетъ въ домъ своего стараго товарища по университету, Гофманна, инженера, карьериста, женатаго на дочери разбогатѣвшаго и опившагося крестьянина. Внутреннія условія этого семейства такъ ужасны, что единственный нравственно-здоровый членъ его, сестра жены инженера Гофманна, невыносимо страдаетъ подъ гнетомъ семейной обстановки. Подъ вліяніемъ Лота Елена (такъ зовутъ героиню) начинаетъ сознательно относиться къ окружающей ее атмосферѣ зла и несправедливости, такъ что личное несчастіе усиливается еще мотивомъ Weltschmerz'a. Разумѣется, Лотъ и Елена влюбляются другъ въ друга, и все, повидимому, идетъ къ счастливой развязкѣ, по крайней мѣрѣ, для Елены. Но тутъ неожиданно Лотъ узнаетъ, что вся семья Елены страдаетъ наслѣдственнымъ порокомъ алкоголизма, и, боясь породить больное поколѣніе и считая это измѣной своимъ убѣжденіямъ, онъ бѣжитъ, оставляя Елену въ жертву пьяницѣ-отцу, развратной фуріи-мачихѣ и beau-frère'y, съ вожделѣніемъ смотрящему на молодую дѣвушку. Она накладываетъ на себя руки.

Патологическая наслѣдственность—страшная вещь. Она можетъ создавать драматическіе конфликты и не разъ уже служила темой для художниковъ. Во-первыхъ, Зола со своими Ругонами, затѣмъ Додэ, Ибсенъ, Біорнштерне-Біорнсонъ. Возможно-ли найти выходъ общаго характера, единственно пригодный въ художественномъ произведеніи? Додэ рѣшаетъ вопросъ, отрицая вообще роковой характеръ наслѣдственности (L'Obstacle); Біорнсонъ видитъ спасеніе въ нормальномъ, здоровомъ воспитаніи *(Новыя вѣянія)*. Но если даже не видѣть никакой возможности благопріятнаго исхода, то и тогда геройское бѣгство Лота, ради своихъ убѣжденій, едва-ли можетъ вызвать симпатію. Во-первыхъ, почему онъ счелъ возможнымъ принимать и отвѣчать на пылкія проявленія любви со стороны Елены, не удостовѣрившись въ томъ, что она обладаетъ всѣми тѣми качествами, какія онъ считаетъ необходимыми для своей избранницы? Со стороны такого прямолинейнаго педанта и «реалиста», какъ сказалъ бы Писаревъ, было бы вполнѣ послѣдовательно поднять вопросъ о медицинскомъ свидѣтельствѣ, раньше чѣмъ разыгрывать Ромео, весьма легкомысленно расточая безъ счета свои поцѣлуи. Во-вторыхъ, почему онъ считалъ необходимостью непремѣнно приступить къ дѣтопроизводству? Дѣвушка жаждетъ освободиться отъ невыносимой, тлетворной среды, въ которой она погибаетъ; вся ея лю-

бовь къ Лоту вытекаетъ изъ этого желанія, а онъ, вмѣсто того, чтобы протянуть ей безкорыстно руку помощи, думаетъ только о томъ, что молъ всѣмъ бы эта женщина годилась ему въ жены, да вотъ—изъянъ оказался, и малодушно ретируется, глубокомысленно разсуждая при этомъ, что ей не миновать грязныхъ объятій своего beau-frère'a, и это, быть можетъ, лучшее, что ей остается въ жизни. Мы думаемъ, что всякій честный человѣкъ долженъ чувствовать возмущеніе, присутствуя при принесеніи живого человѣка въ жертву принципу; всякій человѣкъ съ здоровымъ чувствомъ и съ головой, незабитой теоріей, долженъ найти иной исходъ, чѣмъ герой Гауптманна. Этотъ исходъ могъ бы повлечь за собой новыя драматическія положенія, можетъ быть, несчастіе для того или другого дѣйствующаго лица: не всякое стеченіе обстоятельствъ можетъ быть распутано ко всеобщему удовольствію; но тотъ, кто претендуетъ на нашу симпатію, долженъ быть гуманнымъ на дѣлѣ, а не въ принципѣ.

И такъ, въ глазахъ зрителя Лотъ не является вполнѣ симпатичнымъ героемъ. Вопросъ, какъ къ нему относится авторъ? Нѣмецкая критика, враждебно относящаяся къ молодой школѣ, злорадно навязываетъ Гауптманну взгляды Лота, доказывая этимъ узость и ограниченность этическихъ взглядовъ литературныхъ реформаторовъ, но такое отожествленіе далеко несправедливо. Конечно, нельзя отрицать, что во всѣхъ столкновеніяхъ Лота съ Гофманномъ симпатіи автора, какъ и всякаго зрителя, на сторонѣ перваго, но о полномъ тожествѣ автора и героя не можетъ быть и рѣчи. Прежде всего это противорѣчило бы самому принципу натурализма, которому Гауптманнъ отъ начала до конца не измѣняетъ. Ясно, что онъ хочетъ дать зрителю не идеальную личность, а живого человѣка. Не можетъ же Гауптманнъ придавать серьезнаго значенія, напр., смѣшной чертѣ полнаго воздержанія отъ куренія табаку и питья спиртныхъ напитковъ. Ни въ какомъ случаѣ не можетъ онъ раздѣлять литературныхъ взглядовъ Лота: на вопросъ Елены, что ей читать,—Лотъ совѣтуетъ ей читать Бульвера, потому что онъ изображаетъ людей не такими, какіе они на самомъ дѣлѣ, а какими они должны быть, тогда какъ Зола и Ибсенъ не художники, а только необходимое зло. «Я чувствую простую жажду,—прибавляетъ онъ,—и ищу въ искусствѣ чистаго, освѣжающаго напитка. Я не боленъ. А то, что даютъ Зола и Ибсенъ, есть лѣкарство». Писатель, который посвящаетъ свое первое произведеніе «послѣдовательнѣйшему реалисту (псевдониму Гольмсенъ, подъ которымъ скрываются два писателя: Арно Гольцъ и Ганцъ Шлафъ), въ благодарность за оказанное на него воздѣйствіе», едва-ли можетъ такъ отзываться о названныхъ ветера-

нахъ натурализма, которымъ онъ самъ столькимъ обязанъ. Наконецъ, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы Гауптманнъ сочувствовалъ финальному поступку своего героя. Дѣло въ томъ, что въ слѣдующемъ произведеніи своемъ *(Мирное торжество)* онъ разрабатываетъ ту же тему: на сцену выводится цѣлая семья несомнѣнныхъ невропатовъ; одинъ изъ членовъ ея, сохранившій наиболѣе человѣческія черты, но несомнѣнно зараженный наслѣдственнымъ недугомъ, привлекаетъ къ себѣ симпатію здоровой, жизнерадостной дѣвушки, имѣющей право претендовать на полную нашу симпатію; всѣ возстаютъ противъ союза, не обѣщающаго ей ничего, кромѣ мучительной роли сестры милосердія,— самъ молодой человѣкъ убѣждаетъ ее отказаться отъ него и тутъ же даетъ ей образчикъ своей болѣзненной раздражительности и несправедливой жестокости, но любящая дѣвушка не боится никакихъ испытаній: она смѣло смотритъ въ глаза своей судьбѣ, которая кажется ей не менѣе заманчивой отъ того, что она тяжка. Очевидно, что Гауптманнъ не стѣсняетъ своихъ героевъ и предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствія, не навязывая имъ своихъ взглядовъ.

И такъ, Лотъ не есть безличный носитель авторскихъ чувствъ и мыслей. Гауптманнъ сдѣлалъ здѣсь опытъ объективнаго воспроизведенія типа новыхъ людей, и надо признаться — этотъ опытъ не совсѣмъ удаченъ; этому персонажу недостаетъ чего-то, что производитъ на зрителя впечатлѣніе вѣрно схваченной натуры: линіи очерчены вѣрно, но во всей фигурѣ нѣтъ рельефа. Еще, пожалуй, слабѣе удалась Елена. Въ ней нѣтъ никакихъ индивидуальныхъ чертъ, ея дѣйствія плохо мотивированы. Сцены, происходящія между Лотомъ и Еленой, поэтому, кажутся намъ самыми слабыми въ пьесѣ; свой идеалъ всеобщаго благополучія Лотъ излагаетъ крайне шаблонно, безъ всякаго признака оригинальной концепціи, такъ что удивляешься, какъ могла его пропаганда произвести такое молніеносное дѣйствіе на Елену. Еще посредственнѣе любовныя сцены между ними, хотя филистерская нѣмецкая критика [1]) склонна видѣть въ нихъ перлы нѣмецкой литературы. Недостатокъ ихъ, по нашему мнѣнію, не въ томъ, что влюбленные говорятъ слишкомъ отрывочно, и несправедливо ихъ корить искусно развитымъ діалогомъ Ромео и Юліи, какъ дѣлаетъ Бультгауптъ [2]); бѣда ихъ въ томъ, что, когда они разговариваютъ, — говорятъ банальности, а также слишкомъ злоупотребляютъ своимъ несомнѣннымъ правомъ цѣловаться. Поцѣлуи

[1]) Litzmann.

[2]) *Шекспиръ и натурализмъ.* «Артистъ» 1894, сентябрь.

вполнѣ натуральное явленіе въ подобныхъ сценахъ, но въ такомъ неумѣренномъ количествѣ, въ какомъ они здѣсь расточаются, производятъ прямо удручающее впечатлѣніе; такой сценическій эффектъ долженъ вызывать, по меньшей мѣрѣ, смѣхъ.

Зато остальные персонажи даютъ полную иллюзію жизни. Двѣ-три фразы достаточны Гауптманну, чтобы вызвать въ зрителѣ вполнѣ законченный образъ. Особенно трепещетъ жизнью инженеръ Гофманнъ. Это чистокровный struggler for life, типичный жрецъ золотого тельца, безпощадный эксплуататоръ и ловкій дѣлецъ; принципы, убѣжденія, идеалы, безкорыстное служеніе имъ—для него все это четвертое измѣреніе, своего рода тихое умопомѣшательство. Въ молодостя, въ университетѣ онъ не отставалъ отъ товарищей въ благородныхъ стремленіяхъ—вѣдь тогда это ничему не вредило, напротивъ, помогало проводить время въ хорошей компаніи. Но жизнь — это нѣчто совсѣмъ другое: здѣсь надо забыть голубой цвѣтъ юношескаго бреда и вооружиться беззастѣнчивостью и острыми зубами. Въ русской литературѣ такой типъ мало распространенъ. И нашихъ юныхъ мечтателей и пылкихъ реформаторовъ школьнаго возраста обыкновенно жизнь ломаетъ, направляя по избитой колеѣ, но, судя, по крайней мѣрѣ, на основаніи романовъ, они до конца сохраняютъ какое-то чувство стыдливости, когда встрѣча со старымъ товарищемъ или что-либо подобное вдругъ напомнитъ имъ, чѣмъ они хотѣли быть и чѣмъ стали. Каждый изъ нихъ въ свое время продѣлалъ болѣе или менѣе серьезную внутреннюю драму, и иногда до старости въ глубинѣ души у нихъ копошится сосущій червь неудовлетворенности. Въ западно-европейскихъ литературахъ утвердился другой типъ. Его превосходительство, Эженъ Ругонъ, Нума Руместанъ, Поль Астье, ибсеновскіе Берникъ, Штейнгофъ,—все это близкіе родственники. Эти люди смѣло смотрятъ собесѣднику въ глаза, въ полномъ убѣжденіи, что совѣсть, щепетильность и тому подобная сентиментальная ветошь созданы лишь для слабыхъ, у которыхъ не хватаетъ силъ восторжествовать надъ соперниками. Успѣхъ—вотъ единственный критерій ихъ поведенія. Къ этой породѣ нигилистовъ, какъ ихъ опредѣлялъ Достоевскій, принадлежитъ инженеръ Гофманнъ и является въ ряду ихъ далеко не блѣднымъ экземпляромъ. Если онъ въ литературѣ имѣетъ предшественниковъ, то это не значитъ, что онъ не оригиналенъ: онъ также выхваченъ изъ дѣйствительности, какъ и они.

III.

Мы не будемъ останавливаться на каждомъ произведеніи

Гауптманна—это заняло бы у насъ слишкомъ много времени. Такъ, мы пропустимъ упомянутую уже вторую пьесу его *(Das Friedensfest)*. Хотя она имѣетъ несомнѣнныя литературныя достоинства, но послѣ первой драмы Гауптманнъ здѣсь не подвинулся впередъ. Кругъ идей, въ который онъ вводитъ зрителя, несравненно уже, чѣмъ тамъ: основной мотивъ—порочная наслѣдственность—въ первой пьесѣ разсматривается, какъ соціальный фактъ, имѣющій соціальныя причины и послѣдствія, тогда какъ во второй она трактуется, какъ естественно-историческое явленіе; нормальная организація данныхъ субъектовъ не приводится въ связь съ условіями среды, а этимъ интересъ сводится къ проблемамъ личной психологіи дѣйствующихъ лицъ. Въ этой драмѣ замѣтно значительное вліяніе *Привидѣній* Ибсена, тогда какъ *Передъ восходомъ солнца* нельзя упрекнуть въ прямой подражательности.

Третья драма Гауптманна—*Одинокіе люди* опять не выходитъ изъ предѣловъ, такъ сказать, семейныхъ интересовъ, но зато они такъ энергично захвачены въ самомъ больномъ мѣстѣ, что вызываютъ къ себѣ живѣйшее вниманіе зрителя, помимо мастерства выполненія, которое Гауптманнъ здѣсь обнаруживаетъ впервые въ такой степени. Тема опять далеко не новая. Мужъ и жена любятъ другъ друга, но оба глубоко несчастливы, вслѣдствіе слишкомъ большой разницы въ умственномъ отношеніи. Она — наивная, но вовсе не глупая женщина, всѣмъ своимъ воспитаніемъ подготовленная къ одной роли — заботливой хозяйки, нѣжной матери и преданной жены, даже слишкомъ преданной, потому что ея слѣпая преданноеть только раздражаетъ ея мужа. Онъ погруженъ въ научные интересы, пишетъ трактатъ по психофизіологіи, но ему нужно дѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими выношенными мыслями: онъ не Спиноза, ему тяжело умственное одиночество. Съ другой стороны, отсутствіе общественныхъ интересовъ и чрезмѣрный индивидуализмъ не позволяютъ ему найти поддержку живой среды, съ которой бы онъ могъ быть органически связанъ. Въ такихъ условіяхъ на сцену появляется дѣвушка высшаго интеллигентнаго типа. Гауптманнъ не нашелъ у себя дома образца для подобной фигуры и выписываетъ ее изъ-заграницы: Анна Маръ—уроженка остзейскихъ провинцій. Это, очевидно, анахронизмъ: остзейскія нѣмки такъ же рѣдко ѣздятъ учиться въ Парижъ и въ Цюрихъ, какъ берлинскія; подобно послѣднимъ, онѣ видятъ призваніе женщины единственно въ обязанностяхъ супруги, матери и хозяйки; ихъ девизъ: «dein Haus sei deine Welt». По всѣмъ видимостямъ Анна Маръ должна была бы быть русской: она поетъ извѣстную рус-

скую пѣсню (хотя и не народную, какъ думаетъ Гауптманнъ), комментируетъ Гаршина, разсказываетъ исторію о долготерпѣніи жены, послѣдовавшей за своимъ мужемъ въ Сибирь. Если, при всемъ томъ, авторъ заставилъ ее быть нѣмкой, то намъ кажется, что это произошло отъ добросовѣстности художника-натуралиста. Ему необходимы были извѣстныя черты, необычныя на его родинѣ, но онъ не захотѣлъ предпринимать рискованнаго опыта изображать чуждую ему психологію.

Какъ бы то ни было, однако, Анна Маръ по своему развитію способна понимать молодого ученаго и оцѣнивать его идеи научнаго характера. На этой почвѣ пониманія и сочувствія между ними устанавливается близость, которая мало-по-малу изъ области мысли переходитъ на почву чувства. Въ результатѣ жизнь обоихъ супруговъ Фокератъ и молодой дѣвушки разбита въ конецъ. Быть можетъ, самоубійства героя могло бы и не существовать, но это не измѣнило бы трагическаго характера развязки для всѣхъ троихъ. Какъ видитъ читатель, передъ нами опять старый вопросъ о свободѣ любви. Но и здѣсь авторъ остается въ сторонѣ и ничѣмъ не намекаетъ, какъ онъ относится къ вопросу. Каждый шагъ дѣйствующихъ лицъ съ такою очевидностью вытекаетъ изъ ихъ характеровъ и условій, въ которыя они поставлены, что зритель почти лишенъ возможности произнести *судъ*: каждый изъ участниковъ драмы въ одинаковой мѣрѣ вызываетъ его *состраданіе*. Молодой Фокератъ, поставленный силой вещей рѣшителемъ судьбы нѣсколькихъ людей, не обладаетъ для этого ни достаточной волей, ни достаточнымъ самоотверженіемъ. У него долго не хватаетъ мужества сознаться себѣ самому въ истинномъ характерѣ своей склонности къ Аннѣ. Онъ обманываетъ себя и жену, увѣряя ее, что онъ любитъ только ее одну, энергично протестуя противъ всякаго намека на то, что бесѣды его съ Анной на отвлеченныя темы заходятъ слишкомъ далеко. Когда же это становится очевиднымъ и для него, то онъ по слабохарактерности неспособенъ принять никакого опредѣленнаго рѣшенія. Принципы его говорятъ ему о правѣ человѣка располагать своимъ чувствомъ, но, когда отецъ напоминаетъ ему, что въ его рукахъ находится жизнь человѣческая, что жена его не перенесетъ гибели своего семейнаго счастья, онъ не рѣшается настаивать на своихъ правахъ, предоставляетъ событія ихъ теченію и гибнетъ самъ, не съ сознательнымъ рѣшеніемъ принести себя въ жертву ради чужого счастья, а просто не будучи въ силахъ вынести положенія, въ которое онъ попалъ совершенно пассивно.

Если бы Гауптманнъ хоть сколько-нибудь хотѣлъ оттѣнить

свою «небуржуазную» точку зрѣнія, онъ непремѣнно это выразилъ бы въ характеристикѣ постылой жены. Но онъ рисуетъ ее такими чертами, которыя дѣлаютъ ее намъ не менѣе, если не болѣе симпатичною, чѣмъ всѣ остальныя лица драмы. Конечно, она развита не болѣе всякой нѣмецкой Hausfrau, но вѣдь она это сознаетъ; она разсказываетъ, что въ тотъ день, когда Іоганнесъ впервые сказалъ ей о своей любви, она съ недоумѣніемъ спрашивала себя, что можетъ такой умный и ученый человѣкъ найти въ ней. Она и впослѣдствіи нисколько не настаиваетъ на своихъ правахъ законной жены: она чистосердечно признаетъ превосходство Анны; она готова устраниться, пожертвовать собою, и не ея вина, если она не можетъ не страдать при этомъ.

Менѣе ясною вышла фигура Анны. Очевидно Гауптманну не особенно понятны такіе женскіе типы. Оторванная отъ своей родины, всѣмъ чужая и одинокая, Анна живетъ только умственными интересами. Но зрѣлище дружной, сплоченной семьи вызываетъ въ ней наружу заглушенную потребность въ тихомъ уголкѣ и въ родственной атмосферѣ; она почти насильно навязывается въ дружбу къ членамъ семьи; она хотѣла бы получить здѣсь право гражданства, хотѣла бы быть чѣмъ-нибудь полезной. Рѣшительный диссонасъ получается, когда она, воспользовавшись размолвкой хозяина дома съ его пріятелемъ, художникомъ Брауномъ, чуть не интригуетъ противъ послѣдняго, чтобы стать для молодого Фокерата единственнымъ умственно близкимъ человѣкомъ. Намъ кажется, что этотъ эпизодъ противорѣчитъ общему очертанію ея характера; во всемъ остальномъ она проявляетъ искренюю сердечность и прямоту, а въ концѣ концовъ и сильную волю. Если она, также какъ Фокератъ, незамѣтно для себя увлеклась далѣе, чѣмъ сама бы хотѣла, и должна вслѣдствіе этого выносить жестокіе удары своему самолюбію отъ Брауна, отъ матери Фокерата, то она нашла въ себѣ силы сдѣлать рѣшительный шагъ и порвать отношенія, которыя въ данныхъ условіяхъ доставляли всѣмъ однѣ муки и униженіе.

Совершенно безпристрастно авторъ отнесся и къ старому поколѣнію семьи, къ родителямъ Іоганна Фокерата. Они безъ колебаній всецѣло стоятъ на почвѣ традицій: мужъ долженъ быть вѣренъ женѣ. Они съ недовѣріемъ и осужденіемъ относятся къ философствованіямъ сына, которыя отвращаютъ его отъ единственно спасительнаго благочестія въ духѣ лютеранскаго піэтизма. Но при этомъ столько истинной человѣческой любви сказывается въ ихъ шаблонной и, повидимому, черствой морали, что зритель не имѣетъ духу обвинить ихъ въ жестокости и въ лицемѣрной привязанности къ обрядовой сторонѣ жизни.

Однимъ изъ самыхъ удачныхъ персонажей драмы является молодой художникъ Браунъ. Онъ принадлежитъ къ тому типу артистовъ, которымъ красота красокъ и формъ не мѣшаетъ видѣть и оцѣнивать окружающихъ человѣческихъ отношеній. Браунъ вѣчно сомнѣвается въ законности служенія красотѣ, когда кругомъ идетъ борьба изъ-за элементарнѣйшихъ жизненныхъ благъ; онъ вѣчно ищетъ примиренія между искусствомъ и общественнымъ долгомъ. *Художники* Гаршина производятъ на него такое сильное впечатлѣніе, что у него на-время рука отказывается держать кисть. Прекрасно проведенъ контрастъ между инстинктомъ общественности у Брауна и ограниченностью ученаго дилетанта Фокерата. Послѣдній думаетъ, что если онъ написалъ философскій трактатъ, имѣющій кое-какую научную цѣну, то общество не имѣетъ права предъявлять къ нему болѣе никакихъ запросовъ: онъ исполнилъ свой долгъ передъ человѣчествомъ.

— Развѣ я въ чемъ-нибудь худо поступаю, скажи пожалуйста?—обращаетея онъ къ Брауну.

— Не хуже, чѣмъ всѣ другіе. Именно ты допускаешь такой же компромиссъ, какъ и всѣ.

— Извини, если я тебѣ на это не буду отвѣчать. Это становится скучнымъ, наконецъ... (съ запальчивостью). Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Вы, друзья, мололи радикальныя фразы, а я вамъ сказалъ разъ навсегда, что я въ этомъ не участвую: это значитъ, что я допускаю компромиссъ.

— Ты это такъ выражаешь, а дѣло обстоитъ иначе: въ то время, какъ мы со своими идеями шли напрямикъ, ты противъ насъ защищалъ все старое, все пережитое во всѣхъ формахъ. Поэтому ты и прогналъ отъ себя своихъ друзей и остался изолированнымъ.

Въ этой сценѣ заключается общественная сторона нашей драмы. Здѣсь, повидимому, надо искать ключа для объясненія ея заглавія. Человѣкъ, несвязавшій себя съ живыми интересами себѣ подобныхъ, обреченъ на безплодіе, нравственное шатаніе и одиночество.

IV.

Мы опять пропустимъ безъ разсмотрѣнія слѣдующую за *Одинокими людьми* пьесу Гауптманна—комедію *Коллега Крамптонъ*. Хотя она, кромѣ автобіографическаго интереса, содержитъ не мало удачныхъ характеровъ и комическихъ (въ лучшемъ значеніи этого слова) сценъ, но содержаніе ея слишкомъ ничтожно, чтобы мы могли отвести ей сколько-нибудь серьезную роль въ процессѣ развитія таланта Гауптманна. Зато слѣдующее его про-

изведеніе знаменуетъ собою моментъ полнаго расцвѣта его творческой дѣятельности, какъ по оригинальности построенія драмы, такъ и въ особенности по силѣ производимаго ею впечатлѣнія.

Что касается технической стороны, то Гауптманнъ съ самаго начала старался провести принципъ реализма до послѣднихъ его границъ. Монологи, длинныя тирады въ діалогахъ, рѣчи «въ сторону» и тому подобные условные театральные пріемы абсолютно отсутствуютъ въ его драмахъ; отрывочность репликъ порой даже мѣшаетъ пониманію при обыкновенномъ чтеніи, но на сценѣ, съ помощью интонаціи, мимики и жестовъ, такія мѣста должны производить чрезвычайно жизненное впечатлѣніе. Гауптманнъ не только прибѣгаетъ къ діалекту (нижненѣмецкому) тамъ, гдѣ дѣйствующія лица взяты изъ менѣе образованныхъ слоевъ общества,— онъ старается, чтобы каждый говорилъ своимъ индивидуальнымъ языкомъ, но достигаетъ онъ этого не простымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словечекъ и выраженій—пріемъ, къ которому такъ часто прибѣгаютъ авторы,—а подмѣчаетъ дѣйствительно типичныя фонетическія и лексическія особенности. Желая въ малѣйшихъ подробностяхъ предвидѣть производимое на зрителя впечатлѣніе, Гауптманнъ съ самой мелочной тщательностью вырабатываетъ внѣшнюю обстановку сцены, наружность дѣйствующихъ лицъ, даетъ актерамъ пунктуальнѣйшія указанія на счетъ жестикуляціи, сопровождающей тѣ или другія слова, вставляетъ постоянно нѣмыя сцены. Иногда желанія автора переходятъ границу исполнимаго: такъ, въ *Мирномъ торжествѣ* онъ требуетъ, чтобы дѣйствующія лица имѣли какъ можно болѣе семейнаго сходства; въ драмѣ *Передъ восходомъ солнца* дается живописное изображеніе разсвѣта, сквозь крытыя ворота сарая долженъ быть виденъ цѣлый пейзажъ, «обширныя клеверныя поля и луга, по нимъ вьется рѣчка, теченіе которой обозначается ольхами и вербами». «Повсюду поднялись жаворонки, и ихъ безпрерывныя трели звенятъ то ближе, то дальше вплоть до самой усадьбы». Иногда въ описаніи жестовъ проявляется слишкомъ субъективное чувство самого автора, такъ, напр., Краузе обнимаетъ Елену «*съ неуклюжестью гориллы*», или: «въ теченіе нѣкотораго времени обмѣнъ поцѣлуями служитъ единственнымъ—*нѣмымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ* занятіемъ» Лота и Елены; иногда въ текстъ вставлены замѣчанія, которыя никакого отношенія къ дѣйствіямъ не имѣютъ: опять тотъ же Краузе появляется, напр., во 2-мъ актѣ *Передъ восходомъ солнца*, — онъ, «какъ всегда, послѣднимъ гостемъ покидаетъ трактиръ», прибавляетъ авторъ. Французскій критикъ Гауптманна, Эдуардъ Родъ, который относится къ нему слишкомъ сурово, называетъ всѣ пріемы, подобные вышеука-

заннымъ, фокусами (artifices), разсчитанными на чисто внѣшній эффектъ. Намъ они кажутся скорѣе наивными попытками переступить границы сценической техники въ сторону повѣствованія. Во всякомъ случаѣ, подобные «фокусы» замѣтны только въ чтеніи и совершенно не могутъ попасть на сцену.

Не считая этихъ, въ общемъ немногочисленныхъ увлеченій и крайностей натурализма, которыя, къ тому же, значительно уменьшаются въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гауптманна, мы должны признать, что, при всемъ томъ, его реальная техника вполнѣ достигаетъ цѣли: не вводя ненужныхъ и случайныхъ мелочей, какъ часто дѣлаютъ слишкомъ крайніе послѣдователи натуралистической доктрины, онъ умѣетъ такъ удачно подобрать характерныя черты, не выходя при этомъ за предѣлы возможнаго въ дѣйствительной жизни, что у зрителя получается вполнѣ конкретное и цѣльное впечатлѣніе не отъ отдѣльныхъ подробностей только, а отъ всего произведенія. Но подобный реализмъ еще не представляетъ ничего новаго; его предшественникомъ въ данномъ отношеніи былъ опять тотъ же Ибсенъ, если можно говорить объ опредѣленныхъ образцахъ для такой обычной въ наше время черты, какъ реализмъ. Только на нѣмецкой сценѣ, гдѣ царствуетъ до сихъ поръ патріотически-классическій пафосъ Вильденбруха и условная, заимствованная у французовъ салонность Линдау, реализмъ Гауптманна и Зудерманна можетъ производить впечатлѣніе опаснаго, чуть не скандальнаго новшества. Гораздо серьезнѣе и глубже его нововведенія въ *Ткачахъ*. Даже Эд. Родъ, при всѣхъ оговоркахъ, долженъ признать, что эта драма «первое дѣйствительно оригинальное произведеніе Гауптманна» и что она «открываетъ перспективы на возможность новаго театра, который доставалъ бы свои темы не въ обычныхъ магазинахъ».

Прежде всего бросается въ глаза отсутствіе любовной интриги. Правда, еще въ началѣ прошлаго столѣтія Вольтеръ возмутилъ актеровъ «Французскаго театра» такою же вольностью, но эта реформа Вольтера не удержалась: классики, романтики и реалисты въ одинаковой мѣрѣ считаютъ любовь неотъемлемымъ двигателемъ или въ крайнемъ случаѣ важнымъ аксессуаромъ всякой театральной пьесы. Мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ припомнить ни одного драматическаго произведенія новаго времени, гдѣ бы любовь не играла болѣе или менѣе существенной роли. Даже въ такихъ драмахъ, какъ *Врагъ народа* Ибсена, вплетенъ хоть намекъ на любовный эпизодъ.

Гораздо бо́льшую важность для «будущаго театра» имѣетъ другая особенность драмы Гауптманна: въ *Ткачахъ* пѣтъ героя. Это переворачиваетъ вверхъ дномъ традиціонную теорію драмы.

Шиллеръ упрекалъ Гете, что въ его *Эгмонтѣ* гибель героя обусловлена не «драматической виною» его, а внѣшними силами. Что бы онъ сказалъ о *Ткачахъ*, гдѣ о «драматической винѣ» смѣшно и говорить. Надо было бы назвать *Ткачей* драматическими картинами; образцомъ этого жанра считается *Лагерь Валленштейна*, но разница между этими вещами заключается въ томъ, что произведеніе Шиллера представляетъ только бытовую картину, тогда какъ пьеса Гауптманна полна сильнѣйшаго драматическаго интереса, не смотря на отсутствіе героя, его драматической вины и даже просто интриги. Но если въ *Ткачахъ* ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не вызываетъ къ себѣ преимущественнаго вниманія зрителя и всѣ событія драмы обусловлены не чьими-нибудь индивидуальными качествами, то интересъ зрителя вызывается судьбами *коллективнаго героя*: этотъ герой—народъ въ смыслѣ трудящейся массы. Столкновеніе личныхъ характеровъ, психологическая коллизія здѣсь уступаетъ мѣсто борьбѣ общественныхъ силъ, противоположности интересовъ. Можно было бы ожидать, что при извѣстныхъ общественныхъ взглядахъ и симпатіяхъ автора подобнаго рода произведеніе выйдетъ памфлетомъ или въ крайнемъ случаѣ сатирой. Ничуть не бывало. Всякому, кто безъ предвзятой мысли прочтетъ *Ткачей*,—а этого далеко нельзя сказать о нѣмецкихъ критикахъ Гауптманна,—становится очевидно, что вдохновителемъ автора было простое чувство гуманности, горячее состраданіе къ человѣческимъ несчастіямъ, а вовсе не отвлеченный тезисъ какой-нибудь теоріи, не пункты А или В извѣстной программы.

По величавой простотѣ фабулы *Ткачи* не уступятъ ни одной трагедіи Софокла, съ тою разницею, что тяготѣющій надъ смертными рокъ здѣсь замѣненъ столь же непреодолимыми для даннаго поколѣнія условіями общественнаго положенія. Исторической основой драмы послужили волненія силезскихъ ткачей, имѣвшія мѣсто въ 1846 году и кончившіяся сильными репрессаліями. Бытовая сторона этихъ событій знакома Гауптманну по семейнымъ воспоминаніямъ, такъ какъ дѣдъ его, въ качествѣ простого ткача, принималъ участіе въ упомянутыхъ волненіяхъ. Сущность драмы, однако, представляетъ далеко не одинъ историческій интересъ. Осложнившіяся условія политической жизни, фабричное законодательство, организованность обѣихъ сторонъ предпринимателей и рабочихъ только отчасти смягчили пріемы и характеръ борьбы, которая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ прорывалась наружу во всей своей элементарной силѣ.

Мы не будемъ слѣдить за подробностями развитія драмы, а скажемъ только, что надо обладать большимъ артистическимъ

чувствомъ, чтобы, изображая потрясающія сцены бѣдности и трагическую борьбу и участь людей, не увлечься идеализаціей этихъ людей, не поставить ихъ въ театральныя позы. Вся сила впечатлѣнія именно и обусловлена тѣмъ, что эти простые, наивные, невѣжественные, часто даже несимпатичные люди въ массѣ вызываютъ въ зрителѣ горячую симпатію къ своей судьбѣ. Такая же симпатія чувствуется и въ самомъ авторѣ. И въ этомъ новая его отличительная черта, отъ всѣхъ своихъ французскихъ и скандинавскихъ учителей. Критика справедливо указывала, что *Ткачи* во многомъ напоминаютъ *Germinal*; дѣйствительно, возможно, что нѣкоторыя черты психологіи массъ Гауптманнъ узналъ изъ романа Зола. Это не противорѣчитъ, однако, глубокой самостоятельности Гауптманна въ его отношеніи къ своему сюжету. Зола, подобно всей плеядѣ французскихъ натуралистовъ съ Флоберомъ во главѣ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ и съ высокомѣріемъ умственнаго аристократа относится къ плебсу (la populace), одѣвая свое презрѣніе разочарованіемъ пессимиста-мыслителя. Если онъ все же считаетъ массу достойнымъ объектомъ вниманія художника, то исключительно съ точки зрѣнія естественно-исторической объективности. Въ концѣ концовъ онъ становится почти исключительно зоологомъ, и страницы его романовъ, посвященныя неодушевленнымъ предметамъ, претендуютъ на такое же впечатлѣніе, какъ самые сильные эпизоды человѣческихъ страданій. Такое теченіе давно получило прочное господство во французскомъ искусствѣ, въ романѣ не больше, чѣмъ въ лирикѣ, въ живописи и пр. Но и не у однихъ французовъ... Самый ярый врагъ толпы, пророкъ и жрецъ необузданнаго индивидуализма принадлежитъ Германіи: Ницше сталъ кумиромъ для всѣхъ декадентскихъ Адонисовъ. Но, можетъ быть, никто такъ краснорѣчиво и ѣдко не хлесталъ бѣдную демократію, какъ Ибсенъ. «Масса, толпа, проклятое компактное большинство, говоритъ новѣйшій Тимонъ Аѳинскій, докторъ Штокманъ (*Врагъ народа*),—вотъ что отравляетъ намъ духовный источникъ жизни и зачумляетъ подъ нами почву». «Большинство никогда не имѣетъ справедливости на своей сторонѣ... Справедливость принадлежитъ мнѣ и нѣсколькимъ, немногимъ единицамъ». Надо-ли еще говорить объ истинѣ? «Истины, которыя признаетъ масса,—это тѣ, за которыя боролись наши дѣды», но которыя теперь уже стали ложью. Ложь, будто «обыкновенный человѣкъ, этотъ нашъ невѣжественный, умственно незрѣлый меньшій братъ, обладаетъ такимъ же правомъ произносить сужденіе, господствовать и управлять, какъ и немногіе умственно выдающіеся и свободные люди». «Ложь, будто культура деморализуетъ. Нѣтъ, глупость,

бѣдность и несчастіе, словомъ, все, что составляетъ проклятіе человѣческой жизни,—вотъ гдѣ причина испорченности».

Какъ далекъ Гауптманнъ отъ подобной жестокости! «Человѣкъ долженъ быть счастливъ», говоритъ у Гауптманна одинъ изъ тѣхъ простыхъ, невѣжественныхъ, умственно незрѣлыхъ людей, которыхъ такъ презираетъ докторъ Штокманъ, и вопросъ объ обладаніи справедливостью и истиною отступаетъ на второй планъ, когда «компактное большинство» слишкомъ далеко отъ этого идеала. Къ такому выводу приводитъ сравненіе *Ткачей* съ мизантропіей Ибсена; такое чувство выносится изъ произведеній Гауптманна, и это дѣлаетъ его особенно понятнымъ намъ.

V.

Послѣ *Ткачей* Гауптманнъ издалъ двѣ небольшія повѣсти, которыя обнаруживаютъ въ немъ хорошаго разсказчика, но не заслуживаютъ особенно внимательнаго разбора. Первая изъ нихъ *(Желѣзнодорожный сторожъ Тиль)* ничѣмъ не выдѣляется изъ цѣлой массы очерковъ и разсказовъ, заполняющихъ всѣ журналы и газетные фельетоны. Вторая, подъ заглавіемъ *Апостолъ*, напротивъ, поражаетъ необычайностью и туманностью. Эд. Родъ называетъ эту повѣсть «эскизомъ въ облакахъ», она кажется ему «литературной иллюстраціей къ одной изъ картинъ Уде, гдѣ фигуры божественной легенды представлены въ современныхъ костюмахъ». Мы думаемъ, что Гауптманнъ здѣсь сдѣлалъ попытку изобразить психологію человѣка, стоящаго на границѣ между нормальнымъ состояніемъ и душевною болѣзнью. Но все же читатель никакъ не можетъ участливо отнестись къ полубреду психопата, воображающаго себя апостоломъ и высшимъ существомъ и опьяняющагося суевѣрнымъ поклоненіемъ людей, и недоумѣваетъ, каковы были настоящія намѣренія автора.

Не къ лучшимъ произведеніямъ Гауптманна принадлежитъ и вторая комедія—*Бобровая шуба*, единственная пьеса его, имѣвшая посредственный успѣхъ на сценѣ. Послѣ *Ткачей* публика въ правѣ была ожидать болѣе серьезнаго произведенія, чѣмъ изображеніе, прусскаго полицейскаго чиновника, который въ погонѣ за мнимыми неблагонадежными агитаторами не видитъ, что у него подъ носомъ орудуетъ воровская шайка. Но простонародные типы и здѣсь очерчены очень талантливо.

Ожиданія публики, однако, вскорѣ сбылись самымъ блестящимъ образомъ. Съ появленіемъ *Ганнеле* репутація Гауптманна поднялась съ новою силою и распространилась даже въ такихъ сферахъ общества, гдѣ этого меньше всего можно было ожидать. До тѣхъ

поръ его пьесы шли, кажется, почти исключительно на различныхъ «свободныхъ сценахъ». «Компактное большинство» нѣмецкаго бюргерства смотрѣло на молодого драматурга, какъ на опаснаго новатора, и косилось на демократическую толпу его безусловныхъ поклонниковъ. Но *Ганнеле* обезоружила всѣ узко-буржуазныя опасенія и предубѣжденія. Новая пьеса была принята на сцену королевскаго театра и вызвала тамъ такой же энтузіазмъ, какъ и на всѣхъ иностранныхъ сценахъ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Петербургѣ. Въ критикѣ поднялся сильный споръ не о достоинствахъ пьесы,—въ нихъ никто не сомнѣвался,—а о намѣреніяхъ и направленіи автора. Говорили о піэтизмѣ, о мистикѣ, чуть-ли не о декадентствѣ, и несомнѣнно, что успѣхъ *Ганнеле* у лицемѣрно благочестивой части нѣмецкаго общества основанъ отчасти на недоразумѣніи. Въ пьесѣ нѣтъ ни крупинки мистицизма: рисуя намъ радужныя, недоступныя для смертныхъ небесныя сферы, авторъ ни на минуту не покидаетъ темной земли и горькой доли ея обитателей. Столь же неосновательно сужденіе, будто *Ганнеле* представляетъ не болѣе, чѣмъ красивую феерію: красота и эффектность не составляютъ господствующаго элемента пьесы и служатъ только оригинальной рамкой для глубоко захватывающей трагедіи. На счетъ оригинальности замысла критики тоже не единогласны: Эд. Родъ указываетъ на пьесу бернскаго писателя Видманна *Jenseits von gut und bös* (По ту сторону добра и зла), появившуюся за нѣсколько мѣсяцевъ до *Ганнеле*. Можетъ быть, умѣстно было бы напомнить здѣсь *Мальчика у Христа на елкѣ* или народныя пьесы ярмарочнаго репертуара съ апоѳеозомъ въ концѣ, но вѣдь суть не въ первенствѣ изобрѣтенія, а въ дѣйствительной, внутренней оригинальности творчества.

Сюжетъ *Ганнеле* опять въ высшей степени простъ. Четырнадцатилѣтняя дѣвочка, замученная пьяницей-вотчимомъ, бросается въ воду; ее вытаскиваютъ, но она простудилась на смерть и умираетъ въ бреду. Такая незатѣйливая фабула даетъ Гауптманну возможность раскрыть передъ нами весь душевный міръ забитаго существа. Дѣйствительность взвалила на ея истощенныя, дѣтскія плечи непосильную тяжесть, и она бѣжитъ отъ этой ужасной дѣйствительности въ тотъ міръ воздаянія за муки и вѣчной радости, который создало ея наивное дѣтское воображеніе, подъ вліяніемъ религіозныхъ преданій, пріобрѣтенныхъ въ школѣ. Все, что она испытала лучшаго въ жизни, все, что ей мерещилось недосягаемымъ идеаломъ, теперь окружаетъ ее въ горячечномъ бреду. Гауптманнъ здѣсь лишній разъ доказываетъ, какъ онъ умѣетъ понять и живо изобразить всякую психологію, даже самую далекую отъ современнаго культурнаго

человѣка. Мечты Ганнеле вовсе не похожи на тѣ изысканно-лубочныя, безобразныя фигуры, какія мы видимъ, напр., въ иллюстраціяхъ къ нѣмецкому изданію разсматриваемой пьесы; Гауптманнъ съ истинно поэтическимъ чутьемъ подмѣтилъ самый процессъ народнаго творчества, оставаясь на почвѣ реальнаго и понятнаго. Мы ясно видимъ генезисъ каждой составной части міровоззрѣнія Ганнеле. Какъ характерно, напр., что Христосъ представляется бѣдной дѣвочкѣ съ лицомъ учителя Готтвальда: это идеальнѣйшій человѣкъ, котораго она только встрѣчала въ жизни: ему она обязана своими возвышеннѣйшими впечатлѣніями.

Какъ деликатно введенъ намекъ на то, что чувство Ганнеле къ Готтвальду болѣе, чѣмъ уваженіе ученицы. Наяву вѣдь она никогда не говорила и себѣ самой объ этомъ; это было такъ невозможно, что она не смѣла и мечтать о чемъ-нибудь подобномъ. Но въ моментъ смерти, когда сбывается для нея все, что было невозможно, Готтвальдъ становится на колѣни передъ ея кроватью, прячетъ лицо въ складки ея платья: «не забудь меня ужъ совсѣмъ въ своемъ великолѣпіи», рыдаетъ онъ. «Сердце мое хочетъ разбиться, потому что я долженъ разстаться съ тобою». Какъ натурально, что въ представленія Ганнеле о небесномъ великолѣпіи одною изъ важныхъ подробностей входитъ бѣлое, шуршащее шелковое платье и сознаніе, что она дочь знатнаго графа: вѣдь при жизни она ходила грязная и оборванная и была ненавистной падчерицей пьянаго бродяги. Относительно ея отца молва говорила различно; мальчишки дразнили ее «ободранной принцессой», а изъ сказокъ она знала, какія испытанія иногда насылались на настоящихъ принцессъ. Во всемъ, что говорятъ ей ангелы и Христосъ, нѣтъ ни тѣни какого-нибудь откровенія, ничего, что бы было ново и непонятно для нея. Торжественныя слова, слышанныя въ церкви, независимо отъ ихъ значенія, звучащія гармоничною величавостью, реминисценціи поэтическихъ родныхъ пѣсенъ—вотъ всѣ ингредіенты ихъ рѣчей. Какое же мѣсто мистицизму автора? Съ послѣднимъ вздохомъ Ганнеле исчезаютъ всѣ ея видѣнія, и на сценѣ опять голая, мрачная дѣйствительность: отстрадавшее тѣло Ганнеле въ грязной, нищенской комнатѣ. Надъ нею наклоняются докторъ и сестра милосердія.

— Вы правы, говоритъ докторъ.

— Умерла?

— Умерла.

Мы прослѣдили литературную дѣятельность Гауптманна до настоящаго момента. Что намъ дастъ возвѣщенная въ газетахъ новая его драма изъ временъ крестьянскихъ войнъ XV-вѣка (*Флоріанъ Гейеръ*), скоро увидимъ. Во всякомъ случаѣ есть полное основаніе ожидать, что Гауптманнъ не разъ еще внесетъ

бодрый, здоровый аккордъ въ европейское искусство, которое начало-было дряхлѣть, погружаясь все болѣе и болѣе въ разочарованіе и пессимизмъ, съ одной стороны, и въ патологическій индивидуализмъ—съ другой. Критики, воспитавшіеся на этомъ отживающемъ искусствѣ, мрачно качаютъ головами, предсказывая Гауптманну, что онъ погибнетъ въ тискахъ партіи, навязывающей ему свои симпатіи и антипатіи, свои узкія эстетическія теоріи и захваливающей каждый его новый шагъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что главное значеніе драмъ Гауптманна обусловлено именно тѣмъ, что за ними стоятъ опредѣленные общественные взгляды, что пульсъ его артистическаго темперамента бьется въ тактъ съ пульсомъ живыхъ элементовъ его родины. Что касается теорій, то онѣ не страшны настоящему художнику; молодыя теченія въ искусствѣ всегда любили теоретизировать и въ области теоріи доходить до крайности, но тактъ лучшихъ представителей новаго эстетическаго міровоззрѣнія всегда указывалъ имъ границы, которыя нельзя переступать безъ риска впасть въ абсурдъ. А Гауптманнъ уже доказалъ, что его смѣлые эксперименты не приводятъ къ нелѣпымъ и смѣшнымъ результатамъ, а также, что возгласы его хвалителей не вскружили ему голову и не помѣшали ему идти впередъ въ развитіи своего таланта и въ расширеніи круга своихъ интересовъ. Кто въ пять лѣтъ прошелъ разстояніе отъ юношескихъ попытокъ, какъ его *Передъ восходомъ солнца*, до *Ткачей* и *Ганнеле*, тотъ можетъ надѣяться современемъ занять выдающееся мѣсто не въ одной лишь нѣмецкой литературѣ.

Евгеній Дегенъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Агрономія. Источники азота.

Основной и оборотный капиталъ почвы.—Превращеніе азота въ почвахъ.—Усвоеніе бобовыми атмосфернаго азота.—Процессы аммонизаціи и нитрификаціи.—Почвенныя бактеріи и нитромонады.—Процентное содержаніе азота въ перегноѣ и кислотность почвъ.—Раціональное пользованіе нитрификаціей.—Значеніе обработки почвы.—Прививки азото-усвояющихъ бактерій почвѣ.

Либихъ, основываясь на химическомъ анализѣ культурныхъ почвъ, пришелъ къ заключенію, что все дѣло въ количествѣ необходимыхъ для питанія растенія веществъ: фосфора, кали, азота. Изслѣдованія Буссенго, Дегерена и др. показали, что такого примитивнаго анализа недостаточно для опредѣленія плодородія почвъ, что почва можетъ содержать обильные запасы нужныхъ веществъ и все-таки давать скудные урожаи. Эти запасы могутъ быть въ совершенно неусвояемомъ растеніями видѣ, а этого химическій анализъ показать не можетъ. Даже въ плодороднѣйшихъ почвахъ *усвояемыя* вещества составляютъ лишь незначительную часть питательныхъ матерьяловъ, остающихся подъ спудомъ. Необходимо отличать *абсолютное* плодородіе почвъ отъ плодородія *относительнаго*. Абсолютное плодородіе опредѣляется общимъ количествомъ питательныхъ веществъ, которыя могутъ перейти въ усвояемое состояніе, но пока еще не перешли. Улита ѣдетъ, когда-то будетъ: хозяину важно знать *наличность* его почвъ, то количество нужныхъ веществъ, которое готово для использованія и сейчасъ можетъ быть усвоено. Дайеръ изслѣдовалъ почву, которую истощали въ теченіе 40 лѣтъ посѣвами ячменя безъ удобреній. Эти земли давали урожаи, вдвое меньшіе рядомъ лежавшаго участка, который удобряли калійными и фосфорно-кислыми удобреніями. Въ этихъ истощенныхъ почвахъ Дайеръ нашелъ 200 пудовъ фосфорной кислоты и 2.792 пуда кали на десятину (въ почвенномъ слоѣ толщиною до 4-хъ вершковъ). Слѣ-

довательно, почвы были очень *богаты* кали и фосфоромъ, а на дѣлѣ какъ будто бы ихъ и не было. И такъ, подъ *истощеніемъ* почвы надо понимать не абсолютное ея истощеніе, но лишь израсходованіе *усвояемаго* запаса питательныхъ веществъ.

Изслѣдованія Энгельгардта и Костычева показали, что смоленскіе подзолы очень *богаты* фосфорной кислотой, содержатъ до 200 пудовъ на десятину: количество, достаточное на 200 урожаевъ. Но *усвояемой* фосфорной кислоты въ этихъ двухъ почвахъ такъ мало, что онѣ требуютъ постояннаго, сильнаго удобренія.

Здѣсь и лежитъ причина ошибочности знаменитой «минеральной теоріи» Либиха. Такъ какъ всѣ почвы *богаты* азотомъ, то Либихъ рѣшилъ, будто навозъ дѣйствуетъ не азотистыми соединеніями, а минеральными частями. Буссенго опровергъ его слѣдующимъ простымъ опытомъ. Онъ взялъ два одинаковыхъ участка земли: на одинъ положилъ 500 кило навоза, а другія 500 кило навоза сжегъ и оставшуюся золу (содержавшую уже однѣ минеральныя части) положилъ на другой участокъ, затѣмъ посѣялъ овесъ на обоихъ участкахъ и сталъ ждать жатвы. На участкѣ, посыпанномъ золой, *овесъ* уродился самъ - четвертъ, а на участкѣ, удобренномъ навозомъ,—самъ 14. Ясно, что минеральная теорія не выдерживаетъ критики. Азота въ почвѣ много, а навозъ дѣйствуетъ именно своими азотистыми соединеніями. Азотъ почвы инертенъ, неусвояемъ. Съ навозомъ же вносится азотъ усвояемый. И такъ, чтобы химическій анализъ почвъ не ввелъ насъ въ заблужденіе относительно ея богатства, надо отличать основной, мертвый капиталъ почвы отъ капитала оборотнаго, надо помнить, что если химическій анализъ и можетъ опредѣлить общее содержаніе кали, фосфора, азота, онъ не скажетъ, *въ какомъ состояніи* находятся эти вещества, усвояемы они или инертны, то-есть, *по вкусу* растеніямъ или непригодны для питанія ихъ; надо помнить, что хотя рѣдкая почва не содержитъ азота, кали, фосфора въ сто разъ больше, чѣмъ надо для самаго обильнаго урожая, въ то же время рѣдкая почва можетъ дать безъ удобренія сносный урожай; надо помнить, что истощаются въ почвахъ только усвояемыя вещества, а запасный капиталъ потому и неподвиженъ, что растенія его использовать не могутъ.

Изложенныя соображенія опредѣляютъ слѣдующія задачи агрономіи: какъ использовать мертвый капиталъ почвы? Какъ заставить вещества изъ неусвояемыхъ перейти въ усвояемыя? Откуда вообще въ почвахъ берутся усвояемыя вещества и какъ, изъ какихъ источниковъ пополняется постоянный расходъ ихъ? Въ частности же, такъ какъ здѣсь мы коснемся только азота, предстоитъ изслѣдовать его превращенія въ почвѣ, прослѣдить

всѣ тѣ видоизмѣненія, которыя онъ въ ней претерпѣваетъ. Усвояемый азотъ поступаетъ въ почву изъ двухъ источниковъ: во-1-хъ, изъ воздуха, помощью особыхъ азотоусвояющихъ бактерій, живущихъ въ клубенькахъ на корняхъ бобовыхъ; во-2-хъ помощью процесса нитрификаціи, происходящаго тоже благодаря дѣятельности особыхъ микроорганизмовъ—нитромонадъ. Азотъ различныхъ растительныхъ остатковъ гумуса, т.-е. перегноя, навоза, весь *органическій* азотъ, какъ это показали изслѣдованія Шлезинга, Мюнца, Бертело, Виноградскаго, превращается при содѣйствіи различныхъ бактерій и грибковъ въ *амміакъ*. Далѣе, амміакъ, подъ вліяніемъ нитрифицирующихъ бактерій, окисляется въ *азотистую* кислоту. Азотистая кислота переходитъ въ *азотную* и, въ видѣ солей, поглощается растеніями. Растеніе питается, растетъ, наконецъ, умираетъ, и, если оно цѣликомъ осталось на той почвѣ, гдѣ выросло, то, разложившись, опять вступаетъ въ процессъ превращеній: превращается въ амміакъ, азотистую кислоту и т. д. Таковъ постоянный круговоротъ азота въ почвѣ. Но надо принять во вниманіе его потери. Съ сѣномъ, соломой, зерномъ уносятся азотистыя соединенія. Правда, они возвращаются съ навозомъ. Но масса азота теряется: при паровании поля, при обработкѣ его, азотистыя соединенія почвы разрушаются и выдѣляютъ свободный азотъ, затѣмъ улетучивающійся въ воздухъ; дожди вымываютъ азотно-кислыя соли и подпочвенныя воды совсѣмъ ихъ уносятъ. Но и эти потери пополняются, благодаря второму кругу, постоянно дѣйствующему рядомъ съ первымъ. Какъ мы уже сказали выше, свободный атмосферный азотъ постоянно усвояется бобовыми растеніями и затѣмъ переходитъ въ органическія соединенія, вступая въ круговоротъ почвеннаго азота.

Процессъ нитрификаціи постоянно переводитъ неусвояемый, инертный азотъ почвъ въ азотъ усвояемый, дѣятельный, пригодный для питанія растеній. Мы постоянно истощаемъ этотъ запасъ усвояемаго азота, но пополняемъ его навозомъ и посѣвами клевера, такъ какъ клеверъ именно и обладаетъ способностью усвоять атмосферный азотъ. Истощивъ усвояемый азотъ послѣдовательными урожаями хлѣбовъ, мы оставляемъ наше поле на нѣсколько лѣтъ подъ клеверомъ. За это время почва отдохнетъ, т.-е. пополнитъ запасъ азота на счетъ атмосферы. Фактъ усвоенія азота бобовыми не подлежитъ сомнѣнію послѣ опытовъ Шлезинга, Вильфарта, Лорана, Гельригера. Если бобовыя растенія воспитать подъ стекляннымъ колпакомъ, опредѣляя съ одной стороны *приростъ* азота въ почвѣ и растеніяхъ, а съ другой *убыль* его въ воздухѣ, то двѣ эти величины совпадутъ: сколько

прибыло связаннаго азота въ почвѣ, столько исчезло азота свободнаго изъ атмосферы. Таковъ фактъ. Остается уяснить самый *механизмъ* процесса. Изслѣдованія установили, что связываніе атмосфернаго азота происходитъ въ корняхъ бобовыхъ, и именно въ клубенькахъ, которые на нихъ развиваются. Непосредственной же причиной накопленія въ этихъ клубенькахъ азота является особый организмъ — bacillus radicicola.

Нашъ соотечественникъ Виноградскій получилъ послѣ продолжительныхъ опытовъ культуру бактерій, связывающихъ атмосферный азотъ. Свою бактерію Виноградскій помѣщалъ въ питательную жидкость, лишенную какихъ бы то ни было азотистыхъ соединеній и окруженную атмосферой чистаго азота. Здѣсь ужъ непосредственно можно было видѣть то, что наблюдали другіе изслѣдователи, воспитывая растенія подъ колпакомъ. Азотъ убывалъ и связывался бактеріей. Такую же важную роль играютъ микроорганизмы и при процессѣ нитрификаціи, т.-е. при переходѣ неусвояемаго почвеннаго азота въ усвояемый. Почва всегда содержитъ болѣе или менѣе значительные запасы азота въ формѣ растительныхъ остатковъ. Но азотистыя соединенія перегноя для питанія растеній не пригодны, ими не усвояются. Только въ формѣ *нитратовъ* — азотно-кислыхъ солей усвояютъ хлѣбные злаки азотъ. Поэтому азотъ *гумуса* (перегноя) долженъ претерпѣть цѣлый рядъ превращеній, о которыхъ въ общихъ чертахъ мы уже упоминали. Процессъ этотъ можно раздѣлить на двѣ стадіи: *аммонизація* перегноя, превращеніе органическихъ азотистыхъ соединеній въ амміакъ, и *нитрификація* — дальнѣйшее превращеніе амміака въ нитраты.

Работы Мюнца показали, что процессъ аммонизаціи исключительно зависитъ отъ микроорганизмовъ. Если почву подвергнуть стерилизаціи, помощью нагрѣванія до 120°, при чемъ жизнедѣятельность микроорганизмовъ прекращается, то даже при благопріятнѣйшихъ условіяхъ, при самой выгодной для процесса температурѣ, при достаточной влажности, амміака въ почвахъ не вырабатывается, азотистыя соединенія растительнаго перегноя не аммонизируются. Тѣ же почвы, не стерилизованныя при тѣхъ же условіяхъ, быстро обогащались амміакомъ.

То же происходило при хлороформированіи почвы. Если окружить ее парами хлороформа, какъ извѣстно, прекращающаго всякую біологическую дѣятельность, процесса аммонизаціи не происходитъ. Вообще, уничтоженіе тѣмъ или другимъ путемъ микроорганизмовъ почвы всякій разъ прекращало дальнѣйшее образованіе амміака, до тѣхъ поръ шедшее самымъ энергичнымъ образомъ. Аммонизацію, очевидно, приходится приписать все-

цѣло біологическимъ процессамъ — броженію, происходящему въ почвахъ.

Мюнцъ уединилъ изъ почвы цѣлый рядъ микроорганизмовъ, которые, будучи посѣяны въ почвѣ, предварительно стерилизованной, вызвали образованіе амміака, тогда какъ въ контрольномъ опытѣ (на почвѣ, не засѣянной микробами) амміака не получалось. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что процессъ аммонизаціи составляетъ функцію многихъ, весьма различныхъ, микроорганизмовъ: едва-ли не всѣхъ видовъ низшихъ организмовъ, въ изобиліи населяющихъ почву.

Процессъ нитрификаціи, превращающій амміакъ въ нитраты, тоже всецѣло зависитъ отъ особаго фермента, такъ называемыхъ нитромонадъ. Плодородіе нашихъ почвъ, обиліе нашихъ урожаевъ зависитъ отъ дѣятельности этихъ нитромонадъ, микроорганизмовъ, заставляющихъ почву *бродить* въ буквальномъ смыслѣ этого слова, отъ энергіи и успѣшности ихъ жизни. Тутъ мы видимъ, какое громадное вліяніе оказали на агрономію работы недавно скончавшагося Пастёра. Когда въ 1862 г. онъ опубликовалъ свои работы надъ уксуснымъ броженіемъ, когда онъ доказалъ, что алкоголь не можетъ преобразоваться въ уксусную кислоту безъ помощи особаго микроорганизма, бродильнаго фермента; когда, далѣе, онъ показалъ, что *чистый кислородъ остается инертнымъ* въ присутствіи самыхъ подвижныхъ органическихъ соединеній въ стерилизованной средѣ, и сейчасъ же начинаетъ окислять ихъ, разъ въ процессъ вмѣшаются микроорганизмы, — новые широкіе горизонты открылись предъ агрономами. Простое химическое изслѣдованіе почвы Либихомъ не было достаточно. Почва не есть что-то мертвое, «мертвый прахъ»,—она полна жизни, полна безчисленныхъ организмовъ, и лишь наблюденія надъ біологическими процессами почвы могутъ уяснить сущность питанія растеній.

Разъ мы знаемъ, что приготовленіе нитратовъ въ почвѣ дѣло микроорганизмовъ, мы должны изучить тѣ условія, при которыхъ эти организмы всего сильнѣе работаютъ, т.-е. условія ихъ жизни. Если мы найдемъ способъ помогать нитрификаціи гумуса нашихъ почвъ, то урожаи будутъ обезпечены. Чтобы «рожь была колосиста, зерномъ ядрениста», необходимы нитраты. Чтобы были нитраты, надо, чтобы наши почвы *хорошо бродили*, чтобы нитромонады плодились, множились и наполняли нашу землю. Всякая почва, даже самая плодородная, содержитъ сравнительно ничтожное количество веществъ, пригодныхъ въ пищу растенію, удобоусвояемыхъ. Громадный же запасъ веществъ лежитъ въ ней въ видѣ мертваго капитала, въ формѣ соединеній, неусвояемыхъ растеніемъ.

Сначала они должны перейти въ усвояемое состояніе, тогда уже они поступятъ въ наличный капиталъ почвы. Наука, изучивъ условія и причины этого превращенія, можетъ содѣйствовать быстрой и успѣшной эксплоатаціи мертваго капитала почвы. Въ почвѣ, подъ нашими ногами, громадные запасы азотистыхъ соединеній, и мы принуждены прибѣгать къ азотистымъ удобреніямъ. Намъ мало навоза нашихъ скотныхъ дворовъ. Мы покупаемъ отбросы заводовъ и фабрикъ, веземъ къ себѣ чилійскую и перувіанскую селитру. Инертность почвеннаго азота раззоряетъ насъ. Наука должна побѣдить эту инертность.

Въ настоящее время мы уже имѣемъ нѣкоторую возможность классифицировать почвы не только по абсолютному содержанію азота, но и по количеству азота усвояемаго. Прежде всего существенная разница въ отношеніи азота замѣчается между почвами влажныхъ и сухихъ мѣстностей. Влажныя почвы богаты перегноемъ, гумусомъ. Сухія почвы содержатъ отъ 2 до 5 процентовъ гумуса, не болѣе. Тѣмъ не менѣе, сухія почвы менѣе нуждаются въ азотистыхъ удобреніяхъ, чѣмъ влажныя. Это потому, что гумусъ сухихъ почвъ гораздо *богаче* азотомъ, чѣмъ гумусъ влажныхъ. Хотя *количественно* гумуса въ сухихъ почвахъ и меньше, но онъ выше *качественно*. Это *высокопроцентный* гумусъ. Въ среднемъ, гумусъ сухихъ мѣстностей содержитъ *втрое* болѣе азота, чѣмъ гумусъ мѣстностей влажныхъ. Во влажныхъ областяхъ гумуса много, но онъ азотомъ *бѣденъ*. Въ сухихъ областяхъ гумуса *мало*, но онъ *богатъ* азотомъ. Между тѣмъ, чѣмъ меньше азота содержится въ гумусѣ, тѣмъ труднѣе онъ переходитъ въ усвояемое состояніе. Существуетъ извѣстный предѣлъ, извѣстный minimum содержанія азота, при которомъ гумусъ такъ прочно связываетъ его, что почва можетъ считаться абсолютно лишенной азота. Опредѣленіе этого предѣла дѣло не легкое. Извѣстный американскій почвовѣдъ, Гильгардъ, полагаетъ, что если количество азота достигаетъ только *двухъ* процентовъ всего гумуса, то можно считать почву *лишенной азота*. Если перегной содержитъ 3% азота, почву уже можно считать *обильно* снабженной азотомъ; такая почва лишь въ рѣдкихъ случаяхъ требуетъ азотистыхъ удобреній; при 5% азота удобреніе совершенно *излишне*.

Кромѣ классификаціи почвы по процентному содержанію азота въ перегноѣ, мы можемъ классифицировать ее такъ же по большей или меньшей ея *кислотности* или *щелочности*. Кислоты вредятъ нитромонадамъ, убиваютъ ихъ или замедляютъ ихъ развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно прекращаютъ или замедляютъ процессъ нитрификаціи: заготовка питательныхъ веществъ пріі-

останавливается и растеніе остается безъ пищи. Напротивъ, щелочи часто дѣйствуютъ благотворно на нитромонадъ. Этимъ объясняется крайняя бѣдность луговой почвы нитратами: процессъ нитрификаціи въ нихъ замедляется, благодаря обилію перегнойныхъ кислотъ. Еще сильнѣе это вредное вліяніе кислотъ проявляется въ торфѣ, который, представляя обильный запасъ всѣхъ нужныхъ для растенія питательныхъ веществъ, тѣмъ не менѣе остается безплоднымъ, если мы не подвергнемъ его предварительной обработкѣ, уничтоживъ его кислотность путемъ вывѣтриванія и выщелачиванія.

И такъ, для опредѣленія относительнаго плодородія почвъ, богатства или бѣдности ея усвояемымъ азотомъ, мы должны опредѣлить процентное содержаніе азота въ перегноѣ этой почвы и степень ея кислотности. Это дастъ намъ уже много. Затѣмъ мы должны озаботиться, чтобы нитраты нашихъ почвъ не пропадали даромъ, съумѣть раціонально ихъ использовать, а главное. создать благопріятныя условія для развитія бродильныхъ ферментовъ почвы. Такъ какъ урожай зависитъ отъ нитрификаціи органическаго азота и отъ пополненія недостающаго количества на счетъ атмосфернаго азота, то практика эмпирическимъ путемъ выработала пріемы, способствующіе обоимъ процессамъ. *Обработка* почвы ускоряетъ нитрификацію. Залуженіе бобовыми обогащаетъ истощенное поле атмосфернымъ азотомъ. Изслѣдованія объяснили теперь все, что безсознательно, эмпирически производитъ хозяинъ на своихъ поляхъ.

Надо принять во вниманіе, что изъ всѣхъ химическихъ соединеній почвы, необходимыхъ для растенія, наибольшею подвижностью отличаются именно нитраты, азотнокислыя соли. Образовавшись изъ амміака, подъ вліяніемъ процесса нитрификаціи, онѣ во всякомъ случаѣ не долго удержатся въ почвѣ и либо будутъ поглощены растеніями, либо исчезнутъ съ подпочвенными водами. Въ первомъ случаѣ, они будутъ использованы раціонально и возвратятся съ навозомъ; во второмъ они пропадутъ совершенно непроизводительно. Обыкновенно оба процесса идутъ совмѣстно, т.-е. хозяину удается воспользоваться лишь частью нитратовъ, образовавшихся въ его почвахъ, которые берутся растеніями, масса же ихъ вымывается и уносится въ ручьи и рѣчки, увлеченная атмосферными осадками, просачивающими сквозь почву. Неумѣлое воздѣлываніе почвы можетъ только способствовать этому вымыванію драгоцѣнныхъ нитратовъ, и, во всякомъ случаѣ, если-бы намъ удалось довести до minimum'а ихъ потерю, въ нашемъ хозяйствѣ получилась бы громадная ежегодная экономія. Разъ намъ удастся овладѣть процессомъ нитрификаціи, распоряжаться

имъ по произволу, усиливать и ослаблять его, когда нужно; разъ мы будемъ знать, *когда* нужно его усиливать и когда ослаблять; разъ мы научимся утилизировать наиболѣе раціонально продукты нитрификаціи, научимся связывать и уловлять ихъ съ наивысшей интенсивностью растеніями и всячески охранять ихъ отъ безполезной траты, препятствуя имъ ускользать съ дренажными водами, то же количество азота, даже гораздо меньшее, будетъ производить на нашихъ поляхъ совершенно иной эффектъ. Процессъ нитрификаціи и дальнѣйшая судьба образовавшихся азотнокислыхъ солей должны быть изучены въ связи съ климатическими условіями, рельефомъ почвы, ея геологическимъ строеніемъ, способами обработки и сѣвооборотомъ. Благопріятный климатъ можетъ способствовать нитрификаціи, но неумѣнье обращаться съ землей погубитъ нитраты зря. Мало «валить навозъ», мало копить азотъ въ своей почвѣ, надо еще, чтобы онъ не пропалъ даромъ; при безпутномъ, неумѣломъ хозяйничаньи и навозъ не поможетъ: мы будемъ валить его въ буквальномъ смыслѣ *въ рѣку*, спуская нитраты съ дренажными водами.

Дегеренъ далъ капитальныя изслѣдованія о потеряхъ нитратовъ и о вліяніи разрыхленія, вообще, обработки почвы на ускореніе процесса нитрификаціи.

Изслѣдованія эти показали, что наибольшихъ размѣровъ достигаетъ потеря нитратовъ съ дренажными водами, когда земля *оголена*, не одѣта растеніями. Нѣтъ болѣе опустошительной, болѣе истощающей почву въ отношеніи азота культуры, какъ та, гдѣ земля часто паруетъ. Чѣмъ растительный покровъ слабѣе, чѣмъ меньше урожай, тѣмъ больше нитратовъ теряется съ дренажными водами. Поэтому должно стараться выработать такую культуру, при которой земля возможно менѣе паровала бы, такъ что идеальное хозяйство въ отношеніи раціональнаго использованія нитратовъ—хозяйство совсѣмъ *безъ пара*.

Переходимъ теперь къ опредѣленію благопріятныхъ условій для процесса нитрификаціи. Для хорошей жатвы хлѣба необходимы нитраты. Кромѣ того, необходимо, чтобы эти нитраты были доставлены корнямъ растеній во-время — весной и въ началѣ лѣта. Неурожай зависитъ отъ слабой дѣятельности нитрификаціи, а она, въ свою очередь,—отъ лѣнивой дѣятельности нитроферментовъ, чрезвычайно чувствительныхъ къ измѣненіямъ температуры. Зимою микроорганизмы совсѣмъ прекращаютъ свою работу. Чѣмъ долѣе стоятъ весною холода, чѣмъ медленнѣе нагрѣваніе земли, тѣмъ медленнѣе и просыпаніе нитромонадъ, тѣмъ слабѣе онѣ работаютъ, меньше наготовятъ нитратовъ, меньше будетъ питанія растеніямъ, они плохо разовьются и будетъ не-

урожай. Но погода въ рукахъ Божіихъ. Приходится, слѣдовательно, обратиться къ другимъ условіямъ, способствующимъ дѣятельности бродильнаго фермента почвы. Дегеренъ производилъ много опытовъ съ образцами земли, которые ему присылали изъ разныхъ мѣстностей Франціи. Къ его удивленію, земли, повидимому, однородныя, давали различные результаты. Въ однѣхъ нитрификація происходила обильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Земли, присланныя издалека, оказывались богаче взятыхъ на мѣстѣ. Дегеренъ догадался, что причиной этому то, что земли во время укладки въ мѣшки и перевозки перетирались. Сравнительные опыты показали, что разрыхленіе земли дѣйствительно способствуетъ нитрификаціи. Чѣмъ сильнѣе разрыхлена и измельчена почва, тѣмъ быстрѣе ея азотистыя соединенія переходятъ въ форму, удобоусвояемую для растеній. Такъ что своевременное разрыхленіе можетъ даже замѣнить азотистое удобреніе. Наилучшее условіе для нитрификаціи—почва, измельченная въ порошокъ (при достаточной влажности). Почему? Микроорганизмы нуждаются въ воздухѣ и водѣ, чтобы развиваться. Въ разрыхленную почву легче проникаетъ и то, и другое. Ясно, что хорошо воздѣлываемыя почвы будутъ плодороднѣе. Количество воздуха и воды въ почвѣ взаимно дополняется. Когда вода проникаетъ въ почву, она выгоняетъ воздухъ. Обратно, когда испаряется вода, проникаетъ воздухъ. Для одной и той же почвы *сумма* воды и воздуха представляетъ постоянную величину. Вода и воздухъ одинаково необходимы для процесса нитрификаціи; при недостаткѣ той или другого процессъ замедляется или останавливается. Если земля плохо раздѣлана, комковата, то воздухъ и влага находятся въ ней въ неблагопріятномъ для нитрификаціи отношеніи; въ комкѣ земли воздухъ и влага только въ теченіе очень короткаго періода находятся въ достаточномъ количествѣ; послѣ дождя земля пропитана влагой и чувствуется недостатокъ въ воздухѣ; при высыханіи—воздухъ проникаетъ въ поры комка, и въ теченіе нѣкотораго времени условія остаются благопріятными, но съ дальнѣйшимъ высыханіемъ начинаетъ ощущаться недостатокъ въ водѣ. Другое дѣло, если земля распушена, растерта. Воздухъ туда легко проникаетъ, и сейчасъ же послѣ дождя влага распредѣляется правильно. И такъ, тщательной обработкой почвы мы можемъ поднять ея плодородіе. Вліяніе разрыхленія на процессъ нитрификаціи сводится, такимъ образомъ, къ доставленію благопріятныхъ условій влажности и провѣтриванія. Наилучше осуществляются эти условія при огородной культурѣ, гдѣ постоянное разрыхленіе почвы соединяется съ поливкой. Земледѣлецъ тоже старается обратить свою землю въ порошокъ.

Осенью онъ поднимаетъ ее плугомъ, чтобы пласты напитались сентябрьскими и октябрьскими дождями и сохранили къ веснѣ влагу. Въ теченіе зимы, подъ вліяніемъ мороза, пласты распадаются, а весной пускаютъ въ ходъ распашники, бороны, чтобы размельчить землю. Смыслъ этихъ дѣйствій только теперь сталъ ясенъ. Влага и воздухъ необходимы микроорганизмамъ, питающимъ растенія азотомъ. Ясна теперь намъ и причина неурожаевъ. Почва богата азотомъ, но въ ней нѣтъ микроорганизмовъ, или условія для ихъ развитія неблагопріятны, и земля плохо родитъ. Нельзя-ли переносить съ одной почвы на другую азотообразующихъ бактерій? Нельзя-ли весною разводить ихъ на поляхъ?

Съ древнихъ временъ практикуется перевозка земли съ одного поля на другое, въ видахъ сообщенія ему плодородія перваго. Не перевозятъ-ли вмѣстѣ съ землею богатыя культуры микроорганизмовъ? Въ этомъ направленіи уже производились опыты. Такъ, Заальфельдъ прививалъ бактерій торфяниковой почвѣ, способной производить бобовыя лишь при сильномъ азотистомъ удобреніи. Все поле было удобрено известью, томасовымъ шлакомъ, каинитомъ и раздѣлено на участки, часть которыхъ посыпалась землей, содержащей азотоусвояющихъ бактерій, часть же не получала такой прививки. Участки, къ которымъ бактеріи были привиты, дали урожай, значительно превосходившій урожай на участкахъ, не получившихъ прививки.

Опытъ съ посѣвами клевера на той же торфяной почвѣ далъ не менѣе важные результаты. Клеверъ на участкахъ, не посыпанныхъ землей, содержащей бактерій, вышелъ чахлый и жидкій, на участкахъ съ прививкой — роскошный и сильный. Опыты Фейлицена, Фрувирта, Шмиттера, дали тоже замѣчательные результаты. Конечно, всѣхъ этихъ опытовъ еще далеко недостаточно, чтобы придти къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ. Однако, можно предсказать, что въ недалекомъ будущемъ мы научимся *прививать* плодородіе нашимъ почвамъ.

Со временъ Либиха агрономія настолько подвинулась впередъ, что теперь его теорію «полнаго возврата» можно принимать лишь съ значительными ограниченіями. Либихъ еще не зналъ, что въ почвахъ азотъ, кали, фосфоръ содержатся въ двухъ видахъ, и что постоянно изъ запаса, лежащаго подъ спудомъ, пополняется оборотный капиталъ почвы. Процессъ нитрификаціи и роль бактерій Либиху были неизвѣстны. Онъ разсуждалъ на основаніи одного примитивнаго химическаго анализа. Что изъ почвы взято, должно быть возвращено почвѣ, иначе запасъ истощится и почва потеряетъ свое плодородіе, такъ какъ ничто не творится изъ

ничего... Это все такъ, но въ данномъ случаѣ нѣчто какъ разъ творится какъ бы изъ ничего: мертвый запасъ азота, который въ инертномъ видѣ является совершеннѣйшимъ *ничто* для хозяина, помощью біологическихъ процессовъ, превращается въ *ничто*, въ усвояемый азотъ.

Медицина. *Прививки змѣинаго яда.*—Еще изъ классической исторіи мы помнимъ Митридата, который пріучилъ себя къ ядамъ, принимая ихъ съ дѣтства, такъ что потомъ былъ совершенно застрахованъ отъ ихъ дѣйствія. Современные опыты доказываютъ полную возможность этого. Къ яду можно привыкнуть и онъ перестаетъ дѣйствовать. Мало того, кровяная сыворотка животнаго, привыкшаго къ яду, становится могущественнымъ лѣкарствомъ, какъ противъ растительныхъ ядовъ, такъ и противъ укуса змѣй. Поэтому, прививки змѣинаго яда и лѣченіе сывороткой отъ привитыхъ животныхъ являются теперь отдѣломъ общаго ученія объ иммунизаціи и серотерапіи. Начало изысканіямъ въ этомъ отношеніи положилъ Эрлихъ. Онъ изслѣдовалъ дѣйствіе кровяной сыворотки (serum), взятой изъ животныхъ, пріученныхъ къ извѣстнымъ ядамъ изъ категоріи альбуминоидовъ. Выводы его подтвердили работы Коберта и Стильмарка надъ *абриномъ* и *рициномъ*. Эрлихъ констатировалъ, что животныя, получая несмертельныя дозы этихъ ядовъ, быстро съ ними свыкаются и затѣмъ могутъ переносить громадныя дозы безъ всякихъ симптомовъ отравленія. Далѣе, онъ утверждаетъ, что смѣсь сыворотки отъ такихъ животныхъ съ этими растительными токсинами можетъ быть безнаказанно впрыснута новымъ животнымъ. Онъ заключаетъ, что кровь животныхъ иммунизированныхъ, невоспріимчивыхъ къ этимъ ядамъ, сама пріобрѣтаетъ цѣлебныя свойства противоядія. Свои опыты Эрлихъ ставитъ въ параллель съ опытами Беринга, Китазато и Вассермана, прививавшими яды, вырабатываемые бациллами инфекціонныхъ болѣзней. Далѣе, между опытами Эрлиха относительно иммунизаціи растительныхъ ядовъ и опытами надъ прививками змѣинаго яда, произведенными во Франціи, полная аналогія. Сходство между змѣинымъ ядомъ и ядами, вырабатываемыми микробами, еще разительнѣе, чѣмъ между первыми и растительными ядами. Изслѣдованія Кальмета, съ одной стороны, и Физалиса и Бертрана, съ другой, показали, что морскихъ свинокъ можно сдѣлать совершенно невоспріимчивыми къ змѣинному яду. Идентичность между этими ядами и токсиномъ микробовъ позволяетъ принимать тотъ же методъ прививокъ, который практикуется въ иммунизаціи и серумтерапіи, при лѣченіи инфекціонныхъ болѣзней—дифтерита, тетануса, туберкулеза и т. д.

Наконецъ, послѣднія изслѣдованія Фразера окончательно выясняютъ сущность дѣла. Онъ недавно сдѣлалъ интереснѣйшее сообщеніе Эдинбургскому Королевскому Обществу, резюмирующее работы, которыя онъ производилъ съ 1898 года надъ иммунизаціей животныхъ, по отношенію къ ядамъ различныхъ змѣй.

Онъ изучилъ яды индѣйской кобры, гремучихъ американскихъ змѣй, нѣкоторыхъ австралійскихъ и, наконецъ, трехъ африканскихъ змѣй, особенно часто встрѣчающихся въ Капской Землѣ.

Прежде всего Фразеръ задался цѣлью измѣрить токсическое качество этихъ ядовъ. Съ чистыми ядами, добытыми изъ гландъ живыхъ змѣй, оперировать было легко. Достаточно высушить вязкую жидкость, а разъ полученъ сухой экстрактъ, дальнѣйшее не представляетъ трудности. Иное дѣло, когда приходится оперировать съ самими гландами, вырѣзанными изъ змѣиныхъ головъ и присланными высушенными. Безъ сомнѣнія, можно настоять гланды въ водѣ, выпарить растворъ въ пустотѣ или при помощи сѣрной кислоты и получить сухой остатокъ, содержащій дѣятельный элементъ яда. Но бѣда въ томъ, что этотъ элементъ получается смѣшаннымъ съ другими началами, свойства которыхъ мало изучены. Въ такихъ случаяхъ измѣреніе токсическихъ свойствъ яда представляетъ большія, иногда непреодолимыя препятствія.

Для опредѣленія минимальныхъ токсическихъ дозъ служили обыкновенные «мученики науки»: морскія свинки, зайцы, крысы, кошки, ужъ, tripidontus natrix. Вотъ цифры токсическаго minimum'а яда кобры, употреблявшагося въ чистомъ видѣ, безъ постороннихъ ингредіентовъ. На одинъ килограммъ живого вѣса минимальная смертельная доза

для морской свинки: 0,00018 санти-миллиграммовъ.
» кролика . . . : 0,000245 милли-миллиграммовъ.
» бѣлой крысы . : 0,00025 санти-миллиграммовъ.
» кошки . . . . : 0,005 миллиграммовъ.
» котенка . . . : 0,002 миллиграмма.
» ужа . . . . . : 0,03 сантиграмма.

Изъ этихъ цифръ легко видѣть, что ядъ кобры обладаетъ высокими токсическими свойствами. Разъ были опредѣлены минимальныя дозы, Фразеръ приступилъ къ иммунизаціи. Для этого онъ прибѣгнулъ къ простому «митридатизму», впрыскивая постепенно увеличиваемыя дозы яда. Сначала эти дозы были ниже смертельнаго minimum'а, составляя $^1/_{10}$, потомъ $^1/_5$, $^1/_2$ дозы; затѣмъ впрыскивался смертельный minimum и дозы повышались, съ

различными интервалами. Послѣ пятаго или шестого впрыскиванія смертельной дозы, онъ увеличивалась, достигая прогрессивно двойной, тройной, четверной и даже пятерной порціи, и животное при этомъ не выказывало никакого безпокойства... Опыты иммунизаціи дали у нѣкоторыхъ животныхъ блестящіе результаты. Такъ, кролику можно впрыснуть дозу въ 10, 20, 30 и даже 50 разъ большую смертельнаго minimum'a, безъ всякаго вреда для него. Только повышенная температура въ теченіе нѣсколькихъ часовъ послѣ впрыскиванія показываетъ, что съ кроликомъ сдѣлали нѣчто необыкновенное. У животныхъ же, не пріученныхъ къ яду, не иммунизированныхъ и не потерявшихъ къ нему воспріимчивости, замѣчается, наоборотъ, пониженіе температуры и потеря аппетита, и это при введеніи въ организмъ дозы, гораздо низшей смертельнаго minimum'a. Результатомъ этого бываетъ быстрое исхуданіе и пониженіе вѣса черезъ 24 или 48 часовъ. Напротивъ, иммунизированное животное во время впрыскиваній увеличивается въ вѣсѣ, отлично ѣстъ и становится рѣзвѣе и сильнѣе. Это повышеніе жизненныхъ силъ замѣчалось у кролика и старой лошади. «Необычайная вещь,—говоритъ Фразеръ,—приходится констатировать не только отсутствіе какихъ-либо болѣзненныхъ признаковъ, но даже улучшеніе здоровья у животныхъ, которымъ доза впрыскиванія доведена до количества яда, достаточнаго, чтобы въ два часа убить 50 животныхъ того же вѣса, и которыя получили въ 5 или 6 мѣсяцевъ общее количество, достаточное для истребленія 370 животныхъ одинаковаго съ ними вѣса».

Животное, иммунизированное относительно одного изъ изслѣдованныхъ ядовъ, можетъ переносить и другіе. Такъ, если кролику, привыкшему къ яду Diemenia, впрыснуть ядъ гремучей змѣи, онъ останется здоровъ и веселъ.

Спрашивается, что же происходитъ при этомъ въ организмѣ животнаго? Мы не знаемъ. Должно быть, происходятъ какія-то реакціи въ химической средѣ иммунизированнаго организма, въ особенности въ крови; развивается, очевидно, какое-то вещество, котораго нѣтъ въ организмѣ обыкновеннаго животнаго и которое парализируетъ дѣйствіе яда. Но производитъ-ли это вещество организмъ, или это составная часть самого яда?—этого мы пока еще не знаемъ. Достигнувъ невоспріимчивости, Фразеръ желалъ изслѣдовать, обладаетъ-ли кровяная сыворотка иммунизированныхъ животныхъ антитоксическими свойствами. Онъ примѣнилъ общій методъ серотерапіи къ излѣченію укуса змѣй. Но употребленіе жидкой сыворотки, быстро теряющей антитоксическія свойства, признано имъ непрактичнымъ, и потому онъ высуши-

валъ ее и превращалъ въ порошокъ. Въ такомъ видѣ сыворотка является могучимъ противоядіемъ. Фразеръ далъ ей названіе *антивенена*.

Съ антивененомъ онъ произвелъ четыре серіи опытовъ.

Серія I. Смѣшивается антивененъ съ ядомъ змѣи, и эта смѣсь впрыскивается животному.

Серія II. Ядъ и антивененъ впрыскиваются животному одновременно, но отдѣльно, первый въ правую сторону тѣла, а второй въ лѣвую.

Серія III. Сперва впрыскивается антивененъ, а затѣмъ змѣиный ядъ.

Серія IV. Обратно, антивененъ впрыскивается тридцать минутъ спустя послѣ яда.

Первая серія опытовъ показала, что самаго ничтожнаго количества антивенена достаточно, чтобы нейтрализировать дѣйствіе яда, впрыснутаго какъ въ минимальной дозѣ, такъ и въ двойной и тройной.

Вторая серія показала, что двойная доза смертельнаго minimum'а, введенная въ правую сторону тѣла животнаго, требуетъ для нейтрализаціи введенія въ лѣвую отъ 2,5 до 3 кубическихъ сантиметровъ (на килограммъ живого вѣса) антивенена. Въ этомъ случаѣ требуется болѣе значительная доза антивенена, чѣмъ при опытахъ первой серіи, въ которой доза яда отъ 0,000245 до 0,000260 грамма нейтрализировалась антивененомъ въ пропорціяхъ 0,5; 0,25; 0,05; 0,02; 0,01; 0.005; 0,004 кубическихъ сантиметровъ на килограммъ живого вѣса; предѣлъ, кажется, лежитъ на 0,0025. При двойной дозѣ требуется первой серіей 0,75; 0,7; 0,6 кубич. сант. антивенена: 0,5 уже недостаточно.

Опыты третьей серіи показали, что 4 кубич. сантиметра антивенена на килограммъ нейтрализируютъ смертельный minimum яда, когда этотъ послѣдній впрыснутъ 30 минутъ спустя послѣ противоядія.

Всего интереснѣе опыты четвертой группы (впрыскиваніе антивенена *послѣ* яда), такъ какъ съ этимъ случаемъ и придется встрѣчаться практической терапевтикѣ. Для того, чтобы нейтрализировать minimum яда, достаточно отъ 1,5 до 0,8 кубическаго сантиметра антивенена на килограммъ живого вѣса. Опыты этой серіи интересны еще и потому, что часто противоядіе вводилось уже тогда, *когда всѣ симптомы отравленія были на лицо*.

Фразеръ полагаетъ, что въ большинствѣ случаевъ повторное впрыскиваніе противоядія, 30 или 60 минутъ спустя послѣ перваго, сильно способствуетъ выздоровленію. Этотъ фактъ имѣетъ

важное значеніе, такъ какъ нельзя знать, при лѣченіи укусовъ, сколько яда попало въ рану.

Прививки змѣинаго яда имѣютъ не только теоретическій, біологическій и физіологическій, интересъ. Вопросъ является такъ же важнымъ по отношенію къ терапевтикѣ. Укушеніе змѣями уноситъ не мало жертвъ подъ тропиками. Достаточно сказать, что въ одной Индіи ежегодно до 20.000 человѣкъ умираетъ отъ змѣинаго яда. Нельзя поэтому не привѣтствовать благодѣтельный антивенинъ и не желать дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Н. Э.

НОВЫЯ КНИГИ.

О. Петерсонъ. **Семейство Бронте.**

Въ концѣ 1847 г. въ Англіи, почти одновременно, вышли три книги, подписанныя одною и тою же фамиліею. Первая—романъ «Дженни-Эйръ»—Керреръ Белль; вторая—«Бурныя вершины»—Эллисъ Белль и третья—«Агнесса Грей»—Актонъ Белль. Очевидно, всѣ три романа принадлежали тремъ авторамъ одной семьи, но, несмотря на это родство авторовъ, романы сильно разнились одинъ отъ другого своимъ характеромъ. Первый романъ съ поразительною увлекательностью и драматизмомъ рисуетъ жизнь некрасивой, но умной гувернантки, жизнь, полную униженія и самоотверженной любви. Второй романъ даетъ яркое описаніе жизни на фермѣ, носившей названіе «Бурныя вершины». Сила фантазіи, глубина психологическаго анализа въ изображеніи преступныхъ характеровъ являются отличительными достоинствами этого произведенія. Третій романъ — «Агнесса Грей» изображаетъ изнанку жизни англійскаго фешенебельнаго общества, съ точки зрѣнія простой и непритязательной гувернантки. Романъ написанъ въ формѣ безыскусственнаго разсказа и свидѣтельствуетъ о тонкой наблюдательности и художественной правдивости автора. Всѣ эти три романа произвели большой фуроръ въ публикѣ и въ прессѣ. Авторами очень заинтересовались. Пошли догадки и толки о нихъ. Откопали книжку стиховъ, вышедшую за годъ передъ изданіемъ романовъ. Стихи принадлежали тѣмъ же тремъ авторамъ, но это ничего не объяснило. Обращались съ разспросами объ авторахъ къ издателямъ ихъ произведеній, но и тѣ не могли дать на эти вопросы удовлетворительнаго отвѣта. Извѣстно было только, что переписка съ ними ведется черезъ какую-то провинціальную гувернантку, дочь гавортскаго пастора, въ захолустномъ мѣстечкѣ Іоркшира,—миссъ Бронте. Публика долго оставалась въ невѣдѣніи, не зная, кого благодарить за высоко-художественное наслажденіе, получаемое при чтеніи названныхъ произведеній. Только нѣсколько лѣтъ спустя обнаружилось какъ-то стороной, что таинственные авторы были никто иные, какъ три дочери пастора изъ Гаворта, провинціальныя гувернантки, вѣрнѣе, даже—бонны: Шарлотта (Керреръ), Эмили (Эллисъ) и Анна (Актонъ) Бронте (Белль). Публика долго не могла повѣрить этому открытію. Откуда могло явиться у бѣдныхъ дѣвушекъ гувернантокъ, никогда даже не бывавшихъ въ Лондонѣ, незнакомыхъ ни съ однимъ писателемъ лично, такое глубокое про-

никновеніе въ человѣческую душу, со всѣми ея страстями, пороками и добродѣтелями? Откуда могла явиться такая изумительная, нѣсколько мрачная сила воображенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чисто техническая тонкость и изящество? Этотъ интересъ вызвалъ цѣлую литературу біографическихъ данныхъ, но все это не давало вполнѣ яснаго отвѣта на вопросы любознательныхъ читателей и критиковъ. Но вотъ появилась серьезная и пространная работа доктора Вильяма Врайта, представляющая обширную исторію жизни писательницъ и ихъ семьи, начиная съ прадѣда. Исторія эта оказалась настолько интересной, что чуть-ли не затмила интересъ самихъ романовъ. Этимъ трудомъ, въ связи съ названными произведеніями, и воспользовалась симпатичная писательница О. Петерсонъ для своей умной и хорошей книги, въ которой она знакомитъ насъ не только съ характерами самихъ сестеръ-писательницъ и условіями ихъ жизни и творчествомъ, но и съ ихъ предками. Такимъ образомъ, передъ читателями развертывается цѣлая галлерея тонко и правдиво нарисованныхъ характеровъ, откуда мы узнаемъ о высшей степени любопытной передачѣ по наслѣдственности литературнаго таланта. Отъ безграмотнаго прадѣда писательницъ, Гуга Бронте, простого работника и бѣднаго фермера, извѣстнаго только въ своемъ околоткѣ за удивительнаго разсказчика, этотъ талантъ получаютъ три его правнучки, прославившіяся далеко за предѣлами своего отечества. Къ сожалѣнію, неблагопріятныя жизненныя условія и необычайная чуткость, отзывчивость и воспріимчивость этихъ замѣчательныхъ дѣвушекъ преждевременно свели ихъ въ могилу. Прежде всѣхъ умерла Эмили, двадцати девяти лѣтъ отъ роду, подаривъ публикѣ только одинъ романъ—«Бурныя вершины»; за нею, черезъ годъ, сошла въ могилу Анна, двадцати семи лѣтъ; послѣ нея остались два романа: «Агнесса Грей» и «Арендаторъ Вильдфелль-Голля». Черезъ шесть лѣтъ послѣ Анны скончалась и старшая сестра, Шарлотта, тридцати девяти лѣтъ, оставивъ послѣ себя три романа: «Дженни-Эйръ», «Шерли» и «Villet», изъ которыхъ послѣдній романъ считается ея chef d'oeuvre'омъ. Книга г-жи О. Петерсонъ читается съ большимъ интересомъ и можетъ служить примѣромъ того, какъ чутко и ревниво относятся англичане къ личностямъ своихъ писателей, до мелочей интересуясь подробностями ихъ жизни, происхожденія и исторіей развитія ихъ творческихъ способностей. Книга издана въ пользу Общества Пособія Окончившимъ Курсъ Наукъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

Шерръ. **Всеобщая исторія литературы.** Перев. подъ редакціей Н. И. Вейнберга. Вып. 1—3.

Нерѣдко приходится слышать сожалѣнія, что у насъ то и дѣло появляются сочиненія самаго спеціальнаго характера, по всевозможнымъ отраслямъ знанія, и до сихъ поръ нѣтъ почти ни одного общедоступнаго изложенія исторіи искусства и литературы. Мнѣ кажется, что эти жалобы малоосновательны. Дѣло въ томъ, что и въ этой области, также какъ и

въ другихъ, предложеніе обусловливается спросомъ. Во всякомъ обществѣ первоначально усваиваютъ культуру классы, наиболѣе обезпеченные въ матерьяльномъ отношеніи, и первую подготовку къ научной дѣятельности они получаютъ обыкновенно, посредственно или непосредственно, изъ рукъ иностранцевъ; а такъ какъ они продолжаютъ дѣло своихъ учителей и ихъ соотечественники одинаковаго съ ними умственнаго уровня не нуждаются въ популяризаціи знанія, а остальная масса довольствуется ходячими по данному предмету понятіями, то результатомъ всего этого является существованіе весьма спеціальныхъ монографій и почти полное отсутствіе общедоступныхъ изложеній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка. Теперь спросъ на это появился и возрастаетъ довольно сильно и энергично. Число изданій съ каждымъ годомъ возрастаетъ, и потребность популярныхъ изложеній всѣхъ наукъ увеличивается.

Къ подобнаго же рода популярнымъ изданіямъ слѣдуетъ отнести и переводъ извѣстной исторіи всеобщей литературы Іоганна Шерра или, какъ выражаются издатели, «новое раскошное иллюстрированное изданіе» ея перевода. Что найдетъ въ ней человѣкъ, желающій впервые познакомиться съ предметомъ? Исторія литературы должна ему дать достаточное и отчетливое представленіе о всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ всемірной литературы; явленія, взятыя отдѣльно, внѣ взаимной связи, еще не дадутъ понятія о развитіи извѣстныхъ литературъ и литературныхъ видовъ.

Какъ же легче всего излагать исторію литературы, чтобы составилось ясное понятіе о ней, а не получался-бы только безконечный рядъ именъ писателей и названій произведеній или витіеватыя покушенія на образное пониманіе всей литературы. Есть три способа достигнуть этого. Во-первыхъ, всеобщую литературу можно излагать такъ, чтобы на первый планъ выступалъ элементъ національный, чтобы въ національныхъ литературахъ выражалась «народная психологія» (Völkerpsychologie) племенъ, духовное различіе народовъ. Въ этомъ случаѣ историкъ литературы долженъ указать на главныя причины того или иного хода ея, на ея общее направленіе и, наконецъ, съ народно-психологической точки зрѣнія, представить обзоръ лучшихъ и крупнѣйшихъ произведеній. Иначе можно излагать всеобщую литературу съ точки зрѣнія отдѣльныхъ литературныхъ видовъ: здѣсь вырисовывается значеніе для человѣческаго сознанія того или другого вида и то своеобразное участіе, какое принимали въ его развитіи отдѣльныя національности. Здѣсь, конечно, также должны, по преимуществу, интересовать писателя явленія крупнѣйшія. Этотъ способъ изложенія требуетъ отъ читателя большаго напряженія вниманія, такъ какъ ему необходимо самому сдѣлать выводъ изъ всего, что говорится въ разныхъ мѣстахъ о національныхъ литературахъ, чтобы хорошо понять ихъ. Третій способъ, можетъ быть, самый удобный для оцѣнки явленій съ извѣстной точки зрѣнія, но онъ постоянно грѣшитъ односторонностью и неизбѣжной неполнотой. Я имѣю въ виду идейный взглядъ на исторію литературы. Этотъ способъ изло-

женія особенно пригоденъ для того, чтобы развивать критическое отношеніе къ читаемому, но для первоначальнаго ознакомленія съ фактами онъ не вполнѣ удовлетворителенъ.

Какова же «Исторія всеобщей литературы» І. Шерра, первые выпуски которой въ русскомъ переводѣ лежатъ передъ нами? Рѣшаюсь утверждать, что для человѣка, желающаго познакомиться впервые со всеобщей литературой, она мало пригодна. Во-первыхъ, она, вмѣсто настоящей исторіи литературы, даетъ только длинный перечень именъ, суховатое изложеніе нѣкоторыхъ произведеній и коротенькія, поверхностныя введенія съ «общимъ взглядомъ»; во-вторыхъ, черезчуръ витіеватое изложеніе съ полемическими шуточками можетъ оттолкнуть всякаго, нуждающагося въ истинномъ, серьезномъ знаніи. Что касается краткости и сухости перечисленія именъ, то въ этомъ можно убѣдиться, даже просто перелиставши нѣкоторые отдѣлы книги. Напримѣръ, въ изложеніи индійской литературы о великолѣпномъ лирическомъ стихотвореніи: «Мегхадутта» (между прочимъ, переводчикъ пишетъ: Мегадутта, какъ и всегда индійское *h* невѣрно передаетъ черезъ *г* или просто считаетъ долготой) Шерръ говоритъ только, что это «самое задушевное изъ всѣхъ индійскихъ поэтическихъ произведеній». Вообще, въ книгѣ царитъ полнѣйшій произволъ: иное, весьма важное и интересное, выпущено, другое—пустячное приведено цѣликомъ, и т. д. Нерѣдко мы наталкиваемся и просто на ошибки. Напримѣръ, на стр. 31 Шерръ говоритъ, что индійская «философія представляетъ собою просто дидактическую поэзію». Видимо, что авторъ совсѣмъ незнакомъ съ философіей Веданъ, которые въ русскомъ переводѣ перекрещены даже въ Веданги (стр. 36), съ системой Самкхья (чиселъ), которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Рихарда Гарбе, несомнѣнно повліяла на развитіе пиѳагорейскаго ученія съ одной стороны и буддизма съ другой. Слово: *санскритъ* (буквально: *сдѣланный, сложенный*) въ разговорномъ языкѣ не употреблялось и *совершенный* не означаетъ. Слово *Махобрарата* означаетъ: «*великій носитель*», а не «великая война или великая пѣснь».

Такихъ ошибокъ набралось бы не мало, и редакторъ перевода могъ бы часть ихъ устранить. О самомъ переводѣ говоритъ много нечего: онъ удовлетворителенъ и ясенъ. Фототипіи, приложенныя къ книгѣ, кое-гдѣ смазаны, но въ общемъ недурны, какъ и рисунки, помѣщенные въ текстѣ; печать довольно четкая, бумага порядочная, но вообще этого изданія, конечно, нельзя назвать *роскошнымъ*, какъ желаютъ думать гг. издатели.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга девятая. Спб. 1895.

Вотъ уже вышла *девятая* книга біографіи Погодина, а дѣло подвинулось всего лишь до 1849 г., т.-е. всего лишь на два года жизни извѣстнаго московскаго профессора. Немного какъ будто и страшно дѣлается за полки би-

бліотеки: вѣдь Погодинъ умеръ въ семидесятыхъ годахъ, какъ же великъ будетъ весь біографическій трудъ, если одинъ-два года жизни человѣка, правда хоть и почтеннаго, требуютъ для ихъ воспроизведенія цѣлаго тома въ 31 печатный журнальный листъ? Г. Барсуковъ отличается въ своихъ работахъ вообще большой старательностью и кропотливостью, свойственными всѣмъ профессіональнымъ археологамъ; эти свойства отразились и на задуманномъ имъ трудѣ о Погодинѣ. Онъ пошелъ здѣсь чисто археологическимъ путемъ и собираетъ для своего *монумента* московскому профессору массу такого матерьяла, который, сплошь и рядомъ, къ дѣлу не относится. И дѣйствительно, результаты превзошли всякія ожиданія—получилась цѣлая лавка древностей, изъ кохъ многія безъ всякаго ущерба дѣлу могли бы быть свободно удалены. Извлекая на свѣтъ Божій никому рѣшительно ненужную пустяковину, онъ ею-то даже какъ будто особенно и дорожитъ. Археологъ по призванію заслоняетъ въ настоящемъ случаѣ историка. Авторъ возится съ деталями, не имѣющими ни прямого, ни косвеннаго отношенія къ дѣлу, комментируетъ ихъ, любуется ими. Благодаря такому археологическому рвенію, авторъ часто забываетъ самого Погодина непосредственно, главную свою задачу труда, и превращается въ собирателя только *матерьяловъ* для будущей біографіи редактора «Москвитянина». Зачѣмъ тогда давать неправильное наименованіе своей работѣ и не лучше-ли было бы озаглавить ее такъ: «Матерьялы для жизнеописанія Погодина»? Это было бы правильнѣе, и критика тогда отнеслась бы къ нему снисходительнѣе. Впрочемъ, самъ-по-себѣ трудъ г. Барсукова заслуживаетъ вниманія, и многія свѣдѣнія изъ исторіи нашей общественной жизни первой половины текущаго столѣтія появляются здѣсь впервые. Авторъ пользовался обширнымъ дневникомъ Погодина, какъ равно и его неопубликованной корреспонденціей съ многочисленнымъ кругомъ литераторовъ и ученыхъ, благодаря чему и имѣлъ возможность познакомить читателей съ многими любопытными страницами изъ жизни московскихъ и петербургскихъ журнальныхъ кружковъ. Въ нововышедшей, девятой, книжкѣ собранъ матерьялъ, относящійся къ 1847 и 1848 годамъ, имѣвшимъ большое, ходя и печальное, вліяніе на судьбу русской журналистики. Въ этотъ періодъ рѣзко обозначились наши литературно-общественныя партіи западниковъ и славянофиловъ, сплотились по составнымъ элементамъ и вступили одна съ другой въ рукопашный бой, не на животъ, а на смерть. «Современникъ» въ началѣ 1847 г. перешелъ отъ Плетнева къ Панаеву и Некрасову, вокругъ нихъ собралась сильная дружина изъ молодыхъ дѣятелей печатнаго слова съ Бѣлинскимъ во главѣ; одновременно съ этимъ пробудился отъ долгой спячки и «Москвитянинъ» Погодина и привлекъ къ себѣ тоже кое-какія свѣжія силы. Уже первый номеръ «Современника» пришелся не по вкусу археологической Москвѣ, и молодой Ю. Самаринъ явился на страницахъ «Москвитянина» выразителемъ неодобренія Петербургу со стороны Бѣлокаменной. Съ своей стороны и сѣверная столица не теряла даромъ времени, и возрожденный «Москвитянинъ» былъ осыпанъ градомъ насмѣшекъ изъ-подъ пера молодого профессора Каве-

лина. Въ состоявшемся публицистическомъ турнирѣ впервые блестяще обнаружились полемическія силы двухъ представителей враждебныхъ партій. Хомяковъ, праотецъ славянофильства, такъ аттестовалъ статьи Самарина: «Статьи превосходны по положенію, по мыслямъ, по добросовѣстности и строгости анализа... Въ первый разъ въ нихъ выставлены съ нашей стороны опредѣленные тезисы и, слѣдовательно, полагается начало положительной наукѣ...» Полемическіе отвѣты Кавелина не совсѣмъ удовлетворили Бѣлинскаго, и онъ въ письмѣ къ профессору такъ изложилъ свой взглядъ на дѣло полемики:

«Церемониться съ славянофилами нечего. Я не знаю Кирѣевскихъ, но, судя по разсказамъ Грановскаго и Герцена, это фанатики, полупомѣшанные, особенно Иванъ, но люди благородные и честные... Въ ихъ рядахъ нѣтъ ни одного человѣка съ талантомъ. Ихъ журналъ «Москвитянинъ», читаемый только собственными сотрудниками, и «Московскій Сборникъ»—изданіе для охотниковъ. А журналы ихъ противниковъ расходятся тысячами, ихъ читаютъ, о нихъ говорятъ, ихъ мнѣнія въ ходу. Да что объ этомъ толковать много! Катать ихъ! И Богъ вамъ судья, что отпустили живымъ одного изъ нихъ, имѣя его подъ пятою своей!..»

Полемика западниковъ и славянофиловъ разгоралась, но роль Погодина до поры до времени была пассивная. Дѣйствующимъ лицомъ, и притомъ въ костюмѣ крикливаго арлекина, ему пришлось выступить лишь немного позже, когда онъ вздумалъ на страницахъ «Москвитянина» побесѣдовать съ своими «учениками»: Бѣляевымъ, Бычковымъ, Калачевымъ, Поповымъ, Кавелинымъ и Соловьевымъ—по поводу ихъ трудовъ по русской исторіи. Эта бесѣда съ учениками, гдѣ профессоръ трунитъ надъ ихъ работами и упрекаетъ ихъ въ непочтительности къ традиціямъ старины, нанесла популярности Погодина сильный ударъ, такъ какъ послѣ возраженій молодыхъ ученыхъ онъ вышелъ изъ спора на-голову разбитымъ и осмѣяннымъ. Особенно досталось ему отъ Кавелина, который удивительно остроумно вышутилъ своего наставника. Ироническій тонъ Кавелина привелъ въ восторгъ Бѣлинскаго, и онъ писалъ ему по этому поводу:

«Это не просто зло, c'est mordant. И чѣмъ эта злость добродушнѣе и спокойнѣе, тѣмъ острѣе ея щучьи зубы. Какъ все ловко, мѣтко, какъ съ начала до конца ровно выдержанъ тонъ! Этого я, признаюсь, и не ожидалъ отъ васъ, ученый другъ мой. Ваша статья, не смотря на ея содержаніе и тяжесть многихъ доводовъ, вышла истинно фельетонная—родъ сочиненій, который такъ рѣдко дается русскимъ литераторамъ, не говоря уже объ ученыхъ. Что, если бы вы такъ же высѣкли Самарина, какъ Погодина.»

Оживленіе нашей журналистики было, однако, недолговременно: грянулъ бурный 1848 годъ, и многое въ литературѣ и общественной жизни измѣнилось. На свѣтъ Божій явился знаменитый «негласный комитетъ 2 апрѣля», цѣль и назначеніе котораго—«изслѣдованіе нынѣшняго направленія русской литературы, для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время». Положеніе журналистики сдѣлалось достаточно-таки плачевнымъ, въ литературныхъ кружкахъ Москвы и Петербурга слышались ропотъ и стенаніе. Погодинъ записалъ въ то время нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, касающихся

тогдашняго настроенія. «Просто Петербургъ не имѣетъ ни смысла, ни ума, испугался и потерялся и даже опасается Москвы: не будетъ-ли что тамъ. Доносы Строганова...»; а въ письмѣ къ Шевыреву: «Встрѣтился вчера со мной на улицѣ Грановскій и разсказалъ столько ужасовъ о Петербургѣ, теперешнемъ направленіи, что морозъ по кожѣ подираетъ... Въ ужасное время мы живемъ... Булгарину орденъ, Гречъ — тайный совѣтникъ... О, какое время! Совѣстно даже быть спокойну. Мы зачерствѣли всѣ!.. Уваровъ сказалъ Грановскому, что все министерство просвѣщенія вообще было въ опасности... Не говорите ни слова о литературѣ, ни о вліяніи ея. Мы сами были обвинены».

Въ это смутное время особенно скверно пришлось «Отечественнымъ Запискамъ» и «Современнику». На нихъ, согласно Высочайшему повелѣнію 2 апрѣля 1848 г., было обращено строгое вниманіе цензуры и объявлено редакторамъ и издателямъ, «что по духу ихъ журналовъ правительство имѣетъ за ними особенное наблюденіе, и если впредь замѣчено будетъ въ оныхъ что-либо предосудительное или двусмысленное, то они лично подвергнуты будутъ не только запрещенію... но и строгому взысканію». Такая немилость, конечно, сильно смутила обѣ петербургскія редакціи, и вотъ въ этотъ-то критическій моментъ въ удивительно непригляднымъ свѣтѣ обрисовалась безпринципная натура А. Краевскаго. Для устраненія нависшей надъ «Отечественными Записками» грозы, онъ рѣшился реабилитировать свою репутацію публичнымъ отреченіемъ отъ направленія своей предъидущей литературной дѣятельности. Съ этою цѣлью онъ компилируетъ Погодинскія статьи изъ прежнихъ №№ «Москвитянина», тѣ самыя, противъ которыхъ ратовала его редакція подъ руководствомъ Бѣлинскаго, и пускаетъ эту компиляцію въ качествѣ руководящей статьи въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» подъ заглавіемъ «Россія и западная Европа въ настоящую минуту». Г. Барсуковъ, пользуясь указаніями Погодина, дѣлаетъ сопоставленіе этой статьи съ ихъ первоисточникомъ и тѣмъ освѣщаетъ во всѣхъ отношеніяхъ некрасивый поступокъ Краевскаго. Въ тѣхъ сферахъ, для кого была составлена эта покаянная исповѣдь, она и имѣла должный успѣхъ, но въ литературныхъ кружкахъ, не исключая и консервативныхъ, эта выходка «Отечественныхъ Записокъ» произвела удручающее впечатлѣніе, и Погодинъ писалъ по этому предмету Шевыреву:

«Прочелъ вчера статью въ «От. Зап». Ты не можешь вообразить омерзенія, произведеннаго ею въ душѣ: просто тошнота, что написали подлецы... Я разражу ихъ» [1]).

Литературныя тогдашнія невзгоды дѣйствовали удручающимъ образомъ

---

[1]) И дѣйствительно, онъ приготовилъ очень ловко составленное обличеніе «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ параллелями изъ своего журнала и статьи «Россія и западная Европа» обличалъ Краевскаго въ нагломъ, хотя и благонамѣренномъ плагіатѣ и показалъ его постыдное поведеніе въ общественномъ вопросѣ. Однако, возраженіе Погодина не было пропущено цензурою. Извлеченное въ настоящее время изъ Погодинскаго архива, оно служитъ прекрасной иллюстраціей къ портрету «Маоусаила русской журналистики».

на общество, и Погодинъ, къ слову сказать, человѣкъ отзывчивый и легко воспламенявшійся, рѣшилъ явиться выразителемъ общественнаго настроенія. У него родилась мысль подать адресъ Государю, гдѣ бы были изложены скромныя желанія журнальной братіи объ облегченіи цензурныхъ условій. По этому вопросу онъ писалъ И. Кирѣевскому, отъ котораго и получилъ любопытный отвѣтъ, впервые опубликованный г. Барсуковымъ, служащій прекрасной характеристикой къ взглядамъ и настроенію значительной и вліятельной части московскаго общества.

«Ты пишешь ко мнѣ,—говоритъ Кирѣевскій,—что не худо бы литераторамъ представить адресъ Императору о излишнихъ и стѣснительныхъ дѣйствіяхъ цензуры... Подумай: при теперешнихъ безтолковыхъ переворотахъ на Западѣ *время-ли* подавать намъ *адресы* о литературѣ? Конечно, цензурныя стѣсненія вредны для просвѣщенія и даже для правительства, потому что ослабляютъ умы безъ всякой причины; но всѣ эти отношенія ничего не значатъ, въ сравненіи съ текущими важными вопросами, которыхъ правильнаго рѣшенія намъ надобно желать отъ правительства. Не велика еще бѣда, если наша литература будетъ убита на два или на три года. Она оживетъ опять. А между тѣмъ подавать просительные адресы въ теперешнее время значило бы поставить правительство въ враждебное или, по крайней мѣрѣ, въ недовѣрчивое отношеніе къ литераторамъ, что гораздо хуже, потому что можетъ повести къ слѣдствіямъ неправильнымъ и вреднымъ. Правительство теперь не должно бояться никого изъ благомыслящихъ. Оно должно быть увѣрено, что въ теперешнюю минуту мы всѣ готовы жертвовать всѣми второстепенными интересами для того, чтобы спасти Россію отъ смутъ и безполезной войны.» Далѣе Кирѣевскій переходитъ къ опредѣленію необходимой программы правительственныхъ дѣйствій и говоритъ, чтобы правительство «не возмущало народъ ложными слухами о свободѣ и не вводило бы никакихъ новыхъ законовъ, покуда не утишатся и не объяснятся дѣла на Западѣ, чтобы, напримѣръ, оно не дѣлало инвентарей къ помѣщичьимъ имѣніямъ, что волнуетъ умы несбыточными предположеніями; чтобы оно не позволяло безъ всякой нужды заводить фабрики внутри городовъ и особенно столицъ, когда онѣ съ такою же выгодою могутъ стоять за нѣсколько верстъ отъ заставы и проч....»

Опасенія Кирѣевскаго, чтобы Погодинъ не перешелъ отъ словъ по поводу адреса къ дѣлу, оказались напрасны. Послѣдній вскорѣ даже забылъ о своемъ проектѣ или, по крайней мѣрѣ, перестроилъ свои гусли на новый ладъ, такъ какъ въ недоумѣніи отвѣчалъ Кирѣевскому: «О какой просьбѣ Царю говоришь ты... я, право, не понимаю. Или ты не понялъ меня, или я не ясно выразилъ мысль свою. Я очень понимаю, что теперь не до литературы. Не помню даже, по какому поводу я писалъ тебѣ: столько происшествій общихъ и частныхъ, столько впечатлѣній, что, право, забываешь часто самое памятное. У насъ разнесся слухъ, что Государю непріятно молчаніе литераторовъ, а цензура не позволяетъ говорить ничего, сама устрашенная безпрерывными строгими, но общими предписаніями. Я, можетъ быть, изъявилъ желаніе, чтобы Государь узналъ какъ-нибудь объ этомъ фальшивомъ положеніи литературы и не гнѣвался на невинныхъ вмѣстѣ съ виноватыми».

Благожеланіе Погодина такъ и не получило осуществленія, но самый обмѣнъ мыслями по этому предмету между нимъ и Кирѣевскимъ чрезвычайно

знаменателенъ. Этотъ любопытный эпизодъ впервые разсказанъ г. Барсуковымъ на страницахъ настоящей книжки, что наравнѣ съ нѣкоторыми иными подобными событіями общественнаго характера, изложенными тутъ же, придаетъ ей особенный интересъ, оживляетъ ее и заставляетъ надѣяться, что въ богатомъ Погодинскомъ архивѣ найдется еще много интереснаго для исторіи нашего общественнаго самосознанія, что авторъ не замедлитъ опубликовать въ слѣдующихъ томахъ.

Гусли звончаты. Пѣсни, были и разныя стихотворенія И. А. Панова. Спб. 1896 г. 415 стр. 1 р. 50 к.

Стихотворенія И. Панова появляются отдѣльнымъ изданіемъ не въ первый разъ. Въ 1882 г. впервые былъ изданъ небольшой сборникъ поэтическихъ произведеній этого автора, въ настоящее время уже вышедшій изъ продажи. «Гусли звончаты» представляютъ продолженіе перваго сборника, такъ какъ большинство стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ, сюда не вошло. Изъ этого видно, что г. И. Пановъ уже не новичекъ въ литературѣ, что подтверждается и біографіей автора, составленной С. Рыбаковымъ и приложенной ко второй книжкѣ. Изъ этой біографіи мы узнаемъ, что г. Пановъ—сынъ крестьянина Самарской губерніи, Самарскаго уѣзда, села Софьина, и родился въ 1861 г. Впрочемъ, отецъ поэта былъ не изъ числа тѣхъ крестьянъ, которые тянутъ на себѣ земледѣльческое ярмо: онъ состоялъ сначала домашнимъ экономомъ у кн. Урусовыхъ, а затѣмъ управляющимъ въ имѣніи гр. Гаранскихъ и былъ женатъ на дочери сельскаго священника. Въ качествѣ управляющаго, отецъ-Пановъ и имѣлъ отношеніе къ землѣ, отъ которой его сыну суждено было оторваться уже съ малыхъ лѣтъ. Сначала И. Пановъ (поэтъ) посѣщалъ сельскую школу, затѣмъ учился въ приходской школѣ въ Сызрани, наконецъ, въ уѣздномъ училищѣ, откуда перешелъ въ реальное, но тамъ курса не кончилъ, по причинѣ смерти его родителей. Съ этого момента для Панова началась тяжелая борьба за существованіе, борьба изъ-за куска хлѣба, богатая эпизодами, которые обрисовываютъ нашего поэта, какъ человѣка стойкаго, прямого и не изъ числа тѣхъ, которые дѣлаютъ себѣ карьеру. Не получивъ никакого образованія, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, г. Пановъ все же успѣлъ не мало поработать надъ своимъ развитіемъ, прочелъ много хорошихъ книгъ, которыя не только дали ему извѣстное пониманіе родной дѣйствительности, но и вызвали въ немъ стремленіе писать. Разумѣется, дѣло началось подражаніемъ тѣмъ авторамъ, которые пришлись особенно по вкусу. Такимъ авторомъ въ данномъ случаѣ былъ Некрасовъ; затѣмъ, мало-по-малу, явились и свои, оригинальные мотивы, оригинальные настолько, насколько позволяли автору размѣры таланта. Изъ предыдущаго видно, во-первыхъ, что г. Пановъ—самоучка; во-вторыхъ, что г. Пановъ—поэтъ, вышедшій изъ народа, какъ сынъ крестьянина, но *ушедшій* отъ народа, въ томъ смыслѣ, что

никогда никакого отношенія къ земледѣльческому труду не имѣлъ, а всю жизнь провелъ въ качествѣ пролетарія городского, въ качествѣ члена россійской культурной и полукультурной богемы (и у насъ въ настоящее время таковая уже сложилась). Г. Рыбаковъ справедливо относитъ къ достоинствамъ г. Панова, что онъ выбился на дорогу изъ крестьянской среды, но несправедливо называетъ автора поэтомъ изъ народа. Г. Пановъ уже не живетъ и не жилъ *того* жизнью, которою живетъ самъ народъ; многія стороны этой жизни, и темныя, и свѣтлыя,—не могутъ не ускользать отъ него, что, разумѣется, кладетъ извѣстный отпечатокъ на самыя произведенія. Что касается до этихъ послѣднихъ, то среди нихъ попадаются вещицы очень недурныя, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Во всякомъ случаѣ, сборникъ стиховъ г. Панова нельзя поставить рядомъ съ сборниками начинающихъ и, къ счастію, никому неизвѣстныхъ поэтовъ, появляющимися ежегодно цѣлыми дюжинами и служащими прежде всего для собственнаго услажденія ихъ авторовъ. Языкъ г. Панова довольно цвѣтистъ, образы ярки, размы звучны, формы — богаты. Нѣкоторыя стихотворенія (къ тому же самыя удачныя) проникнуты неподдѣльнымъ народнымъ колоритомъ. Для примѣра укажемъ на одно изъ болѣе удачныхъ стихотвореній:

«Въ дальнюю сторонушку голытьба отбойная,
Грѣхъ да горе лютое пролагаютъ путь,
Тихо льется пѣсенка заунывно-стройная,
Словно шумъ дубровушки слышенъ гдѣ-нибудь...
Не хитро затѣяна, на голосъ положена
Матушка-бывальщина стародавнихъ дней;
Дума безотрадная въ эту пѣсню вложена,
Горькія рыданія затаились въ ней.
Ой вы, дни ненастные, ноченьки беззвѣздныя,
Тишина могильная да степная ширь;
Тяжкая неволюшка, кандалы желѣзныя...
Ой ты, злая мачиха, каторга Сибирь!..
Жилъ на свѣтѣ правдою, честно работаючи,
Безъ роду и племени добрый человѣкъ,
Жилъ, боролся съ кривдою, устали не знаючи;
Загубили недруги молодецкій вѣкъ...
Извели сердечнаго не зловредной травушкой,
Али наговорными зельями, водой,—
Ненавистью, лихостью да худою славушкой,
Пуще яда жгучаго—черной клеветой...
Ой вы, дни ненастные и т. д.

Дальше разсказывается дальнѣйшая судьба и смерть этого человѣка.

Стихотвореніе это характеризуетъ и языкъ, и стихъ нашего поэта, кстати сказать, чувствующаго особое пристрастіе къ припѣвкамъ и куплетной формѣ, что выходитъ иногда очень красиво, а чаще ни къ селу, ни къ городу. Одна изъ самыхъ красивыхъ и большихъ картинокъ—«Ванька ключникъ» написана въ томъ же стилѣ. Вообще народные мотивы и народная форма стихотвореній преобладаютъ въ книгѣ, такъ же, какъ и темы для стихотворе-

ній взяты большею частью изъ жизни народа. Даже обращаясь съ пѣснью къ своей возлюбленной, авторъ предупреждаетъ ее, что первыя пѣсни все же не къ ней, а къ народу: «съ дѣтства люблю, прославляю его... Вѣрь, что я, пѣсни слагая, послѣ него не любилъ никого больше тебя, дорогая!»... Разумѣется, авторъ поступилъ бы очень политично, еслибы сократилъ свою книжку вдвое и выбросилъ изъ нея кучу никуда негоднаго хлама. Рядомъ съ такими недурными стихотвореніями какъ «Община», «Поэтъ», «Гусляръ», «Опальный бояринъ», «Волга», «Ораторушка», «Народный пѣвецъ» (Кольцовъ), вдругъ вы встрѣчаете мотивы изъ «Петербургской газеты» трактирнаго пошиба, напр., «Барыня сударыня»:

Нѣженка-бѣляночка,
Полная-дородная,
Дамочка-дворяночка,
Только не природная.

Вотъ она и чванится,
Пыжится, фуфырится (sic);
Спереди подтянется,
Сзади растопырится.

Такого рода вирши производятъ впечатлѣніе дегтя въ бочкѣ меду. А такого дегтя въ книгѣ г. Панова не мало. Встрѣчаемъ мы здѣсь и другое явленіе, общераспространенное среди самоучекъ,—какую-то шаткость воззрѣній, массу внутреннихъ противорѣчій, мѣшающихъ опредѣлить духовную физіономію автора: тогда какъ одни стихотворенія, несомнѣнно, носятъ на себѣ идейный отпечатокъ, вдругъ, рядомъ, тутъ же, мы встрѣчаемъ самые нелѣпые пасквили, въ родѣ, напр., виршей о «захолустныхъ земцахъ»:

Въ чертопхаевской тиши
Земцы больно хороши.
Ай, калина! Ай, малина!..

Земцы описываются такъ: «что раздѣлятъ пополамъ, то и тащатъ по домамъ; земцамъ служба—чистый ядъ, на собраньяхъ вволю спятъ», и т. д. Или безобразныя вирши въ честь «бѣлаго генерала» на тему «громъ побѣды раздавайся». Въ концѣ концовъ, подобнаго рода хламъ и множество неудачныхъ, хотя и гладкихъ, но однообразно бѣдныхъ и скудныхъ содержаніемъ и не отличающихся оригинальностью стихотвореній до такой степени заглушаютъ то хорошее, что есть въ книгѣ, что, право, нужно не мало терпѣнія, чтобы, ради немногаго, проглотить много недозрѣлой зелени. Авторъ хорошо сдѣлаетъ, если будетъ относиться къ самому себѣ построже, и не забудетъ стариннаго золотого правила non multa, sed multum.

В. К. Агафоновъ. **Настоящее и прошлое земли.** Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Книга г. Агафонова представляетъ собою опытъ популярной геологіи. Слово «популярной» здѣсь не должно быть понимаемо, однако, въ смыслѣ «народной». Книга г. Агафонова и по своему объему, и по изложенію совершенно недоступна «читателямъ изъ народа» и разсчитана на ту часть русской интеллигентной публики, у которой уже явился интересъ къ геологіи и которая предъявляетъ «запросы къ этому одному изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ естествознанія». Основа для книги, какъ объяснено въ пре-

дисловіи къ ней, переведена съ сокращеніями и измѣненіями, изъ сочиненія Бомелли «Geschichte der Erde»; для дополненій послужили геологическія работы Неймайра, Ипостранцева, Мушкетова и Прима. Изъ перечисленныхъ сочиненій взяты и рисунки, которыми въ изобиліи иллюстрированъ текстъ (всѣхъ рисунковъ 237).

При отсутствіи на русскомъ языкѣ популярной геологіи, дающей болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія по предмету и соотвѣтствующей современному состоянію этой отрасли знаній, появленіе книги г. Агафонова вполнѣ умѣстно, и она заполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей научной литературѣ, доступной читающей публикѣ, не получившей спеціальнаго естественно-научнаго образованія. Книга написана хорошимъ языкомъ и читается легко. Пріятную сторону книги составляетъ обиліе фактовъ, касающихся геологіи Россіи. Хотя авторъ въ предисловіи и говоритъ, что въ Россіи, при малой ея изученности, врядъ-ли можно ожидать появленія книги, которая, охватывая всю исторію земли, въ то же время опиралась бы, главнымъ образомъ, на геологію родной страны, тѣмъ не менѣе, въ книгѣ автора видно стремленіе, по возможности, подойти къ этому идеалу — иллюстрировать общія положенія по преимуществу данными, касающимися геологіи Россіи. Такимъ образомъ, книга г. Агафонова будетъ интересна и тѣмъ лицамъ, которыя собственно къ геологіи, какъ наукѣ, не чувствуютъ особаго интереса, но за то желаютъ, по возможности, всесторонне ознакомиться съ родною страной.

Одинъ упрекъ мы, однако, должны сдѣлать автору. Наши популяризаторы обыкновенно забываютъ, что лица, не получившія спеціальнаго образованія, обращаются къ той или иной книгѣ, посвященной спеціальной отрасли знанія, также изъ побужденій практическаго характера, а не только изъ научнаго интереса. Дурного въ этомъ ничего нѣтъ, и авторамъ, берущимся писать научныя книги для большой публики, необходимо имѣть въ виду указанное обстоятельство и, по возможности, удовлетворять эту потребность читающей публики. Книга нисколько не потеряетъ отъ указанной особенности въ своемъ научномъ достоинствѣ, за то много выиграетъ въ интересѣ и будетъ имѣть гораздо большее число читателей. Что, напр., мѣшало автору настоящей книги остановиться поподробнѣе на каменноугольныхъ залежахъ Россіи—предметѣ, которому въ книгѣ посвящено всего двѣ страницы? То же должно быть сказано относительно нефти, которой посвящено полстраницы и мѣсторожденія которой въ Россіи даже не указаны; относительно каменной соли, мѣсторожденія которой въ Западной Европѣ указаны весьма детально, а имѣющіяся въ Россіи даже не упомянуты; относительно нашихъ рудъ, которымъ посвящено всего нѣсколько строкъ, и т. д. Бѣдность свѣдѣній указываемаго характера едва-ли можетъ быть чѣмъ-либо оправдана.

Шевченко-Красногорскій. **По Волгѣ и Каспію.**

Достаточно извѣстно, какъ плохо мы знаемъ свою страну. Земля наша велика и обильна, а изучена весьма мало. Если и существуетъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій, охватывающихъ Россію со всѣхъ сторонъ, то, во-первыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ капитальны больше по своему размѣру («Живописная Россія»), во-вторыхъ, многія до такой степени устарѣли, что рисуемая ими картина давно уже перестала напоминать дѣйствительность. А сколько притомъ заключаютъ они ошибокъ! Богаче, разнообразнѣе и новѣе литература отдѣльныхъ областей, но, къ сожалѣнію, она представляетъ большей частью описаніе окраинъ, а не сердца страны, съ его исконно русскимъ населеніемъ, съ его давно назрѣвшими нуждами. Всякій, кому потребуются новѣйшія, хотя бы самыя поверхностныя свѣдѣнія о какой-нибудь Тульской, Курской губерніи, долженъ будетъ долго рыться въ спеціальныхъ земскихъ изслѣдованіяхъ, въ памятныхъ губернскихъ книжкахъ, въ трудахъ ученыхъ обществъ, въ журналахъ, прежде чѣмъ добудетъ достаточное количество матерьяла для составленія себѣ хотя бы самаго общаго представленія о географіи, геологіи, этнографіи, статистикѣ и хозяйствѣ данной области. Къ услугамъ его, правда, вороха книгъ, въ родѣ разныхъ спутниковъ и компиляцій, повторяющихъ зады и старыя ошибки; но какая имъ цѣна? Напр., къ услугамъ желающихъ ознакомиться вкратцѣ съ Волгой имѣются налицо разныя книги, отъ спутниковъ Демьянова и Монастырскаго, «Волги» Сидорова и Рагозина до банальной и скучной болтовни Субботина включительно («Волга и волгари»). Нельзя поэтому не привѣтствовать небольшой брошюры г. Шевченко-Красногорскаго, представляющей настоящіе путевые очерки въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ ней читатель найдетъ не только живыя описанія и впечатлѣнія, краткія современныя свѣдѣнія о волжскихъ городахъ, о торговлѣ и промышленности великой рѣки, но, что гораздо важнѣе для нашего времени, онъ найдетъ въ ней въ вопросахъ экономическихъ гуманное освѣщеніе образованнаго человѣка, умѣющаго разъяснить читателямъ съ опредѣленныхъ и ясныхъ точекъ зрѣнія печальныя явленія въ области хозяйства, которыя на Волгѣ, можетъ быть, рѣзче всего бросаются въ глаза. Правда, авторъ касается ихъ мимоходомъ, но на столько умѣло, что слова его оставятъ слѣдъ въ душѣ каждаго читателя. Остается только пожелать, чтобы лица, совершающія ради удовольствія или по дѣламъ путешествія по Волгѣ, запасались, вмѣсто разныхъ спутниковъ и quasi-солидныхъ книгъ, брошюрой г. Шевченко-Красногорскаго; они найдутъ въ ней достаточно развлеченія, ибо изложеніе автора весьма живое и мѣстами даже юмористическое; кромѣ того брошюра можетъ натолкнуть ихъ на многія серьезныя мысли, въ послѣднее время весьма опошленныя разными знатоками Россіи, въ родѣ г. Шарапова.

Слѣдуетъ добавить однако, что путевые очерки описываютъ Волгу лишь начиная съ Нижняго.

Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна за 1880—1893 гг. Составилъ Ст. Гулишамбаровъ. Спб. 1895 г. стр. 132. Ц. 1 р.

Названное изданіе департамента мануфактуръ и торговли представляетъ первую на русскомъ языкѣ попытку сопоставленія данныхъ по внѣшней торговлѣ главнѣйшихъ государствъ міра. Имѣя въ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что промышленность отдѣльныхъ странъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе международный характеръ, т.-е. что всѣ области цивилизованнаго міра постепенно соединяются какъ бы въ одну торгово-промышленную единицу, мы можемъ сказать, что для практическихъ и научныхъ соображеній такъ же важно знать торговлю чужихъ, какъ и своей собственной, странъ, и потому отчеты объ этой торговлѣ, т.-е. періодически повторяющіеся обзоры, вродѣ указаннаго въ заголовкѣ рецензіи, представляются весьма и весьма желательными. Въ виду такого заключенія и предполагая, что разсматриваемый трудъ г. Гулишамбарова является началомъ, за которымъ послѣдуетъ продолженіе, мы считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Книга состоитъ исключительно изъ таблицъ ввоза, вывоза и транзитнаго движенія разныхъ товаровъ и драгоцѣнныхъ металловъ, сгруппированныхъ по государствамъ. Матерьялами для работы служили отчеты отдѣльныхъ странъ, причемъ составитель не поясняетъ, что приводимыя имъ цифры ввоза и вывоза относятся не къ общей торговлѣ, т.-е. не ко всему вывезенному изъ страны и привезенному въ нее грузу, а къ спеціальной, т.-е. къ той части ввезеннаго товара, какая не была переотправлена въ другія государства, а осталась для внутренняго потребленія, и къ тому вывезенному товару, который составляетъ предметъ внутренняго производства, а не принадлежитъ къ чужому продукту, прибывшему въ данную страну, полежавшему здѣсь нѣкоторое время и отправленному въ новое мѣсто. Данныя о спеціальной торговлѣ, конечно, имѣютъ весьма важное значеніе, рисуя участіе каждой страны въ международномъ производствѣ и потребленіи; онѣ даютъ возможность установить, какая страна, въ какомъ размѣрѣ и какіе именно продукты производитъ для иностранцевъ и потребляетъ иностранные. Но промышленная жизнь націи не ограничивается производствомъ и потребленіемъ; та или другая страна является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и торговцемъ-посредникомъ. А та роль, какую она играетъ въ международномъ обмѣнѣ въ качествѣ простого торговца, вырисовывается ея посредническимъ участіемъ въ обмѣнѣ товарами другихъ націй. Въ отчетахъ о внѣшней торговлѣ разныхъ государствъ объ этомъ посредничествѣ данной страны нужно судить, во-1-хъ, по цифрамъ транзитной торговли, т.-е. по количеству тѣхъ товаровъ, которые прошли чрезъ данную страну, не останавливаясь въ ней, во-2-хъ, по разницѣ цифры общаго и спеціальнаго ввоза и вывоза, каковая разница представляетъ ту долю чужаго товара, которая прошла чрезъ данную страну, задержавшись въ ней на время, и которая не попала въ отдѣлъ транзитной торговли. Обращаясь послѣ сдѣланныхъ разъясненій къ разсматриваемому изданію нашего мин. финансовъ и зная, что въ нихъ

показаны только цифры по спеціальной и транзитной торговлѣ, мы должны сказать, что это изданіе не дастъ полныхъ свѣдѣній о странѣ, какъ торговомъ агентѣ, такъ какъ въ немъ ничего не говорится о тѣхъ чужихъ товарахъ, которые, пролежавъ извѣстное время въ мѣстныхъ складахъ, были затѣмъ вывезены заграницу. А между тѣмъ, эти цифры лучше рисуютъ торгово-посредническую роль какой-либо страны, нежели цифры товаровъ, прошедшихъ чрезъ нее простымъ транзитомъ. Таковъ главный недостатокъ разсматриваемаго труда. Другой его недостатокъ, на который мы считаемъ не лишнимъ обратить здѣсь вниманіе, заключается въ томъ, что количества обращающихся въ торговлѣ товаровъ показаны не въ одной, русской мѣрѣ, а въ единицахъ того государства, о которомъ идетъ рѣчь, вслѣдствіе чего, при сравненіи торговли двухъ странъ, читателю приходится постоянно прибѣгать къ вычисленіямъ. Послѣдующіе отчеты мин. фин. о міровой торговлѣ, появленіе которыхъ, повторяемъ, нельзя не признать весьма желательными, безъ сомнѣнія, исправятъ недостатки, естественно свойственные всякому первому шагу въ новомъ дѣлѣ.

Д. П. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1895 г. 211 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этой весьма добросовѣстно и обстоятельно составленной книжкѣ читатели найдутъ массу чрезвычайно интереснаго матерьяла для сужденія о положеніи народнаго образованія въ той странѣ, которая по справедливости называется самой демократической страной земного шара. При составленіи своей книжки г. Д. П. пользовался многочисленными американскими источниками, оффиціальными и неоффиціальными. Изъ нихъ авторъ толково и съ пониманіемъ дѣла извлекъ множество данныхъ, весьма поучительныхъ для русскаго читателя, для котораго успѣхи народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ еще долгое время будутъ представлять не болѣе, какъ pia desideria, далекое отъ осуществленія. Прежде всего авторъ показываетъ общія черты американской системы и говоритъ объ учрежденіяхъ, ею вѣдающихъ; затѣмъ переходитъ къ детальному описанію школьной системы и къ статистикѣ народнаго образованія. Въ 1890—91 г. населеніе Соед. Штатовъ исчислялось въ 63½ милліона человѣкъ, въ томъ числѣ 29,61% (18,8 милліоновъ) приходилось на возрастъ отъ 5 до 18 лѣтъ, и изъ этого послѣдняго числа—68,95% учащихся въ общеобразовательныхъ школахъ на общественный счетъ; это—не считая учащихся въ среднихъ школахъ и университетахъ. Ежегодно поступаетъ въ школы 14.146.663 чел. или 22,27% всего населенія (1 ученикъ изъ каждыхъ 4½ человѣкъ). Такого высокаго поступленія нѣтъ нигдѣ, что краснорѣчиво доказывается нижеслѣдующими цифрами, выражающими тѣ же отношенія: для Пруссіи 19,6, Швейцаріи—19,5, Германіи—18,8, Финляндіи 17,6, Англіи 16,6, Норвегіи и Швеціи 15,4, Франціи 15,1, Болгаріи 5,5 и Россіи 3,1; ниже этой послѣд-

ней стоятъ лишь Турція, Сербія, Румынія и Черногорія (1,4—2,7). Но и въ Соед. Штатахъ все же еще существуютъ неумѣющіе писать, а отчасти и читать, главнымъ образомъ, негры. Среди этихъ послѣднихъ неумѣвшіе писать составили 56,8% населенія въ возрастѣ болѣе 10 лѣтъ. Въ то же самое время русскіе неграмотные рекруты призыва 1887 г. дали отношеніе свыше 70%. Учащихъ въ народныхъ школахъ насчитывается до 425.000, въ томъ числѣ 244.342 женщины; среднимъ числомъ учитель получаетъ въ мѣсяцъ на наши деньги около 85 р. (44,89 дол.), учительница—около 70 р. Нечего говорить, что и о духовной сторонѣ учащихъ прилагается столько заботъ, о которыхъ наши русскіе учителя не имѣютъ и понятія. Существуютъ учительскіе библіотеки, курсы, ассоціаціи, кассы, съѣзды, газеты и журналы и т. д., не говоря уже о томъ, что широкая волна University Extension захватываетъ и учащихъ. Въ Новомъ Свѣтѣ, сказалъ еще Гиппо, народное образованіе отнимаетъ у военнаго бюджета все то, что въ Старомъ Свѣтѣ военный бюджетъ отнимаетъ у народнаго образованія. Въ 1891 г. въ Соед. Штатахъ народ. образованіе вызвало расходъ въ 146.800.163 долларовъ (270.000.000 р.); на армію и флотъ было израсходовано за то же время 140 милліоновъ рублей. Въ Россіи въ 1892 г. на народное образованіе (низшее, среднее и высшее) расходовалось около 30 милліоновъ руб.; на армію и флотъ 283.000.000 р. Процентъ на нар. образованіе въ Соед. Штатахъ 66%, въ Россіи 11%. Что касается до цѣлей, преслѣдуемыхъ школой, то прежде всего американская школа была и остается общеобразовательной; технически-промышленное обученіе считается *несовмѣстимымъ* съ цѣлями и программой начальныхъ школъ. Другой общій принципъ гласитъ: «народныя школы—безплатныя школы». Нигдѣ во всей территоріи Соед. Штатовъ не требуютъ платы за ученіе въ начальной школѣ. Даже учебники и учебныя пособія даются безплатно. Что касается до обязательности образованія то «весь строй американской жизни,—какъ пишетъ г. Д. П.,—пропитанъ страхомъ государственнаго вмѣшательства». Общаго закона объ обязательности обученія не существуетъ, но такъ какъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ всеобщему обученію представляютъ фабрики и заводы, отвлекающіе массу дѣтей школьнаго возраста отъ школы, то одной изъ существенныхъ мѣръ для привлеченія дѣтей въ школу «является въ Соед. Штатахъ болѣе строгое фабричное законодательство, которое и открываетъ возможность образованія для многихъ дѣтей, обреченныхъ на фабричный трудъ». Слѣдующей характерной чертой американской школы является ея свѣтскій характеръ. «Ни въ одной американской народной школѣ не преподается положенія какой бы то ни было религіи или секты». Четыре главы посвящены внѣшкольному образованію, которое въ Соед. Штатахъ играетъ громадную роль (вечернія школы, библіотеки, распространеніе университетскаго образованія). Въ концѣ книги приложены: программа народныхъ школъ, принятая штатомъ Упсконсинъ, законы Соед. Штатовъ, касающіеся посѣ-

щенія школъ, состава и компетенціи учрежденій, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія, программа занятій въ народныхъ школахъ Нью-Іорка 1890 г.

Въ небольшой библіографической замѣткѣ трудно познакомить съ богатымъ содержаніемъ книжки Д. П. Надѣемся, что всѣ тѣ, кому дороги интересы народнаго образованія въ Россіи, познакомятся съ нею обстоятельнѣе. Нельзя не пожалѣть только, что книга написана довольно тяжелымъ языкомъ.

Русская школа. Училищевѣдѣніе. Педагогика. Методика. Составилъ директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи М. Т. Яблочковъ. Тула. 1895 г.

Эта книга, какъ говорится въ предисловіи къ ней, составлена съ цѣлью «облегчить ея автору управленіе училищами, избавить его отъ необходимости повторять въ каждомъ училищѣ ежегодно одни и тѣ же наставленія, или посылать письменные циркуляры во всѣ училища». Такимъ образомъ, для всѣхъ начальныхъ учителей и учительницъ Тульской губерніи эта книга является вродѣ руководства. Педагогическіе идеалы, выраженные въ ней, какъ бы оригинальны они ни были, для подвѣдомственныхъ автору лицъ имѣютъ важное значеніе. Съ ними придется сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ, если не слѣдовать имъ. И, что особенно неудобно, тульскимъ учителямъ теперь нельзя уже оттовориться незнаніемъ того, чего отъ нихъ требуютъ. Все это разработано въ книгѣ съ поразительной подробностью. Каждый шагъ учителя въ школѣ, въ семьѣ и въ обществѣ предупредительно предусмотрѣнъ и урегулированъ точно опредѣленными правилами. А педагогическіе идеалы автора книги съ полной отчетливостью вырисовываются, какъ предъявляемыми имъ требованіями къ школѣ и учителю, такъ и его «наставленіями». Мы не можемъ здѣсь исчерпать всего содержанія занимающей насъ книги, да въ этомъ и нѣтъ большой нужды. Сущность книги, ея педагогическое направленіе, какъ и самъ авторъ ея, становятся вполнѣ ясными по прочтеніи одной такой главы книги, какъ наприм., глава VII. Въ этой главѣ тульскій педагогъ трактуетъ «объ обязанностяхъ учащихъ лицъ и ихъ отношеніяхъ къ начальству, священнику, попечителю училища, населенію и учащимся дѣтямъ».

Приведемъ изъ этой главы нѣсколько выдержекъ.

1) Учащіе не должны дозволять себѣ «*обсуждать* указанія и дѣйствія директора и инспекторовъ народныхъ училищъ, а также осуждать ихъ дѣятельность»; ибо «осужденіе своего начальника въ устахъ подчиненнаго неприлично и выражаетъ узкость ума, незнаніе жизни и вольнодумство, несовмѣстимое съ обязанностями воспитателя молодого поколѣнія».

2) При встрѣчахъ съ священникомъ учитель долженъ «подходить къ нему подъ благословеніе и цѣловать у него руку; посѣщать его и стараться проводить время у священника, пользуясь его бесѣдами и наставленіями, *но не докучая* ему; въ праздники должны приходить съ поздравленіями».

3) «Внѣшность учителя должна быть приличная; одежда и бѣлье на немъ чистыя. Учитель долженъ одѣваться просто, безъ претензій на вычурность; для сельскаго учителя самая приличная одежда—сюртукъ или поддевка чернаго и сѣраго цвѣта; *пестрые же педжаки и галстухи яркихъ цвѣтовъ не должны носиться учителями*». Для учительницъ устанавливается такая форма: «лифы и юбки гладкія, безъ модныхъ отдѣлокъ; шляпки безъ птицъ, цвѣтовъ и перьевъ и т. п., *такъ какъ смѣшно видѣть ихъ въ глуши селеній, на простой сельской учительницѣ*»: «Все это,—глубокомысленно замѣчаетъ далѣе авторъ,—скоро полиняетъ, сомнется и повиснетъ, какъ старая, линючая тряпка».

4) «Учитель не долженъ носить длинныхъ волосъ, по плечи, какъ многіе дѣлаютъ, ошибочно полагая, что это очень красиво. *Длинные волосы мужчинѣ не приличествуютъ и безобразятъ его*». А что, если учитель,—спросимъ мы,—исполняя наставленіе, выраженное въ пунктѣ 2, за бесѣдой со священникомъ выскажетъ только-что приведенное мнѣніе о ношеніи мужчиной длинныхъ волосъ,—не повлечетъ-ли это за собой недоразумѣній? Возвращаемся къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ автора по тому же вопросу.

«Въ ношеніи длинныхъ волосъ мужчиною выражаются и неряшливость, и претензія на мнимое щегольство, и какое-то самодовольство. *Непріятно и смотрѣть на мужчину съ волосами по плечи, съ косою сзади головы*». Повторяемъ, распространеніе такихъ взглядовъ среди сельскихъ учителей, долженствующихъ, какъ говорилось выше, «стараться проводить время у священника», на нашъ взглядъ, не безопасно. И безъ того отношенія у священниковъ съ учителями оставляютъ желать лучшаго. Далѣе авторъ распространяется о преимуществахъ «обстриженной, гладко причесанной головы». «Совсѣмъ другой видъ, — говоритъ онъ, — получаетъ лицо человѣка съ обстриженною, гладко причесанною головою. Оно становится *мужественнымъ, серьезнымъ*; на него ложится отпечатокъ *дѣловитости, тщательности, аккуратности*».

На бороду и усы авторъ смотритъ иначе. «Что же касается до бороды и усовъ,—читаемъ въ его книгѣ,—то для *мужчины* ношеніе ихъ приличествуетъ». Прическа для учительницъ характеризуется отрицательными чертами. «Учительницы должны зачесывать волосы просто, не завивать и не подрѣзать ихъ съ напускомъ на лобъ».

5) «Учащіе *должны* имѣть голосъ мягкій, нѣжный, пріятный, гармоническій; говорить громко, *но не басомъ*». Особенную тонкость ума обнаруживаетъ авторъ, когда даетъ учащимъ наставленія относительно пользованія «господскими» книгами. «Учащіе, — говоритъ онъ, — *могутъ* доставать книги отъ мѣстныхъ господъ, но, взявши книги, должны возвращать ихъ въ скоромъ времени, относиться къ нимъ съ бережливостью и отдавать ихъ въ исправномъ видѣ; *въ противномъ случаѣ имъ книгъ не будутъ давать*». Для предотвращенія такого печальнаго

исхода, даются слѣдующія «правила бережливаго храненія книгъ»: а) «на время, *когда книга не читается*, класть ее въ шкафъ, въ сухое мѣсто, чтобы не испортить ее сыростью, и держать въ заперти на ключъ, дабы ее кто-либо не взялъ; б) книгу переплетенную завернуть въ чистую бумагу, чтобы не трепать переплета; в) не перегибать книги при чтеніи, не загибать угловъ; г) не мочить пальцевъ слюнями при перелистываніи». Тутъ авторъ пускается въ глубокомысленныя разсужденія, заходитъ даже, въ виду важности вопроса, въ область бактеріологіи и медицины. Онъ угрожаетъ учителю опасностью заразиться отъ книги, ибо, говоритъ онъ, «найдено, что на старыхъ кредитныхъ билетахъ живетъ до 13 тысячъ видовъ разныхъ микроскопическихъ животныхъ». Характерно также замѣчаніе автора о томъ, что «неприлично высовывать языкъ и поводить по немъ пальцами». Въ заключеніе своего трактата о пользованіи «господскими» книгами г. Яблочковъ указываетъ, что «для перелистыванія слѣдуетъ поднимать осторожно сухими пальцами верхній край листовъ», и «не давать книгу никому другому, *не смотря ни на какія просьбы*». Читая все это, невольно вспоминаешь изъ Гоголя: «Господи Боже, какая бездна тонкости бываетъ у человѣка!»

Не менѣе требователенъ г. Яблочковъ и къ ученикамъ. Согласно его требованіямъ, ученикъ долженъ, наприм., «быть бодрымъ, веселымъ, имѣть голову, поднятую кверху, и смотрѣть прямо въ глаза учителю» (стр. 167). Къ сожалѣнію, авторъ, обыкновенно предусмотрительный и тароватый на совѣты въ самыхъ мелочныхъ случаяхъ, ничего не говоритъ, какимъ способомъ достигать, чтобы ученику было «весело» и чтобъ онъ былъ «бодрымъ». А совѣты его, «основанные на его знаніи дѣйствительныхъ потребностей жизни и школы и на выводахъ изъ его многолѣтней практики на педагогическомъ поприщѣ», здѣсь были бы особенно интересны.

ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ.

Борьба индивидуализма и коллективизма.

John Beattie Crosier: «Civilisation and Progress». London, 1892.

Adolphe Prins (Professeur à l'Université de Bruxelles et Inspecteur général au Ministère de la Justice): «L'Organisation de la liberté et le devoir social». Bruxelles—Paris. 1895.

I.

Я не безъ умысла выписалъ длинный титулъ и даже два титула автора второй изъ книгъ, о которыхъ хочу бесѣдовать съ вами, Адольфа Прэнса: онъ и *профессоръ*, и *государственный человѣкъ*, а соединеніе двухъ такихъ функцій гарантируетъ даже и не у насъ, въ Россіи, извѣстное вниманіе публики, а главное, обезпечиваетъ писателя отъ обвиненій, заподозриваній и инсинуацій всякаго рода, дискредитирующихъ его слова.

А, между тѣмъ, книга Прэнса касается такихъ вопросовъ, которые не мало интересовали въ послѣднее время и нашу публику, а нѣкоторыя мѣста этой книги показываютъ возникновеніе въ самыхъ передовыхъ странахъ Европы такого теченія мысли, которое еще недавно объявлялось у насъ направленіемъ, отжившимъ свое время въ Европѣ и, будто бы, еще въ 40-хъ годахъ потерпѣвшимъ тамъ полное фіаско, благодаря побѣдоносному шествію «товарнаго производства».

Я говорю о направленіи, которое у насъ видитъ рѣшеніе современнаго соціальнаго вопроса, созданнаго капитализмомъ, въ возвращеніи къ исконнымъ народнымъ формамъ производства и группировки интересовъ, т.-е. къ общинѣ и артелямъ, развивая ихъ, согласно требованіямъ времени, а въ Европѣ — къ различнымъ формамъ «органическаго коллективизма», какъ выражается Прэнсъ. Конечно, напоминая объ исконныхъ формахъ западно-европейскаго коллективизма, и Прэнсъ не думаетъ возста-

новить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали въ средніе вѣка. Наоборотъ, онъ ясно и рѣзко указываетъ различія *новой стадіи* кооперативнаго экономическаго прогресса, сравнительно съ средневѣковой кооперацією. Но онъ видитъ въ этомъ новомъ движеніи ту же *основную идею*, идею органическаго развитія массъ, прерваннаго вторженіемъ въ жизнь Европы *римскаго права* съ его абсолютной *централизацією*, вмѣсто исконной децентрализаціи, съ его крайнимъ *индивидуализмомъ*, разбившимъ на атомы, на изолированные, безсильные индивидуумы прежніе молекулы общественнаго тѣла. Этими молекулами и были тѣ исконныя, мѣстныя народныя организаціи труда и управленія, которыя представляли въ Европѣ противоположность римскому принципу, т.-е. принципу абсолютнаго единства и «равенства всеобщаго безправія». Это-то равенство безправія, это-то уничтоженіе живой, коллективной самодѣятельности мѣстныхъ группъ, порожденное Римомъ, и создало тотъ особый индивидуализмъ *атомистическій*, индивидуализмъ разрозненныхъ *пылинокъ*, который оказался *фиктивной* свободой, свободой по имени, а въ дѣйствительности рабствомъ то передъ политической силой цѣлаго, централизованнаго бюрократическаго тѣла, то передъ силой могучаго централизованнаго капитала.

Изъ этого краткаго очерка основной мысли Прэнса вы уже видите, что онъ говоритъ не объ одномъ только экономическомъ вопросѣ, но и о политической задачѣ современныхъ обществъ. Его теорія тѣсно связываетъ оба эти вопроса и видитъ источникъ зла современной Европы въ одномъ и томъ же принципѣ, какъ въ области политической, такъ и въ области экономической; этотъ принципъ, какъ вы уже догадываетесь, есть *централизація*. Она вездѣ, не исключая даже республикъ, порождаетъ одно и то же явленіе: раздробленіе общества на разрозненные атомы, т.-е. *атомистическій индивидуализмъ*, которому Прэнсъ противополагаетъ «органическую группировку по интересамъ». Эта группировка, повторяю, была, по его мнѣнію, исконной формой европейской жизни: въ политической области она была разрушена римскимъ правомъ, а въ экономической—перенесеніемъ части этого же права (свободнаго договора) на почву экономическихъ отношеній.

Но идеи Прэнса могутъ быть поняты въ ихъ цѣломъ только при нѣсколько болѣе подробномъ изложеніи. Я здѣсь разсмотрю только политическую и экономическую стороны его книги, какъ наиболѣе интересныя для насъ. Тотъ же принципъ онъ прослѣживаетъ и въ области умственной (въ сферѣ идей и образованія), и въ области моральной. Однако, болѣе подробное изученіе его книги завело бы насъ черезчуръ далеко, и потому

удовольствуемся скромными рамками. Начнемъ съ области политической. Но сперва сдѣлаемъ небольшое отступленіе.

Въ послѣднее время въ Западной Европѣ цѣлый рядъ писателей бьетъ тревогу противъ демократизаціи обществъ. Эти писатели пророчатъ гибель европейской цивилизаціи отъ вторженія въ область политики народныхъ массъ; эти массы стоятъ ниже уровня существующей культуры и, кромѣ того, они стремятся подчинить свободу экономическихъ отношеній регулированію ихъ государствомъ, а потому, по мнѣнію этихъ писателей, угрожаютъ и *свободѣ личности*. Раньше другихъ пустилъ въ ходъ страшныя слова «тиранія демократіи» Токвилль, посѣтившій Сѣверную Америку въ то время, когда она только-что начинала слагаться. Но въ послѣднее время настоящій набатъ былъ поднятъ Гербертомъ Спенсеромъ. Онъ выступилъ съ цѣлымъ сборникомъ статей, принадлежащихъ англійскимъ и американскимъ «друзьямъ свободы», подъ общимъ заглавіемъ «A ply for liberty». Его статья, помѣщенная въ этомъ сборникѣ, переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Грядущее рабство». Вскорѣ послѣ этого сборника выступилъ противъ грядущей демократіи такой знаменитый ученый, какъ Генри Мэнъ (авторъ «Древняго права»). Основная его тенденція та же, что и у Герберта Спенсера: верховенство народныхъ массъ должно, по его мнѣнію, уничтожить не только личную свободу, но и цивилизацію со всѣми ея драгоцѣнными пріобрѣтеніями—искусствомъ, наукой, философіей. Явились даже такіе писатели, какъ Сципіонъ Сигеле, которые доказывали, въ противоположность русской пословицѣ «умъ хорошо, а два лучше», что если свести вмѣстѣ нѣсколько геніевъ, они постановятъ рѣшеніе непремѣнно идіотское (см. мой разборъ его книги «Преступная толпа» въ «Русской Мысли» 1893 г. подъ заглавіемъ: «Новѣйшая псевдонаука»).

Самымъ крупнымъ борцомъ противъ этого хора,—борцомъ, вооруженнымъ тяжелой артиллеріей, выступилъ въ Англіи John Beattie Crosier, увѣсистая книга котораго, въ 460 страницъ, появилась уже 3-мъ изданіемъ въ 1892 г., т.-е. имѣла солидный успѣхъ.

Крозьеръ съ чисто-англійскою основательностью разобралъ вопросъ до мелочей, поднялъ изъ пыли библіотекъ всѣ теоріи, на которыхъ строилось мнѣніе обвинителей демократіи, добрался до самыхъ корней вопроса и шагъ за шагомъ разбилъ тѣ страхи и ужасы, какіе пророчили Западу напуганные философы и псевдодрузья свободы и цивилизаціи.

Нѣкоторые его взгляды такъ интересны и важны, отчасти такъ совпадаютъ съ воззрѣніями Прэнса, что я не могу отказать себѣ въ желаніи сказать о нихъ нѣсколько словъ. Впро-

чемъ, я коснусь только одной основной его идеи, тѣсно связанной съ главной мыслью моей статьи. Излагать все его сочиненіе, состоящее изъ VI частей и 32 главъ, здѣсь не представляется никакой возможности. Основная его мысль состоитъ въ томъ, что исторія учитъ насъ только тому, какимъ образомъ произошли тѣ или иныя учрежденія или общественныя явленія, но ничего не можетъ намъ сказать о томъ, какъ они будутъ дѣйствовать въ наше время. Дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же учрежденій совершенно мѣняется, сообразно различію условій, при которыхъ они дѣйствуютъ. Поэтому, для *политики* недостаточно исторіи; необходимо изученіе наличной дѣйствительности, ея условій и ихъ возможнаго и вѣроятнаго вліянія. И вотъ, руководясь этимъ принципомъ, онъ прослѣживаетъ какъ общее (въ исторіи), такъ и современное—т.-е. дѣйствующее въ современныхъ условіяхъ—вліяніе всевозможныхъ общественныхъ учрежденій, между прочимъ, религіи, аристократіи, демократіи. И вездѣ оказывается величайшей «политической иллюзіей» разсчитывать, въ какую-либо новую эпоху, на благодѣтельные результаты того учрежденія, которое было—по особымъ условіямъ времени—благодѣтельно въ свою эпоху, и наоборотъ—бояться вреда какого-нибудь учрежденія, потому, что оно когда-то и гдѣ-то имѣло вредные результаты. Между прочимъ (и вотъ гдѣ я вижу сходство между его взглядами и взглядами Прэнса) онъ опровергаетъ мнѣніе, что сравнительно мирное развитіе Англіи, безъ тѣхъ потрясеній, какими была богата остальная Европа, зависѣло отъ главенства въ ней аристократіи, которая, будто бы, сдерживала и демократію, и монархизмъ. «Этотъ взглядъ,—говоритъ онъ на стр. 310,—находитъ себѣ поклонниковъ только среди тѣхъ, кто изъ выгоды или по традиціи или по личному положенію не любитъ какъ демократію, такъ и монархію. Но я надѣюсь доказать, что какъ въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ, аристократія была непричемъ; не она предохраняла Англію отъ крайностей демократіи, какъ и отъ крайностей деспотизма, и никогда она не была буферомъ между монархіей и народомъ, если не считать исключительныхъ моментовъ, обусловленныхъ совершенно случайными обстоятельствами. Такъ, если она лишила трона Іакова II, то не надо забывать, что Карлу I-му она помогала подавлять народныя права, а послѣ смерти Кромвеля вернула Стюартовъ, «чтобы они продолжали путь деспотизма и позора» (стр. 311).

Въ результатѣ онъ приходитъ къ такому заключенію: «Англія сохранила свои права (liberties) въ теченіе многихъ столѣтій не потому, что она имѣла независимое наслѣдственное дворянство, а

потому, что ея администрація была повсюду децентрализирована (стр. 112). Наоборотъ, когда намъ указываютъ на опасность демократіи (напр., французской), то забываютъ, что причина бѣдствій Франціи XVIII в. состояла не въ томъ, что она имѣла демократію, а въ другихъ частныхъ и почти чуждыхъ демократіи условіяхъ, а именно въ *централизаціи* администраціи, которую цѣлыя столѣтія усовершенствовала старая монархія и которая въ концѣ концовъ сдѣлала такимъ легкимъ успѣхъ революціи: въ самомъ дѣлѣ, едва только центральное правительство въ Парижѣ попало въ руки революціонеровъ, тріумфъ республики былъ обезпеченъ и законченъ. Но та же самая централизація, продолжаемая ресбуликой, дала возможность Бонапарту такъ легко обратить страну къ деспотизму, когда война и положеніе страны, изолированной среди враговъ, сдѣлали необходимымъ снова концентрировать власть въ одной рукѣ. На сколько бы дѣло могло пойти иначе, если бы Франція, подобно Америкѣ, имѣла, вмѣсто централизованной администраціи, такую, которая распредѣлена между огромнымъ числомъ ревностныхъ и высоко-настроенныхъ мѣстныхъ учрежденій, оставляющихъ центральнымъ учрежденіямъ лишь такую долю власти, которая необходима для общихъ интересовъ цѣлаго» (стр. 301 и 302).

II.

Вернемся къ Прэнсу и разсмотримъ сперва его политическіе взгляды. Онъ видитъ въ представляемыхъ исторіей постоянныхъ смѣнахъ то усиленія власти, то усиленія свободы, естественныя реакціи общества противъ крайностей или недостатковъ, то того, то другого принципа. Когда разрозненность недостаточно развитого большинства ввергала это большинство въ эксплоатацію сильнаго меньшинства, тогда со стороны большинства являлись призывы къ власти и къ ограниченіямъ свободы. Прослѣдивъ во всей исторіи такія шатанія человѣчества отъ свободы къ власти и затѣмъ снова обратно, Прэнсъ приводитъ доводы и взгляды цѣлаго ряда ученыхъ и мыслителей, старающихся объяснить, почему повторяется и обратный порывъ отъ власти къ свободѣ: «Гумбольдтъ, въ своей книгѣ: «Опытъ о границахъ дѣятельности государства», Жюль Симонъ, въ соч. «О свободѣ», Дюкрепьё, въ этюдѣ «Миссія государства»,—всѣ указываютъ на опасности централизаціи, соединенной съ усиленіемъ власти. Они рисуютъ картину того, какъ централизованное государство приводитъ

къ единообразію; какъ, стремясь лѣчить опредѣленную болѣзнь однообразными средствами, оно рискуетъ породить другую болѣзнь въ другой части общественнаго тѣла и кончаетъ тѣмъ, что приноситъ въ жертву какую-нибудь группу интересовъ благу той группы, которую оно защищаетъ. Вышеупомянутые писатели показываютъ далѣе, какъ власть, принужденная заниматься все болѣе и болѣе многочисленными предметами и личностями, приходитъ неизбѣжно къ созданію новыхъ колесъ въ машинѣ управленія, что требуетъ новыхъ расходовъ, для которыхъ необходимы новые налоги; является неизбѣжное и прогрессивное возрастаніе бюрократіи, увеличеніе кадровъ администраціи, устроенныхъ на военный ладъ и поддерживаемыхъ общественными рессурсами, которые опредѣляются партійными соображеніями, а между тѣмъ, эти кадры избавлены отъ побудительныхъ импульсовъ конкурренціи, отъ контроля гласности, и такимъ образомъ правительства скопляютъ массы людей, которыя дѣлаются орудіями—сначала просто безполезными, а потомъ и вредными» (59).

Но слѣдуетъ-ли отсюда, что вѣчное шатаніе исторіи отъ свободы къ власти и обратно будетъ продолжаться всегда? Нѣтъ, говоритъ Прэнсъ. «Вышеприведенная критика власти хотя и имѣетъ основанія, но, какъ легко замѣтить, *она направлена не на властъ собственно, а на централизацію.* И она указываетъ, какъ на лѣкарство, не на безвластіе (анархію), а на децентрализацію» (59).

«По мѣрѣ развитія цивилизаціи, роль государства увеличивается и въ важности, и въ трудности. И поэтому-то, чтобы она могла дѣйствовать успѣшно, становится все болѣе и болѣе необходимымъ, неизбѣжнымъ, «чтобы власть была локализирована въ многочисленныхъ организмахъ». Децентрализація есть единственное выраженіе власти, которое согласуетъ порядокъ и демократію и препятствуетъ этой послѣдней сдѣлаться *тиранією большинства*» (Токвилль).

Откуда же явилась современная централизація? Мы ее унаслѣдовали отъ римской цивилизаціи, которую она же и погубила. «Цезари Рима завѣщали намъ типъ власти, оторванной отъ исторической дѣйствительности, оторванной отъ общественной жизни, живущей выше націи и внѣ ея и поглощающей въ свою пользу всѣ коллективныя и индивидуальныя права. Они устраняли гражданъ отъ общественной (государственной) жизни; они стремились къ монополіи управленія; они надѣялись выполнить, исключительно одни, миссію опекуновъ и покровителей (tutelle); они присваивали себѣ право все предвидѣть, все направлять, проникать повсюду, дѣйствовать для общаго блага, управлять малѣйшими частностями

политической организаціи, посредствомъ администраціи, однообразно отражающей внушенія одной воли. Такимъ образомъ, они замѣняли дорого стоющимъ механизмомъ естественныя силы націи». (62).

Средніе вѣка временно противопоставили этому «гигантскому цвѣтку римской культуры» свою органическую группировку, коренящуюся въ примитивныхъ общинахъ — франкскихъ, германскихъ, англо-саксонскихъ. «Каждый въ своей группѣ учился тамъ общественной жизни; каждый, участвуя въ коллективной дѣятельности, участвовалъ и въ коллективномъ рѣшеніи; каждый былъ и судьей, и солдатомъ, законодателемъ и администраторомъ, правящимъ и управляемымъ. Эта группировка охватывала церковь, феодализмъ, деревни, города, потому что всюду мы встрѣчаемъ группы индивидумовъ, связанныхъ общностью мѣстныхъ интересовъ, мѣстныхъ страстей и не атрофированныхъ своей изолированностью или отдаленной властью, а свободно развивающихся въ своей естественной средѣ. Мѣстная свобода ихъ сближала, заставляла чувствовать, что они нужны другъ другу, а почетное исполненіе мѣстныхъ функцій давало имъ опытность, зрѣлость, вдумчивость».

При такой расширенной организаціи власти, нѣтъ мѣста бюрократіи: здѣсь синтезъ органическихъ народныхъ силъ. Римъ со своей централизаціей и могущественной администраціи раздробилъ государство *на атомы*, на разрозненныя индивидуальныя единицы; онъ создалъ атомическій индивидуализмъ. А общественныя идеи среднихъ вѣковъ, «мать корпораціи», породили мѣстное управленіе и народную магистратуру. Въ каждой группѣ они призываютъ наибольшее число лицъ къ контролю общественныхъ интересовъ и заставляютъ лучшихъ и наиболѣе способныхъ участвовать въ руководительствѣ дѣлами и выполненіи общественныхъ обязанностей.

Но почему же погибла эта органическая система?

Въ ней не было единства.

Римъ, во имя своего идеальнаго единства, разбилъ въ прахъ эту органическую структуру естественной федераціи. Въ дальнѣйшемъ развитіи европейскаго государственнаго права, по стезѣ централизаціи и разрушенія органической жизни обществъ, повинны, по мнѣнію Прэнса, и юристы той эпохи, видѣвшіе идеалы въ древнемъ Римѣ: въ Германіи они опирались на Гогенштауфеновъ, во Франціи поддерживали стремленія Филиппа Краснваго и Людовика XI, Ришелье и Людовика XIV и т. д., и т. д.

Та же тенденція замѣчается въ теологіи и философіи (Ѳома Аквинатъ, Оккемъ, Данте и т. д.). *Multitudo derivatur al ano—*

вотъ господствующій принципъ эпохи. Онъ передался и XVIII вѣку: отдавшись разъ потоку централизаціи до крайности, Франція уже не могла остановиться и увлекала за собою континентъ. 1789 г. продолжалъ (съ этой точки зрѣнія) вѣкъ Людовика XIV, какъ имперія продолжала революцію, а XIX в. продолжаетъ имперію [1]). Въ общемъ, три послѣднія столѣтія представляютъ въ различныхъ странахъ отраженіе и продолженіе вѣка Августа, т.-е. «систему, дѣлающую изъ націи мягкое тѣсто, позволяющее законодателю рѣзать ее на кусочки, а солдату, имѣвшему успѣхъ, сбить ее съ пути и запречь въ свою колесницу».

Отсюда ясно, что недостаточно демократизировать націю, чтобы избавить ее отъ бѣдствій захвата любого узурпатора, съ его централизаціей и военнымъ деспотизмомъ. Франція опрокинула тронъ абсолютной монархіи, она поставила на его мѣсто народъ; и она показала намъ, что централизація можетъ быть такъ же ужасна въ рукахъ народа, какъ и въ рукахъ короля. Конвентъ такъ же мало уважалъ мѣстную автономію, какъ и Людовикъ XIV. Демократическая централизація даже опаснѣе, потому что она чувствуетъ себя имѣющей больше права вторгаться во всѣ мелочи жизни частнаго лица; она *самоувѣренные*.

Какъ недостаточно, по мнѣнію Прэнса, одной демократизаціи, такъ напрасно разсчитывать на одно уменьшеніе власти. Теперь король не можетъ ничего сдѣлать безъ парламента. Но при централизаціи власти, т.-е. при народѣ, разбитомъ этой централизаціей на атомы, безсильны парламенты, безсильны республики...

По мнѣнію Прэнса, изъ всѣхъ государствъ Европы, одна только Англія, не смотря на обостренность ея экономическихъ отношеній,— обостренность даже большую, чѣмъ у другихъ, можетъ меньше другихъ бояться за свое будущее. Почему? Мы увидимъ дальше. Но въ общемъ она этимъ обязана своей *децентрализаціи*. Два раза децентрализація ея подвергалась опасности: въ первый разъ—послѣ Вильгельма Завоевателя, когда Англія поддалась, было, системѣ централизаціи, но, однако, съумѣла ей противодѣйствовать. До XVIII в. она смогла, опираясь на небольшой средній классъ—городской и деревенскій, сгруппированный въ историческія и традиціонныя корпораціи, осуществить настоящее мѣстное управленіе и сохранить духъ мѣстныхъ учрежденій. Этому помогли и нравы; промышленность до конца XVIII в. была корпоративной и домашней, экономическія и соціальныя отношенія имѣли также семейный и

[1]) «Договорное государство». Руссо имѣло отчасти тотъ же источникъ— идеализированное римское право.

тѣсный характеръ (стр. 80). Во 2-й разъ съ конца XVIII в. патріархальное общество начинаетъ гибнуть подъ дыханіемъ великой промышленности. Эта послѣдняя, разбивъ прежніе союзы и корпораціи, породивъ взаимную конкурренцію въ средѣ рабочихъ, порождаетъ сразу индивидуализмъ и централизацію. Однако, корпоративный духъ глубоко коренится въ сердцѣ англійской націи, и къ концу XIX вѣка мы видимъ его побѣды на всѣхъ пунктахъ: онъ сказывается въ законѣ 1888 г. о совѣтахъ графствъ, въ законѣ 1894 г. о совѣтахъ приходовъ, вообще, въ актѣ 1892 г. (Small Holding Act) проявляется даже стремленіе остановить убыль деревенскаго населенія и возстановить классы мелкихъ земледѣльцевъ, экспропріируя участки земли для рабочихъ. Здѣсь мы уже переходимъ въ экономическую область, которую разсмотримъ внимательнѣе дальше.

III.

Человѣчество съ первобытныхъ временъ прогрессировало, благодаря тому, что научалось производить тѣ же результаты съ меньшимъ количествомъ труда и времени. Благодаря этому, у него оставался все большій и большій досугъ на производство предметовъ высшей культуры, удовлетворяющій не однѣмъ только потребностямъ физіологическаго самосохраненія. Оставался досугъ для созданія продуктовъ умственныхъ, эстетическихъ, моральныхъ, соціальныхъ и т. д.

«Раздѣленіе труда было примѣненіемъ этого же принципа».

Такъ какъ въ обществѣ, подобно индивидууму, то, что было прежде сознательной дѣятельностью, обращается постепенно въ привычную и механическую, то съ теченіемъ времени прогрессъ становится все быстрѣе и быстрѣе.

Такимъ образомъ, истинная исторія прогресса діаметрально противоположна взглядамъ Руссо объ естественномъ состояніи: «прогрессъ не есть возвращеніе къ естественному состоянію, а, наоборотъ, *усиліе* человѣка выйти изъ этого состоянія, при которомъ слѣпая сила составляла все; человѣкъ, наоборотъ, стремится къ цивилизаціи, при которой идеалъ, сила умственная и моральная съ каждымъ шагомъ пріобрѣтаютъ все большее преобладаніе». Человѣкъ стремится сперва къ необходимому, а потомъ къ излишнему. Но излишнее скоро становится, въ свою очередь, необходимымъ, и стремленіе къ счастью продолжается до безконечности.

Благодаря этому прогрессу, въ нашу эпоху «экономическая

исторія Европы показываетъ намъ, начиная съ Возрожденія, сперва эмансипацію средняго класса, а затѣмъ эмансипацію рабочаго класса». «Свободный, но униженный и безсильный рабочій, какимъ мы видимъ его въ началѣ нашего столѣтія, становится избирателемъ, кооператоромъ». Всюду проявляется законъ «экономіи силы физической и умственной». И въ этомъ—значеніе современнаго движенія «къ повышенію заработной платы, къ уменьшенію часовъ труда и вообще современной экономической борьбы.

«Рабочій нашихъ мастерскихъ, какъ и тотъ, который въ эпоху мамонта обтачивалъ кремень, начинаетъ возвышаться съ того момента, какъ ему сталъ обезпеченъ его «хлѣбъ насущный». Какъ и первобытный работникъ, онъ развивается тогда, когда болѣе правильное пищевое снабженіе увеличиваетъ его силы. Современный работникъ прогрессируетъ, когда промышленная организація и поштучная плата позволяютъ ему производить больше въ меньшее время и, увеличивая сумму его дохода, оставляютъ ему и въ заработной платѣ, и въ часахъ отдыха возможность увеличить свое благосостояніе, образовать свой умъ и участвовать въ семейной жизни».

Власть неоспоримо имѣетъ обязанность исполнить эту задачу. Но какъ ее осуществить? Кромѣ нѣкоторыхъ общихъ законодательныхъ мѣръ, напр., касающихся труда женщинъ и дѣтей, страхованія рабочихъ и т. п., единообразное законодательство, примѣненное къ цѣлому, безъ различія мѣстныхъ условій или потребностей, было бы гибельно. Здѣсь должна быть такая же децентрализація. Совѣты промышленности и труда уже составляютъ шагъ въ этомъ направленіи, а къ нимъ присоединяются одновременно ассоціаціи индивидуумовъ, децентрализація власти и мѣстная регламентація.

И въ экономической области централизованная сила, хотя бы въ государствѣ и существовала всеобщая подача голосовъ, какъ, напр., во Франціи, не въ силахъ помочь, потому что страна, раздробленная въ атомы, перестаетъ интересоваться судьбой цѣлаго; ей достаточно дѣла съ обезпеченіемъ своего непосредственнаго существованія. Мало этого, при такой централизаціи, гдѣ всѣ вопросы рѣшаются гдѣ-то далеко, въ центрѣ, самые выборы дѣлаются спустя рукава; избранными являются люди неизвѣстные, чего бы не могло быть при органической группировкѣ массъ въ свободныя *ассоціаціи по интересамъ*. Но такихъ ассоціацій особенно боится всякая централизація. Такъ, Франція видитъ въ нихъ что-то угрожающее свободѣ. А между тѣмъ равнодушіе страны къ теченію ея дѣлъ доходитъ до того крайне опаснаго

явленія, которое извѣстно подъ именемъ воздержанія отъ участія въ выборахъ. Во Франціи, въ самую трагическую ея эпоху первой революціи, Дантонъ и Робеспьеръ были избраны только 500 голосовъ! То же мы видимъ столѣтіемъ позднѣе. По словамъ Поля Лафита, на послѣднихъ выборахъ въ Марсели, изъ 81.800 избирателей подало голосъ только 17.800, т.-е. «сторонившихся» отъ выборовъ было 78%.

Такому «атомистическому» порядку во всеобщей подачѣ голосовъ Франція обязана, во-первыхъ, конституціей VIII г. республики, самой абсолютистской, какую можно себѣ вообразить, а затѣмъ Бонапартомъ, сдѣлавшимъ изъ Франціи огромную административную машину, іерархію чиновниковъ и солдатъ, не оставившую ни малѣйшей почвы для свободы личности. Та же всеобщая подача голосовъ, данная Ламартиномъ подъ вліяніемъ страха въ 1848 г., подарила Францію Наполеономъ III, избраннымъ 6 милліонами голосовъ и наградившимъ Францію семнадцатью годами цезаризма, приведшаго къ Седану.

Но возвратимся къ Англіи. Здѣсь въ началѣ XIX в. была обратная крайность: невмѣшательство власти въ отношенія экономическія. Въ то же время буржуазія смотрѣла враждебно на рабочіе союзы и сходки, и они не были признаны закономъ. Даже Адамъ Смитъ, этотъ первый поборникъ экономической свободы, хотя и не требовалъ ихъ воспрещенія, но говорилъ, однако, что «когда рабочіе одного ремесла соединяются, то это они дѣлаютъ для того, чтобы конспирировать противъ общественнаго блага и заставить поднять плату. Рабочимъ нельзя запрещать единенія, говорилъ онъ, но законъ не долженъ дѣлать ничего, чтобы облегчить его или сдѣлать необходимымъ».

Въ основѣ этой экономической школы, признававшей невмѣшательство государства въ договоры между рабочими и хозяевами, лежало понятіе договора, существовавшее въ римскомъ правѣ *(omptio venditio)*; договаривающіеся признавались свободными и равными, а потому казалось, что они совершаютъ свои условія къ обоюдному удобству. «Но это было колоссальнымъ заблужденіемъ», говоритъ Прэнсъ, «договоръ этого рода былъ условіемъ о пользованіи силой работника, который для выполненія договора долженъ былъ расходовать свое тѣло, свой умъ и сердце. Съ точки зрѣнія римскаго договора, никто не могъ порицать хозяина, если онъ, руководясь своей выгодой, заставлялъ рабочаго подъ давленіемъ голода принимать плату, которую можно назвать насмѣшкой; или если онъ не заботился въ мастерскихъ о самыхъ элементарныхъ мѣрахъ гигіены и здоровья; или, если онъ принималъ на работу безсильныхъ и даже больныхъ дѣтей».

Римскій договоръ предполагалъ равную свободу договаривающихся. Современный режимъ, объявляя свободу,—безъ организаціи ея,—ставя лицомъ къ лицу изолированныхъ индивидовъ и покупателей труда, говоритъ имъ: «обсуждайте свои выгоды какъ хотите», но не видитъ пропасти, лежащей между капиталистомъ и рабочимъ.

Рабочій долженъ, чтобы жить и воспитывать семью, обладать, съ физической точки зрѣнія, вполнѣ неизмѣннымъ здоровьемъ, силой, трезвостью; съ моральной же точки зрѣнія — порядкомъ, дисциплиной, умомъ, бережливостью. Малѣйшая слабость, малѣйшее самозабвеніе, самое легкое потрясеніе выбиваютъ изъ колеи и его, и его близкихъ.

Сравните жизнь рабочаго и жизнь промышленника; мораль предписываетъ имъ одинаковыя обязанности: они должны воспитывать своихъ дѣтей, дать имъ образованіе и научить ихъ какому-нибудь дѣлу. Они должны предусматривать болѣзни, несчастные случаи, дряхлость, слабость, смерть, промышленные кризисы и заминки, остановки производства.

Но какая разница въ отраженіи этихъ обстоятельствъ на той и другой сторонѣ! Одинъ, благодаря капиталу и постоянному доходу, продолжаетъ правильно и обезпеченно свое матерьяльное существованіе; другой, при всякомъ подобномъ случаѣ, долженъ нести гнетущія жертвы, полныя потрясенія и паденія; доходы прекращаются, и возникаетъ вопросъ о нищетѣ. Такъ можно-ли въ договорѣ труда видѣть равенство договаривающихся? Крупный англійскій фабрикантъ машинъ, Nasmyth, разбогатѣвшій тѣмъ, что замѣнилъ трудъ взрослыхъ трудомъ дѣтей, далъ такой отвѣтъ лондонской комиссіи, изслѣдовавшей рабочіе союзы: «для фабриканта желательно, чтобы была возможность разсчитывать на огромную массу рабочихъ, ищущихъ труда». А когда его спросили: что же дѣлать незанятымъ рабочимъ и ихъ семьямъ?—онъ отвѣтилъ: «Это не мое дѣло; я предоставляю тутъ дѣйствовать естественному закону общества».

Пауперизмъ началъ возростать въ огромныхъ размѣрахъ, но не прежній, а специфическій пауперизмъ XIX вѣка: прежде человѣкъ жилъ и умиралъ тамъ, гдѣ родился, т.-е. въ общинѣ или въ союзѣ семей: тутъ всѣ вмѣстѣ и росли, и трудились, взаимно помогая другъ другу въ бѣдѣ; бѣднякъ не стоялъ внѣ закона; онъ получалъ помощь и защиту отъ своихъ братьевъ.

Но мало-по-малу, какъ мы уже видѣли, новое производство смело всѣ эти средневѣковые плоды органической группировки, а благодаря легкости сообщенія и духу предпріимчивости, люди уходили изъ своихъ старыхъ гнѣздъ и бросались въ города.

Здѣсь, хотя они и объединялись вокругъ станковъ и машинъ, но это было объединеніемъ мимолетныхъ элементовъ, чуждыхъ другъ другу. У такого объединенія, которое образовывалось по прихоти и по прихоти же могло быть разсѣяно, не было *своихъ* бѣдныхъ, которыхъ они знали, кормили и поддерживали; у него были просто бѣдные, которыхъ оно не знало, *опасные* «бродяги», противъ которыхъ нужно было защищаться, такъ какъ, помимо всякихъ другихъ соображеній, ихъ голодная орда понижала заработокъ, грабила и т. д. Самое расположеніе населенія по различнымъ кварталамъ городовъ (бѣдныхъ вдали отъ богатыхъ) не позволяло людямъ состоятельнымъ лицезрѣть человѣческихъ страданій. Только одни филантропы, посѣщавшіе жилища бѣдняковъ, замѣчали ихъ, другіе же о нихъ даже не знали...

Индивидуумъ, оторванный отъ своихъ общественныхъ связей, какъ атомъ, отдѣленный отъ химической молекулы, часть которой онъ составлялъ, не могъ уже развиваться правильно: онъ уже не заботился о жизни цѣлаго и не разсчитывалъ самъ на какія-либо жертвы со стороны этого цѣлаго.

«И вотъ почему это изолированіе приводитъ то къ философіи силы или выгоды, то къ пессимизму. Изолированный индивидуумъ быстро впадаетъ въ сомнѣнія, въ отрицаніе, въ безнадежность» (118).

Но когда къ этому разъединенію (изолированности) присоединяется еще нищета и отсутствіе помощи, когда человѣкъ начинаетъ искать отвѣта на вопросъ: за что же онъ несетъ такія страданія, то, не получая отвѣта, онъ переходитъ отъ печали и отчаянія «къ жаждѣ общественныхъ потрясеній и переворотовъ» (*тамъ же*).

Если при этомъ, онъ находится безъ всякаго посредничества передъ лицомъ государства, того отвлеченнаго государства, которое онъ считаетъ заботящимся обо всемъ и всѣхъ откуда-то издали, то это государство начинаетъ ему казаться единственнымъ препятствіемъ къ достиженію его стремленій, и возникаетъ или мечта подчинить его себѣ (соціализмъ), или желаніе разрушить его (анархизмъ).

Вотъ какимъ образомъ свобода въ области промышленности, свобода на римскій ладъ, т.-е. опирающаяся на фиктивное равенство людей, привела къ крайнимъ формамъ отрицанія.

Но этого мало: она уничтожила даже послѣднюю ячейку, послѣднюю молекулу, въ которой могъ пріютиться этотъ оторванный атомъ, т.-е. *семью*.

«Въ низшихъ слояхъ,—говоритъ Прэнсъ на 120 стр.,—намъ указывали въ срединѣ нашего столѣтія совершенно опустошен-

ные семейные очаги: вотъ отецъ, упавшій на скамью кабака въ то время, какъ его жена и ребенокъ конкуррировали съ нимъ въ мастерской; ночной трудъ дѣлалъ ихъ чуждыми другъ другу, препятствуя всякому сближенію супруговъ, кромѣ тѣхъ тайныхъ, воровскихъ сближеній, которыя напоминаютъ звѣрей; дѣтство, брошенное въ отвратительный промискуитетъ лачугъ, мастерскихъ, улицъ и подготовляющее этимъ путемъ несомнѣнныхъ рекрутовъ будущихъ преступленій»...

И все это оттого, что каждый принужденъ только однѣми своими силами вести тяжкую, почти невозможную борьбу за существованіе.

«Но не однихъ только рабочихъ уродовала эта, такъ называемая, экономическая свобода: буржуазія была охвачена жизнью роскоши и суетности; ей приходилось поэтому неизбѣжно оставлять своихъ дѣтей или довѣрять ихъ наемникамъ, посвящая лишь случайные моменты родительскимъ заботамъ. Театры, цирки, свѣтскія развлеченія, скачки, спортъ, игра, туалеты, борьба за внѣшность и т. п. создали въ нѣкоторой части буржуазіи нѣчто въ родѣ каторжныхъ работъ удовольствія, какъ производство, машины, конкурренція создали каторгу труда въ извѣстной части народа. Послѣдствія же были одинаковы и тутъ, и тамъ: семьи нѣтъ, воспитанія нѣтъ; дѣти выростаютъ, отданныя слѣпому случаю, безъ идеала, безъ цѣли, быстро созрѣвая для праздности и дебошей и увѣковѣчивая ту традицію эгоистической изолированности, жертвой которой пали они сами. Такъ, возникаетъ типъ буржуа-вивера, праздношатающагося, невѣжды, отличительными чертами котораго является черствость сердца, узкость мысли, вульгарная грубость, типъ, отличающійся очень мало отъ типа плохого рабочаго, лѣнтяя и пьяницы» (стр. 121).

Повсюду мы приходимъ къ одному и тому же выводу: ошибка нашего общества въ непризнаваніи необходимости органическаго принципа, въ приписываніи праву крайне-слабой опоры, т.-е. *изолированной личности*. Человѣкъ, подавляемый тяжелымъ подъемомъ жизни, безъ поддержки кѣмъ бы то ни было, чувствуетъ себя затерянным, непризнаваемымъ и отрывается отъ общества. «Необходимо искать дополненія силы индивидуума въ духѣ организаціи и ассоціаціи».

Но не будетъ-ли это стремленіе къ организаціи и ассоціаціи поворотомъ къ прошедшему?

«Напротивъ,—говоритъ Прэнсъ,—можно утверждать, что оно есть шагъ впередъ къ координаціи общественныхъ силъ, новая стадія прогресса. Оно дѣйствительно отличается ясно отъ древняго подобнаго-же стремленія, и отличительными его признаками

являются слѣдующіе: во-1-хъ, разнообразіе формъ ассоціаціи, многочисленность и спеціальность интересовъ, осуществленіе которыхъ можетъ достигаться ими. Корпораціи среднихъ вѣковъ, гарантируя своему члену всецѣло его личность, порабощали человѣка и поглощали его сполна. Далѣе: отдѣляя его отъ другихъ группъ, проводя между группами непереходимую черту, онѣ вели къ привилегіямъ и разрядамъ. Современныя ассоціаціи не поглощаютъ всей личности, онѣ гарантируютъ индивидууму только опредѣленные результаты и предъявляютъ ему болѣе ограниченныя требованія. Спеціализація цѣли влечетъ за собою естественно и спеціализацію жертвъ, которыя каждый обязанъ нести для своей группы [1]).

«Такимъ образомъ, современныя ассоціаціи вполнѣ совмѣстимы съ личной свободой. Если человѣкъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы бороться въ одиночку за свое существованіе, его никто не принуждаетъ вступать въ ассоціацію. Наоборотъ, разнообразіе формъ общенія гарантируетъ отъ возстановленія корпоративныхъ монополій и привилегій. Въ современныхъ ассоціаціяхъ можно видѣть шагъ впередъ къ преобразованію того, что въ древнихъ обществахъ называлось общественными классами: эти послѣдніе были первыми проявленіями стремленій человѣчества къ группировкѣ интересовъ. Они объединяли также людей, стоящихъ болѣе или менѣе въ одинаковыхъ условіяхъ. Но древніе классы были замкнуты, современныя-же *ассоціаціи интересовъ* открыты. Возвратъ къ замкнутой формѣ невозможенъ. Публичное право и общая культура поставили бы непреодолимое препятствіе такому возврату. Прежняя группировка дѣлила общество на горизонтальные слои, т.-е. лежащіе одинъ надъ другимъ; теперешнія дѣлятъ его на слои вертикальные, лежащіе рядомъ другъ съ другомъ.

Цѣль теперешнихъ ассоціацій не поглотить личность, а поддержать ее и защитить ея интересы. Онѣ набираютъ своихъ членовъ изъ всѣхъ слоевъ общества и не мѣшаютъ одному и тому же члену принадлежать ко многимъ группамъ. И чѣмъ больше образованіе становится общимъ, тѣмъ невозможнѣе ихъ перерожденіе въ касты» (стр. 139).

---

[1]) Сложность нашей цивилизаціи требуетъ отъ ассоціаціи безконечнаго разнообразія цѣлей. Такъ, мы видимъ общества публичнаго и частнаго права, ассоціаціи религіозныя, политическія, соціальныя, экономическія, коммерческія, земледѣльческія, филантропическія, научныя, профессіональныя, моральныя, художественныя, гигіеническія, и т. д. И всѣ онѣ имѣютъ свои особыя организаціи, уставы, опредѣляющіе по-своему права и обязанности членовъ относительно другъ друга.

Но слѣдуетъ и въ современныхъ ассоціаціяхъ различать два ихъ вида: *ассоціаціи капиталовъ* и *ассоціаціи личностей*.

Ассоціаціи капиталовъ представляются въ формѣ анонимныхъ обществъ или акціонерныхъ. Онѣ были первыми экономическими коллективностями нашей эпохи. Имъ обязана промышленность своимъ удивительнымъ подъемомъ. Онѣ породили крайнее развитіе богатствъ, избытокъ которыхъ извратилъ буржуазію и до крайности содѣйствовалъ развитію спекулятивнаго духа, не сдѣлавъ ничего для моральнаго развитія своихъ членовъ, такъ какъ моральная личность члена являлась ничтожнымъ количествомъ, совершенно стиравшимся передъ капиталомъ. Ихъ двигатель—личный интересъ, ихъ цѣль—доходъ, ихъ результатъ—концентрація и побѣда капитала.

Ассоціаціи второго вида, т.-е. ассоціаціи личностей, явились, наоборотъ, тогда, когда капитализмъ, злоупотребляя своей силой, подавлялъ низшіе классы. Ассоціаціи личностей противопоставили свои соединенныя силы его господству и сдерживали его побѣдоносное шествіе. Онѣ представляютъ антитезу ассоціаціямъ капиталовъ, а происходятъ изъ самыхъ древнихъ традицій человѣчества (стр. 141). Объединеніе личностей имѣетъ двигателемъ самопомощь, цѣлью—интересъ коллективный, а существеннымъ условіемъ—дѣятельность, умъ, совѣсть и душевный подъемъ своихъ членовъ. Для ихъ успѣха требуется постоянное взаимное соприкосновеніе ихъ членовъ, ихъ постоянныя усилія, ихъ преданность ассоціаціи, ихъ взаимное довѣріе. Между тѣмъ, какъ анонимныя ассоціаціи развиваютъ особенно духъ наживы, ассоціаціи личностей возбуждаютъ, главнымъ образомъ, нравственные инстинкты, альтрюистическія побужденія; онѣ воспитываютъ характеръ и волю, призывая къ духу самопожертвованія.

Рабочія ассоціаціи, рѣшавшія стачки, впадали иногда и въ незаконныя формы ихъ осуществленія. Но даже и тутъ онѣ открываютъ намъ нравственные образцы: стачечники, принимая всѣ страданія и лишенія ради торжества коллективной идеи, даютъ доказательства повиновенія закону солидарности. Но кто видѣлъ когда-нибудь, чтобы совѣтъ или администрація акціонернаго общества потребовали пониженія дивиденда для общаго блага анонимной ассоціаціи? Онѣ работаютъ для владѣльцевъ акцій, несвязаннымъ между собой ничѣмъ. Онѣ—механическіе конгломераты, гдѣ идеалы отсутствуютъ, тогда какъ ассоціаціи труда, это—живыя организаціи, проникнутыя общественной идеей, взаимной помощью и ведущія своихъ членовъ къ общественной эмансипаціи (стр. 142).

Теперь сравните индивидуализмъ такихъ организацій съ ин-

дивидуализмомъ атомистическимъ. Этотъ послѣдній, своимъ раздѣленіемъ труда, приводитъ рабочаго къ мертвому механизму, къ жизни, до такой степени автоматической и спеціализированной, что эта жизнь теряетъ всякую цѣну; тогда какъ индивидуализмъ организованный или сгруппированный свободно по интересамъ, представляющій, такъ сказать, раздѣленіе труда, перенесенное изъ индивидуальной области въ область общественную, даетъ рабочему, — атрофированному спеціализаціей и механичностью его труда, — полноту развитія экономическаго и моральнаго.

Но тутъ возникаютъ вопросы: во-1-хъ, дѣйствительно-ли среди современныхъ рабочихъ существуетъ такое движеніе и на сколько оно сильно, 2) можетъ-ли оно оказать дѣйствительную помощь рабочему классу и какія для этого существуютъ фактическія доказательства, и 3) не можетъ ли оно выродиться въ движеніе, на столько опасное для общества, что правительства принуждены будутъ не только не покровительствовать ему, но и подавлять его?

На всѣ эти вопросы Прэнсъ даетъ вполнѣ успокоительные отвѣты, основанные на фактахъ и цифрахъ. По первому изъ поставленныхъ вопросовъ находимъ слѣдующій отвѣтъ: «повсюду движеніе укрѣпляется и усиливается. Въ Германіи и Австріи оно идетъ сверху, отъ правительства, которое стремится возстановить корпоративные организмы при содѣйствіи и контролѣ государства. Въ первой законъ пытается оживить, какъ для крупной, такъ и для мелкой промышленности профессіональныя группы, подъ названіемъ «Innungen», «Genossenschaften» и т. д. Назначеніе ихъ—усовершенствовать пріемы производства, регулировать обученіе, помогать конкурренціи, создать вспомогательныя кассы, установить «камеры труда» и такимъ образомъ достигнуть рабочаго представительства». «Въ Англіи идутъ другой дорогой. Англичане—враги принудительности, и потому, оставаясь вѣрными принципамъ свободнаго соревнованія всѣхъ въ группировкѣ интересовъ, они прибѣгаютъ къ моральному воздѣйствію, въ силу чего въ Англіи передъ нами является картина правильнаго и непрерывнаго развитія *снизу*. Начиная съ 1875 г., когда рабочія организаціи, освобожденныя отъ патроната, сперва враждебнаго имъ, а потомъ терпѣвшаго ихъ, признаны, наконецъ, закономъ, а рабочая партія получила положеніе въ государствѣ, эквивалентное съ другими партіями, англійскій рабочій союзъ, имѣющій ясно профессіональный характеръ, занятъ всѣми нуждами, всѣми профессіональными интересами и условіями труда; онъ гарантируетъ отъ профессіональныхъ случайностей, болѣзни, старости, несчастій, пріостановокъ работъ; онъ заботится о часахъ отдыха

и развлеченія своихъ членовъ; ему принадлежитъ дисциплинарная юрисдикція; онъ же успѣшно борется противъ алкоголизма.

«Рабочій союзъ,—говоритъ Прэнсъ,—позволяетъ рабочимъ выжидать, бороться съ кризисами, онъ обезпечиваетъ рабочему насущный хлѣбъ, онъ даетъ возможность дѣйствовать успѣшно на повышеніе заработка и на урегулированіе продолжительности труда.»

«Для уніонистовъ дѣло идетъ не о томъ только, чтобы увеличить рабочую плату и сохранить рабочій день, но о томъ, чтобы эти результаты принесли пользу *человѣчному существованію* рабочаго.»

А вотъ и результаты: «Союзы рабочихъ вызвали въ пролетаріатѣ духъ правомѣрности и умѣренности. Ближайшіе изслѣдователи дѣла называютъ ихъ «организмами соціальнаго мира». Напр., на 21-мъ конгрессѣ уніонистовъ въ Бладфордѣ, въ 1888 и 1889 г., сами представители рабочихъ союзовъ настаивали на пользѣ *соглашенія* и требовали устройства камеръ или палатъ для этой цѣли. Въ то же время, представители рабочихъ хлопчатобумажной промышленности проявили замѣчательное благоразуміе, заявивъ, что отъ сокращенія часовъ труда слѣдуетъ пока воздерживаться, въ виду иностранной конкурренціи. Въ Нортумберландѣ союзъ рабочихъ (копей) вошелъ даже въ разсмотрѣніе такихъ вопросовъ, какъ единство интересовъ самихъ рабочихъ и предпринимателей въ повышеніи дивиденда акцій каменноугольной промышленности, такъ какъ этотъ дивидендъ представляетъ меньшую устойчивость, чѣмъ англійская рента, а потому и не можетъ конкуррировать съ ней. И вотъ глава союза, Burt, приглашалъ рабочихъ *содѣйствовать устойчивости акцій* этой промышленности, и т. д.

Въ виду многихъ такихъ фактовъ, сами предприниматели, противившіеся до сихъ поръ рабочимъ союзамъ, теперь относятся къ нимъ благопріятно (стр. 145). Такъ, въ 1884 г., одинъ изъ главъ промышленности желѣзодѣлательной пишетъ: «Я считаю союзы рабочихъ замѣчательной школой для рабочихъ: здѣсь они пріобрѣтаютъ болѣе справедливыя понятія объ отношеніяхъ капитала къ труду».

Другой «хозяинъ», David Dale, писалъ: «Я заявляю формально, на основаніи долгаго опыта, что сильныя рабочія ассоціаціи, съ толковымъ распорядительнымъ комитетомъ, который пользуется довѣріемъ ассоціировавшихся рабочихъ, составляютъ для промышленности—*лучшую изъ гарантій* для того, чтобы заставить въ рабочемъ классѣ господствовать разумность и вѣрность своимъ договорамъ».

«Такимъ образомъ движеніе англійскихъ рабочихъ,—говоритъ

Прэнсъ,—благодаря рабочему союзу, является развитіемъ правильнымъ, эволюціей органической. Рабочіе засѣдаютъ въ бюро комитетовъ соглашенія вмѣстѣ съ хозяевами; эти послѣдніе толкуютъ съ ними какъ съ равными, довѣряя имъ секреты своей фабрикаціи и условія международныхъ рынковъ. И, не смотря на то, что эти люди имѣютъ противуположные интересы, они дебатируютъ добросовѣстно, не поступаясь своими правами, но и не забывая своихъ обязанностей».

Англійскіе рабочіе имѣютъ теперь не только своихъ депутатовъ въ парламентѣ, но и постоянный парламентскій комитетъ, установляющій правильныя отношенія между «рабочими союзами» и палатой депутатовъ. Наконецъ, ежегодный конгрессъ «рабочихъ союзовъ» самъ по себѣ есть временный парламентъ труда, обладающій неоспоримой властью.

Теперь два слова объ опасности этого движенія, которыми обыкновенно пугаютъ публику.

Прэнсъ признаетъ, что среди консервативныхъ рабочихъ союзовъ есть и союзы иного характера, «аггрессивные» (т.-е. наступательные, задорные), какъ ихъ назвалъ Гоуэлль. Эти союзы зародились въ низшихъ слояхъ самаго бѣднаго населенія Лондона и возникли именно въ силу того закона, который изложенъ авторомъ выше, т.-е. закона, состоящаго въ томъ, что, по мѣрѣ группированія и организаціи массъ, бывшихъ до сихъ поръ неорганизованными, выдвигаются изъ тьмы новыя массы, желающія также, въ свою очередь, подняться изъ своего бѣдственнаго положенія. Если эти послѣднія, болѣе раздраженныя группы представляются и болѣе «аггрессивными», то *лишь потому, что онѣ слабы*, что онѣ опираются на элементы наименѣе культурные, въ родѣ носильщиковъ, поденщиковъ ручного труда, вообще рабочихъ безъ образованія и обученія, «Unskilled labour», не имѣющаго ни организаціи, ни предусмотрительности, ни помощи; эта часть рабочихъ поглощена только дневнымъ заработкомъ для непосредственнаго личнаго существованія (147). Явленіе это должно будетъ исчезнуть, по мнѣнію Прэнса, съ того момента, какъ эти отбросы пятаго сословія сдѣлаются сильными, когда они получатъ организацію, когда у нихъ будутъ фонды для поддержки,—тогда явится и умѣренность, и широта взглядовъ старыхъ уніонистовъ. А для достиженія этого имъ предстоитъ теперь даже меньше усилій, чѣмъ пришлось употребить старымъ уніонистамъ, которые прежде выступали также съ угрозами на устахъ, требуя разрушенія общества, а теперь считаютъ цивилизацію, въ которой стали участвовать сами, общимъ достояніемъ націи» (147). Въ настоящее время изъ 6.000.000 рабочихъ

Англіи 2.000.000 объединены въ союзы, представляющіе мирное движеніе [1]).

Такъ какъ моя статья черезчуръ разрослась, то я сообщу лишь нѣсколько цифръ, характеризующихъ возростаніе кооперативнаго движенія въ Европѣ. Дѣло идетъ о коопераціяхъ всевозможнаго характера и типа, въ общемъ имѣющихъ цѣлью обезпечить, улучшить или облегчить жизнь. Болѣе подробныя цифры см. въ ноябрьской книжкѣ «Новаго Слова», въ статьѣ «Заграничная жизнь».

Въ 1862 г. число членовъ такихъ кооперацій было въ Англіи 90.341, въ настоящее время ихъ 1.250.000. Обороты этихъ кооперацій въ тотъ же періодъ возросли съ 40 милліоновъ до 1 милліарда. По изслѣдованіямъ Шульце-Геверницца, эти коопераціи увеличили приходъ англійскихъ рабочихъ на 75.000.000 франковъ въ годъ!

Такой же прогрессъ кооперацiи замѣчается во Франціи: въ концѣ 1894 года здѣсь было 1.089 потребительныхъ кооперативныхъ обществъ. Какъ велики ихъ обороты, видно изъ того, что только 306 изъ этихъ обществъ (давшія полные отвѣты на вопросы, разосланные центральнымъ комитетомъ кооперативнаго союза) имѣютъ 180.000 членовъ и произвели дѣлъ на 74.000.000 франковъ.

И такъ, резюмируя идеи Прэиса, мы видимъ, что, по его мнѣнію, «крайнія теоріи объясняются нищетой; она внушаетъ мысль, что общественное разрушеніе принесетъ счастье всѣмъ. Но если представляется абсурдомъ вѣрить, что общество не должно заниматься бѣдностой и что благосостояніе богатыхъ строится естественно только на бѣдности остальныхъ, то не меньшимъ абсурдомъ является увѣренность, что государство само можетъ уничтожить бѣдность... Это послѣднее убѣжденіе старо, какъ міръ, но исторія убѣждаетъ насъ, при тщательномъ изученіи вопроса, что значительнымъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ общество обязано не государственной помощи и не учрежденіямъ частной благотворительности, а союзамъ, ассоціаціямъ и, между прочимъ, ассоціямъ страхованія».

Личная свобода индивидуума безсильна, если она не прибѣгаетъ къ содѣйствію или такихъ группировокъ, какія организуются въ Германіи государствомъ, или такихъ, какъ свободные рабочіе союзы въ Англіи.

Между прочимъ, авторъ, на стр. 149, упоминаетъ и о рус-

---

[1]) Hector Denis считаетъ цифру соединившихся рабочихъ меньше. См. Парламентскіе протоколы отъ 19 февраля 1895 г., стр. 741.

скихъ артеляхъ, заботы о которыхъ въ послѣднее время показываютъ, по его мнѣнію, что и въ Россіи есть движеніе въ пользу развитія кооперативныхъ ассоціацій.

На этомъ я кончу. По недостатку мѣста, я не могу теперь же разсмотрѣть критически взглядовъ Прэнса и отложу это дѣло до другого раза.

Л. О.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ [1]).

I.

Интересы дня.

Поселяне-художники: скульпторъ Шапю и живописецъ Бретонъ. — Смерть Александра Дюма. — Независимая рабочая партія въ Англіи. —Христіанскіе соціалисты, соціалъ-демократы и фабіанцы.—Богатства Сѣв.-Американскихъ Штатовъ и свадьба герцога Мальборо.

Въ послѣднее время французская пресса обращала большое вниманіе на двухъ поселянъ-художниковъ: Жюля Бретона и Генри Шапю, по поводу мемуаровъ перваго, появившихся сначала въ «Revue Bleue», а потомъ отдѣльнымъ изданіемъ, и рѣчи секретаря академіи художествъ, графа Делабарда, на торжественномъ ежегодномъ засѣданіи этой академіи въ честь Шапю. Оба они не только одинаково происходили изъ народа и достигли своимъ трудомъ и талантомъ славы, но отличались особой реальностью своихъ произведеній—естественный плодъ ихъ близости въ дѣствѣ къ природѣ. Если Бретонъ живъ до сихъ поръ, а Шапю скончался въ 1891 году, то ихъ художественная дѣятельность относится къ одному времени и представляетъ одинаково любопытный примѣръ того, что артистическій талантъ можетъ и въ наше время, какъ въ классическую эпоху итальянскаго искусства, возникнуть въ скромной хижинѣ поселянина. Шапю родился въ селеніи Мэ, близъ города Мелена, въ 1833 году, и его родители были простыми сельскими рабочими; дѣтство его было проведено среди полей и тяжелыхъ крестьянскихъ трудовъ; но взрослымъ мальчикомъ онъ пере-

[1]) Предназначившійся къ этой книжкѣ очеркъ армянскихъ ужасовъ, въ связи съ восточнымъ вопросомъ и европейской политикой, въ виду важности этого вопроса, столь странно комментируемаго нѣкоторой частью нашей печати, вышелъ изъ обычныхъ рамокъ хроники, а потому будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ.

брался съ родителями въ Парижъ, гдѣ его отецъ много лѣтъ былъ привратникомъ въ домѣ графа Де-Вогюе и съ сыномъ котораго, теперешнимъ извѣстнымъ академикомъ, молодой Шапю игралъ въ дѣтствѣ, не подозрѣвая, что подъ старость имъ обоимъ придется засѣдать подъ однимъ куполомъ академіи, хотя и въ различныхъ отдѣленіяхъ. Родители хотѣли сдѣлать своего сына обойщикомъ, а потому, по совѣту одного мастера этого ремесла, онъ былъ сначала отданъ для обученія рисованію въ школу декоративнаго искусства, но тамъ онъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что перешелъ въ школу изящныхъ искусствъ, гдѣ сначала изучалъ гравированіе, а потомъ скульптуру. Хотя онъ получилъ первыя медали въ томъ и другомъ искусствѣ, но отдалъ предпочтеніе скульптурѣ и, проведя нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, сдѣлался однимъ изъ замѣчательныхъ современныхъ французскихъ скульпторовъ. Его главнѣйшими произведеніями считаются статуя Іоанны Д'Аркъ, изображеніе „Юности" на памятникѣ въ честь Генри Реньё и прекрасная фигура сѣятеля, впервые доставившая ему славу. Если въ этомъ послѣднемъ созданіи художественнаго реализма вполнѣ высказалась народная сторона художественнаго таланта Шапю, то всѣ картины его товарища по происхожденію и по академіи, Жюля Бретона, дышатъ этимъ качествомъ, а потому онъ совершенно справедливо назвалъ свои мемуары «воспоминаніями живописца-поселянина» (Souvenirs d'un peintre paysan). Дѣйствительно, онъ не только живописецъ поселянинъ, потому что родился въ деревнѣ, сынъ простого крестьянина и провелъ дѣтство въ сельской обстановкѣ, но и по той причинѣ, что въ искусствѣ остался поселяниномъ, рисуя исключительно сельскіе виды и сцены изъ жизни поселянъ. Самыя извѣстныя изъ его картинъ представляютъ сборъ колосьевъ послѣ жатвы, благословенье полей, первые цвѣты и т. д. Замѣчательно, что и въ поэзіи, которой онъ посвящаетъ свои досуги, Бретонъ также воспѣваетъ поля, деревенскій трудъ и красоты природы. Конечно, его стихотворенія не отличаются геніальностью и въ художественномъ отношеніи много уступаютъ его картинамъ, но онѣ имѣютъ большое значеніе для характеристики Жюля Бретона, какъ художника и человѣка, доказывая воочію цѣльность его натуры и искренность его артистическихъ стремленій, имѣющихъ твердую почву въ природѣ, одинаково выражающейся въ физическихъ красотахъ и трезвой, трудовой народной жизни. Родившись въ Артуа и принадлежа къ крестьянской семьѣ, хотя отецъ его и былъ управляющимъ у богатаго землевладѣльца, Жюль Бретонъ съ дѣтства обнаружилъ страсть къ рисованію и, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, попалъ въ мастерскую одного бель-

гійскаго живописца въ Гентѣ, гдѣ талантъ его развился среди классическаго культа и романтичныхъ стремленій, которые боролись между собой въ живописи того времени. Но любовь къ родинѣ, природѣ и народной жизни удержали его отъ рабскаго подчиненія артистической рутинѣ, и, не смотря на то, что впослѣдствіи онъ сдѣлался очень образованнымъ художникомъ и много путешествовалъ по Италіи и другимъ странамъ, онъ всегда сохранилъ пристрастіе къ своей родной природѣ Артуа и Бретани, которая и была постояннымъ предметомъ его картинъ. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ занимаетъ, какъ живописецъ, видное мѣсто въ реальной школѣ современной французской живописи, среди Коро, Милэ и Руссо, а, какъ поэтъ, служитъ комментаторомъ своихъ художественныхъ произведеній въ простыхъ, но звучныхъ и гармоничныхъ стихахъ, Жюль Бретонъ еще находитъ время писать прозой свои воспоминанія. Первый ихъ томъ вышелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и представляетъ любопытный разсказъ, подъ названіемъ «Жизнь артиста» (La vie d'un artiste), о развитіи его художественнаго таланта въ художественныхъ студіяхъ Бельгіи и Парижа. Наконецъ, во второмъ только-что оконченномъ своемъ произведеніи онъ знакомитъ читателей съ выдающимися эпизодами его дѣтства на лонѣ природы и дальнѣйшаго служенія искусству. Все это онъ разсказываетъ просто, реально и художественно, а потому могъ бы также назвать себя и писателемъ-поселяниномъ, какъ называетъ себя живописцемъ-поселяниномъ.

Недавно умершій въ Парижѣ Александръ Дюма, которому вся европейская печать посвящаетъ безконечное число статей, былъ также сыномъ народа, но народный элементъ не сказался ни одной чертой ни въ его произведеніяхъ, ни въ его жизни. Хотя французы превозносятъ до небесъ этого ловкаго драматурга и считаютъ его создателемъ современной реальной комедіи нравовъ, но, въ сущности, во всѣхъ его произведеніяхъ нѣтъ и тѣни настоящаго реализма, и они представляютъ только искусственное и ходульное, хотя часто остроумное и блестящее, воспроизведеніе на сценѣ не живыхъ людей, не дѣйствительной жизни, а изобрѣтенныхъ авторомъ маріонетокъ, устами которыхъ онъ проповѣдуетъ свои псевдонравственныя теоріи. Эта искусственность, составляющая основу театра Александра Дюма и такъ странно противорѣчащая его происхожденію, потому что онъ былъ сыномъ простой швеи, послужила главной помѣхой къ достиженію имъ своими комедіями тѣхъ высокихъ нравственныхъ цѣлей, которыхъ онъ, будто бы, по его собственному

сознанію, добивался въ нихъ. Онъ корчилъ какого-то проповѣдника нравственности, а никто, даже среди французскихъ драматурговъ, не содѣйствовалъ столько, сколько онъ, воцаренію порнографіи въ современномъ театрѣ; онъ защищалъ святость семейнаго очага и возставалъ противъ продажныхъ женщинъ, губящихъ этотъ очагъ, совѣтуя даже прямо убивать ихъ, какъ недостойныхъ тварей, а вмѣстѣ съ тѣмъ никто не смаковалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ онъ, выведенныхъ имъ на сцену соблазнительныхъ картинъ изъ жизни кокотокъ; онъ взялъ на себя роль пламеннаго врага плотской любви, а никто болѣе его не содѣйствовалъ къ обращенію французскаго театра въ огульное зрѣлище этой самой плотской любви. Такимъ образомъ, подводя итогъ сценической дѣятельности Александра Дюма, выразившейся въ длинномъ рядѣ пресловутыхъ пьесъ: La dame aux camelias, Princesse Georges, La femme de Clode, Les idées de madame Aubray и т. д., нельзя не придти къ тому заключенію, что, въ сущности, онъ не развилъ въ нихъ никакихъ трезвыхъ, нравственныхъ идей, а только помогъ соблазнительными картинами адюльтера, кокотства и т. п. прелестей тому нравственному растлѣнію французскаго общества, которое привело къ седанскому погрому и отъ роковыхъ послѣдствій котораго не можетъ еще отдѣлаться современная Франція послѣ двадцатичетырехлѣтняго существованія республики. Даже смѣшно говорить о реализмѣ и нравственности относительно его пьесъ, такъ какъ, по признанію самихъ его поклонниковъ, весь реализмъ его заключался въ томъ, что, будто бы, впервые на сценѣ его дѣйствующія лица говорили о томъ, что имъ хочется ѣсть или спать, а все ихъ нравственное значеніе состояло въ созданіи слащаваго, сентиментальнаго образа Маргариты Готье, отказывавшейся отъ своей любви изъ угожденія буржуазной морали, не дозволяющей свѣтскому человѣку жениться на падшей женщинѣ, и еще болѣе искусственнаго и ходульнаго типа г-жи Абрэ, которая, напротивъ, совѣтовала своему сыну жениться на падшей женщинѣ. То и другое одинаково далеко отъ настоящей гуманности и человѣчности, которой тщетно было бы искать въ одной сценѣ, въ одномъ дѣйствующемъ лицѣ, или даже въ одной фразѣ всего обширнаго театра Александра Дюма. Конечно, объ его романахъ, изъ которыхъ большая часть передѣлана въ пьесы, и многочисленныхъ брошюрахъ, преимущественно о женскомъ вопросѣ, не стоитъ даже упоминать, такъ какъ въ нихъ нѣтъ даже той внѣшней остроумной и блестящей формы, которую онъ умѣлъ придавать своимъ комедіямъ. Но если, какъ писатель, онъ далеко не заслуживаетъ той славы, которой его стараются окружить легко-

мысленные французы, то, какъ человѣкъ, онъ былъ гораздо лучше проповѣдуемыхъ имъ нелѣпыхъ теорій противъ любви, женщинъ и т. д. Незаконный сынъ знаменитаго романиста, автора Монте-Кристо, и простой швеи еврейскаго происхожденія, онъ питалъ культъ къ своей доброй, любящей матери, которая воспитывала его своимъ трудомъ до тѣхъ поръ, какъ отецъ узаконилъ его, былъ прекраснымъ сыномъ и товарищемъ своего, болѣе чѣмъ легкомысленнаго, но добродушнаго отца и вообще, во всю свою семидесятилѣтнюю жизнь, проведенную среди парижскихъ удовольствій, благодаря нажитому имъ своимъ литературнымъ трудомъ громадному состоянію, онъ, если не дѣлалъ много добра, то никому не причинилъ и вреда. Напротивъ, къ его чести, разсказываютъ много любопытныхъ анекдотовъ и между прочимъ говорятъ, что онъ спасъ одного члена парижской коммуны, выхлопотавъ у Тьера его тайное освобожденіе изъ тюрьмы, хотя онъ публично возставалъ не только противъ коммуны, но даже противъ республики и оставался до послѣдняго времени бонапартистомъ, преданнымъ другомъ принцессы Матильды. Еще болѣе чести ему дѣлаютъ его отношенія къ движенію въ пользу женскихъ правъ. Никогда, не забывая примѣра своей матери, онъ всегда пламенно отстаивалъ гражданскія и политическія права женщинъ, чего, конечно, трудно было бы ожидать въ чудовищномъ проповѣдникѣ теоріи убійства женщинъ, какъ самаго вреднаго элемента въ жизни мужчинъ. Какъ бы то ни было, въ положительномъ или отрицательномъ значеніи, Александръ Дюма представлялъ характеристичную и любопытную личность въ современномъ Парижѣ, а потому неудивительно, что его смерть произвела сильное впечатлѣніе на бульварахъ, хотя парижскій муниципалитетъ вполнѣ раціонально отказался принять участіе въ чествованіи его памяти, ссылаясь на то, что онъ былъ всегда врагомъ республики. Чрезвычайно характернымъ оказалось завѣщаніе Дюма, который выразилъ желаніе, чтобы на его похоронахъ не было ни духовенства, ни солдатъ, на которыхъ онъ имѣлъ право, какъ кавалеръ ордена Почетнаго Легіона, ни рѣчей. Все это было исполнено, и его скромно похоронили на Монмартрскомъ кладбищѣ, близъ могилы Маріи Дюплеси, служившей прототипомъ Дамы съ камеліями. Какъ извѣстно, онъ былъ женатъ два раза: сначала на русской, г-жѣ Нарышкиной, урожденной Кноррингъ, которая умерла въ началѣ нынѣшняго года, а потомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, на разведенной женѣ художника Эскальэ, дочери актера Ренье. Отъ перваго брака онъ имѣлъ двухъ дочерей, которыя обѣ замужемъ. Какъ относительно похоронъ, такъ и по поводу своихъ посмертныхъ сочиненій Дюма

обнаружилъ большую оригинальность въ своемъ завѣщаніи, а именно: онъ запретилъ издавать всѣ рукописи, которыя нашлись бы послѣ его смерти. Такимъ образомъ, давно ожидаемая его новая пьеса La Route de Thebes, которую въ послѣднее время онъ называлъ La Troublante, никогда не появится на театрѣ.

Хотя въ настоящее время во Франціи не только поселяне достигаютъ извѣстности, какъ художники, и сынъ швеи дѣлается знаменитымъ драматургомъ, но представитель крестьянской семьи, Ганото, недавно занималъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, а работникъ-кожевенникъ, Форъ, теперь президентъ республики, все-таки въ этой демократической странѣ не существуетъ такой спеціальной политической рабочей партіи, какъ въ аристократично-буржуазной Англіи. Конечно, на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ 1893 г. подано за французскихъ соціалистовъ 500.000 голосовъ, и соціалистскіе депутаты составляютъ могущественную группу въ настоящемъ парламентѣ, но, строго говоря, они не составляютъ опредѣленной рабочей партіи въ политическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что они распредѣляются на отдѣльныя, враждебныя группы. Напротивъ, англійская независимая рабочая партія, тѣсно сплоченная, исключительно имѣетъ предметомъ интересы рабочихъ, служитъ воплощеніемъ идей Генри Джорджа и, существуя только четыре года, уже съ гордостью можетъ сказать, что всѣ молодыя силы рабочихъ союзовъ стоятъ за нее. Впервые въ настоящемъ году на общихъ парламентскихъ выборахъ она выставила 35 своихъ кандидатовъ, и, хотя ни одинъ изъ нихъ не одержалъ побѣды, въ виду общаго пораженія всѣхъ либераловъ, но за нихъ высказалось очень внушительное меньшинство, именно 50.000 голосовъ изъ общаго числа 350.000 участниковъ баллотировки. Основатель этой партіи будущаго, какъ ее справедливо называютъ англійскіе радикальные публицисты, Керъ Гарди, былъ простымъ рабочимъ; выступивъ на общественное поприще въ 1886 году, онъ образовалъ рабочій союзъ между рудокопами своего роднаго графства Эйръ. Сначала онъ издавалъ газету этого союза «Рудокопъ» (Miner), а потомъ, избранный въ члены парламента, образовалъ свою партію, задача которой—соединить въ одно цѣлое всѣхъ рабочихъ какого бы то ни было политическаго направленія, если только они придерживаются коллективизма. Поставивъ себѣ эту цѣль и имѣя въ виду лишь интересы рабочаго класса, онъ старался занять въ парламентѣ независимое положеніе, не принадлежа ни къ одной изъ политическихъ партій. На послѣднихъ выборахъ онъ потерпѣлъ пораженіе и временно удалился изъ палаты, но, конечно, ненадолго, и какъ только царящая теперь въ Англіи реакціонная волна уляжется,

то избиратели снова возвратятъ Кера Гарди въ залу Св. Стефана. Пока же онъ энергично продолжаетъ свою дѣятельность среди рабочихъ союзовъ и является душой каждой крупной рабочей стачки въ Англіи. Второе мѣсто послѣ него въ независимой рабочей партіи занимаетъ Томъ Мэнъ, по ремеслу простой работникъ, но достигшій, благодаря своей желѣзной волѣ, довольно серьезнаго образованія. Теоретически—онъ ученикъ Мальтуса, а по своимъ мистическимъ стремленіямъ въ религіозномъ отношеніи представляетъ оригинальный типъ соціалиста. Но онъ пользуется такимъ большимъ вліяніемъ среди рабочихъ, что бывшее либеральное министерство сдѣлало его членомъ парламентской комиссіи для разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ, касающихся труда. Еще выдающимися членами этой партіи состоятъ Бенъ Тиллетъ, начавшій свою общественную дѣятельность уличнымъ скитальцемъ, безъ крова и работы, а также миссъ Энида Старси, бакалавръ лондонскаго университета. Это одни изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей рабочаго движенія въ Англіи. Подъ руководствомъ этихъ вожаковъ, независимая рабочая партія быстро растетъ и въ теченіе четырехлѣтняго своего существованія достигла пятидесяти тысячъ членовъ, раздѣленныхъ на триста пятьдесятъ отдѣловъ. Конечно, это очень маленькая кучка, въ сравненіи съ гигантской цифрой англійскихъ рабочихъ, въ числѣ которыхъ только рудокоповъ въ графствахъ Іоркѣ и Ланкаширѣ пятьдесятъ тысячъ, сапожниковъ въ Лейстерѣ—сорокъ двѣ тысячи, плотниковъ въ Манчестерѣ—тридцать семь тысячъ и т. д. Но эта малочисленная армія чрезвычайно крѣпко сплочена и дѣйствуетъ съ необыкновенной энергіей, не зная усталости. Она всюду распространяетъ свои идеи, даже между дѣтьми, и среди этихъ послѣднихъ встрѣчаются такіе ярые рыцари труда, что Керъ Гарди помѣщаетъ ихъ пламенныя статьи по рабочему вопросу въ своей еженедѣльной газетѣ. Если вспомнить, что двадцать лѣтъ тому назадъ за нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ подавало голоса на выборахъ въ рейхстагъ 100.000 человѣкъ, а въ 1893 году эти голоса дошли до цифры—1.800.000, то легко предвидѣть, что въ слѣдующемъ англійскомъ парламентѣ будетъ засѣдать значительная группа представителей независимой рабочей партіи, тѣмъ болѣе, что идеи, поддерживаемыя ею, начинаютъ въ послѣднее время значительно распространяться въ Англіи.

Изъ обществъ, содѣйствующихъ этому рабочему движенію, наиболѣе сроденъ независимой рабочей партіи Соціалъ-Демократическій союзъ. Хоть эта асоціація основана гораздо раньше своей соперницы, но она менѣе многочисленна, благодаря непопулярности среди рабочихъ ея главы, Гиндмана, человѣка очень способнаго и

образованнаго, но не рабочаго по происхожденію и до такой степени безпринципнаго политическаго дѣятеля, что онъ на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ оказывалъ помощь торіямъ. Рядомъ съ нимъ въ этой партіи выдѣляется Гербертъ Буррозъ, чрезвычайно краснорѣчивый ораторъ и пламенный защитникъ женскихъ правъ, благодаря чему онъ привлекъ значительное число представительницъ буржуазіи въ свой лагерь. Что касается до принциповъ, которыми руководствуются обѣ эти ассоціаціи, то они почти одинаковы: та и другая требуютъ восьмичасового рабочаго дня, страхованія рабочихъ на случай болѣзни и старости, всеобщаго дарового воспитанія, прогрессивнаго подоходнаго налога, всеобщей подачи голосовъ, уничтоженія постоянной арміи, уничтоженія палаты лордовъ, національзаціи земли, организаціи промышленности и земледѣлія на кооперативномъ началѣ, уравненія женскихъ правъ и т. д. Однако, не смотря на одинаковость принциповъ, Соціалъ-Демократическій союзъ доводитъ ихъ до крайнихъ предѣловъ и прямо ставитъ своей цѣлью республику, а независимая рабочая партія дѣйствуетъ болѣе умѣренно, болѣе практично. До послѣдняго времени самую выдающуюся роль среди англійскихъ соціалистовъ игралъ Джонъ Борнсъ, членъ парламента и лондонскаго муниципальнаго совѣта, еще шесть лѣтъ тому назадъ простой работникъ, а теперь, по общему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ способныхъ и замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей Англіи, будущій глава радикальнаго министерства. Но обѣ соціалистическія группы съ нѣкоторыхъ поръ отъ него отшатнулись, считая, что онъ, открыто присоединившись къ парламентскимъ либераламъ, нарушилъ ихъ интересы и дѣйствуетъ слишкомъ практически, забывая ихъ принципы. Онъ, съ своей стороны, твердо идетъ по своему пути и всѣми средствами старается соединить въ одно могущественное цѣлое всѣ рабочія ассоціаціи. Хотя это ему еще не удается, но, по словамъ Гизики, [автора статьи объ англійскихъ соціалистахъ въ нѣмецкомъ журналѣ «Die Zeit», довольно посмотрѣть на его могучую фигуру, на его сверкающіе силой и геніемъ глаза, чтобы убѣдиться въ его конечной побѣдѣ надъ всѣми преградами. «Я знаю,—говорилъ Борнсъ нѣмецкому публицисту,—что меня даже въ Германіи считаютъ измѣнникомъ, но нѣмцы не понимаютъ нашего положенія въ Англіи; еслибы я былъ у васъ, то дѣйствовалъ бы какъ Бебель и Либкнехтъ, но здѣсь надо прежде всего добиться вліянія на правительство и взять въ руки его кормило».

Рядомъ съ указанными двумя группами существуетъ въ Англіи еще нѣсколько другихъ ассоціацій того же харак-

тера, но съ болѣе теоретической подкладкой. Джонъ Треворъ основалъ въ Манчестерѣ такъ называемую Церковь Труда, которая проповѣдуетъ, въ одно и то же время, соціалистическія и религіозныя идеи мистическаго оттѣнка. Эта Церковь Труда, издающая особый журналъ, подъ названіемъ «Апостолъ Труда», быстро распространилась по всей Англіи, и на съѣздѣ ея представителей въ 1893 году былъ выработанъ ея символъ вѣры, въ основу котораго положенъ тотъ принципъ, что общество должно быть пересоздано на основаніи вѣры въ Бога и общности имущества, какъ въ первые вѣка христіанства. Самый символъ вѣры этой новой церкви состоитъ изъ слѣдующихъ пяти пунктовъ: 1) рабочее движеніе имѣетъ характеръ религіозный; 2) религія рабочаго движенія не составляетъ секты и не имѣетъ догматовъ, а предоставляетъ каждому право питать такія религіозныя вѣрованія, какія онъ желаетъ; 3) рабочее движеніе не имѣетъ никакого кастоваго характера и стремится соединить всѣ классы кооперацією, имѣющей цѣлью уничтожить рабство заработной платы; 4) освобожденіе труда можетъ осуществиться только подъ условіемъ изученія нравственныхъ и экономическихъ законовъ, данныхъ Богомъ, и искренняго ихъ примѣненія; 5) нравственное развитіе самого себя и улучшеніе общественнаго строя одинаково необходимы для освобожденія людей отъ нравственнаго и соціальнаго рабства. Каждое воскресенье въ храмы Церкви Труда собираются ея прихожане, и въ нихъ проповѣдуетъ всякій, кто желаетъ, безъ различія пола, а также поются религіозно-соціалистическіе гимны. Повидимому, это соединеніе религіи и соціализма приходится по душѣ англичанамъ, и, кромѣ Церкви Труда, существуетъ еще Лига христіанскаго соціализма, основанная пасторомъ Стюартомъ Гедламомъ, который, въ своей церкви, въ лондонскомъ кварталѣ Сого, проповѣдуетъ, что завѣтъ Іисуса Христа прямо примѣнимъ ко всѣмъ соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, если только общество будетъ пересоздано на основахъ истинно христіанскаго братства. Есть еще въ Англіи Христіанско-соціальный союзъ, состоящій подъ главенствомъ дургамскаго епископа и члены котораго преимущественно принадлежатъ къ молодымъ богословамъ Оксфордскаго университета. Они, правда, не называютъ себя соціалистами, но признаютъ, что если христіанинъ станетъ искренно изучать соціальные вопросы, то долженъ придти къ заключенію, что практическая форма христіанства вполнѣ соотвѣтствуетъ соціализму. Такія же соціалистическія идеи, но безъ религіозной подкладки лежатъ въ основѣ Фабіанскаго общества, члены котораго преимущественно агностики. Это об-

щество очень многочисленно, и его членами состоятъ лорды, свѣтскія дамы, профессоры, студенты, выдающіеся представители такъ называемыхъ свободныхъ профессій, и т. д. Программа фабіанцевъ имѣетъ цѣлью преобразованіе общества на основаніи коллективнаго пользованія землей и обращенія частныхъ капиталовъ на общую пользу. До сихъ поръ дѣятельность этого общества чисто научная и теоретическая, а не практическая, и оно на своихъ засѣданіяхъ изучаетъ всѣ экономическіе вопросы съ соціальной точки зрѣнія, а также издаетъ цѣлый рядъ сочиненій въ томъ же духѣ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ обществѣ Гамерсмитскихъ соціалистовъ, которое основано извѣстнымъ поэтомъ Вильямомъ Морисомъ. Онъ самъ и его общество стремятся къ созданію идеальнаго государства, въ которомъ всѣ народы жили бы между собою въ мирѣ, а свѣтъ не зналъ бы болѣе копоти паровыхъ машинъ и тяжелаго, одуряющаго труда. Эта антипатія къ машинамъ доходитъ у Мориса до того, что онъ печатаетъ свои поэмы на ручномъ станкѣ, а его дочь переплетаетъ ихъ.

Недавняя свадьба одного изъ первыхъ аристократовъ Англіи, герцога Мальборо, и дочери одного изъ первыхъ милліонеровъ Америки, Вандербильда, не только возбудила всеобщій интересъ газетными описаніями роскошнаго вѣнчанія и слѣдовавшаго затѣмъ банкета въ нью-іоркскомъ дворцѣ отца молодой, а также ея приданаго въ двадцать милліоновъ долларовъ, но и поставила снова на очередь волнующій, въ послѣдніе годы, американцевъ вопросъ объ ихъ милліонерахъ или билліонерахъ, какъ уже начинаютъ называть преждевременно нѣкоторыхъ изъ нихъ. Дѣйствительно, милліонеръ, составляющій рѣдкое исключеніе въ остальныхъ странахъ, теперь обычное явленіе въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ человѣкъ имѣлъ 25.000.000 фр., а въ настоящее время такихъ богачей болѣе двухъ тысячъ. По разсчету французскаго публициста Вариньи, изслѣдовавшаго на мѣстѣ этотъ вопросъ, сословіе американскихъ милліонеровъ, имѣющихъ свыше пяти милліоновъ франк., состоитъ изъ 31.250 человѣкъ, а общая сумма ихъ богатства 191 милліардъ фр., при чемъ двѣсти человѣкъ имѣютъ свыше 100 милліоновъ, пятьсотъ—свыше 50, тысяча—свыше 25, двѣ тысячи пятьсотъ—свыше 12, семь тысячъ—свыше 5 и двадцать тысячъ—свыше $2^1/_2$. Къ первой категоріи этихъ крезовъ принадлежатъ Асторъ, имѣющій до 40 милліоновъ фунт. стерл., Вандербильдъ, Рекфеллеръ и Блеръ—до 20, Гульдъ—до 15, а Стюартъ, Стандфордъ и Корнеджи—до 10. Хотя всѣ они вмѣстѣ соединяютъ въ своихъ рукахъ $^3/_5$ общаго народнаго богат-

ства, но американскіе милліонеры, за небольшими исключеніями, какъ, напримѣръ, Гульдъ, умѣютъ примирять большинство американскаго народа со своими несмѣтными богатствами. Они не только живутъ широко и, бросая деньги, увеличиваютъ ихъ обращеніе въ торговой и промышленной средѣ, но и жертвуютъ громадныя суммы на общую пользу; такъ, старикъ Вандербильдъ, основатель богатствъ своей семьи, оставилъ послѣ своей смерти 500 милліоновъ франковъ на полезныя общественныя учрежденія; Корнель, Асторъ и Станфордъ выстроили цѣлые университеты, которые стоили десятки милліоновъ, а Пибоди далъ 20 милліоновъ на сиротскій институтъ въ Бальтиморѣ, 15 милліоновъ—на первоначальныя школы въ южныхъ штатахъ и 10—на образцовыя жилища для рабочихъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Означенныя пожертвованія считаются самими жертвователями не благодѣяніями съ ихъ стороны, а исполненіемъ своей прямой обязанности, что высказалъ въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей одинъ изъ нихъ, именно Корнеджи. Онъ не только говоритъ, что монополія богатствъ приноситъ прямую пользу всей странѣ (?), такъ какъ одинъ человѣкъ на тысячу фунтовъ стерлинговъ можетъ сдѣлать болѣе добра, чѣмъ тысяча человѣкъ на одинъ фунтъ; но и подробно пересчитываетъ тѣ полезныя учрежденія, которыя обязаны создавать и поддерживать милліонеры не послѣ своей смерти, а при жизни, именно: университеты, школы, даровыя библіотеки, больницы, лабораторіи, парки, купальни, концертныя залы и т. д. Основываясь на этомъ собственномъ сознаніи самихъ милліонеровъ объ ихъ обязанности дѣлиться съ обществомъ взятыми у него же богатствами, американскіе журналисты радикальнаго оттѣнка въ своихъ статьяхъ о блестящей свадьбѣ дочери Вандербильда смѣло напоминаютъ ему о томъ, что онъ обязанъ идти по стопамъ своего отца и, расходуя сколько угодно милліоновъ на свою дочь, не забывать своего долга относительно всего американскаго народа. При этомъ они остроумно указываютъ, что если американскіе милліонеры забудутъ исполнять этотъ долгъ, чему примѣромъ былъ Гульдъ, то можетъ быть поставленъ на очередь вопросъ о раздѣленіи труда милліонеровъ, причемъ милліонерамъ будетъ предоставлено наживать милліоны, а представители общества возьмутъ на себя исполненіе нарушенныхъ ими обязанностей относительно правильнаго расходованія нажитыхъ ими милліоновъ. Кромѣ этой угрозы, которая въ Америкѣ можетъ легко осуществиться, прогрессистскіе органы американской печати утѣшаютъ своихъ соотечественниковъ относительно несправедливости судьбы, дающей меньшинству такія несмѣтныя богатства и подвергаю-

щей большинство тяжелому, непосильному труду, среди неудовлетворительной жизненной обстановки, тѣмъ соображеніемъ, что вообще весь американскій народъ необыновенно быстро увеличиваетъ свое общее народное богатство. По ихъ словамъ, основаннымъ на статистическихъ цифрахъ, американцы не только представляютъ впервые въ человѣческой исторіи примѣръ націи въ 41 милліонъ образованныхъ гражданъ, но и являются богатѣйшимъ народомъ на свѣтѣ. По переписи 1890 года въ Соединенныхъ Штатахъ было 4.565.000 фермеровъ, которые владѣли землей, скотомъ и имуществомъ на 15.982 милліона долларовъ; такимъ образомъ, каждый изъ нихъ, начавшій хозяйничать съ капиталомъ въ сотню или двѣ долларовъ, имѣетъ теперь, среднимъ числомъ, состояніе въ 3.505 долларовъ. Число новыхъ фермъ, созданныхъ съ 1860 г., достигаетъ 2.520.000, съ 195 милліонами акровъ земли. По достовѣрному разсчету извѣстнаго статистика Мульгаля, четыре американскіе фермера могутъ произвести и сдать булочникамъ такое количество муки, которое прокормитъ въ годъ тысячу человѣкъ, по двѣнадцати унцій въ день. Другими словами, одинъ человѣкъ въ Америкѣ можетъ кормить своимъ трудомъ 250 согражданъ, а въ Европѣ—только 30. При такомъ положеніи дѣлъ, неудивительно, что общее богатство американцевъ превышаетъ на 35% общее богатство англичанъ, и каждый день оно увеличивается на 7 милліоновъ долларовъ.

II.

Между журналами и газетами.

Микробы, какъ распространители всеобщаго братства, и санитарныя реформы.—Въ октябрьской книжкѣ North American Review [1]), американскій ученый и публицистъ, докторъ Эдсонъ, развиваетъ чрезвычайно оригинальную идею о демократической и соціальной роли, которую разыгрываютъ въ современномъ обществѣ микробы. Это своеобразное, остроумное примѣненіе къ общественной этикѣ теоріи Пастёра придаетъ новое соціологическое значеніе санитарнымъ реформамъ, составляющимъ предметъ любопытнаго очерка извѣстнаго англійскаго гигіениста, сэра Бенджамена Варда Ричардсона, въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ Longman's magazine [2]). Обыкновенно увѣряютъ, что богатымъ

[1]) The brotherhood of nations by the microbes, by C. Edson. North American Review. October.

[2]) Past and Ideal sanitation, by sir Bendjamin Ward Richardson. Langman's magazine—July.

людямъ нѣтъ никакого дѣла до бѣдныхъ; но докторъ Эдсонъ доказываетъ краснорѣчивыми фактами, что богатые изъ личныхъ, эгоистическихъ видовъ обязаны заботиться о здоровьѣ и благоденствіи бѣдныхъ. Если бѣдные дурно одѣты и дурно ѣдятъ, то они легко поддаются инфлуенцѣ, холерѣ, тифу и другимъ болѣзнямъ, которыя, принявъ эпидемическій характеръ, переходятъ изъ бѣдныхъ кварталовъ въ роскошныя жилища богачей. Такимъ образомъ, микробы лучшіе проповодники всеобщаго братства. Микробы не уважаютъ никого, и отъ нихъ нельзя избавиться текущимъ счетомъ въ банкѣ, какъ бы онъ ни былъ великъ. Конечно, они имѣютъ менѣе доступа къ людямъ, хорошо живущимъ и хорошо питающимся; но за то люди богатые, и особенно стремящіеся къ увеличенію богатства имѣютъ въ напряженности своихъ нервовъ такое условіе для развитія микробовъ, котораго не вѣдаютъ бѣдняки. Въ этомъ отношеніи, американскіе богачи, преимущественно, по словамъ доктора Эдсона, легко подвергаются роковому вліянію микробовъ, такъ какъ они, въ своей безумной погонѣ за наживой, живутъ одними нервами. Наконецъ нельзя бороться съ эпидемическими болѣзнями иначе, какъ уничтожая ихъ въ томъ ядрѣ, гдѣ онѣ развиваются. Нельзя отдѣлить китайской стѣной бѣдные кварталы отъ тѣхъ частей города, гдѣ живутъ богачи, и если въ первыхъ покажется какая-нибудь эпидемія, то она немедленно грозитъ распространиться и на послѣднихъ. Если богачи желаютъ сохранить свое здоровье, то они обязаны заботиться о здоровьѣ всего народа. Такимъ образомъ, богатый человѣкъ имѣетъ прямой и личный интересъ въ благоденствіи бѣдняковъ. «Богачъ,—говоритъ докторъ Эдсонъ,—сидя въ своей роскошной столовой за изысканнымъ обѣдомъ, не можетъ забывать, что невдалекѣ отъ него умираетъ съ голода бѣднякъ въ отвратительной трущобѣ, такъ какъ недостатокъ пищи бѣдняка и отсутствіе санитарныхъ условій въ его жилищѣ, рано или поздно, должны повести къ появленію эпидемической болѣзни, микробы которой проникнутъ, чрезъ зеркальныя стекла и кружевныя занавѣси, во дворецъ богача. Таково соціальное, демократическое вліяніе микробовъ. Съ первой минуты, конечно, трудно понять, какое отношеніе можетъ имѣть, напримѣръ, американскій милліонеръ къ бѣднымъ, несчастнымъ, невѣжественнымъ русскимъ мужикамъ, а посмотрите, однако, какъ это отношеніе близко и осязательно. Лѣтомъ 1889 года въ пяти русскихъ провинціяхъ случился неурожай и вслѣдствіе этого сдѣлался общій голодъ, причинившій смерть тысячамъ бѣдняковъ. Простая, незначительная болѣзнь, нѣчто въ родѣ гриппа, появилась среди народа, ослабѣвшаго отъ голода, приняла, въ виду дурного питанія,

острый характеръ и подъ названіемъ инфлуенцы быстро перешла въ Германію, Францію и Англію, а оттуда и въ Соединенные Штаты, гдѣ она также поразила сначала лицъ, дурно питавшихся, а затѣмъ уже и богачей, съ переутомленными нервами. Второй подобный примѣръ близкаго соотношенія богачей одной страны съ бѣдняками другой представляетъ распространеніе холеры въ Нью-Іоркѣ въ 1892 году, благодаря тому, что гдѣ-то далеко, въ Персіи, въ Мешедѣ, было необычайное скопленіе народа вокругъ гробницы мусульманскаго святого. Но этотъ послѣдній примѣръ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ, какія побѣды можетъ одерживать наука надъ микробами. Благодаря широкимъ санитарнымъ мѣрамъ, которыя были во-время приняты нью-іоркскимъ муниципалитетомъ, эпидемія была уничтожена въ самомъ зародышѣ, и во всемъ городѣ не было ни одного случая заболѣванія здороваго человѣка отъ микробовъ больного, такъ какъ эти микробы немедленно истреблялись. Если, такимъ образомъ, эпидемія можетъ перенестись съ одного конца міра на другой, отъ бѣдняковъ къ богачамъ, то тѣмъ легче подобный фактъ можетъ совершиться въ одномъ и томъ же городѣ, а потому, если богатые и состоятельные люди все болѣе и болѣе заботятся о благоденствіи бѣдныхъ, то они это дѣлаютъ не изъ человѣколюбія, а изъ прямого, личнаго интереса». Чтобы еще болѣе доказать всю справедливость своего тезиса, докторъ Эдсонъ прибѣгаетъ къ урокамъ исторіи и напоминаетъ, что встарину, когда богатые не заботились о бѣдныхъ и не существовало санитарной науки, свирѣпствовали страшныя эпидеміи, опустошавшія цѣлые города и страны, какъ, напримѣръ, чума въ Лондонѣ при Карлѣ II, или ужасное распространеніе тифа въ XVI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, благодаря отвратительному положенію тогдашнихъ тюремъ. Такимъ образомъ, современные факты, также какъ историческія событія, подтверждаютъ теорію американскаго ученаго о соціальномъ значеніи микробовъ. Съ своей стороны, знаменитый англійскій гигіенистъ и научный популяризаторъ, Ричардсонъ, въ своей интересной статьѣ рисуетъ блестящую картину совершонныхъ уже санитарныхъ реформъ и тѣхъ идеаловъ, къ которымъ должны стремиться новыя попытки по тому же пути. Имѣя въ виду спеціально Англію и Лондонъ, онъ считаетъ необходимыми и хотя теперь еще идеальными, но совершенно возможными реформами: проведеніе канализаціи для стока нечистотъ по всей странѣ вдоль сѣти желѣзныхъ дорогъ, сжиганіе всякаго мусора въ извѣстныхъ центрахъ, устройство для вентиляціи городовъ громадныхъ башенъ съ вытяжными трубами, превраще-

ніе всѣхъ крышъ городскихъ зданій въ сады, запрещеніе держать больныхъ въ частныхъ домахъ, что распространяетъ, главнымъ образомъ, эпидеміи, и учрежденіе особыхъ больницъ-отелей въ маломъ размѣрѣ и, наконецъ, замѣну мясной пищи химической. Въ послѣднемъ отношеніи Ричардсонъ развиваетъ ту логическую теорію, что пора замѣнить лабораторію животныхъ для приготовленія людямъ пищи—химической лабораторіей. «Придетъ, конечно, время,—говоритъ онъ,—когда безъ всякаго затрудненія будутъ химически приготовлять изъ плодовъ земли ту пищу, въ которой нуждается человѣкъ, не прибѣгая къ посредствующей переработкѣ этой пищи въ животныхъ; тогда эта пища будетъ и лучше, и питательнѣе, и дешевле».

Земледѣльческія училища во Франціи и школа-ферма въ Америкѣ.—Новый парижскій журналъ Le Monde Moderne знакомитъ своихъ читателей въ небольшой, но основательно составленной статьѣ Жоржа Вери [1]) съ современнымъ положеніемъ земледѣльческаго обученія во Франціи. Въ послѣднее время французскія земледѣльческія училища достигли большого и успѣшнаго развитія, но ихъ существованіе недолговременно, и всѣмъ благотворнымъ вліяніямъ этихъ училищъ Франція обязана двумъ республикамъ. Въ 1848 году была впервые выработана система національнаго земледѣльческаго обученія, трудами тогдашняго министра земледѣлія Турэ и парламента. Она съ немногими примѣненіями была та же, что существуетъ теперь, имѣла три степени: высшій земледѣльческій институтъ, окружныя земледѣльческія училища и фермы-школы. Дѣло быстро пошло въ ходъ и обѣщало самые успѣшные результаты, но въ 1852 году декабрьская имперія уничтожила высшую земледѣльческую школу, а съ исчезновеніемъ главы строго связанныхъ между собою училищъ сельскаго хозяйства по всей Франціи послѣднія захирѣли и далеко не осуществили возложенныхъ на нихъ сначала надеждъ. Хотя нѣкоторыя изъ окружныхъ земледѣльческихъ школъ и достигли хорошихъ результатовъ, какъ, напримѣръ, школа въ Гриньонѣ, но вообще дѣло, блестяще начатое второй республикой, находилось двадцать лѣтъ въ упадкѣ, и только третья республика съ 1872 года дала ему новый толчокъ. Съ тѣхъ поръ земледѣльческое обученіе во Франціи стало на серьезную научную почву и дало въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ самые утѣшительные результаты. Въ настоящее время существуютъ: Національный Агрономическій Институтъ въ Парижѣ

[1]) L'Enseignement agricole et l'institut national agronomique, par Jeorges Wery. Monde Moderne, Decembre.

съ тремя ветеринарными школами, четыре національныя земледѣльческія училища въ Гриньонѣ, Реннѣ, Монпелье и Версалѣ, одна—національная молочная школа въ Мамиролѣ, одна національная школа земледѣльческой промышленности въ Дуэ, тридцать девять практическихъ земледѣльческихъ школъ, шестнадцать фермъ-школъ, одна школа скотоводства, девять школъ плодоводства и одна школа шелководства. Кромѣ того, учреждены при университетахъ, учительскихъ семинаріяхъ, лицеяхъ и другихъ общихъ учебныхъ заведеніяхъ триста пятьдесятъ двѣ каѳедры сельскаго хозяйства, въ элементарныхъ школахъ введено обязательное обученіе земледѣлію, открыты шестьдесятъ одна земледѣльческая станція и во всѣхъ департаментахъ организованы образцовыя поля. Вся эта обширная система имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду земледѣльческое обученіе тѣхъ 3.318.500 мелкихъ земледѣльцевъ, которые составляютъ всю силу Франціи, а потому во главѣ ея находится Земледѣльческій Институтъ, нѣчто въ родѣ агрономической академіи, гдѣ сосредоточены всѣ столбы теоретическаго знанія; но средоточіемъ ея служатъ практическія земледѣльческія школы, ученики которыхъ получаютъ полное практическое обученіе раціональной обработкѣ земли. Для того, чтобы земледѣльцы могли слѣдить за агрономическимъ прогрессомъ и вести успѣшную борьбу со всѣми врагами сельскихъ работъ, созданы спеціальные профессора агрономіи, которые въ опредѣленное время посѣщаютъ деревни и на мѣстѣ обучаютъ крестьянъ лучшимъ методамъ земледѣлія. Кромѣ того, установлены въ различныхъ мѣстахъ образцовыя поля для знакомства поселянъ воочію съ новыми способами воздѣлыванія земли. Агрономическія станціи изучаютъ мѣстную почву и растительность съ цѣлью примѣнить къ сельскому хозяйству химическія и біологическія знанія. Земледѣльческія лабораторіи обучаютъ поселянъ пользоваться лучшими сѣменами и удобреніями, а также предостерегаютъ ихъ отъ обмановъ въ этомъ отношеніи. Въ спеціальныхъ же лабораторіяхъ изучаютъ болѣзни растеній и способы ихъ лѣченія, а равно способы защиты полей отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Наконецъ, механическія мастерскія контролируютъ земледѣльческія машины. Хотя примѣненіе такой обширной, сложной системы длится только двадцать лѣтъ, но она уже дала громадные результаты, и, съ одной стороны, земледѣліе вообще процвѣтаетъ во Франціи, а съ другой—къ обученію земледѣлію, въ послѣднее время, все болѣе и болѣе привлекаются молодые люди, прежде исключительно стремившіеся въ школы Политехническую и Сенъ-Сирскую. Конечно, большой приманкой для нихъ служатъ значительныя льготы относительно

воинской повинности для учениковъ земледѣльческихъ школъ, въ особенности Высшаго Агрономическаго Института. Въ теперешнемъ своемъ видѣ этотъ Агрономическій Институтъ существуетъ шестнадцать лѣтъ и, при комплектѣ двухсотъ учениковъ, онъ уже выпустилъ пятьсотъ семьдесятъ девять агрономовъ съ дипломами, которые распространяютъ во всей Франціи полученныя въ этой школѣ научныя сельскохозяйственныя свѣдѣнія.

Совершенно иной характеръ имѣетъ ферма-школа, которая устроена недавно въ Кенсико, маленькомъ селеніи, въ одномъ часѣ ѣзды отъ Нью-Іорка и описаніе которой мы находимъ въ статьѣ Джакоба Ріиса въ декабрьской книжкѣ Century Magazine [1]). Авторъ ея, датчанинъ, давно поселившійся въ Америкѣ, извѣстенъ своей энергичной филантропической дѣятельностью, какъ въ литературѣ, такъ и въ общественной жизни. Преимущественно онъ посвятилъ себя образованію бѣдныхъ уличныхъ дѣтей, неимѣющихъ ни крова, ни средствъ къ жизни, и, отыскивая способы, какъ вывести своихъ излюбленныхъ трущобныхъ дѣтей Нью-Іорка изъ ихъ безвыходнаго положенія, Ріисъ уже давно теоретически отстаивалъ устройство школъ-фермъ для подобныхъ дѣтей, доказывая, что онѣ гораздо полезнѣе, чѣмъ ремесленные пріюты, такъ какъ, оторвавъ маленькихъ оборванцевъ отъ губившей ихъ городской среды, онѣ переносятъ ихъ на лоно природы и даютъ имъ здоровое, раціональное обученіе, служащее ступенью для дальнѣйшей ихъ земледѣльческой дѣятельности въ томъ или другомъ уголкѣ еще богатыхъ земель Соединенныхъ Штатовъ. Въ своей новой статьѣ, онъ графически рисуетъ картину подобной фермы-школы, учрежденной въ прошедшемъ году близъ Нью-Іорка заботами Общества для помощи дѣтямъ и на средства щедрой благотворительницы, мистриссъ Вайтъ. Эта ферма-школа пріютила уже семьдесятъ мальчиковъ, изъ которыхъ двое получаютъ содержаніе. По словамъ Ріиса, посѣтившаго это образцовое учрежденіе, всѣ его ученики, недавно еще скитавшіеся бѣдными, испитыми по улицамъ Нью-Іорка, теперь здоровые, работящіе юноши. Они работаютъ въ полѣ подъ руководствомъ опытнаго фермера, занимаются на скотномъ дворѣ и вообще исполняютъ всѣ сельскія работы. При этомъ обращается больше вниманія на то, чтобы они пріучались къ работѣ, чѣмъ чтобы ихъ работа приносила пользу, а потому ихъ не обременяютъ тяжелымъ трудомъ. До сихъ поръ ученики помѣщались во временныхъ постройкахъ, но теперь строится домъ на сорокъ человѣкъ, такъ какъ цѣль этого

[1]) One Way Out, by Jacob A. Riis. Century Magazine, December.

учрежденія держать учениковъ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и пріискивать имъ мѣста на частныхъ фермахъ, какъ только они достаточно научатся земледѣлію, чтобы быть полезными работниками. Въ свободное время отъ сельскихъ работъ они учатся въ классной комнатѣ, по программѣ первоначальныхъ школъ и подъ руководствомъ стараго школьнаго учителя.

Народное вѣче въ Швейцаріи.—Морисъ Мюрэ описываетъ на страницахъ La Vie Contemporaine [1]) современное положеніе швейцарскаго союза—Landesgemeinde, или народнаго вѣча. Эта древняя, первобытная система народнаго самоуправленія во всемъ составѣ населенія, сохранилась только въ шести мѣстностяхъ Швейцаріи, именно: въ двухъ полукантонахъ Аппенцеля, внѣшнемъ и внутреннемъ; въ двухъ полукантонахъ Унтервальдена, верхнемъ и нижнемъ, въ Гларусѣ и Ури. Многіе изъ другихъ кантоновъ, которые еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія имѣли свои вѣча, мало-по-малу замѣнили ихъ представительными собраніями; но существующіе до сихъ поръ Landesgemeindes дѣйствуютъ такъ удовлетворительно и успѣшно, что всѣ мѣстные жители, къ какой бы партіи они ни принадлежали, совершенно довольны ими, и никто не думаетъ объ ихъ уничтоженіи, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ характеръ настоящихъ народныхъ праздниковъ. Они собираются въ прекрасные весенніе дни, въ свободное время, именно въ воскресенье, и всѣ граждане охотно стекаются на сборное мѣсто, подъ открытымъ небомъ. Впрочемъ, явка обязательна, и всякій неявившійся платитъ пеню, доходящую до десяти франковъ въ Аппенцелѣ. Обыкновенно, на этихъ народныхъ собраніяхъ бываетъ около десяти тысячъ человѣкъ, какъ, напримѣръ, въ Трогенѣ, во внѣшнемъ Аппенцелѣ, гдѣ именно Морисъ Мюрэ присутствовалъ на подобномъ вѣчѣ. По его словамъ къ десяти часамъ утра толпа народа сходится съ различныхъ сторонъ на рыночную площадь. По старинному обычаю, члены вѣча, т.-е. всѣ граждане, достигшіе двадцати лѣтъ, являются въ черныхъ сюртукахъ, черныхъ шляпахъ и при шпагахъ. Послѣдній обычай основанъ на томъ, что въ геройскую эпоху борьбы швейцарцевъ за свободу, каждый изъ нихъ былъ воиномъ, и только защитникъ отечества считался достойнымъ принимать участіе во внутреннемъ управленіи страны. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ другихъ народныхъ вѣчахъ Швейцаріи дозволяется носить вмѣсто шпагъ кинжалы, но рѣшительно никто безъ шпаги или кинжала не допускается къ подачѣ голоса. Однако,

[1]) Les Landesgemeindes de la Suisse, par Maurice Muret. La Vie Contemporaine, 1 Juillet.

этотъ остатокъ геройской старины не имѣетъ въ себѣ ничего воинственнаго, и въ дождливые дни многіе швейцарцы идутъ на свое вѣче съ открытыми зонтиками, къ ручкамъ которыхъ прикрѣплены кинжалы. На рыночной площади въ Трогенѣ, въ день вѣча, устраивается эстрада для оффиціальныхъ лицъ, и ровно въ десять часовъ, при колокольномъ звонѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ, являются власти и занимаютъ отведенныя для нихъ мѣста. Эти власти состоятъ изъ прошлогодняго ландемана, т.-е. президента кантона и членовъ государственнаго совѣта, преемниковъ которымъ теперь предстоитъ выбрать народу. Всѣ молча снимаютъ передъ ними шляпы и, среди гробоваго молчанія, засѣданіе открывается рѣчью ландемана. Прежде всего этотъ почтенный сановникъ напоминаетъ избирателямъ, что имъ слѣдуетъ просить у Бога помощи для достойнаго исполненія своихъ обязанностей, и снова всѣ головы обнажаются и въ воздухѣ слышенъ шумъ отъ движенія тысячъ губъ, творящихъ безмолвную молитву. Затѣмъ ландеманъ объявляетъ, что надо приступить къ избранію государственнаго совѣта, т.-е. исполнительной власти въ кантонѣ. Члены этого совѣта не получаютъ никакого содержанія, за исключеніемъ одного ландемана, или предсѣдателя, который получаетъ единовременно отъ ста до двухъ сотъ франковъ въ годъ. Поэтому, на эти должности никто не идетъ охотно, но отказываться отъ избранія нельзя до шестидесятилѣтняго возраста. Каждый избиратель можетъ предложить своего кандидата, и обыкновенно записывается отъ двадцати до тридцати кандидатовъ на семь мѣстъ въ совѣтѣ. Предлагаются эти кандидаты просто, безъ всякихъ формальностей всѣми, кто желаетъ, и ихъ имена записываются секретаремъ, который нѣсколько разъ громко прочитываетъ свой списокъ и спрашиваетъ: «Всѣ-ли у насъ имена? Всѣ-ли заявили своихъ кандидатовъ?» Когда окончательно составленъ списокъ кандидатовъ, то приступаютъ къ баллотировкѣ, которая производится самымъ первобытнымъ образомъ; секретарь заявляетъ: «Кто желаетъ выбрать такого-то, пусть поднимете руку». И всѣ избиратели, сочувствующіе названному кандидату, поднимаютъ руку. Если трудно опредѣлить большинство этимъ способомъ, то пропускаютъ избирателей мимо трибуны, на которой сидятъ власти, и отбираютъ у нихъ голоса. По окончаніи баллотировки объявляется ея результатъ, и подъ звуки музыки новый членъ совѣта всходитъ на эстраду, а его предшественникъ удаляется. По избраніи совѣта, приступаютъ къ выбору ландемана изъ числа его членовъ и тѣмъ же путемъ. Когда, такимъ образомъ, новыя власти замѣнили старыхъ, онѣ принимаютъ присягу. Прежде всего присягаетъ лан-

демань и клянется, что никогда не будетъ пользоваться своею властью иначе, какъ въ интересахъ народа. Затѣмъ присягаютъ члены совѣта и, наконецъ, весь народъ. Этимъ кончается первая часть дѣятельности вѣча, именно избирательная, а потомъ переходятъ къ разсмотрѣнію и принятію новыхъ законовъ. Напримѣръ, въ прошедшемъ году на вѣчѣ въ Трогенѣ былъ предложенъ вопросъ о пересмотрѣ закона, который запрещалъ до тѣхъ поръ публичные танцы въ воскресенье и праздничные дни. Молодежь сильно агитировала передъ вѣчемъ за измѣненіе этого закона, и, послѣ горячихъ преній, вѣче постановило, что разрѣшается танцовать въ новый годъ, въ воскресенье на масляной, въ понедѣльникъ на святой, въ духовъ день и въ первое воскресенье октября мѣсяца. Эта резолюція была встрѣчена общими рукоплесканіями. Затѣмъ разсмотрѣно было еще нѣсколько новыхъ законовъ, изъ которыхъ одни приняты, а другіе отвергнуты, утверждены правительственныя распоряженія за прошедшій годъ и вотированы налоги на будущій. Наконецъ, засѣданіе было закрыто, и толпы разошлись тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что время уже было позднее и съ утра почти безпрерывно лилъ дождь. Все на этихъ народныхъ собраніяхъ, по свидѣтельству очевидцевъ, въ томъ числѣ и Мориса Мюрэ, происходитъ спокойно, мирно и въ полномъ порядкѣ. «Конечно,—говоритъ Мюрэ въ концѣ своей любопытной статьи,—многіе станутъ утверждать, что подобное народное вѣче возможно только въ маленькомъ, чтобы не сказать миніатюрномъ государствѣ, какъ швейцарскій кантонъ въ двѣнадцать или пятнадцать тысячъ жителей, но, во всякомъ случаѣ, самыя крупныя державы могли бы поучиться у швейцарскихъ Landesgemeindes достойному исполненію гражданами своего общественнаго долга и полной терпимости, обнаруживаемой ими ко всякаго рода мнѣніямъ. Ничто не можетъ быть умилительнѣе зрѣлища такого народнаго вѣча. Всѣ его члены знаютъ, что свобода каждаго изъ нихъ не ограничена, а потому никто и не злоупотребляетъ ею. Можно смѣло сказать, что члены швейцарскаго вѣча вполнѣ зрѣлы для своей свободы, и каждую минуту, во время преній на такомъ народномъ собраніи, представляются воочію доказательства той политической и нравственной зрѣлости, которая, еще по словамъ Монтескьё, составляетъ основу республиканскаго управленія.

Журналы и газеты въ Японіи.—Во второмъ ноябрьскомъ нумерѣ Revue des Revues, докторъ Банземонъ, живущій въ Токіо, рисуетъ интересную картину развитія журналистики и ежедневъ-

ной прессы въ Японіи [1]). Только тридцать лѣтъ тому назадъ аптекарь Кишида-Гинкау сталъ издавать въ Токіо первый листокъ на европейскій манеръ, а теперь уже въ имперіи микадо существуетъ четыреста однѣхъ только ежедневныхъ газетъ и двѣсти журналовъ. Шесть главныхъ японскихъ газетъ служатъ органами либеральной и консервативной партій, правительства и оппозиціи, такъ что едва-ли онѣ уступятъ своимъ европейскимъ собратьямъ. Одна изъ нихъ, «Юбинь-Гоши-Шинь-Бунъ», обязана своимъ значительнымъ успѣхомъ многочисленнымъ судебнымъ приговорамъ, которымъ подвергался ея либеральный редакторъ. Подражаніе Европѣ принимаетъ самый разнообразный характеръ, и въ Японіи существуютъ газеты, фельетоны которыхъ такого порнографическаго оттѣнка, что заткнутъ за поясъ любой парижскій бульварный листокъ. Напротивъ, японскіе журналы отличаются большой серьезностью и оригинальностью. Между ними первое мѣсто занимаютъ: «Цвѣтокъ Столицы», «Политика» и «Солнце». Послѣдній журналъ издается недавно, но уже успѣлъ стать во главѣ всей японской журналистики. Его редакторъ, Гакубунканъ, уже прежде издавалъ очень популярный журналъ для юношества «Міръ молодежи» и съумѣлъ придать своему новому литературному предпріятію такую успѣшную форму, что каждая книжка его журнала служитъ какъ бы отголоскомъ интеллектуальной дѣятельности его родины. Возьмемъ, напримѣръ, іюльскій нумеръ «Солнца» настоящаго года и посмотримъ его содержаніе: профессоръ Кумацо Тцубти разсуждаетъ о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ историческимъ матерьяломъ; Кунитака-Куме говоритъ о прогрессѣ нравственности; графъ Тайсуке-Игатаки изучаетъ отношенія Японіи къ другимъ націямъ; Гиропки-Като трактуетъ о вліяніи наслѣдственности и воспитанія; Конлши—юмористически подсмѣивается надъ добрыми сосѣдями Японіи, въ томъ числѣ и русскими; Саикику-Іоно помѣщаетъ разсказъ подъ названіемъ «Вербовщикъ Слезъ»; другіе авторы сообщаютъ читателямъ интересныя свѣдѣнія о японскихъ и китайскихъ поэтахъ, объ интеллектуальномъ развитіи корейцевъ, о системѣ китайскаго воспитанія, о японской торговлѣ, о японскомъ земледѣліи и т. д. Изо всѣхъ этихъ статей наиболѣе животрепещущій интересъ представляетъ картина того умственнаго развитія, которое японцы считаютъ необходимымъ распространить въ побѣжденной ими Кореѣ. Они привлекаютъ сотнями корейскихъ юношей въ Токіо и помѣщаютъ ихъ тамъ въ учебныя заведенія, находящіяся подъ руководствомъ

[1]) Les journaux et les revues au Japon, par le D-r De-Banzemont, Revue des Revues, 15 Novembre.

Фукузавы, отца народнаго просвѣщенія въ Японіи. Этотъ же, уважаемый всею Японіей, общественный дѣятель основалъ недавно особое общество распространенія лучшихъ средствъ для образованія и водворенія благоденствія въ Кореѣ. Въ одномъ изъ недавнихъ собраній этого общества, Отори, бывшій послѣднимъ японскимъ посланникомъ въ Кореѣ, прочелъ лекцію о томъ, что слѣдуетъ уважать обычаи побѣжденной страны и не отпугивать отъ новаго правительства туземцевъ неблагоразумными репрессивными мѣрами. Что касается до употребленія китайской контрибуціи, то какъ Отори, такъ и Фукузава совѣтуютъ посвятить бо́льшую ея часть на народное образованіе Японіи и Кореи, а только небольшую долю отнести на удовлетвореніе національной гордости устройствомъ въ Токіо всемірной выставки. Конечно, по примѣру Европы, и японскій журналъ «Солнце» обращаетъ большое вниманіе на объявленія, и въ томъ нумерѣ его, о которомъ говоритъ Revue des Revues, двадцать страницъ посвящены различнымъ публикаціямъ, которыя напечатаны на разноцвѣтной бумагѣ, съ красивыми иллюстраціями, при чемъ онѣ разбросаны по всему нумеру, между страницами текста. Среди всѣхъ японскихъ журналистовъ наибольшимъ уваженіемъ пользуется указанный уже отецъ народнаго просвѣщенія въ Японіи Юкиши-Фукузава. Онъ издаетъ, при содѣйствіи своего сына, газету «Время», самый распространенный и наиболѣе уважаемый органъ японской печати. Этотъ великій старикъ, какъ его называютъ японцы по примѣру Гладстона, былъ основателемъ и университета въ Токіо. Слава его такъ распространена во всей странѣ, что ему уже поставлена при жизни бронзовая статуя на добровольныя пожертвованія его многочисленныхъ учениковъ. Хотя онъ первый ввелъ въ имперіи микадо подражаніе всему англійскому, но онъ же въ послѣднее время основалъ чисто національное движеніе для замѣны англійскаго и американскаго вліянія японской культурой. Его газета постоянно и усердно проповѣдуетъ, что Японія должна принадлежать японцамъ, и, подъ вліяніемъ этой пропаганды, англійская школа въ Токіо, англійскія книги и вообще англичане перестаютъ играть господствующую роль въ Японіи, а, напротивъ, учрежденъ національный комитетъ изъ тридцати выдающихся японскихъ писателей, въ томъ числѣ извѣстнаго японскаго соціолога, Гироики-Като, ректора университета въ Токіо, для принятія всевозможныхъ мѣръ къ возстановленію чисто національной культуры.

Образцовая англійская колонія.—Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ журнала Англійскаго Королевскаго Географическаго

Общества [1]) напечатанъ отчетъ о засѣданіи этого общества, въ которомъ колоніальный казначей Новой Зеландіи представилъ интересный докладъ о положеніи этой австралійской колоніи въ настоящемъ году. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія въ высшей степени любопытны, такъ какъ эта колонія представляетъ, по выраженію англійскаго публициста Стэрда, царство рабочихъ. Только пятьдесятъ пять лѣтъ, какъ Новая Зеландія, состоящая изъ трехъ большихъ острововъ и маленькаго архипелага, съ 104.471 кв. милями пространства, присоединена къ Великобританіи. Тогда ея туземцы открыто занимались людоѣдствомъ, а теперь она имѣетъ населеніе въ 728.000, изъ которыхъ лишь 50.000 туземцевъ изъ расы маори. Изъ конца въ конецъ ее пересѣкаютъ желѣзныя дороги и телеграфы; общій доходъ всего населенія равняется 27.000.000 фун. стерлин. и половина его получается съ фермъ и копей. Ежегодная цифра промышленнаго производства достигаетъ 9.000.000 фун. стер., а въ мѣстныхъ банкахъ находится вносовъ на 18.000.000. 77% населенія грамотны, и общее число церквей превышаетъ 1.200. По употребленію крѣпкихъ напитковъ, Новая Зеландія занимаетъ среди странъ всего свѣта одиннадцатое мѣсто послѣ Швейцаріи. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ изъ нея вывезено золота на 49.000.000; общая цифра ея народнаго богатства считалась въ концѣ 1894 года въ 150.000.000, а государственный долгъ не превышаетъ 40.000.000, изъ которыхъ пятнадцать употреблены на проведеніе желѣзныхъ дорогъ. Въ Великобританіи считается, что изъ общаго народнаго богатства причитается на каждаго жителя по 248 фун. стер., а въ Новой Зеландіи эта цифра немногимъ меньше, именно 232; но, по выраженію лорда Мита, посѣтившаго эту колонію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тамъ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, такъ какъ всѣ способы пріобрѣтенія богатства принадлежатъ государству. «Въ Новой Зеландіи, по свидѣтельству лорда Онсло, бывшаго тамъ губернаторомъ, государство беретъ ребенка на свое попеченіе при его рожденіи и воспитываетъ его, охраняетъ юношей отъ непосильной работы, содѣйствуетъ рабочему въ отысканіи труда, а въ иныхъ случаяхъ прямо доставляетъ ему работу или землю для обработки, обезпечиваетъ труженика отъ болѣзни и дряхлости и принимаетъ на свой счетъ содержаніе его вдовъ и сиротъ, въ случаѣ неимѣнія ими средствъ къ существованію». Этихъ блестящихъ результатовъ Новая Зеландія достигла въ свое полувѣковое существованіе, конечно, благодаря счастливымъ обстоя-

[1]) Report of the colonial Treasurer of New Zealand, J. Ward. Journal of the Royal Geografical Society, June.

тельствамъ, именно тому, что европейское ея населеніе состоитъ изъ болѣе спокойныхъ культурныхъ эмигрантовъ, чѣмъ въ остальныхъ англійскихъ колоніяхъ, что трезвый рабочій людъ взялъ мало-по-малу верхъ надъ остальными элементами и что въ числѣ ея губернаторовъ, присылаемыхъ изъ Англіи, нашелся цѣлый рядъ благоразумныхъ, раціональныхъ администраторовъ, которые не только не мѣшали развитію ввѣренной имъ колоніи, но всячески этому способствовали. Такимъ образомъ лордъ Онсло, видя на опытѣ, что рабочіе, пріобрѣтя власть, обнаруживаютъ полное сознаніе своей отвѣтственности, сталъ назначать въ верхнюю палату ново-зеландскаго парламента, состоящую изъ сорока шести членовъ, по назначенію отъ губернатора, треть рабочихъ. Что касается до нижней палаты, избираемой общей подачей голосовъ, какъ англійскими колонистами, такъ и туземцами, то въ ней большинство принадлежитъ рабочей партіи, изъ членовъ которой состоитъ и министерство. При такихъ порядкахъ, неудивительно, что въ этой образцовой англійской колоніи спокойно и мирно достигнуты такіе результаты, которые составляютъ еще недостижимую утопію для многихъ, самыхъ цивилизованныхъ государствъ въ Европѣ. Такъ, финансы ея находятся въ блестящемъ состояніи, и она послѣднія пять лѣтъ не дѣлала займовъ; первоначальное воспитаніе обязательное, свѣтское и даровое; всего первоначальныхъ школъ 1.302, среднихъ учебныхъ заведеній 24 и одинъ университетъ; женщины пользуются избирательными правами наравнѣ съ мужчинами и участіе ихъ въ выборахъ упорядочило послѣдніе и доставляетъ большинство голосовъ наилучшимъ, передовымъ людямъ; наконецъ, рабочій и аграрный вопросы разрѣшаются въ Новой Зеландіи такъ раціонально, какъ нигдѣ въ свѣтѣ. Особое вѣдомство завѣдуетъ всѣмъ, что касается труда, а споры между рабочими и хозяевами разрѣшаются обязательно установленными третейскими судами, членами которыхъ состоятъ одинъ делегатъ рабочихъ, одинъ представитель хозяевъ и одинъ чиновникъ по назначенію губернатора, а предсѣдатель—одинъ изъ судей высшаго суда. По принципу, вся земля считается принадлежностью государства, и, хотя самые крайніе радикалы не проповѣдуютъ экспропріаціи крупныхъ землевладѣній, число которыхъ довольно значительно, но постепенно эти крупныя землевладѣнія раздробляются, и пустовавшія земли передаются въ руки мелкихъ ея воздѣлывателей, благодаря системѣ прогрессивнаго поземельнаго налога. Этотъ налогъ былъ введенъ съ цѣлью положить конецъ громадной спекуляціи землей, которую богатые аферисты скупали въ громадномъ количествѣ и оставляли безъ воздѣлыванія, раз-

считывая на естественное увеличеніе ея стоимости, благодаря времени и различнымъ обстоятельствамъ. Если землевладѣльцы недовольны правительственной оцѣнкой ихъ земли, то они вольны уступить ее правительству, которое, съ своей стороны, отдаетъ ее въ аренду на 99 лѣтъ, мелкими участками, съ уплатой ренты, равняющейся 4% цѣнности земли. Одинъ арендаторъ не можетъ имѣть болѣе 100 акровъ земли, хотя-бы въ разныхъ частяхъ колоніи; но сообща нѣсколько арендаторовъ, не менѣе двѣнадцати, могутъ составлять ассоціацію для обработки большого участка отъ 1.000 до 11.000 акровъ. Новые арендаторы освобождены въ первые два года отъ платы ренты и получаютъ ссуду отъ правительства, съ платежемъ 5%, при постройкѣ дома на своемъ участкѣ и обработкѣ первыхъ двадцати акровъ земли, въ количествѣ 20 фун. стер. за домъ и по 2 ф. 10 шилл. за акръ. Такимъ образомъ, мало-по-малу, вся земля въ Новой Зеландіи переходитъ въ собственность государства, а затѣмъ въ пользованіе рабочихъ. Хотя англійскія газеты консервативнаго оттѣнка приходятъ въ ужасъ отъ всего, что дѣлается въ Новой Зеландіи, и грозятъ метрополіи отторженіемъ такой демократической колоніи, но радикалы и въ ихъ числѣ редакторъ Review of Rewies, Стэдъ, напротивъ, указываютъ на эту колонію, какъ на примѣръ, которому необходимо слѣдовать метрополіи, если она желаетъ мирнаго разрѣшенія аграрнаго и рабочаго вопросовъ, надвигающихся мрачной тучей на старую, веселую Англію. Эта полемика особенно усилилась на дняхъ по поводу одного курьезнаго случая съ лордомъ Глазго, который только-что назначенъ губернаторомъ Новой Зеландіи: посѣтивъ сельскохозяйственную выставку въ городѣ Непирѣ, онъ вошелъ въ огороженное мѣсто, гдѣ находился быкъ, получившій первый призъ, но быку не понравилось такое нарушеніе его правъ на свое жилище, и онъ преспокойно, поднявъ на рога губернатора, перебросилъ его черезъ рѣшетку, не причинивъ ему, однако, никакого вреда. Комментируя это безцеремонное обращеніе новозеландскихъ быковъ съ представителемъ Англіи, англійскіе консерваторы глубокомысленно видятъ въ немъ дурное предзнаменованіе и толкуютъ его такъ, что вскорѣ новозеландскіе колонисты также выбросятъ изъ своей страны англійское правительство, какъ быкъ выбросилъ изъ своего жилища его представителя, а либералы, съ своей стороны, усматриваютъ въ постушкѣ этого быка лишь спасительный урокъ англійскому правительству—не нарушать правъ новозеландскихъ колонистовъ, которые, въ случаѣ такого нарушенія, съумѣютъ вернуть его на свое мѣсто, также добродушно и любезно, какъ сдѣлалъ это быкъ относительно лорда Глазго.

Прудонъ о Наполеонѣ I.—Благодаря модѣ на Наполеона, книги

и статьи о немъ и объ его эпохѣ съ каждымъ днемъ размножаются не только во Франціи, но и въ остальной Европѣ и даже въ Америкѣ; при этомъ, конечно, рядомъ съ мемуарами и монографіями, восхваляющими его личность и дѣятельность, появляются и критическіе отзывы о немъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ только-что найденная характеристика Наполеона, составленная Прудономъ. Она хранилась у его вдовы, и теперь, приведенная въ порядокъ Клеманомъ Рошелемъ, впервые обнародована въ послѣднихъ трехъ книжкахъ Nouvelle Revue [1]). Въ сущности, этотъ любопытный очеркъ представляетъ не оконченный, обработанный трудъ, а только систематическое собраніе матерьяловъ и замѣтокъ для сочиненія, которое, въ сущности, никогда не было написано; но и въ этомъ сыромъ, неотдѣланномъ видѣ историческая работа Прудона представляетъ большой интересъ не только потому, что она знакомитъ со взглядомъ знаменитаго передового мыслителя на такую крупную историческую фигуру, какъ Наполеонъ, но и по самому существу этого взгляда, чрезвычайно вѣрнаго и правдиваго, хотя, быть можетъ, слишкомъ рѣзкаго и суроваго. Въ виду этого внутренняго достоинства характеристики Наполеона, сдѣланной Прудономъ, нельзя не пожалѣть, что она является въ такомъ отрывочномъ и неотдѣланномъ видѣ, доходящемъ до того, что въ послѣднихъ частяхъ она мѣстами представляетъ только номенклатуру событій изъ жизни Наполеона и чертъ его характера, на которыя авторъ хотѣлъ обратить свое вниманіе. Но, не смотря на это, все-таки изъ напечатаннаго труда Прудона, даже въ его несовершенной формѣ, рельефно обрисовывается одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ литературныхъ портретовъ Наполеона, имѣющихся въ такомъ изобиліи, благодаря громадной и постоянно возрастающей наполеоновской литературѣ. Съ своей обычной ясностью и опредѣленностью, Прудонъ прямо ставитъ свой тезисъ: для него Наполеонъ—ложный великій человѣкъ, и онъ это доказываетъ съ самой строгой, жестокой логикой. «Онъ не былъ геніемъ своего вѣка,—говоритъ онъ,—какими были Александръ, Цезарь, Константинъ, Хлодвикъ, Карлъ Великій, Густавъ-Адольфъ или Вильгельмъ Оранскій. Даже его нельзя назвать великимъ полководцемъ, такъ какъ за его подвигами и побѣдами слѣдовали самыя ужасныя пораженія. Господство Наполеона началось съ египетской экспедиціи, которую онъ самъ придумалъ и самъ привелъ въ исполненіе, а каковы же были ея результаты: Абу-

[1]) Napoleon I par P. J. Proudhon, Nouvelle Revue, 1—15 Novembre et 1 Decembre.

киръ, Сенъ-Жанъ-Дакръ, Санъ-Доминго, Трафалгаръ—вотъ его дебюты. Березина, Лейпцигъ, Тулуза, Парижъ, Ватерло — вотъ конецъ его карьеры. Его система войны чисто механическая, неимѣвшая ничего живого, вдохновеннаго, стала до того извѣстной его врагамъ, что они научились предугадывать его движенія и въ концѣ концовъ побѣждать его». Переходя отъ общаго къ частному, Прудонъ указываетъ, между прочимъ, на ошибки, сдѣланныя Наполеономъ въ походѣ на Россію: по его мнѣнію, онѣ заключались въ позднемъ выступленіи, въ ненужномъ движеніи за Смоленскъ, въ пребываніи въ Москвѣ, въ нерѣшительности относительно выбора дороги къ отступленію, въ личномъ унынін до Березины, гдѣ, въ виду опасности, онъ впервые встряхнулся, въ оставленіи арміи и въ постоянной несправедливости къ своимъ сподвижникамъ, какъ, напримѣръ, къ Даву. Если, по образному замѣчанію Прудона, составить хронологическій списокъ всѣхъ событій въ исторіи Наполеона и отчеркнуть красными чернилами его ошибки, а желтыми—успѣхи, то послѣднихъ будетъ очень мало, и ихъ вполнѣ недостаточно для того, чтобы оправдать славу этого ложнаго великаго человѣка, а въ сущности чудовищнѣйшаго изъ тирановъ. Если отъ войны перейти къ гражданской дѣятельности Наполеона, то его ошибки или вредныя для Франціи дѣйствія еще болѣе очевидны, и Прудонъ прямо говоритъ, что, какъ государственный человѣкъ, Наполеонъ былъ лишь олицетвореніемъ реакціи, для чего вовсе не требуется никакого генія. Какъ на войнѣ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ, если у него былъ геній, то лишь геній истребленія, а таковой отличается всегда отрицательной силой, т.-е., въ сущности, отрицаніемъ самаго генія. «Не только Наполеонъ ничего не создалъ,—говоритъ Прудонъ,—и все сдѣланное имъ уничтожилось, но даже въ дѣлѣ истребленія онъ не достигъ своей цѣли: Австрія, Пруссія, Россія, Англія и всѣ другія государства, которыхъ онъ хотѣлъ уничтожить, пріобрѣли еще большую силу послѣ его паденія. Политическія ошибки Наполеона такъ часты и такъ многочисленны, что составляютъ цѣлую систему, которая его погубила и благодаря которой нельзя не сомнѣваться въ его геніѣ. Какой же геній тотъ государственный человѣкъ, который постоянно заблуждается на счетъ духа и стремленій своего времени. Поэтому, Наполеона можно назвать только великимъ человѣкомъ навыворотъ (au rebours)». Въ одномъ Прудонъ отдаетъ справедливость Наполеону, именно въ томъ, что онъ всегда былъ логиченъ, такъ какъ только логикой можно объяснить его ошибки и заблужденія. Будучи воплощеніемъ контръ-революціи, онъ логично дѣйствовалъ всегда и вездѣ противъ дѣла, начатаго

французской революціей. Однажды вступивъ на путь реакціи, онъ, съ ужасной логикой, шелъ впередъ отъ одной ошибки къ другой, отъ одного заблужденія или безумія къ другому. Отрицая, чтобы человѣкъ, поступавшій какъ Наполеонъ, былъ настоящимъ геніемъ, Прудонъ очень характеристично указываетъ, что ему дѣйствительно было очень легко сдѣлаться настоящимъ великимъ человѣкомъ: ему стоило быть только Вашингтономъ, не менѣе и не болѣе. «Что бы сдѣлалъ этотъ человѣкъ!—восклицаетъ Прудонъ,—еслибы онъ, принявъ диктатуру только временно и добровольно отъ нея отказавшись, когда въ ней не былобы болѣе надобности, заботился бы о созданіи гражданской свободы, о вѣротерпимости, о нравственномъ развитіи народа, о примиреніи новой совѣсти со старой, о сліяніи человѣка съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ!» Принявшись за свою характеристику Наполеона, съ цѣлью опровергнуть исторію Наполеона, написанную Тьеромъ, который всячески старался возстановить наполеоновскій культъ, Прудонъ, въ концѣ своего труда, говоритъ, что представляющійся ему образъ Наполеона прямо выступаетъ изъ сочиненія самого Тьера. По его словамъ, «этотъ авторъ достигаетъ такого отрицательнаго результата потому, что вся его исторія основана на одномъ громадномъ заблужденіи: онъ старается всячески представить Наполеона геніемъ, а въ результатѣ чтеніе его книги приводитъ къ противоположному выводу. Читая о подвигахъ Александра и Цезаря, никто не сомнѣвается въ ихъ геніѣ и величіи, а читая о Наполеонѣ, невольно приходишь въ сомнѣніе объ его геніѣ». «Если мои критическія замѣтки справедливы,—заключаетъ Прудонъ,—то изъ нихъ можно вывести полезный урокъ для человѣческаго рода, именно, что народы не должны предаваться культу индивидуумовъ, а, напротивъ, обязаны, оставаясь справедливыми и даже снисходительными, никогда безумно не отрекаться отъ своихъ правъ».

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Настоящее обозрѣніе внутренней жизни мы должны начать сообщеніемъ о радостномъ событіи въ семьѣ Государя Императора, о которомъ извѣстилъ Россію слѣдующій *Высочайшій манифестъ*:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ:

Въ 3-й день сего ноября Любезнѣйшая Супруга Наша Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ дочери, нареченной Ольгою.

Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ къ Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Новорожденной.

Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, Любезнѣйшую Нашу Дочь, Великую Княжну Ольгу Николаевну, Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 3-й день ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто пятое. Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*НИКОЛАЙ*».

Земство и города.

Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ обратилось, какъ извѣстно, къ земствамъ съ запросомъ о содѣйствіи къ выясненію нуждъ сельскаго хозяйства и мѣръ къ ихъ удовлетворенію. Запросъ этотъ представлялъ нашимъ земствамъ прекрасный случай высказаться по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни. Однако, лишь немногія земства отозвались настоящимъ образомъ на обращеніе къ нимъ министерства. Большинство ограничилось чисто канцелярскою отпискою, а многія до сихъ поръ не собрались дать какой бы то ни было отвѣтъ. На первый взглядъ такое отношеніе земствъ къ запросу министерства земледѣлія можетъ показаться страннымъ и можетъ быть поставлено имъ въ вину. Однако, объясненіе находится въ отвѣтахъ тѣхъ земствъ, которыя отнеслись въ возбужденному вопросу серьезно, и, ознакомившись съ этимъ объясненіемъ, едва-ли кто искренно рѣшится бросить камень въ наши земства за ихъ равнодушное отношеніе къ обращенію министерства земледѣлія. Мы остановимся здѣсь только на отвѣтахъ двухъ земскихъ собраній текущей сесіи: уѣзднаго ярославскаго и елисаветградскаго, которыя выразили мысли, распространенныя въ земской средѣ.

Ярославское уѣздное земское собраніе заслушало въ засѣданіи 12 октября докладъ управы, составленный именно по поводу обращенія министерства земледѣлія. Обрисовавъ самыми непригляднымъ чертами состояніе сельскаго хозяйства въ уѣздѣ, управа указала, какъ на причину такого положенія вещей, на малоземелье крестьянъ, обремененность земли платежами и невѣжество народное. Земля перестала быть кормилицею—вотъ общій для уѣзда фактъ, отразившійся, между прочимъ, въ народномъ сознаніи такими пословицами, какъ, напр., «отъ земли не будешь богатъ, а будешь горбатъ». Упадокъ земледѣлія привелъ къ распространенію въ уѣздѣ фабрикъ. Фабрика все болѣе и болѣе отнимаетъ руки отъ земледѣлія и кустарничества. Для борьбы съ теперешнимъ положеніемъ вещей необходимы прежде всего мѣры, направленныя къ расширенію площади крестьянскаго землевладѣнія. Губернское ярославское земство дѣлаетъ что можетъ въ данномъ направленіи, выдавая ссуды крестьянамъ для покупки земли изъ 6% на 10 лѣтъ въ размѣрѣ 90% покупной цѣны; но недостатокъ средствъ у земства дѣлаетъ значеніе этой мѣры весьма ограниченнымъ. Необходимъ широкій государственный кредитъ для той же цѣли. Далѣе необходимы продажа населенію казенныхъ оброчныхъ статей, разрѣшеніе крестьянамъ выпаса скота въ казенныхъ лѣсахъ и т. п. мѣры. Необходимо облегчить земли отъ лежащихъ на нихъ высокихъ платежей. Необходимо, для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, самое широкое распространеніе народнаго образованія; въ частности для распространенія сельскохозяйственныхъ знаній управа находитъ необходимымъ разрѣшеніе народнымъ библіотекамъ имѣть въ своемъ составѣ

всѣ сельскохозяйственныя изданія, а не только тѣ немногія, которыя допущены для этой цѣли въ настоящее время, и точно также необходимо, чтобы народныя чтенія по сельскому хозяйству были обставлены менѣе сложными и затруднительными формальностями относительно ихъ разрѣшенія. По поводу этого доклада управы, одинъ изъ гласныхъ, кн. Д. И. Шаховской, высказалъ нѣсколько замѣчаній: все высказанное въ докладѣ хорошо и весьма желательно. Но если земство дѣйствительно желаетъ, по призыву министерства земледѣлія, придти на помощь народному хозяйству, то оно должно взглянуть на дѣло нѣсколько глубже; всѣ мѣропріятія, подобныя проектируемымъ управой, окажутся мало плодотворными, если не будутъ пробуждены энергія и самодѣятельность въ самомъ земледѣльческомъ населеніи. Первымъ условіемъ для этого является поднятіе, какъ общаго умственнаго уровня населенія, такъ и чувства нравственнаго достоинства въ немъ чрезъ уравненіе въ правахъ крестьянскаго сословія съ прочими; первымъ же и прямымъ послѣдствіемъ такого уравненія должна явиться отмѣна тѣлеснаго наказанія для крестьянъ. Министерство обращается къ земству за содѣйствіемъ. Земство желало бы откликнуться на этотъ призывъ со всею готовностью, но условія, въ которыя поставлено оно, дѣлаютъ то, что его дѣятельность далеко не является такою плодотворной, какъ то было бы желательно для благосостоянія мѣстнаго населенія. Земское собраніе, выслушавъ докладъ управы и заявленіе кн. Шаховского, постановило: принять докладъ управы, предложить кн. Шаховскому изложить высказанное имъ письменно и поручить управѣ внести заявленіе Шаховского вмѣстѣ съ своимъ докладомъ на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія.

Елисаветградское земское собраніе текущей сессіи заслушало докладъ гласнаго П. А. Зеленаго, служившій отвѣтомъ на предложеніе министерства земледѣлія. Такъ какъ докладъ этотъ былъ принятъ собраніемъ, то онъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ выраженіе взглядовъ всего земскаго собранія. Докладъ развиваетъ ту мысль, что для развитія земледѣльческой промышленности, какъ и многаго другого, однихъ «хорошихъ словъ» и поощрительныхъ премій—мало. Необходимы привычка къ самодѣятельности, твердая увѣренность и надежда на лучшее будущее, бодрый духъ, предпріимчивость, знаніе, устойчивость и ко всему этому неослабная энергія; а все это теперь въ упадкѣ и возбуждаетъ только недовѣріе и подозрѣніе. Въ поясненіе этой мысли г. Зеленый сослался на отношеніе того же министерства земледѣлія къ земству. «Министерство земледѣлія,—говорится въ докладѣ,—прямо ставитъ на одну доску дѣятельность земскихъ учрежденій сельскохозяйственныхъ обществъ и даже отдѣльныхъ лицъ. Прочтите со вниманіемъ все то, что говоритъ въ печати, въ своихъ отчетахъ, воззваніяхъ и объясненіяхъ это министерство, и вы въ этомъ легко убѣдитесь. А между тѣмъ, если кто можетъ оказать нашему отечеству услугу въ данную тяжкую годину, услугу не бумажную, не одними совѣтами и благожеланіями, а дѣй-

ствительную, на самомъ дѣлѣ,—такъ это живое, недремлющее земство, состоящее изъ тѣхъ же сельскихъ хозяевъ, изъ тѣхъ же земледѣльцевъ, которые страдаютъ отъ настоящаго переживаемаго небывалаго кризиса. Если живая, отзывчивая земская дѣятельность будетъ встрѣчать поощреніе и довѣріе, если на земскія ходатайства и заявленія будетъ обращено должное вниманіе, земское дѣло со всѣми его отраслями (народнымъ образованіемъ, здравіемъ, сельскимъ хозяйствомъ, и пр., и пр.) будетъ развиваться, преуспѣвать, принося свои плоды; но если будетъ отвергаться значеніе земскихъ учрежденій, если ихъ искреннія, откровенныя, по долгу присяги, заявленія будутъ встрѣчать недовѣріе и подозрѣніе, если земство будетъ игнорироваться и только терпѣться,—дѣло улучшенія земледѣлія и сельскаго хозяйства далеко не пойдетъ, такъ какъ одни сельскохозяйственныя общества и отдѣльныя лица вести его впередъ не въ состояніи. Тогда наступитъ апатія, житье спустя рукава, китайская неподвижность и всеобщее постепенное обѣднѣніе и раззореніе. Не забудьте, что уже и теперь не рѣдкость слышать слѣдующее мнѣніе и отъ сельскихъ хозяевъ, и въ обществѣ, по поводу запросовъ министерства земледѣлія: къ чему намъ отвѣчать, къ чему трудиться, обсуждать, стараться выяснять наши нужды и потребности, когда изъ всего этого ничего не выйдетъ; что бы мы, мѣстные жители, ни заявили,—на мнѣнія наши и желанія не обратятъ никакого вниманія, такъ какъ въ Петербургѣ, разсылая вопросы, изготовляютъ обыкновенно рѣшенія по нимъ одновременно съ разсылкой, не ожидая отвѣтовъ. Къ чему же такимъ образомъ ставить себя въ положеніе Донъ-Кихота и стараться отвѣчать по умѣнію и по разуму? Если такой пессимистическій, но имѣющій въ прошедшемъ и настоящемъ свое оправданіе, роковой взглядъ укоренится и возобладаетъ, тогда придется распрощаться со всякой надеждой на лучшее будущее».

И такъ, сознаніе своего безсилія при современномъ положеніи земствъ и отсутствіе увѣренности въ томъ, что ихъ голосъ будетъ имѣть какія-либо практическія послѣдствія,—вотъ причины такого апатическаго отношенія земскихъ дѣятелей къ обращенію министерства земледѣлія, не смотря на то, что это обращеніе затрогиваетъ такой важный вопросъ, какъ вопросъ о нуждахъ нашего сельскаго хозяйства, имѣющаго первенствующее значеніе для нашего отечества изъ всѣхъ отраслей національнаго хозяйства.

Тѣ же причины несомнѣнно побуждаютъ нашихъ земцевъ почти совсѣмъ не касаться на земскихъ собраніяхъ такихъ первенствующихъ вопросовъ нашей экономической жизни, какъ вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ, вопросъ о переселеніи, о внѣземледѣльческихъ заработкахъ, и т. п. Только немногія земскія собранія текущей сессіи посвятили извѣстное вниманіе нѣкоторымъ изъ упомянутыхъ вопросовъ. Единственнымъ изъ такого рода общихъ вопросовъ, вызвавшимъ серьезное вниманіе многихъ земскихъ собраній, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ районахъ Россіи, явился вопросъ о содѣйствіи поднятію цѣнъ на хлѣбъ и вообще о содѣйствіи сбыту хлѣба.

Вопросъ о сбытѣ хлѣба стоитъ въ непосредственной связи съ общимъ вопросомъ о сельскохозяйственномъ кризисѣ. Однако, лишь немногія земскія собранія разсматривали этотъ общій вопросъ и останавливались на выясненіи общихъ мѣръ, способныхъ устранить его. Причина тому уже указана. Но и тѣ земскія собранія, которыя останавливались на вопросѣ о сельскохозяйственномъ кризисѣ, указывали на мѣры, могущія содѣйствовать его устраненію, довольно несистематично, перечисляя лишь часть ихъ и притомъ въ довольно странной связи, смѣшивая общія мѣропріятія съ частными и важныя съ второстепенными. Укажемъ, для примѣра, на постановленіе симферопольскаго уѣзднаго земскаго собранія, которое признало для устраненія кризиса необходимымъ возбудить передъ правительствомъ ходатайства о пониженіи тарифовъ за перевозку сельскохозяйственныхъ продуктовъ по желѣзнодорожнымъ и водянымъ путямъ, объ улучшеніи въ уѣздѣ путей сообщенія, объ уменьшеніи пошлины на земледѣльческія орудія, выписываемыя изъ-за границы, о привлеченіи министерства земледѣлія къ посредничеству въ пріобрѣтеніи населеніемъ сельскохозяйственныхъ орудій, объ измѣненіи межеваго законодательства, объ оставленіи въ Севастополѣ коммерческаго порта, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ податныхъ сословій, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, и о замѣнѣ въ гимназіяхъ греческаго языка естественными науками. Этотъ разнообразный и довольно неожиданный наборъ ходатайствъ является вполнѣ понятнымъ, при томъ настроеніи земскихъ дѣятелей, которое такъ ярко обрисовано въ цитированномъ выше докладѣ гласнаго елисаветградскаго земства, г. Зеленаго.

Несравненно бо́льшее число земскихъ собраній остановилось на болѣе узкой точкѣ зрѣнія въ вопросѣ о сельскохозяйственномъ кризисѣ—на мѣропріятіяхъ практическаго характера, направленныхъ къ расширенію сбыта хлѣба, а еще чаще просто къ подъему цѣнъ на хлѣбъ. Такъ, александровское земство, Екатеринославской губерніи, остановилось на томъ, чтобы попытаться завязать непосредственныя сношенія съ французскими покупателями, причемъ земство играло бы роль коммиссіонера для мѣстныхъ производителей хлѣба, а самый сбытъ производился бы въ видѣ оптовой продажи обезличеннаго хлѣба, который отправлялся бы прямо во Францію, минуя всѣ посредническія руки. Не нужно быть пророкомъ, однако, чтобы предсказать, что попытка эта не пойдетъ далѣе переписки и не будетъ имѣть практическаго значенія. Самарское губернское земство пыталось организовать сбытъ самарскаго хлѣба на нашихъ среднеазіатскихъ рынкахъ. Мысль эта возникла въ прошломъ году, подъ вліяніемъ извѣстій изъ Туркестана о высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Сношенія съ мѣстными дѣятелями выяснили, однако, самарскому земству, что цѣны на хлѣбъ въ среднеазіатскихъ владѣніяхъ сильно колеблятся подъ вліяніемъ размѣровъ мѣстнаго урожая, и что въ нынѣшнемъ году хлѣбъ въ Туркестанѣ стоитъ даже нѣсколько дешевле, нежели въ Самарской губерніи, такъ что разсчитывать на постоянный сбытъ хлѣба изъ Поволожья въ среднеазіатскія владѣнія совершенно не-

возможно. Другія земства и не пытались открывать какихъ-либо новыхъ рынковъ, а останавливаются на мѣрахъ, имѣющихъ цѣлью упорядочить сбытъ хлѣба, такъ чтобы населеніе возможно менѣе теряло при этомъ сбытѣ и получало всю ту цѣну, какую оно можетъ получить, при существующихъ условіяхъ мірового хлѣбнаго рынка. Особенное вниманіе на собраніяхъ текущей сессіи было удѣлено вопросу о покупкѣ хлѣба для казны. Какъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ, для поднятія цѣнъ на мѣстахъ производства хлѣба, для нуждъ, военнаго вѣдомства, производится покупка части хлѣба непосредственно отъ производителей. Затѣмъ, 14 января настоящаго года состоялось Высочайшее одобреніе проекта закупки хлѣба для образованія государственнаго запаса. Для той и другой операціи наши земства привлекаются къ посредничеству, и вопросъ объ этомъ посредничествѣ занималъ вниманіе многихъ земскихъ собраній.

Въ виду особой важности вопроса и выясненія на нѣкоторыхъ собраніяхъ результатовъ опыта покупки хлѣба для казны, мы остановимся на сужденіяхъ нѣсколькихъ земскихъ собраній по этому поводу.

Экстренное самарское губернское земское собраніе въ засѣданіи 9 октября обсуждало вопросъ о покупкѣ для военнаго вѣдомства 600.000 пудовъ ржаной муки. Вопросъ этотъ былъ вызванъ предложеніемъ министерства финансовъ самарскому земству принять на себя поставку для военнаго вѣдомства указаннаго количества ржаной муки. Собраніе не только приняло это предложеніе, но еще постановило возбудить ходатайство предъ министерствами военнымъ и финансовъ о предоставленіи самарскому губернскому земству поставки для военнаго вѣдомства 3 милліоновъ пудовъ ржи. Основаніемъ для собранія къ возбужденію такого ходатайства послужило наблюденіе тѣхъ благопріятныхъ послѣдствій, которыя вызвали закупки хлѣба въ предѣлахъ Самарской губерніи для образованія государственнаго запаса. Закупки эти производились въ Самарской губерніи, начиная съ марта мѣсяца настоящаго года, и оказали замѣтное вліяніе на подъемъ цѣнъ на хлѣбъ. Самарская губернія имѣла въ текущемъ году хорошій урожай хлѣбовъ, но урожай этотъ могъ не принесть совсѣмъ никакой пользы населенію, въ виду того, что болѣе половины хлѣба, собраннаго въ настоящемъ году, еще лежитъ у производителей и не находитъ сбыта. Цѣны, по которымъ продавался хлѣбъ, были крайне убыточны. Когда же начались вышесказанныя закупки хлѣба, для чего на Самарскую губернію было ассигновано 1.200.000 рублей, цѣны на хлѣбъ поднялись на 5—10 копеекъ на пудъ, причемъ выиграли не только тѣ, кто продавалъ хлѣбъ для государственнаго запаса, но и всѣ производители, сбывавшіе хлѣбъ на рынкѣ, такъ какъ подъемъ цѣнъ былъ общій. Когда въ маѣ временно были пріостановлены покупки для правительства, цѣны на хлѣбъ сразу упали на 10—15 копеекъ на пудъ и снова поднялись при возобновленіи покупокъ. Въ виду всего этого, собраніе, кромѣ принятія по-

ставки для военнаго вѣдомства 600.000 пудовъ ржаной муки и ходатайства о предоставленіи самарскому земству новой поставки для нуждъ военнаго вѣдомства 3 милліоновъ пудовъ ржи, постановило возбудить ходатайство о продленіи покупокъ для государственнаго запаса и объ увеличеніи средствъ, отпущенныхъ на данный предметъ.

Въ Саратовской губерніи, еще 23 января настоящаго года, губернское земское собраніе постановило взять въ руки земства покупку хлѣба для правительственнаго запаса. Покупки стали производиться съ апрѣля вольской уѣздной управой, съ мая—петровской, аткарской и балашовской, съ сентября—камышинской и саратовской и съ октября—сердобской. Результаты покупокъ повсемѣстно были одни и тѣ же, какъ удостовѣряетъ губернская земская управа въ своемъ докладѣ экстренному губернскому земскому собранію, собиравшемуся въ октябрѣ: въ пунктахъ, гдѣ производились земскія покупки, цѣны на рожь сразу поднялись до установленныхъ правительствомъ нормъ и частные скупщики покупали рожь даже съ надбавкою противъ земской цѣны; гдѣ же земскихъ покупокъ не было, цѣна стояла на 7—10 копѣекъ за пудъ ниже земской цѣны. Бывали такіе случаи, что на томъ или другомъ базарѣ въ нѣкоторые дни земство не покупало хлѣба, и цѣны тотчасъ падали на 7—10 копѣекъ на пудъ. Хотя всего на покупку хлѣба для правительства было отпущено на Саратовскую губернію 600 тыс. рублей, покупки эти дали возможность населенію продать по повышенной цѣнѣ многіе милліоны пудовъ зерна. Вообще, выгоды, получившіяся отъ правительственныхъ покупокъ чрезъ земство хлѣба, рисуются саратовскимъ земцамъ на столько значительными, что между ними высказывалась даже мысль о томъ, чтобы земство приняло производить покупки хлѣба и за свой счетъ и рискъ. Были даже предложенія обратить всѣ земскіе капиталы въ зерно, причемъ такая операція представляется авторамъ предложенія несравненно болѣе выгодною, нежели держаніе земскихъ спеціальныхъ капиталовъ въ процентныхъ бумагахъ, такъ какъ, при наступленіи высокихъ цѣнъ на хлѣбъ—земство, по мнѣнію авторовъ предложенія, получитъ несравненно большій процентъ отъ сбыта закупленнаго хлѣба. Предложенія эти, однако, остались безъ послѣдствій, хотя и были встрѣчены сочувственно на съѣздѣ предсѣдателей земскихъ управъ Саратовской губерніи, подготавливавшемъ вопросы для обсужденія на экстренномъ земскомъ собраніи.

Извѣстія объ удачномъ веденіи земствомъ закупокъ хлѣба для правительства въ Поволжьѣ широко распространились въ земскихъ кругахъ, и потому, когда возникаетъ вопросъ о производствѣ закупокъ въ губерніяхъ, гдѣ таковыя еще не производились, земства весьма охотно берутъ на себя посредничество между населеніемъ и правительствомъ. Надо, однако, сказать, что не вездѣ очарованы данною мѣрою и кое-гдѣ на земскихъ собраніяхъ текущей сессіи слышались и скептическіе отзывы о значеніи правительственныхъ закупокъ хлѣба. Такъ, въ докладѣ очередному

елецкому земскому собранію, управа категорически высказалась въ томъ смыслѣ, что правительственныя закупки не оказали никакого вліянія на существующія цѣны на хлѣбъ. Управа полагаетъ даже, что правительственныя закупки имѣли отрицательное значеніе, такъ какъ солидные комерсанты, помѣщавшіе свои капиталы въ хлѣбную торговлю, въ настоящее время воздерживаются отъ пріобрѣтенія запасовъ хлѣба, не зная, какое будетъ дано назначеніе государственному запасу, и опасаясь, чтобы онъ въ моментъ могущаго быть подъема цѣнъ не былъ выброшенъ на рынокъ. Въ виду этого спросъ на хлѣбъ сокращается, и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ является паденіе цѣнъ.

Въ числѣ разныхъ другихъ мѣръ, которыя предлагались на земскихъ собраніяхъ текущей сессіи для поднятія цѣнъ на хлѣба, заслуживаетъ вниманія, по своей оригинальности, предложеніе гласнаго орловскаго уѣзднаго земскаго собранія, г. Стеллинга. Авторъ предложенія доказывалъ, что низкія цѣны на хлѣба, держащіяся въ послѣдніе годы, зависятъ вовсе не отъ перепроизводства зерна въ мірѣ, какъ это полагаютъ многіе, а исключительно отъ того, что хлѣбъ сдѣлался, какъ и всякій другой товаръ, предметомъ спекуляціи. По мнѣнію г. Стеллинга, въ настоящее время даже чувствуется недостатокъ въ количествѣ производимаго въ мірѣ зерна, что доказывается, между прочимъ, недостаточнымъ питаніемъ населенія во многихъ странахъ. Чтобы уничтожить зависимость хлѣбныхъ цѣнъ отъ спекуляціи и поднять ихъ, авторъ предложенія предлагалъ создать такую организацію хлѣбной торговли, при которой весь хлѣбъ продавался бы въ Россіи не иначе, какъ чрезъ коммиссіонерское посредничество государственнаго банка, такъ чтобы «наше министерство финансовъ было дѣйствительнымъ хозяиномъ рынка, т.-е. чтобы, помимо этого дѣйствительнаго хозяина рынка, ни одинъ пудъ зерна не могъ бы быть проданъ ранѣе извѣстнаго времени и за безцѣнокъ», а все зерно продавалось бы только тогда, когда это всего болѣе выгодно производителю. Проектъ этотъ, очевидно, явился отголоскомъ стремленій германскихъ аграріевъ, мечтающихъ о государственной монополіи въ хлѣбной торговлѣ и опредѣленіи государствомъ минимальныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Предложеніе г. Стеллинга было отклонено орловскимъ земскимъ собраніемъ всѣми голосами противъ одного его собственнаго.

Къ числу попытокъ земскаго воздѣйствія на сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ принадлежитъ, какъ извѣстно, попытка елецкаго земства сосредоточить мѣстную хлѣбную торговлю въ земскомъ элеваторѣ. Въ свое время элеваторами увлекались многія земства, но, къ счастью, всю горечь перваго неудачнаго опыта пришлось вынесть лишь одному елецкому земству. Какъ выяснилось на послѣднемъ зем. собраніи, дѣла элеватора находятся въ печальномъ положеніи. Земство затратило на элеваторъ болѣе 100 тысячъ рублей и затѣмъ ежегодно несетъ на немъ значительный убытокъ, сумма котораго возрасла къ настоящему времени до 75 тысячъ рублей слишкомъ. Послѣдній операціоный годъ, т.-е. 1894—95, далъ слѣдующіе ре-

зультаты: приходъ по эксплоатаціи 27.058 рублей, расходъ по эксплоатаціи 34.940 рублей, % на погашеніе сооруженія 4.778 рублей и % на затраченный капиталъ 7.468 рублей, что и даетъ въ итогѣ дефицитъ въ 20.128 рублей. Въ виду такого положенія вещей, собраніе постановило принять мѣры къ продажѣ элеватора.

Попытки воздѣйствовать на хлѣбный рынокъ и поднять цѣны на немъ, чтобы, такимъ образомъ, сдѣлать сельское хозяйство болѣе выгоднымъ, къ счастью, не отвлекаютъ земства отъ другой, едва-ли не болѣе плодотворной работы, состоящей въ содѣйствіи населенію разнаго рода имущественнымъ кредитомъ. Формы этого кредита весьма разнообразны, и такого рода содѣйствіе мѣстному хозяйству дѣлается все болѣе и болѣе обычнымъ въ дѣятельности нашихъ земствъ. Сюда должно быть прежде всего отнесено содѣйствіе въ пріобрѣтеніи населеніемъ живого инвентаря—лошадей и коровъ. Мѣра эта только-что начинаетъ практиковаться нѣкоторыми земствами и первоначально была примѣняема лишь въ видѣ временной мѣры противъ послѣдствій голода 1891 года. Какъ извѣстно, въ этомъ и слѣдующемъ году нѣкоторыя земства посылали довѣренныхъ лицъ покупать лошадей въ юго-восточныхъ степяхъ и затѣмъ раздавали въ кредитъ купленныхъ лошадей безлошаднымъ хозяевамъ. Нашлись и такія земства, которыя ввели данную мѣру уже въ качествѣ постоянной отрасли своей дѣятельности. Укажемъ для примѣра на два земства. Вятское уѣздное земство начало практиковать мѣру продажи лошадей крестьянамъ въ разсрочку съ 1891 года. Всего съ этого времени по 1895 годъ продано 288 лошадей такому же числу домохозяевъ, изъ затраченныхъ на это денегъ заемщиками уплачено уже 2.782 рубля, а остальная сумма состоитъ еще въ долгу. Въ виду такого успѣха дѣла, земское собраніе текущей сессіи ассигновало на данный предметъ на будущій годъ 6.000 рублей. Еще успѣшнѣе идетъ дѣло въ елисаветградскомъ земствѣ, которое выступило на данный путь лишь съ 1892 года. Здѣсь всѣ долги населенія по данной операціи погашаются съ чрезвычайной быстротой и безнедоимочно, въ виду чего земское собраніе текущей сессіи предоставило управѣ пользоваться для означенной операціи кредитомъ въ государственномъ банкѣ до 75 тыс. рублей. Вологодское уѣздное земское собраніе текущей сессіи постановило снабжать въ кредитъ коровами мѣстныя сыроварныя артели. Мѣры этой мы еще коснемся въ одной изъ послѣдующихъ хроникъ, при обозрѣніи земскаго содѣйствія разнаго рода промысламъ.

Гораздо болѣе распространено земское содѣйствіе обзаведенію населенія улучшенными сельск. хозяйств. орудіями, улучшенными сѣменами и скотомъ. Особенно широко развито содѣйствіе населенію въ пріобрѣтеніи улучшенныхъ орудій. Въ настоящее время лишь немногія земства не практикуютъ этой мѣры. Какъ извѣстно, эта сторона дѣятельности вызывала два прямо противоположныхъ отношенія къ себѣ въ нашей печати: одни чрезмѣрно увлекались этою стороною земской дѣятельности и превозносили ее, какъ

способную оказать чрезвычайное вліяніе на сельскохозяйственную технику населенія, а другіе строго осуждали ее, видя въ этой мѣрѣ содѣйствіе со стороны земства насажденію кулачества, увеличенію розни между болѣе бѣдною и болѣе зажиточною частью населенія. Широкое распространеніе данной отрасли земской дѣятельности, привлеченіе къ ней все новыхъ и новыхъ земствъ и расширеніе дѣла въ тѣхъ земствахъ, которыя занялись имъ ранѣе другихъ, показываетъ, что сами земскіе дѣятели далеко не опасаются предполагаемыхъ вредныхъ послѣдствій данной мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, земскіе дѣятели и не приписываютъ данному дѣлу того чрезвычайнаго значенія, какое иногда придавалось ему въ печати. И едва-ли точка зрѣнія, на которой стоятъ земскіе дѣятели, не является самою истинною. Несомнѣнно, что дѣло снабженія населенія улучшенными орудіями и притомъ въ кредитъ, безъ котораго населеніе не было бы въ состояніи пріобрѣтать этихъ орудій, представляетъ собою дѣло скромное, но весьма полезное.

Остановимся на дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ въ данной области. Тимское земское собраніе текущей сессіи ассигновало 300 рублей для устройства помѣщенія склада земледѣльческихъ орудій и машинъ, 3.000 рублей для пріобрѣтенія самыхъ орудій и машинъ и 1.000 рублей на выписку косъ. Въ прошломъ году для перваго опыта на продажу косъ было отпущено всего 300 рублей, и опытъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Косы, выписанныя прямо съ завода, быстро были разобраны населеніемъ, являвшимся въ управу со всего уѣзда. Въ будущемъ году выписанныя косы предполагается разослать по волостнымъ правленіямъ. Камышинское земство начало опытъ снабженія населенія улучшенными орудіями въ прошломъ году. Всего продано было населенію въ кредитъ 74 плуга однолемешныхъ и 93 двухлемешныхъ. Спросъ былъ такъ великъ, что въ нынѣшнемъ году земское собраніе ассигновало на данный предметъ уже 10.000 рублей, причемъ поручило управѣ произвести опытъ изготовленія при помощи мѣстныхъ кустарей 1.000 плуговъ. Нижегородское губернское земство заказало одному заводу близъ г. Вильны 20.000 косъ, причемъ заказъ этотъ придется еще увеличить, такъ какъ отъ волостныхъ правленій получено требованій уже болѣе, чѣмъ на 30.000 косъ. Земству косы обойдутся съ доставкой отъ 28 до 75 копеекъ, между тѣмъ какъ доселѣ населеніе платило за такія же косы отъ 75 к. до 1 р. 50 к. Царицынское земское собраніе ассигновало 2.000 рублей на устройство склада земледѣльческихъ орудій. Вятское уѣздное земское собраніе ассигновало на покупку земледѣльческихъ орудій и машинъ для продажи въ кредитъ 10,000 рублей, а также 400 рублей на пріобрѣтеніе улучшенныхъ сѣмянъ для продажи ихъ по заготовительной цѣнѣ и предоставило управѣ кредитоваться съ тою же цѣлью у сѣмяноторговцевъ на 1.000 рублей. Валуйское земское собраніе постановило открыть складъ орудій и машинъ съ тѣмъ, чтобы онъ продавалъ предметы населенію въ разсрочку, на что не-

прашивается въ государственномъ банкѣ ссуда въ 25 тыс. рублей. Брянское земское собраніе ассигновало 3.000 рублей на устройство склада земледѣльческихъ орудій. Саратовское земство устроило складъ земледѣльческихъ орудій и улучшенныхъ сѣмянъ уже два года назадъ. Складъ работаетъ довольно успѣшно (однихъ сѣмянъ посѣвныхъ травъ было продано въ настоящемъ году на 834 рубля). Особенность склада составляютъ, во-первыхъ, пять отдѣленій склада, устроенныхъ въ разныхъ пунктахъ уѣзда, и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что въ немъ, кромѣ земледѣльческихъ орудій, продаются и разныя мелкія орудія, необходимыя въ крестьянскомъ быту, какъ, напр., топоры, лопаты, ножи и др. Сердобское земство открыло складъ орудій 15 марта 1894 года. За первый же годъ своей дѣятельности складъ произвелъ операцій на 7.415 рублей. Земское собраніе текущей сессіи, въ интересахъ распространенія въ населеніи улучшенныхъ орудій, постановило, кромѣ продажи въ разсрочку, давать крестьянамъ орудія еще въ безплатное временное пользованіе.

Какъ ни смотрѣть на экономическую дѣятельность нашихъ земствъ, несомнѣнно, что она служитъ выраженіемъ сознанія нашими земскими дѣятелями обязанности работать въ интересахъ поднятія благосостоянія населенія. Если отъ земской дѣятельности мы обратимся къ дѣятельности нашихъ городскихъ управленій, то здѣсь мы замѣтимъ скорѣе уже отсутствіе такого сознанія. Къ этому предмету мы, однако, обратимся въ слѣдующій разъ.

Я. Абрамовъ.

Школьный вопросъ на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ Нижегородской губерніи.

Убѣдившись въ шаткости и недостаточности школъ грамоты и желая открыть хотя-бы нѣсколько правильно-организованныхъ и обезпеченныхъ земскихъ школъ, я пыталась убѣдить крестьянъ нѣкоторыхъ селеній составить приговоръ объ открытіи у себя такой школы и о постройкѣ для нея помѣщенія, съ маленькой помощью со стороны. Въ шести крупныхъ селахъ это мнѣ удалось, и осенью 1894 г. земскія собранія: арзамасское, сергачское и княгининское согласились открыть школы въ тѣхъ мѣстахъ, откуда представлены были приговоры. Но постановка дѣла, при которой открытіе школы зависитъ отъ случайнаго содѣйствія посторонняго лица, представлялась мнѣ непормальной. Я узнала по опыту, что, при всей потребности въ школѣ, среди сельскихъ обществъ легко можетъ не найтись человѣка, способнаго и склоннаго взять на себя починъ въ общественномъ дѣлѣ, и изъ этого вполнѣ ясно вытекало, что роль иниціатора въ открытіи земскихъ школъ несомнѣнно должна принадлежать самому земству и что земство, кромѣ того, обязано придти на помощь сельскимъ обществамъ,

при постройкѣ ими школьныхъ помѣщеній, посредствомъ дешеваго или дарового кредита, такъ какъ на сельскихъ сходахъ именно единовременный крупный расходъ на постройку смущаетъ нерѣшительныхъ и ожесточаетъ противниковъ школы. Воспользовавшись списками населенныхъ мѣстъ и списками уже открытыхъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, я разсчитала, что въ Арзамасскомъ уѣздѣ необходимо было бы открыть нормальныя школы еще въ 19 пунктахъ и филіальныя отдѣленія школъ или школы грамоты въ 48 уединенныхъ и имѣющихъ менѣе 300 м. душъ селеніяхъ. Я разсчитала еще, что, при наличности въ Арзамасскомъ уѣздѣ 319.000 дес. подлежащей земскому обложенію земли, на расходы по открытію всѣхъ недостающихъ школъ придется увеличить существующій уѣздный земскій сборъ въ среднемъ всего только на 2 или 3 к. съ десятины. Зная, что о необходимомъ количествѣ школъ и о размѣрахъ ихъ содержанія многіе имѣютъ смутныя и преувеличенныя представленія, что сильно вредитъ выполненію поставленной задачи, я составила для арзамасскаго земскаго собранія записку, въ которой излагалось все вышесказанное и предлагались еще нѣкоторыя мѣры, могущія способствовать распространенію начальнаго обученія.

По образцу этой записки составила я записки и для сосѣднихъ уѣздовъ, въ которыхъ, какъ и въ Арзамасскомъ, я устраивала школы грамоты, имѣя субсидіи отъ губернскаго и трехъ уѣздныхъ земствъ. Всѣ пять записокъ были доставлены предсѣдателямъ уѣздныхъ собраній съ просьбой разсмотрѣть ихъ въ мѣстныхъ училищныхъ совѣтахъ и доложить земскимъ собраніямъ. Я познакомилась затѣмъ съ обсужденіемъ школьнаго дѣла на собраніяхъ и хочу теперь подѣлиться съ читателемъ своими впечатлѣніями, какъ матерьяломъ для сужденія о современномъ положеніи школьнаго дѣла и о существующихъ по отношенію къ нему настроеніяхъ.

Прежде всего остановимся на Лукояновскомъ уѣздѣ. Этотъ наиболѣе населенный и обширный изъ уѣздовъ Нижегородской губерніи страдаетъ страшнымъ безлюдьемъ. Настоящіе земцы всегда были въ немъ крайне малочисленны, а послѣ введенія новаго земскаго положенія они окончательно впали въ уныніе и болѣе или менѣе добровольно стушевались. Выборы гласныхъ отъ дворянъ самою силою вещей упразднились: на избирательные съѣзды собираются одни члены господствующей партіи, и, такъ какъ число ихъ ниже числа гласныхъ, требуемаго правилами, на основаніи количества дворянскаго землевладѣнія въ уѣздѣ, то имена ихъ безъ всякой баллотировки вносятся въ списки гласныхъ. Тутъ фигурируютъ и всѣ герои печальной памяти голоднаго года, и нѣкоторые, повидимому, совершенно равнодушные къ земскому дѣлу земскіе начальники и даже нѣкоторыя прямотаки невѣдомыя личности; а рядомъ съ этими 11-ю или 12-ю представителями мѣстнаго дворянства засѣдаютъ депутаты отъ города, духовенства, отъ казны и отъ удѣла, да столько же, приблизительно, гласныхъ-крестьянъ, назначенныхъ губернаторомъ изъ числа кандитатовъ, избранныхъ волостями, по рекомендаціи, большей частью, предводителя или земскихъ начальниковъ.

Такіе, уже угодившіе «господамъ» и впередъ готовые угождать, гласные крестьяне вообще довольно рѣдко рѣшаются на сколько-нибудь самостоятельный образъ дѣйствій; въ Лукояновскомъ же уѣздѣ они особенно безгласны; результатомъ такого состава собранія не можетъ не быть застоя во всѣхъ земскимъ дѣлахъ, и если въ уѣздѣ и замѣтно движеніе, то развѣ только движеніе назадъ. Въ прошломъ году, на основаніи моей записки, постановлено было ходатайствовать передъ правительствомъ о дозволеніи земству открывать школы грамоты и просить губернское земство о выдачѣ ссудъ на постройку школъ, а училищный совѣтъ—о составленіи плана нормальной сѣти училищъ; были приняты нѣкоторыя мѣры къ улучшенію существующихъ школъ; наконецъ, рѣшено ходатайствовать объ изъятіи учениковъ народныхъ школъ отъ тѣлеснаго наказанія. Но, по причинѣ-ли несочувствія вліятельныхъ гласныхъ, или по небрежности секретаря, нѣкоторыя изъ этихъ постановленій, состоявшись на словахъ, не были вписаны въ журналъ и остались безъ послѣдствій. Но все же сдѣлано нѣсколько робкихъ шаговъ впередъ. Въ настоящемъ же году для народнаго образованія не сдѣлано ничего, за исключеніемъ небольшого увеличенія суммы, ассигнованной на церковныя школы. На одномъ изъ предшествовавшихъ земскому собранію засѣданій лукояновскаго училищнаго совѣта была прочитана моя записка объ открытіи училищъ въ 20, имѣющихъ болѣе 300 м. д. и неимѣющихъ ни земской, ни церковно-приходской школы, селеніяхъ уѣзда. Но училищный совѣтъ не счелъ возможнымъ согласиться хотя бы даже съ тою элементарной истиной, что открытіе новыхъ земскихъ училищъ въ лишенныхъ какой бы то ни было школы селеніяхъ было бы *желательно*... И съ тѣмъ же убійственнымъ равнодушіемъ отнеслось къ дѣлу народнаго просвѣщенія лукояновское земское собраніе. Представленный депутатомъ отъ удѣла, г. Порватовымъ, планъ нормальной сѣти училищъ хотя и былъ одобренъ въ принципѣ, но на приведеніе его въ исполненіе не было ассигновано ни копейки; отказано было и въ небольшомъ увеличенія жалованья учителямъ, и въ пособіи на открытіе двухклассной школы въ заштатномъ городѣ Починкахъ, хотя, при 7.000 жителей, тамъ нѣтъ школы, кромѣ начальной.

О судьбѣ прошлогодняго ходатайства относительно отмѣны тѣлеснаго наказанія для лицъ, кончившихъ курсъ начальнаго училища, предсѣдатель не позволилъ даже и говорить; на всякое самое скромное предложеніе въ пользу школъ и образованія раздавались крики: «Нѣтъ! Не надо! не хотимъ!» Слышались самыя злобныя и нелѣпыя нападки на учителей земскихъ школъ, и въ концѣ концовъ единственный ихъ поборникъ и защитникъ, г. Порватовъ, забаллотированъ былъ въ члены училищнаго совѣта... При прежнемъ земскомъ положеніи, при прежнихъ земскихъ дѣятеляхъ, въ уѣздѣ открыто было болѣе 40 школъ. Но нужно открывать новыя школы, нужно значительно улучшить существующія, а между тѣмъ теперешній училищный совѣтъ—*противъ* открытія училищъ, а земское собраніе—*противъ* земскихъ школъ!.. И уѣзду съ двумя городами, съ громадными селами, населенными 200.000

даровитаго и трудящагося русскаго народа, суждено коснѣть въ невѣжествѣ, хотя гнетъ послѣдней чувствуется всѣми лучшими элементами сельскаго люда все сильнѣе и болѣзненнѣе.

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и въ Сергачскомъ уѣздѣ. Среди сергачскаго дворянства несомнѣнно есть люди, живо сочувствующіе народному образованію, но не меньше есть и нелюбящихъ школы, а гласные крестьяне почти такъ же безмолвны и пассивны, какъ и въ Лукояновскомъ уѣздѣ, и среди нихъ уже не видно А. И. Епифанова, ревностно служившаго земскому дѣлу въ теченіе 25 лѣтъ, долгое время бывшаго предсѣдателемъ управы, а въ этомъ году неутвержденнаго губернаторомъ даже и въ званіи гласнаго. Въ уѣздѣ хороша врачебная часть, хороши дороги и почтовыя учрежденія; школы тоже поставлены гораздо лучше, нежели въ Лукояновскомъ уѣздѣ, но ихъ всего только около 20, и число ихъ почти не увеличивается. Мѣстами открыты получающія субсидію отъ земства церковно-приходскія школы, но на послѣднемъ собраніи обнаружилось, что получавшая субсидію ачкинская церковная школа уже 2 года не дѣйствуетъ, а двѣ другія школы хотя и существуютъ, но назначеннаго имъ отъ земства пособія изъ мѣстнаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта не получаютъ. На собраніи вскользь замѣчено было и то, что 8 школъ грамоты, которыя учреждены были мною и на которыя ассигновано земствомъ 120 р., получили всего только 15 рублей. Объ этихъ странныхъ явленіяхъ гг. гласные поговорили съ нѣкоторымъ кроткимъ недоумѣніемъ, но принять сколько-нибудь рѣшительныя мѣры не нашли нужнымъ, и въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ была вновь ассигнована прежняя сумма. Послѣ того прочитана была моя записка, въ которой перечислены 33 неимѣющія школы селенія и предлагалось открыть училища сперва въ 13 селахъ, имѣющихъ болѣе 500 мужскихъ душъ, а затѣмъ постепенно и въ остальныхъ, имѣющихъ отъ 300 до 500 м. д.

Заключавшіяся въ запискѣ предложенія встрѣтили со стороны многихъ гласныхъ сочувствіе и поддержку, но они же возбудили и энергію противной стороны. Хотя трудно предположить, чтобы нужный на содержаніе 13 новыхъ училищъ ничтожный добавочный сборъ, въ размѣрѣ менѣе, нежели 1 копейки съ десятины въ среднемъ, могъ кого-нибудь обременить, но въ собраніи раздались давно извѣстныя, приводящія въ уныніе безпристрастнаго слушателя, рѣчи о томъ, что расходъ на школы раззорителенъ для плательщиковъ, что крестьяне слишкомъ бѣдны, чтобы нуждаться въ школѣ, и что они могутъ сами открыть школу, если она имъ нужна. Одинъ изъ гласныхъ (если не ошибаюсь, бо́льшую часть года проводящій за границей) рѣшился даже заявить, что все другое—врачи, больницы и даже ветеринары—полезнѣе для народа, нежели школы...

Говорились самыя странныя, нелогичныя, противорѣчащія одна другой вещи, и не была только высказана единственная, лежащая въ основѣ всѣхъ этихъ разсужденій, мысль, что говорящему совершенно безразлично, бу-

дутъ-ли крестьянскія дѣти расти по-прежнему въ грязи, грубости и безпросвѣтной тьмѣ, или имъ дана будетъ хоть нѣкоторая возможность кое-чему научиться, кое-что узнать...

Въ концѣ концовъ предсѣдатель собранія предложилъ на баллотировку вопросъ: остаться-ли при прежней системѣ, т.-е. открывать школы тамъ, гдѣ «развившееся въ крестьянахъ самосознаніе» побудитъ ихъ къ составленію соотвѣтствующаго приговора, съ принятіемъ на себя расходовъ по постройкѣ помѣщенія, или же принять систему, изложенную въ запискѣ, и, такъ сказать, «наталкивать» крестьянъ на открытіе школъ? За послѣднее встали пятеро дворянъ, городской голова, представитель удѣла *и одинъ крестьянинъ*. Остальные пятеро дворянъ, и въ томъ числѣ уѣздный губернскій предводитель дворянства, остались неподвижны; въ виду такого примѣра, очевидно, не смѣли подняться съ мѣста и остальные восемь крестьянъ. И такъ, рѣшено было остаться при прежней «выжидательной» системѣ, и вопросъ признанъ исчерпаннымъ.

Рѣчи и рѣшенія на этихъ двухъ плачевныхъ, по своимъ результатамъ, собраніяхъ представляются мнѣ особенно характерными, когда я вспоминаю свой разговоръ съ ямщикомъ, везшимъ меня темной осенней ночью по донельзя разбитой, еще не покрытой снѣгомъ, но уже крѣпко скованной морозомъ убійственной дорогѣ, большимъ нижегородскимъ трактомъ. Телѣжка усиленно прыгала по замерзшимъ кочкамъ, колокольчикъ прерывисто позванивалъ, изможденныя лошади выбивались изъ силъ, а ямщикъ неутомимо подбадривалъ ихъ ласково возбуждающимъ крикомъ. Долго ямщикъ пытался ѣхать рысью, но тряска была совершенно невыносима и мы, наконецъ, поневолѣ потащились шагомъ. Ямщикъ обернулся ко мнѣ бокомъ, закурилъ и разговорился. Свѣтъ отъ папироски освѣщалъ по временамъ его худощавое лицо съ бородкой, крупными чертами и простодушнымъ выраженіемъ. Онъ говорилъ съ охотой и пространно, нѣвучнымъ голосомъ, съ остротами и шутками, съ «барскими», «умными» словечками». Онъ разсказалъ, что родомъ онъ изъ Пензенской губ., работалъ прежде на чугунныхъ заводахъ и уже 14 лѣтъ ѣздитъ ямщикомъ, дѣлая по 40, по 80 и даже по 120 верстъ въ сутки. Затѣмъ онъ перешелъ какъ-то къ школѣ и ученью. «Вотъ недавно опять на своей сторонѣ побывалъ... Ужъ и сѣръ народъ у насъ! Такой-то народъ сѣрый—ничего не понимаетъ! Живетъ, какъ дѣды живали, да только и знаетъ: «спа-а-сибо, ка-ар-милецъ», «какъ велишь, ка-ар-милецъ»,—и шапку снимаетъ, только издали барина увидитъ. Не то, что здѣсь... Здѣсь народъ «нравный»! Ты сперва походи за нимъ, а тутъ ужъ опъ и сдѣлаетъ по-твоему... У насъ не то... Сѣро у насъ! И вотъ еще на счетъ училищъ больно плохо!... И не то, чтобы не желали,—очень даже желаютъ, и всякаго примутъ, кто бы имъ что устроилъ, и гдѣ заведены училища, тамъ отъ ребятишекъ отбою нѣтъ... Только плохо, больно плохо... ...И мало училищъ, и которыя есть—плохи... Гдѣ дьячекъ или дьяконъ учитъ—

задастъ ребятамъ урокъ, а самъ уйдетъ, а они, вмѣсто ученья, на кулачкахъ дерутся; онъ придетъ, да за вихоръ ихъ оттаскаетъ, а они расплачутся, да больше и не идутъ... А если и ходятъ которые—все толку нѣтъ... И посылаютъ родители, и очень даже желаютъ, чтобы какъ слѣдуетъ выучить, да толку-то нѣтъ... Ну, гдѣ учитель есть—лучше, и въ земскихъ училищахъ—все получше; только тоже не вездѣ... Нѣтъ, плохо у насъ... А желали бы, очень бы желали... Только глупый народъ, ничего самъ не можетъ...

— Да развѣ у васъ, кромѣ крестьянъ, и людей нѣтъ? Что же они не похлопочутъ?

— Да что имъ хлопотать-то? Съ темнымъ народомъ развѣ имъ не лучше? Умный за себя постоитъ, а надъ глупымъ—что хочешь, то и дѣлай...—И словоохотливый собесѣдникъ на мгновеніе пріумолкъ, а затѣмъ опять началъ разсказывать о заводахъ, и о томъ, что на заводахъ училища очень даже хороши, да только мѣста въ нихъ не хватаетъ, и ученія всего-то три года, а могли бы учиться и вдвое дольше, потому что дѣлать нечего, полевой работы нѣтъ, а на заводскую раньше 14 лѣтъ не принимаютъ... И мнѣ потомъ часто приходили въ голову его разсказы, и то, какъ онъ много разъ повторялъ: «Надо бы, ужъ такъ-то бы надо! Желали бы,—очень бы желали!...» Въ его отрывистыхъ, то веселыхъ, то грустныхъ, нерѣдко какъ будто противорѣчивыхъ, но несомнѣнно искреннихъ рѣчахъ какъ-то особенно ярко отражалась во всѣ вѣка существовавшая въ народѣ, но только недавно и не совсѣмъ еще ясно сознанная, а потому какъ будто бы новая глубоко человѣческая потребность человѣческихъ существъ въ болѣе сознательной и осмысленной жизни. Представленіе о грамотѣ и знаніи, какъ о могучемъ орудіи въ борьбѣ за болѣе человѣческое существованіе, несомнѣнно будетъ переходить въ соотвѣтствующія дѣйствія,—и школы будутъ открываться даже въ Сергачскомъ, даже въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Но врядъ-ли для гг. лукояновцевъ желателенъ тотъ взглядъ на нихъ, который неизбѣжно укоренится въ населенія, подъ вліяніемъ ихъ непростительнаго своекорыстія.

Записка объ открытіи недостающихъ 23 земскихъ школъ и о другихъ, могущихъ способствовать народному образованію мѣрахъ, была мною представлена также и предсѣдателю княгининскаго уѣзднаго земскаго собранія. Хорошо зная, что земство всегда можетъ, если захочетъ, отказаться отъ содѣйствія народному образованію, и тѣмъ болѣе можетъ, вмѣсто предлагаемыхъ мѣръ, принять другія, болѣе цѣлесообразныя, я, однако, никакъ не ожидала, что самое прочтеніе моей записки встрѣтитъ затрудненія. Но пришлось убѣдиться, что предсѣдатель собранія не считалъ возможнымъ допустить чтеніе моего доклада—въ виду мнѣнія о моей школьной дѣятельности духовнаго вѣдомства. Мнѣ крайне трудно было уяснить себѣ, какимъ образомъ постановленіе нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта о воспрещеніи мнѣ дѣятельности по открытію школъ грамоты можетъ слу-

жить препятствіемъ къ прочтенію въ княгининскомъ земскомъ собраніи составленной мною записки объ открытіи земскихъ школъ; но такъ какъ мнѣ напомнили, что предсѣдатель имѣетъ право допускать или не допускать къ обсужденію предложенія постороннихъ лицъ, то я сочла за лучшее не давать повода къ пререканіямъ, взяла записку обратно и уѣхала изъ Княгинина до начала собранія. Но спустя нѣсколько дней я получила извѣстіе о неожиданномъ успѣхѣ школьнаго дѣла въ княгининскомъ земствѣ. Стараніями гласныхъ, сочувственное отношеніе которыхъ къ дѣлу народнаго образованія было мнѣ извѣстно, собраніе вотировало все, чего только можно было желать, и даже больше того, что предлагалось въ моей запискѣ. Рѣшено не только перейти отъ старой системы къ новой и открывать школы тамъ, гдѣ онѣ нужны, но и давать ежегодно по 3.000 руб. на постройку школьныхъ зданій и поручить управѣ выработать планъ нормальной сѣти училищъ для всего уѣзда, съ цѣлью введенія въ немъ всеобщаго обученія.

Въ концѣ октября состоялось и ардатовское земское собраніе.

Я пріѣхала въ Ардатовъ уже въ серединѣ сессіи. «Собраніе», очевидно, было въ городѣ вопросомъ дня; въ залѣ засѣданій всѣ свободныя мѣста заняты были публикой и совсѣмъ не видно пустыхъ скамеекъ, какъ въ Сергачѣ, или сиротливо *стоящей* въ углу кучки слушателей, какъ въ Лукояновѣ. Ясно было и то, что гласные, не исключая и крестьянъ, живо интересуются рѣшеніемъ предстоящихъ вопросовъ, и что въ числѣ ихъ главное мѣсто занимаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ о народномъ образованіи. Въ уѣздѣ имѣется нѣсколько заводовъ, и эти маленькіе жизненные центры замѣтно вліяютъ на все мѣстное населеніе. Благодаря, главнымъ образомъ, заботамъ покойнаго А. Н. Карамзина, земскія школы въ уѣздѣ поставлены весьма хорошо; ихъ теперь уже около пятидесяти, и число ихъ не перестаетъ расти. Прекрасныя школы устроены и на заводахъ; могли бы быть хороши и церковно-приходскія школы, получающія отъ земства довольно значительную субсидію, но о нихъ рѣчь впереди. Въ настоящую сессію на собраніи поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ библіотекъ на условіяхъ, предлагаемыхъ петербургскимъ Комитетомъ грамотности. Недавно избранный предводитель, человѣкъ новый въ уѣздѣ, предложилъ отказаться отъ участія Комитета и добавилъ, что считаетъ открытіе библіотекъ въ деревняхъ излишнимъ, такъ какъ русскій народъ малограмотенъ и нѣкоторыя книги для него опасны. «Мы,—сказалъ онъ,—дѣло другое, но крестьянъ и *дѣтей* нечего отравлять вредными сочиненіями». Мнѣніе это вызвало горячій протестъ со стороны всѣхъ прочихъ гласныхъ, которые энергично защищали изданія Комитета, указывая, между прочимъ, на разрѣшеніе цензуры и одобреніе инспекціи народныхъ училищъ. Дѣйствительно, странно было слышать, что для малограмотнаго русскаго народа опасны невинныя книжки, могущія пріохотить его къ чтенію. А еще болѣе странно было слышать огульное сопоставленіе крестьянъ и дѣтей на собраніи, въ которомъ участвовали съ пра-

вомъ голоса и гласные-крестьяне, и представители заводскаго населенія; въ присутствіи публики, среди которой не мало было видно крестьянскихъ кафтановъ и деревенскихъ простыхъ и скромныхъ, но ничуть не дѣтскихъ лицъ. Мнѣ снова вспомнился мой ямщикъ и вспомнилось еще обиженное личико молоденькой ученицы воскресной школы, при которой одинъ посѣтитель высказалъ мнѣніе, что дѣвушкамъ изъ народа нужна только грамота, четыре правила ариѳметики и молитвы, а грамматика и географія излишни... Ардатовское земское собраніе, очевидно, не раздѣляло мнѣнія, что крестьяне составляютъ особую породу людей, для которыхъ можетъ быть вредно то, что полезно не для крестьянъ. Не смотря на высказанныя возраженія, постановлено было открыть въ уѣздномъ городѣ библіотеку-читальню. Моя записка была прочитана и передана въ коммиссію, которая признала «чрезвычайно желательнымъ» открытіе школъ во всѣхъ намѣченныхъ пунктахъ. Въ распоряженіе училищнаго совѣта на учрежденіе и содержаніе новыхъ школъ, вмѣсто прежнихъ 1.000 руб., ассигновано было по смѣтѣ почти 4.000 р. Такимъ образомъ, размѣръ всей ассигновки на народное образованіе въ Ардатовскомъ уѣздѣ достигъ 21.000 слишкомъ рублей, между тѣмъ какъ въ Сергачскомъ уѣздѣ тратится на этотъ предметъ всего только отъ 7—8 тысячъ, а въ гораздо болѣе населенномъ Лукояновскомъ уѣздѣ около 11.000.

Однако, цѣлости школьнаго бюджета въ Ардатовскомъ уѣздѣ угрожала одно время не малая опасность. Предсѣдателемъ собранія внесено было предложеніе объ открытіи при школахъ ремесленныхъ классовъ и объ ассигновкѣ на нихъ 2.000 руб. изъ числа предоставленной въ распоряженіе училищнаго совѣта суммы. Въ предложеніи говорилось, что потребность въ начальномъ обученіи до извѣстной степени удовлетворена; что грамотные, тщетно ища себѣ мѣста писаря, поневолѣ возвращаются къ сохѣ и забываютъ ученіе, и что ремесленные классы были бы полезны для заводовъ и экономій, а крестьянамъ обезпечивали бы хорошій заработокъ. По прочтеніи предложенія, гласный К—въ обратилъ вниманіе собранія на то, что заводы и экономіи имѣютъ полную возможность устроить ремесленные классы, если они имъ полезны; земство же должно заботиться объ интересахъ всей массы населенія и не увлекаться посторонними задачами, когда и главная цѣль далеко еще не выполнена и потребность въ начальномъ обученіи, согласно самому предложенію, удовлетворена лишь до извѣстной степени. Во время преній указывалось еще и на то, что возвратъ къ сохѣ грамотнаго является совершенно закоснымъ и естественнымъ, и что вполнѣ надежнымъ средствомъ для того, чтобы грамота не забывалась, служитъ устройство сельскихъ библіотекъ. Затѣмъ замѣчено было, что въ уѣздѣ имѣется еще 17 селеній, лишенныхъ всякой школы и что необходимо обезпечить ихъ училищами, прежде чѣмъ тратить 2.000 р. на содержаніе ремесленныхъ классовъ. По производствѣ закрытой баллотировки, предложеніе предсѣдателя было отклонено значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Но самыя оживленныя пренія и наибольшее волненіе публики вы-

звалъ вопросъ о субсидіи церковно-приходскимъ школамъ. Въ пространной и сильной, обоснованной цифрами и примѣрами рѣчи гласный К— въ сравнилъ состояніе земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, говоря, что ему, какъ члену обоихъ училищныхъ совѣтовъ, хорошо извѣстны и тѣ, и другія. Онъ указалъ на то, что дешевизна церковно-приходскихъ школъ лишь кажущаяся, такъ какъ школа безъ учителя и помѣщенія не выполняетъ своего назначенія, а церковная школа съ порядочнымъ учителемъ и помѣщеніемъ стоитъ ровно столько же, сколько и земская. Затѣмъ въ рѣчи указывалось на то, что, не смотря на пособіе отъ земства, многія церковно-приходскія школы существуютъ только въ отчетахъ, а другія находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, и въ нихъ совершенно незамѣтно того усиленно-религіознаго направленія, которое имѣлось въ виду, при ихъ учрежденіи; напротивъ, именно по закону Божію познанія учениковъ часто особенно слабы, и это вполнѣ объясняется тѣмъ, что священникамъ нѣтъ времени заниматься самимъ, а замѣнить ихъ въ церковной школѣ некому. Настаивая на томъ, что успѣшное преподаваніе закона Божія вполнѣ возможно и въ земской школѣ, г. К—въ добавилъ: «вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, странно: учитъ священникъ и въ земской школѣ, но религіозно-нравственнаго направленія въ ней якобы не получается, а придетъ тотъ же самый священникъ въ школу церковную, и это направленіе тотчасъ-же осуществится!» Находя, что для земства несравненно выгоднѣе оставить въ своемъ распоряженіи всѣ средства, которыя имъ могутъ быть потрачены на народное образованіе, и опираясь на то, что церковныя школы получили вполнѣ достаточную помощь отъ казны, г. К—въ предложилъ просьбу духовнаго вѣдомства объ ассигнованіи, по примѣру прежнихъ лѣтъ, 2.500 р. на церковныя школы отклонить. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій со стороны депутата отъ духовнаго вѣдомства и двухъ другихъ гласныхъ, собраніе закрытой баллотировкой, большинствомъ 22 голосовъ противъ 4, отказало въ ассигновкѣ добавочной суммы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ испрашиваемой на приходскія школы субсидіи.

Въ Арзамасскомъ уѣздѣ всего 130.000 жителей, земскихъ школъ открыто, какъ и въ Ардатовскомъ, болѣе 50, и, не смотря на всегдашнее ожесточенное сопротивленіе враждебнаго школѣ меньшинства, земство никогда не отказывало въ открытіи новыхъ школъ, когда объ этомъ просили сельскія общества, принимавшія на себя издержки по постройкѣ и содержанію школьныхъ помѣщеній. Такъ, 4 новыхъ школы открыты были еще въ прошломъ 1894 г., но, благодаря пассивному отношенію къ дѣлу, движеніе впередъ совершалось довольно медленно, и распредѣленіе школъ по территоріи уѣзда оказалось крайне неравномѣрнымъ. Потребность въ ученіи, разумѣется, почти вездѣ одинакова, но мірскіе приговоры поступали, главнымъ образомъ, оттуда, гдѣ на крестьянъ имѣли вліяніе сочувствующіе народному образованію помѣщики и другія лица и гдѣ имъ при постройкѣ школьныхъ помѣщеній приходили на помощь какими-нибудь пожертвованіями. Такимъ образомъ, изъ 22 волостей уѣзда, въ нѣкоторыхъ школы открыты въ каждомъ селеніи,

въ другихъ же нѣтъ ни одной. Пунктовъ, гдѣ бы слѣдовало открыть нормальныя земскія школы, въ уѣздѣ 19, а содержаніе недостающихъ школъ стоило бы земству, считая отъ 200 до 250 р. на каждую, 4.210 р. Въ своемъ разсчетѣ я не увеличила обычной въ Арзамасскомъ уѣздѣ, крайне недостаточной цифры годового содержанія каждой школы, полагая, что земству слѣдуетъ безотлагательно открыть училища во всѣхъ лишенныхъ школы пунктахъ, такъ какъ иначе это вскорѣ сдѣлается невозможнымъ, благодаря открытію въ этихъ пунктахъ церковно-приходскихъ школъ. Но хотя для полученія лишнихъ 4.210 р. потребуется увеличить уѣздный земскій сборъ въ среднемъ всего только на 1,29 к. съ десятины, перспектива такого увеличенія платежей не на шутку испугала многихъ плательщиковъ, и это отчасти отразилось на дворянскихъ выборахъ въ гласные. Избраны были, вмѣсто 13, только 7 человѣкъ, но выборы эти были кассированы, а при вторичномъ избраніи всѣ прежніе представители какъ «правой», такъ и «лѣвой» стороны снова вошли въ составъ гласныхъ. Эти событія еще болѣе усилили общій интересъ къ предстоящему собранію. Публика изо дня въ день ожидала обсужденія школьнаго вопроса и дѣлала самыя различныя предположенія объ исходѣ борьбы, причемъ толковали объ этомъ не только въ обществѣ земцевъ, но и въ арзамасскихъ «рядахъ» и даже на базарѣ.

Наконецъ, прочитанъ былъ докладъ училищнаго совѣта, а затѣмъ и моя записка, уже разсмотрѣнная совѣтомъ и представленная имъ на усмотрѣніе собранія. По прочтеніи записки, заступавшій мѣсто предсѣдателя кандидатъ въ предводители дворянства выразилъ намѣреніе прочесть постановленіе нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, находя, что имъ оцѣнивается школьная дѣятельность автора записки, и предлагалъ отнестись къ этой запискѣ съ осторожностью. Ему возразили, что содержаніе постановленія всѣмъ хорошо извѣстно и не имѣетъ никакого отношенія къ подлежащимъ обсужденію вопросамъ; что если постановленіе будетъ, тѣмъ не менѣе, прочитано, гласные сочтутъ себя въ правѣ обсуждать его съ точки зрѣнія справедливости и основательности. Отказавшись отъ перваго своего намѣренія, предсѣдательствующій поставилъ на очередь два вопроса: желательно-ли введеніе всеобщаго обученія въ уѣздѣ и слѣдуетъ или не слѣдуетъ *ускорять* развитіе школьнаго дѣла? Пренія по этимъ вопросамъ продолжались цѣлый день. Одинъ изъ гласныхъ, г. Х — въ, въ пространной рѣчи заявилъ, что земству незачѣмъ торопиться и принимать чрезвычайныя мѣры, и незачѣмъ становиться на «скользкій путь», намѣченный въ запискѣ, когда надлежащій путь уже указанъ ассигновкой сперва 700.000, а затѣмъ и 3½ мил. на церковно-приходскія школы. Говорилось еще, что изложенный въ запискѣ разсчетъ невѣренъ и расходы на дѣлѣ окажутся болѣе значительными; что ассигновка исчисленыхъ 4.000 р. тоже уже составляетъ безпричинный скачекъ впередъ и что земству неразумно тратить свои скудныя средства и напрягать послѣднія силы ради того только, чтобы школы назывались земскими, а не церковно-приходскими. И по при-

мѣру своей же рѣчи на прошлогоднемъ губернскомъ земскомъ собраніи, гласный Х—въ снова упомянулъ о какихъ-то «ширмахъ» и о томъ, что предложенными въ земствѣ мѣрами что-то «замаскировано»... Ему отвѣчали, что ассигновка 3½ мил. еще не удовлетворяетъ всѣхъ нуждъ школьнаго дѣла и не освобождаетъ земство отъ обязанности продолжать начатое имъ дѣло. Прочитана была выдержка изъ Высочайшаго рескрипта отъ 1873 г., въ которомъ сказано, что служить народному образованію должно не одно духовенство. Указано было и на то, что расходъ на новыя школы нисколько не страшенъ для большинства плательщиковъ, которые со своихъ нѣсколькихъ десятинъ заплатятъ всего по нѣскольку копеекъ. Двое изъ дворянъ и депутатъ отъ духовенства усиленно протестовали противъ расширенія школьной дѣятельности земства; но почти всѣ остальные гласные энергично стояли за школы, а крестьяне, хотя и мало высказывались, но слѣдили за преніями съ усиленнымъ вниманіемъ и явнымъ сочувствіемъ къ дѣлу. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ въ самомъ началѣ рѣшился даже сказать нѣсколько словъ въ защиту школъ, которыя я устраивала, а другой, на вопросъ о томъ, желательно-ли ускорить развитіе школьнаго дѣла въ уѣздѣ, такъ горячо отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ, какъ будто не допускалъ и мысли, чтобы онъ и его товарищи могли быть другого мнѣнія. Благодаря традиціямъ арзамасскаго собранія и удачному, сравнительно, подбору, гласные-крестьяне держали себя довольно самостоятельно, не мало изумляя этимъ лицъ, привыкшихъ видѣть даже и въ земскихъ собраніяхъ самыя примитивныя отношенія между представителями разныхъ сословій. Гласнымъ - крестьянамъ нужно, однако, не мало рѣшимости, чтобы громко высказать свое мнѣніе, и выраженіе этой внезапно проявляющейся рѣшимости такъ же любопытно, какъ и выраженіе безнадежной покорности судьбѣ въ тѣ минуты, когда гласные - крестьяне перестаютъ понимать замысловатыя рѣчи ораторовъ. Общій характеръ рѣчей, а также и самихъ ораторовъ угадывается крестьянами довольно, впрочемъ, вѣрно.

Послѣ долгихъ преній предложено было подтвердить вставаніемъ, что собраніе признаетъ введеніе всеобщаго обученія желательнымъ и признаетъ необходимымъ ускорить развитіе школьнаго дѣла. Оба раза 20 гласныхъ изъ 24-хъ поднимались съ мѣста.

Послѣ перерыва и прежде чѣмъ приступлено было къ обсужденію способовъ ускореннаго развитія школьнаго дѣла, предсѣдательствовавшій въ собраніи предложилъ ассигновать 1.000 р. или хотя бы и меньшую сумму въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ этого духовное вѣдомство къ земству ни съ какими просьбами болѣе не обращалось. Крестьяне прежде всѣхъ весьма энергично высказали свое несогласіе на такое предложеніе, а затѣмъ снова начались жаркія пренія.

Депутатъ духовенства, поддерживаемый гласнымъ Х—ымъ, настаивалъ на томъ, что, давая средства на церковныя школы, земство вполнѣ можетъ контролировать ихъ расходованіе; что наименованіе состоящихъ

въ вѣдѣніи министерства нар. просв. школъ преимущественно *земскими* является совершенно произвольнымъ и что въ небольшихъ селеніяхъ должны быть открыты школы грамоты, по закону отданныя въ завѣдываніе духовенства. Ему возражали, что земство ходатайствуетъ о разрѣшеніи открывать *свои* школы грамоты, что названіе *земской школы* создано самою жизнью и что между положеніемъ земства по отношенію къ этимъ школамъ и къ школамъ духовнаго вѣдомства существуетъ значительная разница, которая видна уже изъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, а на практикѣ проявляется еще болѣе замѣтнымъ образомъ. И большинствомъ 21 голоса противъ 3 постановлено было въ выдачѣ пособія на школы духовнаго вѣдомства отказать.

Когда затѣмъ на очередь поставленъ былъ вопросъ о томъ, какую сумму ассигновать въ распоряженіе училищнаго совѣта на открытіе новыхъ земскихъ школъ, гл. Х—въ замѣтилъ, что, при одновременномъ распространеніи и земскихъ, и церковныхъ школъ, въ села будутъ являться два «агитатора», которые будутъ «конкуррировать» между собою при переговорахъ съ крестьянами, такъ что народу придется рѣшать, которую изъ школъ и которое изъ «начальствъ» ему предпочесть; а между тѣмъ разговоры на этой почвѣ, по мнѣнію г. Х—ва, врядъ-ли могутъ быть признаны желательными. Но, вопреки высказаннымъ опасеніямъ, собраніе, большинствомъ 19 голосовъ противъ 5, рѣшило ассигновать въ распоряженіе училищнаго совѣта 2.000 р., такъ какъ ассигновка полной суммы содержанія предполагаемыхъ къ открытію 19 школъ была признана преждевременной, въ виду невозможности открыть всѣ эти школы въ одинъ годъ. Затѣмъ было постановлено открывать школы и тамъ, гдѣ требуемыя обязательства возьметъ на себя не сельское общество, а частное лицо, въ чемъ гл. Х—въ усмотрѣлъ почему-то навязываніе и даже насиліе. Наконецъ, собраніе постановило ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ о выдачѣ крестьянскимъ обществамъ ссудъ на постройку школьныхъ помѣщеній и о предоставленіи въ распоряженіе арзамасскаго земства на нужды народнаго образованія суммъ, поступавшихъ ранѣе на содержаніе судебно-административныхъ учрежденій. Постановлено также ходатайствовать передъ правительствомъ о предоставленіи земству права открывать школы грамоты и объ увеличеніи суммы, отпускаемой министерствомъ народнаго просвѣщенія въ распоряженіе училищныхъ совѣтовъ.

Этимъ окончилось обсужденіе въ арзамасскомъ земскомъ собраніи школьнаго вопроса. Пренія принципіальнаго характера, хотя и касались самыхъ несложныхъ вопросовъ, заняли столько времени, что нѣкоторые практическіе вопросы о способахъ дальнѣйшаго развитія школьнаго дѣла такъ и остались невыясненными. Тѣмъ не менѣе, арзамасское земство выступило на новый путь, и можно надѣяться, что училищный совѣтъ выполнитъ поставленную задачу, не взирая на нѣкоторую неопредѣленность въ постановленіяхъ собранія.

Въ заключеніе упомяну объ одномъ незначительномъ, но весьма характерномъ случаѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія сессіи собранія, а именно 7-го ноября, состоящій на должности земскаго начальника, гласный Д. В. Х—въ, пріѣхавъ на сельскій сходъ въ село Вадь, всенародно сдѣлалъ выговоръ гласному отъ крестьянъ его участка, Ефимову, за то, что тотъ на собраніи позволялъ себѣ вставать въ то время, когда г. Х—въ находилъ нужнымъ сидѣть, и наоборотъ. Г. Х—въ старался внушить Ефимову, что онъ долженъ отказаться отъ званія гласнаго и упрекалъ вадское сельское общество въ томъ, что оно выбрало человѣка, въ вопросѣ о школахъ недостаточно оберегающаго денежные интересы крестьянъ...

А. Штевенъ.

Изъ юридической области.

Казуистика крестьянскаго земельнаго права.—Давность и ея значеніе.—Примѣняется-ли давность къ крестьянской надѣльной землѣ?—Давность въ сферѣ: 1) мірского владѣнія и 2) подворнаго владѣнія.—Помѣщичій сервитутъ въ предѣлахъ крестьянской усадебной осѣдлости. — Уничтоженіе послѣдняго остатка временно-обязанныхъ отношеній.

Всюду существуетъ институтъ *давности*, какъ способъ прекращенія и пріобрѣтенія права, но нигдѣ его значеніе не достигаетъ такихъ размѣровъ, не носитъ такого почти всеобъемлющаго характера, какъ у насъ, въ сферѣ нашего правооборота. Указанное явленіе, давно подмѣченное вдумчивыми наблюдателями нашего юридическаго быта (напримѣръ, г. Боровиковскимъ въ его «Отчетѣ судьи») и оффиціально засвидѣтельствованное въ трудахъ законодательныхъ коммиссій (назовемъ коммиссію по составленію вотчиннаго устава), отчасти зависитъ отъ особенной льготности самыхъ условій давности, отъ чрезмѣрной растяжимости и, такъ сказать, емкости этого института, по опредѣленіямъ нашихъ гражданскихъ законовъ. Мы далеки отъ намѣренія ввести читателя въ дебри тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ утонченностей, которыми такъ богата юридическая теорія давности вообще и давности владѣнія въ частности; для читателей, непосвященныхъ въ глубокія юридическія тайны, подобная прогулка была бы слишкомъ утомительна и недостаточно привлекательна. Для уясненія особенной льготности и эластичности у насъ этого института довольно будетъ, надѣемся, бѣглаго сравненія условій давности владѣнія по нашему гражданскому своду и по гражданскому кодексу Франціи.

Ч. I т. X дѣлаетъ незыблемымъ и превращаетъ въ собственность всякое владѣніе, которое непрерывно, спокойно и безспорно продолжалось—«въ видѣ собственности», какъ говоритъ законъ—въ теченіе десяти лѣтъ; никакого различія между владѣніемъ, начавшимся правомѣрно, и владѣніемъ, возникшимъ изъ нарушенія права или даже изъ преступленія, при

этомъ не проводится: давность одинаково освящаетъ и добросовѣстное пріобрѣтеніе, и насильственный захватъ чужого имущества. Совершенно иную картину давности владѣнія даетъ Code civil: во-первыхъ, самый срокъ завершенія давности здѣсь гораздо длиннѣе—тридцать лѣтъ, вмѣсто десяти; во-вторыхъ, давность служитъ на пользу не всякому владѣнію, а только добросовѣстному, въ основаніи котораго лежитъ законный способъ пріобрѣтенія, какой-нибудь законный титулъ (juste titre). Словомъ, у насъ давность, какъ средство очищенія владѣнія отъ присущихъ ему пороковъ и недостатковъ, нѣчто вродѣ средневѣковыхъ папскихъ индульгенцій, которыми даровалось прощеніе и отпущеніе всѣмъ безъ разбора и за всякіе—хотя бы и смертные—грѣхи; а во Франціи такое отпущеніе достается въ удѣлъ только достойнымъ и избраннымъ.

Мы позволимъ себѣ вскользь отмѣтить здѣсь, что указанное значеніе давности въ нашемъ гражданскомъ быту,—хотя и находится въ явномъ, логическомъ противорѣчіи съ тѣми теоретическими началами, на которыхъ покоится этотъ институтъ, — вполнѣ, однако, гармонируетъ съ особенными условіями его установленія у насъ, условіями, уже отошедшими въ область прошлаго, въ область исторіи. Общій юридическій принципъ, изъ котораго истекаетъ безусловная сила давности, какъ способа погашенія правъ, можетъ быть выраженъ римскимъ афоризмомъ: jus civile vigilantibus scriptum est—гражданское право писано для бодрствующихъ, сфера гражданскаго права— это не пріютъ дремлющей безпечности, а область проявленія индивидуальной самодѣятельности и энергіи. Поэтому, тотъ, кто пренебрегаетъ своимъ правомъ, кто оставляетъ его безъ осуществленія и защиты, лишается этого права въ пользу болѣе дѣятельнаго, хотя и менѣе добросовѣстнаго, индивидуума, который подниметъ и присвоитъ себѣ правовое достояніе, покинутое первымъ: «общество вправѣ требовать отъ каждаго гражданина, чтобы онъ радѣлъ о своихъ правахъ, ибо въ совокупности правъ гражданина выражается его *общественная личность*, и потому, если лицо не заботится объ осуществленіи своего права, если предоставляетъ другому пользоваться его выгодами, то лицо заслуживаетъ лишенія этого права—это для него нравственно-справедливое наказаніе» [1]). Съ этой точки зрѣнія погасительная сила давности является возмездіемъ за небреженіе и безпечность въ охранѣ цѣлости и неприкосновенности своей «общественной личности». Но всякое возмездіе должно соотвѣтствовать степени вины: тамъ, гдѣ чувство права вообще страдаетъ пассивностью и обнаруживается въ формахъ безцвѣтныхъ и вялыхъ, гдѣ господство индивидуальной энергіи бѣдно выражено не только въ правѣ, но и въ другихъ областяхъ соціальной жизни, тамъ скорѣе всего можно было бы ожидать снисходительнаго и долготерпѣливаго отношенія къ перерывамъ въ напряженіи правовой энергіи лица, къ проявленному лицомъ недостатку постоян-

[1]) Русское гражд. право, чтенія Д. И. Мейера, изд. 6-е, стр. 229.

ства и бдительности въ охранѣ своихъ правъ, такъ какъ этотъ недостатокъ раздѣляется имъ вмѣстѣ со всей окружающей средой и такъ какъ было бы несправедливо возлагать на него непосильное бремя. Однако, на дѣлѣ мы видимъ, что наше гражданское право, писанное для дремлющихъ россіянъ, а не для бдительныхъ квиритовъ, ставитъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе суровыя требованія, чѣмъ насквозь проникнутое индивидуализмомъ право римское и происшедшее отъ него по прямой линіи право французское. Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что земская давность нашихъ гражданскихъ законовъ имѣетъ процессуальное происхожденіе и была установлена въ томъ видѣ, въ какомъ она дѣйствуетъ теперь, въ концѣ прошлаго вѣка—въ связи съ безобразнымъ состояніемъ тогдашняго правосудія, съ его безконечной волокитой и поразительной убогостью въ средствахъ обнаруженія истины—особенно въ запутанныхъ земельныхъ спорахъ. Весь институтъ былъ такимъ образомъ построенъ въ видахъ судебной экономіи, чтобы пресѣчь безплодныя и отяготительныя одинаково для сторонъ и суда тяжбы, въ которыхъ отдаленность момента нарушенія права не оставляла, по условіямъ дѣйствовавшаго въ то время процессуальнаго строя, надежды на удачное и справедливое ихъ разрѣшеніе. Но современное намъ правосудіе далеко отличается отъ правосудія конца прошлаго вѣка, и нашъ юридическій прогрессъ прежде всего и больше всего сказался именно въ процессуальной области. Поэтому, настало, очевидно, время и для перестройки института земской давности, въ соотвѣтствіи съ новыми условіями судебной охраны и возстановленія права и со старыми, неизмѣнившимися качествами господствующаго у насъ правоваго темперамента.

Возвратимся къ предмету—къ выясненію непомѣрно выросшаго у насъ значенія давности. Не одна только льготность условій давности, вызванная уже исчезнувшими теперь недостатками процесса, создаетъ это значеніе; въ томъ же направленіи дѣйствуетъ другая причина, вліяніе которой сказывается особенно въ сферѣ мелкаго землевладѣнія, т.-е. у насъ—по преимуществу, крестьянскаго. Мы имѣемъ въ виду дѣйствующую систему укрѣпленія правъ на недвижимую собственность, систему, которая, по замѣчанію такихъ компетентныхъ судей, какъ составители проекта вотчиннаго устава, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ недостатки, какіе только мыслимы въ подобномъ установленіи.

Изобилуя многочисленными формальностями, исполненіе которыхъ обходится заинтересованнымъ лицамъ очень дорого и сопряжено для нихъ съ большой потерей времени и множествомъ хлопотъ, эта система не гарантируетъ имъ въ должной мѣрѣ устойчивости, опредѣленности и гласности пріобрѣтаемыхъ и укрѣпляемыхъ правъ. Чтобы оформить законнымъ порядкомъ куплю-продажу какого-нибудь мелкаго участка земли, въ 2—3 десятины, требуется имѣть полный комплектъ крѣпостныхъ документовъ, удостовѣряющихъ право собственности продавца (у котораго документы рѣдко въ порядкѣ), совершить затѣмъ купчую крѣпость у млад-

шаго нотаріуса, получить съ нея выпись, отправиться къ старшему нотаріусу, который находится въ мѣстѣ пребыванія окружнаго суда, т.-е., обыкновенно, въ губернскомъ городѣ, терпѣливо выжидать, пока въ канцеляріи старшаго нотаріуса наведутъ справки о свободѣ продаваемаго имущества отъ запрещеній, уплатить 4% крѣпостную пошлину и тогда только добиться вожделѣнной надписи объ утвержденіи сдѣлки. Описанная процедура при переходахъ правъ собственности на мелкую недвижимость должна поглотить большую часть стоимости самаго имущества; поэтому, такіе переходы совершаются, въ большинствѣ случаевъ, особенно въ крестьянской средѣ, по домашнимъ актамъ, лишеннымъ всякаго юридическаго значенія, или даже вовсе безъ всякихъ актовъ, путемъ фактической передачи владѣнія имуществомъ. Такое владѣніе было бы крайне непрочно и зависѣло бы отъ произвола прежняго собственника, но тутъ-то приходитъ на помощь, во-1-хъ, то обстоятельство, что и у послѣдняго, обыкновенно, не бываетъ крѣпостныхъ документовъ на проданную имъ землю, и, во-2-хъ, всесцѣляющая сила давности, превращающей, по истеченіи десяти лѣтъ, всякое владѣніе въ собственность. Такимъ образомъ, въ сферѣ мелкаго землевладѣнія давность служитъ для покрытія не случайныхъ только погрѣшностей и недочетовъ въ правоосноваиіяхъ собственности, является не исключительнымъ и экстраординарнымъ способомъ ея освященія, но выступаетъ въ качествѣ нормальнаго, если даже не преобладающаго средства укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества. Отсюда становится яснымъ то крупное значеніе, которое вопросъ о границахъ и условіяхъ примѣненія давности пріобрѣтаетъ въ отношеніи мелкаго землевладѣнія и въ частности—крупное значеніе вопроса о распространеніи силы земской давности на крестьянскія надѣльныя земли.

Между тѣмъ вопросъ этотъ вплоть до самаго послѣдняго времени и не поднимался, благодаря тому, что господствующее направленіе въ судебномъ толкованіи законовъ о давности ставило внѣ сомнѣнія утвердительное его разрѣшеніе, въ смыслѣ подчиненія крестьянской надѣльной земли дѣйствію давности, наравнѣ съ землями другихъ владѣльцевъ. Высшее судилище въ имперіи—кассаціонный департаментъ сената—неуклонно руководилось въ этомъ отношеніи тѣмъ взглядомъ, что сила давности простирается на всѣ роды имуществъ, за исключеніемъ тѣхъ, относительно которыхъ въ законѣ имѣется прямое и категорическое указаніе объ изъятіи ихъ изъ подъ дѣйствія общаго правила о давности. Подобная привилегія допущена закономъ только для имѣній заповѣдныхъ и межъ генеральнаго межеванія; поэтому, всѣ прочія категоріи земельной собственности, въ томъ числѣ даже казенныя земли, состоящія въ оброчномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ, признавались подлежащими дѣйствію давности.

Поворотнымъ пунктомъ въ сенатской практикѣ явилось рѣшеніе, состоявшееся въ 1892 году по вопросу о примѣненіи давности къ церковнымъ землямъ. По закону—церковныя земли должны навсегда считаться неприкосновенною собственностью церкви, и отчужденіе ихъ не допускается, развѣ

съ особаго разрѣшенія верховной власти. Основываясь на этомъ, сенатъ нашелъ, что церковныя земли облечены по закону свойствомъ неотчуждаемости, что онѣ составляютъ неприкосновенное достояніе церкви, а потому сила давности на нихъ не распространяется, такъ какъ въ противномъ случаѣ, еслибъ церковныя земли могли быть утрачиваемы, вслѣдствіе давности владѣнія постороннихъ лицъ, не была бы достигнута преслѣдуемая закономъ цѣль установленія неприкосновеннаго церковнаго фонда, да и самая неприкосновенность, неотчуждаемость этого фонда превратилась бы въ пустой звукъ, въ мертвую букву. Рѣшеніе это вызвало оживленную полемику въ юридической печати, но на сторону его сталъ такой авторитетный цивилистъ, какъ сенаторъ Пахманъ, и извѣстный канонистъ, проф. Павловъ. Вслѣдъ за церковными землями были, по тѣмъ же соображеніямъ, изъяты сенатомъ изъ-подъ дѣйствія давности казачьи станичныя земли, которыя, по закону, составляютъ неотъемлемое общее владѣніе станицы и не могутъ переходить въ чью-либо личную собственность. Приблизительно около того же времени изданъ законъ 14 декабря 1893 г. «о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель», значительно ограничивающій крестьянъ—какъ цѣлыя общества, такъ и отдѣльныхъ лицъ — въ правѣ распоряженія надѣлами даже послѣ погашенія выкупной ссуды. По силѣ этого закона, продажа надѣльной земли, состоящей въ общинномъ владѣніи, цѣлыми обществами допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго мѣстнаго учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ (губернскаго присутствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія); если же стоимость отчуждаемаго участка превышаетъ пятьсотъ рублей, то для продажи его требуется, сверхъ того, разрѣшеніе министра финансовъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда участокъ отчуждается для горнопромышленныхъ цѣлей, министръ финансовъ долженъ войти въ соглашеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ. Участки же надѣльной земли, выкупленные отдѣльными крестьянами или состоящіе въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи, хотя и могутъ быть отчуждаемы, но только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ. Впрочемъ, для «промышленныхъ цѣлей» указанные участки могутъ быть продаваемы и лицамъ прочихъ состояній, но не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія, даваемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами финансовъ и государственныхъ имуществъ. Затѣмъ крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ воспрещается отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ; кромѣ того, обращеніе взысканій на означенныя земли по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ допускается только для удовлетворенія по закладнымъ, правильно совершеннымъ до обнародованія закона 14 декабря 1893 г. Изложенныя ограниченія въ свободѣ распоряженія крестьянской надѣльной землей, въ виду новыхъ стремленій, обнаружившихся въ сенатской практикѣ по вопросу о примѣненіи давности, естественно должны были поста-

вить на очередь вопросъ о возможности пріобрѣтенія надѣльной земли по давности владѣнія, при дѣйствіи ограничительныхъ правилъ 14 декабря 1893 г. Этотъ вопросъ и былъ дѣйствительно возбужденъ, едва только представился къ тому удобный случай. Поводъ къ его возникновенію и постановкѣ былъ данъ процессомъ, который вели между собой два крестьянскія общества (Ярославской губ.) о правѣ собственности на нѣсколько десятинъ поемнаго сѣнокоса, записанныхъ по владѣнной записи за однимъ обществомъ, но фактически давно присвоенныхъ другимъ. Первое общество ссылалось на свое право собственности и на фактъ непрерывной уплаты имъ сперва оброчной подати, а затѣмъ выкупныхъ платежей за спорную землю; второе указывало на давность своего владѣнія, истекшую задолго до возбужденія иска и совмѣщавшую всѣ признаки, требуемые закономъ. Дѣло было разрѣшено ярославскимъ окр. судомъ и московской судебной палатой въ пользу давностнаго владѣльца и было перенесено затѣмъ въ сенатъ. Хотя, по существу спора, возникалъ только вопросъ о примѣненіи давности къ надѣльнымъ землямъ, еще свободнымъ отъ ограниченій, введенныхъ закономъ 14 декабря 1893 г. (такъ какъ давность владѣнія отвѣтчиковъ исполнилась до обнародованія этого закона), сенатъ, однако, воспользовался случаемъ, чтобы разрѣшить также вопросъ о вліяніи, какое должно быть приписано въ этомъ отношеніи новымъ правиламъ отчужденія крестьянскихъ надѣловъ. Указанные вопросы поступили на разсмотрѣніе общаго собранія сената, которое опредѣлило (въ засѣданіи 30 октября 1895 г.): признать, что надѣльная крестьянская земля, поступившая на выкупъ, можетъ быть пріобрѣтена по давности владѣнія.

Сенатское рѣшеніе еще не опубликовано, и мотивы его неизвѣстны. Не вдаваясь, поэтому, въ его критику, слишкомъ притомъ спеціальную, нельзя, однако, не отмѣтить того, что невольно бросается въ глаза: сенатъ въ данномъ случаѣ какъ будто отступилъ отъ начала, усвоеннаго имъ въ отношеніи земель церковныхъ и казачьихъ, отъ начала, провозглашеннаго самимъ закономъ въ отношеніи имуществъ заповѣдныхъ. Если не вся надѣльная земля, то, по крайней мѣрѣ, та часть ея, которая находится въ общинномъ мірскомъ владѣніи, поставлена закономъ 14 декабря 1893 г. въ положеніе, очень близкое къ положенію земли церковной или казачьей: залогъ и принудительное отчужденіе этой земли воспрещены вовсе, а отчужденіе добровольное допущено только съ особаго разрѣшенія высшей мѣстной или центральной власти. И по назначенію своему надѣльная земля, состоящая во владѣніи общества крестьянъ, также примыкаетъ къ названнымъ выше категоріямъ имуществъ, изъятыхъ отъ дѣйствія давности; она также должна служить неприкосновеннымъ, такъ сказать, вѣчнымъ фондомъ экономическаго обезпеченія крестьянской общины, вѣчной основой ея хозяйственнаго благосостоянія, подобно тому, какъ заповѣдное имѣніе исполняетъ ту же роль въ отношеніи учредителя и его рода, церковныя земли—въ отношеніи церкви, станичныя казачьи—въ отношеніи казачьяго общества. Можно-ли

это неотчуждаемое, неприкосновенное достояніе крестьянской общины подчинить свободной игрѣ фактическихъ захватовъ и переходовъ владѣнія, которые, какъ мы видѣли, происходятъ подъ покровомъ законовъ о давности? Если давность остается и теперь, какъ была до сихъ поръ, верховной вершительницей земельныхъ правъ, то не парализуется-ли этимъ все значеніе ограничительныхъ постановленій закона 14 декабря 1893 г.? Самое изданіе этого закона доказываетъ необходимость охраны крестьянскаго землевладѣнія отъ разрушительныхъ и вредныхъ для него вліяній, возникающихъ въ нашей экономической дѣйствительности. Эти вліянія, воплощаясь въ лицѣ какого-нибудь деревенскаго воротилы или «міроѣда», могутъ оказаться на столько прочными и устойчивыми, чтобъ продержаться не только въ теченіе одной, но даже нѣсколькихъ земскихъ давностей. При такихъ условіяхъ открывается полная возможность хищенія крестьянской надѣльной земли, не взирая на охранительныя и запретительныя предписанія закона, такъ какъ для этого достаточно одной фактической уступки владѣнія, которое по истеченіи земской давности превратится въ неограниченную собственность. Если сила враждебныхъ крестьянскому общинному землевладѣнію вліяній дѣйствительно велика, то она легко прорветъ слабую плотину, воздвигнутую закономъ 14 декабря 1893 г.—жизнь окажется сама по себѣ, а законъ съ его попечительными утвержденіями и разрѣшеніями—самъ по себѣ.

Незадолго до того, какъ состоялось изложенное рѣшеніе по общему вопросу о примѣненіи давности къ крестьянской надѣльной землѣ, въ томъ же собраніи сената разсматривался частный вопросъ, формулированный слѣдующимъ образомъ: утрачиваетъ-ли членъ крестьянской семьи, надѣленной участкомъ земли въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, на основаніи ст. 81 и слѣдующихъ мѣстнаго положенія о крест. сѣв.-зап. края (надѣленіе въ подворное потомственное владѣніе), право на такую землю, вслѣдствіе непользованія ею въ теченіе давностнаго срока и нахожденія ея въ исключительномъ владѣніи другого члена той же семьи? Сенатъ опредѣлилъ: признать, что настоящій вопросъ подлежитъ разрѣшенію въ отрицательномъ смыслѣ; подворный участокъ составляетъ общее достояніе всей семьи, которой онъ отведенъ, а потому не можетъ быть путемъ давностнаго владѣнія присвоенъ въ исключительную собственность одного изъ членовъ семьи въ ущербъ другимъ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ, г. Долгинъ-Ивановскій, 24 іюля 1893 г., обратился къ уѣздному члену тульскаго окружнаго суда, по Чернскому уѣзду, съ прошеніемъ, въ которомъ изложилъ, что крестьянинъ сельца Федоровки, Алексѣй Митюшинъ, началъ пристройку къ жилой избѣ своей на разстояніи всего 23 саженъ отъ его, г. Долгинова-Ивановскаго, помѣщичьей усадьбы. Находя, что, на основаніи ст. 106 мѣстнаго великороссійскаго положенія, на отведенной крестьянамъ мірской землѣ вос-

прещается, безъ согласія помѣщика, возводить новыя жилья и всякія домашнія строенія ближе 150 саженъ отъ господскаго дома или отъ опушки господскихъ лѣсовъ, и что это воспрещеніе воспроизведено въ законахъ гражданскихъ (прим. къ ст. 445 т. X ч. I), г. Долгининъ-Иванскій просилъ обязать крестьянина Алексѣя Митюшина незаконно возведенную имъ къ жилой избѣ пристройку снести. Въ разрѣшеніе этой просьбы уѣздный членъ суда постановилъ: возстановить нарушенное крестьяниномъ Митюшинымъ право участія частнаго помѣщика Ніодора Андреевича Долгинина-Иванскаго, во исполненіе чего снести каменныя на глинѣ сѣни и пластовый въ столбахъ дворъ Митюшина, пристроенные къ жилой избѣ на его усадьбѣ.

Дѣло по жалобамъ сторонъ, въ порядкѣ инстанцій, дошло до сената. Сенатъ, обратившись къ своей собственной практикѣ по затронутому вопросу, нашелъ въ ней полную разногласицу. Гражданскій кассаціонный департаментъ въ 1874 году рѣшилъ, что п. 1 ст. 106 мѣстнаго великороссійскаго положенія (ему соотвѣтствуютъ подобные же пункты и статьи въ прочихъ мѣстныхъ положеніяхъ), благодаря ссылкѣ, сдѣланной на этотъ пунктъ въ примѣчаніи къ ст. 445 гражданскихъ законовъ, обрекаетъ на вѣчныя времена бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ строиться въ почтительномъ 150-тисаженномъ разстояніи отъ господскихъ усадьбъ и отъ опушекъ господскихъ лѣсовъ. «Смыслъ сего постановленія (ст. 106 мѣстн. пол.),—говорится въ сенатскомъ рѣшеніи,—по самому содержанію своему, показываетъ, что означенное правило установлено не въ видѣ временной мѣры, а съ цѣлью охраненія хозяйственныхъ интересовъ помѣщиковъ, которые какъ до выкупа крестьянами ихъ земель и угодій, такъ и послѣ того остаются одни и тѣ же. Иначе законодомъ было бы опредѣлено, что временная мѣра прекращаетъ дѣйствіе свое въ извѣстный моментъ, т. е. въ данномъ случаѣ съ переходомъ временно-обязанныхъ крестьянъ въ крестьянъ-собственниковъ. Но положеніе это не только не высказано въ законахъ спеціальныхъ, но, напротивъ того, правило въ ст. 106 мѣстн. пол. постановленное введено въ общіе гражданскіе законы, какъ одинъ изъ видовъ участія частнаго, въ дополненіи къ ст. 445 т. X ч. 1. Поэтому, выраженное въ ст. 106 мѣстн. пол. запрещеніе должно сохранить свою силу и значеніе и послѣ прекращенія обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами». Въ противность этому разъясненію гражданскаго департамента, уголовный департаментъ въ 1875 г. пришелъ къ заключенію, что ст. 106 мѣстн. пол., по буквальному содержанію, излагаетъ особыя правила для устройства поселеній временно-обязанныхъ крестьянъ на мірскихъ земляхъ, находящихся во временномъ ихъ пользованіи и неотграниченныхъ еще окончательно отъ земель помѣщичьихъ; но, «съ образованіемъ обществъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, и съ прекращеніемъ временно-обязанныхъ отношеній этихъ крестьянъ-собственниковъ къ бывшимъ ихъ владѣльцамъ, имущественныя отношенія ихъ къ помѣщикамъ уже не могутъ быть ограничиваемы постановленіями мѣстныхъ положеній о крестьянахъ временно-обя-

занныхъ», а должны опредѣляться общими узаконеніями о поземельныхъ правахъ всѣхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ. Слѣдовательно, крестьяне-собственники вольны на своей землѣ строиться какъ и гдѣ имъ угодно, лишь бы не нарушать общеобязательныхъ постановленій строительнаго устава, изданныхъ въ публичномъ интересѣ. Къ этому же выводу пришло, въ 1879 г., общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ. Но второй департаментъ сената, вѣдающій крестьянскія дѣла, восходящія на его разсмотрѣніе въ административномъ порядкѣ, еще въ 1887 и 1890 гг., высказался, что ст. 106 мѣстн. пол. «сохраняетъ свою силу и въ настоящее время, по прекращеніи обязательныхъ между помѣщиками и крестьянами отношеній». Наконецъ, теперь этотъ вопросъ былъ переданъ на обсужденіе общаго собранія сената, которое окончательно подтвердило, что право помѣщика требовать соблюденія 150-ти-саженной дистанціи между его усадьбой и строеніями крестьянъ прекратилось вмѣстѣ съ прекращеніемъ временно-обязанныхъ отношеній.

Д. Л.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ [1]).

Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ.

Въ іюньской книжкѣ «Русск. Обозрѣнія» за 1895 г. появилась статья С. А. Рачинскаго: «Церковно-приходская школа».

Педагогическая опытность С. А. Рачинскаго въ вопросахъ народной школы неоспорима; правдивое отношеніе его къ дѣлу народнаго образованія, которому онъ всецѣло посвящаетъ себя, не подлежитъ сомнѣнію; безграничная преданность къ православію и сердечная любовь къ православному русскому народу ярко свѣтятся въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ его дѣлѣ, а потому каждое слово такого человѣка по вопросу народной школы сугубо важно и не должно быть обойдено молчаніемъ, въ особенности, если оно вызываетъ или сомнѣніе, или недоумѣніе, или прямое несогласіе.

Въ теченіе 16 лѣтъ стоя близко къ народной школѣ, въ качествѣ земскаго гласнаго, имѣя прямое къ ней отношеніе, сперва по обязанностямъ предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта, а нынѣ по должности предсѣдателя совѣта губернскаго, не считаю себя вправѣ умолчать о своемъ несогласіи съ мнѣніями, высказанными въ вышеуказанной статьѣ; не могу скрыть и своего недоумѣнія.

С. А. Рачинскій признаетъ господствующее несочувствіе къ церковно-

---

[1]) Печатая письма изъ провинціи, мы руководимся главнымъ образомъ желаніемъ, чтобы въ нихъ выражались взгляды мѣстныхъ дѣятелей на извѣстные вопросы, при чемъ взгляды эти могутъ нѣсколько и отступать отъ взглядовъ журнала.

приходской школѣ, причемъ главную причину этого видитъ въ невѣріи, будто бы охватившемъ всю среду людей, сколько нибудь близко стоящихъ къ общественной дѣятельности. Ужели это такъ? Ужели общее безвѣріе составляетъ дѣйствительно такое распространенное явленіе въ нашей жизни и является единственнымъ объясненіемъ вышеуказаннаго отношенія къ церковно-приходской школѣ? Смѣю считать это далеко не доказаннымъ и думаю, что несочувствіе это относится не столько къ церковно-приходской школѣ въ смыслѣ религіи, сколько, съ одной стороны, къ раздвоенію школьнаго дѣла, а съ другой—къ церковно-приходской организаціи народнаго образованія. Быть можетъ, коснувшись вопроса въ послѣдовательномъ его развитіи, мы придемъ къ заключенію, что причина указываемаго С. А. Рачинскимъ несочувствія кроется въ непормальномъ положеніи самого приходскаго духовенства, т.-е. не въ безвѣріи нашемъ, а въ ошибкахъ, не относящихся къ вопросамъ нашихъ вѣрованій.

Когда великими реформами Императора Александра II выдвинулся на очередь вопросъ низшаго народнаго образованія, какъ насущная нужда нашей жизни, то забота объ удовлетвореніи этой нужды была возложена на земскія учрежденія и дворянство, какъ на болѣе подготовленнаго въ то время общественнаго руководителя.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ на имя министра народнаго просвѣщенія 25 декабря 1873 г., выражено: «Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно-благомъ направленіи должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное мое дворянство стать на стражѣ народной школы». И земство, и входящее въ его составъ дворянство откликнулись на призывъ: земство взялось за новое для него дѣло по мѣрѣ средствъ и разумѣнія, съ достойнымъ полнаго уваженія и сочувствія рвеніемъ. Но дѣло было ново: не было опытности, не было учительскаго персонала, не было учебниковъ для народа, да не было и достаточнаго знакомства съ народомъ. А время не ждало: учителей нужно было набирать, учебники нужно было составлять, нужно было дать направленіе народной школѣ, и въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ не скрыть цѣлаго ряда ошибокъ, какъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія, такъ и со стороны земствъ и училищныхъ совѣтовъ. Если школа склонялась, какъ теперь говорятъ, къ направленію нежелательному и не сродному средѣ, для которой она была созидаема, то почему же при этомъ сельское духовенство, введенное законодателемъ въ составъ вновь образованнаго земства, относилось къ дѣлу народнаго образованія безразлично, и, не смотря на то, что имѣло своего представителя въ училищныхъ совѣтахъ, выказывало полное равнодушіе къ школѣ. Такое отношеніе къ

столь важной общественной нуждѣ оставалось непзмѣннымъ и послѣ циркуляра графа Д. А. Толстаго, въ которомъ говорилось, что, «проникаясь мыслью о необходимости дѣятельнѣйшаго въ просвѣщеніи народа участія со стороны православнаго духовенства, онъ считалъ непремѣнною обязанностію ввѣреннаго ему министерства всѣми зависящими способами содѣйствовать духовенству въ такомъ участіи и располагать его къ оному».

Первое десятилѣтіе народной школы прошло въ поискахъ пути, въ поискахъ рабочихъ силъ; но въ поискахъ этихъ ни правительство, ни земство не нашли добровольнаго сотрудника въ средѣ сельскаго духовенства, которое безспорно должно было бы внести на пользу общаго дѣла и ближайшее знакомство съ народомъ, и пастырское слово, и любовное сочувствіе.

Если на это скажутъ, что безвѣрное земство, растлѣнное дворянство и бюрократическое министерство народнаго просвѣщенія не съумѣли или не хотѣли привлечь духовенство къ школьному дѣлу, то врядъ-ли такое обвиненіе будетъ основательно. Мы видѣли циркуляръ гр. Толстого, говорившій о роли духовенства въ дѣлѣ народной школы; программы, утвержденныя министромъ для сельскихъ школъ, отводили обширное мѣсто для закона Божія, а земство и дворянство не только не ставили препятствій для его преподаванія, но, напротивъ, старались привлекать духовенство къ посѣщенію школъ. Тѣмъ не менѣе, преподаваніе закона Божія приняло чисто формальный характеръ и продолжалось чисто формальное отношеніе къ школѣ духовенства, непроникнутаго въ массѣ своей вѣрою въ необходимость народнаго образованія и вообще равнодушнаго къ общественной жизни.

Въ силу этого равнодушія, оно, чуждаясь интересовъ земской жизни, отстранилось отъ земскихъ собраній и безучастно относилось къ училищнымъ совѣтамъ. Такое равнодушіе сельскаго духовенства къ школьному дѣлу скоро было замѣчено и осуждалось общественнымъ мнѣніемъ, что вызвало со стороны епархіальнаго начальства требованіе отъ священниковъ болѣе живого отношенія къ сельской школѣ; но требованіе свыше, при отсутствіи личнаго влеченія къ дѣлу, породило лишь безконечныя недоразумѣнія между учителями и законоучителями. Правительственная инспекція и училищные совѣты были завалены жалобами законоучителей на учителей и обратно. Масса такого рода дѣлъ вынуждала училищные совѣты и министерскій надзоръ, во избѣжаніе столкновеній, прибѣгать къ вынужденной мѣрѣ: къ назначенію на учительскія мѣста лицъ, имѣющихъ право преподавать законъ Божій, чтобы этимъ путемъ прекратить раздоръ, а эта мѣра нерѣдко обращала равнодушіе духовенства въ прямое недоброжелательство. Школьное дѣло, тѣмъ не менѣе, шло; первоначальныя ошибки выяснялись опытомъ; школьная литература годъ отъ году возростала и улучшалась, примѣняясь къ требованіямъ народа; контингентъ учителей сталъ быстро возростать, школьная сѣть расширялась. Между тѣмъ становилось яснымъ, что земскія средства недостаточны для полнаго удовлетворенія возрастающей потребности въ школѣ, что привело многія земства къ сознанію необходимости выработ-

тать болѣе удешевленный типъ школы, въ формѣ школъ параллельныхъ и школъ грамоты, субсидированныхъ изъ земскихъ средствъ. Въ такомъ положеніи находилось земское школьное дѣло, когда сталъ выдвигаться вопросъ о церковно-приходской школѣ.

Недостатки министерскихъ училищъ и школъ земскихъ не привели къ сознанію необходимости пересмотра положеній о сельскихъ училищахъ, а послужили основаніемъ къ новой школьной организаціи—синодальной. Эта новая школа была выдвинута какъ противовѣсъ школѣ, руководимой министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Школы министерскія и земскія какъ бы отошли въ разрядъ неблагонадежныхъ, будто бы антицерковныхъ, а потому не только не полезныхъ, но и вредныхъ.

Въ школьномъ дѣлѣ нашелъ мѣсто антагонизмъ вѣдомствъ; въ дѣло народнаго образованія внѣдрилась рознь; сельское духовенство, и безъ того мало расположенное къ школѣ, отвлекалось отъ земской школы, обвиняемой въ недостаточной церковности; при чемъ естественно мѣриломъ служебныхъ качествъ священника стало его участіе въ церковно-приходскомъ дѣлѣ, а участіе въ школахъ другихъ вѣдомствъ лишь допускалось, въ силу необходимости; у земства же было отнято право устройства выработанныхъ опытомъ дешевыхъ школъ параллельныхъ и воспрещено участіе въ развитіи школъ грамотности. Чувствовалось поползновеніе отстранить отъ школьнаго дѣла закономъ къ нему привлеченное и сочувственно къ нему относившееся земство и вручить дѣло народнаго образованія исключительно духовенству. Земство за всѣ понесенные имъ труды и за всю преданность дѣлу народнаго образованія обезславливалось, пути къ расширенію дѣла для него затруднялись, духовенство, добропорядочное участіе котораго всѣми школьными дѣятелями всегда признавалось необходимымъ для школы, оказалось отвлеченнымъ отъ такого участія; словомъ, не было сдѣлано попытки улучшить уже имѣющую свое прошлое земскую и министерскую школу, а просто былъ выдвинутъ церковно-приходскій вопросъ, какъ громоотводъ. Такой суровый ходъ дѣла не могъ не вселить отрицательнаго отношенія къ церковно-приходской контръ-организаціи. Правда, что и земство, и дворянство призывались къ соучастію въ ней: указывалось на «широкое поле дѣятельности» для нихъ; но широкое поле это сводилось къ праву давать деньги на церковно-приходскія школы и заглядывать въ нихъ, безъ права надзора и участія по существу въ самой организаціи, а лишь съ правомъ донесенія по начальству.

Нельзя не согласиться, что оставленіе только права жертвовать и доносить не могло служить стимуломъ къ сочувственному отношенію.

Соображая все вышесказанное, не основательнѣе-ли искать причину несочувствія къ церковно-приходскому вопросу въ ненормальномъ ходѣ самаго вопроса, не возводя огульнаго обвиненія въ невѣріи на земскихъ дѣятелей.

Существуетъ-ли въ дѣйствительности несочувствіе къ преподаванію за-

кона Божія духовенствомъ? Думаю, что нѣтъ. За довольно продолжительный періодъ моей общественной дѣятельности мнѣ, какъ на рѣдкое исключеніе, приходилось наталкиваться на школьнаго дѣятеля, который сказалъ бы, что школа не нуждается въ хорошемъ законоучителѣ-священникѣ. Всѣ, мнѣ извѣстные, училищные совѣты и чины министерскаго надзора при открытіи школъ прежде всего искали сочувственнаго участія мѣстнаго священника.

Не приходилось мнѣ слышать о противодѣйствіи и со стороны земскихъ органовъ широкой постановкѣ преподаванія закона Божія въ школахъ; скажу, напротивъ: въ послѣдніе годы церковно-славянское чтеніе заняло въ земской школѣ значительное мѣсто, а все преподаваніе основано, главнымъ образомъ, на священномъ писаніи и на разсказахъ изъ священной исторіи.

Не то скажу о стремленіи отчудить школу отъ мірянъ и отдать ее въ руки клира. Судьбы школы народной, находясь въ высшемъ вѣдѣніи единой правительственной власти, не должны быть вручены тому или другому сословію; къ школѣ должны быть привлечены всѣ сословія, всѣ силы и всѣ органы, имѣющіеся въ наличности въ государствѣ.

Думается мнѣ, что несочувствіе къ церковно-приходской организаціи есть плодъ сознанія необходимости единенія, а не разрозненности. Сознавая, что всякая школа народная нуждается въ преподаваніи закона Божія и участіи духовенства и можетъ вполнѣ окрѣпнуть лишь при содѣйствіи земства, возможно ли сочувственно относиться къ началу разъединенія?

Близко стоя къ земской жизни, я ясно сознаю, въ виду недостатка интеллигентныхъ дѣятелей на мѣстахъ, что участіе духовенства въ общественной жизни вообще могло бы имѣть гораздо больше мѣста и что для самого же сельскаго духовенства сближеніе съ земскою жизнію необходимо; между тѣмъ наше сельское духовенство—особнякъ въ сельской жизни. Благодаря этому, оно и не имѣетъ должнаго вліянія на эту жизнь, а жизнь общественная не имѣетъ вліянія на него. Въ силу этой отчужденности отъ жизни общественной, сельское духовенство пребываетъ въ равнодушіи къ проявленіямъ окружающей его среды и коснѣетъ въ узкихъ мелочныхъ интересахъ касты. А потому школьная организація, врученная исключительно вѣдѣнію сельскаго духовенства, не внушаетъ обществу и населенію ни довѣрія, ни сочувствія.

Несочувственно относится большинство интересующихся школьнымъ дѣломъ и къ тому, чтобы изъ сельскаго духовенства сдѣлать подотчетнаго приходорасходчика школы. Не дѣло это духовенства; оно должно быть далеко отъ денежной стороны школьнаго дѣла, должно быть ограждено отъ всѣхъ несовмѣстныхъ съ духовнымъ званіемъ случайностей, связанныхъ съ обязанностью подотчетнаго приходорасходчика.

Несочувственно относятся и къ тому, чтобы школу связать съ личностью приходскаго священника, ибо самый лучшій священникъ можетъ быть плохимъ учителемъ, можетъ не имѣть педагогическихъ способностей, наконецъ, можетъ не имѣть влеченія къ школьному дѣлу. Нельзя же любить школьное дѣло по должности; лишить же мѣста достойнаго священника за равнодушіе

его къ школѣ невозможно; поэтому, связавъ школу съ личностью приходскаго священника, неминуемо обречешь многія школы на жалкое существованіе, а многихъ достойныхъ священниковъ подвергнешь одностороннему суду прихожанъ-родителей учениковъ.

Мнѣ возразятъ, что въ подобныхъ случаяхъ учителемъ можетъ быть назначенъ діаконъ, причемъ за священникомъ останется лишь общее руководство школою; но дѣло въ томъ, что діаконы имѣются въ рѣдкихъ селахъ, да помимо того, самое увлеченіе діаконами въ качествѣ учителей, быть можетъ, не вполнѣ основательно. Назначеніе діакона въ небольшой приходъ часто грозитъ священнику оскудѣніемъ, опасеніе котораго естественно вызываетъ несочувственное отношеніе священника къ виновнику грозящей бѣды, а съ тѣмъ вмѣстѣ порождаетъ дурное отношеніе и къ школѣ, руководимой этимъ, какъ бы въ наказніе, навязаннымъ помощникомъ. Назначеніе діакона въ приходъ, непмѣвшій таковаго, нерѣдко становится причиною общаго несогласія между причтомъ, а такое несогласіе не можетъ не имѣть самыхъ нежелательныхъ послѣдствій для жизни всего прихода. Я знаю случай, гдѣ священникъ откупался отъ діакона, принявъ на себя всѣ расходы по школѣ.

Не вполнѣ желательно и появленіе въ школѣ учителя въ образѣ діакона, надѣвшаго рясу не по влеченію, а лишь потому, что она приноситъ матерьяльную выгоду; а появленіе такихъ діаконовъ возможное явленіе. Для блага школы, думается мнѣ, нужно избѣгать такого соблазна, ибо личныя качества учителя должны цѣниться выше всего.

Все вышеизложенное и даетъ основаніе несочувственно относиться къ стремленію связать сельскую школу съ личнымъ составомъ приходскаго причта.

Существуетъ также недовѣрчивое, а потому и несочувственное отношеніе къ установленному надзору за церковно-приходскими школами.

Дѣйствительно, отъ уѣздныхъ отдѣленій братства возможно-ли ожидать строгаго и безпристрастнаго надзора? Думаю, что нѣтъ, главнымъ образомъ, потому, что для надзирающей власти нѣтъ мѣръ наказанія, которыя могли бы быть приложены въ случаѣ надобности. Вѣдь невозможно за неуспѣхъ по шко́лѣ переводить съ хорошаго мѣста на худшее или совсѣмъ лишать прихода священника или діакона. Если тяжело лишать мѣста учителя мірянина, то еще тяжелѣе лишать мѣста учителей духовнаго званія, ибо лишенный прихода священникъ или діаконъ обречены чуть не на голодную смерть.

Недовѣрчиво относятся къ существующему надзору за церковно-приходскими школами и потому, что «свой своему поневолѣ братъ». Противъ этого скажутъ, что въ составъ братства входятъ членами земскіе начальники, исправникъ и представитель отъ министерства народнаго проквѣщенія; но участіе этихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ, сводится къ нулю, ибо и земскимъ начальникамъ, и представителю министерства своихъ дѣлъ

не передѣлать, а сверхъ того вторженіе ихъ въ чужое вѣдомство въ настоящее время считается дѣломъ щекотливымъ.

Всѣ вышеприведенныя основанія къ несочувственному отношенію къ церковно-приходской организаціи, думается мнѣ, болѣе доказательны, чѣмъ безвѣріе, на которое ссылается уважаемый С. А. Рачинскій.

Въ заключеніе не могу не высказать и недоумѣнія своего относительно одной, какъ кажется мнѣ, несообразности во взглядѣ С. А. на затронутый имъ вопросъ.

Въ статьѣ «Церковно-приходская школа» онъ стремится доказать, что школа народная должна быть вручена исключительному вѣдѣнію духовенства, въ виду шатанія общественныхъ вѣрованій, а между тѣмъ вотъ что самъ говоритъ объ учебныхъ заведеніяхъ, выпускающихъ изъ стѣнъ своихъ предполагаемыхъ руководителей низшей народной школы:

«Системъ воспитанія нашего духовенства до сихъ поръ не пришла въ состояніе удовлетворительное; страдаетъ въ особенности часть воспитательная. Многіе пороки, и прежде всего лживость и пьянство, свили себѣ въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ прочное гнѣздо. Весь внутренній складъ и самое наименованіе этихъ академій есть ложь. Огромное большинство своихъ воспитанниковъ онѣ навсегда отвращаютъ отъ духовнаго званія, подрываютъ въ нихъ вѣру, вселяютъ въ нихъ стремленіе къ необузданной нравственной свободѣ, которое прежде всего осуществляется въ чудовищномъ развитіи пьянства. Все это, конечно, требуетъ прикрытія и ведетъ къ столь же чудовищному развитію лжи. Можно себѣ представить, какъ мало поддержки своимъ духовнымъ стремленіямъ получаютъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній отъ наставниковъ, питающихъ презрѣніе къ рясѣ, подающихъ имъ примѣръ распутства и прикрывающаго его обмана».

Не будучи достаточно знакомъ съ строемъ духовныхъ академій и духовныхъ семинарій, я не рѣшусь ни опровергать, ни поддерживать высказаннаго въ вышеприведенныхъ строкахъ; но не скрою своего недоумѣнія. Если все высказанное относительно академій и семинарій дѣйствительно вѣрно, ужели же не преждевременно говорить объ исключительномъ руководствѣ духовенствомъ народной школы? Далѣе вѣдь самъ же С. А. Рачинскій говоритъ, что «начальная школа должна быть не только школой ариѳметики и элементарной грамматики, но прежде всего—школой христіанскаго ученія и добрыхъ нравовъ, школой жизни христіанской». Но, придерживаясь этого положенія, въ особенности, кажется, преждевременнымъ стоять за отдачу школы въ руки клиру, подготовка котораго къ великому назначенію воспитателя народа очерчена столь безотрадно. Не показала-ли жизнь, что преждевременны и слѣдующія слова почтеннаго автора: «Никто болѣе добраго священника въ выборѣ такого (хорошаго) учителя заинтересованъ быть не можетъ; никто лучше его не можетъ руководить имъ, имѣть за нимъ надзоръ дѣйствительный, а не мнимый. Никто лучше священника не изыщетъ средствъ для покрытія разныхъ нуждъ училища, превышающихъ его бюджетъ?»

Приходится, думается мнѣ, сознаться, что нѣтъ званія, нѣтъ сословія

въ отечествѣ нашемъ, которое было бы сколько-нибудь готово принять на себя одно всю тяготу и отвѣтственность низшаго народнаго образованія; а потому не въ разъединеніи силъ, а въ единеніи ихъ, въ лицѣ Высочайшей волею учрежденнаго земства и подъ руководствомъ призваннаго вѣдать народное образованіи министерства, надлежитъ искать вѣрный путь къ желанной цѣли.

Призванныя на общую ниву всѣ наличныя званія и сословія, способныя трудиться на ней, воспитаются къ жизни гражданственной взаимнымъ примѣромъ, соревнованіемъ и взаимною помощью.

Лишь работа міромъ дастъ желанное единеніе и братскія отношенія, взамѣнъ розни и споровъ о старшинствѣ.

Пусть жизнь и дѣло отведутъ роли каждому; старшимъ же будетъ тотъ, кто внесетъ въ дѣло больше любви и самоотверженія.

И. Х.

Письмо изъ Кіева.

8-го октября была освящена и открыта первая въ Кіевѣ народная аудиторія. Необычное торжество привлекло многочисленную интеллигентную публику и массу простого народа. Изъ небольшой, но обстоятельной рѣчи члена правленія мѣстной коммиссіи нар. чтеній, А. А. Андріевскаго, присутствовавшіе познакомились съ условіями сооруженія открываемаго зданія. Дѣло это, повидимому, небольшое, требовавшее незначительныхъ, сравнительно, матерьяльныхъ средствъ (около 18.000 руб.), представило, тѣмъ не менѣе, существенныя трудности.

Кіевская коммиссія народныхъ чтеній существуетъ уже тринадцать лѣтъ. Три года тому назадъ, празднуя десятилѣтній юбилей своей дѣятельности, коммиссія пришла къ заключенію, что, безъ собственнаго помѣщенія для народныхъ чтеній, она не имѣетъ возможности выполнять удовлетворительно свою задачу. Поэтому, общее собраніе коммиссіи уполномочило правленіе позаботиться въ ближайшее время о постройкѣ народной аудиторіи. Нужно было, прежде всего, найти средства. Коммиссія располагала тогда (15-го марта 1893 г.) всего 1.914 р., и, слѣдовательно, огромную часть необходимаго капитала надо было еще собрать различными путями, обращаясь къ содѣйствію общественной и частной благотворительности.

Наконецъ, необходимыя средства были собраны, и предпріятіе на пользу трудящагося населенія нашего города завершилось. Залъ аудиторіи можетъ вмѣщать 400 чел.,—число, конечно, незначительное, при многочисленности у насъ рабочаго люда; однако, если вспомнить, что, параллельно съ чтеніями въ аудиторіи, будутъ происходить чтенія и въ прежнемъ помѣщеніи

(въ контрактовомъ домѣ, на Подолѣ), нельзя не признать, что коммиссія отнынѣ будетъ располагать уже довольно значительными средствами для осуществленія своей задачи. Надо надѣяться, что когда залы народной аудиторіи и контрактоваго дома не будутъ уже вмѣщать всѣхъ желающихъ, кіевское общество не откажетъ въ новыхъ средствахъ для расширенія такого полезнаго дѣла. Насколько будетъ расположено оказать въ этомъ случаѣ помощь наше городское управленіе, къ сожалѣнію, сказать трудно... До сихъ поръ оно слѣдовало въ этомъ отношеніи грустнымъ традиціямъ большинства русскихъ городовъ, предпочитая затрачивать крупныя суммы на электрическое освѣщеніе, содержаніе театра и т. п. Такъ, школъ до сихъ поръ все еще настолько недостаточно, что приходится отказывать въ пріемѣ многимъ желающимъ учиться. Вотъ нѣкоторыя данныя, характеризующія положеніе у насъ школьнаго дѣла. Всѣхъ учащихся въ кіевскихъ городскихъ училищахъ 2.502 чел. (1.399 мальчиковъ и 1.103 дѣвочки), въ томъ числѣ въ нынѣшнемъ году вновь принято 837 чел. (480 мальчиковъ и 357 дѣвочекъ) и отказано въ пріемѣ 834 дѣтямъ. Недостатокъ школъ вынудилъ инспектора кіевскихъ народныхъ училищъ предложить думской училищной коммиссіи позаботиться объ открытіи новыхъ 12 училищъ. Коммиссія согласилась съ мнѣніемъ инспектора и рѣшила ходатайствовать передъ думой объ открытіи 8 новыхъ училищъ и о назначеніи субсидіи училищамъ, находящимся при дневныхъ пріютахъ для дѣтей рабочаго класса. И что-же? «Хотя городская дума, вполнѣ раздѣляла мнѣніе коммссіи, но на дѣлѣ осуществить открытіе этихъ школъ, за непмѣніемъ средствъ у города, не оказалось возможнымъ»... («Кіевлянинъ»).

Перейдемъ къ другому, не менѣе симпатичному ходатайству, заранѣе желая ему иного исхода. 8-го октября, въ тотъ же день, когда была открыта народная аудиторія, состоялось собраніе профессоровъ университета для обсужденія вопроса о возобновленіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, пріемъ на которые лишь временно былъ пріостановленъ. Какъ и слѣдовало ожидать, собраніе (въ которомъ, кстати сказать, участвовало 50 профессоровъ всѣхъ факультетовъ) высказалось за безусловную необходимость для Кіева такого учрежденія. Оно постановило единогласно избрать коммиссію изъ 8 профессоровъ для выработки проекта ходатайства о высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ и общей программы ихъ организаціи. При этомъ собраніе выразило желаніе разрѣшить вопросъ о ходатайствѣ въ возможно болѣе скоромъ времени. Здѣшнее интеллигентное общество относится съ понятнымъ сочувствіемъ и интересомъ къ попыткѣ профессоровъ; потребность въ высшемъ женскомъ образованіи, неудовлетворяемая уже около семи лѣтъ (послѣдній выпускъ курсовъ былъ въ 1889 г.), чувствуется настолько сильно, что, повидимому, даже такой суррогатъ курсовъ, какъ организація систематическихъ чтеній по нѣкоторымъ предметамъ высшаго образованія, имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ. Если про-

фессорамъ не удастся получить разрѣшенія на открытіе курсовъ, то было бы желательно создать хоть такую, до извѣстной степени замѣняющую ихъ, организацію. Для систематическихъ чтеній, въ видѣ публичныхъ лекцій, аудиторіей могла бы служить зала народныхъ чтеній, остающаяся свободной по буднямъ.

Текущій мѣсяцъ вообще какъ-то улыбнулся нашему интеллигентному обществу. Немаловажнымъ событіемъ для кіевлянъ былъ, между прочимъ, переходъ въ новыя руки мѣстной газеты «Кіевское Слово». До сихъ поръ эта газета представляла копію «Московскихъ Вѣдомостей». Въ своихъ «серьезныхъ» статьяхъ она обливала грязью всѣ лучшія проявленія русской общественной жизни, а въ тѣхъ отдѣлахъ, которыми стремилась потѣшить публику, во всѣ самыя мелкія замѣчанія вносила удивительную пошлость. Перейдя съ 1-го октября къ новому издателю, она сразу измѣнилась. Новый составъ сотрудниковъ, въ числѣ которыхъ находятся такія уважаемыя лица, какъ профессора И. В. Лучицкій, П. В. Голубовскій, В. Б. Антоновичъ, является надежной гарантіей иного направленія. Съ 1-го октября прошло еще немного времени, но и то небольшое число нумеровъ, которое успѣло выйти, указываетъ на рѣшительный поворотъ въ общемъ характерѣ «Кіевскаго Слова». По всей вѣроятности, «Кіевское Слово» будетъ теперь дѣйствительнымъ выразителемъ нуждъ и потребностей края.

Отъ дѣлъ и интересовъ интеллигентнаго общества обратимся теперь къ той части населенія, трудъ которой питаетъ это общество. Каково положеніе крестьянъ въ нашемъ краѣ, какъ отражаются на нихъ новыя явленія міровой торговли, вызвавшія, какъ извѣстно, еще въ прошломъ году сильное паденіе хлѣбныхъ цѣнъ?—вотъ вопросы первостепенной важности для здѣшней мѣстности. Къ сожалѣнію, для полнаго ихъ разрѣшенія еще не имѣется достаточныхъ данныхъ; но тѣ свѣдѣнія, которыя уже есть налицо, въ связи съ характеристикой ближайшаго прошлаго, даютъ возможность представить довольно ясно, какимъ образомъ низкія хлѣбныя цѣны отражаются на положеніи сельскаго населенія. Мы возьмемъ нѣкоторые итоги изъ вышедшаго недавно «Обзора сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1894 годъ» и попытаемся, при помощи ихъ, дать посильный отвѣтъ на поставленные вопросы. «Обзоръ» группируетъ свѣдѣнія, доставленныя въ статистическое бюро 1.219 корреспондентами изъ разнообразныхъ мѣстностей губерніи. И вотъ къ какому результату приходятъ составители этого сборника относительно вліянія низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ на крестьянское хозяйство:

«Обращаясь... къ свѣдѣніямъ относительно состоянія крестьянскихъ хозяйствъ въ настоящее время, мы въ этихъ сообщеніяхъ встрѣчаемъ мало утѣшительнаго. Многочисленные отзывы нашихъ корреспондентовъ безусловно устанавливаютъ тотъ фактъ, что уровень крестьянскаго благосостоянія годъ отъ году понижается. Рядъ малоурожайныхъ годовъ, завершившихся неурожайнымъ 1892 годомъ, какъ извѣстно, сильно разстроилъ хозяйство крестьянъ Полтавской губ., заставивъ ихъ обратиться къ ссудамъ изъ продовольственныхъ капиталовъ, какъ на обсѣменіе полей, такъ и на продовольствіе. Для того,

чтобы крестьянское населеніе могло оправиться, окрѣпнуть и, наконецъ, совсѣмъ раздѣлаться съ наслѣдствомъ неурожайныхъ лѣтъ, необходимо было хозяйственную дѣятельность крестьянъ поставить въ самыя благопріятныя условія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Между тѣмъ мы видимъ, что 1893 и 1894 гг., слѣдовавшіе за неурожайнымъ 1892 годомъ, ознаменовались крайнимъ паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, что должно было неминуемо съ силою отразиться на обремененныхъ долгами и различными недоимками крестьянскихъ хозяйствахъ. Такимъ образомъ, крайне низкія цѣны на хлѣбъ, при относительно высокихъ цѣнахъ на всѣ остальные необходимые предметы потребленія (напр., по сообщенію корр. изъ Сенганск. вол. Лубенскаго уѣзда, за одну пару сапогъ нужно отдать теперь до 20 пуд. хлѣба), а также и при высокомъ обложеніи крестьянскихъ земель налогами, положительно парализуютъ вліяніе хорошаго урожая обозрѣваемаго года»... (273—274).

Зная, что надѣлы крестьянъ, даже и въ черноземной полосѣ, не покрываютъ главныхъ потребностей ихъ и что имъ приходится ежегодно прикупать себѣ хлѣбъ для продовольствія, казалось бы, чѣмъ дешевле цѣны на хлѣбъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ меньше придется затратить денегъ на прикупку хлѣба. Въ дѣйствительности же дѣло гораздо сложнѣе. Какимъ путемъ происходитъ эта прикупка хлѣба? Посредствомъ заработковъ. А заработки сельскаго населенія нашего края по преимуществу земледѣльческіе. Чаще всего крестьяне просто арендуютъ землю у помѣщиковъ, и изъ полученнаго продукта добываютъ средства на покрытіе своихъ разнообразныхъ нуждъ. Крестьянинъ продаетъ хлѣбъ, чтобы получить деньги на уплату аренды помѣщику, государственныхъ и общественныхъ обязательныхъ сборовъ, долговъ, на покупку необходимыхъ предметовъ домашняго обихода и т. д. Вотъ тутъ-то и обнаруживается вліяніе низкихъ цѣнъ. «Уплата податей и накопившихся недоимокъ—сказано въ «Обзорѣ»—при существующихъ цѣнахъ на полевые продукты, ложится тяжелымъ гнетомъ на крестьянскія хозяйства всѣхъ разрядовъ». «Сами крестьяне говорятъ, какъ сообщаетъ корреспондентъ изъ Песчанской вол., Полтавскаго уѣзда, что прежде, бывало, отвезъ мѣшокъ пшеницы въ городъ и этимъ подати уплатилъ, а теперь нужно везти 3 мѣшка, а съ ячменемъ и не показывайся на базаръ». По показанію корреспондента изъ Матяшовской вол., Лубенскаго уѣзда, «въ настоящее время, чтобы выручить 5 рублей, необходимо свезти на базаръ 15 пудовъ пшеницы; анъ, глядь, уже и въ закрому мало остается: волей-неволей продашь хорошую скотину, а себѣ купишь худшую, лишь бы хватило денегъ на уплату повинностей» (стр. 275—276). Словомъ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ сообщеній, положеніе крестьянскихъ хозяйствъ, продававшихъ хлѣбъ, было незавидно. Посмотримъ теперь, что давали населенію заработки. Главные заработки здѣсь, конечно, земледѣльческіе. По даннымъ статистической переписи, произведенной въ Полтавской губерніи въ періодъ 1882—89 гг., оказывается, что громадное большинство сельскаго населенія исключительно занимается земледѣліемъ, причемъ около $^3/_4$ всѣхъ домохозяевъ ведетъ хлѣбопашество самостоятельно на своей и арендованной землѣ и весьма значительная часть остальной четверти участвуетъ въ земледѣльческомъ промыслѣ

уборкой и молотьбой хлѣба изъ части продукта («зажопъ» и «замолотъ»), или въ качествѣ поденщиковъ и батраковъ, которые добываютъ себѣ средства къ существованію, частью, въ мѣстныхъ хозяйствахъ, чаще же, въ южныхъ степныхъ губерніяхъ, куда ежегодно весной и въ началѣ лѣта направляются десятки тысячъ рабочихъ обоего пола, не находящихъ приложенія своимъ силамъ на родинѣ. Заработки въ чужихъ хозяйствахъ служатъ главнымъ подспорьемъ и тѣмъ крестьянамъ, которыхъ не обезпечиваетъ ихъ собственное хозяйство, вслѣдствіе малоземелья и недостатка въ рабочемъ скотѣ («Обзоръ», стр. 158). Насколько же выгодны для сельскаго населенія были земледѣльческіе заработки въ отчетномъ году?

Обращаясь къ «Обзору», находимъ, что условія земледѣльческихъ заработковъ были таковы: 1) плата рабочимъ во время уборки хлѣбовъ стояла довольно высокая, но въ общемъ поднималась на незначительную величину, сравнительно съ средними цѣнами на рабочія руки, и была ниже платы предъидущаго года; 2) не смотря на незначительныя выгоды для рабочихъ, существовавшая оплата труда, при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, казалась тягостною и для землевладѣльцевъ, и они употребляли разнообразные способы, чтобы замѣнить дорогую для нихъ рабочую плату другими, болѣе выгодными для нихъ формами вознагражденія за трудъ.

Во время уборки хлѣба, когда землевладѣльцы въ одинъ голосъ жаловались на недостатокъ рабочихъ рукъ, плата мѣсячнымъ рабочимъ составляла въ отчетномъ году мужчинѣ 12 р. 89 к., женщинѣ 8 р. 42 к. и полурабочему 6 р. 9 к., тогда какъ за четырехлѣтіе 1890—1893 гг. средняя плата мужч. была 10 р. 86 к., женщинѣ 6 р. 78 к. и полурабочему 5 р. 14 к. Повышеніе не особенно значительное. Для поденной и сдѣльной платы повышеніе было еще меньше. Не смотря на то, что для крестьянъ такое возвышеніе платы не приносило особенно крупныхъ выгодъ, для землевладѣльцевъ оно было уже очень стѣснительно и побуждало изобрѣтать разнообразныя комбинаціи, чтобы избавиться отъ такой убыточной для нихъ оплаты труда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ значительно развилась уборка хлѣба «за снопъ», т.-е. за долю урожая. «Обзоръ» ставитъ этотъ фактъ въ прямую зависимость отъ экономическаго положенія крестьянъ. Тамъ, гдѣ крестьяне не испытывали нужды, практиковались больше работы за деньги; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ бѣдность вынуждала соглашаться на условія нанимателей, работа «за снопъ» пріобрѣтала широкое распространеніе. Особенное расширеніе этого способа замѣчалось въ уѣздахъ Зеньковскомъ, Лохвицкомъ, Переяславскомъ, Прилукскомъ и Хорольскомъ. Но уборка «за снопъ» все еще не на столько выгодна для землевладѣльцевъ, чтобы они могли ограничиться только такой замѣной денежной платы. Гораздо больше выгодъ даетъ отдача земли подъ отработки. Эта, по словамъ «Обзора», позднѣйшая форма въ отношеніяхъ владѣльцевъ земли и ея съемщиковъ, наиболѣе распространена въ уѣздахъ: Константиноградскомъ, Хорольскомъ и Пирятинскомъ, а также въ Полтавскомъ, Кременчугскомъ, Золотоношскомъ и Лубенскомъ. Съемка

земли подъ отработки обыкновенно не ограничивается уборкой хлѣба, а соединяется съ нѣкоторыми добавочными обязательствами. Наименѣе обременительныя отработки выполнялись, по свѣдѣніямъ «Обзора», въ уѣздахъ: Пирятинскомъ, Лохвицкомъ, Полтавскомъ и Константиноградскомъ, гдѣ за 1 дес. снимаемой земли съемщики обязывались убрать отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ дес., чаще всего 2 дес. хлѣба, въ однихъ случаяхъ съ перевозкой, въ другихъ безъ перевозки, въ зависимости отъ качества снимаемой земли, а также отъ разстоянія ея отъ владѣльческаго тока. При этомъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ замѣчалось особенное разнообразіе добавочныхъ обязательствъ. Къ средней нормѣ—убрать $1^1/_4$ дес. хлѣба за 1 дес. снимаемой земли—здѣсь прибавлялись требованія свезти съ поля на токъ 5—15 копъ [1]) хлѣба, вывезти въ поле 5—10 возовъ навоза, истребить извѣстное число овражковъ, при чемъ обыкновенно съемщикъ обязывается выполнить 2 и 3 вида доплаты. Самые значительные отработки за 1 дес. снимаемой земли встрѣчаются въ уѣздахъ: Гадячскомъ, Зеньковскомъ, Кобелякскомъ, Кременчугскомъ, Хорольскомъ, гдѣ чаще всего за 1 дес. снимаемой земли обязуются убирать 2—3 дес. хлѣба, большею частью съ перевозкой на токъ. Наконецъ, наиболѣе выгодной формой вознагражденія за трудъ для землевладѣльцевъ была отдача хлѣба въ кредитъ подъ отработки. Благодаря строгому взысканію продовольственныхъ ссудъ, забранныхъ въ голодные годы, крестьяне неохотно обращались къ ссудамъ изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, предпочитая кредитъ у частныхъ лицъ. Но здѣсь они попадали, что называется, изъ огня да въ полымя. Условія кредита у частныхъ лицъ отличались крайнимъ разнообразіемъ. Хлѣбъ брали натурою подъ будущіе отработки, брали въ долгъ, при условіи возвращенія въ томъ же количествѣ, но съ уплатой роста деньгами за каждый взятый пудъ, причемъ денежная плата иногда замѣнялась отработками. Самыми выгодными условіями были, когда за 1 день отработка давали 2 пуда ржи; при наименѣе же выгодныхъ условіяхъ (въ Андріяшевской волости, Лохвицкаго уѣзда) за 1 пудъ ржаной муки требовали три дня отработка. Въ уѣздахъ Роменскомъ и Пирятинскомъ за уборку 1 десятины будущаго урожая давали въ первомъ 6 пудовъ ржи и во второмъ $4^1/_2$ пуда муки.

Можно-ли говорить послѣ этого, что низкія цѣны на хлѣбъ благопріятны для сельскаго населенія? Крестьянское хозяйство, благодаря своимъ основнымъ неустройствамъ, на столько уже запуталось, что такое положеніе хлѣбнаго рынка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть для него выгодно. Худо, когда неурожай и хлѣбъ дорогъ; нехорошо и тогда, когда хлѣба много и цѣны на него низки. Кризисъ сельскохозяйственной промышленности, который недавно обратилъ на себя общее вниманіе, для нашего крестьянскаго населенія существуетъ уже съ давнихъ поръ. Давно уже наша лучшая литература указываетъ на этотъ кризисъ, разсматривая его съ разныхъ сторонъ, давно

[1]) Копа=60 сноповъ.

уже указывались и пути, которыми можно достигнуть дѣйствительнаго улучшенія дѣлъ. Теперь, какъ и прежде, крестьянское хозяйство можетъ выйти изъ своего положенія лишь путемъ широкихъ государственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ прочному обезпеченію крестьянъ. Крестьянская реформа даровала крестьянамъ личную свободу; теперь настала пора создать для нихъ экономическую независимость. Дѣло это не меньше, быть можетъ, даже труднѣе реформы 19-го февраля; однако, въ немъ заключается одна изъ главнѣйшихъ задачъ переживаемаго нами историческаго момента.

Въ заключеніе не могу не привести подлинныя слова одного изъ корреспондентовъ разсмотрѣннаго «Обзора», простого крестьянина, прекрасно рисующія бѣдственное положеніе современнаго русскаго крестьянства:

«Земли у насъ мало, и бѣдность совсѣмъ одолѣла крестьянъ; случается, что изъ-за нужды другіе рѣшаются на кражу чужого имущества, и много разныхъ непріятностей бываетъ... Не буду говорить, какъ мнѣ пришлось горько пережить прошлые годы, но скажу про настоящій (1894) годъ. Урожай у насъ повсемѣстно былъ хорошъ, и у меня былъ хорошъ; но въ томъ бѣда, что подъ посѣвомъ у меня было всего $2^1/_2$ дес. (1 дес. ржи и $1^1/_2$ дес., ярового хлѣба), а 1 дес. была подъ толокой. Много-ли соберешь съ $2^1/_2$ дес.; даже и при хорошемъ урожаѣ продать какого-нибудь хлѣба невозможно: дай Богъ, чтобы для содержанія своей семьи хватило. Только и надежда, что табаку будетъ пудовъ 15 или 20, который можетъ быть проданъ нанароже по 1 руб. за пудъ, да въ теченіе года гдѣ-нибудь разнымъ способомъ придется заработать, подъ свободные дни, рублей 20; больше никакихъ доходовъ нѣтъ. А для необходимаго расхода потребуется гораздо больше: нужно уплатить податей за этотъ годъ 17 р. $83^1/_2$ к.; кромѣ этого, нужно заплатить въ экономію за пастьбу коровы 3 р., нужно для семейства пары 3 сапоговъ, руб. на 10, нужно одежу: кому новую справить, кому старую починить; нужно внести процентъ за долгъ; а сколько понадобится еще разныхъ мелкихъ расходовъ, безъ которыхъ никакъ нельзя обойтись, напр. надо соли, спичекъ, керосину, дегтю, мыла и проч. Такъ что прихода не хватитъ пополнить необходимые расходы; между тѣмъ надо еще исправить какіе-нибудь хозяйственные инструменты, надо также починить постройки, которыя отъ древности уже рушатся. Много, много думалъ я о томъ, откуда добыть средства, какъ поправить обстоятельства: если отправиться на заработки, то много-ли я смогу заработать, да и на кого оставлю свое семейство [1]), которое безъ меня не можетъ обойтись. Думалъ было жениться, но куда—нечего и думать объ этомъ; порѣшилъ навсегда остаться холостымъ и жить на произволъ судьбы. Да до какихъ же поръ жить такъ, кому могу принести пользу и для кого я нуженъ, и что со мною дальше будетъ? Радъ бы умереть, но смерти нѣтъ»... (стр. 277).

Изъ Тамбова.

Нельзя сказать, чтобы истекшая сессія тамбовскаго уѣздн. земск. собранія была безцвѣтна. Напротивъ, по внѣшности она носила довольно

---

[1]) Семейство этого крестьянина состоитъ изъ вдовы-матери, двухъ малолѣтнихъ братьевъ и сестры.

яркій характеръ. Достаточно уже того, что собраніе единогласно вотировало два ходатайства передъ правительствомъ: объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, и о разрѣшеніи земству тратить на народное образованіе половину суммъ, освободившихся вслѣдствіе снятія съ земства обязательныхъ расходовъ на содержаніе мировыхъ судебныхъ учрежденій, отчисляемыхъ нынѣ въ дорожный капиталъ.

Мотивировка перваго изъ этихъ ходатайствъ небезынтересна. Извѣстно, какимъ подводнымъ камнемъ всегда являлось для всевозможныхъ земскихъ ходатайствъ соображеніе о разницѣ между «мѣстными» и «общегосударственными» нуждами. Когда земскіе люди возбуждаютъ вопросъ о значеніи тѣлеснаго наказанія, они всегда слышатъ со стороны его сторонниковъ, что это—вопросъ общегосударственный. Словомъ, роза съ очень колючими шипами: noli me tangere. Мѣстный предводитель дворянства, г. Петрово-Соловово, поставилъ вопросъ совершенно иначе. Дѣло народнаго образованія въ Тамбовскомъ уѣздѣ оставляетъ желать много лучшаго. Въ частности земской школѣ еще нужно завоевать себѣ какъ можно болѣе симпатіи въ народной массѣ, и освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія кончившихъ курсъ въ земской начальной школѣ, конечно, можетъ явиться однимъ изъ такихъ средствъ привлеченія народа къ образованію. Такимъ образомъ, земство нисколько не выходитъ изъ предѣловъ своей компетенціи, возбуждая подобное ходатайство.

Удачная мотивировка вопроса очень важна въ чисто-практическихъ видахъ; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напримѣръ, сосѣдней Саратовской губ., гласные не съумѣли поставить вопросъ на должную почву, и потому предложенія ихъ потерпѣли крушеніе въ самомъ собраніи, встрѣтивъ рѣшительную оппозицію со стороны г. предсѣдателя.

До сихъ поръ рѣчь шла о лицевой сторонѣ дѣятельности нашего земства. Но, кромѣ лицевой стороны, она имѣетъ еще и изнанку.

Остановимся сначала на состояніи того же народнаго образованія въ уѣздѣ. Въ 1894—95 уч. году, какъ видно изъ доклада управы за № 5, число земскихъ школъ было то же самое, что и въ предъидущемъ: 86 (82 мужскихъ и 4 женскихъ) съ 4.450 учащимися (мальч. 3.808, дѣвоч. 642), а число учащихся понизилось на 25 человѣкъ. Окончило въ этомъ году 480 человѣкъ (409 м. и 71 д.), меньше предъидущаго на 46 чел.

Такимъ образомъ, докладъ управы съ его болѣе чѣмъ нескромными цифрами «въ настоящее время, когда»... такъ много говорится о народномъ образованіи въ такихъ даже сферахъ, что просто удивительно, долженъ былъ произвести довольно непріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ стыдливыхъ гласныхъ. Приняли предложеніе управы объ учрежденіи двухъ новыхъ школъ. Было очевидно, однако, что это—очень и очень немного, особенно, если сравнить съ постановленіями нѣкоторыхъ другихъ уѣздныхъ земскихъ собраній, рѣшившихъ сразу увеличить на 10, 15, 20 и даже больше число

школъ. Поэтому, одинъ гласный (С. И. Комсинъ)—должно быть, для очистки совѣсти—предложилъ земству вотировать постановленіе о томъ, чтобы каждый годъ тамбовское уѣзд. земство учреждало по двѣ новыхъ школы. Но это предложеніе тотчасъ встрѣтило горячую оппозицію. Гласный Шатовъ тутъ же сосчиталъ, что ежели строить по двѣ школы въ годъ, то черезъ двадцать лѣтъ это составитъ цѣлыхъ «сорокъ новыхъ школъ»! Изъ этого ясно выходило, что путь, предложенный г. Комсинымъ, долженъ привести тамбовское уѣздное земство къ окончательному банкротству. Еще хорошо, что г. Шатовъ былъ такъ милостивъ, ограничился разсчетомъ всего только на двадцать лѣтъ впередъ. Безъ сомнѣнія, ему, при его математическихъ способностяхъ, ничего не стоило разсчитать, сколько школъ должно получиться черезъ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ. Тогда результаты вышли бы еще поразительнѣе.

Впрочемъ, и этого было достаточно. «Сорокъ новыхъ школъ» такъ устрашили собраніе, что участь предложенія г. Комсина была рѣшена. Напрасно сладкорѣчивые Улиссы—авторъ предложенія и г. Петрово-Соловово—внушали, что собраніе, соглашаясь на предложеніе, еще вовсе не надѣваетъ на себя мертвой петли; что на пути просвѣщенія земство можетъ всегда остановиться, когда только ему заблагоразсудится; что постановленія собранія имѣютъ силу только на годъ и т. п. Конечно, проще было сказать, что постановленіе, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ изъ себя только одну видимость, неимѣющую никакого практическаго значенія; но такъ грубо говорить не принято, это звучитъ не парламентски. Напрасно авторъ проекта заявлялъ, что это будетъ «чисто-идеальнымъ» пожеланіемъ (это по двѣ-то школы въ годъ), а вовсе не опредѣленной, фактической реформой,—большинство высказалось противъ. Разумѣется, передъ этимъ не мало преломили копій въ словесномъ состязаніи...

Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ...

Переходимъ къ другому любопытному эпизоду минувшей сессіи. Мы разумѣемъ отвѣтъ земства на запросъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ о нуждахъ мѣстнаго сельскаго хозяйства.

По этому поводу гласнымъ А. Н. Чичеринымъ былъ внесенъ докладъ, интересный во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ такъ и виденъ крупный помѣщикъ, сельскій хозяинъ-практикъ, недурно понимающій больныя мѣста нашего земледѣлія, но въ основныхъ своихъ практическихъ заключеніяхъ руководимый интересами, чуждыми широкихъ соображеній общегосударственнаго характера.

Если внимательно прочесть докладъ г. А. Н. Чичерина, то можно убѣдиться, что въ немъ, въ скрытомъ видѣ, заключается логическій выводъ, что прочное процвѣтаніе владѣльческаго хозяйства невозможно безъ твердаго фундамента, которымъ только и можетъ быть благосостояніе массы

крестьянскаго населенія. Самъ г. Чичеринъ такого вывода не дѣлаетъ и все время стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія—узкихъ, ближайшихъ интересовъ помѣщичьяго хозяйства. Основную причину ухудшенія положенія послѣдняго авторъ видитъ въ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ. Разумѣется, тутъ является на сцену конкурренція странъ съ дѣвственною, непстощенною почвою и нѣкоторыя другія причины. Большинство крестьянъ, говоритъ авторъ доклада на стр. 8, «вынуждено осенью продавать часть своихъ хлѣбовъ, хотя бы ихъ было недостаточно на продовольствіе цѣлаго года». Въ другомъ мѣстѣ (стр. 14) онъ опять мимоходомъ задѣваетъ эту тему. Признавая, что «большинство крестьянъ не можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ», онъ говоритъ: «этому можетъ показаться противорѣчіемъ то, что осенью базары завалены крестьянскимъ хлѣбомъ, но... очень многіе вынуждены продавать хлѣбъ осенью для уплаты повинностей и для своихъ домашнихъ нуждъ». Всякій, кто знакомъ хотя бы только съ элементарными истинами науки о народномъ хозяйствѣ, пойметъ, что такая вынужденная продажа не можетъ не ронять цѣнъ на хлѣбъ въ самой сильнѣйшей степени. Если продажа вынуждена, то продавецъ долженъ довольствоваться такой цѣной, какую ему даютъ; не онъ, а покупатель диктуетъ въ такомъ случаѣ условія сдѣлки. Такое бѣдственное положеніе крестьянина отражается паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ и на хозяйствахъ частнаго владѣнія. «Рынокъ—по свидѣтельству мѣстнаго уѣзднаго агронома—переполняется осенью дешевымъ хлѣбомъ; это весьма пагубно отзывается и на землевладѣльцахъ, принужденныхъ также, вслѣдствіе отсутствія свободнаго капитала, продавать хлѣбъ осенью».

Послѣ этого, казалось бы, ясно, что паденіе цѣнъ на хлѣбъ вовсе не въ такой ужъ мѣрѣ зависитъ отъ такихъ неотвратимыхъ вліяній, какъ конкурренція Аргентины, Австраліи, Индіи, Канады, Манитобы и т. п. Рядъ раціональныхъ государственныхъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы крестьянинъ могъ не продавать осенью необходимый для него хлѣбъ только для того, чтобы весною купить его по повышенной цѣнѣ, могъ бы обуздать хлѣбныхъ скупщиковъ, являющихся теперь «законодателями цѣнъ» и выручающихъ отъ своихъ операцій такой барышъ, о которомъ и не снилось частнымъ владѣльцамъ. Интересы послѣднихъ требуютъ такихъ мѣръ, и онѣ тѣмъ болѣе нужны, что операціи скупщиковъ въ значительной степени носятъ характеръ вовсе не торговой, а залоговой сдѣлки. Въ самомъ дѣлѣ, разъ крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ лишь для того, чтобы осенью купить его снова по болѣе высокой цѣнѣ, то развѣ это не все равно, что взять за большіе проценты ссуду подъ залогъ хлѣба? Значительная часть торговыхъ операцій съ хлѣбомъ въ нашемъ уѣздѣ именно и носитъ характеръ замаскированнаго ростовщичества, гораздо болѣе тягостнаго, чѣмъ открытое ростовщичество.

Но не въ одномъ только этомъ пунктѣ положеніе нашего помѣщичьяго хозяйства находится въ прямой связи съ благосостояніемъ массы крест-

янскаго населенія. Самъ г. А. Н. Чичеринъ свидѣтельствуетъ, что «въ послѣдніе три года цѣны на рабочія руки во время уборки хлѣбовъ очень возвысились, вслѣдствіе увеличенія съ 1891 г. числа безлошадныхъ крестьянъ». Вотъ что говоритъ по этому поводу мѣстный агрономъ, г. Н. М. Катаевъ:

«Не менѣе 75% всѣхъ полевыхъ работъ въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ исполняется крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ... Весьма многіе владѣльцы жаловались, что конныя работы за послѣднее трехлѣтіе 1892—94 гг. выше таковыхъ же цѣнъ за трехлѣтіе 1889—91 гг. на 25—30%. Это, конечно, объясняется убылью лошадей у крестьянскаго населенія послѣ голоднаго 1891 года. Изъ этихъ данныхъ очевидною становится зависимость частновладѣльческаго хозяйства Тамбовскаго уѣзда отъ благосостоянія крестьянскаго населенія» (стр. 25).

Мы не станемъ разбирать здѣсь тѣ практическія государственныя мѣропріятія, которыя г. Катаевъ считаетъ нужными для борьбы съ безлошадностью. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Намъ сейчасъ представляется важнымъ установить лишь общій принципъ, лишь основную точку зрѣнія. Наши частные владѣльцы — если только они способны къ политическому мышленію, къ широкой, государственной точкѣ зрѣнія—должны понять, что процессъ разложенія устоевъ крестьянской жизни вовсе для нихъ невыгоденъ. Разрушеніе общинной связи и общиннаго равенства, разслоеніе деревни на богатѣевъ и бѣдняковъ, на безлошадныхъ и многолошадныхъ, арендующихъ падѣлы своихъ безхозяйныхъ однообщественниковъ — этотъ процессъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ разложенія всей нашей народно-хозяйственной жизни, и это не можетъ не отражаться на владѣльческомъ хозяйствѣ. Въ лицѣ безлошадныхъ помѣщикъ лишается рабочихъ; въ лицѣ кулаковъ пріобрѣтаетъ новыхъ конкуррентовъ не на одномъ только хлѣбномъ рынкѣ. Сельская буржуазія, гораздо болѣе беззастѣнчивая въ разныхъ способахъ наживы и эксплуатаціи крестьянина, опутывая цѣлыя волости своею паутиной, становится могущественною конкурренткой помѣщичьяго сословія. Уже и теперь она втягиваетъ нашихъ владѣльцевъ въ кулацкіе пріемы и методы веденія своего хозяйства. Уже и теперь въ большинствѣ нашихъ помѣщичьихъ имѣній практикуется осенняя наемка на весеннія работы. Крестьянину до зарѣза нужны деньги для уплаты податей. Тутъ-то и является наниматель со своими условіями. Нечего и говорить, что это паки и паки замаскированное ростовщичество.

Наши частные владѣльцы должны же, наконецъ, смѣло посмотрѣть въ лицо будущему. При этомъ не мѣшаетъ оглянуться и въ прошлое. «Встань, проснись, пробудись, на себя погляди: что ты былъ и что сталъ и что есть у тебя?» Передъ нашимъ помѣщичьимъ сословіемъ открываются два пути. Одинъ путь—понять, что владѣльческое хозяйство можетъ хорошо существовать лишь до тѣхъ поръ, пока твердъ тотъ фундаментъ, на которомъ оно зиждется—народное благосостояніе. Въ этомъ случаѣ наше помѣщичье сословіе должно возвысить свой голосъ противъ всего, что разрушающимъ образомъ

вліяетъ на устои народной жизни и народное богатство: противъ кулачества, противъ скупщиковъ, противъ эксплуатаціи во всѣхъ ея видахъ, противъ податной неравномѣрности и пр. Если оно это сдѣлаетъ—на его сторонѣ будутъ симпатіи образованнаго общества, а затѣмъ и всей многомилліонной народной массы. Другой путь—дѣйствовать въ томъ же духѣ, что и раньше; поступать, какъ дровосѣкъ въ баснѣ, рубившій сукъ, на которомъ сидѣлъ. Другой путь—это слиться съ эксплуататорами всѣхъ калибровъ, которыми кишитъ уѣздная жизнь, дать окончательно втянуть себя въ тину кулачества, въ благородное соревнованіе по части кулацкихъ пріемовъ хозяйствованія. Этотъ путь проще, понятнѣе, удобоисполнимѣе. Но неужели прошлое не показало нашему помѣщичьему сословію достаточно ясно, что въ концѣ концовъ такимъ путемъ оно само себѣ вредитъ и проигрываетъ? Большинство имѣній заложено и разстроено.

Остается цѣпляться за разныя льготы, снова и снова ходатайствовать о пониженіи % и чуть-ли не о даровомъ кредитѣ, ждать сложенія недоимокъ по тому или другому чрезвычайному случаю. Неужели такое зависимое отъ случайностей положеніе можетъ быть привлекательно? Мнѣ кажется, что всякій, въ комъ не умерло чувство собственнаго достоинства, отвернется отъ второго пути, на который, однако, толкаетъ помѣщиковъ узкій, близорукій интересъ и всемогущая рутина. Два теченія есть теперь въ русскомъ дворянствѣ и которое изъ нихъ возобладаетъ—вотъ вопросъ, который рѣшитъ недалекое будущее.

Голосъ близорукой выгоды слишкомъ ясно слышится во всѣхъ разсужденіяхъ г. А. Н. Чичерина, какъ только онъ подходитъ къ практическимъ заключеніямъ. Изъ его же собственныхъ словъ видно, въ какое противорѣчіе ставятся этимъ интересы помѣщиковъ съ интересами большинства населенія.

«Борьба съ дешевизною главныхъ хлѣбовъ, потребляемыхъ населеніемъ, какъ рожь, просо и пшеница,—говоритъ онъ, напр., на стр. 8,—должна быть основана не на искусственномъ увеличеніи цѣнъ на эти хлѣба, такъ какъ для огромнаго большинства населенія дешевизна ихъ даетъ ему возможность жить не впроголодь». Между тѣмъ на стр. 12 мы читаемъ: «существуетъ мнѣніе, высказанное въ вольно-экономическомъ обществѣ, что къ воздѣлыванію хлѣбовъ должны быть привлечены земли съ наибольшимъ естественнымъ плодородіемъ, т.-е. земли окраинъ, и что эти земли должны быть соединены съ рынками наиболѣе дешевыми путями. Еслибы это мнѣніе осуществилось, то вся средняя черноземная полоса Россіи должна превратиться въ пустыню и всякая собственность въ ней уничтожена, такъ какъ, кромѣ хлѣбопашества, никакое другое производство въ ней немыслимо».

Врядъ-ли наплывъ въ Россію дешеваго сибирскаго хлѣба такъ гибельно отразится на крестьянскомъ хозяйствѣ, если оно будетъ поставлено въ болѣе нормальныя условія; врядъ-ли черноземная полоса представляетъ такія препятствія для развитія обрабатывающей промышленности и обречена быть исключительно земледѣльческой. Въ первое время помѣщикамъ, вѣроятно, придется подумать о томъ, чтобы сдавать большее количество земли, чѣмъ

прежде, въ аренду крестьянамъ, и намъ кажется, что, вмѣсто того, чтобы протестовать противъ дифференціальныхъ тарифовъ и желѣзныхъ дорогъ, намъ было бы благоразумнѣе подумать объ улучшеніи условій аренды.

Уже въ настоящее время 41,4% всей пашни дворянскихъ владѣній находится въ сдачѣ, и, главнымъ образомъ (61%), крестьянамъ подъ посѣвъ за отработки и на сроки не болѣе 3 лѣтъ. Уменьшеніе количества и качества крестьянскаго скота, а также инвентаря, не могло не отразиться на качествѣ обработки арендованныхъ земель. Обѣдненіе крестьянства приводитъ уже и теперь къ сокращенію аренды (г. Чичеринъ приписываетъ это сокращеніе переселеніямъ). Чтобы улучшить условія аренды, нужно опять-таки поднять хозяйственный уровень крестьянскаго населенія...

Вмѣсто этого, г. Чичеринъ желаетъ силою задерживать крестьянъ, бѣгущихъ отъ своей земли искать «гдѣ лучше». «Крестьяне,—говоритъ онъ,—массами (!) записываются въ списки желающихъ переселяться... Усиленное переселеніе вызоветъ не только недостатокъ рабочихъ рукъ, но и сокращеніе аренды земли крестьянами, которое съ 1894 г. уже и безъ того проявляется въ значительной степени. Поэтому, для землевладѣльцевъ Тамбовскаго уѣзда урегулированіе переселеній составляетъ одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ» (стр. 10). Неужели г. Чичеринъ не понимаетъ, что, искусственно задерживая переселенія, можно только ухудшить положеніе и желающихъ переселиться, и тѣхъ, кто оставался бы на мѣстѣ? Неужели онъ не видитъ, что дробленіе надѣловъ давно уже перешло всякую хозяйственную мѣру и что его «урегулированіе» переселеній (и вѣдь какія слова-то хорошія!) только увеличитъ нестроенія деревни?

Однако, нельзя сказать, чтобы въ докладѣ г. Чичерина не было и справедливыхъ пожеланій. Онъ выступилъ, хотя и несмѣло, противъ фабричныхъ привилегій и монополій. Въ числѣ перечисляемыхъ имъ причинъ плохого состоянія сельскаго хозяйства стоятъ, между прочимъ:

«Высокія таможенныя пошлины, покровительствующія отечественному производству, которое пользуется этимъ покровительствомъ, чтобы снабжать землевладѣльцевъ дорогими и плохими орудіями». «При этомъ,—прибавляетъ авторъ,—мѣстные заводы отличаются самымъ небрежнымъ отношеніемъ къ покупателямъ; получить запасную часть къ орудію нерѣдко совершенно невозможно или сопряжено съ большою потерею времени, столь дорогого въ короткій періодъ земледѣльческихъ работъ въ средней полосѣ Россіи. Съ этимъ соединена еще дороговизна желѣза, такъ необходимаго въ сельскомъ хозяйствѣ, доведенная у насъ до невозможной степени, благодаря той же покровительственной системѣ» (стр. 11).

Здѣсь г. Чичерину не мѣшало бы вспомнить, что опять-таки, «благодаря той же покровительственной системѣ», нерѣдко въ чужихъ странахъ налагаютъ боевыя пошлины на ввозимый туда русскій хлѣбъ. Таможенная война съ Германіей въ третьемъ году еще у всѣхъ на памяти...

Выступить противъ привилегій капиталистической промышленности и за организацію мѣстной народной промышленности было бы гораздо так-

тичнѣе для нашихъ землевладѣльцевъ, чѣмъ говорить объ урегулированіи переселеній, понимая это послѣднее не въ широкомъ общегосударственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ чуть-ли не прикрѣпленія крестьянъ къ извѣстнымъ хозяйствамъ съ распространеніемъ обязательности при наемкѣ договорныхъ листовъ. Капитализмъ уже давно безпрепятственно творитъ свою работу, подтачивая самые устои народной жизни и благосостоянія, и смотрѣть въ эту сторону было бы лучше, чѣмъ бросать темные, слегка какъ бы «стыдливые» намеки на пагубность «гнетущаго вліянія мірского владычества» въ деревнѣ (докладъ А. Н. Чичерина, стр. 15). Несчастная община почему-то не даетъ спать нѣкоторымъ землевладѣльцамъ.

Возвышеніе крестьянскаго благосостоянія—насущная жизненная задача, и отъ нея нельзя отдѣлаться нѣсколькими популярными ходатайствами и даже общими указаніями на необходимость народнаго образованія и уничтоженія «того приниженнаго положенія, въ которое поставлены крестьяне сравнительно съ другими сословіями» (докладъ г. А. Н. Чичерина, стр. 15). А какъ смотритъ на эту задачу тамбовское земство—видно изъ пріема, оказаннаго имъ докладу уѣзднаго агронома Н. М. Катаева, составленнаго въ духѣ поддержанія крестьянскаго хозяйства. Г-нъ Катаевъ въ своемъ докладѣ указывалъ, въ числѣ нуждъ сельскаго хозяйства, на необходимость реформы податной системы, съ цѣлью перенесенія части налоговъ на обрабатывающую промышленность и капиталы, и урегулированія размѣровъ налога съ дѣйствительной доходностью земли, установленія болѣе правильныхъ сроковъ взысканія окладныхъ сборовъ и, наконецъ, установленія точнаго minimum'а имущества въ хозяйствѣ, не подлежащаго отчужденію на пополненіе окладныхъ сборовъ. Онъ предлагалъ ходатайствовать передъ правительствомъ о предоставленіи земству права опредѣлять сроки взысканія податей; указывалъ на необходимость пересмотра таможеннаго тарифа въ интересахъ сельскаго хозяйства; на необходимость реформы крестьянскаго банка; на облегченія для крестьянства перехода къ артельному строю въ земледѣліи; на важность коммиссіонной дѣятельности государства и земствъ въ торговлѣ крестьянскимъ хлѣбомъ и т. п. Но агрономъ погубилъ весь свой докладъ однимъ, хотя и симпатичнымъ, но, увы! наивнымъ предложеніемъ: онъ попробовалъ разъяснить сельскимъ хозяевамъ, что бездоходность ихъ хозяйствъ зависитъ отъ того, что львиная доля доходовъ поглощается въ настоящее время платежомъ процентовъ въ банки, а потому исходомъ изъ современнаго кризиса должно явиться согласіе земельныхъ банковъ взять за долги часть имѣній. Земля эта должна перейти въ вѣдѣніе объединенныхъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ. «Облегчивъ» владѣльцевъ отъ задолженности, а кстати и отъ части земель, дворянскій банкъ передаетъ образованныя такимъ образомъ новыя государственныя земли крестьянскому банку: 1) для продажи нуждающемуся въ землѣ крестьянскому населенію и 2) для сдачи ихъ крестьянскимъ обществамъ въ долгосрочную аренду.

Какъ уже сказано выше, агрономъ предложилъ самому же земству, со-

стоящему въ громадномъ большинствѣ изъ частныхъ владѣльцевъ, ходатайствовать объ «освобожденіи» ихъ отъ части земли.

Понятно, какой пріемъ могло встрѣтить подобное предложеніе. Земство, повидимому, рѣшило наказать наивнаго агронома, который вздумалъ при такихъ обстоятельствахъ увѣрять, «что хозяинъ только выиграетъ отъ передачи части земли за долгъ банку, что это только облегчитъ его трудъ, развяжетъ ему руки, дастъ устойчивость хозяйству». Докладъ собраніе оставило совсѣмъ неразсмотрѣннымъ, на томъ основаніи, что онъ будто бы состоитъ изъ общихъ фразъ и предложеній, мало разработанныхъ и недостаточно мотивированныхъ. Мало того. Въ позднѣйшихъ засѣданіяхъ собраніе или единогласно отвергало, или сдавало въ коммиссію всѣ предложенія агронома; мотивами являлись то важность вопроса, то еще что-нибудь въ томъ же родѣ. Доклады же его, не успѣвшіе быть напечатанными, въ собраніи даже и не читались. Ихъ хоронили, такъ сказать, заглазно. Агроному оставалось только вздыхать и думать: oleum et operam perdidi...

Впрочемъ, и предложенія г. А. Н. Чичерина не всѣ были приняты. Два ходатайства, которыя наиболѣе ярко окрашивали въ опредѣленный цвѣтъ его докладъ: обязательное введеніе договорныхъ листовъ и «урегулированіе» переселеній—были отвергнуты.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что отвѣтъ тамбовскаго уѣзднаго земства на запросъ министерства оказывается совершенно безцвѣтнымъ. Назрѣвшими нуждами земледѣлія признаны: удешевленіе земледѣльческихъ орудій и желѣза, удешевленіе подвоза хлѣбовъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ и провоза къ мѣстамъ сбыта, устройство сельскохозяйственныхъ школъ, распространеніе народнаго образованія, упорядоченіе сельскаго общественнаго устройства; геологическое изслѣдованіе уѣзда, улучшеніе породъ рогатаго скота, содѣйствіе крестьянамъ въ покупкѣ лошадей; для нечерноземной части уѣзда развитіе техническихъ производствъ и кустарныхъ промысловъ, для черноземной—отысканіе зимнихъ заработковъ.

Цѣлесообразными мѣрами для удовлетворенія этихъ нуждъ признаны: освобожденіе земскихъ складовъ орудій отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ, удешевленіе провоза хлѣбовъ по желѣзнымъ дорогамъ и уменьшеніе накладныхъ расходовъ по доставкѣ хлѣба къ мѣстамъ сбыта, улучшеніе подъѣздныхъ путей къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ и, наконецъ, матерьяльное участіе министерства земледѣлія въ содержаніи агрономическаго института.

Ни крестьянское малоземелье, ни отсутствіе дешеваго крестьянскаго кредита, ни вопросы податной системы въ перечнѣ назрѣвшихъ больныхъ мѣстъ земледѣлія не фигурируютъ. Очевидно, не отъ тамбовскаго земства ждать отклика на насущные, жизненные вопросы нашего времени...

В. Черновъ.

Изъ Саратова.

Въ январѣ текущаго года наше губернское земское собраніе рѣшило взять на себя покупку хлѣба для правительства, и съ весны многими уѣздными управами начаты были эти операціи. Не смотря на искусственность и небольшіе размѣры, эта покупка принесла населенію извѣстную пользу: она способствовала поддержанію цѣнъ на мѣстныхъ рынкахъ. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ производились земскія покупки, цѣна въ частной ссыпкѣ повысилась до 33½ коп., т.-е. на полкопейки выше противъ земской цѣны; тамъ же, гдѣ не было открыто земской покупки, цѣна стояла отъ 25 до 29 коп. за пудъ, т.-е. ниже земской на 8 коп. за пудъ. Были случаи, что земская покупка по нѣкоторымъ обстоятельствамъ въ базарный день не открывалась, и это немедленно вызывало значительное пониженіе цѣны.

Въ началѣ покупка хлѣба земствомъ шла медленно, но съ августа мѣсяца предложенія ржи сильно увеличились. Между тѣмъ производить покупки ржи въ широкихъ размѣрахъ земство не могло, такъ какъ министерство финансовъ отпустило въ нынѣшнемъ году на эту операцію всего только 600.000 руб., причемъ департаментъ торговли и мануфактуръ предложилъ производить покупку лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Затѣмъ послѣдовало распоряженіе, чтобы рожь покупалась въ размѣрѣ не болѣе 6.000 пуд. отъ одного лица, тогда какъ ранѣе разрѣшалось покупать до 50 тыс. въ одномъ хозяйствѣ, а норма обязательнаго вѣса, ниже котораго не допускается покупать хлѣбъ, была установлена въ 9 пуд. съ четверти. Если первое распоряженіе имѣло въ виду понятную цѣль направить покупку преимущественно на крестьянскій хлѣбъ, то второе распоряженіе крайне неблагопріятно отразилось на земской покупкѣ, такъ какъ 9-пудовая рожь въ нынѣшнемъ году уродилась далеко не во всей губерніи. По свѣдѣніямъ губернской управы, девятипудовая и болѣе въ четверти рожь получилась съ половины площади посѣвовъ по уѣздамъ Балашовскому и Сердобскому, съ трети—по Аткарскому, съ четверти—по Вольскому, Петровскому и Саратовскому, съ пятой части—по Камышинскому, и почти вовсе нѣтъ 9-пудовой ржи въ уѣздахъ Хвалынскомъ и Царицынскомъ. Цифры эти представляютъ результатъ умолота первой половины урожая, а зерно второй половины, подъ вліяніемъ атмосферныхъ причинъ, неминуемо получится слабѣе и ниже вѣсомъ. Поэтому девятипудовой ржи на базарахъ находилось очень мало, и всю ее покупало земство, а массу болѣе легкаго хлѣба совсѣмъ за безцѣнокъ брали разные скупщики, которые, не встрѣчая конкурренціи со стороны земства, непомѣрно дешевили его. При сокращеніи размѣра покупки ржи можно было бы достигнуть удержанія цѣнъ отъ чрезмѣрнаго пониженія, еслибы не послѣдовало распоряженія о девятипудовой нормѣ, а главное, о томъ, чтобы меньшаго вѣса рожь совсѣмъ не принималась. Послѣднею мѣрою, парализующей всякій дальнѣйшій успѣхъ покупки, начинавшій пріобрѣтать существенное

значеніе, явилось пріуроченіе цѣны, ранѣе присвоенной ржи вѣсомъ 8 пуд. 25 фунт., къ девятипудовому вѣсу, другими словами, пониженіе цѣны на 2½ коп. въ пудѣ. Кромѣ того, успѣху дѣла мѣшала неопредѣленность времени сдачи хлѣба. По первоначальнымъ условіямъ, продавцы должны были сдать хлѣбъ до начала уборки, затѣмъ сдача была отложена до осени, но и теперь къ пріемкѣ хлѣба еще не приступлено и по многимъ признакамъ можно заключить, что пріемка затянется дольше, чѣмъ это предполагалось. Обстоятельство это очень важно и можетъ вызвать большія недоразумѣнія. Какъ извѣстно, большинство хозяевъ не имѣетъ лишнихъ амбаровъ, и для того, чтобы помѣстить хлѣбъ послѣдней молотьбы, надо продать и вывезти изъ нихъ раньше обмолоченный хлѣбъ. Каждый хозяинъ, продавая рожь, имѣетъ свои разсчеты, какъ относительно полученія денегъ, которыя удерживаются согласно условію до сдачи хлѣба, такъ и относительно того, когда у него освободятся амбары; а для нѣкоторыхъ лицъ вопросъ о своевременной сдачѣ хлѣба и полученіи за него послѣднихъ 25% цѣны является настоятельною необходимостью. Въ подобныхъ случаяхъ необходимо въ точности выполнять заключенныя раньше условія, по которымъ указаны сроки пріема ржи. Согласно § 49 инструкціи, хлѣбъ, купленный и ссыпанный земствомъ въ склады по желѣзной дорогѣ, долженъ быть принятъ отъ земства уполномоченнымъ министерства вмѣстѣ съ амбаромъ; поэтому, ссыпка производилась только по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ, уполномоченный распорядился отправить изъ Петровскаго уѣзда въ козловскій элеваторъ и въ другія мѣста 126.675 пуд. ржи. Качество отправленнаго хлѣба, какъ удостовѣряетъ уѣздная управа, удовлетворяло всѣмъ требованіямъ, а процентъ сорности былъ даже менѣе разрѣшеннаго правилами. Количество отправленнаго хлѣба удостовѣрено желѣзнодорожными квитанціями. Не смотря на это, уполномоченный министерства сообщилъ петровской управѣ, что при пріемѣ ржи не достало 584 пудовъ (на 207 руб. 68 коп.) и что, по опредѣленіи качества хлѣба, оказалось, что процентъ сора черезчуръ великъ, почему онъ опредѣляетъ на всю партію за излишній соръ скидку въ 357 р. 76 коп., а всего признаетъ нужнымъ скинуть 565 р. 44 к., т.-е. на каждый пудъ почти ½ коп. Опредѣленіе качества хлѣба на козловскомъ элеваторѣ сдѣлано безъ представителя отъ земства.

Все это побудило губернскую управу въ сентябрѣ мѣсяцѣ созвать съѣздъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ для выработки мѣръ къ устраненію такого нежелательнаго положенія, а въ октябрѣ созвать экстренное губернское земское собраніе, на которомъ было постановлено ходатайствовать предъ министерствомъ финансовъ: 1) чтобы разрѣшено было покупать изъ однѣхъ рукъ партіи хлѣба до 15.000 пуд.; 2) чтобы уполномоченный министерства финансовъ озаботился пріемомъ хлѣба, согласно условій, заключенныхъ между земствомъ и продавцами, отъ тѣхъ земствъ, гдѣ это будетъ признано неизбѣжнымъ; 3) чтобы пріемъ хлѣба и выдача квитанцій производились не на мѣстѣ, куда хлѣбъ отправляется, а на мѣстѣ его храненія

земствомъ, согласно заключеннымъ условіямъ; 4) чтобы отпускаемыя министерствомъ средства были достаточны для непрерывной покупки хлѣба; 5) о пониженіи нормальнаго вѣса ржи до 8 пуд. 25 ф.; 6) чтобы допущена была къ пріему рожь и болѣе низкаго вѣса, а именно до 8 п. 16 ф. съ пониженіемъ цѣны на каждые 3 фунта въ размѣрѣ 1 коп., а также допускать надбавку въ цѣнѣ нормальнаго вѣса до 9 пуд. 3 фунт. по полкопейки за каждые три фунта; 7) чтобы цѣны, назначаемыя правительствомъ, были, по возможности, устойчивѣе и рѣже мѣнялись, иначе подрывается солидность отношеній между земствомъ и продавцами, причемъ настоящая цѣна по большинству уѣздовъ является совершенно невозможной; 8) чтобы покупки производились поровну: партіонныя и мелочныя; 9) чтобы покупка была открыта на волжскихъ пристаняхъ по цѣнамъ, назначеннымъ для желѣзнодорожныхъ станцій, потому что доставка грузовъ съ Волги до Петербурга обходится дешевле желѣзнодорожной.

Кромѣ того, предсѣдатель губернской управы, г. Круберъ, по просьбѣ съѣзда предсѣдателей, въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ въ Петербургѣ и лично подалъ докладную записку обо всемъ вышесказанномъ г. министру финансовъ.

Въ настоящее время департаментомъ торговли и мануфактуръ сдѣланы слѣдующія распоряженія по ходатайствамъ земства: допущена пріемка крестьянской ржи съ пониженіемъ вѣса до 8 пуд. 25 фунт. и сбавка цѣны на 1/2 копейки ва каждые 3 фунта вѣса въ четверти; сдѣлана надбавка къ покупной цѣнѣ по 1 коп. на пудъ для всѣхъ уѣздовъ и разрѣшено продолженіе покупки ржи, а необходимый для этихъ операцій кредитъ переведенъ въ мѣстную казенную палату.

Я. Бур—къ.

Выборгъ.

Не смотря на то, что пограничная линія между Россіей и подвластной ей Финляндіей находится всего въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ С.-Петербурга,—у насъ, въ Россіи, очень мало знаютъ объ этой странѣ. Между тѣмъ, съ той поры, какъ народные депутаты стали собираться на сеймъ въ Гельсингфорсъ, а съ 1886 года получили право законодательнаго почина, въ Финляндіи пробудилась общественная жизнь, закипѣла работа, давшая во многихъ отношеніяхъ блестящіе и поучительные результаты.

Для Финляндіи чрезвычайно характеренъ ея гимнъ, сложенный сравнительно недавно однимъ изъ національныхъ поэтовъ, но уже проникшій въ каждую пищенскую лачугу, восторженно распѣваемый рѣшительно всѣми на финскомъ и на шведскомъ языкахъ: «О родная земля, дорогое отечество! Пусть громче и громче гремитъ твое драгоцѣнное имя! Нѣтъ горы, возвышающейся къ небу, нѣтъ долины, проникающей вглубь, нѣтъ такого берега, нѣтъ такого края земного, которые мы любили бы больше своей

родины!—Наша страна бѣдна и останется навсегда такой для тѣхъ, кто ищетъ золото. Иностранецъ гордо пройдетъ мимо нашихъ болотъ, мховъ, камней... Но мы—мы любимъ и эту землю!—Своими песчаными равнинами, своими сосновыми борами, своими скалами, островами—она все-таки—золотая страна! Родина! Какъ изъ почекъ распускается цвѣтокъ, такъ изъ нашей любви, нашего труда возгорится твой свѣтъ, твоя радость, твой блескъ!.. Выше, выше неслись наша пѣснь отечеству!..» И эта горячая, культурная, но не воинственная любовь къ бѣдной родинѣ все болѣе и болѣе проявляется въ финляндцахъ. Вотъ нѣсколько фактовъ.

До послѣдняго времени въ Финляндіи 200 тысячъ «дворянъ», состоятельныхъ шведовъ, властвовали надъ 2 милліонами «мужиковъ»—финновъ. Вездѣ—въ судахъ, школахъ, университетѣ, сеймѣ царилъ шведскій языкъ, столь похожій на нѣмецкій, но совершенно чуждый финскому. Но, вотъ возникла партія «феномановъ» (финномановъ) и вступила въ борьбу со «шведоманами» за равенство народнаго финскаго языка со шведскимъ, и вскорѣ получились такіе результаты. Въ Финляндіи введено всеобщее, обязательное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ на любомъ изъ двухъ языковъ. Въ болѣе крупныхъ деревняхъ устроены так. наз. народные университеты [1]). Послѣдній сеймъ (1894 года) постановилъ израсходовать на ихъ развитіе 500 тысячъ марокъ (около 200 тысячъ рублей). Въ апрѣлѣ настоящаго года эта ассигновка сейма не была утверждена, и финноманы, путемъ подписки, лотерей, «популяръ-концертовъ» и т. п., собрали, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до 800 тысячъ марокъ. Кстати о «популяръ-концертахъ». «Финноманы» образовали общество распространителей серьезной музыки среди народа. Общество открыло рядъ воскресныхъ «популяръ-концертовъ», между прочимъ и для обывателей Выборга въ громадномъ залѣ народнаго училища. Играетъ оркестръ любителей. Плата за входъ—25 пеней (т.-е. 6—8 копѣекъ). Бываетъ до 2-хъ тысячъ слушателей. Мѣстъ нумерованныхъ нѣтъ. Въ первомъ ряду можно видѣть перваго сановника города, чернорабочаго, горничную... Насъ, русскихъ, здѣсь удивляетъ одно маленькое обстоятельство: посѣтители концерта оставляютъ верхнюю одежду и т. п. безъ всякаго присмотра на вѣшалкѣ, въ уединенномъ, выходящемъ непосредственно на улицу, коридорѣ училища—и ничто никогда не пропадаетъ, даже калоши!

[1]) Народные университеты устраиваются, главнымъ образомъ, въ деревняхъ; ближайшій къ Петербургу находится всего въ двухъ съ половиной часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, въ селеніи «Новая Кирка». Въ университеты принимаются мужчины и женщины (обученіе опять-таки совмѣстное для обоихъ половъ), окончившіе обыкновенную народную школу, отъ 18-ти до 40-калѣтняго возраста. Плата за слушаніе лекцій самая ничтожная, и вольнослушатели освобождаются отъ нея. Программа имѣетъ общеобразовательный, энциклопедическій характеръ: здѣсь проходятъ исторію, географію, начатки политической экономіи, естественныя науки и т. д.

*

Въ Гельсингфорскомъ университетѣ теперь читаются лекціи не только на шведскомъ, но и на финскомъ языкахъ. Двери университета широко раскрыты для каждаго: всякій имѣетъ право войти въ него съ улицы и безплатно слушать лекціи. На всѣхъ факультетахъ совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ. Дѣйствительные студенты (могутъ быть лишь окончившіе и окончившія гимназію; въ Гельсингфорсѣ имѣется таковая съ обученіемъ, совмѣстнымъ для обоихъ половъ) платятъ за каждый семестръ (полугодіе) 40 марокъ—около 14 рублей. Среди студентовъ существуютъ корпораціи; товарищескимъ судомъ разбираются легкіе проступки студентовъ, профессорскимъ—болѣе тяжкіе. Замѣчательно, что гельсингфорское студенчество совершенно не признаетъ дуэлей, такъ часто примѣняемыхъ въ германскихъ корпораціяхъ. Финляндское правительство выстроило для студентовъ всѣхъ обществъ домъ съ надписью по наружной стѣнѣ: «Patria suae spei»—отечество своей надеждѣ.

Общее просвѣтительное, гуманное теченіе захватило и тюрьмы Финляндіи. Въ исправительныхъ отдѣленіяхъ введено обязательное обученіе всѣхъ арестантовъ обоего пола начальной грамотѣ (законъ Божій, чтеніе и письмо, ариѳметика и разныя нравственныя бесѣды); въ тюрьмахъ обученіе обязательно для сидящихъ на срокъ болѣе 3-хъ мѣсяцевъ и въ возрастѣ не старше 40 лѣтъ; впрочемъ, всѣ желающіе допускаются въ школу. Обученіе (ежедневно по 1 часу) производится раздѣльно для обоихъ половъ нарочно приглашенными для этого учителемъ и учительницею. Для школъ въ тюрьмахъ отведены лучшія помѣщенія, устроены прекрасныя парты. При тюрьмахъ открыты библіотеки, содержащія русскія, финскія и шведскія книги. Въ выборгской тюрьмѣ среди русскихъ книгъ, главнымъ образомъ религіознаго содержанія, мы нашли и «Тараса Бульбу», разсказы Бретъ-Гарта, напр. «Рождественская ночь», «Парашу Сибирячку» и т. п. Кромѣ грамоты, тюрьмы обучаютъ и ремесламъ. Въ выборгской тюрьмѣ имѣются три образцовыя мастерскія: кузнечная, столярная и сапожная; для женщинъ даются ткацкіе станки. Ремесла преподаются спеціально приглашеннымъ для этого мастеромъ. Арестанты, сидящіе менѣе мѣсяца, за издѣлія ничего не получаютъ; остальные же, работающіе изъ собственнаго матерьяла, получаютъ $^1/_3$ заработной платы, а работающіе изъ казеннаго—по 3 марки въ мѣсяцъ.

Финскій языкъ, наконецъ, водворился и въ сеймѣ, хотя дворянское сословіе не признавало его до прошлаго года. На послѣднемъ сеймѣ одинъ изъ представителей шведскаго дворянскаго рода—директоръ учительской семинаріи, г. Коскинепъ (сынъ сенатора Иріо-Коскинена), заговорилъ предъ своимъ сословіемъ по-фински. Многіе встрѣтили его свистомъ, но онъ мужественно продолжалъ говорить и одержалъ побѣду—его выслушали, и нѣкоторые послѣдовали примѣру новатора.

Несомнѣнно, что финскому языку предстоитъ будущее. Появилась оригинальная литература, а о переводной и говорить нечего. Переводъ разсказа

графа Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ» на финскомъ и на шведскомъ языкахъ появился въ Выборгѣ черезъ недѣлю послѣ выхода его въ С.-Петербургѣ. Въ каждомъ маленькомъ городкѣ уже выходитъ газета. Въ одномъ Выборгѣ съ 18 тысячами жителей издаются четыре ежедневныхъ газеты: двѣ шведскія и двѣ финскія. (Въ Кіевѣ съ 201 тысячами жителей 3 газеты, въ Астрахани съ 74 тысячами—одна, не считая оффиціальныхъ; о нашихъ же уѣздныхъ городахъ съ 20—25 тысячами населенія странно даже вспоминать).

Но партія «финномановъ» не остановилась только на проведеніи всюду родного языка. Сама жизнь выдвинула ей и другіе запросы. Дѣло въ томъ, что финляндскій сеймъ съ 1869 года состоитъ изъ четырехъ сословій: дворянства, духовенства,—къ которому присоединяются представители отъ гельсингфорскаго университета (два) и отъ учебныхъ заведеній по епархіямъ,—горожанъ и крестьянъ. Отъ дворянъ могутъ присутствовать въ сеймѣ представители всѣхъ 241 дворянскихъ фамилій. Каждый городъ можетъ избрать по депутату и прибавлять одного на каждые 6.000 жителей. Для крестьянъ, платящихъ подать съ собственной или арендуемой земли, установлено одно неизмѣнное число депутатовъ—62. При рѣшеніи дѣлъ сеймомъ каждое сословіе подаетъ одинъ голосъ (мнѣніе большинства сословія), такъ что проекты утверждаются тремя сословіями. Такимъ образомъ, сглаживается разница въ количествѣ депутатовъ отъ сословія. Вниманіе «финномановъ» поэтому обратилось на самые выборы депутатовъ, на качества послѣднихъ. Въ городахъ имѣютъ право участвовать въ выборахъ всѣ мужчины, внесенные въ податные списки города и обязанные платить подати на общія потребности городской общины, за исключеніемъ дворянъ, духовенства, прислуги, подепщиковъ, нижнихъ воинскихъ чиновъ, лицъ, занимающихся какимъ-либо промысломъ лишь для собственнаго пропитанія, и лицъ, состоящихъ въ недоимкѣ болѣе года. Кромѣ того, избиратели имѣютъ различное число голосовъ, сообразно количеству платимыхъ ими налоговъ, такъ что крупные плательщики налоговъ могутъ имѣть до 25 голосовъ. Этотъ порядокъ выборовъ можетъ быть измѣненъ каждымъ городскимъ собраніемъ съ Высочайшаго утвержденія. Но въ городахъ Финляндіи богачами являются исключительно шведы, почему, не смотря на малочисленность, они проводятъ своихъ кандидатовъ въ депутаты, въ городскіе повѣренные на ратушсобранія и, конечно, не желаютъ отказаться отъ такой привилегіи. Въ настоящее время всѣ усилія финномановъ и направлены противъ этого порядка. На «ферейнахъ» рабочихъ (въ Выборгѣ рабочіе имѣютъ свой собственный домъ спеціально для собраній), въ газетахъ, вездѣ, гдѣ возможно, ведутъ «финноманы» агитацію за равноправную, всеобщую подачу голосовъ. По всей Финляндіи разбросаны банки, магазины, лавки, мастера, дѣлающіе всевозможныя уступки и льготы «финноманамъ». Со 2-го марта 1895 г. въ Гельсингфорсѣ начала выходить еженедѣльная (по субботамъ) газета «Työmies» (Рабочій). Подписная цѣна въ годъ 2 марки 50 пеней (80—92 коп.), въ мѣсяцъ—35 пеней (12 копеекъ).

Газету редактируютъ: столяръ, машинистъ, портной и бывшій сельскій учитель,—A. N. Karvonen, V. Sohlman, N. af-Ursin и Wilho Wirta. Въ своей первой передовой статьѣ издатели говорятъ: теперь часто толкуютъ, что больше не надо газетъ, что ихъ и безъ того много у насъ, но не то заявляютъ намъ «рабочіе изъ деревень». Рабочіе имѣютъ мало голосовъ, имъ нужно соединиться и образовать партію. Мы и желаемъ, чтобы наша газета послужила связующимъ звеномъ между рабочими, разбросанными по всей Финляндіи. Наконецъ, въ самое послѣднее время въ «финноманскихъ» газетахъ затронутъ еще одинъ вопросъ, уже совершенно выходящій изъ рамокъ вопроса о языкѣ: «финноманы» предлагаютъ ввести равенство мужчинъ и женщинъ во всѣхъ служебныхъ и общественныхъ отношеніяхъ и обосновываютъ эту реформу одинаковымъ ихъ образовательнымъ цензомъ, а также примѣромъ участія вдовъ, разведенныхъ женъ и совершеннолѣтнихъ женщинъ съ правомъ голоса при выборахъ, въ общинныхъ и ратушныхъ собраніяхъ.

Вл. Берепштамъ.

По поводу внутреннихъ вопросовъ.

Прошлый разъ я остановился и отмѣтилъ въ общихъ чертахъ характерное для теперешняго времени явленіе, происходящее въ нашемъ культурномъ обществѣ: это колебательное, неопредѣленное, измѣнчивое и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прямо дурное отношеніе къ крестьянскому вопросу,—не къ какимъ-либо сложнымъ и труднымъ его сторонамъ, а по существу, до элементарнаго отношенія къ человѣческой личности включительно. Явленіе это происходитъ, какъ можно было видѣть изъ приведенныхъ фактовъ, и въ жизни, и въ литературѣ. Въ то время, какъ въ сферахъ и органахъ печати реакціонныхъ оно выражается по большей части грубо, рѣзко, неприлично, въ средѣ либеральной и органахъ прогрессивныхъ для него подыскиваются разныя болѣе или менѣе тонкія, яко бы даже европейскія и «научныя» основанія. Легче отъ этого, конечно, не становится, и подобное явленіе производитъ крайне тягостное впечатлѣніе, которое тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ вы больше вѣрите въ значеніе культуры и интеллигенціи, какъ обновляющаго фактора жизни. Подобные факты неустойчивости нашихъ воззрѣній, указывающіе на трудность объединенія взглядовъ и дѣйствій даже по элементарнымъ вопросамъ, можно сравнить съ колебаніемъ почвы, на которой вы думали, что стоите прочно, съ перемѣною людей, на которыхъ вы надѣялись и которые не выдержали давленія безвременья.

Тѣмъ сильнѣе должно быть желаніе знать причины такой неустойчивости.

Мы не говоримъ о реакціонной печати, которая смотритъ на мужика только какъ на извѣстнаго рода живой хозяйственный инвентарь и прямо говоритъ: «бей и пори!». Взглядъ этотъ не новъ и крайне простъ, а аргументація можетъ развѣ только удивлять своею беззастѣнчивостью: «Гражданинъ», напр., защищая свободу рукъ нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ, приравниваетъ порицаніе печатью злоупотребленій по этой части—къ потрясенію основъ и отрицанію самаго закона, гдѣ, разумѣется, о битьѣ ничего не говорится; мало этого, онъ не постѣснился приводить въ примѣръ даже св. Николая Чудотворца, ударившаго, по преданію, Арія... Съ такой аргументаціей ничего не подѣлаешь и остается именно развѣ только удивляться необыкновенной находчивости да зуду въ рукахъ кн. Мещерскаго. Но не о немъ мы и говоримъ, — это фигура исключительная, по извращенности обыкновенныхъ человѣческихъ чувствъ и логики,— а о цѣломъ рядѣ другихъ людей, также, повидимому, совершенно непризнающихъ въ мужикѣ человѣческаго достоинства и самомалѣйшихъ признаковъ личности. Точно не проходило 34 лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ.

Вотъ ѣдетъ на тройкѣ по бѣжецкому тракту помѣщикъ А. Д. Способинъ. Навстрѣчу пять крестьянскихъ саней. Онъ кричитъ имъ издали еще свернуть и пропустить его экипажъ. Тѣ, за метелью и бурей, не слышатъ, и вотъ барская тройка сталкивается съ первою клячею крестьянина Бурченкова, а баринъ бранится и бьетъ его «наотмашъ въ шею». Потерпѣвшій жалуется, по подсудности, сперва земскому начальнику, и тотъ оправдываетъ г. Способина; затѣмъ переноситъ дѣло въ съѣздъ, и съѣздъ утверждаетъ оправдательный приговоръ. Нужно замѣтить, что г. Способинъ—юристъ, присяжный повѣренный (Сам. газ., № 210, 1895 г.). Вотъ въ виленской судебной палатѣ разбирается дѣло объ извѣстномъ мѣстномъ землевладѣльцѣ и милліонерѣ Монтвидѣ-Бѣлозорѣ, обвиняющемся въ истязаніи слуги, послѣдствіемъ чего была его смерть, и судебная палата, не смотря на кассацію сенатомъ перваго оправдательнаго приговора, вторично его оправдываетъ, тогда какъ слуги его идутъ въ каторжныя работы («Приаз. Край», № 254). Выѣздная сессія варшавскаго окружнаго суда разсматриваетъ въ Влоцлавскѣ такое дѣло: пришли крестьяне къ управляющему имѣніемъ Свіонтники—А. Бретесу, справиться, почему экономія заняла часть луга, не подлежащаго запашкѣ, по праву сервитутовъ, причемъ вели себя, какъ показали свидѣтели, «мирно и никакого повода къ насилію не давали», а г. Бре-

тесъ, недовольный тѣмъ, что они задаютъ подобные вопросы и по первому его приказанію не расходятся, пускаетъ въ ходъ кастетъ, и одинъ изъ нихъ отъ удара въ голову черезъ нѣсколько часовъ умираетъ («Од. Нов.» № 3408). Въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ земскій начальникъ, г. Левшинъ, снимаетъ съ себя въ дер. Серменевой «символъ своей власти—знакъ съ цѣпью» и бьетъ имъ сотскаго такъ сильно, что знакъ отрывается («Нед.» № 36). Въ ту же газету изъ Петровскаго уѣзда, Сарат. губ., пишутъ о подвигахъ новаго современнаго дѣятеля, поручика запаса П. А. Васильчикова.

«Вступленіе его въ должность на первыхъ же порахъ ознаменовалось нѣсколькими случаями жестокой кулачной расправы. Въ с. Синенькихъ, Вязьминской волости, произошелъ пожаръ въ то время, когда мѣстный сельскій староста вмѣстѣ съ выборными былъ въ полѣ, гдѣ происходилъ дѣлежъ общественныхъ луговъ. Прибывъ въ Синенькіе вскорѣ послѣ пожара, земскій начальникъ накинулся на старосту съ цѣлымъ градомъ отборнѣйшихъ ругательствъ за то, что тотъ не былъ на пожарѣ. Староста началъ-было объяснять, что онъ не могъ быть на пожарѣ, такъ какъ производилъ въ это время дѣлежъ общественныхъ луговъ, но не успѣлъ онъ сказать нѣсколькихъ словъ въ свое оправданіе, какъ получилъ сильнѣйшій ударъ по лицу, который сшибъ его съ ногъ. (Г. Васильчиковъ—человѣкъ огромнаго роста, очень тучный, молодой и здоровый). Староста поднялся съ земли, но тутъ на него посыпались новые удары, отъ которыхъ все лицо его покрылось кровью. Этому въ значительной степени способствовало массивное желѣзное кольцо, которое носитъ г. Васильчиковъ на одномъ изъ пальцевъ правой руки. Избіеніе это происходило на улицѣ, среди села, на глазахъ цѣлой толпы народа. Мѣстный священникъ и другія лица, пріѣхавшія на пожаръ, передавали, что происшествіе это произвело на всѣхъ подавляющее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что избитый сельскій староста извѣстенъ за хорошаго, честнаго и домовитаго крестьянина. Къ тому же, бывшій до г. Васильчикова земскій начальникъ, А. Н. Вышеславцевъ, ранѣе служившій здѣсь мировымъ судьею, былъ далекъ отъ подобныхъ пріемовъ и пріучилъ населеніе къ мягкому, гуманному отношенію».

Корреспондентъ добавляетъ, что послѣ описаннаго происшествія не только избитый, но и избившій должны были обратиться къ медицинской помощи: «г. Васильчиковъ сильно повредилъ себѣ кисть правой руки, вслѣдствіе чего принужденъ былъ отправиться въ усадьбу сосѣдняго помѣщика В. А. Волженскаго, гдѣ ему была сдѣлана перевязка», которую онъ потомъ долженъ былъ долго носить. Такимъ образомъ, послѣдовалъ нѣкоторый спасительный антрактъ для подвѣдомственныхъ физіономій, но, по всей вѣроятности, только антрактъ, потому что, отвѣчая въ съѣздѣ на вопросы сослуживцевъ о перевязанной рукѣ—«ушибъ», г. Васильчиковъ «въ болѣе интимныхъ бесѣдахъ» «не безъ торжества» передавалъ о томъ, какъ староста «отъ перваго же удара слетѣлъ

съ ногъ» (ib.). Можетъ быть, скоро доживемъ до того, что битье сдѣлается предметомъ удали, спорта. Бьютъ въ Бурашевской больницѣ душевно-больныхъ съ переломомъ костей, такъ что они умираютъ; бьютъ въ мастерскихъ, на заводахъ, въ тюрьмахъ (см., напр., Кунгурское дѣло, разбиравшееся въ Перми казанскою суд. палатою; подобное же дѣло въ тифлисской суд. пал.); но о такихъ фактахъ мы уже не говоримъ и должны привѣтствовать такіе приказы, какъ отданный нынѣшнимъ лѣтомъ по Кубанскому войску, гдѣ битье арестантовъ было не одобрено и прямо названо противузаконнымъ: когда смотритель усть-лабинской тюрьмы позвалъ изъ караула 4 солдатъ и велѣлъ имъ бить нѣкоторыхъ арестантовъ, то начальникъ караула, урядникъ З. Куцакъ, отказался исполнить это противузаконное требованіе, и за это ему не только ничего не было сдѣлано, но, напротивъ, было указано въ приказѣ на твердое знаніе имъ обязанностей службы. Битье становится до такой степени распространеннымъ, что переходитъ въ книги, и пощечины начинаютъ рекомендоваться, какъ вѣрное средство противъ дѣтской икоты. Читатель, можетъ быть, подумаетъ, что я шучу, но я совѣтую ему заглянуть въ изданную г. Битепажемъ «Пеструю книжку разсказовъ для маленькихъ дѣтей» (изд. 5-е), гдѣ разсказывается слѣдующее: сидитъ благородный отецъ семейства съ дѣтьми за столомъ и занимается; старшая дочка читаетъ и икаетъ; онъ приказываетъ ей не икать; та не можетъ исполнить этого приказанія; тогда онъ, ни слова не говоря, встаетъ и даетъ дѣвочкѣ пощечину. Дѣвочка, разумѣется, плачетъ, а когда икота прекращается, то просвѣщенный родитель объясняетъ, что пощечина для того и была дана, «должна была послужить къ добру».

Не могу не привести еще нѣсколькихъ фактовъ. Сатковскимъ казеннымъ горнымъ заводомъ, какъ пишутъ изъ Златоустовскаго уѣзда, управляетъ горный инженеръ Панцержинскій, и вотъ что онъ дѣлаетъ: охотясь въ концѣ іюля на границѣ казенной дачи, прилегающей къ землямъ частныхъ желѣзныхъ рудниковъ кн. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и гг. Балашовыхъ, онъ замѣтилъ, что нѣсколько рудничныхъ крестьянъ косятъ траву. Рудничнымъ крестьянамъ, содержащимъ для зимней возки руды въ заводы большое количество лошадей, не хватаетъ своей травы, и они каждый годъ «покупаютъ часть покосовъ у крестьянъ Саткинскаго завода». Г. Панцержинскій, видя, что сѣнокошеніе производится въ казенной дачѣ, и «не давъ себѣ даже труда спросить крестьянъ, куплена-ли ими трава (а она была ими куплена), накидывается на нихъ съ ругательствами, ломаетъ у нихъ косы, опрокидываетъ котелки съ ѣдой и избиваетъ въ кровь ихъ физіо-

номіи, при чемъ одного изъ работниковъ изо всѣхъ силъ ударяетъ въ лицо револьверомъ и разбиваетъ ему скулу подъ самымъ глазомъ на столько, что у него отваливается цѣлый лоскутъ мяса; потеря крови на столько сильна, что когда онъ добѣжалъ до рудничной больницы и фельдшеръ началъ дѣлать ему перевязку, онъ упалъ въ обморокъ. Весь этотъ разбойничій набѣгъ совершенъ г. Панцержинскимъ единственно изъ любви къ искусству. Ни въ чемъ неповинные крестьяне, разумѣется, и не подозрѣвали возможности такого варварскаго нападенія и не скрылись при приближеніи г. Панцержинскаго: напротивъ, они сняли шапки и поздоровались съ нимъ, онъ-же набросился на нихъ съ плетью и револьверомъ».

Говорятъ, что это «далеко не первый набѣгъ г. Панцержинскаго; незадолго передъ этимъ онъ избилъ крестьянина Саткинскаго завода Ивана Солодовникова», а когда тотъ хотѣлъ довести дѣло до суда, то постарался замять его. «Въ заводѣ же рѣдкій день обходится безъ мордобитій, которыя до сихъ поръ сходятъ безнаказанно для г. Панцержинскаго и почему-то не обращаютъ на себя вниманія его начальства» («Нижегор. Лист.», № 242). Говорятъ, что на Златоустовскихъ заводахъ есть и другіе господа, въ родѣ г. Панцержинскаго. А какъ понравится вамъ слѣдующее времяпрепровожденіе.

Въ Бузулукскомъ уѣздѣ проживаетъ молодой помѣщикъ Стобеусъ. По словамъ «Вол. Вѣстн.», это—богатѣйшій человѣкъ, умный, образованный, «изъ лучшихъ современной молодежи». Устраиваетъ онъ 27 іюля праздникъ, приглашаетъ гостей и массу окрестнаго простонародья. Хозяинъ съ гостями помѣщается на особоустроенной эстрадѣ съ призами, а простонародье должно представлять изъ себя зрѣлище. Для оживленія выкатываются бочки съ водкой. Послѣ джигитовки и влѣзанія на высокій столбъ, былъ слѣдующій №:

«устроена была жердь на двухъ столбахъ и натерта мыломъ; на эту жердь на корточкахъ помѣщались два боксера изъ желающихъ киргизовъ, русскихъ, татаръ. Требовалось ударомъ по уху сшибить противника съ жерди. Бойцы еле удерживались на такомъ скользкомъ насѣстѣ. Бацъ!.. въ ухо!.. — и если противникъ лежитъ на землѣ, побѣдитель получаетъ призъ. Затѣя понравилась, толпа гоготала, Стобеусъ улыбался и щедрой рукой раздавалъ призы направо и налѣво. №№ единоборства приходили къ концу, и слуги выкатили огромный чугунный котелъ. Поставили котелъ на возвышеніе и стали мѣшать въ немъ болтушку изъ отрубей, коей обычно кормятъ собакъ. Нужно было зубами достать изъ котла деньги. Полетѣли въ котелъ звонкія монеты, исчезая въ мутной кашѣ; къ котлу бросилась наперебой перепившаяся толпа, окунала свои головы въ грязной жижѣ и съ торжествомъ вынимала двугривенные... Побѣдители стояли какъ мраморныя статуи, бѣлые отъ болтушки. Толпа гого-

тала... Стобеусъ самодовольно крутилъ усъ и весело бесѣдовалъ съ мило щебетавшими дамами. Стемнѣло... Зажглись бочки со смолой, взвились ракеты, водка лилась рѣкой, насталъ послѣдній нумеръ степного «праздника». Объявили кулачный бой,—стройно двинулись киргизы на татаръ, русскіе на мордву, мордва на башкиръ; въ началѣ соблюдались всѣ законы и правила тактики, кулаки работали методично, молча, съ правильными промежутками. Но кровь разгоралась, закипали страсти, кулаки работали быстрѣй, захрустѣли ребра, затрещали скулы, визгъ, стонъ, писк, вой... все слилось въ неописуемый гамъ. Стобеусъ и его здоровенный управляющій, нѣмецъ, стояли довольные, жизнерадостные. Но вотъ какой-то скулодробительный ударъ особенно мѣтко влетѣлъ въ голову татарина; татаринъ заохалъ, застоналъ и бросился съ жалобой къ управляющему.

— Ваше степен....!

— Трр... ахъ!...

Это управляющій разобралъ «по существу» татарина. Татаринъ взвылъ. Толпа остановилась на мгновеніе и притихла. Волной пронесся по ней ропотъ. Управляющій вскочилъ, Стобеусъ тоже, сорокъ сороковъ слугъ молча остановилось передъ Стобеусомъ.

— Въ плети!...—отрывисто приказалъ степной богатырь. Слуги рванулись съ мѣста, взнуздали копей и пошли писать. Слуги вѣрные гнали толпу вразсыпную, нагайки звонко взвизгивали, плети хлопали, бѣжали татары, бѣжали киргизъ-кайсаки, за ними мордва, чуваши, русскіе, башкиры... Позорное бѣгство побѣжденныхъ освѣщалось красноватымъ заревомъ горѣвшихъ костровъ и смоляныхъ бочекъ. На полѣ брани остались груды утеряныхъ халатовъ, тибитеекъ, шапокъ, платковъ, бусъ и проч.»...

«Ниж. Листокъ», откуда мы беремъ описаніе этого пира, добавляетъ, что устроитель его, «великолѣпный паша, г. Стобеусъ, даетъ теперь тонъ общественной жизни и, будучи «лучшимъ изъ современной молодежи», говоритъ на страницахъ «Гражданина» пылкія рѣчи о разнузданности мужика и о необходимости для него ежовыхъ рукавицъ (№ 240). Въ pendant къ этому безобразному пиршеству можетъ быть поставленъ развѣ только аѳинскій вечеръ, устроенный въ станицѣ Вереникovской, Кубанской области, грекомъ - табачнымъ плантаторомъ для своего гостя - кредитора, которому онъ хотѣлъ доставить удовольствіе: какъ только смерклось, онъ приказалъ зажечь фонари, а всѣмъ рабочимъ дѣвушкамъ (20 или 30) раздѣться донага и танцовать подъ принесенную откуда-то скрипку, что и было безпрекословно исполнено («Од. Лист.», № 230). Но тамъ это дѣлалъ простой, необразованный грекъ, а тутъ «одинъ изъ лучшихъ». Волна презрѣнія къ народу прокатилась по всему лицу нашей земли. Встрѣчаются факты грубаго обращенія и со стороны духовенства.

Затѣмъ за господами слѣдуетъ и мелкая сошка — приказчики, урядники, волостные старшины и проч. Въ однихъ случаяхъ дѣло ограничивается простыми зуботычинами и раскровяненіемъ, въ другихъ серьезнѣе и доходитъ до уголовщины.

Недавно въ саратовской судебной палатѣ обвинялись урядникъ Кузнецовъ, сотскій Ивановъ и староста Федоровъ въ истязаніи крестьянина Сережкина, заподозрѣннаго въ кражѣ изъ лѣсной сторожки самовара и ружья. Вымогая сознаніе, его били, посадили въ арестантскую, потомъ повторили битье и обѣщали еще бить, пока онъ не сознается; но такъ какъ, повидимому, сознаваться ему было не въ чемъ, то онъ взялъ и повѣсился на своемъ поясѣ въ арестантской. Палата приговорила истязателей къ мѣсячному аресту. Хуже было дѣло, разсматривавшееся также недавно петербургскою судебною палатою въ Псковѣ. Въ Рѣжицкомъ у., Витебской губ., найденъ былъ повѣшеннымъ крестьянинъ Брокъ. На тѣлѣ оказались синія пятна, а на головѣ рана. Первое дознаніе рѣшительно ничего не обнаружило, и смерть была признана самоубійствомъ, причемъ рану на головѣ врачъ объяснилъ ударомъ о дерево при самоповѣшеніи, а синія полосы принялъ за трупныя пятна. Однако, до прокурорскаго надзора дошелъ слухъ, что Брокъ не самъ повѣсилъ себя, а былъ повѣшенъ уже мертвымъ; передъ тѣмъ же подвергался мучительнымъ пыткамъ, по распоряженію урядника Адамова, пользовавшагося репутаціей особенно расторопнаго и не разъ удостоивавшагося благодарности. Новое дознаніе, порученное исправнику, также никакихъ иныхъ результатовъ не дало. Наконецъ, третье дознаніе, черезъ жандармскаго офицера, обнаружило прямо-таки ужасную истину:

«Оказалось, что урядникъ Адамовъ въ теченіе 15 лѣтъ примѣнялъ при дознаніи жестокія пытки, которыми вымучивалъ сознаніе у оговоренныхъ. Пытаемаго привязывали къ столбу и стегали нагайками. Пытки иногда длились по цѣлымъ днямъ, а экзекуторами являлись: самъ урядникъ, дѣйствовавшіе по его приказанію сотскіе и одинъ любитель—богатый крестьянинъ Грозъ. Такую участь испыталъ и несчастный Брокъ. У кого-то пропалъ кусокъ холста, взялись почему-то за мальчика пастуха, а тотъ подъ пыткою, вынуждаемый указать кого-либо, назвалъ Брока. Послѣдняго мучили три дня и кончили тѣмъ, что забили до смерти. Чтобы скрыть преступленіе, трупъ его подвѣсили на дерево, придали дѣлу характеръ самоубійства, а послѣдующія дознанія все прикрывали» (ib. № 45).

Судебная палата приговорила урядника Адамова и трехъ сотскихъ къ арестантскимъ ротамъ на 2 года и 6 мѣсяцевъ, а вольнаго любителя сильныхъ ощущеній Гроза—къ тюремному заключенію на годъ и 4 мѣсяца. Однако, не будемъ больше перечислять фактовъ, чтобы не нагнать тоску на читателя. Скажемъ лучше слѣдующее: какъ бы подобные факты ни были сами по себѣ грустны или возмутительны, все-таки наиболѣе тягостной стороной въ нихъ является не ихъ жестокость и вообще безобразіе, а самая возможность ихъ существованія и появленія, т.-

е. приниженность и безправіе человѣческой личности, просторъ для низменныхъ и грубыхъ элементовъ творить все, что имъ вздумается, и равнодушіе остальнаго общества къ подобнымъ дѣяніямъ. Цѣлыхъ 15 лѣтъ инквизиторствуетъ урядникъ Адамовъ; не можетъ быть, чтобы никто не зналъ объ этомъ; если не всѣ, то многіе и знали; но однихъ это не касается, а другіе на столько прислушались и притерпѣлись къ его «расторопности» и пріемамъ, что они имъ кажутся вещами обычными. Цѣлыхъ два раза дознаніе ни къ чему не приводитъ—виновнымъ оказывается самъ же Брокъ: самоповѣсился покойникъ и все тутъ; даже врачъ присоединяетъ свою экспертизу къ такому благополучному объясненію, и только необыкновенная настойчивость прокуратуры приводитъ къ открытію застѣнка. Это открытіе не уступитъ вотяцкому жертвоприношенію, если бы даже оно оказалось дѣйствительнымъ фактомъ. Но всегда-ли и всѣ-ли прокуроры такъ настойчивы? И почему только они одни являются блюстителями правды и законности; все ли до нихъ доходитъ и почему доходитъ почти всегда лишь въ видѣ слуховъ да тайныхъ или анонимныхъ доносовъ, т.-е. путемъ кривымъ, ненадежнымъ и низменнымъ; гдѣ же очевидцы, обыватели и общество съ ихъ открытымъ мнѣніемъ о подобныхъ фактахъ и другихъ безобразіяхъ? Г. Стобеусъ — красное солнышко пируетъ не одинъ, а съ многочисленными гостями и даже дамами. Эпическіе Еруслановы Лазаревичи, въ родѣ г. Васильчикова, также дѣйствуютъ на міру и послѣ похваляются своей «силушкой». Г. Способинъ мужиковъ же винитъ, что они не свернули съ дороги, не зная, вѣроятно, его характера и способностей, и т. д. Неужели общество, изъ котораго выходятъ такіе богатыри, представляетъ среду, благопріятную для ихъ развитія, и если не апплодируетъ, то молчаливо все-таки сочувствуетъ имъ? Мы этого не думаемъ, зная, что въ нашемъ обществѣ есть и прекрасные, дѣйствительно интеллектуальные и гуманные элементы; но слѣдующее думаемъ: элементовъ этихъ мало; они представляютъ противоположный полюсъ элементамъ безшабашнымъ и реакціоннымъ, которыхъ также немного; середину же между ними занимаетъ большая полукультурная, безразличная и безпринципная масса, у которой есть только хорошія побужденія, по временамъ ее одушевляющія, но которая живетъ и руководится не ими, а общими условіями культурнаго прозябанія или прямо-таки филистерскаго благополучія, вслѣдствіе чего она не думаетъ и не можетъ сдѣлать праздника жизни, а тяготѣетъ туда, на чьей улицѣ праздникъ. Стремленія къ добру и правдѣ не всегда, какъ извѣстно, сопровождаются однѣми только радостями, а сопряжены бываютъ и съ нѣкото-

рыми непріятностями или матерьяльными потерями, и это всегда такъ пугаетъ серединный слой, что онъ, при малѣйшихъ симптомахъ ихъ приближенія, начинаетъ вздыхать и думать, какъ бы его миновали эти напасти и какъ бы что-нибудь не потревожило его спокойствія. Наоборотъ, къ вещамъ, которымъ онъ въ глубинѣ души не сочувствуетъ и которыя втихомолку порицаетъ, если онѣ не касаются его лично и не нарушаютъ его филистерскаго благополучія, онъ остается по большой части равнодушенъ. Чтобы не далеко ходить, возьмемъ для примѣра вопросъ о тѣлесномъ наказаніи. Въ прошлой книжкѣ, въ отдѣлѣ земской хроники, указывалось, что цѣлый рядъ земствъ возбудилъ ходатайство объ отмѣнѣ этого позорнаго наказанія. Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе этого ходатайства? Предметъ касается огромнаго большинства населенія, тѣсно связанъ и съ духовной, и съ правовой сторонами его жизни (лица, подвергшіяся тѣлесному наказанію, лишаются навсегда права участвовать въ общественныхъ дѣлахъ) и прямо входитъ въ сферу учрежденій, призванныхъ заботиться объ образованія, о духовномъ и экономическомъ бытѣ народа. И постановленія волостныхъ судовъ, и примѣненіе наказаній являются актами чисто мѣстной жизни. За общія преступленія, превышающія компетенцію волостныхъ судовъ, людей, напротивъ, не сѣкутъ, потому что общее наше законодательство отказалось отъ такой кары. Въ практикѣ же волостныхъ судовъ этотъ видъ наказанія получилъ въ послѣднее время особенное развитіе не въ силу бытовыхъ началъ и внутреннихъ причинъ самой народной жизни, а въ силу чисто внѣшнихъ вліяній; древняя Русь, какъ доказывали еще славянофилы, не знала тѣлесныхъ наказаній, они явились наслѣдіемъ татарскаго ига и были потомъ принадлежностью крѣпостнаго права; волостные суды, безъ внѣшняго давленія, практиковали ихъ крайне рѣдко, и навѣрное можно сказать, что, съ распространеніемъ образованности и иномъ культурномъ воздѣйствіи, розги совсѣмъ исчезли бы изъ практики, превратившись въ мертвую букву, подобно отжившимъ жестокостямъ англійскаго законодательства. Теперь же случаи примѣненія розогъ растутъ и считаются тысячами (въ одной Нижегородской губ., напр., по свѣдѣніямъ «Волгаря», съ 1 сентября 1890 г. и въ 1891 году было 1.899 приговоровъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, и изъ нихъ приведено въ исполненіе 873 приговора); при извѣстномъ давленіи на выборъ волостныхъ судей, тѣлесныя наказанія являются орудіемъ самоуправства и личныхъ счетовъ разныхъ мѣстныхъ воротилъ и мелкаго начальства; есть случаи прямыхъ злоупотребленій, напр.: сѣченія старшаго брата за младшаго; случаи выѣздныхъ или разъѣздныхъ

сессій волостныхъ судовъ по деревнямъ и примѣненія розогъ къ нерадивымъ и неисправнымъ плательщикамъ; случаи подведенія подъ розги, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, людей почему-либо неудобныхъ и т. п. Становятся возможными случаи пересѣченія, если не всей деревни, то всѣхъ, наиболѣе способныхъ и выдающихся крестьянъ, чтобы лишить ихъ, какъ опозоренныхъ, права занимать общественныя должности. Въ такихъ губерніяхъ, какъ Вятская, Пермская и нѣкоторыя другія, гдѣ земство почти исключительно крестьянское, подобные случаи прямо касаются земскихъ интересовъ. Словомъ, земства имѣли основанія для ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и гг. губернаторы, такъ часто въ послѣднее время пріостанавливавшіе земскія постановленія, въ большинствѣ случаевъ также не находили основаній для протеста и давали ходатайствамъ дальнѣйшій ходъ; а когда, напр., костромской губернаторъ опротестовалъ постановленіе мѣстнаго собранія и дѣло перешло въ губернское присутствіе, то послѣднее большинствомъ голосовъ признало, что земское собраніе имѣло право на такое ходатайство и что таковое подлежитъ представленію въ установленномъ порядкѣ; министерство внутреннихъ дѣлъ также принимало подобныя ходатайства; между тѣмъ далеко не всѣ земскіе гласные встрѣчали съ одинаковымъ сочувствіемъ голоса, ставившіе этотъ вопросъ на очередь, и не всѣ земскія собранія сдѣлали постановленія о такомъ ходатайствѣ. Затѣмъ, заслуживаетъ вниманія, что большинство земствъ, выступившихъ съ ходатайствами объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, ставили этотъ вопросъ не принципіально, а лишь примѣнительно къ ученикамъ, оканчивающимъ курсъ сельскихъ школъ, въ видѣ поощрительной мѣры по народному образованію, создавая такимъ косвеннымъ путемъ какъ бы нѣкоторую новую привилегію и оставляя въ прежнемъ положеніи всѣхъ, почему-либо немогшихъ попасть и кончить курса въ школѣ. Не велики подобныя привилегіи для тѣхъ, кто ихъ имѣетъ, но онѣ имѣютъ большое значеніе для тѣхъ, кто ихъ не имѣетъ; тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи у насъ существуетъ необыкновенная путаница: освобождая отъ тѣлесныхъ наказаній получившихъ образованіе въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, законъ не освобождаетъ отъ нихъ окончившихъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ курсомъ не меньшимъ, и освобождаетъ въ то же время совсѣмъ нигдѣ неокончившихъ курса (если они дворянскаго происхожденія); освобождая отъ наказаній отбывшихъ воинскую повинность, стариковъ, достигшихъ 70 лѣтъ, и женщинъ, не освобождаетъ слабыхъ здоровьемъ и т. п. Вообще, вопросъ о тѣлесномъ наказаніи правильнѣе и давно пора поставить не примѣнительно къ

чему-нибудь, а прямо. «Церковный Вѣстникъ», останавливаясь на земскихъ ходатайствахъ, говоритъ, что земству ближе знакомы народныя нужды, чѣмъ людямъ, «съ ревностью, достойною лучшей участи, ратующимъ за удержаніе для крестьянъ тѣлеснаго наказанія—этого безнравственнаго остатка варварскихъ временъ», и что земства руководствуются при этомъ «не отвлеченными только побужденіями, а главнымъ образомъ тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что тѣлесное наказаніе въ послѣднее время явилось орудіемъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей въ рукахъ денежной аристократіи деревни, т.-е. «богатѣевъ» и «міроѣдовъ», и такимъ образомъ служитъ главною причиною деморализаціи современной деревни». Но такая постановка вопроса многимъ кажется невозможной. Напр., предложеніе гласнаго П. А. Зеленаго въ елисаветградскомъ земскомъ собраніи объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній учениковъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ (земскихъ, министерскихъ и церковно-приходскихъ), принято было почти единогласно (за исключеніемъ одного только земскаго начальника — Л. Войнова); противъ второго же его предложенія—ходатайствовать объ отмѣнѣ 4 пункта 33 ст., второй половины 36 ст. и соотвѣтственной редакціи 38 ст. временныхъ правилъ о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, возсталъ предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель дворянства, г. Эрдели, не допустилъ его даже до обсужденія, мотивируя свое veto тѣмъ, что «вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній вообще является вопросомъ принципіальнымъ», тогда какъ земство «не должно выходить изъ рамокъ обсужденія вопросовъ мѣстныхъ», и никто изъ гласныхъ противъ такой *странной* мотивировки не возражалъ («Нед.» № 39). Гласные саратовскаго у. земскаго собранія не были допущены предсѣдателемъ (Г. С. Кропотовымъ) къ обсужденію вопроса о ходатайствѣ даже въ первомъ только смыслѣ, т.-е. примѣнительно къ однимъ лишь оканчивающимъ курсъ крестьянамъ. Какъ только гл. Лебедевъ внесъ такое предложеніе, такъ г. Кропотовъ заявилъ, что онъ, «къ величайшему своему сожалѣнію», не можетъ допустить обсужденія его. Въ коммиссіи по народному образованію, пояснилъ онъ, состоялось-было постановленіе—предложить земскому собранію возбудить упомянутое ходатайство; но постановленіе это не попало въ протоколы засѣданій коммиссіи «по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ». Напрасно гл. Лебедевъ возражалъ, что земское собраніе—не коммиссія, что оно имѣетъ право ходатайствовать передъ правительствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, что уже очень многими земствами возбуждены подобныя ходатайства, что не далѣе, какъ на-дняхъ,

состоялось подобное же постановленіе въ сосѣднемъ Тамбовскомъ уѣздѣ и что ничего нѣтъ предосудительнаго въ томъ, что собраніе желаетъ пользоваться предоставленнымъ ему правомъ,—г. Кропотовъ былъ непоколебимъ: «Я съ этимъ вполнѣ согласенъ... въ принципѣ,—сказалъ онъ,—но... администрація противъ этого; а вѣдь я самъ принадлежу къ администраціи: въ данную минуту я—исправляющій должность уѣзднаго предводителя дворянства» («Сар. Дневн.» № 229). Въ петровскомъ земствѣ, той же губерніи, разыгралась подобная же исторія, но тамъ гласные были настойчивѣе, и предсѣдатель (г. Лупандинъ) пошелъ на компромиссъ. Сначала онъ также категорически заявилъ, что не можетъ допустить обсужденія этого вопроса, и, не смотря на возраженія, стоялъ на своемъ; но когда гл. Ермолаевъ сказалъ, что считаетъ дѣйствія его незаконными, и къ этому мнѣнію присоединилось нѣсколько гласныхъ, то г. Лупандинъ «на слѣдующій день выступилъ уже самъ съ письменнымъ мнѣніемъ, въ которомъ доказывалъ тѣсную связь ходатайства съ пользами мѣстнаго населенія на почвѣ народнаго образованія». Не смотря на это, дѣло, однако, не обошлось еще безъ одного, чисто, впрочемъ, вводнаго эпизода: изложивъ свое послѣднее мнѣніе, къ которому тотчасъ же присоединилось еще 18 гласныхъ, предсѣдатель сталъ говорить, что не слѣдуетъ «подбивать» гласныхъ къ подписи; «но тогда обидѣлись уже гласные, высказавъ, что они—не дѣти и сами понимаютъ, что имъ слѣдуетъ говорить и дѣлать». Можетъ быть, добавляетъ газета, «предсѣдатель затруднитъ дальнѣйшее движеніе дѣла, но общественное мнѣніе... во всякомъ случаѣ, выразилось совершенно ясно» («Нед.», № 45). Въ происходившемъ на-дняхъ (4-го декабря) полтавскомъ губернскомъ собраніи, какъ намъ пишутъ, наоборотъ, предложеніе управы по поводу отмѣны тѣлесныхъ наказаній (въ ряду мѣръ распространенія народнаго образованія) вызвало со стороны несочувствующаго этому меньшинства такой шумъ и крики, что рѣшено было объявить первую баллотировку (вставаніемъ) недѣйствительной и перерѣшить вопросъ новой баллотировкой, при чемъ нѣкоторыми изъ гласныхъ говорились необыкновенно дикія вещи о низости мужицкой натуры, о томъ, что «наука доказала, что наказаніе дѣйствуетъ только на воображеніе» и т. п. Когда новую баллотировку рѣшено было произвести не письменно, а шарами и стало очевидно, что вопросъ о ходатайствѣ желаютъ непремѣнно провалить, то со стороны публики, которой было очень много и въ залѣ, и на хорахъ, и среди которой были и дамы, раздалось шиканье. Это настолько разсердило предсѣдателя собранія, г. Бразоля, что онъ, вмѣсто того, чтобы, какъ

полагается по закону и обычаю, сдѣлать сперва замѣчаніе, возстановить порядокъ среди гласныхъ и въ крайнемъ случаѣ пріостановить засѣданіе, крикнулъ, чтобы публика очистила залу. А гг. гласные-сторонники тѣлесныхъ наказаній подхватили это дружнымъ хоромъ: «вонъ ихъ всѣхъ, долой изъ залы!» Нѣкоторые, говорятъ, стучали и грозили кулаками, другіе грозили полиціей, а когда смущенная публика стала выходить, то раздались громкіе аплодисменты. Корреспондентъ кіевской газеты, бывшій въ засѣданіи, спросилъ г. Бразоля: можетъ-ли онъ остаться, но получилъ въ отвѣтъ: «ни въ какомъ случаѣ!» Словомъ, произошла вторая полтавская побѣда. Недоставало только трубъ и барабановъ. Невольно припоминаются Гоголевскія «Мертвыя души», «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», описаніе Миргорода и другія картины нашихъ нравовъ, и невольно кажется, что въ собраніи присутствовали не люди конца XIX столѣтія, а гг. Собакевичи, Ноздревы, Чичиковы, Добчинскіе, Бобчинскіе и прочіе герои временъ давно минувшихъ. Если еще недавно умеръ въ Саратовѣ 126 лѣтъ отъ роду современникъ Наполеона I — Совенъ, если на-дняхъ только умеръ въ Эльзасѣ убійца Пушкина—Дантесъ, если въ газетахъ безпрестанно появляются сообщенія о разныхъ столѣтнихъ и болѣе древнихъ старикахъ, то иллюзія эта получаетъ даже нѣкоторое вѣроятіе. Припоминается также необыкновенное, восторженное восхваленіе Полтавской губ., выхваченное Бѣлинскимъ у одного малороссійскаго писателя, какъ образецъ похвалъ и простоты: говоря, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго мѣста, чѣмъ Полтавская губернія, писатель этотъ говорилъ: «усе тамъ есть—и щуки, и караси, и добри кони, и добри люде, усе есть и усего богацько». Дѣйствительно, усе есть: и щуки, и караси, и добри кони, и дики люди, и дикихъ людей, кажется, стало больше всего. Мнѣ больше всего нравится, что представители общества гонятъ общество и превращаются въ какихъ-то оберъ-полиціймейстеровъ. Русскій человѣкъ необыкновенно любитъ начальствовать. Дайте ему надъ кѣмъ-нибудь гомеопатическую дозу власти, и онъ сейчасъ же опьянѣетъ отъ восторга и начнетъ ходить индюкомъ и куралесить, да вѣдь какъ куралесить, что просто страшно дѣлается. И все это ровно до тѣхъ поръ, пока на самого не крикнутъ, а тогда онъ и хвостъ прижметъ, и готовъ въ щель забиться. Характеръ Чичикова былъ чисто русскій, выработанный нашей исторіей: помните, какъ онъ былъ важенъ въ одпихъ случаяхъ, и искателенъ и приниженъ въ другихъ. Нелюбовь къ гласности и склонность къ потемкамъ также давнишняя наша черта. Когда какой-нибудь буинскій (Симб. губ.) тузъ—содержатель трактира—

накидывается на улицѣ съ площадною бранью и сжатыми кулаками на подозрѣваемаго корреспондента, то это еще не бѣда; но когда цѣлая буинская гор. управа и дума обсуждаютъ вопросъ о возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ «Вол. Вѣст.» и «Самар. Газеты» за напечатанныя тамъ корреспонденціи, при чемъ въ числѣ оскорбительныхъ поводовъ указывается на то, что «Вол. Вѣстн.» назвалъ думскихъ гласныхъ «свѣтлыми личностями», тогда какъ, по мнѣнію управы, это «слѣдуетъ понимать въ обратномъ смыслѣ», то дѣлается стыдно («Екат. Недѣля», № 39). Если въ корреспонденціяхъ была не простая ошибка, а завѣдомая неправда, клевета или вообще какая-нибудь дурная цѣль, то и въ такомъ случаѣ лучшимъ средствомъ остается все-таки печатное же опроверженіе неправды и возстановленіе истины. Законъ предусматриваетъ подобные случаи и обязываетъ изданіе печатать ихъ. Корреспондента, который пишетъ неправду, сами редакціи перестанутъ печатать. Наконецъ, преслѣдованіе за клевету всегда въ рукахъ у оклеветаннаго. Корреспонденты, хотя и не подписываются, но это совсѣмъ не анонимные сикофанты: они извѣстны редакціямъ, и за нихъ отвѣчаютъ оффиціальные представители изданій. Но въ такихъ случаяхъ, по большей части, дѣло совсѣмъ не въ этомъ, а въ разсчетѣ на недостаточность у корреспондентовъ доказательствъ, на возможность преслѣдованія за диффамацію, вообще, на такія стороны судопроизводства, на которыя всего меньше слѣдовало бы полагаться, какъ на средство возстановленія истины. Еще стыднѣе, когда цѣлая компанія (около 8 человѣкъ), состоящая изъ «людей интеллигентныхъ», ночью изъ засады подкарауливаетъ корреспондента въ глухой улицѣ и набрасывается на него, какъ это было недавно въ г. Острогѣ («Екат. Нед.», № 42). Корреспондентъ долженъ былъ пустить въ ходъ револьверъ и только благодаря этому избѣжалъ побоевъ. Еще страннѣе встрѣчать въ числѣ преслѣдователей гласности литературныя фамиліи гг. Дьяченко, Пушкина и бар. Дельвига. Первый (казанскій гор. голова) давно уже ведетъ войну съ прессой. Лукояновскій предводитель, А. Л. Пушкинъ, недовольный изображеніемъ въ «Ниж. Листкѣ» его, не совсѣмъ похвальной дѣятельности и заподозривъ въ этомъ сельскаго учителя Миловскаго, внесъ въ училищный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго самъ же состоитъ, предложеніе объ его увольненіи. Мотивы были выставлены такіе: 1) что г. Миловскій сообщилъ въ нижегородское общество взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ о бѣдственномъ положеніи учительницы с. Гуляева и о томъ же *напечаталъ корреспонденцію* въ нижегородскихъ газетахъ; 2) *склонилъ* учителей Лукояновскаго у.

подать, помимо училищнаго совѣта и земской управы, непосредственно въ земское собраніе *коллективное* прошеніе объ увеличеніи жалованья (цѣлый рядъ преступленій), и 3) что вообще является лицомъ *неблагонадежнымъ*. Училищный совѣтъ, конечно, тотчасъ же уволилъ г. Миловскаго, «подъ предлогомъ его педагогической неопытности». Между тѣмъ, такъ какъ шила въ мѣшкѣ не утаишь и такъ какъ всѣ знали истинную причину этого увольненія, то «Нижегор. Лист.» счелъ своею нравственною обязанностью заявить, что «корреспонденціи» изъ Лукояновскаго у. писались совсѣмъ не г. Миловскимъ и что онъ вообще корреспондентомъ газеты не состоитъ. Что же касается до вопроса о неблагонадежности, то, дѣлая въ совѣтѣ представленіе, г. Пушкинъ ссылался на бывшаго лукояновскаго предводителя, г. Философова, который, будто бы, указывалъ ему на неблагонадежность Миловскаго; между тѣмъ на послѣднемъ земскомъ собраніи г. Философовъ категорически заявилъ многимъ гласнымъ, что онъ ничего подобнаго г. Пушкину не говорилъ. «Ниж. Лист.» удивляется «фантазіи» г. Пушкина. Нижегородскій же городской голова, баронъ Дельвигъ, совсѣмъ прозаикъ: онъ очень разсердился за нѣсколько замѣчаній въ мѣстныхъ газетахъ, по поводу распоряженій городской управы о водопроводныхъ трубахъ, мощеніи улицъ и театральныхъ репертуарахъ. Послѣ этого немедленно была прекращена выдача свѣдѣній и справокъ изъ управы, а затѣмъ бар. Дельвигъ пригрозилъ, что «ему стоитъ только сказать гдѣ-то нѣсколько словъ и газетамъ будетъ плохо». Похвально; но дѣло идетъ дальше: «Туркест. Вѣд.» серьезно удручены и занимаются разсмотрѣніемъ удивительнаго ходатайства, представленнаго высшему мѣстному начальству однимъ изъ подчиненныхъ начальниковъ о томъ, чтобы «статьи, относящіяся до его района, присылались предварительно ему на просмотръ и исправленіе». О, тогда, конечно, все было бы исправно.

Сказавъ о склонности русскаго человѣка къ начальствованію, я поистинѣ удивляюсь этой слабости, какъ ея распространенности во всѣхъ слояхъ общества, такъ и тѣмъ формамъ, въ какихъ она выражается, и предѣламъ, до которыхъ доходитъ. Каждый капельный человѣкъ непремѣнно хочетъ имѣть районъ, гдѣ онъ могъ бы властвовать и кого-нибудь распекать, гдѣ кто-нибудь считалъ бы его великимъ, непоколебимымъ и т. д. и гдѣ онъ могъ бы говорить: «хочу съ кашей ѣмъ, хочу—пахтаю», «хочу—бью, хочу—милую». Вы встрѣтите это явленіе вездѣ — въ сферахъ бюрократическихъ, дворянскихъ, литературныхъ, земскихъ, торговыхъ и т. д. Посмотрите, какъ держатъ себя нѣкоторые земскіе начальники. Вотъ, напр., какъ пріѣзжаетъ въ Оргѣевскомъ уѣздѣ

одинъ изъ нихъ на волостной сходъ для выбора волостного старшины:

«Около 10 час. утра толпа поселянъ въ 200—300 душъ наполняла обширный дворъ передъ волостнымъ правленіемъ въ ожиданіи «домнула земскаго». Разговоры собравшихся поселянъ, разумѣется, вертѣлись на вопросѣ о кандидатахъ на должность волостнаго старшины и на шансахъ каждаго изъ нихъ. Вдругъ на взмыленной лошади показался въ воротахъ двора «казакъ». Онъ машетъ бѣлымъ платкомъ въ знакъ того, что, дескать, ѣдетъ самъ «земскій». Дѣйствительно, черезъ 5 минутъ, окруженный со всѣхъ сторонъ верховыми влетаетъ во дворъ запряженный шестеркою экипажъ «земскаго». «Шапки долой!» скомандовали выбѣжавшіе во дворъ для торжественной встрѣчи волостныя власти. Высадившись при помощи тѣхъ же властей изъ экипажа, онъ въ сопровожденіи ихъ же входитъ въ правленіе», («Од. Лист».. № 246).

Спрашивается, для чего же вся эта помпа, напоминающая выѣзды вельможъ прошлаго вѣка? Хоть бы за чѣмъ-нибудь путнымъ, а то въ данномъ случаѣ только для того, чтобы повліять на выборы: отстранить кандидата, лично непріятнаго, и порадѣть кандидату пріятному, т.-е. за тѣмъ, чего, въ сущности, не надлежало бы дѣлать, какъ вещи неправильной. И интересно, что несимпатичный кандидатъ, человѣкъ безспорно толковый и солидный, все-таки прошелъ первымъ изъ 6 кандидатовъ огромнымъ большинствомъ голосовъ (114 изъ 138), а симпатичный остался только при 11 бѣлыхъ, не смотря на то, что первому предварительно было сдѣлано строгое внушеніе, въ которомъ указывалось на какіе-то грѣхи прежней службы и даже на амурную связь съ «преутисой» (вдовою-попадьею), причемъ было сказано, что если онъ послѣ избранія вступитъ на ея порогъ, то будетъ немедленно же «оштрафованъ или лишенъ должности». Еще дальше, какъ сообщаютъ газеты, стремятся раздвинуть свой внѣшній престижъ земскіе начальники Верхнеуральскаго уѣзда: одинъ дѣлаетъ «оскорбительное замѣчаніе престарѣлому 70-лѣтнему діакону за то, что тотъ ему непоклонился», а другой «предложилъ священнику встрѣтить его съ крестомъ и со святою водою, и, войдя въ алтарь, положилъ свою шляпу на престолъ», назвавъ это въ своемъ объясненіи по этому поводу «мелочью», а за то, что священникъ пришелъ въ церковь для назначеннаго имъ молебна черезъ 15 минутъ по его приходѣ и не было сдѣлано въ церкви большого освѣщенія, подалъ жалобу. Тутъ ужъ, кажется, мы имѣемъ дѣло съ маніей величія. Дальше, кажется, ужъ некуда идти. Остается развѣ только колокольный звонъ.

Къ сожалѣнію, по недостатку мѣста и времени, я долженъ отложить свою бесѣду до слѣдующаго раза. Рѣчь будетъ все о томъ же пренебрежительномъ, грубомъ и лицемѣрномъ отношеніи къ мужику со стороны культурныхъ людей и о томъ среднемъ общественномъ слоѣ, изъ котораго выходятъ элементы, отли-

чающіеся теперь въ этомъ смыслѣ, какъ на разныхъ поприщахъ практической дѣятельности, такъ и теоретики, предлагающіе махнуть рукой на деревенское населеніе, какъ на отжившую историческую категорію.

С. К.

P.-S. На-дняхъ вышелъ отчетъ Госуд. Контроля за 1894 г., по которому можно судить объ исполненіи государственной росписи за прошлый годъ. Сообщимъ слѣдующіи общія цифры, откладывая болѣе подробное разсмотрѣніе ихъ также до слѣдующаго раза.

По государственной росписи на 1894 г. обыкновенные доходы были исчислены въ 1.004.823.277 р., обыкновенныхъ же расходовъ было внесено 981.222.950 р., такъ что, по предположеніямъ росписи, доходы должны были превысить расходы на 23.600.327 р. Дѣйствительное же исполненіе росписи 1894 г. по обыкновеннымъ доходамъ и расходамъ дало слѣдующіе результаты: обыкновенныхъ доходовъ поступило 1.153.785.812 р. 42 к., обыкновенныхъ расходовъ выполнено 859.811.359 р. 12 к. и подлежитъ выполненію 131.386.077 р. 61 к., а всего 991.197.436 р. 73 коп. Слѣдовательно, обыкновенные доходы превысили обыкновенные расходы на 162.588.375 р. 69 к. Съ присоединеніемъ къ обыкновеннымъ доходамъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, въ суммѣ 9.507.570 р. 95 к., общій итогъ доходовъ составилъ 1.163.293.283 р. 37 к. и дѣйствительное превышеніе доходовъ надъ обыкновонными расходами достигло 172.095.946 р. 64 к., т.-е. суммы съ избыткомъ достаточной для удовлетворенія всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ (163.944.225 р. 12 к.).

Чрезвычайные расходы исчислены по росписи въ 102.378.576 р., въ дѣйствительности же чрезвычайныя поступленія достигли 78.929.373 р. 64 к., а съ присоединеніемъ къ нимъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, въ суммѣ 5.126.756 р. 78 к., составили 84.056.130 р. 42 к.; чрезвычайныхъ же расходовъ произведено 140.117.542 р. 93 к. и предстоитъ къ выполненію 23.826.582 р. 19 к., всего 163.944.225 р. 12 к. Слѣдовательно, расходы превысили поступленія на 79.888.094 р. 70 коп. Но, такъ какъ по обыкновеннымъ доходамъ и расходамъ получилось при исполненіи росписи, какъ выше сказано, превышеніе въ доходахъ на 172.095.946 р. 64 к., то въ общемъ результатѣ исполненіе государственной росписи 1894 г. выразилось превышеніемъ доходовъ надъ расходами въ суммѣ 92.207.851 руб. 94 коп.

Мы видѣли выше, что обыкновенные доходы были исчислены въ 1.004.823.277 руб., въ дѣйствительности же въ государственную казну поступило 1.153.785.812 руб., т.-е. болѣе противъ росписи на 148.962.535 руб., или на 14,8%. Переборъ этотъ былъ послѣдствіемъ превышенія дѣйствительныхъ поступленій противъ смѣтнаго ожиданія по 28 статьямъ, при недоборѣ по 5 статьямъ. Превышеніе противъ смѣтнаго ожиданія оказалось по слѣдующимъ доходамъ: по таможенному доходу 54.088.348 р. 72 к., по питейному доходу 29.289.972 р. 46 коп., по выкупнымъ платежамъ 10.819.351 р. 74 коп., по сахарному доходу 10.592.270 р. 66 коп., по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ 10.079.958 р. 20 к. и др.

Недоборъ противъ смѣтныхъ исчисленій дали слѣдующія статьи: пособія государственному казначейству 1.926.149 руб. 64 к., налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати 1.943.172 р. 19 к., сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ 862.589 р. 59 коп., прибыль отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій 687.107 р. 47 коп., и казенные заводы, техническія заведенія и склады 331.778 р. 98 коп. Общая сумма обыкновенныхъ расходовъ, предстоявшихъ къ выполненію по росписи 1894 года, составляла 981.222.950 руб.; такимъ образомъ смѣтныя назначенія 1894 г. превышаютъ назначенія 1893 года на 33.532.565 руб. Такое превышеніе произошло: отъ a) увеличенія кредитовъ по смѣтамъ министерствъ: путей сообщенія, финансовъ, военнаго, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, морского, юстиціи, вѣдомства святѣйшаго синода, государственнаго контроля, главнаго управленія государственнаго коннозаводства и высшихъ государственныхъ учрежденій и b) отъ уменьшенія кредитовъ по смѣтамъ системы государственнаго кредита, на покрытіе расходовъ по случаю возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ и по смѣтамъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По росписи 1894 года ассигновано, какъ выше сказано, 981.222.950 руб., въ дѣйствительности же израсходовано 991.197.436 руб. 73 к., т.-е. болѣе смѣтнаго назначенія на 9.974.487 р. Если же, при сопоставленіи между собой предположеній росписи и отнесенныхъ на нее расходовъ, исключить изъ разсчета внесенные въ нее для усиленія сверхсмѣтныхъ кредитовъ 11.500.000 р., то получится превышеніе расходовъ противъ предположенія росписи на 21.474.487 р. Этотъ результатъ является послѣдствіемъ увеличенія расходовъ по однѣмъ смѣтамъ на 24.573.754 р. и уменьшенія по другимъ на 3.099.276 р, Увеличеніе расходовъ выражается по системѣ государственнаго кредита, по министерству путей сообщенія, фи-

нансовъ, Императорскаго двора, вѣдомства святѣйшаго синода, высшихъ государственныхъ учрежденій и государственнаго контроля. Уменьшеніе же расходовъ послѣдовало: по смѣтамъ военнаго министерства, министерства государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, главнаго управленія государственнаго коннозаводства, министерства иностранныхъ дѣлъ и морского министерства.

ОБО ВСЕМЪ.

I.

Есть такъ называемыя неловкія положенія. Помните, въ какомъ хорошемъ настроеніи были вы на вечерѣ у Ивановыхъ? Вы шутили, улыбались, острили и вдругъ... Я завидѣлъ опасность раньше васъ и успѣлъ незамѣтно скрыться въ толпѣ. Признаюсь, я допустилъ даже самое позорное малодушіе—я просто бѣжалъ въ угловую комнату, гдѣ винтили, подсѣлъ къ одному столику и сдѣлалъ видъ, что очень заинтересованъ розыгрышемъ малаго шлема. Все это случилось какъ-то вдругъ, такъ что свои собственныя дѣйствія я обсудилъ только потомъ, но за то ваше положеніе для меня было вдвойнѣ ясно и я даже хохоталъ въ душѣ, наслаждаясь вашимъ неловкимъ положеніемъ. Вы стояли ко мнѣ спиной, и я видѣлъ, какъ вы дѣлали тревожныя движенія головой, въ томъ родѣ, какъ лошадь, которую взнуздываютъ, съ той разницей, что вы старались быть почтительно-любезнымъ, напрасно дѣлая видъ, что не сознаете опасности своего положенія. Стоявшая предъ вами Анна Павловна была, въ свою очередь, олицетвореніемъ тожс самой изысканной любезности. Я зналъ даже, о чемъ она говоритъ: сначала спросила о вашей семьѣ («Благодарю васъ, Анна Павловна... Вы очень любезны!»), потомъ мимоходомъ коснулась перваго представленія модной пьесы (ваши ложи были рядомъ, и вы все-таки благополучно успѣли тогда улизнуть изъ театра), потомъ заговорила о юбилеѣ вашего сослуживца (Боже мой! Какой почтенный человѣкъ), и, наконецъ, Анна Павловна приняла любезно-дѣловой видъ... Это былъ самый рѣшительный моментъ. Откуда у нея въ рукахъ очутился розовый билетикъ? А потомъ этотъ билетикъ перешелъ къ вамъ, а въ качествѣ эквивалента Анна Павловна получила смятую ассигнацію и сунула ее въ свой мѣшочекъ, — она всегда ходитъ съ мѣшочкомъ. Все это произошло очень быстро, и любезность Анны Павловны сейчасъ же смѣнилась усталымъ выраженіемъ. Она еще

что-то говорила, но глаза искали уже новую жертву, и я спрятался за спину своего сосѣда-винтера.

— Это... это... это чортъ знаетъ, что такое! — говорили вы, отыскавъ меня въ моемъ убѣжищѣ.—Ага, понимаю: убѣжалъ и спрятался.

— Нисколько! Съ чего ты это взялъ ..

— Перестань, голубчикъ... Мы слишкомъ стары, чтобы играть въ прятки.

— Послушай, ты, кажется, раздраженъ?

— Конечно, раздраженъ...

Онъ вынулъ изъ кармана жилета розовый билетикъ и съ ожесточеніемъ разорвалъ его въ клочья. Вотъ вамъ, Анна Павловна...

— Скажи, пожалуйста, какое мнѣ дѣло до этихъ потерпѣвшихъ отъ наводненія въ Гавани, до бѣдныхъ именинниковъ на Пескахъ, до какого-то общества покровительства выпрямленія носовъ у недостаточныхъ алеутскихъ дѣтей, до бѣдной вдовы, обремененной сорока тысячью младенцевъ?

Въ минуты раздраженія мой бѣдный другъ любилъ прибѣгать къ нѣкоторымъ гиперболамъ, и его взволнованный духъ прыгалъ по нимъ, какъ олень съ камня на камень. Потомъ у него была уже совсѣмъ дурная привычка брать собесѣдника за пуговицу сюртука и крутить ее, точно это была голова несчастнаго алеута, которую онъ хотѣлъ, на зло Аннѣ Павловнѣ, оторвать.

— Послушай, ты оторвешь мою пуговицу.

— Что такое пуговица? Это палліативъ, т.-е. я хочу сказать, что всякая благотворительность палліативъ... Да, да, пожалуйста не спорь.

— И не думалъ спорить... Только ты, пожалуйста, осторожнѣе, т.-е. съ пуговицей.

— Нѣтъ, это что̀ Анна Павловна... Это еще цвѣточки. А вотъ я недавно налетѣлъ на одного благотворительнаго секретаря, т.-е., вѣрнѣе, онъ меня накрылъ. Ну, это, братъ, ужъ настоящій разбойникъ. Тотъ безъ дальнихъ словъ прямо чуть не въ карманъ...

— И ты жертвовалъ?

— А что же я буду дѣлать? Не драться же съ нимъ... Конечно, я ему сказалъ, что считаю всякую благотворительность палліативомъ. Да, я прямо и откровенно высказалъ все... О бѣдныхъ и несчастныхъ должно заботиться государство. Наконецъ, у насъ есть земство, городское самоуправленіе... Однимъ словомъ, отчиталъ, а онъ хоть бы глазомъ моргнулъ. «Это ужъ,—говоритъ,—я слышу сегодня въ одиннадцатый разъ»... Анна Пав-

ловна все-таки хоть смущается, старается быть любезной, и потомъ у нея есть нѣкоторыя связи и, при случаѣ, можетъ пригодиться. А этотъ ужъ совсѣмъ разбойникъ... Понимаешь: онъ точно имѣетъ какое-то право. Вотъ это меня и возмущаетъ больше всего... Мнѣ не жаль денегъ, а только это противъ моихъ убѣжденій. Понимаешь: не желаю, и все тутъ,

Судьбѣ было угодно, чтобы я все-таки встрѣтился съ Анной Павловной. Я имѣлъ неосторожность предположить, что она ушла— она исчезала и появлялась незамѣтно, какъ привидѣніе. Но захожу въ гостиную и лицомъ къ лицу встрѣчаюсь съ Анной Павловной. Въ первое мгновеніе я даже не узналъ ея. Она сидѣла въ уголкѣ дивана съ закрытыми глазами и показалась мнѣ меньше ростомъ и старше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Отступленіе было немыслимо, и я довольно развязно подошелъ къ ней.

— Вы устали, Анна Павловна?

— Ахъ, какъ устала... Если бы вы только могли представить себѣ... Это такая мука, такая мука... Подходишь къ человѣку, улыбаешься, говоришь какой-то вздоръ и чувствуешь, что онъ только изъ вѣжливости не бѣжитъ отъ васъ...

— Какъ я сейчасъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же личности... Я вообще... Еслибы не графиня Аделаида Карловна... Впрочемъ, она работаетъ еще больше насъ... Нельзя, есть свои обязанности и у насъ... Но меня это убиваетъ, убиваетъ отношеніе общества. И, знаете, всего лучше имѣть дѣло съ людьми небогатыми, потому что они какъ то добрѣе, А богатые...

— Богатымъ приходится больше жертвовать, и это, вѣроятно, имъ надоѣдаетъ...

— Да вѣдь я-то не виновата, что они богаты, что есть бѣдные, что графиня Аделаида Карловна выказываетъ мнѣ особенное свое вниманіе. Въ прошлый мѣсяцъ я заработала около четырехъ сотъ рублей...

Потомъ Анна Павловна сразу измѣнила тонъ и приняла свой обычный вѣжливо-хищный видъ. Я понялъ, что изъ простого знакомаго превращаюсь въ жертву и поспѣшилъ ее предупредить.

— У васъ, кажется, есть билеты, Анна Павловна?

— О, да... Одинъ благотворительный спектакль, два концерта, членская книжка... Вы что желаете получить?

— Мнѣ рѣшительно все равно, Анна Павловна... Впрочемъ, нѣтъ: что у васъ хуже идетъ, то и давайте.

— Ахъ, какъ вы любезны... Вотъ со спектаклемъ я смучилась. Концерты идутъ лучше... Вамъ спектакль?

— Пожалуйста...

— Благодарю васъ... Знаете, иногда приходится выслушивать такія непріятныя вещи. И за что, скажите ради Бога? Ну, не я, такъ, все равно, будетъ вымогать другая... Зачѣмъ же огорчать именно меня? Вѣдь я, какъ хотите, живой человѣкъ...

У Анны Павловны опять явился прежній усталый видъ. Жатва была кончена, и нужно было летѣть куда-то въ комитетъ. Она привела въ порядокъ свой мѣшочекъ, что-то записала въ крошечную книжку и даже поднялась съ дивана, но сейчасъ же сѣла и проговорила съ отчаяніемъ:

— Боже мой, я и забыла, что должна дождаться Докукина... Вы знаете Докукина?

— Нѣтъ...

— Ахъ, онъ недавно получилъ громадное наслѣдство послѣ какой-то тетки, и мнѣ хочется предупредить Аделаиду Карловну. Она тоже гоняется за нимъ, и вдругъ, представьте себѣ, я ее предупрежу... Говорятъ, что онъ очень скупъ и рѣзокъ, но это все равно.

Анна Павловна разоткровенничалась и сейчасъ же спохватилась.

— У насъ своя этнографія и своя ариѳметика, — пошутила она.—Вамъ это можетъ показаться смѣшнымъ, но, знаете, у каждого своя служба...

— Анна Павловна, можно вамъ предложить одинъ вопросъ, именно: какъ вы превратились въ даму-благотворительницу?

— Какъ я дошла до жизни такой? Ахъ, знаете, какъ-то все случилось само собой... Я знаю, что надъ нами смѣются, что называютъ акробатками благотворительности и такъ далѣе, но, право, всѣ ошибаются. У меня, напримѣръ, послѣ трудоваго дня остается увѣренность, что я кому-то приношу пользу и что день прожитъ не даромъ. Вѣдь легко только критиковать или ничего не дѣлать... Мнѣ недавно одинъ коммерсантъ даетъ двадцать пять рублей и говоритъ: «Получите, Анна Павловна... Только зачѣмъ это говорятъ, что для того, чтобы двугривенный дошелъ до бѣднаго человѣка, нужно истратить два рубля?» Вѣдь это дерзость, а я должна была улыбаться и въ чемъ-то оправдывалась.

Разговоръ выходилъ интересный, но намъ не пришлось его кончить, потому что явился Докукинъ. Онъ былъ въ сосѣдней комнатѣ, но Анна Павловна уже почуяла его присутствіе, приняла любезный видъ и торопливо ушла въ залъ. Не знаю, чѣмъ кончилась эта экспедиція, только черезъ полчала Анны Павловны уже не было. Она улетѣла на какую-то новую работу.

II.

Вышеприведенная сцена въ дѣйствительности, конечно, никогда не происходила и приведена, какъ нѣкоторая схема того, что повторяется съ большими или меньшими варіаціями чуть не ежедневно.

Вопросъ благотворительности принадлежитъ къ числу проклятыхъ. Онъ старъ такъ же, какъ человѣчество, какъ старо то проявленіе сожалѣнія къ страданіямъ ближняго, которое проявилось въ первый разъ, и мы увѣрены, что оно проявилось впервые именно у женщины. Исторія шла своимъ чередомъ, вѣка слѣдовали одинъ за другимъ, на міровую сцену выдвигались новыя племена, новыя идеи, философскія системы, величайшія открытія и изобрѣтенія, всевозможныя усовершенствованія во всѣхъ областяхъ, наконецъ, все то, что мы подводимъ подъ громкую рубрику: чудеса цивилизаціи, и только одна благотворительность какъ-то не двигалась впередъ, оставаясь функціей той правой руки, которая не должна была знать, что дѣлаетъ лѣвая. Даже величайшее ученіе любви, внесенное христіанствомъ, только на время обострило дѣла благотворительности и то только на религіозной почвѣ. Личному доброму чувству, чтобы реализировать себя, не доставало системы, не доставало организаціи, сплоченности, раздѣленія труда, и каждый дѣйствовалъ только въ свою голову, а цивилизація все ярче и ярче доказывала, что одинъ въ полѣ не воинъ.

Нашъ хваленый девятнадцатый вѣкъ для благотворительности сдѣлалъ меньше всего. Скажемъ больше—она осталась въ совершенномъ загонѣ и даже подъ большимъ сомнѣніемъ, какъ вещь, по самому своему существу, не только безполезная, но даже вредная, какъ школа воспитанія лѣнтяевъ и тунеядцевъ. Изобрѣтали самыя разрушительныя орудія и химическіе составы, рядомъ изобрѣтались новыя медицинскія средства, которыя должны были врачевать нанесенныя этими средствами и орудіями поврежденія—правая и лѣвая руки знали, что дѣлаютъ, и не только знали, но взаимно приспособлялись другъ къ другу. Благотворительность проявлялась здѣсь только въ своей служебной формѣ, то-есть, постольку, поскольку требовали, главнымъ образомъ, военныя членовредительства. Она и приспособлялась для этой спеціальной формы, такъ что въ концѣ-концовъ получила нѣкоторую организацію, хотя далеко и не удовлетворявшую колоссальнымъ бѣдствіямъ войны. Но вѣдь война идетъ не постоянно, и ея картинныя бѣдствія требуютъ усиленной помощи только періодически. Отъ величайшихъ бѣдствій военнаго времени, быть

можетъ, останется единственный результатъ—это организація благотворительности по послѣднему слову науки. Но самая жестокая война только временное бѣдствіе и, какъ все временное, скоропреходяще, что только и можетъ служить утѣшеніемъ для нормальнаго человѣка. Другое дѣло—бѣдствія, длящіяся, постоянныя, которыя подтачиваютъ жизнь милліоновъ людей изъ года въ годъ съ настойчивостью и послѣдовательностью именно такихъ бѣдствій. Такъ называемыя чудеса цивилизаціи, которыми мы гордимся, ни на іоту не уменьшаютъ этихъ бѣдствій, а, наоборотъ, увеличиваютъ и разнообразятъ до безконечности. Каждая новая машина отнимаетъ хлѣбъ у десятковъ тысячъ честныхъ тружениковъ, каждое открытіе или изобрѣтеніе въ концѣ-концовъ кого-то пускаетъ по міру, у кого-то отнимаетъ кусокъ хлѣба и вообще обездоливаетъ. Всѣ эти чудеса выгодны только людямъ богатымъ и капиталистамъ, а труженикъ послѣдовательно теряетъ всякую возможность конкуррировать съ машиной. Отсюда—страшное накопленіе капиталовъ, съ одной стороны, и еще болѣе страшное накопленіе бѣдности, съ другой. Ветхій человѣкъ былъ золъ, золъ даже въ своихъ религіозныхъ системахъ, миѳологіи и поэтическихъ представленіяхъ; но это зло носило въ концѣ-концовъ все-таки личный характеръ, и потерпѣвшій могъ назвать по имени тѣхъ, которые причинили ему зло. Чудеса цивилизаціи привели къ тому, что зло обезличилось, какъ ассигнація. Развѣ можно обвинять новую машину или новую фабрику, тѣмъ болѣе, что эту новую машину изобрѣлъ, можетъ быть, очень добрый человѣкъ, и никто не можетъ поставить въ вину другому доброму человѣку устройство новой фабрики. Съ каждымъ годомъ, у насъ на глазахъ, и шире и глубже разростается та страшная пропасть, которая отдѣляетъ богатаго отъ бѣднаго, такъ что въ концѣ концовъ получаются почти совсѣмъ различныя зоологическія формы, хотя въ наукѣ онѣ и сохраняютъ общее видовое названіе: homo. Англійскій лордъ, биржевикъ, крупный фабрикантъ—это совсѣмъ особая порода людей, которая всего меньше напоминаетъ о пролетаріяхъ. Святая наука нашла для уничтоженія послѣдняго только одно средство — добрый совѣтъ не размножаться. Совѣтъ, безъ сомнѣнія, очень хорошій, но только для тѣхъ, которые его даютъ. Потомъ явилась какъ будто что-то объяснявшая теорія борьбы за существованіе, утилитаріанизмъ, благородный эгоизмъ и т. д. Каждый для себя—вотъ что явствовало изъ этой зоологической правды. Подъ грохотъ орудій, шумъ машинъ и проповѣдь благодѣтелей человѣчества мысль о благотворительности на время точно замерла, больше—она была доведена до какого-то шутовства и почти юродства.

Но она все-таки не умерла и никогда не умретъ, и смѣшно доказывать, что она будетъ расти, развиваться и крѣпнуть, какъ противовѣсъ наростающему злу, которое грозитъ гибелью всей нашей хваленой цивилизаціи. Ночь слишкомъ темна, зло слишкомъ велико, какъ сказалъ поэтъ...

Въ западной Европѣ, гдѣ главный источникъ чудесъ цивилизаціи и цивилизованныхъ бѣдствій, въ сравнительно недавнее время благотворительность проявилась съ необычайной энергіей и въ совершенно новыхъ формахъ, хотя еще до сихъ поръ продолжаетъ сохранять слишкомъ личный характеръ. Приведу на удачу нѣсколько фактовъ, которые заимствую изъ журнала «Міръ Божій». Примѣръ первый. Всего какихъ-нибудь десять лѣтъ назадъ въ Англіи организовалось «англійское національное общество огражденія дѣтей отъ жестокаго обращенія». На первыхъ порахъ это общество встрѣтило равнодушіе—съ одной стороны и нѣкоторую враждебность—съ другой. Но англичане народъ основательный и выдержанный. Учредители этого общества добились того, что въ 1889 году провели въ парламентѣ билль, по которому всѣ лица, на попеченіи которыхъ находятся дѣти моложе 16 лѣтъ, могутъ привлекаться къ отвѣтственности за дурное обращеніе съ ними. Въ теченіе 10 лѣтъ общество раскрыло такихъ случаевъ ни больше—ни меньше, какъ 40.000 и пришло на помощь 109.364 дѣтямъ. Въ 5.792 случаяхъ общество вынуждено было обращаться къ суду. Сейчасъ это общество, распространившее свою дѣятельность по всей Англіи, Шотландіи и Ирландіи, имѣетъ годового дохода 40.000 фунтовъ стерлинговъ, что на нашъ русскій счетъ составитъ около полумилліона рублей. Фактъ, во всякомъ случаѣ, знаменательный, какъ по новости предмета для благотворительности, такъ особенно по быстротѣ завоеванія успѣха. Примѣръ второй. Въ 1893 г. въ Испаніи умерла донна Конценція Ареналь Гарціа де Карраско, которой уже въ пяти городахъ поставлены памятники. Вся жизнь этой дамы была посвящена благотворительности, при чемъ она въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ состояла генеральной инспектриссой тюремъ, издала цѣлый рядъ книгъ по вопросамъ благотворительности, а также издавала журналъ «Vox de la Caridad», имѣвшій своей задачей разработку вопросовъ общественной помощи и улучшеніе соціальныхъ условій. Ея ученые труды доставили ей почетную извѣстность въ международной наукѣ. Третій примѣръ. Во Франціи, именно въ печальной памяти городѣ Седанѣ, возникло благотворительное общество, которое задалось цѣлью въ корнѣ подорвать самыя основы бѣдности. Общепринятыя формы благотворительности достигаютъ только временныхъ цѣ-

лей, а это общество привело въ исполненіе совершенно новый способъ. Оно начало покупать въ окрестностяхъ города участки невоздѣланной земли, а потомъ сдавало ихъ бѣднымъ семьямъ для устройства огородовъ, помогая необходимыми орудіями для ихъ обработки, удобреніемъ и сѣменами. Въ первый годъ своего существованія общество пріобрѣло 14.000 кв. метровъ, розданныхъ 56 семействамъ. Въ слѣдующемъ году понадобилось еще 30.000 кв. метровъ, которые и роздали 21 семейству. Эта операція привела къ поразительнымъ результатамъ. Бѣднѣйшія семьи, только благодаря этой мѣрѣ, имѣли возможность не только обезпечить свое пропитаніе, но еще могли кое-что заработать отъ продажи полученныхъ продуктовъ. Этотъ опытъ, произведенный въ самомъ скромномъ масштабѣ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что выводитъ бѣдняковъ на широкую дорогу нормальнаго и производительнаго труда. Пристроенные такимъ путемъ бѣдные уже не будутъ нуждаться въ помощи благотворителей и со временемъ уступятъ мѣсто другимъ. Вопросъ вообще разрѣшается чрезвычайно просто, и первая помощь переходитъ въ неперестающую дѣйствовать силу.

Мы ограничиваемся только этими примѣрами, выбранными совершенно наудачу. Вопросы разумной благотворительности въ Западной Европѣ съ каждымъ годомъ начинаютъ привлекать къ себѣ все больше и больше вниманія, а въ Америкѣ достигаютъ грандіозныхъ формъ. Дѣти, больные, заключенные въ тюрьмѣ, потерявшіе работу рабочіе, потерпѣвшіе отъ какого-нибудь стихійнаго зла, какъ наводненіе—всѣ начинаютъ находить посильную помощь общества. Дѣло благотворительности упорядочивается и организуется въ цѣлую систему, причемъ нѣкоторые вопросы уже разрабатываются на международной почвѣ. Все это очень знаменательно, и общество привыкаетъ смотрѣть на благотворительность, какъ на свою прямую обязанность. Самая область благотворительности расширяется съ каждымъ годомъ все шире и постепенно захватываетъ все новые вопросы, какъ борьба съ проституціей, исправительныя колоніи преступниковъ, защита и т. д. Личная инициатива и добрыя движенія добраго сердца отдѣльныхъ лицъ постепенно смѣняются общественнымъ началомъ и глубокимъ сознаніемъ долга придти на помощь обремененнымъ и нуждающимся. Навстрѣчу этому движенію идетъ отвѣтное движеніе со стороны бѣдныхъ рабочихъ классовъ, гдѣ организуются рабочіе ферейны, ассоціаціи, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и взаимопомощь въ разныхъ видахъ. Международная благотворительность проявилась въ рельефной формѣ, когда въ голодъ 1892 года французы посылали

русскимъ голодающимъ свою помощь, а американцы отправили цѣлыхъ три корабля съ хлѣбомъ.

III.

Что касается русской благотворительности, то она находится еще въ самомъ зачаточномъ видѣ. По натурѣ, русскій человѣкъ и добръ, и мягкосердеченъ, и отзывчивъ, но его необходимо расшевелить, подвинуть и просто ткнуть носомъ. Помогать бѣдному русскій человѣкъ даже любитъ, но ему нуженъ этотъ бѣдный налицо. Чего стоитъ доброхотное содержаніе сотенъ тысячъ одной нищей братіи. Затѣмъ русскій человѣкъ любитъ помогать колодникамъ, заключеннымъ и вообще арестантамъ, которымъ любовно и прощающе присвоилъ названіе несчастненькихъ по преимуществу. Не прочь русскій человѣкъ пожертвовать и на доброе дѣло вообще, хотя и таитъ въ себѣ при этомъ мысль о медали, почетномъ членствѣ или благодарности губернаторши. Во главѣ благотворителей всегда стояло купечество, какъ по преимуществу зажиточный классъ. Въ послѣднее время это купечество уже не удовлетворяется одной моралью или губернаторшиной благодарностью, а требуетъ еще, чтобы о немъ пропечатали и въ газетахъ.

Въ общемъ, по сравненію съ Западной Европой или Америкой, мы страшно бѣдны, и, какъ ни мала наша благотворительность, но въ процентномъ отношеніи она едва-ли ниже общеевропейской. Другой вопросъ, какъ она организуется и куда направляется—въ этомъ наше самое больное мѣсто. Мы просто не умѣемъ благотворить и даже какъ-то стѣсняемся. Потомъ есть извѣстная доля чисто азіатской апатіи и безучастности несмысленнаго ребенка. Родовитое барство благотворило рѣдко, и то съ разсчетомъ. Наша интеллигенція почему-то не довѣряетъ благотворительнымъ затѣямъ и даже вышучиваетъ ихъ, какъ палліативныя мѣры, которыя не устраняютъ зла въ корнѣ. Намъ подавай такую благотворительность, чтобы ни одного бѣднаго не осталось, ибо мы широкія натуры и не любимъ размѣниваться на мелочи.

Но это наше безучастіе и кажущееся равнодушіе къ судьбѣ ближняго происходитъ только отъ полнаго отсутствія у насъ общественныхъ интересовъ, еще болѣе полнаго неумѣнья реализировать наши дремлющія чувства и отсутствія необходимой энергіи и выдержки. Когда нужно, какъ во время голода 1892 года или нынѣшняго наводненія въ Петербургѣ, пожертвованія сыплются со всѣхъ сторонъ. Достаточно напечатать въ газетахъ о

бѣдственномъ положеніи какой-нибудь семьи, какъ сейчасъ же откликнутся и жертвователи. Но дѣло опять въ томъ, что мы любимъ жертвовать опредѣленному лицу, а не вообще дѣлу. Это рѣзкая особенность всѣхъ нашихъ пожертвованій и причина того грустнаго явленія, что благотворительницамъ дамамъ въ буквальномъ смыслѣ приходится вымогать пожертвованія всѣми правдами и неправдами. Мнѣ каждый разъ дѣлается жаль эту добровольную мученицу, которая не всегда же дѣйствуетъ изъ какихъ-нибудь своекорыстныхъ разсчетовъ. Мы ужасно легки на всякую критику и, въ большинствѣ случаевъ, только такой критикой и ограничиваемся въ общественныхъ дѣлахъ, а вотъ эта дама-благотворительница все-таки оказываетъ хоть какую-нибудь помощь бѣднымъ и несчастнымъ. Вѣдь нѣтъ такого пропащаго городишка, гдѣ бы не было какого-нибудь благотворительнаго учрежденія, а въ общемъ получится очень солидная помощь. Прибавьте къ этому и безграничность любезнаго отечества и еще большую безграничность отечественной бѣдности... Мы изъ патріотизма великодушно уступаемъ Западной Европѣ и пролетаріатъ, и пауперизмъ, хотя сами живемъ куда бѣднѣе этой бѣдной Западной Европы. Вся разница только въ томъ, что очень ужъ мы привыкли къ этой своей родной бѣдности, такъ что трудно насъ удивить чѣмъ-нибудь новенькимъ въ этомъ отношеніи. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, просто нѣмѣетъ мысль, когда только хотя приблизительно представишь себѣ эту русскую бѣдность,—такъ она велика и такъ неотложна.

Но чего уже совсѣмъ нельзя намъ простить, это нашей чисто русской забывчивости. Благотворительныхъ учрежденій у насъ тьма тьмущая, но всѣ они переживаютъ одну общую судьбу. Въ періодъ возникновенія ихъ встрѣчаютъ съ сочувствіемъ, число членовъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ, испытывается извѣстный приливъ средствъ. Но медовый мѣсяцъ скоро проходитъ, а затѣмъ является отчаянная борьба съ равнодушіемъ публики и болѣе или менѣе почетное забвеніе. Приведу характернѣйшій примѣръ.

Въ концѣ 1890 г. получилъ утвержденіе уставъ общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Дѣятельность общества открылась въ слѣдующемъ году, и теперь можно подвести нѣкоторые итоги за эти годы его существованія. Число членовъ въ первомъ же году достигло цифры 212 человѣкъ, а затѣмъ увеличивалось въ такой прогрессіи: въ 1892 г.—233 члена, въ 1893 г.—260 членовъ и въ 1894 году—282 члена. Количество членовъ хотя и не быстро, но все-таки увеличивалось, но тутъ же рядомъ вопіющій фактъ—въ первый годъ не сдѣлали

своего вноса 9 членовъ, въ 1892 г. уже 92 члена, въ 1893 г.— 146 членовъ и въ 1894 г. 203 члена. Процентъ неплательщиковъ возросъ до 203%, т.-е. изъ 282 членовъ сдѣлали членскій вносъ только 79 человѣкъ. Получается уже цѣлая картина, тѣмъ болѣе, что членскій вносъ всего 10 р. По естественной логикѣ вещей, нужно было бы ожидать какъ разъ обратныхъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что переселенческое движеніе увеличилось за эти годы въ нѣсколько разъ. Мы привели выше примѣръ англійскаго общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія, доходы котораго черезъ десять лѣтъ достигли почтенной суммы въ полмилліона рублей, а у насъ получается обратное явленіе. При объясненіи такого факта, обыкновенно стараются кого-нибудь обвинить—это самый легкій способъ, но едва-ли справедливый, потому что виноваты, главнымъ образомъ, мы, не привыкшіе къ общественной дѣятельности, вялые и апатичные. Я былъ невольнымъ свидѣтелемъ разговора членовъ этого общества, обсуждавшихъ роковой вопросъ объ изысканіи средствъ.

— Мы устраиваемъ концертъ,—заявилъ одинъ господинъ.

— Да и кромѣ того издадимъ сборникъ въ пользу переселенцевъ,—прибавилъ другой.

Подсчитали приблизительную доходность этихъ двухъ источниковъ, и оказалось, что ожидать многаго нельзя.

— Какъ же быть, господа? Еслибы собирать старое платье.

— Какъ-то, знаете, неудобно... Во-первыхъ, мы будемъ тутъ конкуррировать съ другимъ обществомъ, которое собираетъ всякія тряпки, а, во-вторыхъ, городское платье переселенцамъ не годится, и, наконецъ, пересылка обойдется дороже самаго матерьяла.

— Что же дѣлать, господа?

Присутствовавшая при этомъ совѣщаніи дама-благотворительница, видимо человѣкъ опытный, откровенно заявила:

— Могу сказать одно, что разсчитывать на денежныя пожертвованія намъ, ни въ какомъ случаѣ, нельзя. *Деньгами намъ никто не дастъ...*

Коротко и ясно. Денегъ никто не дастъ, тѣмъ болѣе, что даже и члены общества не желаютъ ихъ давать, въ видѣ своихъ членскихъ взносовъ. Вотъ тутъ и выворачивайся, какъ знаешь... Нѣтъ въ Петербургѣ денегъ, и конецъ тому дѣлу. Признаться сказать, меня глубоко опечалило это открытіе. Какъ хотите, дѣло, кажется, такое, что нельзя не помочь, а на повѣрку выходитъ другое. И члены, и комитетъ общества, и коммиссіи хлопочутъ, изыскиваютъ, и ничего не находятъ. Вчужѣ обидно и, знаете, стыдно...

Отчаянная переселенческая нужда одно время какъ будто за-

интересовала общество, и даже были нѣкоторыя пожертвованія, а потомъ все и замерло. Самое большое и единственное пожертвованіе общество получило отъ П. Н. Третьякова, отказавшаго послѣ своей смерти все свое состояніе, которое достигаетъ почтенной цифры въ 150 т. рублей. Интересна біографія этого рѣдкаго благотворителя. Родился онъ въ Петербургѣ крѣпостнымъ, образованіе получилъ въ Анненской школѣ, а затѣмъ поступилъ на службу простымъ почтальономъ съ жалованьемъ по 4 р. въ мѣсяцъ. Цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ Петръ Никифоровичъ несъ тяжелую службу въ почтамтѣ, пока добился перваго класснаго чина. Зная два новые иностранные языка, онъ былъ сортировщикомъ иностранной корреспонденціи и въ то же время занимался переводной работой въ нѣкоторые журналы. Только подъ конецъ своей труженической жизни онъ получилъ какое-то «приглашеніе работать въ Публичной библіотекѣ». Можно себѣ представить, какимъ трудомъ были добыты эти 150 тысячъ... Покойный отказывалъ себѣ рѣшительно во всемъ, тратя на себя 20—25 р. въ мѣсяцъ, а передъ смертью отказалъ все свое состояніе обществу вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Да, такихъ людей немного...

О страшной переселенческой нуждѣ ужъ, кажется, писано и переписано, и все-таки, перебирая матерьялы по переселенческому вопросу, наталкиваешься на самые вопіющіе факты. Такъ, за одно только лѣто въ Тюмени умерло у переселенцевъ 600 человѣкъ дѣтей отъ дифтерита, скарлатины, оспы и тифа. Съ двухъ баржъ, которыя лѣтомъ 1894 г. везли изъ Тобольска въ Барнаулъ 1.100 переселенцевъ, было снято 43 покойника, а съ парохода «Наслѣдница», который везъ изъ Тюмени въ Томскъ 2.000 переселенцевъ, снято 107 покойниковъ. Можно себѣ представить общую цифру смертности, когда количество переселенцевъ достигаетъ въ послѣдніе годы 80 тысячъ душъ... Замѣтьте при этомъ, что главный контингентъ переселенцевъ составляютъ крестьяне среднихъ губерній. Двинулся въ далекую Сибирь настоящій, коренной россійскій пахарь, и это движеніе все ростетъ съ каждымъ годомъ. Невольно просится на умъ сравненіе съ Западной Европой, гдѣ эта рабочая армія встрѣтила бы настоящее сочувствіе и живую помощь, тогда какъ наше общество вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ едва располагаетъ какими-нибудь 10 тысячами ежегоднаго расходнаго капитала. Стыдно писать...

Баранчукъ.

12. *А. А. Штевенъ*, **«Изъ Записокъ сельской учительницы»**. Спб., 1895 г.

Книга госпожи Штевенъ отражаетъ въ себѣ двѣ характерныя черты русской современной дѣйствительности: она показываетъ, какъ много можетъ сдѣлать одно лице, горячо преданное дѣлу, и съ какими препятствіями ему приходится встрѣчаться. Распространеніе народнаго образованія и въ ширь, и въ глубь—такова задача, которой посвятила себя А. А. Штевенъ. Пока она ограничивалась первою частью этой задачи, число основываемыхъ и руководимыхъ ею школъ росло съ поразительною быстротою; иначе сложились условія, какъ только возникъ вопросъ объ улучшеніи сдѣланнаго, о поднятіи уровня обученія. Это вовсе не значитъ, что измѣнилось самое направленіе или свойство дѣятельности А. А. Штевенъ; напротивъ того, каждый новый ея шагъ былъ логическимъ продолженіемъ предъидущихъ. Школа съ самаго начала была, въ ея глазахъ, не только разсадникомъ грамотности, но и источникомъ воспитательнаго вліянія на учащихся. Поставленная лицомъ къ лицу съ небольшимъ кружкомъ деревенскихъ ребятъ, А. А. Штевенъ прежде всего ихъ полюбила, полюбила ихъ за чистоту и нѣжность, скрывающуюся въ нихъ подъ грубой оболочкой, за воспріимчивость ихъ ко всему доброму и свѣтлому. Эту любовь она перенесла на всѣхъ крестьянскихъ дѣтей, и въ ней нашла силу для упорной, неутомимой работы. Проникнуть въ дѣтскую душу ей помогло поэтическое чувство, которымъ согрѣты всѣ ея наблюденія. Для нея ученикъ начальнаго училища—не только небольшая часть крупнаго цѣлаго, составляющаго предметъ ея заботы, но и живая самостоятельная личность, имѣющая свои особенности, заслуживающая и требующая отдѣльнаго изученія. Отсюда особая привлекательность разсказовъ А. А. Штевенъ о возникновеніи ея первой школы, о лучахъ, которые она стала бросать отъ себя въ видѣ маленькихъ деревенскихъ школокъ, о лѣтнихъ занятіяхъ съ учениками-учителями, о путешествіи на богомолье въ Муромъ. Въ послѣднемъ передъ нами проходитъ цѣлая галерея портретовъ, срисованныхъ съ натуры; но и въ другихъ частяхъ книги, кромѣ тѣхъ немногихъ, гдѣ на первый планъ выступаетъ изложеніе взглядовъ автора на различные типы народной школы, психологія ребенка и отрока идетъ рука объ руку съ коллективной, если можно такъ выразиться, психологіей школы. Такія картины, какъ вечерній пріѣздъ въ школу грамоты (стр. 33) или чтеніе Евангелія во время лѣтнихъ занятій (стр. 146 — 148), глубоко врѣзываются въ память Въ молодыхъ сердцахъ, ищущихъ выхода изъ узкаго круга рутинныхъ занятій и не менѣе рутинныхъ удовольствій, онѣ вызываютъ, мы въ этомъ убѣждены, стремленіе туда, гдѣ такъ нуженъ добровольный трудъ на общую пользу. Не всегда, конечно, это стремленіе переходитъ въ дѣло, но еще рѣже оно исчезаетъ совершенно безслѣдно. Немаловажна поэтому цѣнность книги, могущей пробудить его въ душѣ читателей.

К. Арсеньевъ.

---

13. **«Міръ Божій»**. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. Составилъ *А. Я. Гердъ*. Третье удешевленное изданіе съ 42 рисунками. Спб. 1895 г. 77 стр. Ц. 25 к.

Книжка А. Я. Герда, вышедшая нынѣ третьимъ изданіемъ, является до сихъ поръ одной изъ лучшихъ книгъ для первоначальнаго знакомства съ природой.

Начиная съ изученія почвы и ея состава, авторъ переходитъ къ строенію земли, даетъ понятіе о типичныхъ горныхъ породахъ: гранитѣ, из-

вестнякѣ, песчаникѣ, глинѣ и пр. и о полезныхъ ископаемыхъ—каменной соли и углѣ. Третья глава посвящена воздуху и его главнѣйшимъ свойствамъ, IV—водѣ. Въ V главѣ говорится о разрушеніи горныхъ породъ и объ образованіи почвы, въ VI—о металлахъ и рудахъ. Послѣдняя глава, озаглавленная «Форма и движенія земли», даетъ читателю элементарныя свѣдѣнія по математической географіи.

Большинство опытовъ, иллюстрирующихъ статьи о почвѣ, водѣ, воздухѣ, на столько элементарны, что повтореніе ихъ не можетъ затруднить читателя. Языкъ книги ясенъ, простъ. Иной разъ эта простота даже утрирована: боясь употребить незнакомое для читателя слово «газъ», авторъ углекислоту и свѣтильный газъ называетъ углекислымъ и свѣтильнымъ воздухомъ. Такая погоня за простотой скорѣе, на нашъ взглядъ, введетъ читателя въ заблужденіе, чѣмъ поможетъ дѣлу; тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря о составѣ воздуха, авторъ не предвидитъ, что у читателя можетъ составиться представленіе объ углекислотѣ, какъ состоящей изъ азота и кислорода.

Тѣмъ не менѣе, книжка Герда всегда можетъ быть дана въ руки всякому умѣющему толково читать, съ увѣренностью, что время, потраченное на чтеніе не пропадетъ даромъ.

Гр. Григорьевъ.

---

14. *Лесли Стефенъ.* **Этика и борьба за существованіе.** (Международ. библіотека, № 13, изд. Бейленсона и Юровскаго). Одесса. 1894. Ц. 15 коп.

Статья написана въ опроверженіе мнѣнія Т. Гексли, что «этическій прогрессъ общества находится въ зависимости отъ нашей борьбы съ «космическимъ процессомъ», который мы называемъ «борьбою за существованіе». Стивенсъ утверждаетъ, что борьба эта представляетъ дѣйствительно космическій законъ и потому не можетъ быть прекращена и что нашъ этическій инстинктъ долженъ быть направленъ только къ ея гуманизированію. Отсюда выводъ, что устраненіе людей неприспособленныхъ къ жизни—желательно, но оно должно быть ведено гуманными средствами, что милостыня, которая поддерживаетъ выродившійся классъ, тѣмъ самымъ безнравственна. Среди взглядовъ Стефена находитъ себѣ оправданіе и война: «милліоны людей мирно уживаются въ предѣлахъ современнаго государства и могутъ заниматься своими дѣлами, не убивая другъ друга. Когда они воютъ съ другими народами, они ихъ не обращаютъ въ рабство и не истребляютъ».—Что касается аргументаціи автора, то слѣдуетъ оговорить, что слѣдить за нею можетъ только читатель, привыкшій къ чтенію сочиненій по этого рода вопросамъ.

15. *Г. Брандесъ.* **Звѣрь въ человѣкѣ.** (Международная библіотека, № 12, изд. Бейленсона и Юровскаго). Одесса. 1894. Ц. 15 к. Авторъ показываетъ, какъ представляютъ себѣ и какъ объясняютъ двойственность натуры человѣка современные писатели. Рѣчь идетъ только о чистотѣ и грязи въ междуполовыхъ отношеніяхъ; одинъ Золя присоединилъ къ этому инстинктъ убійства женщины. Одни писатели объясняютъ грубость половыхъ инстинктовъ—слѣдами первобытной дикости (Золя, Мопасанъ) другіе фальши, неестественности нашей цивилизаціи (Стриндбергъ, Л. Толстой). Обработка подобныхъ темъ выдающимися писателями даетъ поводъ Брандесу высказать нѣсколько замѣчаній о неумѣстности морализированія въ литературѣ между прочимъ и потому, что «и въ наше время есть еще несомнѣнно немало людей... для которыхъ не существуетъ дуализма звѣ-

ря и человѣка, людей, которые никогда не купались въ болотѣ, обладаютъ чистой совѣстью и не нуждаются въ покаяніи. И вотъ, къ такимъ-то людямъ,—говоритъ Брандесъ, обращаются наши писатели и третируютъ ихъ, какъ профессіональныхъ пьяницъ». Такимъ образомъ вопросъ о звѣрѣ въ человѣкѣ трактуется Брандесомъ довольно односторонне. Переводъ мѣстами неясенъ. Грѣхи молодости Толстого Брандесъ объясняетъ тѣмъ, что «въ его прошломъ записаны гражданскіе и военные годы русскаго юнкера».

16. **Сердечное слово.** Обязанности и кругъ дѣятельности народнаго наставника. *С. Волженскій.* М. 1895. Ц. 25 к. Авторъ считаетъ дѣло народнаго наставника тяжелымъ и отвѣтственнымъ; онъ желалъ бы, чтобы посвящающій себя учительству не только серьезно подготовился къ предстоящимъ ему обязанностямъ, но и взвѣсилъ свои силы. Онъ предупреждаетъ, что народнаго учителя ожидаютъ лишенія, непониманіе и противодѣйствіе со стороны окружающихъ; единственно въ чемъ онъ можетъ почерпать поддержку—это сознаніе исполненнаго долга и любовь и признательность учениковъ. Авторъ не ограничивается впрочемъ, упоминаніемъ о мрачныхъ сторонахъ учительской жизни; онъ совѣтуетъ, какъ улучшить свое положеніе, увеличить свой заработокъ, устроить, не записывая, свои отношенія къ односельчанамъ и т. п. Чтобы показать, что житейскія невзгоды не сламываютъ людей убѣжденныхъ и сильныхъ, авторъ приводитъ факты изъ біографій Амоса Коменскаго, Песталоцци, Дистервега. Въ общемъ рѣчь автора производитъ впечатлѣніе своею правдивостью и искренностью, но въ числѣ успокоивающихъ средствъ онъ предлагаетъ иногда и не особенно убѣдительныя утѣшенія, въ родѣ предложенія народному учителю сравнить свое положеніе съ положеніемъ фабричнаго рабочаго.

Алексѣй Острогорскій.

---

17. *М. С. Корелинъ.* **Паденіе античнаго міросозерцанія.** (культурный кризисъ въ Римской имперіи). Спб. 1895. Цѣна 75 к.

Книжка проф. Корелина составилась изъ десяти публичныхъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 гг., и первоначально была напечатана въ «Русской Мысли». Теперь эти лекціи перизданы, какъ второй выпускъ «Культурно-исторической библіотеки», издаваемой О. Н. Поповой. Содержаніе этого труда проф. Корелина, разсчитаннаго на большую публику,—упадокъ древнеримской религіи, новыя религіозныя движенія въ язычествѣ первыхъ вѣковъ нашей эры, отношеніе философіи къ религіознымъ вѣрованіямъ въ эту эпоху съ попытками реформированія послѣднихъ, вражда языческаго общества къ христіанству. Авторъ поставилъ своею задачею показать безсиліе языческой реформы и выяснить причины побѣды новой религіи, по скольку онѣ заключались въ психологическихъ условіяхъ эпохи. Книжка написана легко и читается съ большимъ интересомъ, а потому нельзя не рекомендовать ее всякому, кто желаетъ ознакомиться съ исторіей столь важнаго культурнаго кризиса, какимъ представляется паденіе античнаго міросозерцанія и торжество христіанства. Сознательная борьба между язычествомъ и новой религіей совершалась, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, въ культурныхъ классахъ общества, гдѣ трудна была побѣда христіанства надъ высокой классической культурой, бывшей результатомъ многовѣковаго развитія науки, искусства, философіи и литературы. Поэтому г. Корелинъ и останавливается главнымъ образомъ на исторіи этихъ

*

классовъ, такъ какъ вопросъ объ успѣхахъ христіанства среди «труждающихся и обремененныхъ» рѣшается въ общемъ гораздо проще.

Н. Карѣевъ.

---

18. **Уходъ за грудными дѣтьми.** Свѣдѣнія для матерей. Врача *Г. І. Фридмана.* Симферополь. 1894 г. Цѣна 45 коп.

Брошюра г. Фридмана можетъ быть рекомендована вниманію всѣхъ желающихъ научиться разумному обращенію съ грудным ребенкомъ. Не вдаваясь въ теоретическія разсужденія, авторъ касается наиболѣе важныхъ сторонъ жизни ребенка и даетъ рядъ простыхъ, ясно изложенныхъ, совѣтовъ о томъ, что надо дѣлать и чего избѣгать, имѣя дѣло съ грудным ребенкомъ. Брошюра принесетъ несомнѣнную пользу въ каждой семьѣ, способствуя установленію правильнаго взгляда на воспитаніе дѣтей, которое до сихъ поръ находится подъ гнетомъ безсмысленныхъ привычекъ, передаваемыхъ преемственно отъ одного поколѣнія къ другому. Въ ней разъяснены вредъ пеленанія, укачиванія, въ ней содержатся многочисленныя указанія о снѣ ребенка, его пищѣ, объ уходѣ за органами чувствъ и т. п.

Авторъ часто ссылается на вторую часть своей брошюры, которая, однако, еще не появилась до сихъ поръ въ печати: отъ этого, конечно, для читателя могутъ выйти недоразумѣнія и поэтому нельзя не пожелать, чтобы авторъ, имѣющій способность къ популяризаціи знаній, скорѣе выпустилъ вторую часть своей интересной брошюры.

Въ надеждѣ на то, что д-ръ Фридманъ захочетъ избѣгнуть въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ мелкихъ неточностей, вкравшихся въ его брошюрку, мы приведемъ здѣсь нѣсколько образцовъ.

На стр. 24 авторъ говоритъ, что корыто надо вымыть до и послѣ купанья *теплой, но не горячей водой;* до купанья—это пожалуй еще понятно, но что же мѣшаетъ мытью горячей водой послѣ купанья ребенка: вѣдь корыто стало бы отъ этого только чище. На стр. 34 сказано: «сила жара опредѣляется особымъ градусникомъ; онъ безъ оправы и называется градусникомъ Цельсія»; отсюда можно, пожалуй, заключить, что градусникомъ Цельсія называется именно всякій градусникъ безъ оправы, и что стоитъ вынуть обыкновенный градусникъ изъ оправы и онъ получитъ способность опредѣлять температуру по Цельсію. Слѣдовало бы выражаться въ популярныхъ книжкахъ болѣе точно.

На стр. 38, говоря о чистотѣ воздуха, авторъ разсматриваетъ «всѣ вещества, которыя могутъ *измѣнить запахъ* комнатнаго воздуха». Измѣнить можно только то, что на самомъ дѣлѣ существуетъ. Но хорошій комнатный воздухъ не имѣетъ и не долженъ имѣть никакого запаха: всякій запахъ есть уже показатель какой-либо примѣси или вредной, или, по крайней мѣрѣ, безполезной.

Вся брошюра раздѣлена на параграфы съ подраздѣленіями каждаго изъ нихъ на отдѣльные вопросы съ соотвѣтствующими заглавіями. Это удобно для справокъ и придаетъ труду д-ра Фридмана систематичность, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдняя уже переходитъ границы. Вотъ, напримѣръ, заглавіе въ видѣ вопроса: «Въ какое время года можно прививать оспу?» Отвѣтъ: (содержаніе этой частицы параграфа) «Оспу прививать можно во всякое время года» (стр. 80). Еще разъ повторяемъ, что всѣ указанныя и тому подобныя неточности или попытки къ слишкомъ большой точности не мѣшаютъ намъ признать брошюру д-ра Фридмана вполнѣ заслуживающей вниманія читателей.

---

19. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Составилъ д-ръ *Г. И. Тернеръ*. Спб. 1894 г. Ц. 1 руб.

Брошюра состоитъ изъ прекрасныхъ рисунковъ, исполненныхъ г. Шрейберомъ, и краткаго текста, поясняющаго ихъ. Таблицы рисунковъ обнимаютъ пособія при ранахъ, кровотеченіяхъ, переломахъ, вывихахъ, пособія мнимоумершимъ, переноску и перевозку раненыхъ и больныхъ. Кромѣ того, безъ таблицъ рисунковъ, разсмотрѣны пособія при ожогахъ, отмораживаніяхъ, обморокѣ, ударѣ, падучей болѣзни и отравленіяхъ, составленныя д-ромъ Тернеромъ, затѣмъ списокъ ядовъ и противоядій, пересмотрѣнный проф. Траппомъ, и, наконецъ, менѣе удачная статья прив.-доцента г. Кудревецкаго: «Первая помощь при острыхъ внутреннихъ болѣзняхъ».

Брошюра издана весьма роскошно Е. И. В. Принцессой Евгеніей Максиміліановной Ольденбургской. Къ сожалѣнію, роскошь изданія дѣлаетъ его недоступнымъ по цѣнѣ для тѣхъ, кто всего болѣе нуждается въ «первой помощи до прибытія врача». Нельзя поэтому не пожелать, чтобы названная брошюра была издана менѣе роскошно, но болѣе доступно для народа.

20. Уходъ за зубами и леченіе ихъ. Необходимыя свѣдѣнія для страдающихъ зубами, особенно для родителей. Составилъ д-ръ мед. *А. Лимбергъ*. Спб. 1894 г.

Брошюра д-ра Лимберга, изданная «С.-Петербургскимъ обществомъ дантистовъ и врачей, занимающихся зубоврачеваніемъ», составлена очень толково и можетъ дать правильныя свѣдѣнія о болѣзняхъ зубовъ, ихъ причинахъ и леченіи.

Въ виду того, что большинство начинаетъ заботиться о своихъ зубахъ слишкомъ поздно, когда уже многіе изъ нихъ навсегда потеряны, распространеніе въ обществѣ здравыхъ понятій объ уходѣ за зубами слѣдуетъ признать особенно желательнымъ. Совѣты д-ра Лимберга въ общемъ удобоисполнимы и цѣлесообразны. Укажемъ только на одинъ совѣтъ болѣе общаго характера, котораго, какъ намъ кажется, было бы осторожнѣе не помѣщать въ брошюру во избѣжаніе столь частыхъ нареканій со стороны публики на врачебное сословіе.

На стр. 8 авторъ довольно туманно говоритъ, что «крайне важно пользоваться лишь у того врача, къ которому имѣешь полное довѣріе и въ такомъ случаѣ и со своей стороны дѣлаешь все, что бы не быть въ тягость ему». Быть можетъ, въ этихъ словахъ д-ръ Лимбергъ не хотѣлъ выразить того, что большинство читателей вѣроятно въ нихъ усмотритъ, но все же надо помнить, что осторожность никогда не мѣшаетъ. Въ нашъ вѣкъ, когда съ нѣкоторыхъ профессорскихъ каѳедръ беззастѣнчиво проповѣдуется, что публика существуетъ для врачей, а не врачи для публики, когда корыстолюбіе стало чуть-ли не главной отличительной чертой одной изъ русскихъ медицинскихъ *школъ*, чертой, которой особенно гордятся безталанные послѣдователи нѣкоей отечественной знаменитости, съ такими заявленіями надо выступать еще болѣе осторожно. Въ общемъ, брошюра д-ра Лимберга заслуживаетъ вниманія.

21. Берегите глаза новорожденныхъ! Наставленіе родителямъ, какъ предупреждать и умалять опасность гнойнаго воспаленія глазъ у младенцевъ. Составилъ врачъ *В. Г. Барацъ*. Ц. 10 к. Кіевъ. 1894.

Громадная распространенность глазныхъ болѣзней и слѣпоты въ Россіи привлекла къ себѣ послѣднее время вниманіе врачей и общества. Летучіе отряды врачей-спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ стремятся уменьшить несчастье отдѣльныхъ лицъ и

семействъ, но они безсильны устранить причины слѣпоты. Одна изъ главныхъ причинъ послѣдней заключается въ томъ равнодушномъ отношеніи къ глазнымъ болѣзнямъ у дѣтей, которое составляетъ обычное явленіе въ большинствѣ семей.

Брошюра д-ра Барацца имѣетъ цѣлью убѣдить родителей въ необходимости старательно беречь зрѣніе новорожденныхъ, потому что малѣйшая небрежность въ этомъ отношеніи можетъ повлечь за собой очень тяжелыя послѣдствія.

Брошюра написана хорошо и заслуживаетъ широкаго распространенія, чему, къ сожалѣнію, можетъ помѣшать ея цѣна, дорогая для 40 страничекъ весьма малаго размѣра. Д-ръ Барацъ и кіевское общество поданія помощи больнымъ дѣтямъ, по порученію котораго составлена разбираемая брошюра, поступили бы болѣе цѣлесообразно, если бы издали ее сами, а не довѣрились кіевскому издателю г. Іогансону, который очевидно на первое мѣсто поставилъ чисто коммерческія цѣли. Только этимъ и можно объяснить то, что на обложкѣ помѣщены возмутительныя рекламы о разныхъ quasi-медицинскихъ произведеніяхъ, изданныхъ тѣмъ же промышленникомъ, какъ, напр., сочиненія нѣмецкаго пастора Кнейпа. Помѣщать подобныя рекламы въ книжкахъ, предназначенныхъ для простого народа, по нашему мнѣнію, непростительно. А. Лозинскій.

---

22. **Дѣти. Разсказы не для дѣтей.** *Сара Гутцлеръ.* (Моя библіотека, изд. *М. Ледерле*). Спб. 1894. Ц. 40 к.

Книжка состоитъ изъ 10 отдѣльныхъ разсказовъ, въ которыхъ рѣчь ведется о дѣтяхъ. *Дора*—правдивая дѣвочка, которая хотѣла оставаться правдивою и въ школѣ и когда ее спрашивали открыто говорила, кѣмъ изъ ея подругъ сдѣлана та или другая шалость. Понятно, что она считалась предательницей и много терпѣла отъ подругъ. Но эта же правдивость сослужила добрую службу послѣднимъ, и онѣ полюбили ее и перестали звать фискалкой. Отъ *Бѣшеной Сали* всѣмъ доставалось. Она злобно мстила всѣмъ за дурное обращеніе съ нею окружающихъ, дралась и воровала. Школьный учитель приласкалъ ее, отнесся къ ней участливо, и она отплатила ему добромъ, когда ей пришлось противъ воли принять участіе въ обкрадываніи ея квартиры. *Нора*, чуткая и любящая дѣвочка, рано лишилась матери и осталась безъ крова и поддержки. Булочница взяла Нору къ себѣ въ услуженіе и сразу поставила въ суровыя условія. «Изъ состраданія взяла я сироту, говорила она, и изъ состраданія же должна ее строго воспитывать». О любви не было и помина, маленькія дѣтскія провинности наказывались строго, безъ сердца, систематично. Дѣвочкѣ казалось, что ея хозяйка мститъ ей за что-то зло и несправедливо, и въ сердцѣ ея росла злоба. Не зная, чѣмъ отмстить ей, она хотѣла уронить сына булочницы, котораго ей поручено было пянчить, но ей вспомнилась мать, и она почувствовала жалость къ беззащитному, какъ и она сама, ребенку, и удержалась. Какъ-то въ булочную зашелъ нищій, какъ разъ въ тотъ день, когда Нора была оставлена безъ обѣда. Она не посмѣла сперва распорядиться чужимъ добромъ, но ей, самой голодной, было такъ понятно страданіе нищаго, что она рѣшилась дать хозяйскую булку, а потомъ и сама съѣла другую. Конечно, пропажа двухъ булокъ была обнаружена, и хозяйка, побивъ Нору, выгнала ее и заявила полиціи о произведенномъ ею воровствѣ. Дѣвочку помѣстили въ исправительный пріютъ.

Добрые люди, пріютившіе ее, когда она безъ пристанища бродила по

улицѣ, посовѣтовали ей признать себя воровкою, потому что тогда ее помѣстятъ въ пріютъ, гдѣ она будетъ сыта и одѣта. Въ пріютѣ ее держали строго и смотрѣли за нею подозрительно, потому что она поступила съ дурной репутаціей. Среди ея подругъ по заключенію были и добрыя, и злыя; на сторонѣ послѣднихъ была и сила, и ловкость, и онѣ, не взлюбя Нору, взвели на нее обвиненіе въ новомъ воровствѣ, въ которомъ она была неповинна. Суровое начальство не дало себя въ обманъ и не повѣрило ея увѣреніямъ въ невинности. Напротивъ, въ виду упорства и нераскаянности Норы, оно постаралось придать больше позора ея наказанію. Когда открылось, что воровство сдѣлано не Норою, было уже поздно: благодаря всѣмъ испытаннымъ ею невзгодамъ и оскорбленіямъ, силы несчастной дѣвочки оказались уже надломленными. Остальные разсказы приблизительно того же характера. Вездѣ то же непониманіе дѣтей, та же суровость и безсердечіе, та же слѣпота къ хорошимъ задаткамъ дѣтской натуры, которыхъ не замѣчаютъ изъ-за дѣйствительныхъ дурныхъ или кажущихся такими проявленій, то же, наконецъ, невѣдѣніе дѣтьми элементарныхъ нравственныхъ правилъ вслѣдствіе невѣжества и грубости окружающей ихъ среды. Авторъ въ своихъ разсказахъ является защитникомъ дѣтей и ясно, фактами, говоритъ о необходимости исканія въ нихъ хорошихъ инстинктовъ и воспитанія ихъ лаской, вниманіемъ, заботливымъ уходомъ. Достоинство разсказовъ С. Гутцлеръ въ томъ и состоитъ, что, рисуя мрачныя картины, она не упускаетъ случая показать и возможность успѣха для тѣхъ, кто къ этимъ дѣтямъ рѣшился бы обратиться сердечно и умѣло. Что касается изложенія, то разсказына писаны живо и, благодаря своей краткости, производятъ сильное впечатлѣніе. Можно иногда упрекнуть автора, что рѣчи ея дѣтей—не дѣтскія. Такъ, Нора, узнавъ о своемъ оправданіи, обращается къ своимъ благодѣтелямъ съ такою рѣчью, въ которой можно скорѣе признать слова негодующаго автора, чѣмъ вопль оскобленнаго ребенка. Но этого рода погрѣшности искупаются другими достоинствами разсказовъ.

Алексѣй Острогорскій.

---

23. *К. Э. Линдеманъ:* I. О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ, и мѣры ихъ истребленія. Москва 1895 г. Цѣна 10 к.

II. Насѣкомыя плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ и мѣры истребленія ихъ. Изд. *К. И. Тихомирова.* Москва 1895 г. Ц. 15 коп.

Извѣстный энтомологъ К. Э. Линдеманъ, профессоръ бывшей Петровской земледѣльческой академіи, задался благою цѣлью ознакомить народную массу съ вредными насѣкомыми, и вотъ уже четвертый годъ какъ онъ работаетъ на этомъ поприщѣ, и надо признать — удачно. Всѣ его сочиненія написаны простымъ, понятнымъ языкомъ, безъ подѣлки подъ такъ называемый «народный языкъ». Какъ во всѣхъ книжкахъ, такъ и въ выше названныхъ читатель найдетъ много поучительнаго. Въ первой брошюрѣ авторъ во введеніи указываетъ, что не всѣ насѣкомыя кормятся растительною пищею, что есть много такихъ, которыя ѣдятъ также животныхъ. Эти насѣкомыя у него дѣлятся на три группы. Къ первой группѣ онъ относитъ, такъ называемыхъ «хищныхъ насѣкомыхъ», изъ которыхъ многія полезны человѣку тѣмъ, что ихъ жертвою являются вредныя травоядныя насѣкомыя. Таковы, напр., муравьи, жужже-лицы, стрекозы и др. Ко второй группѣ авторъ причисляетъ такъ называемыхъ «кровопійцъ». Эти насѣкомыя не пожираютъ свою добычу цѣликомъ, не убиваютъ ея сразу, а

большею частью питаются только кровью. Таковы, напримѣръ, слѣпни, комары и др. Къ третьей группѣ относятся «паразиты» — насѣкомыя, превращающія тѣло животнаго въ обильный источникъ пищи и въ то же время въ жилище. О послѣдней-то группѣ авторъ главнымъ образомъ и говоритъ. Здѣсь читатель найдетъ описаніе появленія паразита, его жизнь, объясненіе вреда, наносимаго животному, и наконецъ способъ борьбы съ нимъ. Къ такимъ «паразитамъ-насѣкомымъ», вреднымъ для рогатаго скота и лошадей, проф. Линдеманъ причисляетъ строку, лошадинаго овода, овечьяго овода, конскую муху и овечью муху. Затѣмъ авторъ переходитъ къ врагамъ пчелъ и разбираетъ слѣдующихъ «паразитныхъ насѣкомыхъ»: пчелиную вошь, майку, восковую моль и пестряка.

Во второй брошюрѣ, говоря о насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ деревьямъ и кустарникамъ, проф. Линдеманъ указываетъ на необходимость изученія мелкихъ, незамѣтныхъ почти простымъ глазомъ, насѣкомыхъ. Для борьбы съ ними онъ совѣтуетъ садоводамъ хорошо ознакомиться съ нравами и обычаями каждой породы порознь и тогда только онъ допускаетъ возможность борьбы съ ними, За примѣромъ недалеко ходить. Въ средней полосѣ Россіи, говоритъ онъ, часто на яблоняхъ замѣчается отмираніе цвѣточныхъ бутоновъ. Высунувшись изъ почки цѣлымъ букетомъ, обѣщавшимъ садоводу хорошее цвѣтеніе деревьевъ, а впослѣдствіи и обильный урожай фруктовъ, бутоны, еще не расправивъ своихъ лепестковъ, внезапно завядаютъ и опадаютъ, словно побитые морозомъ. Ненаблюдательный хозяинъ рѣшитъ вѣроятно, что именно морозъ убилъ бутоны на яблоняхъ. Но слѣдуетъ только присмотрѣться внимательно, и нетрудно замѣтить между завядающими бутонами цѣлыя общества маленькихъ, едва видимыхъ, зеленыхъ, безкрылыхъ насѣкомыхъ, высасывающихъ соки изъ цвѣточныхъ черешковъ и тѣмъ обусловливающихъ отмираніе бутоновъ. И такихъ болѣзненныхъ проявленій, вызванныхъ вредными насѣкомыми, масса. Авторъ дѣлитъ всѣхъ вредныхъ насѣкомыхъ для плодовыхъ деревьевъ на слѣдующія группы: 1)насѣкомыхъ, нападающихъ на цвѣточные бутоны—медяница, долгоносикъ (цвѣточникъ); 2) насѣкомыхъ, объѣдающихъ листовыя и цвѣточныя почки (букарки, листогрызы и т. д.); 3) гусеницъ, поѣдающихъ листья яблони (плодовая моль, кольцепрядъ и т. д.) 4) насѣкомыхъ, поражающихъ вѣтви и стволы яблони (яблоновая тля, коройдъ и т. д.), и 5) насѣкомыхъ, портящихъ яблони (вертунья, долгоносикъ). Второй отдѣлъ посвященъ врагамъ ягодныхъ кустовъ. Здѣсь читатель познакомится съ почковымъ червемъ смородины, смородиннымъ клещемъ, листовымъ червемъ крыжовника, съ арлекиномъ. Всякое насѣкомое сначала описывается подробнѣйшимъ образомъ; затѣмъ слѣдуетъ рисунокъ въ увеличенномъ видѣ; далѣе дается описаніе его жизни, мѣсто распространенія на деревѣ, рисунокъ поврежденнаго мѣста, способъ размноженія и наконецъ способъ борьбы. Обѣ книжки изданы очень хорошо и сравнительно недороги, принимая конечно во вниманіе множество рисунковъ. Въ общемъ книжки достойны возможно большаго распространенія, такъ какъ только познавъ врага, можно съ нимъ сознательно бороться.

---

24. *П. Н. Елагинъ.* **Куры и уходъ за ними.** 1894. Москва. Изд. 2. *К. И. Тихомирова.* Цѣна 15 коп.

Небольшое введеніе, «къ читателямъ» объясняетъ разницу между деревенскимъ хозяйствомъ и промышленнымъ. «Первое, говоритъ авторъ, отличается отъ второго тѣмъ, что въ немъ трудно получить крупный доходъ

отъ какой-нибудъ одной статьи, но зато въ немъ можетъ быть много разнообразныхъ статей, отъ которыхъ, если и получать прибыли и понемногу въ отдѣльности отъ каждаго, то отъ всѣхъ вмѣстѣ можетъ составиться весьма значительный доходъ». Къ однимъ изъ многихъ статей авторъ причисляетъ также птицеводство. Во второй главѣ онъ доказываетъ выгоду содержанія домашнихъ птицъ по даннымъ многихъ хозяйствъ; затѣмъ идутъ главы объ условіяхъ, благопріятныхъ для разведенія домашнихъ птицъ, возможности улучшить качество нашихъ птицъ, а далѣе авторъ переходитъ къ техникѣ птицеводства и въ особенности куроводства и кончаетъ техникой сохраненія и пересылки яицъ и указаніемъ болѣе подробной литературы для желающихъ ознакомиться детальнѣе. Такъ какъ авторъ самъ занимается этимъ вопросомъ теоретически и практически болѣе 18 лѣтъ, то совѣты даются практическіе и вполнѣ понятные. Книжка иллюстрирована 28 хорошими рисунками и какъ по изложенію, такъ и по содержанію заслуживаетъ большого распространенія.

---

25. **Дѣдушкины разсказы о лошади-кормилицѣ и объуходѣ за нею въ сельсномъ быту.** *Ладыгина*, Изд. *Девріена*. С.-Петербургъ 1895 г. ц. 20 к.

Проще самыхъ разсказовъ написаны два приложенія къ нимъ, составленныя по Шмулевичу, Кулешову и Кривенко; въ одномъ изъ нихъ объясняются необходимыя правила ковки, въ другомъ краткія описанія болѣзней наичаще встрѣчающихся у рабочихъ лошадей. Самые же разсказы написаны въ видѣ поученій дѣдушки Ермолая внуку своему Васѣ на тему о томъ, какъ устраиваются случные пункты и какъ выращиваются жеребята. Написаны они слащавымъ, мнимо-«народнымъ» языкомъ и на-врядъ-ли будутъ имѣть тотъ успѣхъ, какой могли-бы имѣть. Но въ общемъ для учителей народныхъ школъ и для желающихъ ознакомиться съ азами коневодства, книжка эта, за неимѣніемъ большого выбора по зоотехніи, можетъ быть полезной.

---

26. **Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ при покупкѣ лошадей?** Изд. 2-ое. Ц. 5 коп. *М. А. Исакова* Казань 1895 г.

Авторъ задался цѣлью ознакомить читателя съ тѣми надувательствами, на которые приходится наталкиваться покупающему лошадей на ярмаркахъ или у барышниковъ. Читатель здѣсь найдетъ свѣдѣнія о поддѣлкѣ возраста, породы, о скрываніи тѣлесныхъ недостатковъ и разныхъ лошадиныхъ болѣзней и т. д. Книжка написана простымъ и толковымъ языкомъ и можетъ быть вполнѣ полезнымъ совѣтникомъ при столкновеніяхъ съ барышниками.

---

27. *Н. Катаевъ*: **Какъ устроить дешевый несгораемый овинъ.** Цѣна 8 коп.

Немного вычурный языкъ и отсутствіе смѣты стоимости построекъ уменьшаютъ достоинства этой книжки. Въ общемъ однако, она вполнѣ заслуживаетъ вниманія деревенскаго читателя, такъ какъ можетъ научить спасти нѣкоторыя постройки, подвергающіяся больше всего безпощадному истребленію огня. Въ первой части говорится о несгораемомъ овинѣ, придуманномъ и построенномъ крестьяниномъ Вятской губ. Иваномъ Демянымъ, во второй части трактуется о менѣе безопасномъ овинѣ съ боковой топкой. Къ книжкѣ приложены планы и детальные разрѣзы этихъ построекъ, чѣмъ облегчается самая постройка ихъ. Написана книжка вполнѣ понятно.

---

28. **Сахарная свекловица и ея культура.** Сочиненіе *Ф. Г. Кудельки*. Изд. *Девріена*. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Книжку г-на Куделькн нельзя назвать полною монографіей свекловичной культуры: недостаетъ напримѣръ свѣдѣній о пораженіи свекловицы врагами изъ животнаго міра, а изъ болѣзней говорится только о корнеѣдѣ. Наиболѣе разработаны главы объ удобреніи почвы подъ свекловицу и о производствѣ свекловичныхъ сѣмянъ. Менѣе подробно, но въ достаточный степени, авторъ разсматриваетъ экстерьеръ свекловицы, разновидности, важнѣйшіе сорта (въ связи съ урожайностью, сахаристостью и отношеніемъ къ климату), отношеніе къ почвѣ, мѣсто въ сѣвооборотѣ, обработку подъ свеклу, посѣвъ, уходъ, уборку, примѣненіе машинъ при обработкѣ свеклы, храненіе, утилизацію отбросовъ и заболѣваніе свекловицы черной гнилью (корнеѣдомъ)Авторъ трактуетъ главнымъ образомъ на основаніи опытовъ и изслѣдованій, произведенныхъ въ хозяйствахъ югозападныхъ и привислянскихъ губерній Трактатъ г. Куделькн въ 1894 г. печатался на страницахъ журнала «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» и можетъ быть названъ вполнѣ удачнымъ.

---

29. *Н. Катаевъ* (агрономъ перваго разряда). **Какъ пахать и холить землю, новыя сохи, плуги и бороны.** Изд. *К. И. Тихомирова.* Москва 1894 г. Ц. 20 коп.

Опять приходится отмѣтить, что немного вычурное введеніе и заключеніе о значеніи науки умаляетъ достоинства книжки. Но въ общемъ она, все же, составлена умѣло. Въ первой части авторъ трактуетъ о значеніи хорошей вспашки, затѣмъ о сохахъ: курашимкѣ, собанѣ и косулѣ. Первыя распространены въ Пермской губ., вторая въ Вятской. Затѣмъ идетъ описаніе плуговъ: Липгарта (А. А. Марка) рижскаго завода Шварцгофа, Рязанскаго товарищества, Воткинскаго завода, плужнаго регулятора и т. д. Въ слѣдующей главѣ говорится объ устройствѣ бороны (Валькура, деревянное основаніе съ желѣзными зубьями), о боронѣ дропачѣ (экстирпаторъ), потомъ снова глава о вспашкѣ, о черномъ парѣ и немного объ искусственномъ посѣвѣ травъ. Книжка иллюстрирована многими детальными рисунками и вполнѣ пригодна для крестьянской массы.

---

30. *Н. Катаевъ.* **Какъ съ выгодой устроить мыловаренный заводъ.** Москва. Изд. *К. И. Тихомирова.* 1894 г. Ц. 10 коп.

Какъ всѣ свои сочиненія, такъ и эту г-нъ Катаевъ начинаетъ слащавымъ введеніемъ, гдѣ читателю представлена горькая доля мужика на чужбинѣ, нужда при уплатѣ податей, кулакъ, спасительная артель и т. д.; но когда авторъ переходитъ къ дѣлу, первое неблагопріятное впечатлѣніе проходитъ. Такъ и съ этой книжкой. Читатель найдетъ очень подробное и толковое описаніе устройства мыловареннаго завода, а также рецепты по варкѣ нѣкоторыхъ простыхъ, душистыхъ туалетныхъ мылъ и даже о приготовленіи румянъ и опольдедока. Не знаю какъ душистыя мыла и опольдедокъ сваритъ человѣкъ, незнакомый съ довольно сложной техникой мыловаренія, но что простые сорта можно было бы человѣку смышленому и работавшему на заводахъ, сварить—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вообще книжка пригодится интересующимся вопросомъ мыловаренія. Къ тексту приложены 9 рисунковъ, поясняющихъ устройство завода и нѣкоторыхъ необходимыхъ инструментовъ.

А. Роговинъ.

---

31. **Исторія культуры.** *Ю. Липперта.* Въ трехъ отдѣлахъ. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Перевели съ нѣмецк. *А. Острогорскій* и *П. Струве.* Спб., 1895. Второе изданіе Ф. Павленкова. Стр. 396. Ц. 1 р. 60 к.

Книга Липперта, появившаяся теперь вторымъ изданіемъ въ русскомъ

переводѣ, должна быть признана одною изъ лучшихъ по исторіи культуры въ настоящее время. Авторъ обладаетъ рѣдкимъ между нѣмецкими учеными искусствомъ разъяснять просто и наглядно самыя сложныя явленія, подбирать и сопоставлять наиболѣе характерные и интересные факты, избѣгая ненужныхъ подробностей, и облекать въ общедоступную легкую форму результаты многолѣтней кропотливой работы. Читателю предлагается богатѣйшій фактическій матеріалъ въ видѣ привлекательнаго экстракта, въ которомъ незамѣтны уже слѣды авторскихъ усилій; объясненія какъ будто сами собою вытекаютъ изъ собранныхъ свѣдѣній, и кажущаяся безыскусственность самой группировки фактовъ свидѣтельствуетъ о большомъ мастерствѣ въ распоряженіи имѣющимися научными данными. Въ книгѣ нѣтъ ни литературнаго балласта, ни излишнихъ теоретическихъ разсужденій,— она популярна въ хорошемъ смыслѣ этого слова, безъ ущерба для основательности и вѣскости содержанія.

Липпертъ пріобрѣлъ почетную извѣстность и авторитетъ своимъ двухтомнымъ трактатомъ, вышедшимъ въ 1886—87 годахъ, — о «культурной исторіи человѣчества въ ея органическомъ построеніи» (Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau, von Julius Lippert. Zwei Bände, Stuttg.). На русскій языкъ переведено лишь сокращенное изданіе этого сочиненія, приготовленное авторомъ для популярной нѣмецкой библіотеки «современнаго знанія» («Das Wissen der Gegenwart»). Содержаніе книги отчасти соотвѣтствуетъ тому, что въ новѣйшее время принято называть соціологіею. Книга распадается на три большіе отдѣла: въ первомъ говорится о развитіи матеріальной культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ — о пропитаніи, одеждѣ и жилищѣ; во второмъ—о развитіи общественныхъ учрежденій, семьи, собственности, правительства и суда; въ третьемъ— о духовной культурѣ, образованіи языковъ и письменности, миѳологіи и религіи.

Исходною точкою культурной исторіи служитъ, по Липперту, «забота о поддержаніи жизни»; этотъ естественный и общепонятный принципъ вѣрнѣе и проще передаетъ мысль, выражаемую «борьбою за существованіе», — терминомъ, который столь часто подавалъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Авторъ начинаетъ изложеніе «съ той ступени развитія, на которой въ настоящее время находятся самыя отсталыя племена земного шара», и доводитъ «приблизительно до той высоты, которой человѣчество достигло въ средніе вѣка». Онъ отвергаетъ обычное отдѣленіе первобытной исторіи отъ послѣдующихъ періодовъ, такъ какъ «одни и тѣ же факторы дѣйствуютъ на протяженіи всей исторіи». Онъ не придаетъ также существеннаго значенія расовымъ и племеннымъ различіямъ, которыя кажутся ему «слишкомъ незначительными въ сравненіи съ общими импульсами человѣческой дѣятельности». Въ этихъ предварительныхъ замѣчаніяхъ и оговоркахъ сказывается уже одинъ недостатокъ, свойственный многимъ историкамъ культуры, — чрезмѣрный оптимизмъ въ оцѣнкѣ культурнаго прогресса и въ примѣненіи его условій къ различнымъ народамъ земного шара. Липпертъ молчаливо предполагаетъ, что «самыя отсталыя племена земного шара», какъ напр. африканскіе и австралійскіе дикари, дойдутъ современемъ до той высоты, которой достигло человѣчество (т. е. европейскіе народы) въ средніе вѣка. По мнѣнію автора, первобытная исторія всегда имѣетъ или можетъ имѣть свои «послѣдующіе періоды», которые приблизятъ ее къ исторіи современныхъ культурныхъ народовъ. Слабость этого основнаго взгляда заклю-

чается именно въ томъ, что онъ даже не высказывается и не доказывается прямо, а лежитъ въ основѣ безсознательнаго обобщенія, связаннаго съ словомъ «человѣчество». Любопытный примѣръ подобнаго-же обобщенія мы находимъ у англійскаго писателя Беджгота, который серьезно останавливается надъ вопросомъ, почему варвары, нападавшіе на римскую имперію, не вымирали отъ прикосновенія римской цивилизаціи, тогда какъ нынѣ варварскія племена не выдерживаютъ близкаго сосѣдства и вліянія европейской культуры. Слово «варваръ» въ этомъ случаѣ заставляетъ забывать ту простую истину, что древніе германцы или галлы принадлежали къ одной расѣ съ римлянами и что слѣдовательно они никакъ не могутъ быть зачислены въ одну категорію съ зулусами и индѣйцами. Липпертъ несвободенъ отъ этой склонности упускать изъ виду естественныя различія между человѣческими расами и племенами; онъ почти не затрагиваетъ поэтому вопроса о вымираніи дикихъ племенъ, для которыхъ безпощадно закрывается «послѣдующая исторія».

Оптимизмъ основныхъ воззрѣній Липперта выражается и въ нѣкоторыхъ пробѣлахъ и ошибкахъ его «исторіи культуры». Въ его описаніяхъ послѣдовательнаго культурнаго развитія преобладаетъ оттѣнокъ какой-то мирной, торжествующей идилліи; въ нихъ отведено слишкомъ мало мѣста элементу борьбы, игравшему и продолжающему играть такую огромную роль въ культурной исторіи человѣчества. Авторъ ничего не говоритъ о войнѣ, о военныхъ учрежденіяхъ и завоеваніяхъ, какъ отрицательныхъ или положительныхъ факторахъ культуры; онъ объясняетъ мирнымъ послѣдовательнымъ процессомъ даже такіе факты, которые несомнѣнно имѣли своимъ источникомъ насиліе. Между прочимъ, феодальная поземельная собственность, по Липперту, возникла непосредственно изъ родового быта: феодалъ былъ просто глава рода, членами котораго были крестьяне; онъ унаслѣдовалъ права древняго патріархальнаго отца разросшейся семьи, и въ этомъ качествѣ онъ постепенно, на законномъ основаніи, завладѣвалъ общинною землею. О раздачѣ поземельныхъ владѣній въ видѣ леновъ и бенефицій и о захватѣ крестьянскихъ земель сеньерами авторъ не упоминаетъ, или упоминаетъ въ какомъ-то особомъ, удивительно невинномъ смыслѣ. «Прежній помѣщикъ,—говоритъ онъ,—былъ патріархъ, господствующій отецъ. Ему поручено благо всѣхъ, и онъ отвѣчаетъ за всѣхъ, что касается податей—передъ государствомъ, во всемъ остальномъ—передъ Богомъ. Онъ обязанъ никого не допустить до голодной смерти (на сколько это въ человѣческихъ средствахъ), да и самъ заинтересованъ въ этомъ. Въ качествѣ отца, помѣщикъ является въ то же время судьею своихъ подданныхъ; ему принадлежитъ отцовское право наказанія. Словомъ, подданные живутъ въ томъ состояніи рабства, которое вообще развивается внутри древней *семейной* (курсивъ нашъ) организаціи, когда отцовское достоинство сдѣлалось наслѣдственнымъ». Такъ образовалось патріархальное дворянство. «Съ другой стороны, въ силу экономическихъ условій среднихъ вѣковъ, вознагражденіе, которое получало служилое дворянство за свою службу, сводилось опять-таки лишь къ тому, что ему давалось положеніе патріархальнаго дворянства, жаловались такія же господскія мѣста. Если служба вмѣстѣ съ леномъ дѣлалась наслѣдственною, то между служилымъ и патріархальнымъ дворянствомъ не оставалось никакой разницы, за исключеніемъ того, что чувства дружбы и взаимной близости въ отношеніяхъ между господами изъ служимаго дворянства и ихъ поддан-

ными съ самаго начала совершенно отсутствовали» (стр. 227 — 8). То же самое происходило, по свѣдѣніямъ Липперта, и въ Россіи: «До 1861 года въ Велико и Бѣлоруссіи поземельная собственность принадлежала или господамъ-отцамъ (помѣщикамъ), или самому государству». Россія «только въ наше время послѣдовала въ этомъ отношеніи за западными народами, но остановилась пока на одномъ изъ этапныхъ пунктовъ и не дошла еще до института частной поземельной собственности». Крестьянскою реформою 1861 года «были созданы поземельныя отношенія приблизительно такія же, какъ тѣ, которыя существовали до закрѣпленія *отцовскаго достоинства* (курсивъ нашъ) за одною изъ отдѣльныхъ семей, до возникновенія наслѣдственнаго класса господъ» (стр. 220—222). Странно, что русскіе переводчики не сдѣлали съ своей стороны никакой оговорки по поводу этой оригинальной теоріи помѣщиковъ-отцовъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ съ подвластными крестьянами. То, что авторъ сообщаетъ объ особенностяхъ нынѣшняго русскаго землевладѣнія, также непремѣнно требовало бы поправки.

Указанные нами недостатки книги Липперта не имѣютъ однако существеннаго значенія и не умаляютъ ея крупныхъ достоинствъ. Русскій переводъ можно считать образцовымъ по точности и легкости передачи нѣмецкаго текста: при чтеніи книги совершенно не чувствуется что это переводъ съ чужого языка.

Л. Слонимскій.

---

32. *Сысоевъ, П. Н.* — **Книга для крестьянъ.** Угличъ. 1893 г. Ц. 40 коп.

Сысоевъ, П. Н. **Дополненіе къ книгѣ для крестьянъ.** Изд. неоффиціальное. Угличъ, 1894. Ц. въ отдѣльной продажѣ 7 к.

Каждая попытка приблизить законъ къ крестьянамъ или поднять крестьянъ до знанія и пониманія закона заслуживаетъ особаго вниманія и благодарности. Земскій начальникъ Сысоевъ составилъ для крестьянъ книгу, въ которой излагаетъ, а отчасти объясняетъ имъ законы, которыми они должны руководствоваться въ своей жизни. Сознаніе, что «должность земскаго начальника установлена для того, чтобы вблизи крестьянъ была всегда твердая правительственная власть» (стр. 33), нисколько не служитъ препятствіемъ г. Сысоеву разъяснять крестьянамъ ихъ законныя права и обязанности, даже по отношенію къ тому же земскому начальнику, и указывать способы и порядокъ обжалованія его дѣйствій, когда это закономъ допускается (стр. 35, 43 и др.). Мы вполнѣ раздѣляемъ точку зрѣнія г. Сысоева: твердость и авторитетъ власти возможны лишь при томъ условіи, когда въ населеніи распространено убѣжденіе, что власть дѣйствуетъ по закону, а для этого необходимо, чтобы населеніе было ознакомлено съ закономъ.

По содержанію книга г. Сысоева не отличается особою тщательностью въ выборѣ законовъ и точностью ихъ изложенія. Въ отдѣлахъ 1—4 она говоритъ о правахъ крестьянъ личныхъ, по состоянію, по имуществу, по торговлѣ и промысламъ; въ отд. 5—13— о сельскихъ и волостныхъ сходахъ, должностныхъ лицахъ и дѣлахъ; въ отд. 14—23—о пользованіи землей и выкупѣ; въ отд. 24—27—о повинностяхъ; въ отд. 28—36—о пріемѣ, увольненіи и удаленіи членовъ общества, призрѣніи неспособныхъ къ труду и опекѣ малолѣтнихъ; въ отд. 37—о выборѣ обществами ходатаевъ и выборныхъ для принесенія жалобъ; въ отд. 38—объ обученіи грамотѣ; въ отд. 39—40—о соединеніи и раздѣленіи сельскихъ обществъ; въ отд. 41—53— о земскихъ начальникахъ, волостномъ и третейскомъ судѣ, уѣздномъ съѣздѣ, уѣздномъ членѣ окружнаго суда и

окружномъ судѣ; въ отд. 54—о наслѣдованіи; въ отд. 55 и слѣдующихъ—о разныхъ предметахъ: о книгѣ сдѣлокъ и договоровъ, о постройкахъ въ селеніяхъ, о противопожарныхъ мѣрахъ, о питейной торговлѣ, объ охотѣ; въ отд. 60—63—о льготахъ по воинской повинности; въ отд. 64—67—о паспортахъ (по старымъ правиламъ); 68 и 69—объ охраненіи полей и луговъ; 70—о наймѣ на сельскія работы; 71—74—о продовольственныхъ магазинахъ, капиталахъ и ссудахъ; 75—78—о покупкѣ земли при содѣйствіи крестьянскаго банка; въ 79 буквально приведены правила о подачѣ прошеній на Высочайшее имя; въ 80 изложенъ законъ о передѣлахъ земли; книга состоитъ изъ 82 страницъ не особенно убористаго шрифта. Въ дополненіи къ ней, на трехъ страницахъ изложены законы о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, о назначеніи жалованья волостнымъ и сельскимъ должностнымъ лицамъ и правила о семейныхъ раздѣлахъ.

Къ сожалѣнію, книга г. Сысоева по своей цѣнѣ совершенно недоступна заурядному грамотному крестьянину. Кромѣ того, не можемъ не указать на важнѣйшія изъ замѣченныхъ нами погрѣшностей книги: на стр. 9, перечисляя предметы вѣдѣнія волостнаго схода, авторъ упоминаетъ о выборѣ волостныхъ судей (п. 1), между тѣмъ какъ по ст. 2 временныхъ правилъ 12 іюля 1889 г. о волостномъ судѣ кандидаты на должность волостныхъ судей выбираются сельскими сходами и утверждаются земскимъ начальникомъ (ср. ст. 78, п. 1 Общ. крест. пол. по прод. 1890 г.); въ томъ же перечнѣ (п. 2) авторъ весьма неточно и неясно перефразируетъ слова закона, суживая его смыслъ, а въ п. 3 произвольно выпускаетъ изъ предметовъ вѣдѣнія схода «учрежденіе волостныхъ училищъ» (п. 3 ст. 78 Общ. пол. крест.), причемъ пропускъ этотъ, неоговоренный въ дополненіи къ книгѣ, получаетъ особое значеніе въ виду того, что вслѣдъ за перечнемъ г. Сысоевъ приводитъ постановленіе закона (прим. къ ст. 78 Общ. пол. крест.) о томъ, что, кромѣ исчисленныхъ вопросовъ, ни о какихъ другихъ дѣлахъ волостной сходъ совѣщаться не можетъ. Этотъ недосмотръ тѣмъ болѣе удивителенъ, что г. Сысоева нельзя заподозрить въ нелюбви просвѣщенія: на стр. 32 онъ вмѣняетъ крестьянамъ въ обязанность заботиться объ обученіи дѣтей грамотѣ, напоминаетъ о правѣ сельскихъ обществъ открывать училища и указываетъ порядокъ испрошенія разрѣшенія.

На стр. 18 г. Сысоевъ требуетъ неустановленное закономъ «согласіе всѣхъ домохозяевъ селенія» для увеличенія усадебныхъ участковъ на счетъ полевой земли; на стр. 19 выставляетъ то же условіе для установленія подворнаго пользованія землею. Статьи 110—117 Пол. великор., на которыя ссылается авторъ, говорятъ не о согласіи всѣхъ домохозяевъ селенія, а содержатъ ссылку на ст. 54 Общ. пол. крест., которая, равно какъ и ст. 163 Пол. выкуп. требуетъ лишь двухъ третей голосовъ на сходѣ. Если г. Сысоевъ принадлежитъ къ числу противниковъ перехода крестьянъ къ подворному владѣнію, то въ рукахъ его находятся и моральныя, и даже принудительныя законныя средства къ противодѣйствію этому переходу; но скрывать отъ крестьянъ истинный смыслъ закона—нѣтъ основанія. Въ опредѣленіи общиннаго пользованія землею (стр. 16) Сысоевъ напрасно отступилъ отъ формулы, которую даетъ законъ въ прим. къ ст. 113 Пол. великор.; отъ этого ясность дѣла не выиграла.

На стр. 21 г. Сысоевъ смѣшиваетъ въ одно съ повинностями денежными и натуральными выкупные платежи, хотя и объясняетъ ихъ спеціальное значеніе. На стр. 29 онъ грозитъ наказаніемъ, налагаемымъ по суду, цѣ-

лому «обществу» за отказъ въ пособіи нуждающимся членамъ, между тѣмъ какъ наше законодательство не допускаетъ уголовныхъ обвиненій и наказаній коллективныхъ лицъ.

На стр. 44—47 г. Сысоевъ, подробно излагая порядокъ наслѣдованія по закону, установленный законами гражданскими, думаетъ, что этотъ порядокъ имѣетъ безусловное примѣненіе къ крестьянамъ, между тѣмъ какъ по ст. 38 Общ. пол. крест., которую повидимому сознательно игнорируетъ авторъ (ср. стр. 3), крестьянамъ дозволяется въ порядкѣ наслѣдованія руководствоваться обычаемъ; по духу же своему общій порядокъ наслѣдованія по закону идетъ въ разрѣзъ съ строемъ крестьянской жизни, особенно при общинномъ землевладѣніи.

Въ книгѣ встрѣчаются и редакціонные недосмотры, вродѣ: «отказъ въ доставленіи бѣднымъ родителямъ въ пособіи» (стр. 38) и неправильмости языка: «завѣщевать» (стр. 45) «починивать» (стр. 48) и др.

М. Лозинскій.

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Аполлонъ Гринфскій. Черныя розы. Стихотв. 1893—95 г.г. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Ив. Ивановъ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Жизнь. Личность. Творчество. Изд. журн. «Міръ Божій». Спб. 1896 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Карлъ Гарейсъ. Германское торговое право. Пер. Н. П. Ржондковскаго подъ редакц. А. Г. Гусакова. М. 1895 г. Вып. второй. Ц. 1 р.

А. И. Гринфельдъ и **Ф. Ф. Спичка.** Уходъ за кожей и ея придатками, съ указаніемъ необходимыхъ фармокотерапевтическихъ средствъ. Изданіе К. Л. Риккера Спб. 1895 г.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Вып. IV и V.

П. А. Лейкинъ. Тщеславіе и жадность. Двѣ повѣсти. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Эрнстъ Экштейнъ. Въ карцерѣ. Юмористическій очеркъ. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

М. Тихомандрицкій, орд. проф. Хар. ун. Теорія эллиптическихъ интеграловъ и эллиптическихъ функцій. Харьковъ 1895 г. Ц. 5 р.

М. М. Три стихотворенія въ прозѣ. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

Ф. Нефедовъ. Святочные разсказы. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Д. А. Линевъ (Далинъ) Не сказки. Второе изд. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

«Въ добрый часъ». Сборникъ въ пользу общества вспомоществ. нуждающимся ученицамъ Коломенской женской гимназіи. Спб., 1895 г. Ц. въ переп. 1 р. 75 к., въ обложкѣ 1 р. 50 к.

Программы чтенія для самообразованія. Съ прилож. статей Н. И. Кирѣева, В. И. Семевскаго, М. С. Корелина, И. М. Сѣченова. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Записки Императорск. Харьк. универс. 1895 г. Харьковъ, 1895 г. Подписная цѣна безъ перес. 4 р., съ перес. 5 р.

В. О. Португаловъ, Д-ръ. Борьба съ пьянствомъ или съ алкоголизмомъ.

Е. Болобановъ. Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

С. Сперанскій. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ западной Европѣ. М. 1895 г.

М. П. Покровская. О дѣтскихъ развлеченіяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Ф. Е. Зоринъ. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Владиміръ Шуфъ. Могила Азиса, крымскіе легенды и разсказы. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Л. Фигье. Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Перев. М. Гогунцова. Изд. «Полезной библіотеки». Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

П. Астыревъ. Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправленія. Изд. второе, съ портр. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Волынскій. Русскіе критики. Литературные очерки. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

V-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ

V-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 22—25 печ. листовъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: По беллетристикѣ: «По новому пути»—романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка; «Матроскинъ»—разсказъ К. Станюковича; «Мишурисъ»—разсказъ И. Потапенка; «Въ водоворотѣ»—изъ исторіи великой французской революціи—Ю. Безродной; «У чугунной доски»—разсказъ Н. Гарина; «Изъ сибирской жизни»—разсказъ В. Сѣрошевскаго; «Богомолье»—изъ народной жизни И. Савихина; «Подъ игомъ»—романъ И. Вазова, переводъ съ болгарскаго; романъ Іонаса Ли, переводъ съ норвежскаго; романъ съ англійскаго, переводъ А. Анненской; «За Атлантическимъ океаномъ»—путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Америкѣ—Кживицкаго, переводъ съ польскаго. Научныя сочиненія и статьи: «Шекспиръ и Бѣлинскій»—проф. Н. Стороженко; «А. Ѳ. Писемскій»—Ив. Иванова; «Люди и факты новой европейской культуры»—Ив. Иванова; «Герой современной легенды»—Ив. Иванова; «В. Г. Короленко (основныя идеи его произведеній)»—критическій этюдъ М. Плотникова; «Рёскинъ и его ученье»—Д. Коропчевскаго; «Очерки по исторіи русской культуры»—часть II-ая, Н. Милюкова; «Свободна-ли человѣческая личность»—прив.-доц. Г. Челпанова; «Цѣнность жизни»—прив.-доц. Г. Челпанова; «Экономическіе этюды»—прив.-доц. М. Туганъ-Барановскаго; «Мои воспоминанія» (1851—1862 г.)—И. Красноперова; «Изъ записокъ изслѣдователя»—Ф. Щербины; «Гарантіи правосудія»—очерки Гр. Джаншіева; «Сила тяжести и давленія, какъ условіе существованія животныхъ»—проф. А. Никольскаго; «Вольфгангъ Гёте»—Даудена, переводъ съ англійскаго А. Анненской; «Развитіе профессій»—очерки Спенсера, переводъ Т. Крпль; «Исторія цивилизаціи»—Дюкудре, часть II-ая, средніе и новые вѣка, съ рисунками въ текстѣ, переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями Д. Коропчевскаго; «Основныя идеи зоологіи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина»—Эдмона Періэ, съ многочисленными рисунками и портретами въ текстѣ, переводъ проф. А. Никольскаго и К. Пятницкаго; «Наши тайные друзья и враги», популярныя лекціи по бактеріологіи, Фарадея Франкланда и пр

Постоянные отдѣлы: Разныя разности: 1) На родинѣ, 2) За границей, 3) Критическія замѣтки, 4) Библіографія, 5) Новости иностранной литературы.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой 7 руб., безъ доставки 6 руб., за границу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи—Лиговская, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ 4 руб., остальные 3 руб. къ первому іюля и черезъ казначеевъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. Острогорскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ.

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ“,

ИМѢЮЩІЙ ВЫХОДИТЬ СЪ 1 ЯНВАРЯ 1896 ГОДА.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посильно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. под.), и географіи, обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, П. А. Аникіевъ, А. П. Артари, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, М. И. Демковъ, Е. В. Жадовскій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. А. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, проф. А. М. Никольскій, Ѳ. М. Окновъ, проф. А. П. Павловъ, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки 4 руб., съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается для иногородныхъ подписчиковъ исключительно въ **Главной конторѣ журнала** (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2); для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ **Печковской** (Петровскія линіи).

Редакторъ-издатель **Михаилъ Петровичъ Варавва.**

ПОДПИСКА

на 1896 г. **МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА** 10-й годъ

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГІЕНЫ.

[Издается съ 1887 г. подъ редакціей А. Х. САБИНИНА.

(Большая золотая медаль на 1-й Всероссійской Гигіенической Выставкѣ 1893 г. въ С.-Петербургѣ)].

ПРОГРАММА:

1) Правительственныя распоряженія по врачебной части и вѣдомству. 2) Статьи по общественной и частной гигіенѣ, анатоміи, физіологіи, патологіи, терапіи, хирургіи, акушерству и другимъ частямъ врачебной науки. Медицинская статистика. Школьная гигіена. Аптечное дѣло. 3) Статьи по земской медицинѣ. 4) Исторія медицины. 5) Переводные статьи и рефераты изъ повременныхъ иностранныхъ медицинскихъ изданій. 6) Статьи по различнымъ отраслямъ естествознанія, имѣющія близкое отношеніе къ медицинѣ. 7) Врачебная хроника и смѣсь. 8) Врачебно-бытовые вопросы. 9) Народная медицина. Врачебныя замѣтки. 10) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. Протоколы больничныхъ медицинскихъ совѣщаній, отчеты о дѣятельности больницъ и подобнаго рода больничныхъ учрежденіяхъ. 11) Объявленія.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Годовая цѣна съ доставкой и пересылкой—5 р.; для фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ—3 р. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *К. Л. Риккера*; въ г. Воронежѣ, въ конторѣ редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется книжный складъ для продажи спеціальныхъ и общедоступныхъ (популярныхъ) медицинскихъ книгъ и брошюръ; книги и брошюры высылаются наложеннымъ платежомъ. Складъ принимаетъ заказы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

(11-й годъ изданія).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ нумерѣ двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

Въ «Рем. Газ.» будутъ даны описанія новостей Всероссійской Промышленной и Художественной выставки въ 1896 г. въ Нижнемъ Новгородѣ.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесл. Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

«РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА» въ теченіе истекшихъ 10-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того **ОБИЛІЯ** полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) **50 №№ ВЪ ГОДЪ**, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ; 2) **СТО** листовъ приложеній (замѣняющихъ преміи къ «Рем. Газ.»), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ **СВЫШЕ 20 р. с.**; 3) Изящно иллюстрированный настѣнный календарь.

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА прежняя: 6 р. въ годъ съ перес. и доставкой (за полгода 4 р).

«Ремесленная Газета» РЕКОМЕНДОВАНА Г. Министромъ Народ. Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальн. училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковскак ул., домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ К. А. КАЗНАЧЕЕВЪ.

1896 г. **Годъ VII.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философіи и Психологіи".

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества,

состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

На 1896 годъ ВОПРОСАМЪ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ

вновь обѣщали свое сотрудничество слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, В. Анри, Н. Н. Баженовъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, В. Р. Буцке, А. С. Бѣлкинъ, В. А. Вагнеръ. А-дръ И. Введенскій, Ал-ѣй И. Введенскій, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, В. А. Гольцевъ, Н. Я. Гротъ, Л. О. Даршкевичъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскій, П. А. Каленовъ. М. И. Каринскій, В. О. Ключевскій, А. А. Козловъ, Я. Н. Колубовскій, М. С. Корелинъ, С. С. Корсаковъ, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій. Л. Е. Оболенскій. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, В. П. Преображенскій, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, Влад. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ, А. А. Токарскій, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, Г. И. Челпановъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. И. Шишкинъ.

Означенными авторами обѣщаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Вл. С. Соловьевымъ. Рядъ статей по метафизикѣ.—**Н. Н. Страховымъ.** «О естественной системѣ съ логической стороны».—**Кн. С. Н. Трубецкимъ.** «Ученіе о Логосѣ».—**Л. М. Лопатинымъ.** «Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта» и «Душа и тѣло».—**Н. Я. Гротомъ.** «Сознаніе и безсознательная психическая жизнь» и «Ближайшія задачи экспериментальной психологіи».—**Н. Н. Ланге.** «Непонятая книга».—**С. С. Корсаковымъ.** «О сознаніи».—**В. А. Вагнеромъ.** «Границы и область біологіи» и «О музыкальномъ творчествѣ (на основаніи данныхъ біологіи)».—**В. О. Ключевскимъ.** «Психологическіе очерки изъ русской исторіи».—**Э. Л. Радловымъ.** «О системѣ Монтеня».—**А. А. Токарскимъ.** «О темпераментѣ».—**Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ.** «О фикціяхъ въ языкѣ (этюдъ изъ психологіи рѣчи и мысли»).—**М. С. Корелинымъ.** «Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія».—**Л. Е. Оболенскимъ.** «Научныя основанія примиренія идеализма и реализма» и «Критическій синтезъ этическихъ теорій».—**Н. А. Звѣревымъ.** «О задачахъ философіи».—**Г. Е. Струве.** «О способностяхъ философствующаго ума: діалектической, критической и конструктивной».—**В. Анри.** «О новѣйшихъ психологическихъ работахъ о памяти».—**В. Р. Буцке.** «Объ отношеніи психіатріи къ психологіи».—**Г. И. Челпановымъ.** «Обзоръ новѣйшей литературы по психофизіологіи».—**А. Н. Гиляровымъ.** «Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи» и «Этюдъ о греческихъ софистахъ».—**П. П. Соколовымъ.** «Факты и теорія цвѣтного слуха».—**Алексѣемъ И. Введенскимъ.** «Проблема реальности внѣшняго міра».—**И. Ф. Огневымъ.** «О новѣйшихъ воззрѣніяхъ въ біологіи».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1-го янв. 1896 г. по 1-е янв. 1897 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учители и сельскіе священники пользуются скидкой въ **2** руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются **только** въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: **Москва,** Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Редакторы: **Н. Я. Гротъ. Л. М. Лопатинъ. В. П. Преображенскій.**

XII год.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

XII год.

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе, какъ постоянные сотрудники и за вѣдующіе отдѣлами: И. И. Емельяновъ (передовыя), П. Л. Черневичъ (критика, публицистика и наука), С. К. Кузнецовъ (исторія, археологія и библіографія), Н. В. Арефьевъ (русская жизнь), И. А. Гурьевъ (сибирская жизнь и судебный отдѣлъ), А. О. Станиславскій (заграничная жизнь и горное дѣло), А. И. Чеканинскій (мѣстная хроника), Е. А. Прейсманъ (обзоръ русскихъ газетъ), Л. Х. Сабининъ (правовые и судебные вопросы), А. Михайловичъ (школьное дѣло и педагогія). Въ фельетонахъ «Сибирскаго Вѣстника» принимаютъ участіе, какъ бытописатели: Невидимка (Томска), В. К. (Тобольска), Пименъ Сибирскій (Омска), Дѣдушка Фаддей (Красноярска), Vs. (Иркутска), А. Е. (Амура), и какъ беллетристы: Ф. Ф. Филимоновъ, Некрасова, Владиславлевъ, Клюге, Ив. Сѣверный, Александровичъ. Кромѣ того, съ настоящаго времени изъявили желаніе участвовать беллетристы: гг. К. М. Станюковичъ, З. Н, Гиппіусъ и А. М. Хирьяковъ (Дужанъ), одно изъ произведеній котораго «Кающійся грѣшникъ» было уже напечатано. Во всѣхъ сколько нибудь выдающихся пунктахъ Сибири имѣются постоянные корреспонденты.

Кромѣ того, въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» помѣщаются возможно подробныя свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ, касающимся переселенческаго дѣла и золотопромышленности въ Сибири.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ—9 р., на 1/2 года—4 р. 50 р., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ—75 к

Подписка принимается въ Томскѣ—въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Редакторъ-Издатель Г. В. Прейсманъ.

ЛУЧЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

Съ 1896 года ЛУЧЪ выходитъ безъ предварительной цензуры,

ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою безъ приложеній 3 р 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца одинъ рубль. Со всѣми приложеніями: на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на три мѣсяца два рубля.

ПРИЛОЖЕНІЯ НА 1896 ГОДЪ:

1) «Иллюстрированный Міръ» всего 52 номера въ годъ; при немъ будутъ изданы альбомы: Коронаціонный и Всероссійской Нижегородской выставки. 2) Ежемѣсячныя книги (12 книгъ) романовъ, повѣстей, путешествій и библіографіи (послѣдніе отдѣлы вновь разрѣшены редакціи). 3) Моды—двѣнадцать номеровъ. 4) Послѣдніе томы сочиненія Вальтеръ-Скота т. XV, XVI, и XVII, XVIII. Первые уже вышедшіе четырнадцать томовъ НОВЫЕ подписчики на 1896 г. могутъ получить по уменьшенной цѣнѣ; за всѣ томы 3 руб., съ пересылкой 4 руб. и 5) Томы I, II и III сочиненій Марлинскаго (Александра Бестужева) за пересылку I тома (вышелъ въ 1895 г.) добавляются три семикопѣечныхъ марки.

Новые подписчики, которые вышлютъ подписныя деньги въ ноябрѣ сего года, могутъ безъ особой доплаты получать газету съ 1-го декабря сего года.

Содержаніе ежедневной газеты «ЛУЧЪ»: передовыя статьи С. С. Окрейца: телеграммы; статьи по всѣмъ вопросамъ внутренней жизни; театральный отдѣлъ; два ежедневныхъ фельетона: общественной жизни и беллетристическій и особый отдѣлъ: Провинція и ея интересы.

Разсрочка для гг. служащихъ допускается чрезъ казначеевъ.

Подписка открыта на 1896 г. С.-Петербургъ, Загородный, № 6.

Редакторъ-издатель С. С. Окрейцъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную (350 №№ въ годъ)

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ ЗАУРАЛЬЯ

ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою на годъ 5 руб., на полгода 3 руб., на три мѣсяца 1 руб. 75 коп., на одинъ мѣсяцъ 75 коп. (за февраль, во время Ирбитской ярмарки 1 руб.), отдѣльные №№ 5 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Екатеринбургъ, Колобовская ул., д, Магницкаго, № 21, и у агентовъ (см. заголовокъ газеты).

Редакторъ П. П. Баснинъ. Издатель В. Н Алексѣевъ.

НОВАЯ КНИГА:

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

ВЪ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.

В. Г. Ярцкаго.

Спб. 1895 г. Цѣна за два большіе тома 5 р.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Спасская, 1) или изъ конторы редакціи «Нов. Слова» за пересылку не платятъ.

ПОДПИСКА

НА

ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

НА 1896 Г.

Съ дост. въ Воронежѣ:	р.	к.	Съ перес. въ др. города:	р.	к.
На годъ	5		На годъ	6	
— полгода	2	75	— полгода	3	—
— 3 мѣс.	2	—	— 3 мѣс.	2	75
— 1 мѣс.		75	— 1 мѣс.	1	—

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ Редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, А. Н. Барановъ, И. И. Бабушкинъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блинова, М. П. Бородинъ, проф. Буддэ, проф. А. В. Васильевъ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, Б. В. Добрышинъ, П. Добротворскій, С. Я. Елпатьевскій, П. В. Засодимскій, А. П. Ивановъ, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П. Караскевичъ, Корнгольдъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, А. Г. Любарскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, проф. Н. А. Миславскій, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. П. Онгирскій (Б. Ленскій), Островская, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугиновъ, В. Н. Соловьевъ, проф. Н. В. Сорокинъ, Б. С. Сѣровъ, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, Н. Г. Шебуевъ, проф. А. Е. Штукенбергъ, Е. К. Щепетильниковъ, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ: съ доставкой: На годъ — 7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ 75 к. Безъ доставки: На годъ—6 р. 25 к., на полгода—3 р. 25 к., на 3 мѣсяца—1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—60 к. **Для иногородныхъ подписчиковъ:** На годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ—2 р., 1 марта—2 р., 1 апрѣля—2 р., 1 іюня—1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1896 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1-го января 1896 г.

Подписка принимается въ главной конторѣ **ВОЛЖ. ВѢСТНИКА**, на Покровской ул., д. Пермяковой, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ) и К. П. Алексѣева (Гостинный дворъ), а также въ зданіи Биржи у секретаря, въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тихапова.

Требованіе на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція Волжскаго Вѣстника.

Редакторъ Н. В. Рейнгардтъ. Издательница Л. П. Рейнгардтъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1896 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГАЗЕТУ

ВОЛЫНЬ

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Волыни» состоятъ: С. Н. Кулябка, А. И. Когенъ, Е. Южный (псевдонимъ), А. И. Купринъ, Е. И. Любичъ-Лозинскій, А. А. Кезицкій-Фидлеръ, Е. Богданова (псевдонимъ), Г. И. Коровицкій, П. А. Тулубъ, Н. А. Тулубъ, В. А. Бернацкій, Н. М. Порядинскій, г. Эфъ, (псевдонимъ) и друг. Кромѣ того, наши обѣщали свое сотрудничество: В. И. Немировичъ-Данченко. разсказъ котораго появится въ одномъ изъ декабрьскихъ номеровъ, и Г. М. Мачтетъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: съ доставкой и пересылкой 5 р., на полгода—2 р 60 к., на 3 м.—1 р. 50 к. и на 1 мѣс.—75 к. Г.г. иногородные подписчики требованія на газету благоволятъ адресовать: г. Житоміръ, въ редакцію газеты «Волынь».

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—2 р., къ 1-му іюня—2 р. и 1-му октября—1 руб.

За редактора Е. А. ФИДЛЕРЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ
СПРАВОКЪ И ОБЪЯВЛЕНІЙ
ВЪ 1896 ГОДУ.

Съ переходомъ во второй половинѣ 1895 года къ новому издателю и перемѣной состава редакціи «Нижегородскій Листокъ» выходитъ въ значительно измѣненномъ и преобразованномъ видѣ, въ большомъ форматѣ, ежедневно, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Новая редакція ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Во время предстоящей въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году всероссійской выставки редакціею будетъ обращено особенное вниманіе на описаніе выставки и на хронику выставочной жизни.

Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, Н. Волжинъ (псевдонимъ), Е. Ф. Волкова, С. Ф. Волковъ, В. И. Вѣринъ (псевдонимъ), Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, Николинъ (псевдонимъ), М. А. Плотниковъ, О. Д. Протопоповъ, В. А. Фидлеръ и мн. др.

Подписная цѣна на 1896 г. ПОВЫШЕНА.

	12 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ. . .	6 р.	3 р. — к.	1 р. 50 к.	— р. 70 к
» иногородныхъ » . . .	7 »	3 » 50 »	2 » — »	1 » — ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ главной конторѣ «Нижегородскаго Листка», Большая Покровка, домъ Приспѣшникова.
2) Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторахъ объявленій Тор. Дома Л. и Э. Метцль и К°

Редакторъ Г. И. Казачковъ. Издатель С. Н. Казачковъ.

НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„ВСХОДЫ"

24 КНИГИ ВЪ ГОДЪ.

Будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ: а) 1-го числа—книгой большаго формата—отъ 4 до 5 печатныхъ листовъ—въ два столбца, съ многочисленными рисунками и разнообразнымъ матерьяломъ, б) 15-го—небольшой изящной книжкой—отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ, содержащей въ себѣ одно произведеніе беллетристическое или научно-популярное. Редакція остановилась на этой новой формѣ изданія дѣтскаго журнала, находя болѣе цѣлесообразнымъ давать дѣтямъ то и другое произведеніе законченнымъ въ одномъ или много въ двухъ номерахъ, и оставляющимъ вслѣдствіе этого болѣе цѣльное, ясное и глубокое впечатлѣніе, что трудно достигается при дробленіи произведенія на большее количество номеровъ.

Большое вниманіе будетъ обращено редакціей на ознакомленіе дѣтей съ Россіей, ея исторіей, этнографіей и географіей, а также на сообщеніе разнаго рода свѣдѣній изъ міра научныхъ изобрѣтеній и открытій, которыя будутъ излагаться въ простой формѣ, вполнѣ доступной для дѣтскаго пониманія. Ближайшее участіе въ редакціи будетъ принимать извѣстная писательница для дѣтей А. Н. Анненская.

Въ журналѣ «ВСХОДЫ», будетъ помѣщаться ежемѣсячно, 1) отдѣлъ для маленькихъ дѣтей и 2) Для родителей—критическій указатель дѣтской литературы.

Кромѣ того, подписчики получатъ книгу беллетристическаго или научно-популярнаго содержанія, въ видѣ безплатнаго приложенія:

Въ 1896-мъ году для напечатанія въ журналѣ предполагается, между прочимъ, слѣдующее: ОЧЕРКИ ОБЪ УРАЛѢ—Мамина-Сибиряка; КАКЪ ѢЗДЯТЪ НА СОБАКАХЪ ВЪ СИБИРИ—В. Сѣрошевскаго; КАРТИНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЕВРОПЫ, по иностраннымъ матерьяламъ—А. Анненской; ИСТОРІЯ ОДНОГО РЕБЕНКА—Альфонса Додэ, съ французскаго: ПОЖАРЪ НА КОРАБЛѢ—К. Станюковича; ГОЛОДОВКА НА СѢВЕРНОМЪ ПОЛЮСѢ—(научная экспедиція) въ изложеніи Э. Пименовой; СМИРЕННЫЕ—разсказъ Коваленской; РАБОТНИКИ ПОДЪ ВОДОЙ—очеркъ А. Ивашкевичъ; ЧѢМЪ СДѢЛАЛСЯ БѢДНЫЙ ДЕРЕВЕНСКІЙ САНОЖНИКЪ—біографическій очеркъ, составленный Л. Давыдовой; ПТИЧЬИ ГОРЫ — проф. А. Никольскаго; АНАИТЪ—историческая легенда съ армянскаго; ФРОСЯ И ПЕСТРЯНКА, народная быль Михеева. СРЕДИ ХИЩНЫХЪ ЗВѢРЕЙ—путешествіе по Индіи — съ французскаго. Очеркъ Гарина; ОЧЕРКЪ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ, проф. Д. Кайгородова и пр.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА:

Цѣна 5 рублей въ годъ, съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи, за границу 8 рублей. Разсрочка допускается слѣдующая: 3 рубля при подпискѣ и 2 рубля къ 1-му маю.

Безплатное приложеніе получаютъ только тѣ подписчики, которые уплатили подписную плату полностью.

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25, кв. 5, въ редакціи журнала «МІРЪ БОЖІЙ».

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать 20 к. съ каждаго экземпляра. Разсрочка черезъ книжные магазины не допускается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ П. Голяховскій.

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VII.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТР. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ

ПРИРОДА и ЛЮДИ.

Подписной годъ начинается съ 1-го ноября.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

5 руб. съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи. Безъ доставки **4 руб.** За границу **8 рублей.**

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА“

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. Амуръ. По источник. обработ. *Ф. Волкинъ* (со многими худож. иллюстрац.).
2 и 3. Вокругъ свѣта на велосипедѣ.—*Т. Стивенса.* Переводъ съ англійскаго.
4. Гигіена популярная. По *Эрисману, Доброславину* и друг. Состав. *Ѳ. Серьевъ.*
5 и 6. Жизнь въ морѣ. Проф. *К. Келлера.* Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей проф. *А. М. Никольскаго* (съ 200 роскошныхъ иллюстрацій).
7. Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. *Л. Фигье.* Пер. съ франц. *М. Гогунцова.*
8. Карлики и великаны. *Э. Гарнье.*
9. «Джонъ Буль и его колоніи». *Максъ о'Релля.* (Путевые очерки и наброски).
10. Міры дѣйствительные и воображаемые. *Камилла Фламмаріона.*
11. Пѣвчія птицы. *И. Святскаго* (съ рис.).
12. Южный полюсъ. *де-Фонвіелля.* Пер. съ франц. (съ мног. худож. иллюстрац.).

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ помѣщены: «За гранью льдовъ». Большой историческій романъ въ трехъ частяхъ *Н. Н. Соколова.* «Махатма». Разсказъ теософа. «На Сахалинѣ и по Алтаю». Проф. *А. М. Никольскаго.* «Арменія и Македонія». Историко-географическіе очерки *Ф. Волгина* (съ роскошными гравюрами). «Картины Волжской природы». *Гр. Ф—та.* «Русскіе на Шпицбергенѣ». Историческій разсказъ *А. Поморцева.* «Лагерная жизнь въ Бенгаліи». Живописные очерки и картины изъ индійской природы и жизни. *В. Джонстонъ-Желиховской.* «Въ небесахъ». Романъ *Джона Астора.* «Исторія русскаго судоходства, начиная съ древнѣйшихъ временъ». Очеркъ *М. Николаева.* «Столицы міра». Рядъ очерковъ. *П. Лоти* и др. «Древніе и новѣйшіе предсказатели и колдуны». *Ф. Ружина.* «Исторія звонкой монеты». Очеркъ *А. Р—на.* «Вѣрить или не вѣрить». Очерки *В. Битнера.* «Сѣверный путь». Исторія открытія сѣвернаго морского прохода изъ Европы въ Азію. *Гр. Потоцкаго.* «Какъ узнать характеръ человѣка». Этюды *Гр. Ф—та.* «Цейлонъ». (Изъ путешествій д-ра *А. В. Елисѣева*). «По роднымъ краямъ». Этнографическіе очерки и картины сѣверной русской природы. Проф. *Н. Ю. Зографа.* Историческіе очерки *М. И. Пыляева.* «Какъ мы дышемъ?» *Луи Фигье.* «Пряности». *Л. Фигье.* «Бракъ и наслѣдственность». Очерки *А. Иванова.* «Свѣтящіяся растенія».— «Самозащита растеній». — «Хлорофилъ и его значеніе для жизни». Очерки *А. Карицкаго.* «Тайны цвѣтовъ». Очерки *П. Вольногорскаго.* «Собаки-контрабандисты». Очерки *Н. Быкова.* «Предки современныхъ китовъ». — «Паразитизмъ». — «Снѣжный покровъ въ природѣ». Очерки *А. Карицкаго.* «Метаморфозы земли», *Камилла Фламмаріона.* «Сокровища науки». (Экскурсіи по русскимъ музеямъ). «Чертовы пальцы».— «Трилобиты». Очерки *А. Карицкаго.* «Трюфели и ихъ разведеніе». *Ѳ. Медвѣдева.*

Издатель П. Сойкинъ. Редакторъ С. Груздевъ.

Контора и редакція журнала «ПРИРОДА и ЛЮДИ» С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ.

Разсрочка допускается не иначе, какъ при подпискѣ **3** руб. и къ 1-му мая остальныя.

Для гг. служащихъ, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. назначеевъ и управляющихъ.

ВЫШЛА ОДИННАДЦАТАЯ (НОЯБРЬСКАЯ) КНИГА

ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшій манифесъ. I. Убійство. (Разсказъ). **А. П. Чехова**.—II. Эпитихидіонъ. Поэма Перси Биши Шелли. Переводъ съ англійскаго **К. Д. Бальмонта**.—III. Юбилей. (Не совсѣмъ обыкновенная исторія). Продолженіе. **М. И. Альбова**. — IV. Марчелла. Романъ мистриссъ Уордъ. Переводъ съ англійскаго **А. С. М.** Продолженіе. — V. Подъ Землей. (Очеркъ). **А. Серафимовича**.—VI. Камо грядеши? (Quo vadis). Романъ изъ временъ Нерона. **Генрика Сенкевича**. Переводъ съ польскаго **В. М. Л.** Продолженіе.—VII. Мелочи иностранной литературы. Переводъ съ французскаго. **М. П. Р.** — VIII. Кустарно-Промышленный банкъ пермскаго губернскаго земства. **Ив. Х. Озерова**.—IX. Изъ итоговъ земскаго школьнаго дѣла. Окончаніе. **Вл. Кр.**—X. Война у разныхъ народовъ. (M. Letourneau. La guerre dans les races humaines). **Н. Н. К.**—XI. Т. Г. Гексли. **М. А. Мензбира**.—XII Изъ литературныхъ наблюденій. **О. Т. В.**—XIII. Франція передъ революціей. (М. Ковалевскій: «Происхожденіе современной демократіи». Т. I. Москва 1895 г.). **П. Г. Виноградова**.—XIV. Правительствующая олигархія послѣ Петра Великаго. **А. П. Филиппова**.—XV, Турецкія звѣрства въ Арменіи. (Fr. D. Greene: The Armenian crisis and the rule of the Turk». 1895). **Z.**—XVI. Очерки провинціальной жизни. **И. И. Иванюкова**.—XVII. Внутреннее обозрѣніе.—XVIII. Иностранное обозрѣніе. **В. А. Г.**—XIX. Современное искусство. Театръ. **Ан.** Музыка. **А. Б.**—XX. Картинки современныхъ нравовъ. **К. М. Станюковича**.—XXI. Письмо въ редакцію. **Умѣреннаго консерватора**.—XXII. Библіографическій отдѣлъ.—XXIII. Объявленія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна: съ доставкой и пер. во всѣ мѣста Россіи. .	12 р.	9 р.— к.	6 р.	3 р. — к	1 р.
За границу.....	14 »	10 » 50 »	7 »	3 » 50 »	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр., 1 іюля, 1 окт. по 3 руб. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается. Подписка принимается: въ Москвѣ въ конторѣ журнала, уголъ Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. № 2—24; въ Петербургѣ въ отдѣленіи конторы журнала при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., д. Армянской церкви. Въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ-издатель *В. М. Лавровъ.*

Открыта подписка на 1896-й годъ
(7-й годъ изданія)
НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1895 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Изъ пережитаго. Д. Семенова; 2) Полгода изъ жизни воскресной школы. Х. Алчевской; 3) Сорокъ лѣтъ тому назадъ (Изъ школьныхъ воспоминаній). Ѳ. Стулли; 4) Обзоръ дѣятельности Спб. Комитета грамотности за тридцать три года его существованія. И. Горчакова; 5) Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губ. земствъ по народному образованію. Д. Лобанова; 6) Исправительное воспитаніе въ Россіи. Н. Арепьева; 7) Обрусеніе прибалтійской школы. М. Сто—рова; 8) Сочиненія и педагогическія идеи К. Д. Ушинскаго. Д. Семенова; 9) Педагогическія мечты Коменскаго, П. Мижуева; 10) Дополнительныя школы въ Германіи. К. Сентъ-Илера; 11) Коммерческое образованіе во Франціи и въ Австріи. А. Острогорскаго; 12) Замѣтки о женской школѣ во Франціи. Ал. Алферовой; 13) Нервность и отношеніе къ ней эмоцій и воли въ условіяхъ школьной жизни. А. Вирениуса; 14) Взглядъ проф. Моссо на физическое образованіе юношества. Его-же; 15) Объ эстетическомъ развитіи и воспитаніи дѣтей. П. Каптерева; 16) О воспитаніи воли. Его-же; 17) Къ вопросу о школьной мнемоникѣ. А. А. Дмитревскаго; 18) Основы дидактики. Д. Тихомирова; 19) О концентраціи ученія. Проф. А. Вейсмана; 20) Настоятельный вопросъ учебной практики въ нашихъ гимназіяхъ. Проф. Ю. Кулаковскаго; 21) Еще къ вопросу объ экзаменахъ въ гимназіяхъ. К. Шульгина; 22) Къ вопросу объ измѣненіи программъ реальныхъ училищъ. П. Головачева; 23) О реформѣ сельско-хозяйственнаго образованія. М.; 24) Сельскохозяйственное образованіе въ Россіи. В. В. Бирюковича; 25) Вопросы сельскохозяйственнаго образованія на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ. Его-же; 26) О школьныхъ садахъ. В. Вагнера; 27) Ремесленное и профессіональное обученіе. А. Ядрова; 28) Что такое народная школа? Н. Феликсова; 29) Народная школа и церковь. Н. Одинцова; 30) Къ вопросу о всеобщемъ обученіи. В. Вахтерова; 31) Нѣкоторыя необходимыя условія обязательности начальнаго обученія. А. Тютрюмова; 32) Сознана-ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи? А. Гартвига; 33) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1894 г. И. Бѣлоконскаго; 34) Образованіе, какъ созидающая сила. М. Песковскаго; 35) Нужны-ли учебники закона Божія въ начальныхъ школахъ? Аѳ. Соколова; 36) Обученіе чтенію. А. Анастасіева; 37) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 38) Педагогическія письма (Письменныя работы и устное преподаваніе). И. Анненскаго; 39) Къ вопросу о развитіи устной рѣчи учащихся. Ю. Галабутскаго; 40) Замѣтки по теоріи словесности. В. Келтуялы; 41) Три урока словесности. Ц. П. Балталона; 42) Опытъ методическаго введенія въ алгебру. В. Л. Розенберга.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ «Русской Школѣ» за 1895 г. помѣщено болѣе ста рецензій на учебныя руководства и книги для дѣтскаго и народнаго чтенія, а также печатались ежемѣсячно хроника народнаго образованія Я. Абрамова, хроника профессіональнаго образованія В. Бирюковича отчеты о воскресныхъ школахъ, о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности и т. п.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатныхъ листовъ каждая.

Подписка на «Русскую Школу» принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. № 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжн. магаз. «Новаго Времени», Карбасникова, въ Москвѣ—въ кн. маг. К. И. Тихомирова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Петербургѣ съ доставкою 6 руб. 50 коп., для иногородныхъ съ пересылкою—**СЕМЬ** руб., за границу—**ДЕВЯТЬ** руб. Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 годы, по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ВЪ 1896 Г.

Приступая къ редактированію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», князь **Э. Э. Ухтомскій** считаетъ необходимымъ заявить, что онъ будетъ относиться къ своей **совершенно самостоятельной задачѣ** безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и партійныхъ чувствъ. Задача газеты — служить по мѣрѣ силъ выраженіемъ запросовъ и истинныхъ нуждъ государственной, общественной и народной жизни, черпая данныя для того въ постоянномъ общеніи съ людьми положительнаго идеала. Редакція намѣрена давать возможно полный критическій обзоръ религіозной и литературно-художественной жизни Запада во всѣхъ ея существенныхъ проявленіяхъ, но наряду съ тѣмъ особенно выяснять значеніе и необходимость русскаго поступательнаго движенія въ Азіи, гдѣ наше грядущее главенство должно быть разсматриваемо какъ просвѣтительно-историческая миссія. «С.-Петербургскія Вѣдомости» будутъ открыты всему трезвому и гуманному, выше всего ставя вопросы о благѣ, достоинствѣ и величіи Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій				Съ казенными прибавл.	
	на годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ	6 мѣс.
Безъ доставки.	14 р.	8 р.	4 р. — к.	1 р. 50 к.	16 р.	9 р.
Съ достав. по гор. почтѣ.	16 »	9 »	4 » 50 »	1 » 80 »	18 »	10 »
Съ пересылкою иногород.	17 »	10 »	5 » 50 »	2 » — »	19 »	11 »
За границу	26 »	14 »	8 » — »	3 » — »	28 »	16 »

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ князя Э. Э. Ухтомскаго, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель **Князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій.**

Туда же можно обращаться за роскошнымъ иллюстрированнымъ изданіемъ сочиненія князя **Э. Э. Ухтомскаго. «Путешествіе на Востокъ нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА».** Цѣна каждой изъ 4 отпечатанныхъ брошюрованныхъ частей—**6** руб. За каждыя 2 части въ общемъ переплетѣ—**16** руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896-й ГОДЪ.

Годъ XXXVIII. — САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ — Годъ XXXVIII.

политическій, литетатурно-художественный и сатирическій съ каррикатурами

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ".

Подписная цѣна на журналъ «Развлеченіе»
съ доставкой и пересылкой

НА ГОДЪ 6 Р., НА ПОЛГОДА 3 Р.

Пробный нумеръ высылается за три семикопѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ журнала «Развлеченіе»: на Страстной площ., въ домѣ Чижова; а также въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

За исправную доставку журнала Контора отвѣчаетъ только предъ лицами, приславшими деньги непосредственно на имя редакціи журнала.

Адресовать: Москва, журналу „Развлеченіе".

Редакторъ Н. Соѣдовъ.

7-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 ГОДЪ на 7-й годъ изданія.

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ,

ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще *новостей* по *всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.*

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входитъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзно-дорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электро-техника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, практическіе совѣты, испытанные составы и т. д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія; приложенія: чертежи, книги, брошюры спеціальнаго характера.

Въ предстоящемъ 1896 г. предположено редакціей дать на страницахъ журнала возможно болѣе мѣста описанію «Всероссійской Промышленной и Художественной выставки въ Нижнемъ Новгородѣ».

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. по 16 р. Пробные №№ высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Допускается разсрочка. — 16 руб. въ годъ съ перес. и дост., за 1/2 года — 9 руб. — Учащимся — скидка въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., д. № 71.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. К. А. Казначеевъ.

Редакторы: Инж.-Техн. А. М. Кудрявцевъ. Мех.-Стр. А. М. Сюзевъ.

Вышла (5-я) ноябрьская книга журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ".

Содержаніе: **Корелинъ.** Этическій трактатъ Лоренцо Валлы «Объ удовольствіи и объ истинномъ благѣ.— **А. А. Козловъ.** Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ.—**Н. Я. Гротъ.** Основанія экспериментальной психологіи.—**Л. М. Лопатинъ.** Явленіе и сущность въ жизни сознанія.—**Влад. С. Соловьевъ.** Безусловное начало нравственности.—**Л. Е. Оболенскій.** Попытка научнаго примиренія моральныхъ разногласій.—Отрицатели морали.— **В. А. Гольцовъ.** Памяти Гуго Гроція.—**О. А. Зеленогорскій.** Ив. Г. Шадъ.—**М. А. Б-чъ.** По поводу статьи г. Козлова: Анализъ послѣдняго произведенія гр. Л. Н. Толстого: «Хозяинъ и работникъ».—**Критика и библіографія.—Психологическое общество.—Извѣстія, замѣтки** и проч.

Открыта подписка на 1896 г. (VII г. изд.):

На годъ безъ доставки—6 р., съ доставкой—6 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся, сельскіе учители и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а на льготныхъ условіяхъ—только въ конторѣ журнала **Москва.** Большая Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія:

1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики.—2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ.—3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ).—4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.).—5) Телеграммы.—6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной).—7) Корреспонденціи.—8) Новости науки, литературы и искусства.—9) Театръ и музыка.—10) Внутреннія извѣстія.—11) Земская и городская хроника.—12) Внѣшнія извѣстія.—13) Судебный отдѣлъ.—14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.).—15) Библіографическія замѣтки.—16) Смѣсь.—17) Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ «Харьк. Вѣд.».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ пересылкой	10 —	9 50	9 —	8 —	7 —	6 20
Съ доставкою въ Харьковѣ	9 25	8 50	8 —	7 —	6 50	5 50
Безъ доставки	8 25	8 —	7 50	6 50	6 —	5 25
	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ пересылкой	5 75	5 —	4 —	3 —	2 10	1 20
Съ доставкою въ Харьков	5 —	4 —	3 50	2 50	2 —	1 —
Безъ доставки	4 50	3 75	3 —	2 25	1 50	— 80

VI г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ **VI г. изд.**

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ ВЪ ОБЛАСТИ ПИТАНІЯ и ДОМОВОДСТВА.

Безъ доставки: на годъ. **2 р.** на полгода. 1 руб. 25 коп.

НАША ПИЩА

Съ доставкой: на годъ **3 р.** на полгода 1 руб. 50 коп.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, №№ въ два листа.

Кромѣ прежнихъ сотрудниковъ, **въ 1896 г. примутъ участіе въ журналѣ** проф. А. Я. Данилевскій, проф. Д. Н. Коноваловъ, проф. С. А. Пржибытекъ, проф. Пр. Скворцовъ, проф. И. Р. Тархановъ, М. Г. Кривошлыкъ, П. А. Галенковскій и др.

Изданіе за годъ разошлось все. Имѣющіеся еще экз. за II годъ (съ Апр. 1892 до Янв. 1893—18 нумеровъ)—2 р. съ перес.—Полные экз. изданія за III г. съ Янв. 1893 до Янв. 1894 (24 номера)—2 р. 50 к. безъ перес., съ пересылкой 3 рубля за IV., (съ 12 по 24 ном.)—1 р. 50 к. съ перес.: за V годъ съ Янв. 1895 до Янв. 1896 г. (24 ном.—2 р. безъ перес., 2 р. 50 к. съ перес.).

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Казанская площадь, д. 3.

„ТАМБОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ"

будутъ издаваться въ 1896 году по слѣдующей программѣ:

1. ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ:

Дѣйствія правительства, распоряженія губернскаго начальства и объявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

2. ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ:

а) Правительственныя распоряженія и новыя узаконенія, придворныя извѣстія, статьи (руководящія) о предметахъ внутренняго управленія и политики, о выдающихся потребностяхъ мѣстной общественной жизни, по вопросамъ городскаго благоустройства и земскаго хозяйства въ губерніи, телеграммы (собственныхъ корреспондентовъ и россійскаго телеграфнаго агентства.

Газета будетъ выходить, попрежнему, три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за включеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ОБА ОТДѢЛА ВМѢСТѢ, съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—6 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—1 р.

НА ОДИНЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ, съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ—4 р. 20 к., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ—60 коп.

Для сельскаго духовенства и учителей народныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ газета (отдѣлъ неоффиціальный) будетъ высылаться за 3 руб. въ годъ съ пересылкою, при чемъ допускается разсрочка по третямъ года, съ уплатою по 1 рублю за треть года впередъ.

Сельскимъ, волостнымъ, народнымъ и училищнымъ библіотекамъ газета, по просьбѣ администраціи ихъ, высылается безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи тамбовскаго губернскаго правленія, въ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленіяхъ и у г.г. становыхъ приставовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

(ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ СЪ 15-го НОЯБРЯ 1895 г.)

изданія годъ 2-й.

„МУЗЫКА И ПѢНІЕ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ПѢНІЯ, ОДНОГОЛОСНАГО и ХОРОВОГО, ФОРТЕПІАНО и ДРУГИХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

Журналъ «МУЗЫКА и ПѢНІЕ» выходитъ ежемѣсячно тетрадями до 40 страницъ большого нотнаго формата и даетъ за самую умѣренную цѣну большое количество лучшихъ музыкальныхъ произведеній.

Въ портфелѣ редакціи въ настоящее время имѣются новѣйшія произведенія слѣдующихъ знаменитыхъ композиторовъ: Бера, Бома, Верди, Годара, Делиба, Ганна, Геншальса, Грига, Гуно, Ивановича, Кафка, Купера, Ланге, Леончавало, Лакомба, Массе, Массенэ, Масканьи, Падеревскаго, Сенъ-Санса, Смита, Страуса, Фольштедта, Шабріэ, Шаминада, Ядассона и др.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки 4 р., съ дост. и пересылкой 5 р. Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 1 р. и затѣмъ уплачивается по 1 р. по полученіи двухъ нумеровъ журнала до полной уплаты подписной суммы. Иногородные, выславшіе при подпискѣ 1 р., уплачиваются 2-й рубль по полученіи № 1-го.

Казенныя учебныя заведенія, правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ чрезъ свои канцеляріи.

Подписка принимается въ главной конторѣ: С.-Петербургъ, Садовая, № 22, прот. гостинаго двора, при книжномъ и музыкальн. магазинѣ П. К. Селиверстова (магазинъ высылаетъ всѣ книги и ноты, кѣмъ бы то ни было изданныя); въ Москвѣ: Контора Н. Печковской, Петровскія линіи, безъ доставки 4 р. 50 к., съ разсрочкою на 4 взноса. Въ Кіевѣ у В. М. Кирѣева книжный магазинъ, уг. Крещатика и Фундуклѣевской ул. и кіоски. Въ Ростовѣ на Дону: Газетное Агентство и во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель П. К. Селиверстовъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
НА 1896 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ Ѳ. Мищенко.

Открыта подписка на 1896 г.

Въ **1896**-мъ году ежемѣсячный журналъ

„БИБЛІОТЕКА ВРАЧА“

будетъ выходить, въ объемѣ не менѣе двадцати листовъ въ мѣсяцъ при участіи гг. профессоровъ:

В. Ф. Грубе, С. С. Корсакова, Л. Л. Левшина, И. И. Нейдинга, А. А. Остроумова, А. И. Поспѣлова, В. М. Тарновскаго, В. А. Тихомирова, Н. Ѳ. Филатова, А. Б. Фохта и Ѳ. Ѳ. Эрисмана.

I. Въ отдѣлѣ «Оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій» редакція будетъ помѣщать, кромѣ оригинальныхъ статей, новѣйшія западно-европейскія руководства, монографіи и лекціи,—по всѣмъ отраслямъ медицины, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду практическія потребности врачей.

II. **Рефераты.** Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ и будетъ заключать въ себѣ сжатое изложеніе текущей литературы и отчеты спеціальныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ.

III. **Обзоры.** Кромѣ «Обозрѣній» и «Вопросовъ современной медицины», редакція предполагаетъ включить сюда обсужденіе вопросовъ врачебнаго быта и выдающихся явленій врачебной жизни.

IV. **Новыя книги.** Критическій разборъ важнѣйшихъ сочиненій и монографій, русскихъ и иностранныхъ.

V. Труды московскихъ ученыхъ обществъ.

VI. Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ** въ годъ (за границу 12 р.). Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, остальные къ 1-му мая.

Полные экземпляры журнала за 1894 и 1895 г. продаются по 10 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва, Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной).

Издатель А. А. Карцевъ. Редакторъ Д. П. Дубелиръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

НА

САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Газета ставитъ своею задачей быть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще разныхъ сторонъ русской общественной жизни.

Въ «Самарской Газетѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Я. В. Абрамовъ, Аргунинъ, Н. П. Ашешовъ, А. П. Барановъ, А. Л. Бостромъ, Е. А. Буланина, Е. Ф. Волковъ, М. Горькій, (А. М. Пѣшковъ), С. Гусевъ (Слово Глаголь), Д. Я. Давыдовъ, П. И. Добротворскій, В. Е. Ермиловъ, Е. М. Ещинъ, профессоръ П. П. Загоскинъ, Юл. Зейдеръ, Ивановичъ, В. Г. Короленко, д-ръ П. П. Крыловъ, А. Любичъ-Лозинскій. Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Н. Миролюбовъ, М. Л. Песисъ, В. Н. Полякъ, А. П. Подосенова, А. А. Селецкій, А. Хирьяковъ (Дужанъ), І. Хламида, А. Н. Ульяновъ, А. Уманьскій (А. Дробышевскій), В. Е. Чешихинъ (Созерцатель), др. С. О. Ярошевскій и др.

Подписная цѣна для иногородныхъ: На 12 мѣсяцевъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—3 руб. 50 коп. на 3 мѣсяца—2 руб. и на 1 мѣсяцъ—70 коп.

Иногородние адресуются: Самара, редакція «Самарской Газеты».

За редактора—издатель С. И. Костеринъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1896** Г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XI-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

5 р. безъ дост. 6 р. съ достав. и пересылкою Заграницу 10 р.

ЗВѢЗДА

РАЗСРОЧКА: при подп.—2 р. къ 1 апрѣля—2 р. и къ 1 іюля ост.

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Журналъ «ЗВѢЗДА», вступая въ одиннадцатый годъ своего существованія, съ 1-го ноября издается при новомъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

Въ литературномъ отдѣлѣ: М. П. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, Н. П. Вагнеръ (Котъ-Мурлыка), Г. К. Градовскій, П. П. Каразинъ, А. А. Кориѳскій, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. С. Мережковскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. П. Острогорскій, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, М. П. Пыляевъ, А. М. Скабичевскій, С. А. Сафоновъ, В. А. Тихановъ, В. Э. Фирсовъ, К. М. Фофановъ, О. Н. Чюмина, І. І. Ясинскій и др.

Въ художеств. отдѣлѣ: проф. А. П. Бенуа, М. М. Далькевичъ, А. С. Егоровъ, Н. Н. Каразинъ, В. П. Навозовъ, А. А. Писемскій, С. С. Соломко, Е. П. Самокишъ-Судковская, К. К. Первухинъ, В. П. Овсянниковъ, проф. А. О. Шарлеманъ. А. А. Чикинъ и др.

Въ 1896 г. редакція журнала «ЗВѢЗДА» дастъ своимъ подписчикамъ:

52 еженедѣльныхъ №№, каждый въ 24 страницы съ роскошными ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

12 книгъ ежемѣсячнаго ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА. Каждая книга не менѣе десяти печатныхъ листовъ.

12 №№ модн. журнала дающ. до 500 рис. съ ДВѢНАДЦАТЬЮ лист. выкроекъ, узоровъ и календаря на 1896 г.

Предстоящія важнѣйшія событія русской жизни.

1) СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ,

2) ВСЕРОССІЙСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ

будутъ предметомъ особыхъ заботъ новой редакціи журнала «ЗВѢЗДА», съ какою цѣлью ко времени предстоящихъ событій будутъ командированы въ Москву и Нижній-Новгородъ спеціальные корреспонденты и художники.

12 КНИГЪ ПРИЛОЖЕНІЙ будутъ заключать: 1) **пять** новѣйшихъ, еще не появлявшихся въ отдѣльныхъ изданіяхъ, произведеній лучшихъ современныхъ беллетристовъ: К. С. Баранцевича, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Я. Свѣтлова, И. Н. Потапенко и В. О. Михневича; 2) **пять** произведеній знаменитѣйшихъ европейскихъ писателей: Виктора Гюго, Георга Эберса, Верпера, Киплинга и Бульверъ-Литтона; 3) собраніе новѣйшихъ произведеній скандинавскихъ писателей: А. Стриндберга, Э. Альгрена, Л. Диллинга, Эдгара Лефлера, Бьернстьерне-Бьернсона, А. Киллянда и Сигурда; 4) собраніе **послѣднихъ произведеній гр. Льва Толстого.**

Завѣдываетъ художественнымъ отдѣломъ **В. П. Овсянниковъ.**

Редакторъ П. В. Голяховскій. Издатель А. И. Павловъ.

Редакція и контора журнала «ЗВѢЗДА»: С.-Петербургъ, Караванная ул., д. № 18.

Открыта подписка на 1896 годъ

(пятнадцатый годъ изданія)

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характерическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библіографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ біографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. Б. Антоновича. А. А. Андріевскаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивлицкаго, Ѳ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскоронскаго, проф. Ѳ. Г. Мищенка, Н.В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѳ. Д. Николайчика, проф. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки. А. А. Русова, проф. Н. Ѳ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, А. Б. Стороженка. А. І. Степовича, В. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. Ѳ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, В. Н. Ястребова и др.

Цѣна за годовое изданіе: на годъ съ пересылкой и доставкой. 10 руб., безъ доставки и пересылки 8 руб. 50 коп., за границу 12 руб. Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. М. Гамалѣй.* Редакторъ *В. П. Науменко.*

Принимается подписка на 1896 годъ

(ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.

50 №№ ВЪ ГОДЪ. ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к. Лица, подписавшіяся не менѣе какъ на годъ, со дня подписки по 1-е января 1895 г. получаютъ газету безплатно. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету по уменьшенной цѣнѣ, имянно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, домъ № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ. Редакторъ П. Н. Галинъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ
БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ
ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

Лица, принимающія постоянное, фактическое (а не фиктивное) участіе въ ней: П. В. Безобразовъ (быв. профессоръ Императорскаго Московскаго университета), Н. И. Борисовъ, И. Е. Булгаковъ, М. И. Британъ, А. Я. Безчинскій, А. К. Гермоніусъ (Финнъ), С. Т. Герцо-Виноградскій (Баронъ Икскъ), И. Т. Герцо-Виноградскій, М. П. Гольденбергъ, Надежда Глинсбергъ, П. Д. Гроссулъ-Толстой, В. М. Дорошевичъ, К. А. Дешкинъ, І. Захаровъ, П. Кузьменко, С. Б. Лазаровичъ, В. Я. Лучинскій, Ольга Лурье, Ѳ. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, А. С. Попандопуло, Д. П. Пиленко, Е. Л. Рекало. М. Ф. Ставраки, А. А. Сантагано-Горчакова, Н. Н. Тезяковъ, Г. В. Ѳедоровъ, Д. В. Ѳедоровъ, В. В. Чуйко, Я. Л. Чертокъ, А. А. Цѣновскій. И. В. Шкловскій (Діонео), А. А. Ярошко и др.

На 1896 годъ въ портфелѣ редакціи уже имѣются слѣдующіе разсказы извѣстнаго журналиста, пишущаго подъ псевдонимомъ «ДЯДИ ВЛАСА»: 1) «Старая гвардія», 2) «Умирающая газета». 3) «Легенда о происхожденіи одесситки», 4) «Кумиръ», 5) «Знаменитости» 6) «Передовая статья», 7) «Мужъ царицы (изъ закулисныхъ типовъ)», 8) «Мужья», 9) «Проданный выстрѣлъ», 10) «Гладіаторъ», а также разсказы и повѣсти многихъ др. авторовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ СЪ ПРАВОМЪ БЕЗПЛАТНАГО ЧТЕНІЯ всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ. получаемыхъ въ кабинетѣ для чтенія:

ВЪ ГОРОДѢ съ доставкою на домъ: 10 руб. на годъ, 6 руб. полгода, 3 руб. 50 коп. три мѣсяца, 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ.

НА ГОРОДА съ ежедневною высылкою по почтѣ: 12 руб. въ годъ, 7 руб. полгода, 3 руб. 80 коп. три мѣсяца, 1 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ.

Контора редакціи „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“

ВЪ ОДЕССѢ, въ домѣ редактора-издателя „Одесскаго Листка“ В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-Издатель В. В. Навроцкій.

XVIII годъ изданія ◆ О ПОДПИСКѢ ◆ XVIII годъ изданія

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ пересс. и дост.:
На годъ. . . . . 7 руб.
На 6 мѣсяцевъ. . 4 »
За границу . . . 10 »
Разсрочка по соглашенію съ конторою.

„ШУТЪ“

НА 1896 ГОДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ пер. и дост.:
На годъ. . . . 6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ. 3 » 50 »

Адресъ редакціи: Спасск., 17.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ «ШУТЪ» ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе **ТРЕХСОТЪ** раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіи).
Болѣе **ТЫСЯЧИ** карикатуръ—Перомъ и карандашемъ.
Не менѣе **СЕМИ СОТЪ** столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста.
ТЫСЯЧИ стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п.
КАРИКАТУРЫ - рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ.
КАРИКАТУРЫ на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п.
ПОРТРЕТЫ выдающихся дѣятелей.

Въ каждомъ № журнала въ теченіе года, будетъ печататься.

„ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ“.

Ожидаемое на предстоящій годъ баснословное количество подписчиковъ заставляетъ редакцію „ШУТЪ“, не щадя издержекъ и не возвышая подписной платы, отказаться отъ выдачи безплатной преміи въ 1896 году.

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

12. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Агрономія. Источники азота.—Основной и оборотный капиталъ почвы.—Превращеніе азота въ почвахъ.—Усвоеніе бобовыми атмосфернаго азота. Процессы аммонизаціи и нитрификаціи.—Почвенныя бактеріи и нитромонады.—Процентное содержаніе азота въ перегноѣ и кислотность почвъ.—Раціональное пользованіе нитрификаціей.—Значеніе обработки почвы.—Прививки азото-усвояющихъ бактерій почвѣ. Н. Э. . . . . 57—71

13. **НОВЫЯ КНИГИ:** О. Петерсонъ. Семейство Бронте.—Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Перев. подъ редакціей П. И. Вейнберга. Вып. 1—3.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга девятая. Спб. 1895.—Гусли звончаты. Пѣсни, были и разныя стихотворенія Н. А. Панова. [Спб. 1896 г.—В. К. Агафоновъ. Настоящее и прошлое земли. Спб. 1895 г.—Шевченко-Красногорскій. По Волгѣ и Каспію.—Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна за 1880—1893 г. Составилъ Ст. Гулишамбаровъ. Спб. 1895 г.—Д. П. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 1895 г.—Русская школа. Училищевѣдѣніе. Педагогика. Методика. Составилъ директоръ народныхъ училищъ Тульской губерніи М. Т. Яблочковъ. Тула. 1895 г. . . . . 72—90

14. ВЪ ОБЛАСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ. Л. О. . . . . 91—111

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I. Интересы дня. Поселяне-художники: скульпторъ Шапю и живописецъ Бретонъ.—Смерть Александра Дюма.—Независимая рабочая партія въ Англіи.—Христіанскіе соціалисты, соціалъ-демократы и фабіанцы.—Богатства Сѣв.-Американскихъ Штатовъ и свадьба герцога Мальборо. 112—123

II. Между журналами и газетами. . . . . 123—139

16. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ 140

Земство и города. Я. Абрамова . . . . . 141—150

Школьный вопросъ на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ Нижегородской губерніи. А. Штевенъ. . . . . 150—162

Изъ юридической области. Казуистика крестьянскаго земельнаго права.—Давность и ея значеніе.—Примѣняется-ли давность къ крестьянской надѣльной землѣ?—Давность въ сферѣ: 1) мірского владѣнія и 2) подворнаго владѣнія.—Помѣщичій сервитутъ въ предѣлахъ крестьянской усадебной осѣдлости.—Уничтоженіе послѣдняго остатка временно-обязанныхъ отношеній. Д. Л. . . . . 162—178

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ. Н. Х.—Письмо изъ Кіева.—Изъ Тамбова. В. Чернова.—Изъ Саратова. Я. Бур—ка.—Выборгъ. Вл. Беренштама.—По поводу внутреннихъ вопросовъ. С. К. . . . . 170—210

ОВО ВСЕМЪ. Варанчука . . . . . 217—228

17. ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ Комиссіи Спб. Комитета грамотности.

18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

За редактора А. Н. Поповъ. Издательница О. Н. Попова.

„НОВОЕ СЛОВО“

ЖУРНАЛЪ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Журналъ «**НОВОЕ СЛОВО**» будетъ выходить подъ **новой редакціею** и при **новомъ составѣ сотрудниковъ.**

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «**НОВОЕ СЛОВО**» поставило себѣ **цѣлью** обратить особенное **вниманіе на запросы и нужды провинціи**, съ которою желательна **живая связь**. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни**. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще «**письма изъ провинціи**».

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, редакція желаетъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы** (Е. С. и С. А.) и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ которой начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «**НОВОЕ СЛОВО**» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р.	— к.
„ „ безъ пересылки „	9 „	— „
„ „ „ „ на полгода	5 „	— „
„ „ „ „ на три мѣсяца . .	2 „	50 „

Годовые подписчики „**НОВАГО СЛОВА**“ 1895 г., получивъ въ счетъ подписки **три первыя книжки** журнала (октябрь, ноябрь и декабрь), вносятъ за 1896 г., къ 1-му января, 7 р. 50 к.

Адресъ **конторы редакціи**: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, „**Библіотека Черкесова**“.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24).

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ **выборѣ и выпискѣ книгъ**, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ.

За редактора **А. Н. Поповъ.** Издательница **О. Н. Попова.**